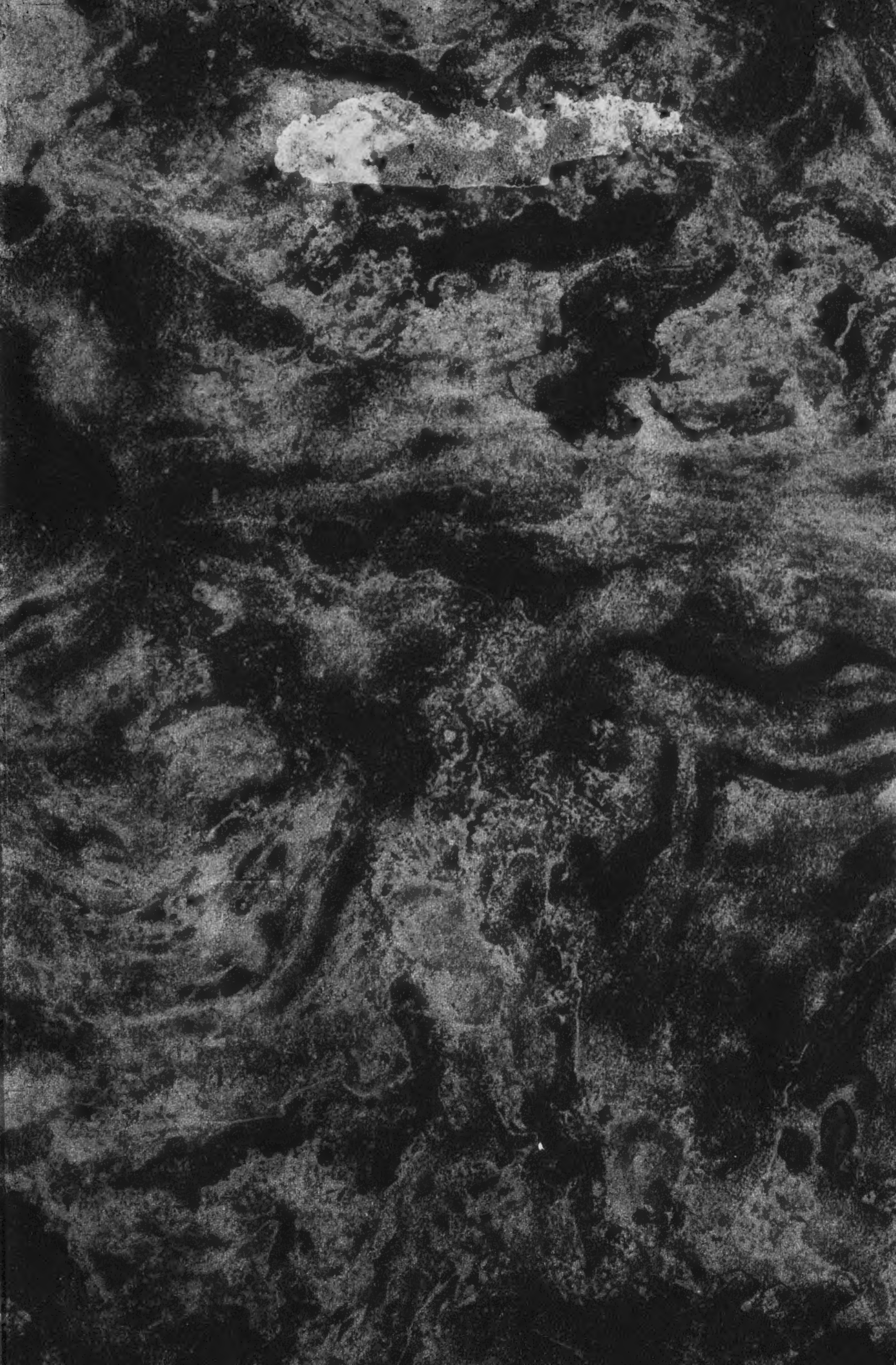
ОТ ТЮРЕМ К ВОСПИТАТЕЛЬНЫМ УЧРЕЖДЕНИЯМ

ОГИЗ
СОВЕТСКОЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
1934

ИНСТИТУТ УГОЛОВНОЙ И ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ ПОЛИТИКИ
ПРИ ПРОКУРАТУРЕ СССР и НКЮ РСФСР

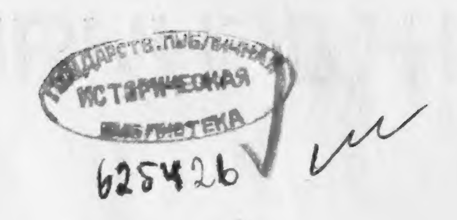
ОТ ТЮРЕМ К ВОСПИТАТЕЛЬНЫМ УЧРЕЖДЕНИЯМ

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
А. Я. ВЫШИНСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1934

Сборник составлен при участии и по материалам всех союзных республик

В редактировании сборника принимали участие:

И. А. Апетер
Я. Л. Берман
Г. И. Волков
А. Я. Вышинский
Г. К. Рогинский
А. Ф. Шестакова
А. С. Шляпочников
А. Я. Эстрин

ТОМ ПЕРВЫЙ

ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВАЯ ПОЛИТИКА СССР

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник статей «От тюрем к воспитательным учреждениям» представляет собою попытку дать изложение основных принципов организации исправительно-трудовых учреждений Советского союза и характеристику их работы за 16 лет пролетарской революции.

Этот сборник представляет собою попытку подвести итоги этого единственного в мире, имеющего подлинное всемирно-историческое значение процесса создания на развалинах старой, дворянско-полицейской и буржуазной системы тюрем — этих «мертвых домов», построенных эксплоататорами для трудящихся, — новых учреждений, принципиально иных, с новыми задачами и новым социальным содержанием, своеобразными, свойственными только этим учреждениям способами и методами,— преследующих цели борьбы за новое социалистическое общество.

Пролетарская революция, разгромившая всю систему учреждений буржуазного государства, и среди них систему буржуазной юстиции с такими ее придатками, как тюрьма, каторга и ссылка, разрушившая до основания все эти учреждения капиталистической эксплоатации, не могла, однако, отказаться от использования государства как органа осуществления классовых интересов пролетариата.

Государство необходимо пролетариату прежде всего в интересах подавления врагов рабочего класса, врагов социалистического строительства. Переход к коммунистическому обществу требует всемерного использования государства, призванного играть в руках пролетариата роль могучего оружия против его классовых врагов. Государство не может исчезнуть, пока сохраняются хотя бы остатки умирающих паразитических классов, пока сохраняются классы вообще. «При *переходе* от капитализма к коммунизму — писал Ленин — подавление *еще* необходимо, но уже подавление меньшинства

эксплоататоров большинством эксплоатируемых. Особый аппарат, особая машина для подавления — «государство» *еще* необходимо, но это уже переходное государство, это уже не государство в собственном смысле, ибо подавление меньшинства эксплоататоров большинством *вчерашних* наемных рабов дело настолько сравнительно легкое, простое и естественное, что оно будет стоить гораздо меньше крови, чем подавление восстаний рабов, крепостных, наемных рабочих, что оно обойдется человечеству гораздо дешевле». Это не государство уже в старом буржуазном смысле слова, это государство — принципиально отличное от буржуазного государства, отличающееся новым политическим и социальным содержанием. Это государство — это особая форма диктатуры пролетариата; без такого государства пролетариат не может обойтись ни сейчас, ни в течение еще, вероятно, длительного периода времени, такого времени, какое точно определить невозможно, но которое определяется сроками, в течение которых «люди постепенно *привыкнут* к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без подчинения, *без особого аппарата* для принуждения, который называется государством» (Ленин, «Государство и революция»).

В исторической перспективе неизбежно отмирание пролетарского государства, но к отмиранию государства мы можем притти лишь через «высшее развитие государственной власти» (Сталин). Этого не понимают, или делают вид, что не понимают, оппортунисты всех мастей, представляющие себе дело таким образом, что уже теперь в своей практической работе можно исходить из перспективы отмирания государства, что уже теперь можно установить свое отношение к враждебным пролетариату классам или их остаткам с точки зрения обреченности государства на историческое уничтожение.

Особый вред оппортунистических теорий по этому вопросу, переплетающихся с теорией «мирного врастания» кулачества в социализм и «потухающей кривой сопротивления умирающих капиталистических классов», заключается главнейшим образом в том, что эти «теории» демобилизуют общественное мнение, вносят дезорганизацию в ряды борцов за социализм, в ряды строителей социалистического общества. Как двурушников и перерожденцев клеймил на январском пленуме ЦК и ЦКК т. Сталин тех, кто понял «тезис об уничтожении классов, создании бесклассового общества и отмирании государства, как оправдание лени и благодушия, оправдание контрреволюционной теории потухания классовой борьбы и ослабления государственной власти».

Разоблачая правых оппортунистов, т. Сталин говорил: «Уничтожение классов достигается не путем потухания классовой борьбы, а путем ее усиления. Отмирание государства придет не через ослабление государственной власти, а через ее максимальное усиление»...

Вот почему, обрисовывая наши сегодняшние задачи, т. Сталин добавлял: «Сильная и мощная диктатура пролетариата — вот что нам нужно теперь для того, чтобы развеять в прах последние остатки умирающих классов и разбить их воровские махинации». Вот почему о максимальном укреплении пролетарской диктатуры и, следовательно, таких ее органов как исправительно-трудовые учреждения должна итти речь на данном этапе социалистического строительства.

В системе органов пролетарской диктатуры исправительно-трудовые учреждения играют большую и серьезную роль, ибо ими по существу реализуется вся судебная политика. Эти учреждения всем своим строем живых, человеческих отношений, всеми методами и способами, при помощи которых строятся эти отношения, определяют реальность или фиктивность судебного приговора, как определяют и то, в какой мере достигают своей реальной цели задачи, поставленные перед этими учреждениями.

О том, что собой представляет исправительно-трудовое учреждение, как в этом учреждении строится вся его жизнь, какие формы воздействия применяются в нем, какие получаются результаты всей работы этого учреждения — от всего этого в первую очередь и больше всего зависит, будет ли, и в какой мере, осуществлена задача, стоящая перед судом в момент вынесения по каждому конкретному делу судебного приговора. Вот почему исправительно-трудовая политика является такою частью уголовной политики, которая, определяясь содержанием и направлением уголовной политики, сама определяет в известной мере реальность и значение этой уголовной политики.

При самой последовательной и отвечающей интересам пролетарского государства судебной политике, находящей свое отражение в судебных приговорах, ее значение может быть извращено или сведено на-нет недостатками, ошибками или извращениями в практике исправительно-трудовых учреждений.

Вот почему совершенно правильно настоящий сборник открывается статьей тт. Эстрина и Трахтерева, посвященной вопросам уголовной и исправительно-трудовой политики в их органической связи и трактующей вопросы исторического развития исправительно-трудовой политики, особенно интересующей нас в настоящем сборнике, именно в связи с историей развития нашей уголовной политики.

В области исправительно-трудовой политики перед пролетарским государством стоит «двуединая» задача подавления сопротивления делу социализма со стороны классового врага и его агентуры и задача воспитательного воздействия, с одной стороны, на неустойчивые элементы из среды трудящихся, вступивших на путь преступления, и с другой, на те элементы из враждебной пролетариату среды, которые оказываются в состоянии воспринять воспитательное влияние исправительно-трудовых учреждений и в результате этого воздействия стать в ряды трудящихся.

Исправительно-трудовые учреждения, как и новый суд, который, как говорил Ленин, нужен был прежде всего для борьбы против эксплоататоров, но на который кроме того ложится и другая более важная задача — обеспечить строжайшее проведение дисциплины и самодисциплины трудящихся, имеют перед собой те же задачи: подавлять и воспитывать. В статье «Как организовать соревнование?», говоря об успехах практического учета и контроля за богатыми, жуликами и тунеядцами, Ленин указывал на тысячи форм и способов такого контроля, подчеркивая, что «разнообразие здесь есть ручательство жизненности, порука успеха в достижении общей единой цели: *очистки* земли российской от всяких вредных насекомых...».

Исправительно-трудовая политика должна отражать собой все многообразие и всю гибкость способов и форм борьбы со «всякими вредными насекомыми». В этой гибкости исправительно-трудовой системы, в разнообразии методов и способов работы ее учреждений коренится основная гарантия успеха в разрешении труднейших задач, поставленных перед исправительно-трудовой системой в переходный период от капитализма к коммунизму, в эпоху непосредственного строительства социалистического общества.

Отличительной чертой диктатуры пролетариата является соединение подавления и насилия с убеждением и воспитанием. Ленин и Сталин неоднократно подчеркивают, что насилие, составляющее необходимый элемент диктатуры пролетариата, служит лишь вспомогательным, а не главным средством ее осуществления. Главное в диктатуре рабочего класса — и в этом ее коренное отличие от диктатуры эксплоататорских классов — заключается в том, что наряду с насилием пролетарская диктатура пользуется культурно-воспитательными средствами в качестве исполинской силы своего воздействия на людей и в качестве могущественнейшего фактора как переделки общественных отношений, так и переделки самих людей.

Говоря о трех сторонах диктатуры пролетариата и подчеркивая

различные формы, методы и периоды в развитии диктатуры пролетариата, т. Сталин указывал на то, что в известный период диктатуры пролетариата выступает вперед мирная, организаторская, культурная работа диктатуры пролетариата, чем, конечно, не исключается необходимость применения к классовому врагу и его политической агентуре мер жесткого подавления их сопротивления. Это отличительное свойство пролетарской диктатуры — культурно воздействовать на окружающих и воспитывать людей к дисциплине, перевоспитывать их, переделывать их сознание, выковывать из них стойких и последовательных участников социалистического строительства — характеризует и такие органы пролетарского государства как советская юстиция и советская исправительно-трудовая система.

В отличие от буржуазной юстиции и буржуазных тюрем, представляющих собой одно лишь голое насилие по отношению к трудящимся, советская юстиция и советское исправительно-трудовое дело базируются на системе мероприятий не только насильственного порядка, но и воспитательного, культурного воздействия, в известных условиях распространяющего свое влияние даже на представителей чуждых пролетариату классов. Буржуазная тюрьма и исправительно-трудовое учреждение советского государства — принципиально противоположные, принципиально различные явления и понятия.

Советская система исправительно-трудовых учреждений, несмотря на все имеющиеся еще в ней крупные недочеты и недостатки, полностью оправдывает свое название: она — действительно исправительная и подлинно трудовая.

Буржуазная же пенитенциарная система не является ни исправительной, ни трудовой. Она покоится на принципе обезличения человека, уничтожения его личности, уничтожения его воли, растления его сознания. Буржуазная пенитенциарная система покоится на тех же принципах и действует в отношении трудящихся теми же методами, что и все буржуазное общество.

Буржуазия в отношении рабочих совершает ежедневно и ежечасно «социальное убийство». Она «ставит пролетариев в такое положение, что они неизбежно обречены на преждевременную, неестественную смерть, на смерть, столь же насильственную, как смерть от меча или пули» (Энгельс). Буржуазия истребляет рабочий класс физически, интеллектуально и морально.

«Власть имущий класс оставляет без внимания рабочих не только в отношении физическом и интеллектуальном, но и в моральном. Единственный аргумент, к которому буржуазия прибегает против них, ког-

да они ей слишком наступают на ногу, есть закон; как к неразумному скоту, к ним применяют только одно воспитательное средство — кнут, грубую, не убеждающую, но устрашающую силу»...

Так характеризует Энгельс в своей работе «Положение рабочего класса в Англии» политику буржуазии по отношению к рабочему классу. Нужно ли удивляться, что таким же духом проникнута и буржуазная пенитенциарная политика, представляющая собой квинтэссенцию надругательства над человеком!

Чтобы понять всю бездну противоположности между буржуазной пенитенциарной системой и исправительно-трудовой системой пролетарского государства, лучше всего указать на пример Беломорско-Балтийского канала, воспитавшего десятки тысяч активных участников социалистической стройки, воспитавшего ударников и энтузиастов из числа преступников, запятнанных в прошлом контрреволюционными посягательствами на советскую власть, вредительством, расхищением общественной собственности, грабежом и бандитизмом.

Беломорско-Балтийский канал — живая иллюстрация того, что собою представляют принципы советской исправительно-трудовой системы, с которыми не могут итти ни в какое сравнение все самые «совершенные», самые «гуманные», самые «культурные» тюремные изобретения и новшества любого буржуазного государства.

Изложению того, как и какими путями шла советская исправительно-трудовая система к результатам, нашедшим в Беломорском канале наиболее яркое свое выражение, ежедневно воспроизводимых в тысячах и тысячах дел, творящихся в исправительно-трудовых учреждениях, и посвящен настоящий сборник.

Центральное место в этом сборнике занимает вопрос о труде, но не о том труде, который в буржуазных тюрьмах и на буржуазных галерах высушивает ум и сердце человека. В советских исправительно-трудовых учреждениях торжествует подлинный человеческий труд во всем многообразии его творчества. Этот труд в сочетании с особенностями советской власти и социалистического строительства и является тем чародеем, который из небытия и ничтожества превращает людей в героев.

И, несомненно, главный интерес сборника заключается не столько и не только в очерке теории исправительно-трудового дела, сколько в документах, относящихся к практическому строительству этой подлинно трудовой системы, выжигающей из сознания людей, содержащихся в исправительно-трудовых учреждениях, навыки и пережитки старого капиталистического строя, благодаря которым и в новых усло-

виях советской действительности облегчается возникновение в известной среде преступлений. Именно в этой стороне дела и сосредоточен основной интерес собранных в настоящем сборнике материалов. Труд определяет собой в исправительно-трудовых учреждениях советского государства все. Труд лежит в основе всего режима исправительно-трудовых учреждений. Посмотрите, как строится, не говоря уже о современных фашистских тюрьмах, режим буржуазной тюрьмы, как строился в прошлом режим царских тюрем, нашедший свое исчерпывающее отражение в знаменитом «Уставе о содержащихся под стражей»! Вы не сможете отрицать, что этот тюремный режим является режимом физического истребления врагов капиталистической системы, режимом, специально построенным в расчете на такие результаты, при которых вышедшие из тюрьмы оказываются настолько искалеченными, что не могут представлять никакой опасности для капиталистического строя.

Посвященные этому вопросу статьи тт. Кесслера и Олейника («Труд в исправительно-трудовых учреждениях СССР») и т. Утевского («Режим») дают интересный материал, полностью подтверждающий это утверждение. Советский режим представляет собою полную противоположность тому, что мы видим в буржуазной тюрьме или в тюрьме царской России. Наряду с трудовыми процессами в основе режима советских исправительно-трудовых учреждений лежит принцип *самоконтроля и самодисциплины,* провозглашенный еще в 1918 г. и с тех пор непрерывно расширяющий и укрепляющий свое значение в системе мер исправительно-трудовых учреждений.

В качестве особенно характерной черты этого режима необходимо указать на применение в условиях исправительно-трудовых учреждений принципа *самоуправления,* находящего свое выражение не только в самоокарауливании, доверяемое в известных условиях самим заключенным, но и в таком исключительно советском явлении в местах лишения свободы как товарищеские суды, как культсоветы, стенные газеты и т. д.

Интересные данные по этому вопросу содержатся в статье т. Стельмах «Органы самодеятельности в местах лишения свободы». Чрезвычайно характерна для мест лишения свободы широко развернутая в них работа культурно-просветительного характера. Нигде в мире, исключая СССР, нет и не может быть такого положения, когда в местах лишения свободы организуются и действуют профессионально-технические учебные заведения!

Максимум того, что может позволить себе буржуазная тюрьма, —

это обучение, как говорил Громан (Германия), несложным профессиям: «научить ставить заплатки, мыть полы, помогать немного садоводству, кормлению свиней, некоторым фабричным приемам». В противоположность подобного рода, с позволения сказать, «профессиональному» образованию, господствующему в буржуазных тюрьмах, в СССР даже в период военного коммунизма, при отсутствии необходимых технических и материальных предпосылок, для развития в местах лишения свободы профтехнического образования, мы имели в них агрокурсы, профтехнические курсы и т. п.

В восстановительный, а потом в реконструктивный период и особенно в период первой пятилетки, отмеченной блестящими победами в деле социалистической индустриализации СССР, профессионально-техническое образование в местах лишения свободы сильно шагнуло вперед, охватив тысячи лишенных свободы обучением различным техническим профессиям — металлистов, деревообделочников, трактористов, силикатчиков и т. д. Статья тт. Музыканта и Халецкого дает краткий но достаточно яркий очерк этого вопроса.

Интересна статья т. Стельмах, посвященная характеристике библиотечного дела в исправительно-трудовых учреждениях СССР. Показателен самый подбор книг в этих библиотеках, самый состав книжного фонда, на котором отражается характер и особенности жизни, бьющей ключом за пределами исправительно-трудового учреждения. Показательны и данные, характеризующие движение книги в исправительно-трудовых учреждениях, выявляющие интересы лишенных свободы к тем или другим отраслям знания. Эти цифры говорят о том, что политические, технические и исторические книги занимают у читателя такое же место, что и беллетристика. Они говорят о том, что наиболее популярными в среде этих читателей являются самые популярные наши писатели и что, следовательно, литературные вкусы и требования лишенных свободы стоят на достаточно высоком уровне культуры. Десятки тысяч экземпляров журналов и газет наполняют библиотеки советских исправительно-трудовых учреждений и притом, что особенно важно подчеркнуть, не «прошлогодних», а современных, текущих.

Театру, музыке, кино, радио в местах лишения свободы СССР посвящена статья т. Гриневского. Как показывает автор этой статьи, лишенные свободы пользуются у нас не только театром, кино и радио извне, но и сами сумели создать неплохие театры, в которых они своими силами участвуют как в качестве исполнителей, режиссеров, декораторов, так и в качестве авторов пьес.

О том, что собой представляют исправительно-трудовые учреждения в СССР, достаточно ярко говорят и такие явления, как *печать* в местах лишения свободы. В исправительно-трудовых учреждениях крепко вошла в быт и жизнь лишенных свободы газета, создаваемая руками самих лишенных свободы. Уже к началу 1925 г., по данным т. Шестаковой, интересная статья которой «Печать в местах лишения свободы» включена в настоящий сборник, в местах лишения свободы в СССР было 127 стенных газет, а в 1933 г. их было уже 695. В 1925 г. было выпущено типографским способом 39 600 экземпляров газет, издававшихся в местах лишения свободы, к 1932 г. количество печатных газет и их тираж значительно выросли. В 1932 г. было кроме того 15 радиогазет и 150 живых газет.

Среди газет лишенных свободы обращают на себя внимание республиканские газеты — «До праці» (Харьков) с разовым тиражом 20 тысяч экземпляров и «К трудовому общежитию» (Москва) с тиражом в 15 тысяч экземпляров.

Характерно, что широкое развитие в наших местах лишения свободы собственной печати нисколько не отражается на распространении здесь общей печати, имеющей достаточно высокие тиражи.

Нет никакого сомнения, что материал этого сборника, посвященный вопросам печати в местах лишения свободы, будет прочтен каждым с громадным интересом и в особенности в той части, которая касается самого содержания этой печати, ее тематики, тех проблем, которые затрагиваются на ее страницах, и тех решений этих проблем, которые находят свое отражение в этой печати в статьях самих лишенных свободы.

Особо надлежит обратить внимание на рост и укрепление в местах лишения свободы литературного творчества заключенных, интереснейшие образцы которого мы находим в статье т. Шестаковой. Как бы ни относиться к художественной стороне «тюремной» поэзии в местах лишения свободы, нельзя отказать ей ни в глубине переживаний, ни в яркости социальных мотивов, являющихся отражением великой социалистической стройки, идущей по всей нашей стране, мотивов, глубоко волнующих чувство читателя. Разве можно найти в какой-либо капиталистической тюрьме что-нибудь подобное высокому пафосу этой поэзии, поднятой даже в условиях отъединения от «вольной жизни» на высоту подлинно гражданских переживаний, на высоту интересов социалистического строительства, осуществляющего свое мощное творческое влияние и в стенах советских исправительно-трудовых учреждений.

Значительный интерес представляет материал сборника, относящийся к исправительно-трудовой политике в области борьбы с правонарушениями несовершеннолетних, с преступностью среди молодежи. Обстоятельная статья т. Шестаковой содержит характеристику состояния расправы буржуазных тюрьмоведов и пенитенциариев с молодежью, имеющей несчастье очутиться в буржуазной тюрьме, и дает чрезвычайно выразительный материал о сущности исправительно-воспитательных учреждений Советского союза для малолетних. Мы имеем здесь образцы новых учреждений, представляющих собою подлинную школу и выковывающих из так называемых малолетних «преступников» борцов на общем фронте социалистического строительства. ФЗУ для правонарушителей-подростков — это настоящее, ничем не отличающееся от нормальной школы учебное заведение, зарекомендовавшее себя прекрасными достижениями и нередко оспаривающее первенство по учебе и результатам своей воспитательной работы у школ наркомпросовской системы.

Было бы, конечно, ошибкой наряду с этими грандиозными, совершенно немыслимыми при капиталистическом строе достижениями советских мест лишения свободы, уже теперь далеко, далеко ушедших от старой тюрьмы по пути к воспитательным учреждениям, не видеть еще больших недостатков, нередко извращающих и уродующих их подлинное лицо советского исправительно-трудового учреждения.

«Рабочий класс, — говорил Ленин, — никогда не был отделен от старого общества китайской стеной». Пережитки и традиции капитализма живучи. Они крепко сидят в сознании отсталых слоев трудящихся. Много сил, труда, настойчивости и энергии нужно положить на искоренение этих недостатков и пережитков этих «традиций капитализма».

Ничего нет удивительного в том, что и в системе исправительно-трудовых учреждений мы здесь и там встречаемся еще с этими недостатками и извращениями. Ничего нет удивительного в том, что в отдельных случаях эти извращения тяжело бьют по самым принципам нашей исправительно-трудовой системы. Эти извращения и недостатки известны. С ними ведется беспощадная борьба. Ведется эта борьба — это чрезвычайно важно и характерно — не в меньшей мере и самими лишенными свободы, лучшими из них, оказавшимися временно вне свободного коллектива трудящихся, строящего новое социалистическое общество.

Движение ударничества и социалистического соревнования в исправительно-трудовых учреждениях, охватившее громадное количество

лишенных свободы, подняло труд лишенных свободы в СССР на громадную культурную и политическую высоту, превратив его и в условиях лишения свободы в «дело чести, в дело славы, в дело доблести и геройства».

Грандиозные перспективы второй пятилетки, начавшей поход за окончательное искоренение пережитков капитализма не только в экономике, но и в сознании людей, за превращение всего трудящегося населения СССР в активных и сознательных строителей бесклассового социалистического общества, ставят и перед исправительно-трудовой системой великую задачу завершения дальнейшего и еще более успешного движения вперед по пути превращения исправительно-трудовых учреждений в учреждения воспитательные.

Значительная часть этого великого пути пройдена. Пройдена в систематической борьбе с многочисленными и серьезными трудностями, побежденными творческими усилиями рабочего класса под руководством нашей партии и нашего великого вождя и учителя т. Сталина. Нет сомнения в том, что остальная часть пути будет пройдена с таким же успехом, и что самый процесс завершения преобразования исправительно-трудовой системы СССР в систему воспитательных учреждений ни на один шаг не отстанет от всей нашей страны в ее могучем порыве вперед, к бесклассовому социалистическому обществу...

А. Вышинский

А. Эстрин и В. Трахтерев

РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ ПОЛИТИКИ КАК ЧАСТИ СОВЕТСКОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

I

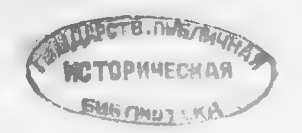
Октябрьская революция разрушила государственный аппарат буржуазии, служивший эксплоатации, угнетению и подавлению рабочего класса и всех трудящихся. Этот аппарат, и в том числе такие важные его части, как репрессивные органы, т. е. суды, органы прокуратуры, тюрьмы и т. п., могла разрушить и разрушила только пролетарская революция. Буржуазное Временное правительство, оказавшееся у власти после февраля 1917 г. и опиравшееся на поддержку мелкобуржуазных соглашательских партий, эсеров и меньшевиков, скоро прямо вступивших в это правительство (коалиция), оставило в сущности без всяких изменений дореволюционные суды и дореволюционную тюремную и вообще карательную систему. И к тюрьмам Временного правительства вполне относились слова Ленина о том, что «в западноевропейских республиках, где в тюрьмах написано «свобода, равенство и братство», тюрьмы от этого не перестают быть тюрьмами» [1].

Устанавливая свою *диктатуру*, пролетариат исходил из необходимости насильственно подавлять сопротивление классовых врагов и осуществлять, на основе убеждения масс, государственное принуждение как одно из средств классовой борьбы за построение социализма. На III конгрессе Коммунистического интернационала Ленин говорил: «Что отличает нас от анархистов в смысле принципов? Принципы коммунизма заключаются в установлении диктатуры пролетариата и в применении государственного принуждения в переходный период. Таковы принципы коммунизма, но это не его цель» [2].

Само собой разумеется, что при этом пролетариату не было основания и возможности отказываться от использования и таких форм принуждения и подавления, как лишение свободы, отбываемое в местах заключения («тюрьмах»). Ленин прямо подчеркивал, что «мы будем подавлять сопротивление имущих всеми теми средствами, которыми они подавляли пролетариат, — другие средства не изобретены» [3].

[1] Ленин, т. XX, стр. 413.
[2] Ленин, т. XXVI, стр. 442.
[3] Ленин, т. XXII, стр. 110.

2 От тюрем к воспит. учрежд. 700

Энергичных мер принуждения Ленин требовал и в отношении дезорганизаторских элементов из среды трудящихся. Он выдвигал уже в первые месяцы после Октября «признание безусловно необходимыми и неотложными самых беспощадных мер борьбы с хаосом, беспорядком и бездельем, самых решительных и драконовских мер поднятия дисциплины и самодисциплины рабочих и крестьян» [1].

Советские суды в самом начале своей деятельности в числе своих приговоров выносили и приговоры к *тюрьме;* этот старый термин «тюрьма» мы встречаем в первые месяцы революции и в отдельных декретах советской власти. Новых мест лишения свободы пролетарская диктатура, конечно, не строила, и приговариваемые судами к «тюремному заключению», к лишению свободы, направлялись в те тюремные здания, которые остались от царизма. И все же совершенно бесспорным остается то положение, что *Октябрьская революция покончила со старой тюрьмой,* — покончила потому, что классовое содержание лишения свободы как меры репрессии по советскому праву уже ничего общего не имело с классовым содержанием тюремного заключения до Октября. Не только в вопросе о тюрьме, но и во всех существенных вопросах советской уголовной политики уже с первых месяцев революции ярко выявляется классовая противоположность этой политики буржуазной карательной политике. Принципиально иное классовое *содержание* не могло не выразиться и в изменении *формы,* хотя необходимо констатировать, что вообще изменение правовой формы осуществления уголовной политики вовсе не «автоматически» следует за изменением содержания последней, и очень часто здесь изменение «формы» так или иначе отстает от изменения «содержания»: рассматривая развитие советской исправительно-трудовой политики, мы должны будем иметь в виду не механическое, а именно диалектическое соотношение содержания и формы как *единство противоположностей.*

Содержание советской уголовной политики очень ярко характеризуется следующим высказыванием Ленина по вопросу о суде: «Суд был в капиталистическом обществе преимущественно аппаратом угнетения, аппаратом буржуазной эксплоатации. Поэтому безусловной обязанностью пролетарской революции было не реформировать судебные учреждения (этой задачей ограничивались кадеты и их отголоски—меньшевики и правые эсеры), а совершенно уничтожить, смести до основания весь старый суд и его аппарат. Эту необходимую задачу Октябрьская революция выполнила, и выполнила успешно. На место старого суда она стала создавать новый народный суд, вернее советский суд, построенный на принципе участия трудящихся и эксплоатируемых классов, и только этих классов, в управлении государством. Новый суд нужен был прежде всего для борьбы против эксплоататоров, пытающихся восстановить свое господство, или отстаивать свои привилегии, или тайком протащить, обманом заполучить ту или иную частичку этих привилегий.

Но кроме того, на суды, если они организованы действительно на принципе советских учреждений, ложится другая, еще более важная

[1] «Ленинский сборник», XXI, стр. 160.

задача. Это — задача обеспечить строжайшее проведение дисциплины и самодисциплины трудящихся»[1]. Являясь органом *подавления* классовых врагов пролетариата и их агентуры, советский суд является в то же время «*орудием воспитания к дисциплине*»[2] трудящихся.

Эти две задачи — задача подавления классовых врагов и их агентуры и задача воспитания к дисциплине трудящихся[3]—и определяют собой все содержание как советской уголовной политики вообще, так и ее неотъемлемой части — советской исправительно-трудовой политики.

В силу этого самая система мер репрессии уже на первом этапе пролетарской революции (до начала периода военного коммунизма) решительно отличается от старой системы. В ней уже на этом этапе выдвигается новая форма репрессии в виде *исправительно-трудовых работ:* в инструкции Революционному трибуналу от 1 января 1918 г. (19 декабря 1917 г.) они обозначаются термином «обязательные общественные работы», а Ленин в написанном им примерно в это же время «проекте декрета о социализации народного хозяйства» употребляет обозначение «принудительные работы»[4], — обозначение, которое мы встречаем затем и в «Руководящих началах» 1919 г., и в последующем советском уголовном законодательстве.

Такая мера репрессии, как *смертная казнь,* широко применявшаяся царизмом и после краткого перерыва снова восстановленная Временным правительством, отменяется в первые дни пролетарской революции (декрет от 10 ноября/28 октября 1917 г. — СУ № 1). Лишь контрреволюционные посягательства отчаянно сопротивляющихся классовых врагов, прибегающих к террору, помогающих интервенции и участвующих в ней, не останавливающихся перед самыми ужасными преступлениями, чтобы свергнуть ненавистную им советскую власть, вынуждают советскую власть начать применять *красный террор.* Констатируя при этом, что *террор навязан нам буржуазией,* Ленин подчеркивал, что «мы первые сделаем шаги, чтобы ограничить его минимальнейшим минимумом, как только мы покончим с основным источником терроризма, с нашествием мирового империализма, с военными заговорами и военным давлением мирового империализма на нашу страну»[5].

Из этой установки советская власть в дальнейшем и исходила, что доказывается фактом отмены расстрела декретом от 17 января 1920 г. (не распространявшимся лишь на военные трибуналы); если осуществление этого декрета было затем сорвано обострившейся вскоре после его издания гражданской войной, то все же установка данного декрета сказалась в факте значительного снижения в 1920 г. по сравнению с 1919 г. удельного веса применения расстрела в числе прочих мер репрессий. Еще более сильно снижается применение расстрела с переходом к нэпу, а к X годовщине Октября ЦИК СССР в своем манифесте

[1] Ленин, т. XXII, стр. 424.
[2] Ленин, т. XXII, стр. 460.
[3] О диалектической связи этих двух задач и в частности о том, что задача подавления буржуазных элементов увязывалась Лениным и с задачей «исправления исправимых» из их среды, будет сказано ниже.
[4] Ленин, т. XII, стр. 141.
[5] Ленин, т. XXIV. стр. 567.

2*

ограничивает применение расстрела, сохранив его лишь за преступления государственные, воинские и за вооруженный разбой.

Что касается *лишения свободы,* то уже в первом полугодии 1918 г., как показывают статистические данные о приговорах народных судов по г. Москве, число случаев его применения значительно уступает числу случаев применения иных, более мягких мер: только 25% осужденных было приговорено к лишению свободы как таковому, причем и из этих осужденных часть была приговорена условно; 15% было приговорено к краткосрочному лишению свободы («аресту»), относительно которого необходимо иметь в виду, что декрет о суде № 3 от 20 июля 1918 г. прямо предписал «лишение свободы на срок до 3 месяцев всюду, где организованы принудительные общественные работы, применять в виде назначения на таковые без содержания под стражей». Гораздо большую роль, чем лишение свободы, играли в практике народного суда за рассматриваемый период более мягкие меры, и прежде всего *штраф;* начинает также применяться *общественное порицание.*

Вместе с тем нельзя не отметить, что в первые месяцы революции наши суды проявляли даже чрезмерную мягкость, причем этот факт, связанный и с неправильным руководством судами со стороны тогдашнего лево-эсеровского Наркомюста, всецело проникнутого буржуазно-либеральными юридическими понятиями и идеями, вызвал со стороны Ленина в феврале 1918 г. указание на необходимость «усиления уголовной репрессии» [1].

Царское уголовное законодательство, сохраненное как мы знаем и Временным правительством, устанавливало различные виды лишения свободы: каторгу, исправительные арестантские отделения, заключение в тюрьме, заключение в крепости, арест, причем первые три из перечисленных видов лишения свободы считались наказаниями «позорящими» и связывались: каторга — с лишением всех прав состояния, исправительные арестантские отделения — с «лишением всех особенных прав и преимуществ»; заключение в тюрьме также влекло за собой, хотя и не всегда, лишение всех особенных, или некоторых особенных прав и преимуществ. Пролетарская революция покончила с подобного рода постановкой вопроса о лишении свободы, покончила уже потому, что отвергала цель унижения человеческого достоинства осужденного, которую преследовал царизм (вспомним, например, обязательное бритье половины головы отбывающим каторжные работы и т. д.). Ленин еще в 1899 г. приводил как подлежащий включению в программу партии пункт «проекта программы» группы «Освобождение труда», требовавший «пересмотра всего нашего гражданского и уголовного законодательства, уничтожения сословных подразделений и наказаний, несовместимых с достоинством человека» [2]. Подход советской власти, с этой точки зрения, к лишению свободы как мере репрессии был зафиксирован уже во временной инструкции от 23 июля 1918 г. «О лишении свободы как о мере наказания и о порядке отбывания такового». Статья 2

---

[1] «Ленинский сборник» XXI, стр. 116.

[2] Ленин, т. II, стр. 517, статья «Проект программы нашей партии».

этой инструкции гласила: «Деление мест заключения на разряды по тяжести наказания в приговорах судов отменяется, и в последних указывается только лишение свободы на определенный срок, обязательно связанное с принудительной работою».

Общий подход советской власти к вопросам применения репрессии с величайшей ясностью и яркостью вырисовывается из следующих ленинских строк: «Тысячи форм и способов практического учета и контроля за богатыми, жуликами и тунеядцами должны быть выработаны и испытаны на практике самими коммунами, мелкими ячейками в деревне и в городе. Разнообразие здесь есть ручательство жизненности, порука успеха в достижении общей единой цели: *очистки* земли российской от всяких вредных насекомых, от блох-жуликов, от клопов-богатых и прочее. В одном месте посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы... В другом — поставят их чистить сортиры. В третьем — снабдят их по отбытии карцера желтыми билетами, чтобы весь народ, до их исправления, надзирал за ними, как за *вредными* людьми. В четвертом—расстреляют на месте одного из десяти виновных в тунеядстве. В пятом — придумают комбинации разных средств и путем, например, условного освобождения добьются быстрого исправления исправимых элементов из богачей, буржуазных интеллигентов, жуликов и хулиганов. Чем разнообразнее, тем лучше, тем богаче будет общий опыт, тем вернее и быстрее будет успех социализма, тем легче практика выработает — ибо только практика может выработать — *наилучшие* приемы и средства борьбы» [1].

Мы видим здесь, что Ленин ни в какой мере не подходит к репрессии с точки зрения наказания-возмездия, с точки зрения «отвешивания» наказания в меру тяжести вины, для «искупления» этой вины. Ленина интересует и для него важно здесь другое — «наилучшие приемы и средства борьбы» с *вредными* элементами, причем он выдвигает по отношению к ним задачу «*очистки* земли российской» от этих элементов и понятием «очистка» охватывает всякого рода мероприятия, обеспечивающие их подавление, лишение их (хотя бы путем изоляции) возможности вредить, наконец также исправление «исправимых элементов из богачей, буржуазных интеллигентов, жуликов и хулиганов».

Необходимо помнить, что Ленин останавливается здесь преимущественно на тех категориях населения, в отношении которых он выдвигает задачу *подавления*. Несколько выше в той же цитированной статье «Как организовать соревнование», Ленин говорит: «Никакой пощады этим врагам народа, врагам социализма, врагам трудящихся. Война не на жизнь, а на смерть богатым и их прихлебателям, буржуазным интеллигентам, война жуликам, тунеядцам и хулиганам» [2]. Но даже выдвигая, таким образом, задачу *подавления,* Ленин подходит и к этой за-

---

[1] Ленин. т. XXII. стр. 166—167, статья «Как организовать соревнование», написанная 7—10 января 1918 г.

[2] Ленин, т. XXII. стр. 164; в этом же томе, на стр. 459 Ленин прямо говорит о «подавлении как эксплоататоров, так и хулиганов», выдвигая задачу «подавления и всех эксплоататоров и всех элементов разложения».

даче не механически, а диалектически, увязывает и эту задачу с задачей «исправления исправимых».

Что касается совершивших те или иные преступления колеблющихся элементов из среды рабочего класса и трудящегося крестьянства, то в отношении их остается конечно в силе задача *воспитания к дисциплине* в качестве основной задачи, о которой Ленин неоднократно высказывается в ряде своих работ [1].

Вполне понятно, что пролетарская диктатура не могла не исходить из указания Маркса относительно «единственного средства исправления — производительного труда» [2]. Именно на этой основе уже с первых месяцев пролетарской революции начинает осуществляться задача «преобразовать всю постановку карательного дела», как НКЮ формулирует в своем отчете задачу созданного тогда для руководства исправительно-трудовыми учреждениями Центрального карательного отдела [3].

В самом деле, каким путем намечают «сделать тюрьму местом исправления, а не наказания, как понималось до сего времени»? [4] Ответы, идущие со всех сторон (а это и позволяет говорить об основной установке), даются такие, например: «... тюрьмы Сибири и Урала заменяются работными домами», и последние «организуются для сообщения определенных знаний в области чистой науки, техники, труда, чтобы по выходе из них заключенные могли добывать себе средства к существованию честным трудом» [5]; «в основу карательной политики должны быть положены: трудовое начало, которое при настоящих условиях может осуществиться главным образом в широкой организации земледельческих колоний, и широкая культурно-просветительная работа среди заключенных» [6].

Мы подчеркиваем, что эти задачи были поставлены уже в первые месяцы после октября [7]. Но конечно условия *разрухи,* вызванной империалистической войной и еще более обострившейся в результате гражданской войны, не давали возможности широкого осуществления этих задач не только в начале 1918 г., но и в годы военного коммунизма и даже в первые годы восстановительного пероида.

К началу периода военного коммунизма издается первый акт советской власти, специально касающийся вопросов исправительно-трудового дела, — упоминавшаяся уже инструкция о лишении свободы от 23 июля 1918 года, и в этом акте делается уже попытка наметить, хотя и в самых общих чертах, основные направления перестройки, отбывания лишения свободы как меры репрессии в советском государстве.

---

[1] См., например, в т. XXII «Очередные задачи советской власти».

[2] Маркс. Критика Готской программы, Партиздат, 1932 г., стр. 49.

[3] Курский, № 1 журнала «Пролет. револ. и право» за 1918 г.

[4] Материалы НКЮ, вып. III, 1918 г.

[5] Там же.

[6] Из резолюции съезда народных судей и следкомов БССР от 13 февраля 1919 г., «Пролет револ. и право», № 1 (11).

[7] Первое упоминание о труде заключенных в советских местах лишения свободы мы встречаем в постановлении НКЮ «О тюремных рабочих командах», изданном в январе 1918 г. (СУ 1918 г. № 1, ст. 284). А циркуляр НКЮ от 24 мая 1918 г. прямо устанавливает: «трудовая жизнь обязательна для тюрьмы, но не по прежней системе».

Эта инструкция устанавливает, что «лишенные свободы, способные к труду, обязательно привлекаются к физическому труду» (ст. 21); она предусматривает вознаграждение за труд лишенных свободы, и притом даже по общим «ставкам профессиональных союзов соответственных местностей», оговаривая отчисление из этого вознаграждения $^{1}/_{3}$ заработка на покрытие стоимости содержания заключенных (ст. 27).

Инструкция говорит уже не только об «общих местах заключения (тюрьмах)», но и о «реформаториях и земледельческих колониях как учреждениях воспитательно-карательных, в особенности для молодых преступников», а также об «испытательных заведениях для лиц, по отношению к которым имеются основания для ослаблений режима или для досрочного освобождения» (ст. 3). Вместе с тем инструкция намечает «применение различных видов тюремного заключения и работ к отдельным категориям преступников» и «применение различного режима в связи с результатами действия исправительных мер» (ст. 7). Поставлены в ней также и следующие вопросы: «Профессиональное обучение. Общее образование и воспитание. Снабжение учебными пособиями. Создание кадра учителей для мест заключения. Организация курсов для работников в тюремном деле» (та же ст. 7). Далее, можно отметить указание ст. 23 о возможности предоставления отпусков (на срок не свыше 2 недель), но лишь для лиц, осужденных на срок не свыше 1 года.

Отметим наконец указание ст. 31 о том, что «мелкие тюрьмы, как непригодные ни с воспитательно-трудовой стороны, ни со стороны экономии средств, по возможности ликвидируются».

Изданный за несколько дней до инструкции «О лишении свободы как о мере наказания» декрет о суде № 3 предоставил народным судам налагать наказания до 5 лет лишения свободы (по декрету о суде № 1 они могли присуждать к лишению свободы лишь до 2 лет).

На более длительные сроки могли приговаривать лишь окружные народные суды (ликвидированные с изданием положения о народном суде от 30 ноября 1918 г.) и трибуналы; последние с изданием постановления НКЮ от 16 июня 1918 г. получили право приговаривать и к расстрелу.

Бесспорно, что в первые месяцы революции у практических работников советской юстиции и советских исправительно-трудовых учреждений, не исключая и некоторых руководящих их работников, имелось особенно много неясных и даже подчас неправильных представлений по вопросу об уголовной репрессии вообще и о лишении свободы как мере репрессии, в частности. Эти неясности и неправильные представления необходимо рассматривать как результат недостаточного преодоления влияния традиционных буржуазных представлений и теорий, как результат недостаточного овладения марксистско-ленинской теорией вообще и марксистско-ленинской теорией уголовной политики и права в частности.

О некритическом позаимствовании отдельных положений буржуазного тюремного режима говорит упоминание в ст. 28 инструкции о «карцере до 14 дней» в числе мер репрессии, могущих быть применяемыми к лицам, «нарушающим порядок и дисциплину» в местах заключения.

Но в практике 1918—1919 гг. актуальным вопросом оказывается вовсе не изживание «карцера», ибо революция ликвидировала его достаточно основательно, а изживание посредством совершенно иных, советских мер воздействия той анархической распущенности заключенных в ряде тогдашних советских мест лишения свободы, которая явилась результатом того, что, сломав старые гнусные формы тюремной дисциплины, мы не всегда умели в этот период достаточно быстро и достаточно хорошо организовывать в советских местах лишения свободы надлежащий распорядок нового типа; новые советские формы самодеятельности лишенных свободы, их *самоуправления* в надлежащем смысле этого слова были созданы в дальнейшем, получив свое полное развитие уже в реконструктивный период.

Крупнейшим дефектом инструкции от 23 июля 1918 г., этого первого законодательного акта советской власти, относящегося к вопросам исправительно-трудовой политики, должно быть признано отсутствие каких-либо указаний по вопросу о *классовом подходе* к отбывающим лишение свободы: инструкция совершенно не останавливается на необходимости классовой диференциации лишенных свободы, как бы имея в виду «лишенного свободы вообще».

II

Изданная в самом начале периода военного коммунизма, а подготовленная еще до того инструкция от 23 июля 1918 г. еще вовсе не отражала собой всей остроты и напряженности классовой борьбы в условиях гражданской войны, разгоревшейся с лета 1918 г. с особенной силой.

Зато обстановка этого момента несомненно в определенной мере уже сказалась на характере развернувшейся с августа 1918 г. на страницах журнала «Пролетарская революция и право» (орган НКЮ РСФСР) дискуссии по вопросу о целях уголовной репрессии. В этой дискуссии заостряются прежде всего вопросы *террора.* Задача *исправления* при этом или вообще признавалась совершенно нереальной (например т. Козловским), или же отдельными товарищами сводилась, — безусловно неправильно, в духе буржуазных теорий, — к задаче «лечения» преступников (например т. Саврасовым).

Таким образом рядом товарищей во 2-й половине 1918 г. смазывалась задача воспитания к дисциплине, которую Ленин, увязывавший ее диалектически с задачей *подавления классовых врагов,* считал не только «более трудной», но и «более существенной», чем задача подавления [1]. Мы переживали тогда время *«красного террора»,* навязанного нам нашими классовыми врагами. Красный террор по отношению к врагам революции был совершенно необходим [2], но он, конечно, не только не исключал задачи воспитания масс, а наоборот, должен был увязываться с этой последней задачей. Можно конечно объяснить ошибку тех товарищей, которые, в момент наиболее широкого применения проле-

[1] См. т. XXIV, стр. 339, статья «Великий почин».

[2] См., например, письмо Ленина по вопросу о красном терроре, написанное 26 июня 1918 г. — «Ленинский сборник» XVIII, стр. 168—169.

тарской диктатурой террористических методов борьбы, стали сосредоточивать свое внимание на вопросах подавления и террора, подчас даже забывая о задаче воспитания. И все же, подчеркиваем, это была грубая, антиленинская ошибка.

Мы увидим далее, как партия в своей принятой в марте 1919 г. программе с величайшей четкостью указала правильную ленинскую линию и по этому вопросу.

Однако следы рассмотренной нами ошибки можно найти еще в «Руководящих началах по уголовному праву РСФСР», изданных НКЮ в декабре 1919 г. (см. особенно «Введение» к «Руководящим началам»), хотя в общем и целом «Руководящие начала» означали важный шаг вперед в развитии советского уголовного законодательства.

В самом деле, в них развивался правильный взгляд на преступление, как на «действие или бездействие, опасные для данной системы общественных отношений», и выдвигалось положение о том, что «преступление в классовом обществе вызывается укладом общественных отношений, в котором живет преступник»; из последнего положения «Руководящие начала» делали опять-таки правильный и важный вывод о том, что «наказание не есть возмездие за «вину», не есть искупление вины». Уже этими положениями, основанными на марксистско-ленинском анализе вопросов уголовного права, буржуазному уголовному праву решительно противопоставлялось новое советское уголовное право, содержание которого «Руководящие начала» определяют следующим образом: «Советское уголовное право имеет задачей посредством репрессий охранять систему общественных отношений, соответствующих интересам трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс[1] в переходный от капитализма к коммунизму период диктатуры пролетариата».

По вопросу о *репрессии* «Руководящие начала» подчеркивали, что, «являясь мерой оборонительной, наказание должно быть целесообразно и в то же время совершенно лишено признаков мучительства и не должно причинять преступнику бесполезных и лишних страданий».

Установка на то, чтобы репрессия, применяемая советским судом, не заключала в себе элементов мучительства, последовательно проводилась советской властью с первых дней ее существования. Советская власть решительно боролась за полную и безусловную ликвидацию всяких пережитков прежнего, дореволюционного режима в местах заключения, ставя задачей «удалить из них специфический тюремный дух и прежде всего вырвать с корнем те приемы, с которыми прежде подходили тюремные деятели к преступникам, как к каким-то париям» (из отчета НКЮ РСФСР VII съезду советов). Осуществляя эту установку, ЦКО НКЮ УССР например запрещает обращение к заключенным на «ты» (циркуляр № 1 1920 г. «Об обращении с заключенными»).

В результате режим в советских местах лишения свободы всегда принципиально и решительно отличался и отличается от режима бур-

---

[1] Следовало конечно говорить о *пролетариате*, организовавшемся в господствующий класс, и о руководимых им трудящихся массах.

жуазных тюрем. Уже с первых дней отбывания лишения свободы заключенный пользовался и притом не в качестве награды прогулками и свиданиями, правом курения и ношения обычной своей одежды. И это имело место не только в общих местах заключения, но и в предназначенных в основном для классово враждебных элементов концентрационных лагерях. Практикуются *отпуска,* предусмотренные еще инструкцией от 23 июля 1918 г. Особенно широко они даются в колониях, где вообще «режим строился на предоставлении большей свободы», как отмечалось в органе ЦКО за 1920 г.; но даже и в концентрационных лагерях предоставляли отпуска некоторым заключенным в праздничные дни. А в украинской «Временной инструкции» 1920 г. говорится о «периодических отпусках на дом».

Положение о том, что репрессия должна быть *целесообразна,* расшифровывается и конкретизируется в ст.ст. 8 и 9 «Руководящих начал». Здесь прежде всего устанавливается, что задача репрессии — это «охрана общественного порядка от совершившего преступление... и от будущих возможных преступлений как данного лица, так и других лиц», вслед за чем «Руководящие начала» выдвигают и другое положение, согласно которому «обезопасить общественный порядок от будущих преступных действий лица, уже совершившего преступление, можно или приспособлением его к данному общественному порядку или, если он не поддается приспособлению, изоляцией его и, в исключительных случаях, физическим уничтожением его». Говоря о *приспособлении* совершившего преступление, авторы «Руководящих начал» тем самым ставили задачу *перевоспитания,* хотя они и не заостряли надлежащим образом эту задачу и вовсе ее еще не конкретизировали.

Между тем все значение воспитательного момента в советской уголовной и исправительно-трудовой политике было еще за 9 месяцев до издания «Руководящих начал» самым отчетливым и ярким образом зафиксировано в программе партии, принятой VIII партсъездом. В той части программы, где речь идет о *суде,* мы читаем в частности следующее:

«Отменив законы свергнутых правительств, советская власть поручила выбираемым советами судьям осуществлять волю пролетариата, применяя его декреты, а в случае отсутствия таковых или неполноты их — руководствоваться социалистическим правосознанием.

В области наказания организованные таким образом суды уже привели к коренному изменению характера наказания, осуществляя в широких размерах условное осуждение, введя, как меру наказания, общественное порицание, заменяя лишение свободы обязательным трудом с сохранением свободы, заменяя тюрьмы воспитательными учреждениями и давая возможность применять практику товарищеских судов.

ВКП, отстаивая дальнейшее развитие суда по тому же пути, должна стремиться к тому, чтобы все трудящееся население поголовно привлекалось к отправлению судейских обязанностей и чтобы система наказания была окончательно заменена системой мер воспитательного характера».

Таким образом партийная программа по-ленински делает основной

упор на задаче *воспитания,* что конечно вовсе не означает какого-либо отказа от задачи *подавления* классовых врагов и их агентуры: эта задача тоже поставлена программой, хотя и в ином месте.

Партийная программа с полным основанием могла в марте 1919 г. констатировать факт происходящей замены тюрем воспитательными учреждениями. Если инструкция от 23 июля 1918 г. лишь предусматривала создание «земледельческих колоний как учреждений воспитательно-карательных», то вскоре начинается практическая работа по организации таких колоний. В циркуляре от 28 ноября 1918 г. ЦКО НКЮ РСФСР отмечал, что «создание этих колоний должно быть отнесено к числу наиболее неотложных задач, как могущих быть осуществлеными за счет закрытия мелких тюрем.., совершенно непригодных в качестве педагогического воздействия на заключенных и их исправления».

В земледельческих колониях очень рано появляются и товарищеские суды — важное орудие воспитательного воздействия на основе самодеятельности самих заключенных: уже первый отчет ЦКО отмечает, что «в некоторых колониях введен товарищеский суд колонистов за нарушение трудовой дисциплины и распорядка колоний». Еще в циркуляре НКЮ РСФСР от 24 апреля 1918 г. указывалось, притом не только в отношении колоний, что «заключенных, где только возможно, необходимо привлечь к самоконтролю и самонаблюдению».

Уже в 1918 — 1920 гг. воспитательные задачи рассматриваются руководством советской исправительно-трудовой системы как задачи *основные,* которые должны определять собою режим в местах заключения. Так, циркуляр ЦКО НКЮ УССР № 14 1920 г. указывает, что «режим в местах заключения должен быть установлен такого рода, чтобы он не противодействовал, а всячески содействовал достижению целей и заданий культ-просвет. дела».

Гораздо более четко ударение на вопросах *исправления и перевоспитания,* которые конечно вовсе не сводились лишь к «вопросам культ-просвет. дела», делал декрет СНК РСФСР от 18 июня 1919 г. об учреждении распределительных комиссий (СУ № 27, ст. 300), выдвигавший в качестве задачи этих комиссий «распределение присужденных к лишению свободы лиц по соответствующим для их исправления и перевоспитания учреждениям».

Однако, выдвигая задачу окончательной замены системы наказаний системой мер воспитательного характера, программа партии могла рассматривать осуществление этой задачи лишь как дело *будущего.* В современный изданию партийной программы период проблема воспитания в отношении лишенных свободы на практике слишком часто неизбежно должна была еще уступать место другим проблемам и задачам, как например задаче *изоляции опасных элементов и их обезвреживания.*

Само собой разумеется, что прежде всего вопрос ставился именно так в отношении классовых врагов пролетариата, совершавших те или иные преступления против интересов пролетарской диктатуры. Уже декрет о красном терроре от 5 сентября 1918 г. (СУ № 65, ст. 710) говорил о необходимости «обеспечить советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях» (в

УССР такие лагери были организованы в 1920 г.). К этому декрету примыкают в данном отношении декреты от 15 апреля и 17 мая 1919 г. (СУ № 12, ст. 124 и № 20, ст. 235) о «лагерях принудительных работ». В основном в лагери подобного типа направлялись именно классово враждебные элементы, а наряду с ними и отдельные разложившиеся, совершившие преступления лица из рядов трудящихся. Заключение в эти лагери было бесспорно мерой *подавления;* недаром ст. 37 Положения о лагерях содержала суровую угрозу в отношении тех, кто попытается бежать из лагеря: за побег в первый раз — увеличение срока заключения до десятикратного размера, а за вторичный побег — предание суду ревтрибунала, которому в этом случае, как и в других, предоставлялось право применения репрессии вплоть до расстрела. При всем том необходимо подчеркнуть, что и на лиц, заключенных в такие лагери, были полностью распространены общие установки об ограничении рабочего времени 8-часовым рабочим днем и об оплате труда заключенных; было предусмотрено также предоставление следующих особых льгот тем заключенным, которые «проявят особое трудолюбие»: 1) разрешение жить на частных квартирах и лишь являться в лагери для исполнения назначаемых работ и 2) досрочное освобождение. Последнее показывает, что момент воспитательного воздействия и здесь не снимался.

В отношении общих мест лишения свободы задачи учебно-воспитательной и политико-просветительной работы, неоднократно подчеркиваемые начиная с 1918 г. в циркулярах ЦКО НКЮ, формулируются и в период военного коммунизма самым широким образом. «Одной из очередных задач, стоящей перед местными карательными отделами, — говорится в одном из циркуляров ЦКО за 1918 г., — является широкая организация школьного обучения и правильная постановка библиотечного дела». Еще дальше идет инструкция «Об организации губернских карательных отделов» от 1920 г., которая требует например «открытия в тюрьме народного университета» с такими секциями: «прикладных знаний», «ремесленно-технических знаний», «природоведения и географии», «истории, народоведения и экономии», «искусства (кинематограф, театр)», «пропаганды и политической грамоты».

Конечно много сделать в этом направлении (которое к тому же нельзя было считать основным направлением работы по перевоспитанию) не позволяли в годы гражданской войны объективные условия; при этом и сами кадры работников мест заключения стояли еще на очень невысоком уровне. Слабость руководства и низкое качество кадров в отдельных местах заключения характеризуются, например, сообщением отчета ЦКО НКЮ РСФСР за 1919 г. о том, что «в ряде мест лишения свободы церкви продолжали еще существовать» и что в Костромской губернской тюрьме церковь была, например, взята «общиной надзирателей».

Основным методом воспитательного воздействия в советской исправительно-трудовой системе является надлежащая постановка труда заключенных, как труда производительного. Значение труда с этой точки зрения учитывалось, как мы видели, уже с первых месяцев советской

власти. И в отчете ЦКО НКЮ РСФСР за 1918 г. мы читаем о том, что «вводятся работы по возможности не кустарно-ремесленного типа, а фабричного типа, что необходимо и для задач воспитания». Однако в условиях разорения, вызванного империалистической и гражданской войнами, и в этом отношении много сделать тогда еще не удалось. Число заключенных, работающих в мастерских (и притом в мелких мастерских, ибо организация в местах заключения производства фабричного типа еще тогда на практике места не имела), удалось в 1920 г. довести лишь до 10% общего числа содержащихся в местах заключения, что впрочем уже означало продвижение вперед по сравнению с 1919 г., когда этот процент равнялся всего $2\frac{1}{2}$.

В то же время и более чем слабая тогда еще разработанность теории советской исправительно-трудовой политики приводила к тому, что вопрос о труде лишенных свободы ставился на практике далеко не четко: вслед за буржуазными пенитенциарными теориями и у нас тогда был распространен взгляд, согласно которому основным в исправительно-трудовом воздействии считалось «приучение к труду», а поскольку лишенных свободы из среды трудящихся «приучать к труду» не приходилось, упор при разрешении задачи воспитательного воздействия обычно переносился — совершенно неправильным образом—на *учебно*-воспитательную работу (как видно и из приведенных выше цитат из циркуляров ЦКО).

Последнее вместе с тем показывает, насколько недостаточно еще был положен в основу всей практической работы в советских местах лишения свободы того времени пролетарский *классовый подход* к разрешению стоящих перед ними задач; только тем обстоятельством, что к задаче воспитательно-трудового воздействия подходили *абстрактно, «вообще», без надлежащей классовой диференциации,* и можно объяснить, что это воспитательное трудовое воздействие рассматривалось под углом зрения «приучения к труду», т. е. под углом зрения, явно неприложимым в отношении лишенных свободы из среды трудящихся, хотя именно в отношении их (и только их) задача воспитания ставилась нами как основная задача. В исходивших от НКЮ документах и циркулярах по исправительно-трудовому делу вопросы классового подхода в течение всего рассматриваемого периода, как правило, не затрагиваются. На практике классовый подход в деле применения репрессии вообще и репрессии в виде лишения свободы в частности конечно проводился и тогда; что касается применения лишения свободы, то классовый подход здесь выражался, например, в том, что классово враждебные элементы направлялись преимущественно в *лагери,* а осужденные из трудящихся, как правило, — в *общие места заключения.* При всем том и в лагери подчас попадали и трудящиеся, а в общие места заключения — и нетрудовые элементы. Ясно, что в положениях о местах лишения свободы должны были даваться указания о классовом подходе. Между тем существенный пробел в этом отношении, отмечавшийся нами уже в инструкции от 23 июля 1918 г., изданной в самом начале периода военного коммунизма, приходится констатировать в таком же объеме и в Положении об общих местах заключения РСФСР, принятом

НКЮ 15 ноября 1920 г., а опубликованном уже в начале нэпа, в 1921 г. (СУ 1921 г. № 23 — 24, ст. 141).

Существо классового подхода в советской уголовной политике уже с начала пролетарской революции (и даже до нее) с величайшей четкостью формулировалось Лениным в ряде важнейших его высказываний по вопросу о задаче суда, по вопросу о роли принуждения и убеждения, по вопросу о подавлении и воспитании (отдельные из этих высказываний мы уже приводили в предыдущем параграфе). Ленин не раз заострял внимание на том, что пролетариат должен применять «различные приемы борьбы, влияния, воздействия по отношению к свергнутой буржуазии и по отношению к колеблющейся мелкой буржуазии» [1], а тем более в отношении тех или иных отсталых и колеблющихся элементов из рядов самого рабочего класса. Подчеркивая, что «передовой класс, более всего угнетавшийся капитализмом, имеет право осуществлять... принуждение, ибо он осуществляет его во имя интересов всех трудящихся и эксплоатируемых», Ленин вместе с тем указывал также, что пролетариат, осуществляющий свою диктатуру, «обладает такими средствами принуждения и убеждения, которыми не располагал ни один из прежних классов» [2], из чего опять-таки явствует возможность и необходимость величайшей *гибкости* в применении в классовой борьбе средств принуждения и убеждения.

И сама практика обостренной классовой борьбы в годы гражданской войны не могла не внедрять понимания значения классового подхода в массу работников органов борьбы с преступностью. Если несколько отсталым участком в этом отношении и являлись у нас, как можно судить по приведенным выше данным, органы, ведавшие исполнением приговоров к лишению свободы, то и здесь отставание могло быть только временным и только частичным, тем более, что деятельность этих органов самым наглядным образом представляла собою одну из таких форм классовой борьбы, где классовый момент не мог ускользнуть даже от самого поверхностного наблюдателя.

Еще и в период военного коммунизма — правда, в самом конце этого периода — именно в связи с постановкой вопроса о местах лишения свободы впервые формулируются более или менее развернутые конкретные, хотя и несколько упрощенные, предложения по вопросу о проведении классового подхода в уголовной и исправительно-трудовой политике.

В приказе ВЧК № 10 от 8 января 1921 г. говорилось: «ни один рабочий и крестьянин не должен быть арестован, если нет основательных данных о серьезности его проступка и возможности сокрытия следов преступления и побега», в то время как «уголовный элемент отпускать на поруки с крайней осторожностью, избегая освобождения рецидивистов». Заслуживает особого внимания содержащееся в этом же приказе указание на необходимость дальнейшей классовой диференциации мер репрессии и практики их применения. Приказ № 10 предлагает: «в целях оттенения, отличая рабочего и крестьянина от враждеб-

[1] Ленин, т. XXIV, стр. 515.
[2] Ленин, т. XXVI, стр. 32.

ной нам по классу буржуазии, в отношении последней репрессию усилить», в частности «досрочное освобождение к буржуазии не применять»[1].

Здесь с полным основанием был, в частности, поставлен вопрос и о классовом подходе при применении *досрочного освобождения,* хотя, оговариваемся, указание ВЧК было адресовано лишь к органам ВЧК и не имело никакой силы для органов, разрешавших вопросы применения досрочного освобождения из общих мест заключения.

Как раз на 1920 г. приходится существенное усиление работы распределительных комиссий и судов по применению досрочного освобождения; в дальнейшем эта работа развивается еще более широко и осуществляется на основах и в масштабах, с которыми не могут итти ни в какое сравнение аналогичные мероприятия в капиталистических странах.

Первое упоминание советского законодательства о праве судов применять досрочное освобождение мы встречаем еще в феврале 1918 г. в ст. 32 декрета о суде № 2, хотя в сущности уже ст. 7 декрета о суде № 1 от 7 декабря (24 ноября) 1917 г., предоставляя суду «право помилования и восстановления в правах лиц, осужденных по уголовным делам», давала основание для практики досрочного освобождения. Временная инструкция о лишении свободы от 23 июля 1918 г., предусматривающая уже существование *распределительных комиссий,* наделяла эти комиссии правом представлять суду о досрочном освобождении тех или иных лишенных свободы. Изданная в тот же день, 23 июля 1918 г., инструкция об организации народных судов, впрочем, предоставляла в ст. 50 судам разрешать и ходатайства о досрочном освобождении, поступающие не через распределительную комиссию; вообще же по вопросу о досрочном освобождении инструкция об организации народных судов воспроизводит в своей статье 49 статью 32 декрета о суде № 2, не ограничивая, в частности, применения досрочного освобождения условием обязательного отбытия какой-либо определенной части срока приговора.

Первоначально организация и деятельность распределительных комиссий регулируется лишь в ведомственном порядке циркулярами ЦКО НКЮ, причем циркуляр НКЮ РСФСР, изданный еще в 1918 г., строил распределительные комиссии на основе участия в них советской общественности (в первоначальной инструкции об организации распределительных комиссий, изданной в УССР в 1920 г., об участии общественности еще не упоминалось). Изданный в 1919 г. декрет Совнаркома РСФСР «Об учреждении распределительных комиссий», о котором мы уже упоминали выше, прямо не указывал на участие представителей общественности, а содержал довольно неопределенную формулировку, говорившую об участии кроме лиц административного персонала ведомства мест заключения также «педагогов, психиатров и других приглашенных карательным отделом сведущих и интересующихся пенитенциарными вопросами лиц».

[1] Лацис (Судрабс), Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией, 1921 г., стр. 19—23.

Гораздо более широко применявшейся формой досрочного освобождения, чем досрочное освобождение по представлениям распределительных комиссий и постановлениям судов, было в рассматриваемый период освобождение по *амнистии.* Амнистия тогда практиковалась особенно широко и систематически, из года в год, как средство регулировать карательную политику органов борьбы с преступностью, так сказать post factum, внося в нее уже в процессе применения репрессии очень существенные коррективы именно под углом зрения выдержанного классового подхода.

Чем вызывалась прежде всего необходимость таких коррективов, показывают слова Ленина на VIII съезде партии: «Мы стояли, стоим и будем стоять в прямой гражданской войне с кулаками. Это неизбежно. Мы видели это на практике. Но сплошь и рядом по неопытности советских работников, по трудности вопроса удары, которые предназначались для кулаков, падали на среднее крестьянство» [1].

III

Программа Коминтерна отмечает, что «политика «военного коммунизма», подрывая материальный базис враждебных рабочему классу слоев внутри страны, обеспечивая рациональное распределение уже имеющихся в наличии запасов, способствуя военной борьбе пролетарской диктатуры и находя в этом свое историческое обоснование, не может быть тем не менее рассматриваема как система «нормальной» хозяйственной политики диктатуры пролетариата». Действительно, как указано в той же программе, осуществление этой политики происходит «при более или менее полной ликвидации свободной торговли и рыночных отношений, при резком нарушении индивидуалистических хозяйственных стимулов мелкого производителя, что связано с падением производительных сил страны».

Окончание гражданской войны было связано с изменением отношений между рабочим классом и крестьянством. Союз рабочего класса с крестьянством являлся в эпоху гражданской войны в основном военно-политическим союзом, который, конечно, также, говоря словами Ленина, «не может существовать без экономического» союза. В период гражданской войны, таким образом,— вопреки извращенному пониманию этого периода со стороны Троцкого и троцкистов, которые видели один только *военный* союз и не желали видеть *экономического,*— имела место и определенная форма экономического союза между рабочим классом и крестьянством, хотя в этом отношении «первоначальная форма союза была очень примитивна», именно: «Крестьянин получил от нас всю землю и поддержку против крупного землевладения. Мы должны были получить за это продовольствие» [2].

Начавшийся новый этап пролетарской революции означал, как сказано, изменение отношений между рабочим классом и крестьянством и выдвигал задачу дальнейшего углубления, развития, укрепления и под-

[1] Ленин, т. XXIV, стр. 127.
[2] Ленин, т. XXVI, стр. 457, см. также стр. 388, 430 и 460.

нятия в новых, изменившихся условиях на новую высоту союза рабочего класса с крестьянством, как союза *экономического* и политического. В связи с этим Ленин особо заостряет основную политическую задачу «задачу *экономического* союза между рабочим классом и крестьянством», «союза в *экономическом* строительстве» [1]. Эта задача и была разрешена *переходом к нэпу,* классическое определение которого (нэпа) дано т. Сталиным на XIV съезде партии в следующих словах: «Нэп есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная на допущение капитализма при наличии командных высот в руках пролетарского государства, рассчитанная на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанная на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанная на победу социалистических элементов над капиталистическими, рассчитанная на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики» [2].

Переход к нэпу потребовал постановки по-новому и вопроса о революционной законности. Ленин на IX съезде советов указал на необходимость «выдвинуть твердый лозунг осуществления большей революционной законности» [3], что и было реализовано путем издания таких кодексов, как Земельный кодекс, ГК и ГПК, УК и УПК, путем организации прокуратуры и создания единой судебной системы, путем упразднения ВЧК и организации ОГПУ.

По-новому был поставлен и ряд важнейших вопросов уголовной и исправительно-трудовой политики. Если в период гражданской войны репрессивные меры широко применялись во внесудебном порядке и к опасным лицам, не уличенным ни в каком конкретном преступлении (ср. институт «заложников» или определенные категории лиц, заключавшихся в концентрационные лагери [4] по признаку их классовой враждебности), то *с изданием УК применение репрессии, как правило, стало возможно лишь при осуждении судом за определенное общественно опасное действие или бездействие (преступление). В период военного коммунизма советский суд в деле применения репрессии, как правило, не был связан особыми ограничениями,* кроме применения расстрела, к которому нарсуды вообще тогда, как и теперь, не вправе были приговаривать, а ревтрибуналы вправе были приговаривать (если оставить в стороне некоторые исключения) лишь при действии военного положения, и кроме применения лишения свободы на срок свыше 5 лет, что было разрешено лишь трибуналам, а не народным судам. УК, напротив, устанавливает по каждому преступлению конкретные пределы репрессии («от—до»), предоставляя суду, правда, самое широкое, несравненно более широкое, чем в буржуазной юстиции, право *смягчения* репрессии ниже указанного в соответственной статье УК минимума, но не допуская никаких отступлений от максимума санкции соответствующей статьи в сторону *повышения* репрессии.

---

[1] Ленин, т. XXVI, стр. 312 и 388.
[2] Сталин, Об оппозиции, стр. 211.
[3] Ленин, т. XXVII, стр. 140.
[4] К 1922 г. концлагери и лагери принудительных работ ликвидируются.

Уже декрет от 21 марта 1921 г. «О лишении свободы и о порядке условно-досрочного освобождения заключенных» (СУ № 22, ст. 138) распространил ограничение максимальным сроком (тогда 5 лет) и на приговоры о лишении свободы, выносимые трибуналами; с изданием в 1922 г. УК максимальный срок, выше которого ни один суд ни в каком своем приговоре не может устанавливать продолжительность лишения свободы, был определен в 10 лет, что не идет ни в какое сравнение с длительностью лишения свободы по буржуазному праву, могущей исчисляться десятками лет или даже определяться пожизненно. Минимальный предел лишения свободы был установлен в УК первоначально в 6 месяцев, но в дальнейшем в РСФСР в 1923, 1924 и 1925 гг., а вслед затем и в других союзных республиках вводились постепенно все более и более пониженные предельные минимальные сроки (1 месяц, 7 дней, 1 день). С переходом к реконструктивному периоду в этом отношении, начиная с 1928 г., происходит перелом, в результате которого предельный минимальный срок лишения свободы устанавливается в 1 год. В УК устанавливается также минимальный и максимальный предел длительности исправительно-трудовых работ (максимум 1 год, что остается в силе и по настоящее время).

«Руководящие начала» 1919 г. допускали «лишение свободы на определенный срок или на неопределенный срок до наступления известного события», «исключение из объединения на время или навсегда» и устанавливали такую меру репрессии, как *лишение* политических прав. Последний вид репрессии был уже декретом от 5 мая 1921 г. заменен у нас срочным *ограничением* прав на срок не свыше 5 лет. С момента же издания УК 1922 г. отсутствие в советском праве бессрочных правопоражений и вообще пожизненных или бессрочных[1] репрессивных мероприятий окончательно закрепляется как одно из важных принципиальных отличий советского права от права буржуазного.

До 1924 г. советское уголовное право формулируется лишь в отдельных для каждой союзной советской республики уголовных кодексах, а в 1924 г. издаются как первый общесоюзный акт по вопросам уголовного права «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик». Эти «Основные начала», чтобы решительнее и резче оттенить разрыв советского уголовного права с традиционным буржуазным уголовно-правовым понятием наказания-возмездия, *отбрасывают самое понятие наказания.* При этом правильном и важном шаге была однако допущена и ошибка, поскольку на место понятия «наказания» и «Основные начала» ставят не понятие мер подавления и мер принудительно-воспитательного воздействия, т. е. не понятия, исходящие из ленинского анализа проблем подавления и воспитания к дисциплине, а понятие «мер социальной защиты», сформулированное представителями «антропологической» и «социологической» школ буржуазной науки уголовного права.

Понятие «мер социальной защиты» не являлось тем понятием, которое было бы пригодно для выражения принципиальной установки про-

---

[1] Единственное исключение — такая мера репрессии, как изгнание из пределов СССР, назначаемое бессрочно.

летарской диктатуры в вопросах уголовной репрессии, для выражения *качественной противоположности* системы советской репрессии системе репрессии, осуществляемой диктатурой класса капиталистов.

А эта качественная противоположность в период нэпа не только сохраняла все свое значение, но и начала, как мы сейчас увидим, получать более углубленное развитие, несмотря на то, что структура советского уголовного законодательства в этот период внешне воспроизводила структуру буржуазных уголовных кодексов, построенных по «прейскурантному» типу: советские УК, так же как и буржуазные кодексы, распадались на «общую часть» и на «особенную часть», причем последняя в каждой из своих статей предусматривала какой-либо определенный вид преступления, назначая за него определенную «санкцию».

Такая структура УК была избрана вовсе не потому, что советское законодательство изменило свою позицию, которая с самого начала, как мы знаем, характеризовалась отрицанием наказания-возмездия, т. е. отрицанием *эквивалентного* подхода к определению репрессии, — подхода, сводящегося к «отвешиванию» наказания в меру «тяжести содеянного», в меру «тяжести вины», подлежащей «искуплению» наказанием. Прямой отказ от понятия «наказания», зафиксированный в «Основных началах» 1924 г., показывает, что со своей первоначальной позиции по данному вопросу советское законодательство не сходило и не собиралось сходить. Использование буржуазной формы построения УК, означавшее, конечно, в определенных пределах использование и некоторых элементов буржуазной уголовно-правовой формы, было признано советской властью целесообразным для того, чтобы на основе УК, содержащего «особенную часть» с точными санкциями, обеспечить единообразное, правильное и соответствующее требованиям революционной законности проведение судебными органами уголовной политики пролетарской диктатуры. Необходимо помнить, что проблема такого обеспечения, стоявшая с большой остротой, и не допускала иного разрешения в условиях, когда мы не располагали еще достаточно высоким в качественном отношении составом судебных работников и когда этот состав не овладел еще в необходимой мере богатейшим марксо-ленинским наследством по вопросам уголовной политики и права.

Целый ряд принципиальных постановлений советского уголовного законодательства данного периода воочию показывает, насколько это законодательство в основе своей было враждебно теоретическим конструкциям традиционной буржуазной уголовно-правовой доктрины с ее взглядом на наказание как на возмездие за вину, с ее юридическим формализмом и догматизмом. Наш УК и в первой своей редакции 1922 г., в противовес буржуазному формально-юридическому определению преступления как «действия, воспрещенного в момент его учинения законом под страхом наказания», выдвигает в ст. 6 УК материальное, классовое определение преступления, как действия, социально (классово) опасного с точки зрения интересов пролетарской диктатуры. В противоположность буржуазному уголовному законодательству с его принципом «nullum crimen sine lege» (нет преступления, когда нет закона, который признавал бы действие преступным), советский УК

3*

устанавливает, что при рассмотрении судом дела о действии социально опасном, но не предусмотренном ни в одной из статей особенной части УК, суд применяет репрессию *по аналогии,* т. е. согласно тем статьям, которые предусматривают наиболее сходные преступления. При издании УК РСФСР 1926 г. в него было включено постановление, разрешающее в духе этого же подхода и обратный случай: когда совершенное действие формально заключает в себе «состав преступления», предусмотренный той или иной статьей УК, но по существу вовсе не является социально опасным; примечание к ст. 6 УК РСФСР 1926 г., развивавшее идею, выдвинутую уже в ст. 16 «Руководящих начал» 1919 г., говорит по этому поводу следующее: «Не является преступлением действие которое хотя формально и подпадает под признаки какой-либо статьи особенной части настоящего кодекса, но в силу явной малозначительности и отсутствия вредных последствий лишено характера общественно опасного». Дальнейший шаг по пути борьбы с юридическим формализмом делала и ст. 8 УК РСФСР 1926 г., гласящая: «Если конкретное действие, являющееся в момент совершения его согласно ст. 6 настоящего кодекса преступлением, к моменту расследования его или рассмотрения в суде потеряло характер общественно опасного вследствие ли изменения уголовного закона или в силу одного факта изменившейся социально-политической обстановки, или если лицо, его совершившее, по мнению суда к указанному моменту не может быть признано общественно опасным, действие это не влечет применение меры социальной защиты к совершившему его.

Аналогичные статьи мы встречаем и в законодательстве других союзных советских республик.

Одним из наглядных примеров эквивалентного «отвешивания» наказания в буржуазном законодательстве и судебной практике является принципиальное снижение в них наказания за покушение на преступление по сравнению с наказанием за оконченное преступление и снижение наказания пособнику при совершении преступления по сравнению с самостоятельным «исполнителем» преступления. Наоборот, советское уголовное законодательство и в период военного коммунизма (см. «Руководящие начала» 1919 г.) и в период нэпа (см. УК и «Основные начала») стоят на позиции принципиально одинаковой, при прочих равных условиях, ответственности лица, покушавшегося на преступление, и лица, совершившего это преступление, или лица, помогавшего совершить преступление, и лица, совершившего это преступление. Начиная с «Основных начал» 1924 г., мы приходим и к отрицанию проводимого вообще буржуазным уголовным правом принципиального разграничения «наказуемого» покушения от «ненаказуемого» (кроме дел о так называемых «политических преступлениях» и т. п.) приготовления; УК 1922 г. признавал еще, под бесспорным в данном случае влиянием буржуазной традиции, приготовление «ненаказуемым».

Попутно мы видим, таким образом, что не всегда нам удавалось при использовании буржуазной формы построения УК (и вообще некоторых элементов буржуазной уголовно-правовой формы) строго ограничить это использование теми более или менее узкими пределами, в которых

такое использование являлось для пролетарской диктатуры целесообразным.

При издании УК в 1922 г., как до того при издании Положения об общих местах заключения 1920 (1921) года и как в дальнейшем при издании ИТК 1924 г., кое-какие положения сказались и некритически воспринятыми нами из буржуазной традиции. Буржуазные юристы, начавшие проявлять повышенную активность с переходом к нэпу (представлявшемуся им и буржуазии в целом как процесс постепенного «сползания» советской власти к буржуазным отношениям и буржуазному «правопорядку»), старались, участвуя в качестве консультантов при подготовке тех или иных законопроектов, протаскивать свою буржуазную юридическую контрабанду. Недаром Ленин в это время специально предупреждал (в письме к т. Курскому в феврале 1922 г.): «Идет подготовка нового гражданского законодательства. НКЮ «плывет по течению», — я это вижу. А он обязан бороться против течения. Не перенимать (вернее, не дать себя надувать тупоумным и буржуазным юристам, кои перенимают) старое буржуазное понятие о гражданском праве, а создать новое... гражданское право, новое отношение к «частным» договорам и т. д.» [1]. Mutatis mutandis (с соответствующими изменениями) это не могло не относиться и к уголовному праву.

Конечно, отдельные явившиеся результатом всего этого и обнаруживавшие те или иные влияния буржуазного юридического мировоззрения дефекты в советском уголовном законодательстве в дальнейшем постепенно выявлялись и устранялись, о чем свидетельствует развитие и бесспорное улучшение нашего уголовного законодательства от УК 1922 г. через «Основные начала» 1924 г. к УК РСФСР 1926 г. и к переизданным вслед за ним УК других союзных советских республик. И все же, даже если бы улучшение нашего уголовного законодательства за эти годы было гораздо более решительным, чем оно оказалось на деле, это улучшение само по себе еще не устраняло бы возможности проявления в отдельных случаях на советском уголовно-правовом и исправительно-трудовом фронте тех или иных буржуазных влияний: такие влияния могли и непосредственно сказываться в определенных извращениях на конкретных участках нашей судебной и исправительно-трудовой практики, поскольку те или иные звенья нашего судебного аппарата и аппарата мест заключения подпадали под влияние *мелкобуржуазного окружения*. Развитие частного оборота в первые годы нэпа несомненно активизировало это мелкобуржуазное окружение, и влияние последнего прежде всего должно было сказаться в наиболее «слабом» месте нашего уголовно-правового фронта, а таким наиболее «слабым» местом приходится бесспорно признать постановления нашего уголовного законодательства, относящиеся к вопросу о «*дозировке*» репрессии, и практику применения этих постановлений.

Построение УК, как УК с «особенной частью», связывающей в своих

[1] Данная ленинская цитата приведена в докладе т. Л. М. Кагановича «Двенадцать лет строительства советского государства», см. «Сов. гос. и рев. права», 1930 г., № 1, стр. 9.

статьях с определенными преступлениями определенные санкции, было для рассматриваемого периода безусловно правильным. Однако став на этот путь, вовсе не было необходимости допускать значительную дробность и нередко казуистичность «составов преступлений», перечисленных в «особенной части» в виде отдельных ее статей [1]. Между тем такая дробность и подчас казуистичность «составов преступлений» характеризует собой и УК 1922 г. и УК 1926 г., хотя конечно в несравненно меньшей степени, чем буржуазные УК. При этом в ряде глав наших УК, именно в главах о должностных преступлениях, об имущественных преступлениях, о преступлениях против личности, немало отдельных детальных формулировок оказались и без особой надобности позаимствованными, хотя и с внесением существенных коррективов, из буржуазных «образцов».

Одновременно и в «общей части» УК ряд вопросов более юридического характера оказался разработанным гораздо более обстоятельно, чем вопрос о *классовом подходе*, которому, наоборот, в УК уделено мало внимания. Эти обстоятельства создавали определенную «питательную почву» для развития чуждой принципиальным установкам советского уголовного законодательства практики «отвешивания» наказания в меру «тяжести содеянного» — практики, на путь которой толкало мелкобуржуазное окружение и пережитки буржуазного юридического мировоззрения в среде самих советских судебных работников.

Этим прежде всего приходится объяснить и тот факт, что в 1924—1928 гг. наша судебная практика пошла по пути чрезмерно широкого применения *лишения свободы* — и притом в виде *краткосрочного лишения свободы*, — и пошла по этому пути за счет сокращения применения исправительно-трудовых работ. Непосредственным стимулом к переходу на этот путь были отмеченные уже выше законодательные постановления о снижении предельного минимального срока лишения свободы. Продиктованные *стремлением избежать загрузки тюрем*, эти постановления привели к *обратному результату*, что и доказало окончательно их недостаточную продуманность и привело к полному осознанию их принципиальной невыдержанности. Увеличение применения *краткосрочного* лишения свободы, т. е. менее всего могущего увязываться с задачей воспитания, лишения свободы, за счет сокращения применения исправительно-трудовых работ, во всяком случае шло вразрез с сформулированными Лениным при составлении партийной программы задачами «замены лишения свободы принудительным трудом с проживанием на дому» и «замены тюрьмы воспитательными учреждениями» [2].

Сделав эти вводные замечания, мы можем теперь перейти к непосредственному рассмотрению развития советской исправительно-трудовой политики в восстановительный период.

---

[1] Не было и необходимости, разделив более или менее формально лишение свободы на лишение свободы со строгой изоляцией и лишение свободы без строгой изоляции, связывать одни «составы преступления» с первым видом лишения свободы, а другие — со вторым.

[2] «Ленинский сборник» XIII, стр. 85.

В первые годы восстановительного периода единственным актом, который должен был бы регулировать осуществление исправительно-трудовой политики в советских местах заключения, являлось в РСФСР Положение об общих местах заключения от 15 ноября 1920 г., введенное в действие в 1921 г. (СУ 1921 г. № 23—24, ст. 141). Однако это Положение, являвшееся не законодательным, а ведомственным актом НКЮ РСФСР, регулировало осуществление исправительно-трудовой политики далеко не достаточно, не полно и не четко и дает основание утверждать, что в НКЮ разработке Положения от 15 ноября 1920 г. было уделено недостаточное внимание. Основная масса статей этого акта имела узко технический характер или касалась административно-организационных моментов; статей же, формулировавших установки и дававших направление исправительно-трудовой работе как таковой, в Положении содержалось очень немного.

В числе таких статей можно указать прежде всего ст. 111, которая гласит: «Занятие заключенных работами имеет воспитательно-исправительное значение, ставя своей целью приучить и приохотить к труду заключенных, дать им возможность по выпуске из места заключения жить трудовой жизнью. Вместе с тем труд, обязательный для каждого гражданина РСФСР, является обязательным и для заключенных». Примыкающая по существу к данной статье ст. 11 указывает, что «на обязанности заведующего работами лежит общая забота о такой постановке работ, при которой труд заключенных имел бы наибольшее воспитательное значение, и о введении работ наиболее полезных и применимых в данной местности». Можно отметить также, что в ст. 112 выдвигается уже и задача перехода мест заключения на самоокупаемость: «Содержание мест заключения, — говорится в этой статье, — должно по возможности окупаться трудом самих заключенных». Для первых лет восстановительного периода, — не говоря уже о моменте конца периода военного коммунизма, когда составлялось рассматриваемое Положение, — эта задача, впрочем, на практике еще вовсе не могла быть реализована, чем конечно и обусловливалась робость самой формулировки: «должно по возможности окупаться».

Наряду с указаниями, относящимися к постановке производства («работ») в местах лишения свободы, Положение предусматривает существование особой учебно-воспитательной и особой врачебно-санитарной части. Ст. ст. 130—149 содержат ряд постановлений по вопросу об организации и проведении учебно-воспитательного дела в местах заключения, устанавливая в частности обязательность посещения школы для всех заключенных, не достигших 50-летнего возраста, и предусматривая кроме того организацию также внешкольных занятий, лекций, бесед и т. п. К этим постановлениям примыкают постановления о библиотечном обслуживании заключенных и об «образовательных развлечениях» для них (концерты, спектакли и т. п.), причем ст. 156 специально оговаривает, что «к подготовительным работам по устройству означенных... развлечений и к участию в этих развлечениях в возможно широкой мере должны привлекаться сами заключенные».

И Положение от 15 ноября 1920 г. отражает (в частности по во-

просам о нормах и оплате труда, о свиданиях и переписке заключенных, передачах и выписке ими продуктов, о дисциплинарных мерах и т. п.) те характерные черты режима в советских местах лишения свободы, которые, принципиально отличая советские исправительно-трудовые учреждения от капиталистических тюрем, являлись уже в 1919 г. одним из существенных оснований возможности для программы партии констатировать «коренное изменение характера наказания» в Стране советов. В то же время дефектом Положения от 15 ноября 1920 г. является отсутствие в нем общих установочных статей об *основах режима* хотя бы подобно тем, далеко еще не поднятым на необходимую принципиально-теоретическую высоту ст.ст. 48 и 49 ИТК 1924 г., которые выдвигали общую формулировку о том, что «режим в местах заключения основывается на правильном сочетании принципов обязательного труда заключенных и культурно-просветительной работы» и что «для действительного осуществления исправительно-трудовой политики режим в местах заключения должен быть лишен всяких признаков мучительства, отнюдь не допуская применения физического воздействия: кандалов, наручников, карцера, строго-одиночного заключения, лишения пищи, свиданий заключенных с их посетителями через решотку».

Конечно, режим в советских местах лишения свободы в основном соответствовал этой установке и до того, как она была сформулирована в процитированных статьях ИТК.

Все это бесспорно должно быть признано одним из проявлений ***недостаточного в принципиальном и в теоретическом отношении уровня разработки Положения от 15 ноября 1920 г.*** А при наличии такого недостаточного уровня разработки не приходится удивляться и тому, что авторы Положения не убереглись от влияния буржуазной теории в отдельных, но достаточно существенных отношениях.

Результатом таких чуждых влияний, которые всегда используют те случаи, когда им в соответствующей работе не противопоставляется надлежащая марксо-ленинская четкость и теоретическая заостренность, и оказалось некритическое восприятие Положением от 15 ноября 1920 г. буржуазной, так называемой «*прогрессивной системы*» отбывания лишения свободы.

Конкретно построение отбывания лишения свободы на началах этой «прогрессивной системы» проводилось в Положении от 15 ноября 1920 г. следующим образом: все заключенные делились согласно ст. 46 на 3 *категории:* 1) осужденные за преступления, не имеющие корыстного характера, 2) осужденные за преступления корыстного характера и 3) рецидивисты той и другой группы; в то же время устанавливалось четыре *разряда* по отбыванию лишения свободы: 1) разряд испытуемых, 2) разряд исправляющихся, 3) образцовый разряд и, отдельно, 4) штрафной разряд, причем для «исправляющихся» устанавливался несколько более облегченный режим, чем для «испытуемых», для «образцовых» — более облегченный режим, чем для тех и других, а заключенные «штрафного разряда», как показывает самое название, должны были содержаться в условиях более строгого режима, чем заключенные всех остальных разрядов.

Каждый поступивший в место лишения свободы заключенный начинал отбывание приговора как «испытуемый», а затем, по истечении того или иного срока, разного для каждой из трех «категорий» заключенных, переводился в разряд «исправляющихся» при условии, если он «обнаруживал признаки исправления»; осужденные на сроки не менее 3 лет, пробывшие в разряде «исправляющихся» не менее 6 месяцев, могли затем за «отличное поведение» быть переводимы в «образцовый разряд».

Нечего и говорить, что соответствующие правила, содержавшиеся в ст. ст. 46—60 Положения, носили чрезвычайно формальный характер, вполне естественный и неизбежный в буржуазном праве, но противоречащий существу и задачам советского права *и были вовсе лишены признаков пролетарского классового подхода,* поскольку они проводили нивеллирующий классово-обезличенный подход ко всем классовым категориям лишенных свободы, что прямо бросается в глаза при ознакомлении, например, со ст. 46 Положения (о делении заключенных на «категории»). Тов. Сольц на I всероссийском съезде работников пенитенциарного дела (октябрь 1923 г.) выявил при обсуждении проекта ИТК очень ярко, что означала на практике «прогрессивная система» в наших местах лишения свободы: «Нужно сказать, что до сих пор распределение заключенных идет по-старому, т. е. они распределяются на исправляющихся, образцовых и испытуемых, причем подход к ним остался тоже старый, ибо начальнику тюрьмы кажется, что образцовый арестант это тот, который меньше всего его беспокоит, а таковым является нэпман, который с первого же дня является образцовым арестантом, ибо его кормят из дому, скверными словами он не ругается, о нем меньше приходится беспокоиться. С точки зрения тюрьмы это — образцовый арестант, так же как и священник и епископ, которые ведут культурную работу и работу канцелярскую и пользуются поэтому разными привилегиями» [1].

Следует, понятно, отметить, что и по Положению 1920 г. «прогрессивная система» в советских местах лишения свободы отличалась некоторыми существенными особенностями от своего «образца» — «прогрессивной системы» буржуазных тюремных уставов: по нашему Положению срок пребывания в разряде «испытуемых» мог быть сокращен распределительной комиссией, заключенные разряда «исправляющихся», а тем более «образцового разряда» уже могли получать отпуска и т. п. Тем не менее постановления о «прогрессивной системе» необходимо признать одним из наиболее слабых мест Положения 1920 г.

Отмеченные существенные дефекты и общий невысокий уровень Положения об общих местах лишения свободы 1920 г. привели к тому, что уже на втором году нэпа встал вопрос о необходимости замены этой по существу ведомственной инструкции НКЮ особым Исправительно-трудовым кодексом; к разработке проекта такого кодекса приступило уже в 1922 г. Главное управление местами заключения РСФСР,

[1] Всероссийский съезд работников пенитенциарного дела. Стеногр. отчет, Москва, 1923 г., стр. 138.

возникшее из Центрального исправительно-трудового отдела НКЮ (новое название Центрального карательного отдела) после передачи этого отдела и всей сети общих мест лишения свободы из НКЮ в НКВД согласно постановлению Совнаркома РСФСР от 25 июля 1922 г.

Невозможность обходиться прежним Положением об общих местах лишения свободы стала тем более ясна после введения в действие УК 1922 г., который в своей ст. 34 предусматривал места лишения свободы *разных типов* (исправительно-трудовые дома, трудовые сельскохозяйственные и ремесленные колонии, переходные исправительные дома), в то время, как Положение даже не оговаривало возможности существования различных типов мест лишения свободы с особыми условиями режима (еще одно доказательство неудовлетворительности и крайней абстрактности разработки Положения, ибо, как мы видели, разные типы мест лишения свободы с разным режимом, в частности трудовые сельскохозяйственные колонии, появляются у нас еще в 1918 г.).

16 октября 1924 г. ИТК РСФСР принимается 2-й сессией ВЦИК XI созыва. Вслед за тем приступают к изданию своих ИТК и другие союзные республики: УССР, ССР Грузии и Азербайджанская ССР издают ИТК в 1925 г., БССР и УзбССР — в 1926 г., а ТуркССР — в 1928 г.

Мы отмечали, что при разработке проекта ИТК вопросам формулировки в нем классового подхода уделяется уже определенное внимание. Эти вопросы оживленно обсуждаются в 1923 и 1924 гг. на I всероссийском съезде пенитенциарных работников и на V всероссийском съезде деятелей советской юстиции[1]. В резолюции последнего съезда по докладу т. Крыленко о карательной политике было зафиксировано в частности, что «не могут иметь места меры исправительно-трудового воздействия по отношению к заведомо классовым врагам пролетариата, сознательно совершающим преступления и нарушающим законы советского государства в силу классовой ненависти, классовой психологии или прежних классовых навыков», и что «наоборот суды не могут забывать о том, что пролетарское государство, ограждая себя от преступников, чуждых ему по духу, стремится одновременно к исправлению совершивших преступление представителей трудящихся масс».

Мы видим здесь, что V съезд деятелей советской юстиции хотя и исходил из ленинского положения о подавлении классовых врагов и о воспитании к дисциплине трудящихся, тем не менее брал это положение в упрощенном виде, ибо, как мы знаем, Ленин в статье «Как организовать соревнование» говорил об «исправлении исправимых» и из числа «богачей, буржуазных интеллигентов, жуликов и хулиганов», хотя возможность этого в отношении классовых врагов Ленин и допускал для того времени лишь как исключение: «Было бы смешно и нелепо отказываться от террора и подавления по отношению к помещикам и капиталистам с их прихвостнями, продающими Россию иностранным «союзным» империалистам. *Было бы комедией пытаться*

---

[1] См. об этом А. Эстрин, Развитие советской уголовной политики, изд. «Сов. законодательство», 1933 г., глава 20.

«убеждать» и вообще «психологически влиять» на них», — решительно подчеркивал Ленин затем в ноябре 1918 г.[1].

Возможность осуществления «исправления исправимых» из числа классово чуждых элементов и в особенности в сколько-нибудь широких размерах, безусловно *предполагает наличие определенных общественно-политических предпосылок,* которые мы имеем на данном этапе в условиях ликвидации в основном кулачества как класса на базе сплошной коллективизации, — в условиях, когда в порядок дня поставлена и практически разрешается задача построения во второй пятилетке бесклассового социалистического общества, с чем связано и разрешение задачи «ликвидации пережитков капитализма в экономике и сознании людей». Подобных предпосылок мы, конечно, не имели в 1923—1924 гг., да и в последовавшие затем годы до момента, когда к концу 1931 г., партией и советской властью была разрешена задача построения фундамента социалистической экономики, когда вопрос «кто кого» был победоносно разрешен в пользу социализма как в городе, так и в деревне.

Ясно, что проблема исправления в отношении «исправимых элементов» из классово чуждых слоев в период составления ИТК и в последовавшие затем 6—7 лет еще не могла быть сколько-нибудь широко поставлена как вопрос *практики, и в этом смысле* — но только в этом смысле — цитировавшаяся нами резолюция V съезда не делала ошибки, когда она соответствующим образом ориентировала на *ближайшие годы* практических работников органов юстиции и исправительно-трудовой системы. Гораздо большую и более опасную ошибку — ошибку правооппортунистического характера — допускали те, кто, подобно т. Ширвиндту, выдвигал теорию «всеобщего исправления», которую им, как мы увидим далее, и удалось некоторым образом протащить в ИТК 1924 г. Несмотря на то, что пролетарский классовый подход и получил определенное отражение в ст. 47 и в немногих других статьях ИТК 1924 г., все же и этот ИТК продолжает обнаруживать тот нивеллирующий, классово-обезличенный подход к различным классовым категориям заключенных, который был характерен для Положения 1920 г.

При составлении ст. 47 ИТК, говорившей о принципах распределения приговоренных к лишению свободы лиц между местами заключения разных типов, в зависимости от классовой характеристики их и степени их классовой опасности, были учтены следующие установки, сформулированные также V съездом деятелей советской юстиции в резолюции по докладу Н. В. Крыленко о карательной политике: «9. Признать необходимым проведение полного разделения указанных выше двух групп преступников в местах отбывания наказания; число изоляторов специального назначения с сосредоточением в них осужденных к строгой изоляции, не принадлежащих к классу трудящихся и совершивших преступление в силу классовых привычек, взглядов и интересов, а равно и лиц, хотя и принадлежащих к трудящимся, но признаваемых особо опасными для республики, должно быть увеличено... 13. За исключением

[1] Ленин, т. XXIII, стр. 293—294 (курсив наш).

указанной выше группы осужденных, всех остальных осужденных сосредоточить в местах заключения общего и облегченного типа; должны быть созданы специальные сельскохозяйственные и фабрично-заводские колонии как места заключения облегченного типа, с установлением в них в целях поднятия квалификации осужденных взаимного обучения...»

В то же время однако ИТК продолжает исходить из буржуазно-либеральной «прогрессивной системы» и лишь вносит некоторые коррективы в рассмотренные нами выше постановления о ней, содержавшиеся в Положении от 15 ноября 1920 г., причем эти коррективы имеют место прежде всего в виде установления некоторого учета классовых моментов при распределении отбывающих лишение свободы лиц по категориям. В качестве коррективов иного порядка, преследующих цель ослабления элементов формализма в осуществлении «прогрессивной системы», можно отметить также следующие изменения, внесенные ИТК: прямое указание на право распределительной комиссии снижать сроки пребывания в низших «разрядах» (ИТК обозначает эти «разряды» как «начальный», «средний», «высший» и «дисциплинарный»); установление возможности зачисления лишенного свободы третьей категории (т. е., как правило, лишенного свободы из трудящихся) в средний или даже в высший разряд с самого начала отбывания им приговора; отмена одиночного заключения как стадии отбывания лишения свободы; устранение зависимости между пребыванием в высшем «разряде» и досрочным освобождением и т. д.

При всем том и ИТК устанавливал определенные твердые сроки пребывания в начальном и в среднем разряде, и притом именно сроки, пропорциональные общему сроку, назначенному осужденному в судебном приговоре; содержал довольно существенные и в то же время вовсе не допускавшие возможности гибкого применения ограничения в режиме для низших разрядов.

С другой стороны, необходимо особенно подчеркнуть, что даже в том «исправленном» виде, какой «прогрессивная система» получила в ИТК, она не могла не итти рука об руку с теорией «всеобщего исправления» [1]. Об этом прямо свидетельствует, например, ст. 103 ИТК о том, что заключенные первой категории должны пробыть в начальном разряде не менее половины, а заключенные второй категории — не менее одной четверти назначенного судом срока лишения свободы. Ведь к *первой категории* ст. 101 ИТК относит всех подлежащих лишению свободы со строгой изоляцией, причем здесь имеются в виду лица, которые согласно ст. 47, п. 4, должны направляться в изоляторы специального назначения, — именно «приговоренные к лишению свободы со строгой изоляцией лица, не принадлежащие к классу трудящихся и совершившие преступление в силу классовых привычек, взглядов и интересов, а равно лица, хотя и принадлежащие к трудящимся, но признаваемые особо опасными для республики или переводимые в порядке дисциплинарного взыскания». Таким образом по истечении половины

---

[1] Теория эта в свою очередь тесно соприкасалась со своего рода «теорией всеобщего равенства» в стенах исправительно-трудовых учреждений.

срока приговора любой совершивший особо опасное преступление классовый враг может быть переведен в «средний» разряд, т. е., говоря словами Положения 1920 г., в «разряд исправляющихся», и такой перевод будет одновременно означать согласно ст. 167 ИТК перевод его и вообще из изолятора в исправительно-трудовой дом для содержания на общих основаниях; ничто не мешает переводу его в дальнейшем оттуда согласно ст. 17, п. 5, в переходный исправтруддом с чрезвычайно облегченным режимом.

Не забудем и того, что ведь и *вторая категория* охватывает, с одной стороны, профессиональных преступников, а с другой стороны, тех из заключенных, которые, не принадлежа к классу трудящихся, совершили преступление вследствие своих классовых привычек, взглядов и интересов, при условии, что они не приговорены судом к лишению свободы со строгой изоляцией (в противном случае они подлежали бы уже отнесению к первой категории). Эта категория и должна по ИТК составлять основной контингент содержащихся в исправительно-трудовых домах, ибо в трудовые сельскохозяйственные, ремесленные и фабричные колонии направляются согласно ст. 47, п. 3, ИТК «заключенные, приговоренные к лишению свободы без строгой изоляции на срок не свыше пяти лет, если приговором суда будет установлено, что, принадлежа к трудящимся, они по несознательности совершили преступление в первый раз, случайно или вследствие тяжелых материальных условий и если они не внушают опасений в смысле побега».

Как раз последняя группа заключенных, превышающая своей численностью другие группы, и есть та группа, на воспитание которой к дисциплине должно быть обращено и обращается особое внимание советскими исправительно-трудовыми органами. И вот любопытно, что именно в отношении этой основной группы заключенных «прогрессивная система» с ее «дозировкой» льгот теряет всякое значение, поскольку режим в колониях определяется в основном не теми статьями ИТК, которые строят режим, исходя из «прогрессивной системы», а ст. 150, говорящей о том, что «режим в трудовых колониях, которые... рассчитаны преимущественно на правонарушителей из среды трудящихся, случайно или по нужде впавших в преступление, должен приближаться к условиям работы и распорядка в соответствующих хозяйственных организациях для свободных граждан». И вообще даже те совершившие преступление трудящиеся, которые отбывают приговор не в колонии, а в исправительно-трудовом доме, чаще всего должны были оказываться зачисленными сразу в «высший» разряд на основании ст. 104 ИТК, дающей право наблюдательным комиссиям лишенных свободы *третьей категории* сразу зачислять в любой из установленных трех разрядов. И в данном случае, при зачислении лишенного свободы в «высший разряд», «прогрессивная система», как таковая, в сущности *«снимается»,* ибо весь смысл этой системы базируется именно на том, что перед лишенным свободы открывается «перспектива» «повышения» в зависимости от его поведения из низшего разряда в более высокий разряд, в разряд с большими льготами и более облегченным режимом.

Мы приходим таким образом к выводу, что реальное значение «прогрессивная система» могла бы по ИТК получить как раз лишь в применении к классово чуждым элементам, во-первых, и к рецидивистам и к иным особо опасным элементам—во-вторых. Но совершенно ясно, что попытка «исправления» подобного рода элементов на основе применения к ним надуманных, абстрактных и формальных начал буржуазной «прогрессивной системы»[1] являлась по меньшей мере маниловщиной. И недаром *в практику наших советских мест лишения свободы «прогрессивная система» так-таки по-настоящему и не вошла.*

Недостатки нашего исправительно-трудового законодательства, как и нашего уголовного законодательства вообще, в том виде, какой и то и другое имели в 1924 г., несомненно в значительной мере были связаны с тем, что, хотя и поднявшись уже на высоту прямой постановки в формулах закона вопросов пролетарского, *классового подхода,* советское законодательство к данному времени еще не давало этим вопросам достаточно четкого и исчерпывающего разрешения. Для такого четкого и исчерпывающего разрешения проблемы классового подхода понадобилась еще дальнейшая, более углубленная и более развернутая разработка вопросов марксо-ленинской теории права вообще и в частности уголовной политики и права, на основе более всестороннего овладения богатейшим теоретическим наследством Маркса, Энгельса и Ленина, поднятым на новую ступень в работах лучшего ученика Ленина — т. Сталина.

Мы можем, например, констатировать довольно упрощенную и механическую формулировку проблем классового подхода в п. «б» ст. 31 и п. «б» ст. 32 «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» (принятие которых ЦИК СССР совпало с принятием ВЦИК Исправительно-трудового кодекса). Пункт «б» ст. 31 «Основных начал» предписывал применение более строгой меры репрессии, «если преступление совершено лицом, в той или иной мере связанным с принадлежностью в прошлом или настоящем к классу лиц, эксплоатирующих чужой труд»; это постановление увязывалось с постановлением, содержавшимся в п. «б» ст. 32, который устанавливал, что более мягкая мера применяется, если преступление было совершено «рабочим или трудовым крестьянином». Перенося совершенно неправильно вопрос о классовом подходе пролетарского суда к разным классовым категориям лиц, совершивших преступление, в плоскость абстрактного «смягчения» или «повышения» меры репрессии, эти постановления могли на практике — при проникновении начал «дозировки» и «отвешивания» и в самый УК — вызывать у судей представления о том, что трудящемуся надлежит «дать меньше», а лицу, принадлежащему к нетрудовым слоям, «дать больше». Чтобы устранить повод для такой вульгаризации классового подхода, указанные постановления были в 1927 г. исключены

[1] Напоминаем, что эта «прогрессивная система» в буржуазной тюрьме, конечно, ни к каким результатам в смысле «исправления» не приводила и приводить не могла, и что в основном она там вообще оставалась лицемерной фразой, а в условиях фашизации буржуазной репрессии и подавно сходит на-нет.

из «Основных начал» и из УК, куда они должны были быть внесены, пока они значились в «Основных началах».

Если, таким образом, «слабым местам» УК соответствовали более или менее аналогичные или во всяком случае относящиеся к вопросам одинакового порядка «слабые места» ИТК, то это явление отрицательного значения конечно также определенным образом коренится и находит себе объяснение в положительном факте *единства уголовной и исправительно-трудовой политики.*

А в то же время на этом примере особенно ясно обнаруживается, что это единство уголовной и исправительно-трудовой политики нужно рассматривать *в процессе его развития* как диалектическое единство, не только не исключающее, но даже прямо предполагающее наличие определенных *противоречий* в этом единстве. Яркой иллюстрацией этого последнего положения может служить появление в рассматриваемый период и некоторого частичного «*разрыва*» между практикой советской уголовной и практикой советской исправительно-трудовой политики, связанного как раз с наличием определенных искривлений в деле проведения классового подхода в исправительно-трудовых учреждениях.

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР по докладу НКЮ и НКВД о карательной политике и состоянии мест заключения, вынесенное в самом начале реконструктивного периода, в марте 1928 г., должно было констатировать «отсутствие планомерной и достаточно выдержанной с классовой точки зрения политики в регулировании пребывания осужденных в местах заключения, в частности недостаточно обоснованное допущение в ряде случаев льгот для классово чуждых и социально опасных элементов исключительно по формальным основаниям».

Одной из существенных причин этого явления было отмеченное также в цитированном постановлении ВЦИК и СНК «слабое руководство наблюдательными комиссиями и недостаточное внимание к работе распределительных комиссий».

Дело именно прежде всего и заключалось в том, что, получив согласно ИТК особенно большие права по регулированию отбывания приговоров к лишению свободы, эти комиссии отнеслись к своей работе в значительной мере аполитично, механически и формально, скатившись тем самым к тому, что, став во многих случаях на позиции своего рода «внеклассового» подхода, они фактически оказались проводниками буржуазных влияний; в то же время руководство Главумзака НКВД не только не обеспечило необходимой решительной борьбы с этими оппортунистическими извращениями и их своевременной ликвидации, а сплошь и рядом само толкало свои органы на этот путь. С введением ИТК распределительные комиссии получили особенно широкие функции: они ведали теперь не только распределением приговоренных по местам лишения свободы и переводом их из одного исправительно-трудового учреждения в другое, но и переводом лишенных свободы второй и третьей категории из одного разряда в другой[1] ранее установленных ИТК ми-

[1] В отношении заключенных первой категории они могли в свою очередь ходатайствовать о таком досрочном переводе перед Главумзаком.

нимальных сроков, зачетом (в РСФСР) двух дней работы за три дня срока лишения свободы (или исправительно-трудовых работ) и наконец *самостоятельно осуществляли условно-досрочное освобождение* в отношении осужденных, отбывших не менее ½ (по законодательсту РСФСР) или не менее ⅓ (по законодательству УССР) срока приговора к лишению свободы или исправтрудработам; до того, напомним, вопросы условно-досрочного освобождения разрешались *судом.* Наблюдательные комиссии, существовавшие при каждом месте лишения свободы, ведали в свою очередь вопросами распределения лишенных свободы по категориям, переводом лишенных свободы из разряда в разряд по истечении установленных минимальных сроков, *разрешением отпусков* и т. д.

О том, как на практике с момента введения в действие ИТК до конца восстановительного периода (и даже еще в первые годы реконструктивного периода по 1930 г.) осуществлялись эти функции, отчетливо сказано в резолюции V совещания руководящих работников юстиции РСФСР (июнь 1931 г.) по докладу т. Апетера.

«Несогласованность и разнобой, — читаем мы в этой резолюции,— как в практической деятельности исправительно-трудовых и судебных органов, так и в их теоретических установках резко выявились в широкой и ничем не оправдываемой практике применения условно-досрочного освобождения и зачета рабочих дней, что приводило зачастую к нереальности судебных приговоров и подрыву действия уголовной репрессии, во-первых, и к прямому искривлению классовой линии в работе исправительно-трудовых учреждений—во-вторых. Предоставление льгот классово чуждым элементам, сокращение различными путями их срока лишения свободы, неправильное использование их рабочей силы и т. д., неся в себе все элементы правооппортунистической практики, являлись характерной чертой прежней политики. Эти явления вырастали, в свою очередь, из неверной теоретической предпосылки о том, что «в тюрьме все равны» и что индивидуальное исправление должно быть целью этой политики» [1].

Наличие извращений подобного рода обязательно нужно иметь в виду при характеристике общей картины развития советской исправительно-трудовой политики в восстановительный период. Но, само собой разумеется, изложенные нами отрицательные моменты никоим образом не могут заслонить собою того основного *положительного содержания,* которое и в этот период развития советской исправительно-трудовой политики прокладывало себе путь через все трудности и все противоречия, являвшиеся и в данном случае прежде всего трудностями и противоречиями *роста.*

В восстановительный период в области исправительно-трудовой политики прежде всего получают дальнейшее развитие и более конкретизируются вопросы *труда* в местах лишения свободы. Ст. 51 ИТК РСФСР устанавливает, что «занятие заключенных работами имеет воспитательно-исправительное значение, ставя своей целью приучить их к труду и,

---

[1] См. «Органы юстиции на новом этапе», изд. «Советское законодательство», 1931 г., стр. 100.

обучив какой-либо профессии, дать им тем самым возможность по выходе из мест заключения жить трудовой жизнью». Эта формулировка задач организации труда лишенных свободы делает шаг вперед по сравнению с формулировкой, содержавшейся в ст. 111 Положения 1920 г., подчеркивая задачу *обучения лишенного свободы определенной профессии*.

С задачей развертывания труда в местах лишения свободы увязывается и задача установления самоокупаемости исправительно-трудовых учреждений, причем в то же время подчеркивается, что основной для них является исправительно-воспитательная задача. Ст. 9 ИТК РСФСР указывает, что «каждое исправительно-трудовое учреждение должно стремиться возмещать трудом содержащихся в нем заключенных затрачиваемые на них издержки, не теряя однако из виду исправительных целей». Еще более четко эта мысль выражена в ИТК УССР: «Каждое исправительно-трудовое учреждение, преследуя прежде исправительные цели, должно в то же время стремиться возмещать трудом содержащихся в них заключенных затрачиваемые на них издержки».

Вопрос о профтехническом образовании, правда, ставится в ИТК еще совершенно неконкретно и во всяком случае без учета различных классовых категорий заключенных. Однако в отдельных других постановлениях ИТК, относящихся к вопросам труда, начинают уже учитываться и классовые моменты. Таково постановление ст. 52, ч. 2, ИТК РСФСР о зачете двух дней работ за три дня срока лишения свободы при «проявлении заключенными из среды трудящихся особо продуктивного труда и приобретении ими профессиональных знаний и трудовых навыков». В ИТК УССР аналогичная статья отсутствует, но зато здесь мы встречаем другое существенное правило, которого нет в ИТК РСФСР: «В случае невозможности привлечь всех заключенных к работе преимущественное право на оплачиваемую работу имеют заключенные из трудящегося класса».

Если процент заключенных, занятых на работах, обнаруживает в годы восстановительного периода только очень медленное увеличение, то это объясняется прежде всего существованием тогда у нас безработицы, ликвидация которой относится уже к реконструктивному периоду (1930 г.). Зато качественно улучшались предприятия в местах лишения свободы: число мелких предприятий (с количеством занятых рабочих до 15 человек) постепенно уменьшалось, при одновременном значительном росте числа средних, с количеством рабочих от 30 человек и выше: таких средних по размерам предприятий насчитывалось в 1924 году только 19, а в 1927 г. — 226 [1], хотя все еще преобладают работы кустарного типа, мастерские сплошь и рядом имеют лишь учебный характер, причем «выбор существующих производств в местах заключения был произведен стихийно, без плана, под влиянием случайных обстоятельств» [2].

---

[1] Ширвиндт и Утевский, Советское исправительно-трудовое право, изд. 2-е, 1931 г., стр. 148.

[2] См. доклад т. Кесслера на I всесоюзном совещании пенитенциарных деятелей (октябрь 1928 г.).

Если задача создания трудовых колоний была выдвинута у нас, как мы видели выше в § 2, еще в 1918 г., то ИТК делает и в этом отношении шаг вперед, выдвигая в своих «общих положениях» трудовые колонии на первый план в системе исправительно-трудовых учреждений. На практике все же основным типом исправительно-трудовых учреждений и в восстановительный период продолжают еще оставаться закрытые места лишения свободы, а не колонии; можно отметить, что в конкретных постановлениях ИТК, следующих за «общими положениями», о колониях говорится очень мало, так что ИТК своей общей установки по данному вопросу вовсе еще не реализует. При всем том в восстановительный период уже создаются не только сельскохозяйственные колонии, но и колонии промышленного типа; правда, последние и в конце восстановительного периода исчисляются лишь единицами (к 1929 г. числилось 6 лесозаготовительных и 4 фабрично-заводских колоний); зато сильно вырастает число сельскохозяйственных предприятий в системе исправительно-трудовых учреждений. Всего таких предприятий — как самостоятельных колоний, так и приписных к местам лишения свободы сел.-хоз. ферм, в 1925 г. состояло 105 с земельной площадью в 31 767 га (против 17 с 2 953 га в 1919 г.), а в 1927 г. мы имели уже 137 сельскохозяйственных предприятий в системе ИТУ с 36 502 га [1].

Начиная с 1924 г. создаются и такие учреждения совершенно нового типа, как *трудовые коммуны ОГПУ* для правонарушителей-подростков. Тов. Погребинский так излагает принципы, на которых построены эти «трудовые коммуны»: «В коммуне не должно чувствоваться ни малейшего намека на принуждение; ребята, решившие зажить коммунальной жизнью, должны сознавать, что они пришли в коммуну не подневольными людьми с уголовным прошлым, а по своему желанию: «хошь — живи, не хошь — уходи». Вот чрезвычайно простой, но основной момент жизни коммуны. Поэтому ни о конвойной страже, ни о чем другом, стесняющем свободу ребят в коммуне, речи нет. Этот принцип «открытых дверей» создает такое настроение у ребят, что они не чувствуют себя в воспитательном учреждении, которое хочет производить над ними какие-то педагогические опыты, а они — свободные люди, понявшие невозможность продолжать «легкую», но в сущности, нелегкую жизнь и желающие ее сменить на трудовую. Отсюда вытекает второй принцип коммуны: «Чтобы жить трудовой жизнью, надо уметь что-нибудь делать». Поэтому вся жизнь коммуны подчинена обучению ребят какому-либо труду. Это особенно нравится ребятам. Получить квалификацию — мечта любого парня в 18 — 20 лет... Третий принцип, на котором построена коммуна, — принцип круговой поруки: «Все отвечают за каждого», и таким образом то, чего невозможно добиться проповедью морали, лекциями, угрозами, казалось просто и легко, когда каждый парень почувствовал, что ему придется отвечать за свои действия не перед администрацией, а перед коллективом...» [2].

---

[1] Ширвиндт и Утевский, Советское исправительно-трудовое право, изд. 2-е, 1931 г., стр. 91.

[2] М. С. Погребинский, Трудовая коммуна ОГПУ, с предисловием и под редакцией М. Горького, 1928 г., стр. 17—18.

Конечно, тип «трудовых коммун», в которых наиболее ярко проявляется новый советский подход к разрешению задачи перевоспитания, не может еще для настоящего времени и для ближайших лет служить во всех отношениях *образцом* для трудовых колоний в системе ГУИТУ, в которых необходимость *принуждения* еще никоим образом не снимается. Однако отдельные моменты опыта «трудовых коммун» все более и более выдвигаются в реконструктивный период и в жизни наших общих исправительно-трудовых учреждений: огромное влияние на лишенных свободы того факта, что они получают квалификацию, делающую их полезными членами социалистического общества, трудовой энтузиазм и трудовой подъем, возрастающая роль коллектива, роль ответственности перед коллективом и т. д.

Укрепление и продвижение вперед в восстановительный период советских исправительно-трудовых учреждений идет руку об руку с развитием их материальной базы. Значительно улучшаются жилищные условия, приводятся в порядок школьные помещения и мастерские, создаются клубы и другие помещения для массовой *культурно-просветительной работы,* которая *в этот период получает дальнейшее развитие и углубление.*

Но острым вопросом в течение всего восстановительного периода продолжает оставаться переполнение мест лишения свободы главным образом из-за чрезмерно широкого вынесения судами краткосрочных приговоров к лишению свободы и благодаря малому — и притом все снижавшемуся (до 1926 г.)—использованию судами в этот период такой меры, как исправительно-трудовые работы без лишения свободы. В 1926 г. лишь 14% всех осужденных судом были приговорены к исправительно-трудовым работам, в то время как 39,4% всех осужденных были приговорены к лишению свободы (из них 70% — на сроки до 6 месяцев).

Некоторое увеличение применения исправительно-трудовых работ замечается лишь в 1927 г. (с 14 до 18%), в чем сказалось влияние постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 6 сентября 1926 г. об организации принудработ без содержания под стражей (СУ № 60, ст. 462), которое впервые поставило вопрос об организационных предпосылках надлежащей реализации приговоров к таким работам и привлекло к осуществлению этих приговоров помимо бюро принудработ и местные исполкомы, а также места заключения. В условиях существовавшей еще тогда у нас безработицы осуществление исправительно-трудовых работ представляло особые трудности, которые еще усугублялись в результате того, что до 1926 г. отсутствовали практические мероприятия и конкретное руководство со стороны НКЮ и НКВД по организационному обеспечению реализации судебных приговоров к исправительно-трудовым работам.

Подавляющее большинство приговоров к этим работам оставались не реализованными, что побуждало судебные органы воздерживаться от применения такой меры в выносимых ими приговорах и вызвало даже предложения о полной отмене иправительно-трудовых работ как предусмотренной УК меры репрессии. Против этих предложений при об-

суждении проекта УК РСФСР 1926 г. на сессии ВЦИК выступил т. Крыленко. Но лишь в реконструктивный период был осуществлен решительный перелом в смысле перехода к гораздо более широкому применению исправительно-трудовых работ за счет энергичного сокращения применения лишения свободы (что, как мы знаем, вытекает из определенной установки нашей партийной программы).

IV[1]

За годы восстановительного периода партией и советской властью был на основе ленинской генеральной линии пройден большой и трудный участок пути, ведущего —и к настоящему времени уже приведшего нас — к победе социализма как в городе, так и в деревне. Этапы этого пути XV съезд партии (декабрь 1927 г.) в своей резолюции «О работе в деревне» характеризовал следующим образом:

«В период, *непосредственно последовавший за введением новой экономической политики,* установившей правильную основу сочетания между крупной государственной индустрией и мелким деревенским производителем, командные высоты пролетариата были крайне ослаблены, частный капитал находился в периоде своего первоначального накопления и наступал, мелкобуржуазная стихия представляла крупнейшую мелкособственническую угрозу для дела социалистического строительства, ибо крестьянин на опыте не имел еще доказательства успехов социалистического строительства и правильной организации товарообмена между социалистической индустрией и крестьянским хозяйством.

В *следующий* период на базе роста производительных сил вообще и социалистической промышленности в первую очередь произошла перегруппировка сил и хозяйственных форм в сторону усиления роли социалистических элементов. Роль командных высот (госпромышленность, банки, транспорт, госторговля и т. д.) поднялась, хотя еще не настолько, чтобы достигнуть прочного союза с середняком и решительно повести его за собою, оторвав его от кулака. XIV партконференция и XIV партсъезд пошли на ряд мероприятий, чтобы достигнуть прочного союза с середняком.

Третий период характеризуется дальнейшим ростом социалистического хозяйственного сектора и еще большей перегруппировкой сил в сторону еще большего усиления базы социалистического строительства.

В области хозяйства на основе дальнейшего хозяйственного подъема госпромышленность не только перешагнула довоенный уровень, но и перешла уже к своему переоборудованию и росту на новой технической базе. В области обращения госторговля и кооперация вытеснили частника из целого ряда важнейших областей, став почти монопольными хозяевами рынка. С точки зрения классов партия может констатировать рост и консолидацию пролетариата, укрепление на основе решений XIV конференции и XIV съезда его союза с середняком и усилившееся наступление на частный капитал. Одновременно этот процесс

[1] Автором этого раздела является А. Эстрин.

сопровождается ростом с.-х. продукции, организацией бедняцких групп, повышением организованности батрачества, оживлением советов и возрастающим — в новых условиях — отпором кулачеству. Эти предпосылки создают возможность более широкого охвата кооперацией бедняцких и середняцких слоев деревни, дальнейшего усиления *планового* воздействия на крестьянское хозяйство и более решительного наступления на *кулака* на основе достигнутых успехов по закреплению союза пролетариата и деревенской бедноты с середняком» [1].

Именно в этих условиях наличия уже таких предпосылок XV съезд партии, открывая начало *реконструктивного периода,* принимает развернутые директивы по составлению *пятилетнего плана народного хозяйства,* причем в этих директивах содержатся четкие, конкретные указания о дальнейшем развертывании *социалистической индустриализации* страны и в частности о том, что «наиболее быстрый темп *развития* должен быть придан тем отраслям тяжелой индустрии, которые подымают в кратчайший срок экономическую мощь и обороноспособность СССР», и в то же время со всей большевистской энергией берется установка на то, чтобы «решительнее и смелее поддерживать инициативу бедняцких и середняцких масс в создании различных форм коллективного хозяйства».

В годы первой пятилетки, победоносно выполненной в 4 года, и осуществляется на этой основе развернутое *социалистическое наступление по всему фронту.* Уже 1929 год становится *«годом великого перелома».* Реконструируя и подымая на новую высоту нашу социалистическую промышленность, развертывая сплошную коллективизацию и ликвидируя на ее базе кулачество как класс, пролетарская диктатура под руководством вождя партии и рабочего класса т. Сталина уже в 1930 г. приводит страну ко *вступлению в период социализма* и в 1931 г. завершает *построение фундамента социалистической экономики* и на этой основе *разрешает ленинский вопрос «кто кого» окончательно и бесповоротно в пользу социализма как в городе, так и в деревне.*

Осуществление пятилетки в четыре года и все связанные с этим великие победы социализма в стране советов являются результатом того, что партия во главе с т. Сталиным неуклонно проводила и проводит ленинскую генеральную линию, беспощадно подавляя обостряющееся в процессе нашего наступления сопротивление классового врага и его агентуры, ведя непреклонную и сокрушительную борьбу с правым оппортунизмом как главной опасностью и с «левацкими» извращениями и перегибами, разгромив контрреволюционный троцкизм и продолжая осуществлять беспощадный разгром всякого рода антипартийных группировок.

Только на этой основе партия могла мобилизовать вокруг задач «плана великих работ» величайший трудовой подъем и производственный энтузиазм широчайших масс рабочего класса, а за ним и многомиллионных масс все более охватываемого социалистическими формами и методами труда колхозного крестьянства. Этот трудовой подъем и

---

[1] XV съезд ВКП(б). Стеногр. отчет, ГИЗ, 1928 г., стр. 1305—1306.

производственный энтузиазм выражаются в великом и мощном движении *социалистического соревнования и ударничества,* о котором Ленин писал еще в январе 1918 г. и которое именно в реконструктивный период, после обращения XVI партконференции (29 апреля 1929 г.), становится важнейшим рычагом построения социализма. Производственный энтузиазм масс все более ширится и подымается на новую высоту, ибо широчайшие массы на наших успехах, ведущих к значительному подъему их материального и культурно-бытового уровня, воочию убеждаются в правильности ленинской генеральной линии партии, обеспечивающей огромный рост социалистического народного хозяйства и развитие культуры всех народов Советского союза, социалистической по содержанию и национальной по форме, в то время как капиталистический мир, в условиях всеобщего кризиса всей капиталистической системы, не находит выхода из небывалого, продолжающегося уже 5-й год экономического кризиса и обрекает массы трудящихся на все большие страдания, нищету и голод, подвергая их неслыханным зверствам и белому террору фашизирующейся буржуазной диктатуры, а в ряде капиталистических стран и прямого фашистского режима.

Еще более оттеняя диаметральную противоположность *двух систем,* XVII партконференция выдвинула уже в качестве конкретной практической задачи «окончательную ликвидацию капиталистических элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплоатацию, и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества», что конференция и признала *основной политической задачей второй пятилетки.*

Таким образом именно в рассматриваемый нами сейчас период мы пришли к самому широкому осуществлению тех задач социалистического преобразования всего общества, которые были поставлены в Октябре 1917 г. Этому основному факту вполне соответствует и тот факт, что в данный период получают наиболее широкое и полное развитие и самым широким образом претворяются в жизнь также все принципиальные установки советской уголовной и исправительно-трудовой политики, которые были выдвинуты Октябрем, но, как мы видели, еще не во всех отношениях смогли до начала реконструктивного периода получить свое надлежащее оформление в советском законодательстве и еще не во всех отношениях были полностью осуществлены.

В условиях реконструктивного периода и особенно в условиях вступления в период социализма проблемы советской уголовной и исправительно-трудовой политики разрешаются на *повышенном теоретическом уровне* и в условиях *подымающегося* в общем *качества работы судебных органов и органов исправительно-трудовой системы,* причем в то же время эти проблемы в *целом ряде отношений ставятся по-новому.*

Обострение классовой борьбы в условиях развернутого социалистического наступления по всему фронту потребовало особо четкого, последовательного, решительного и беспощадного осуществления задачи *подавления классовых врагов,* которые оказывают самое упорное и обо-

стренное сопротивление проводимой партией и советской властью политике ликвидации капиталистических элементов и классов вообще.

В то же время еще более вырастает значение задачи *воспитания к новой социалистической дисциплине (самодисциплине)* широчайших масс рабочего класса, колхозного крестьянства и всех трудящихся вообще, причем это воспитание, являясь предпосылкой для дальнейших еще более великих производственных достижений на основе четкой социалистической рационализации производства и овладения передовой наукой и техникой, в свою очередь вместе со всеми нашими хозяйственными достижениями *осуществляется в процессе мощного массового движения социалистического соревнования и ударничества;* последнее, являясь основой воспитания к социалистической дисциплине, все же нисколько не снимает и для данного периода значения *принуждения, опирающегося на убеждение масс*. Именно теперь мы особенно убеждаемся в величайшем значении следующих ленинских слов: «Чем ближе мы подходим к полному военному подавлению буржуазии, тем опаснее становится для нас стихия мелкобуржуазной анархичности. И борьбу с этой стихией нельзя вести только пропагандой и агитацией, только организацией соревнования, только отбором организаторов, — борьбу надо вести и принуждением» [1].

Диалектическое единство задач подавления классовых врагов и их агентуры [2] и воспитания к дисциплине трудящихся на данном этапе особенно ярко выступает в постепенно выдвинувшейся на первый план среди задач нашей уголовной политики и ставшей в 1932 г. особенно актуальной *задаче охраны социалистической собственности,* — задаче, для разрешения которой необходимо и беспощадное подавление расхитителей социалистической собственности как врагов народа и воспитание в широчайших массах социалистического отношения к социалистической собственности.

Пытающийся еще в начале рассматриваемого периода энергично пускать в ход прежде всего методы открытого сопротивления советской власти классовый враг, в лице кулачества и иных капиталистических и вообще чуждых элементов, после того как его открытое сопротивление было разгромлено партией и советской властью, добившимися в основном к началу второй пятилетки осуществления задачи ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации, переходит к новым формам борьбы, действуя прежде всего «тихой сапой», ориентируясь, главным образом, на использование мелкособственнических пережитков среди трудящихся, чтобы путем организации хищений подрывать основу советского строя — социалистическую собственность.

Поэтому партия в лице т. Сталина, который еще в 1926 г. заострял внимание на задаче борьбы с *воровством* в государственных и общественных учреждениях и организациях [3], ставит летом 1932 г. на оче-

[1] Ленин, т. XXII, стр. 460.

[2] В эту задачу, как мы знаем, включена в качестве одного из ее элементов и задача «исправления исправимых» также из этой среды.

[3] См. доклад т. Сталина ленинградскому партактиву 14 апреля 1926 г. «О хозяйственном положении Советского союза», «Правда» от 18 апреля 1926 г.

редь вопрос об издании специального закона о беспощадной борьбе с расхитителями общественной (социалистической) собственности как с *врагами народа,* и этот закон издается ЦИК СССР в виде *закона 7 августа 1932 г.* Значение этого закона т. Сталин подчеркивает и на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 1933 г., указывая, что «революционная законность нашего времени направлена своим острием против воров и вредителей, против хулиганов и расхитителей общественной собственности» и что «основная забота революционной законности в наше время состоит в охране общественной собственности, а не в чем-либо другом».

Вместе с тем и в данном вопросе мы видим все значение положения, выдвинутого т. Сталиным на XVI съезде партии: «Репрессии являются необходимым элементом наступления, но элементом вспомогательным, а не главным» [1]. Для осуществления указанных т. Сталиным задач революционной законности в условиях обостренной классовой борьбы на данном этапе требуются, конечно, и репрессии. Начиная с года «великого перелома», особое обострение классовой борьбы в условиях развернутого социалистического наступления заставляло нас в ряде случаев более заострять внимание и на задачах репрессии. И в то же время все свое значение для нас всегда сохраняла и вторая часть процитированной сейчас формулировки т. Сталина: рассматривая репрессии как необходимый элемент наступления, советская власть подходила и подходит к ним не иначе, как к *элементу вспомогательному, а не главному.*

В условиях весны 1933 г., когда колхозное строительство, как показали успехи колхозного сева, одержало новую блестящую победу, когда колхозный строй закреплен окончательно, когда в результате этого обозначился решительный перелом в отношении к колхозам не только со стороны самих колхозников, но и со стороны оставшейся еще вне колхозного движения части середняков-единоличников, масса которых переживает теперь особую тягу в колхозы, т. Молотов мог в своей речи на первом краевом съезде ударников-колхозников Средней Волги категорически подчеркнуть следующее положение: «Учитывая тот перелом, который произошел в колхозной крестьянской массе в отношении к колхозам, учитывая укрепление наших колхозов, считаясь с тем, что из среды колхозников уже выдвинулся актив сознательных передовых работников и руководителей колхозов, мы должны сказать, что видим нашу задачу не в массовых репрессиях, а больше всего и главным образом в нашей политической и организаторской работе в массах и в полной изоляции наших врагов». При этом конечно остается в полной силе необходимость применения в отдельных случаях и репрессивных мер и беспощадного подавления классового врага: «Мы должны изолировать остатки нашего классового врага в деревне и, добивая активных наших врагов, поставить в положение полного одиночества и беспомощности всякого, кто пытается по наущению наших классовых врагов мешать колхозному делу, мешать укреплению колхозов» [2].

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, Партиздат, 1933 г., стр. 531.

[2] Речь т. Молотова на I краевом съезде ударников-колхозников Средней Волги, «Правда» от 17 мая 1933 г., № 134 (5660).

Вместе с вопросами о роли и значении репрессии и о направлениях, в которых должно быть прежде всего пущено в ход оружие репрессии, в реконструктивный период, конечно, получают более развернутую и уточненную формулировку также и вопросы, относящиеся к характеру и задачам уголовной репрессии и к проблеме классового подхода в уголовной политике вообще, а одновременно подвергаются углубленной теоретической разработке и общие проблемы соотношения уголовно-правовой формы и уголовно-политического содержания в советском уголовном законодательстве (в связи с проблемой о реформе УК).

Основными этапами в соответствующем развитии, на основе приведенных выше партийных установок, советского уголовного и исправительно-трудового законодательства и практики в реконструктивный период являются: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 г. и соответствующие мероприятия правительств других союзных республик; постановление ЦИК и СНК СССР от 6 ноября 1929 г. о лишении свободы; постановление СНК СССР о создании комиссии по пересмотру «Основных начал» и разработка в 1929—1930 гг. проекта нового УК РСФСР, а также проекта новых «Основных начал» Институтом советского строительства и права Коммунистической академии; передача с января 1931 г. исправительно-трудовых учреждений из ведения НКВД в ведение НКЮ в связи с ликвидацией НКВД постановлением Президиума ЦИК СССР от 15 декабря 1930 г.; разработка в 1931—1932 гг. НКЮ РСФСР совместно с Институтом советского строительства и права Коммунистической академии проекта Положения о работе исправительно-трудовых учреждений; VI совещание руководящих работников органов юстиции РСФСР (февраль 1932 г.), на котором выступил т. Постышев с речью, содержавшей важнейшие установки по вопросам осуществления уголовной и исправительно-трудовой политики на данном этапе; наконец, утверждение 1 августа 1933 г. ВЦИК нового ИТК РСФСР, в основу которого положен указанный выше проект Положения о работе исправительно-трудовых учреждений.

Важнейшее значение имеет также для рассматриваемых нами вопросов *первое всесоюзное партийное совещание по вопросам юстиции*, состоявшееся в марте 1933 г.

Постановление ВЦИК и СНК от 26 марта 1928 г. содержало директиву о том, чтобы, как правило, не применять лишения свободы к случайным, не могущим быть признанными социально опасными в полном смысле слова, преступникам из среды трудящихся, для чего «развить... в максимальной степени практику замены кратких сроков лишения свободы иными мерами социальной защиты», и в этих видах применять главным образом следующие меры репрессии: исправительно-трудовые работы без содержания под стражей; устранение от должности и снятие с работы на разные сроки; лишение права занимать ответственные и выборные должности; выговор с опубликованием на общих собраниях предприятий либо в печати; запрещение выезда или высылку из данной местности на небольшие сроки; денежный штраф или конфискацию части имущества и т. п.

Одновременно, имея в виду опять-таки случаи, когда правонаруши-

тели из среды трудящихся вовсе не являются социально опасными, данное постановление признавало необходимым «расширить применение судами права выносить оправдательные приговоры даже при установлении факта совершения обвиняемым преступления, если применение мер социальной защиты явно нецелесообразно».

Наоборот, в отношении классовых врагов и деклассированных преступников-профессионалов и рецидивистов (бандитов, конокрадов, растратчиков, взяточников и воров) — и только в отношении их — постановление ВЦИК и СНК от 26 марта 1928 г. предписывает применять суровые меры репрессии. Одновременно оно предлагает «дополнять назначение суровых мер репрессии в отношении перечисленных элементов не менее строгим осуществлением приговоров, допуская смягчение принятых судом мер социальной защиты и досрочное освобождение этих категорий преступников лишь в исключительных обстоятельствах и в условиях, гарантирующих их действительную социальную безопасность для общества» [1].

Таким образом в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 г. мы имеем дальнейшую (после V съезда работников юстиции) и очень существенную конкретизацию вопросов классового подхода в советской уголовной политике. Одновременно это же постановление содержит очень важные указания, точно конкретизирующие сущность пролетарского классового подхода к вопросам исправительно-трудовой политики. Если с постановления от 26 марта 1928 г. начинается перестройка практики применения уголовной репрессии судебными органами РСФСР, приводящая эту практику в соответствие с условиями вступления в реконструктивный период, то одновременно с этого же постановления начинается и такая же перестройка практики исправительно-трудовых учреждений РСФСР.

Какой критике подвергали ВЦИК и СНК РСФСР в постановлении от 26 марта 1928 г. практику исправительно-трудовых учреждений за последние годы восстановительного периода, мы видели уже в § 3. Сейчас мы остановимся на выдвинутых этим постановлением конкретных установках в области советской исправительно-трудовой политики.

Ставя, как уже отмечалось, задачу сведения до возможного минимума применения лишения свободы путем замены его (в отношении трудящихся) иными мерами репрессии, ВЦИК и СНК делают важный шаг по пути осуществления содержавшегося в нашей партийной программе положения о «замене лишения свободы обязательным трудом с сохранением свободы». Именно, в своем постановлении от 26 марта 1928 г. ВЦИК и СНК дают директиву НКЮ и НКВД «разработать проект изменения законодательства о принудительных работах на началах: а) бесплановости [2], б) хозяйственной выгодности, в) такой их организации, чтобы они представляли собой реальную меру репрессии...»

---

[1] В пост. ВЦИК и СНК от 26 марта 1928 г. содержались также указания по вопросу об организации ссылки; далее по вопросу о ссылке и высылке было издано специальное постановление ВЦИК и СНК от 10 января 1930 г.

[2] Платность пост. ВЦИК и СНК от 26 марта 1928 г. предлагало оставить (не свыше госминимума зарплаты, что впрочем впоследствии было изме-

Эта директива ВЦИК и СНК была реализована путем издания нового закона об исправительно-трудовых работах от 21 мая 1928 г.

С другой стороны, постановление ВЦИК и СНК от 26 марта 1928 г. содержит и пункт, направленный в сторону реализации и другого положения нашей партийной программы, именно, положения о «замене тюрем воспитательными учреждениями». Мы имеем в виду тот пункт этого постановления, где ВЦИК и СНК дают следующую директиву: «Признавая нецелесообразной постройку новых мест заключения, считать в дальнейшем необходимым расширение емкости трудовых колоний — сельскохозяйственных, ремесленных и фабричных, для чего предложить НКВД совместно с ВСНХ разработать проект постановления о предоставлении местам заключения права на бесплатное или льготное получение от государственных учреждений бездействующих или нуждающихся в крупном ремонте и оборудовании предприятий».

В дальнейшем, на основании директивы СНК СССР от 11 июля 1929 г., трудовые колонии действительно превращаются в *основной* и в полном смысле слова *доминирующий тип* в системе советских мест лишения свободы, являющихся частью общей системы советских исправительно-трудовых учреждений.

Одновременно постановление ВЦИК и СНК от 26 марта 1928 г. предложило НКВД «принять немедленно меры к упорядочению режима в местах заключения, в частности: а) ограничить льготы (зачет рабочих дней, предоставление отпусков, переводов в разряды) классово чуждым элементам и социально опасным преступникам, профессионалам-рецидивистам; б) устранить полностью совместное заключение социально опасных элементов, с одной стороны, и случайных преступников — с другой; в) расширить компетенцию начальников мест заключения в области их полномочий по поддержанию соответствующего режима в местах заключения, сохранив за наблюдательными комиссиями функции наблюдения и общественного контроля; г) обратить особое внимание при постановке культурно-просветительной работы в местах заключения на впавшую в преступление рабоче-крестьянскую молодежь».

Из сказанного видно, что изданное в самом начале реконструктивного периода постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 г. действительно является очень важной вехой на пути развития советской уголовной и исправительно-трудовой политики. В отношении намеченного этим постановлением сведения до минимума краткосрочного лишения свободы перелом в практике судебных органов РСФСР был осуществлен уже в начале 1929 г., после того как НКЮ РСФСР циркуляром № 5 прямо *воспретил* судам применение краткосрочного лишения свободы; окончательно же этот перелом был закреплен в РСФСР изданным после постановления ЦИК и СНК СССР от 6 ноября 1929 г. (см. ниже) постановлением от 20 мая 1930 г. об изменении ст. 28 УК, в которой отныне говорится, что «лишение свободы устанавливается на срок от одного года до десяти лет». О значении и объеме указанного

нено) для лиц, отбывающих принудработы по месту службы, а также по особому каждый раз определению суда для лиц, не имеющих средств к существованию.

перелома можно судить по следующим данным о проценте приговоренных к разным видам репрессии в 1927—1930 гг. (попутно приводим данные за предыдущие годы, начиная с 1922 г.).

Приговорено	Во 2-м полуг. 1922 г.	В 1923 г.	В 1924 г.	В 1925 г.	В 1926 г.	В 1927 г.	В 1928 г.	В 1929 г.	В 1930 г.
К расстрелу	0,1	0,1	0,1	0,1	м	е	н	е е	0,1
К безусловному лишению свободы от 5 до 10 лет	0,7	0,9	0,5	0,6	0,7	0,7	0,7	0,9	0,6
Тоже от 2 до 5 лет	1,5	2,9	1,9	2,8	2,4	2,0	2,0	2,4	2,6
„ „ 1 „ 2 „	3,1	3,9	2,2	3,3	2,9	2,2	2,9	4,6	4,6
„ 6 мес. до 1 года	7,9	6,8	3,6	5,2	5,6	4,1	4,2	1,9	} 1,9
„ до 6 мес.	8,0	7,4	9,2	20,2	27,8	28,0	21,4	1,9	
условному лишению свободы	9,5	11,9	14,2	21,2	14,3	8,0	7,3	3,4	2,6
К принудительным работам	20,2	23,6	14,5	15,6	14,0	18,6	22,0	50,8	56,5
К высылке и ссылке	—	—	—	—	—	—	—	1,6	4,5
К имущественным взысканиям	33,7	38,0	49,3	25,6	30,4	34,0	31,0	26,7	17,2
К другим мерам	15,3	4,5	4,5	5,4	1,9	2,4	8,5	5,7	9,5
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Осуществление перелома в соответствии с постановлением ВЦИК и СНК от 21 марта 1928 г. в деятельности мест лишения свободы было в полной мере реализовано лишь в результате устранения организационного разрыва, бывшего, как мы видели, разрывом не только в организационном отношении между практикой советской уголовной политики и практикой советской исправительно-трудовой политики, т. е. с передачей всей исправительно-трудовой системы в ведение НКЮ, что имело место в январе 1931 г.

Дальнейшим развитием той линии, которую проводило постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 г., явилось постановление ЦИК и СНК СССР от 6 ноября 1929 г., упразднившее прежнее, в достаточной мере формальное деление лишения свободы на лишение свободы «со строгой изоляцией» и лишение свободы «без строгой изоляции» и вместо этого разделившее лишение свободы на следующие два вида: 1) лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях в отдаленных местностях СССР (назначаемое на сроки от 3 до 10 лет) и 2) лишение свободы в общих местах заключения (на сроки до 3 лет). Это постановление рассматривало лишение свободы *первого вида* (отбываемое в лагерях в отдаленных местностях) как меру, подлежащую применению к особо опасным преступникам, в том числе прежде всего к классовым врагам и к преступникам-профессионалам, в то время как лишение свободы *второго вида* предназначалось для приговоренных к лишению свободы менее опасных преступников, как правило, для преступников

из среды трудящихся, которые и должны были отбывать его в *исправительно-трудовых колониях*.

При такой постановке вопроса ясно, что лишение свободы первого вида, применявшееся на длительный срок от 3 до 10 лет и отбывавшееся в исправительно-трудовых лагерях, расположенных в отдаленных местностях, принципиально и качественно отличается от лишения свободы второго вида, применяемого на сроки от 1 года до 3 лет и отбываемого, как правило, в трудовых колониях. Принципиальное и качественное различие здесь заключается именно в том, что в то время как лишение свободы в исправительно-трудовых лагерях на сроки от 3 до 10 лет должно быть отнесено в основном к числу мер *подавления*, лишение свободы в трудовых колониях на сроки от 1 года до 3 лет бесспорно к мерам подавления отнесено ни в коем случае быть не может, будучи лишь мерой *принудительного воспитания к дисциплине*.

Конечно, как показывает самое название «исправительно-трудовые лагеря», и содержание в этих лагерях связано с определенным исправительно-воспитательным воздействием (блестящим подтверждением чего является «перековка» десятков тысяч осужденных на строительстве Беломорско-Балтийского канала), но это обстоятельство не устраняет их основного значения в качестве мер подавления. Дальше мы увидим, что несколько позже, уже в последние годы первой пятилетки, вопрос о таком диалектическом соотношении подавления и воспитания был заострен как вопрос, получивший определенное актуальное значение.

Составленный в 1930 г. Институтом советского строительства и права Коммунистической академии проект УК впервые в истории советского уголовного законодательства выдвигает и кладет в основу развернутые формулировки задач подавления и воспитания, с чем связана и более развернутая постановка в этом проекте существа пролетарского классового подхода к вопросам применения репрессии.

Проект УК ИССиП отказывается от абстрактной репрессии «вообще», отбрасывает в сторону не только понятие «наказания», но и понятие «мер социальной защиты», как единое общее понятие, охватывающее вообще репрессию как таковую, и делает попытку разграничить меры репрессии по качественному признаку на *меры классового подавления и меры принудительно-воспитательного воздействия*, тем самым стремясь провести в законодательство ленинское положение о подавлении классовых врагов и элементов разложения и принудительном воспитании к дисциплине неустойчивых элементов из трудящихся, что является краеугольной задачей советской юстиции.

Увязывая с этой своей установкой классово-диференцированный подход к преступлению и преступнику, проект ставит задачу разграничения преступлений по признаку их классовой опасности, и выдвигает деление преступлений на две качественно различные категории — *особо опасные преступления*, во-первых, и *менее опасные преступления* — во-вторых, причем проект устанавливает, что преступления первой категории влекут, как правило, *меры подавления*, а преступления второй категории — *меры принудительно-воспитательного характера*.

Об этом говорит ст. 3 проекта, гласящая: «Среди общественно опасных действий (иначе преступлений) различаются: а) *особо опасные,* содержащие покушение на пролетарскую диктатуру и завоевания пролетарской революции или подрывающие основные условия общежития, государственного управления и социалистического строительства; характеризуя совершителя их как классового врага (следовало добавить: или как его прямого агента. — *А. Э.*) или как лицо, явно нетерпимое в условиях трудового общежития, они вызывают тем самым необходимость применения к нему мер классового подавления, б) *остальные, менее опасные преступления,* дезорганизующие социалистическое строительство и условия общежития и требующие поэтому принятия против лиц, совершивших их, мер принудительно-воспитательного воздействия».

Таким образом проект кладет в основу своего деления не односторонний признак только *объекта преступления,* т. е. нарушаемого преступлением общественного отношения, и не односторонний признак субъекта, совершившего преступление, а единство объекта и субъекта, правильно исходя из диалектического единства опасности преступления и опасности преступника.

Отсюда уже ясно, что проект не мог сохранить старую структуру УК, в особенной части которого каждому более или менее формально очерченному «составу преступления» соответствует особая «санкция». Стремясь бороться с «прейскурантным» подходом к построению УК, но заходя, как мы увидим далее, в этом своем правильном стремлении слишком далеко, проект УК ИССиП вообще отказывается от установления тех или иных особых санкций по определенным видам преступлений, ограничиваясь тем указанным уже нами принципом, по которому двучленному делению преступлений соответствует и двучленное деление мер репрессии. Проект при этом предоставляет уже пролетарскому суду определить, какая мера подавления[1] или принудительно-воспитательного воздействия должна быть применена в каждом конкретном случае. В этих условиях перечень «составов преступления», который мы находим и в проекте, но лишь в качестве *ориентировочного перечня,* играет уже вовсе не ту роль, что в существующих советских кодексах, и тем более не ту роль, что в кодексах буржуазных.

Проект УК ИССиП, вызвал оживленную дискуссию и вовлек широкие слои работников советской юстиции в обсуждение и изучение общетеоретических, политических проблем марксистско-ленинской теории права вообще и уголовной политики и права в частности.

На дискуссии вокруг проекта мы не имеем возможности здесь останавливаться и отметим лишь, что в этой дискуссии проекту были противопоставлены отдельными товарищами (Винокуров, Красиков) неправильные утверждения, содержавшие в себе и ошибки правооппортунистического порядка, отрицавшие необходимость серьезной реформы УК на данном этапе, поскольку этот этап, как выразился т. Винокуров, есть «лишь новый этап нэпа», и в то же время предлагавшие даже

[1] В отношении применения расстрела проект полностью сохраняет ограничения, установленные действующим законодательством.

«восстановить» в советском уголовном законодательстве понятия «вины» и т. п. В полном смысле слова правооппортунистическим явился противопоставленный проекту УК ИССиП тогдашним руководством Государственного института по изучению преступности проект УК под редакцией т. Ширвиндта [1]. В то же время в дискуссии была сделана попытка протащить контрабанду контрреволюционного троцкизма, в виде предложения иметь не единый УК, а, с одной стороны, «исключительный закон для буржуазии» и, с другой, УК — для трудящихся (Рубинштейн).

При всех отмеченных выше достоинствах проекта УК ИССиП, придающих ему важное положительное значение в развитии советского уголовного законодательства, существенные ошибки и притом, в частности и прежде всего, ошибки «левацкого» порядка содержал и самый этот проект.

Правильно положив в основу ленинские положения *о подавлении* классовых врагов и «элементов разложения», с одной стороны, и *о воспитании к дисциплине* трудящихся — с другой, проект УК ИССиП не учел прежде всего того прямо указанного Лениным обстоятельства, что «чем ближе мы подходим к полному военному подавлению буржуазии, тем опаснее становится для нас стихия мелкобуржуазной анархичности» [2]. Проект не содержит поэтому прямых указаний о применении мер подавления и к *дезорганизаторским элементам* в среде трудящихся как агентуре классового врага и в лучшем случае говорит лишь о подавлении «всяких попыток противодействия социалистическому строительству со стороны классово враждебных пролетариату или перебегающих в их лагерь деклассированных или разложившихся элементов общества».

При характеристике задач репрессии в ст. 1 проект УК ИССиП говорит вообще лишь о том, что, *как правило,* применяются «меры прямого подавления в отношении классовых врагов и явно деклассированных элементов и меры принудительно-воспитательного воздействия в отношении трудящихся».

Еще резче эта ошибка — неучет необходимости подавления дезорганизаторских элементов в среде самих трудящихся — проявилась при формулировке содержащихся в проекте УК ИССиП перечней особо опасных преступлений, с одной стороны, и менее опасных преступлений, — с другой.

При составлении этих перечней в проекте УК ИССиП была недооценена задача решительной борьбы с хищениями общественной (социалистической) собственности, являющейся основой всего социалистического строительства, основой социалистического общества, как такового. Без внимания было оставлено сделанное т. Сталиным еще в 1926 г. указание что «вор, расхищающий народное добро и подкапыва-

---

[1] Критику этого последнего проекта см. в статье тт. Ашрафьяна. Львова и Кузьмина, «Программа правого оппортунизма в уголовной политике», «Сов. гос. и рев. права», 1930 г. № 11—12.

[2] Ленин, т. XXII, стр. 460.

ющийся под интересы народного хозяйства, есть тот же шпион и предатель, если не хуже».

В результате всего этого составители проекта УК ИССиП совершенно механически и абстрактно подошли к реализации правильно поставленной ими себе задачи деления преступлений на две категории: особо опасных преступлений, требующих применения мер подавления, и остальных, по терминологии проекта, «менее опасных» преступлений, обусловливающих применение мер принудительно-воспитательного воздействия. Это означает в частности, что, преследуя цель ликвидации в значительной мере сохранившихся в УК 1926 г. элементов юридического формализма, составители проекта УК ИССиП и этой своей цели надлежащим образом не осуществили: и в проекте УК ИССиП элементы формализма налицо, хотя и в меньшем объеме, чем в УК 1926 г.

Проект УК ИССиП оказывается таким образом не на высоте задач, поставленных важнейшими законодательными актами правительства о борьбе с хищениями общественной собственности, о борьбе с сопротивлением выполнению заданий по хлебозаготовкам и т. д.,— актами, ставящими задачу применения подавления к дезорганизаторам социалистической стройки.

Другим существенным недостатком проекта УК ИССиП является невыявление и неучет им диалектического соотношения задачи подавления и задачи воспитания. И говоря о задаче подавления, Ленин подчеркивает необходимость его увязки с широкой разъяснительной работой в массах трудящихся. Подавление классовых врагов, разложившихся и дезорганизаторских элементов таким образом должно быть обязательно использовано и для «воспитания к дисциплине» трудящихся.

Между тем проект УК ИССиП, вовсе не учитывая этого диалектического соотношения при формулировке (в ст. 9) задач мер подавления, говорит далее (в ст. 10) об обязанности суда при рассмотрении дел об особо опасных преступлениях иметь в виду также вопрос «достижения соответствующего воздействия на классово враждебные слои населения», и только.

Уже в этом отношении проект УК ИССиП недооценивает роли судебного приговора как метода общественного воспитания. Правильно выдвигая на первый план задачу мер принудительно-воспитательного воздействия служить делу «укрепления самодисциплины в пролетарских рядах и в руководимых пролетариатом массах трудящихся», проект УК ИССиП в дальнейшем и эту свою установку проводит недостаточно последовательно, поскольку в ст. 11 вопрос об общественно-воспитательном влиянии судебного приговора на окружающих ставится лишь на третье место в числе задач суда при рассмотрении дел о менее опасных преступлениях.

Проект УК ИССиП и еще в одном отношении погрешает против диалектики в вопросе о соотношении подавления и воспитания. Недоучету необходимости применения в целом ряде случаев подавления к дезорганизаторским элементам в среде трудящихся сопутствует в проекте и оставление без внимания задачи ***перевоспитания*** тех дезоргани-

заторских или разложившихся элементов трудящихся, к которым применяются меры подавления в виде лишения свободы, — задачи перевоспитания их в процессе применения к ним мер подавления. И суровые меры репрессии, когда они выражаются в виде лишения свободы, ссылки и тому подобных применяемых советским судом к таким элементам в среде трудящихся мерах, служа делу преодоления пережитков капитализма в экономике и сознании людей, должны содействовать преодолению этих пережитков и в психологии тех лиц, к которым данные меры применяются.

Допустив в этом отношении серьезную ошибку, проект УК ИССиП не учитывает и проблемы «переделки», стоящей перед нами на данном этапе и в отношении вчерашних раскулаченных кулаков и т. д.; в проекте поэтому задача «переделки» вчерашних кулаков и других бывших собственников совершенно не включается в задачу их подавления, хотя и «переделка» должна рассматриваться теперь как необходимая составная часть задачи подавления (ср. ниже указания по этому вопросу т. Постышева).

Последним существенным дефектом проекта УК ИССиП является стремление абстрактно и механически ликвидировать «дозировку» в УК и в приговоре суда не только в тех случаях, когда дозировка действительно должна быть преодолена как пережиток буржуазно-эквивалентного подхода к определению репрессии, но и в тех случаях, когда «дозировка» может и должна еще быть использована в интересах осуществления стоящих перед советской уголовной политикой задач.

Закон от 7 августа 1932 г., закон о борьбе со спекуляцией и другие аналогичные постановления показывают, что в ряде случаев без установления жестких пределов репрессии в самом законе не может еще быть полностью обеспечено четкое проведение нашими судебными органами того беспощадного подавления классовых врагов и их агентуры, а также дезорганизаторских элементов в рядах трудящихся, которое необходимо в условиях обостренной классовой борьбы на данном этапе.

С другой стороны, нельзя при разрешении и этого вопроса упускать необходимость использования также практики подавления классовых врагов или дезорганизаторских элементов для дальнейшего укрепления самодисциплины в рядах трудящихся. Индивидуализация репрессии в приговорах суда, в частности путем установления различных более или менее длительных сроков лишения свободы в отношении различных по своей опасности осужденных, может и должна быть использована для требуемого Лениным «повышения сознания ответственности» в массах трудящихся.

Указанные дефекты проекта УК ИССиП и привели к тому, что он не получил законодательной санкции. В то же время правильные в основном и требовавшие лишь углубления и уточнения установки проекта УК ИССиП по вопросу о подавлении и воспитании оказались, после их доработки, воспринятыми в составленном затем проекте *Положения о работе исправительно-трудовых учреждений,* который в настоящее время и утвержден ВЦИК как ИТК РСФСР 1933 г.

Составители проекта Положения о работе исправительно-трудовых учреждений могли уже исходить из тех важнейших положений, которые были сформулированы на основе решений XVII партконференции т. Постышевым в его речи 13 февраля 1932 г. на VI совещании руководящих работников юстиции РСФСР.

Тов. Постышев подчеркнул, что «задача усиления элементов воспитания и методов общественного воздействия в работе органов советской юстиции диктуется теми социально-экономическими сдвигами, которые произошли и происходят в нашей стране»[1]. Тов. Постышев имел здесь в виду те сдвиги, которые позволили XVII партконференции формулировать основную политическую задачу второй пятилетки как задачу «окончательной ликвидации капиталистических элементов и классов вообще, полного уничтожения причин, порождающих классовые различия и эксплоатацию, и преодоления пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращения всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества».

Вместе с тем т. Постышев подчеркивает, что и возможности исправительно-трудового воздействия на осужденных гигантски выросли на данном этапе.

Ставя вопрос, «что означает факт ликвидации безработицы в СССР и нынешний размах социалистического строительства для развертывания трудового воспитания осужденных», т. Постышев отвечает на этот вопрос следующим образом: «Во-первых, если несколько лет тому назад труд осужденных в допрах и исправдомах не всегда можно было использовать, потому что не было еще такого размаха социалистической стройки и даже на воле были десятки тысяч рабочих, не находивших полезного приложения своему труду, то сейчас это затруднение отпало. Труд осужденных, находящихся в различных исправительно-трудовых колониях, с самого начала может быть включен в общую массу общественно-полезного труда, поскольку он оказывает непосредственную помощь социалистическому строительству. Тем самым учреждения исправительно-трудового воздействия получили прочную материально-хозяйственную базу, включив свои предприятия в общую систему нашего хозяйства».

«Во-вторых, — говорит т. Постышев, — благодаря полной ликвидации безработицы в СССР и острому дефициту особенно квалифицированных кадров мы можем в этих учреждениях исправительно-трудового воздействия поставить дело таким образом, чтобы осужденный с самого начала стал приобретать квалификацию или повышать ту квалификацию, которую он имел до осуждения. Это имеет колоссальное хозяйственное и воспитательное значение, ибо осужденный с самого начала получает конкретную производственную, трудовую установку. Стимулов для того, чтобы работать над приобретением или повышением своей квалификации, у осужденного вполне достаточно. В нынеш-

---

[1] П. П. Постышев, Основные задачи советской юстиции на современном этапе, «Сов. законодательство», 1932 г., стр. 21.

них условиях этот осужденный, отбывая срок в трудколонии, убежден и твердо знает, что по окончании этого срока он немедленно найдет применение этой своей квалификации».

Тов. Постышев правильно подчеркивает, что «*этого нет и никак не может быть в капиталистическом обществе*» (курсив наш — *А. Э.*) и что «этого не было даже у нас 2—3 года назад, когда воля самого осужденного в борьбе за квалификацию ослаблялась неуверенностью в своих перспективах по отбытии наказания». И, подводя итоги своему анализу данного вопроса, т. Постышев говорит: «Теперь он имеет полную возможность сразу же по окончании срока исполнения над ним приговора снова вступить в общую трудовую семью и занять на производстве место в соответствии с приобретенной или повышенной в колонии производственной квалификацией» [1].

Именно этими указанными здесь т. Постышевым важнейшими обстоятельствами объясняется и факт превращения на деле трудовых колоний в *основное* звено системы находящихся в ведении НКЮ мест лишения свободы на данном этапе, и факт развития подлинного трудового энтузиазма даже среди отбывающих лишение свободы, и факт внедрения в колониях (и даже в лагерях) в их среду нового, социалистического подхода к труду, распространения и здесь социалистического соревнования и ударничества. Вот на этом новом подходе к труду, вот на действии этих новых, социалистических методов соревнования и ударничества, а не на голых абстрактных и формальных схемах так называемой «прогрессивной системы» и строится сейчас у нас практика исправительно-трудового воздействия.

Поэтому именно ИТК РСФСР 1933 г., отбрасывая так называемую «прогрессивную систему» (критика которой была дана нами выше), выдвигает в качестве задачи исправительно-трудовой политики: «а) ставить осужденных в условия, преграждающие им возможность совершения действий, наносящих ущерб социалистическому строительству, и б) перевоспитывать и приспособлять их к условиям трудового общежития путем направления их труда на общеполезные цели и организации этого труда на началах постепенного приближения труда принудительного к труду добровольному [2] на основе социалистического соревнования и ударничества».

В отношении особо опасных элементов, и в их числе прежде всего классовых врагов, основное значение сохраняет задача их *подавления*, которая лежит в основе п. «а» приведенной формулировки. Но даже в отношении осужденных из числа профессиональных преступников или классово враждебных элементов мы на данном этапе ставим и в определенной мере уже осуществляем и задачу их *перевоспитания, переделки*.

Об этом свидетельствует заслуживающий величайшего внимания опыт строительства Беломорско-Балтийского канала, ярко оттеняющий

---

[1] Постышев, там же, стр. 27—28.

[2] См. постановку этого вопроса еще в 1931 г. в статье тт. Стучки и Апетера, «Переход от принудительных работ по приговору суда к добровольному труду» в № 7 журнала «Сов. гос. и рев. права».

5*

как принципиально-политическое значение, так и огромные практические достижения советской исправительно-трудовой политики и ее коренную противоположность тюремной политике капиталистических государств. В своем постановлении от 2 августа 1933 г. об открытии Беломорско-Балтийского канала имени т. Сталина СНК СССР отмечает, «что в процессе строительства Беломорско-Балтийского водного пути, на основе правильного проведения исправительно-трудовой политики советской власти, Главное управление исправительно-трудовыми лагерями ОГПУ провело большую политико-воспитательную работу среди заключенных, получивших трудовые навыки и квалификацию и в целом ряде случаев хорошо проявивших себя в работе на строительстве». А ЦИК СССР в своем постановлении от 4 августа 1933 г. о предоставлении льгот участникам строительства Беломорско-Балтийского канала имени т. Сталина смог констатировать, что «к моменту окончания строительства Беломорско-Балтийского канала имени т. Сталина органами ОГПУ Союза ССР уже полностью освобождены от дальнейшего отбывания мер социальной защиты 12 484 человека, как вполне исправившиеся и ставшие полезными для социалистического строительства, и сокращены сроки отбывания мер социальной защиты в отношении 59 516 человек, осужденных на разные сроки и проявивших себя энергичными работниками на строительстве»[1]. Ряд бывших вредителей, бывших воров-рецидивистов настолько переродились в процессе работы на строительстве и показали такие примеры исключительно добросовестной и плодотворной работы, что ЦИК СССР наградил отдельных из них орденом Трудового красного знамени, а двоих из них даже орденом Ленина.

Конечно в отношении классово враждебных элементов задача подавления продолжает оставаться основной и важнейшей. И говоря о кулаках, раскулаченных в процессе проведения ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации, т. Постышев указывает в речи 13 февраля 1932 г.:

«Понятно, мы ни в коем случае не должны забывать, что этот вчерашний кулак морально не разоружился, что он пока еще не склонен сдаваться на милость победителя. Мы его разоружили экономически, мы выбили из-под его ног материально-хозяйственную базу. Это безусловно величайшее достижение нашей работы. Но ведь он — этот вчерашний кулак — не перестает питать надежды на срыв социалистического строительства, все время озираясь на капиталистическое окружение и рассчитывая на интервенцию».

При всем том т. Постышев указывает: «Рассуждая о судьбах этих деклассированных элементов и наших задачах по отношению к ним, мы однако не можем исходить только из того, что они питают надежду на реставрацию. Мы это должны иметь в виду для того, чтобы чрезвычайно настороженно и бдительно относиться к этим слоям. Но

[1] См. соответствующие постановления в «Правде» и «Известиях» от 5 августа 1933 г.; в этих же номерах содержится богатый материал о постановке и результатах исправительно-трудового воздействия на Беломорско-Балтийском строительстве.

вместе с тем, исходя из перспективы построения социалистического общества во втором пятилетии, мы должны уже сейчас начать работу по переварке, перевоспитанию этих деклассированных элементов с тем, чтобы, проведя их через горнило раскулачивания, изоляции, трудового воздействия и воспитания, выпустить их со временем в общество тружениками социалистического хозяйства».

Останавливаясь на принципиально политической стороне этого вопроса, т. Постышев замечает: «Мы боролись самым решительным образом против правооппортунистической теории врастания кулака в социализм, поскольку правые оппортунисты придерживались установки на врастание в социализм кулачества как класса. Но после ликвидации кулачества как класса, по мере того как мы приближаемся к построению социалистического общества, проблема переделки деклассированных элементов становится одной из актуальных проблем. Отсюда ясно, что в отношении этого слоя перед советской юстицией встает на данном этапе ряд серьезнейших воспитательных задач».

Очень важно и следующее указание т. Постышева: «Тут могут быть на практике две крайности, и их надо предвидеть с тем, чтобы своевременно их предупредить и преодолеть. Тут искривления могут итти и справа и «слева». Отдельные работники могут истолковать эту мысль таким образом, что поскольку делается ударение на задачах воспитательного порядка в отношении этих деклассированных элементов, постольку, очевидно, наступает полоса «классового мира», полоса всепрощения, и следовательно меры подавления, меры репрессии можно сдать в архив. Это было бы грубейшим правооппортунистическим извращением нашей постановки вопроса. С другой стороны, мы можем иметь на практике и другую крайность: поскольку речь идет о вчерашнем кулаке, о вчерашнем нэпмане, какие, мол, могут быть разговоры о воспитательной работе среди них. Репрессии и карательные мероприятия — вот единственные методы, которые мы, мол, должны применять в отношении этих деклассированных элементов. В такой установке очень много чисто «левацкого» административного восторга и очень мало здравого политического смысла. И та и другая крайность ничего общего не имеют с установкой партии» [1].

В этой постановке и под этим углом зрения вопросы нашей исправительно-трудовой практики на данном этапе были подвергнуты развернутому и исчерпывающему рассмотрению и обсуждению на собравшемся в марте 1933 г. I всесоюзном партийном совещании по вопросам юстиции, и из этой же установки исходит новый ИТК РСФСР 1933 г.

Партсовещание могло констатировать бесспорно громадные успехи советской исправительно-трудовой практики, достигнутые ею за 15 лет пролетарской революции и особенно за годы реконструктивного периода. И вместе с тем на партсовещании со всей большевистской решительностью и четкостью были вскрыты и выявлены факты наличия еще в работе наших исправительно-трудовых учреждений ряда существенных дефектов, а кое-где и прямых извращений, выражавшихся напри-

---

[1] Постышев, там же, стр. 25—26.

мер в том, что в отдельных местах в режиме и в быту заключенных иногда оказывались еще не полностью выкорчеванными те или иные пережитки старых тюремных традиций.

Отметив значительное развертывание производственной деятельности советских исправительно-трудовых учреждений, партсовещание заострило и здесь внимание на необходимости поднятия и этой важнейшей стороны деятельности наших исправительно-трудовых учреждений на большую высоту и одновременно на необходимости решительной борьбы с двумя основными видами извращений в этой области—именно, с одной стороны, со смазыванием роли репрессии и правооппортунистическим скатыванием ко взгляду на исправительно-трудовые учреждения настоящего периода, как на чисто воспитательные учреждения, а с другой стороны, с голым администрированием и «левацким» игнорированием задач исправительно-трудовых учреждений по воспитанию к дисциплине.

На партсовещании была заострена также *проблема кадров* работников исправительно-трудовых учреждений и задача повышения их качественного состава и их квалификации; была выдвинута проблема типизации мест лишения свободы и обеспечения четкого распределения между ними заключенных в соответствии с их классовым положением, характером совершенного преступления и индивидуальными особенностями каждого заключенного; много внимания было уделено и надлежащей постановке исправительно-трудовых работ. ИТК РСФСР 1933 г. в ст. 5 признает исправительно-трудовые работы *основной мерой* исправительно-трудового воздействия в отношении всех осужденных, к которым нет необходимости применять изоляцию.

Мы видим таким образом, как партия и советская власть на данном этапе практически в широком объеме и самым углубленным образом ставят и разрешают задачу как перевоспитания совершивших преступления трудящихся, так и «исправления исправимых» даже из числа осужденных представителей классово чуждых слоев, которую Ленин поставил принципиально уже в начале пролетарской революции. Мы говорили в своем месте, что для разрешения данной задачи в отношении чуждых элементов требуются определенные социально-политические предпосылки, которых еще в полном объеме не было налицо в годы, предшествовавшие реконструктивному периоду. Суть этих предпосылок заключается, во-первых, в осуществлении ликвидации в основном последнего эксплоататорского класса — кулачества, а, во-вторых, в следующем обстоятельстве, которое очень ярко выявил Ленин в речи «Успехи и трудности советской власти», произнесенной на митинге в Петербурге еще в 1919 г.

Говоря в этой речи о задаче использовать и аппарат буржуазно-капиталистического общества, Ленин останавливается на том, что «такая задача требует не только победоносного насилия, она требует, сверх того, организации, дисциплины, товарищеской дисциплины среди масс, организации пролетарского воздействия на все остальное население» [1],

---

[1] Ленин, т. XXIV, стр. 66.

и отмечая, что это — «задача громадной трудности, на которую, чтобы полностью решить ее, надо положить десятки лет» [1], Владимир Ильич заостряет следующую мысль: «А чтобы решить ее, надо создать *такую силу, такую дисциплину, товарищескую дисциплину, советскую дисциплину, пролетарскую дисциплину, которая бы не только физически раздавила контрреволюционеров буржуазии, но и охватила бы их полностью, подчинила бы себе, заставила бы итти по нашим рельсам, служить нашему делу»* [2].

Об этой же задаче Ленин далее говорит так: «Вот в чем трудность задачи, но вот в чем и настоящая благодарная задача, вот что мы должны сделать теперь, на другой день после того, как сила пролетарского восстания раздавила эксплоататоров. Мы раздавили их сопротивление,— это надо было сделать, — но надо было не только это сделать, *а силой новой организации, товарищеской организации трудящихся надо заставить их служить нам, надо излечить их от старых пороков, помешать им вернуться к своей эксплоататорской практике»* [3].

Последовательно и полностью выполняя ленинские заветы, борясь с большевистской непримиримостью за ленинскую генеральную линию, наша партия во главе с вождем мирового пролетариата т. Сталиным подняла на новую, невиданную высоту организацию пролетарских масс, создала в колхозах новую форму производственной организации под руководством пролетариата, многомиллионных масс трудящегося крестьянства. Развернув мощное движение социалистического соревнования и ударничества, мы достигли величайших успехов в разрешении той задачи пролетарской диктатуры, которую Ленин сформулировал в следующих словах: «Пролетарская диктатура должна состоять больше всего в том, чтобы передовая, самая сознательная и самая дисциплинированная часть рабочих городских и промышленных..., чтобы они воспитали, обучили и дисциплинировали весь остальной пролетариат, часто несознательный, и всю трудящуюся массу и крестьянство» [4].

На этой основе достигнута величайшая победа — осуществление первой пятилетки в четыре года, и *на этой основе* мы обеспечиваем победоносное разрешение во второй пятилетке задачи построения бесклассового социалистического общества.

Вот что позволяет нам разрешать на данном этапе с возросшим в сильнейшей степени эфектом и в гораздо большем объеме и те задачи, которые стоят перед органами советской юстиции и перед советской исправительно-трудовой системой [5].

---

[1] Ленин, т. XXIV, стр. 67.
[2] Там же, стр. 67 (курсив наш).
[3] Там же (курсив наш).
[4] Ленин, т. XXV, стр. 300.
[5] Дальнейшие конкретные данные о развертывании деятельности наших исправительно-трудовых учреждений на данном этапе, об ИТК 1933 г. и отдельных постановлениях, относящихся к этой деятельности, и т. д. в этой статье не приводятся, ибо излагаются на всем протяжении настоящего сборника.

ТРУД В ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ СССР

I

Перед всеми органами советской власти, как постоянно связывающая воедино все их специальные задачи, стоит общая им всем задача построения социализма, построения социалистической экономики, так как при пролетарской революции организационная сила господствующего класса, государственная «власть используется как рычаг для перестройки старой экономики и организации новой»[1].

И в исправительно-трудовых учреждениях, через которые проходят классовые враги пролетариата, посягающие на его диктатуру и на социалистические формы общежития, и те из трудящихся, которые своими дезорганизаторскими действиями мешают процессу социалистического строительства, выполняется также созидательная работа по перестройке старой экономики и организации новой.

Содержание этой работы, как и сама возможность ее проведения в условиях лишения свободы, обусловлены тем, что эти учреждения являются органами пролетарского государства, органами диктатуры пролетариата, тем, что они применяют советские методы работы.

Реализуя лишение свободы, как одну из мер уголовной репрессии, являясь орудием уголовной политики и одной из острых форм проявления насильственной стороны диктатуры пролетариата, исправительно-трудовые учреждения отражают в реальном содержании своей работы и другие стороны диктатуры пролетариата: и строительную, и мирную организаторскую, и культурную.

Лишение свободы при диктатуре пролетариата становится одним из орудий борьбы против сил и традиций старого общества, так как сама «диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества»[2].

«Диктатура пролетариата есть власть революционная, опирающаяся на насилие над буржуазией»[3], и в то же время «диктатура пролетариата не есть только насилие над эксплоататорами и даже не

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9, стр. 196.
[2] Ленин, изд. 2, т. XXV, стр. 191.
[3] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9, стр. 31.

главным образом насилие»[1],— «она означает также организацию труда более высокую, чем предыдущая организация»[2].

Только поняв это содержание диктатуры пролетариата, только исходя из того, что советские исправительно-трудовые учреждения являются орудием в руках диктатуры пролетариата, можно правильно понять цели, поставленные перед ними, задачи и методы и самый характер их работы.

Точно так же, только поняв общие задачи по труду, стоящие перед государством пролетарской диктатуры, можно правильно понять установки по труду лишенных свободы и практику их труда в исправительно-трудовых учреждениях СССР.

Исправительно-трудовые учреждения как органы, созданные пролетарской революцией, отражают в самом содержании своей работы особенности пролетарской власти — постоянное творческое революционное содержание ее работы.

Изолируя определенные категории классово опасных лиц, исправительно-трудовые учреждения, вместе с тем и одновременно с тем, подготовляют лишенных свободы к тому, чтобы после освобождения они могли войти в общество трудящихся как равноправные строители социализма.

Подготовить лишенных свободы к включению в новую общественно-производственную связь исправительно-трудовые учреждения могут только при условии, если их установка по вопросам труда будет соответствовать основной общей задаче по труду в СССР, определяемой экономической основой диктатуры пролетариата, тем, что «пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда, по сравнению с капитализмом. В этом суть. В этом источник силы и залог неизбежной, полной победы коммунизма»[3].

Новый, более высокий тип общественной организации труда — «социализм требует сознательного и массового движения вперед к высшей производительности труда по сравнению с капитализмом и на базе достигнутого капитализмом»[4].

В новом общественном строе, который создает диктатура пролетариата, нет и не может быть места ни дисциплине палки, на которую опиралась крепостническая организация общественного труда, ни дисциплине голода, на которой держится капиталистическая организация общественного труда.

«Со времени советского переворота,— как говорил Ленин в 1918 г.,— со времени начала социалистической революции. дисциплина должна создаваться на совершенно новых началах: дисциплина доверия к организованности рабочих и беднейших крестьян, дисциплина товарищеская, дисциплина всяческого уважения, дисциплина самостоятельности и инициативы в борьбе»[5]. На этих началах «новая дисциплина,

[1] Ленин, т. XXIV, стр. 336.
[2] Там же, стр. 305.
[3] Там же, стр. 336.
[4] Ленин, т. XXII, стр. 446.
[5] Ленин, т. XXIII, стр. 122.

дисциплина трудовая, дисциплина товарищеской связи, дисциплина советская вырабатывается на самом деле миллионами трудящихся и эксплоатируемых» [1], — «свободная и сознательная дисциплина самих трудящихся, свергнувших иго как помещиков, так и капиталистов» [2].

Новая свободная и сознательная дисциплина имеет в своей основе новую дисциплину труда, новое отношение к труду, которое позволяет «строить новые формы общественной связи между людьми, строить новые формы и приемы привлечения людей к труду... Это — благодарнейшая и благороднейшая работа. Счастье наше, что, низвергнув буржуазию и подавив ее сопротивление, мы могли завоевать себе почву, на которой такая работа *стала возможной*» [3].

Огромные результаты этой благодарнейшей работы, проведенной под руководством партии как авангарда рабочего класса, дали основание вождю партии, т. Сталину, еще в июне 1930 г. отметить, что у нас, в СССР, «самым желанным делом, заслуживающим общественного одобрения, становится возможным быть героем труда, возможность быть героем ударничества, окруженным ореолом почета среди миллионов трудящихся» [4].

При господстве буржуазии исключена возможность иной дисциплины труда, чем дисциплина голода. Трудовой энтузиазм трудящихся может возникнуть только среди рабочих, знающих, что они работают на себя, а не на капиталистов, только при труде в новых политических, экономических, культурно-бытовых условиях, создаваемых государством, в котором власть в руках рабочих. При господстве буржуазии энтузиазм трудящихся невозможен. «Подневольный характер труда рабочих при капитализме сказывается буквально на каждом шагу» [5].

II

Характер и содержание дисциплины труда, на которой держится общественная организация труда, решают вопрос о его воспитательном значении, в особенности, когда идет речь о социальном воспитании.

Можно ли, не извращая действительного воспитательного значения труда и не подменяя его дрессировкой, говорить о воспитательном значении труда при капитализме, когда труд считается «зазорным и тяжелым бременем», когда господствует дисциплина голода и связанное с ней представление о труде только как о горькой доле, неизбежности — для поддержания личного существования, когда вся «культура» капиталистического общества построена на том, что «свободное время одного класса создается посредством превращения всей жизни масс в рабочее время» [6].

Может ли труд действительно иметь воспитальное значение, если,

[1] Ленин, т. XXIII, стр. 44.
[2] Ленин, т. XXIV, стр. 336.
[3] Ленин, т. XXV, стр. 151.
[4] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9, стр. 534.
[5] Молотов, Доклад VI съезду советов СССР. Стенографический отчет. Изд. ЦИК СССР. Москва, 1931. Бюллетень № 1, стр. 21.
[6] Маркс, Капитал, т. I, изд. 8, стр. 412.

по господствующему в капиталистическом обществе мнению, каким является здесь мнение господствующего класса капиталистов,— «самое желанное дело, заслуживающее общественного одобрения,— иметь ренту, жить на проценты, быть свободным от труда, считающегося презренным занятием» [1].

Такое отношение к труду как к «зазорному и тяжелому бремени» при капитализме обусловлено экономической основой этого общественного строя,— тем, что «с общественной точки зрения класс рабочих — даже вне непосредственного процесса труда — является такой же принадлежностью капитала, как и мертвый рабочий инструмент»... [2] «Раб был прикован цепями, наемный рабочий привязан невидимыми нитями к своему собственнику. Но только этот собственник не отдельный капиталист, а класс капиталистов» [3].

При капитализме это рабство скрыто под внешней оболочкой свободного соглашения между рабочим и капиталистом. Формальная свобода труда нужна капиталисту. Найти на рынке рабочую силу как особый товар он сможет лишь тогда, «если найдет на рынке свободного рабочего, свободного в двояком смысле: во-первых, он должен располагать своей рабочей силой как свободная личность своим товаром, во-вторых, не должен иметь для продажи никакого другого товара, должен быть гол, как сокол, свободен от всех предметов, необходимых для практического применения рабочей силы» [4].

До тех пор, пока существует капитализм, исчерпывающим выражением действительной природы этой свободы труда остается нарисованная Марксом картина, когда непосредственно после совершения «свободного» соглашения с капиталистом рабочий следует за этим капиталистом: «один многозначительно посмеивается и горит желанием приступить к делу, другой бредет понуро, упирается как человек, который продал на рынке свою собственную шкуру и потому не видит в будущем никакой перспективы, кроме одной: что эту шкуру будут дубить» [5].

Истинное положение вещей,— принудительный характер формально свободного при капитализме труда, основу дисциплины голода,— не стесняясь, признавали и идеологи капитала, когда промышленному капиталу еще нужно было самому преодолеть идеологию другой предшествовавшей ему эксплоататорской дисциплины труда, сводившейся к дисциплине палки.

Характерны по своей классовой выдержанности и отчетливости слова одного из певцов капитала в ту эпоху, цитируемого Марксом англиканско-протестантского попа Townsend, еще в конце XVIII века писавшего, что «правовое принуждение к труду сопряжено со слишком большими трудностями, насилием и шумом, между тем как голод представляет не только мирное, тихое, непрестанное давление, но и вы-

---

[1] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9, стр. 534.
[2] Маркс, Капитал, т. I, стр. 450.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 111.
[5] Там же, стр. 118.

зывает, как наиболее естественное побуждение к промышленности и труду, самое сильное напряжение». «Следовательно,— делает из этого вывод Маркс, — все сводится к тому, чтобы сделать голод постоянным для рабочего класса» [1].

Сила экономического принуждения настолька велика, что для капитала стало возможным в ряде случаев обходиться без прямого насилия в области труда, хотя и в этой области капитал далеко не отказывается от насилия, и в колониях, а в период империализма в целом ряде случаев в метрополиях прямо прибегает и к *принудительному* труду, в буквальном смысле слова — к прямому принуждению.

Вся капиталистическая государственность, являющаяся машиной для подавления громадного трудящегося большинства эксплоатирующим меньшинством, ведет работу по обезличению и подавлению людей труда.

И если буржуазный суд является «тонким орудием беспощадного подавления эксплоатируемых, отстаивающим интересы денежного мешка»[2], то может ли быть чем-либо иным, как не орудием подавления тех же трудящихся, буржуазная тюрьма, где реализуются приговоры этого суда, куда осужденные трудящиеся поступают на длительную обработку.

Ведь арестанты буржуазной тюрьмы это — в подавляющем большинстве те же трудящиеся, преступившие запреты капитала, нарушившие интересы капиталистического строя, так как большинство из них совершило преступления или непосредственно против права частной собственности, или косвенно связанные с этой собственностью.

Дисциплина голода не выдрессировала их в той мере, в какой это нужно для спокойствия собственика, и поэтому государство собственников применяет дисциплину палки, которая встретит арестантов в тюрьме, где в тиши, вдали от широких масс трудящихся, вдали от их все усиливающегося возмущения, капитал творит свою классовую расправу.

Голодная дисциплина труда поддерживается неизбежной при капиталистическом способе производства безработицей, неразрывно связанной с «относительным перенаселением», свойственным капиталистическому способу производства законом населения, создающим промышленную резервную армию.

Но из той же промышленной резервной армии рекрутируется и часть «преступников»,— тех, кто нарушает запреты и интересы капитала, оказывает ему сопротивление, и к кому капиталистическое государство применяет меры внеэкономического принуждения, главным образом тюрьму.

Значение труда в буржуазной тюрьме неотделимо от классового содержания тюрьмы как особой формы подавления, как господствующей формы уголовной репрессии капиталистического государства.

Коренная связь тюрьмы капиталистического государства с эконо-

---

[1] Маркс, Капитал, т. I, стр. 515.
[2] Ленин, т. XXII, стр. 212.

микой, со свойственным капиталу способом производства и общественной организации труда,— связь, определяющая судьбу, цели и основные методы работы этой тюрьмы, заключается именно в осуществлении ею подавления в такой форме, что она «*не только не разрушает резерва, но и дает возможность попытаться сделать этот материал более доступным для эксплоатации* путем так называемого «исправительного» заключения, рассчитанного на возвращение заключенных «в общество», т. е. в условия возможности и необходимости продажи их рабочей силы» [1].

Под этим же углом зрения определяются и стоящие перед капиталистической тюрьмой задачи по труду. Это, прежде всего, как правило, труд физический, тяжелый и притом неквалифицированный, примитивный. Ведь задачи «исправления» капитал ставит перед тюрьмой с учетом того, что ждет заключенного по освобождении его из тюрьмы,— тех конкретных условий его социального бытия, которые определяют действительные задачи его социального приспособления с точки зрения господствующего класса.

Эти задачи капиталистической тюрьмы чрезвычайно ярко очерчены Марксом: «При системе донимающего исправления филантроп-буржуа имеет ту выгоду, что выпущенный из тюрьмы покорно, как овца, работает на капиталистов в стенах фабрик, в поместьях, в копях, на железных дорогах, на водных путях и т. д., содействует им в извлечении прибыли и, с голодным желудком проходя через картофельное поле, не решится взять ни одного клубня. В таком состоянии он гораздо полезнее филантропу, чем если бы он был обезглавлен. Стоит только миллионам неимущих каждой страны указанным образом перевоспитаться в изобретенных филантропами тюрьмах одиночного заключения и принудительного молчания, как все пойдет наилучшим образом в этом лучшем из миров. С одной стороны,— благопристойно, без усилий, в мире и покое наслаждающиеся жизнью филантропы и капиталисты; в их сердцах — неисчерпаемый запас человеколюбия; с другой стороны,— совершенно исправившиеся или имеющие в скором времени исправиться рабочие, почитающие за радость и за честь работать за картофель и соль для денежного мешка этих господ» [2].

Ясно, что при капитализме условия тюремного труда должны быть особо тяжелыми для того, чтобы труд мог быть включен в арсенал орудий, при помощи которых капитал надеется добиться требуемой ему дрессировки, обезличения трудящихся, их «исправления».

Условия тюремного труда должны быть тяжелее любых тяжелых условий, любой жестокой эксплоатации «свободного труда» капиталистом, иначе освобожденный из тюрьмы не будет подготовлен к тому, чтобы безропотно пойти на любые условия, которые ему будут поставлены. Если бы освобожденный из тюрьмы оказался с теми, кто желает выбирать, кто не соглашается на любые условия, следовательно сопротив-

---

[1] Г. И. Волков, Уголовная политика эпохи промышленного капитализма. Изд. «Советское законодательство». М. 1933 г., стр. 57.

[2] Маркс, Тюремный конгресс в Брюсселе, Маркс и Энгельс, Сочинения, т. V, стр. 179.

ляется, то это означало бы, что тюрьма не сумела выполнить работу по социальному приспособлению заключенного, так как не обеспечила требующегося капиталу поведения заключенного после его освобождения.

Сохраняя в основном это классовое содержание своей тюрьмы, буржуазия в отношении некоторых особо опасных для нее групп заключенных осуществляет в замаскированном виде еще более жестокое подавление, при котором «режим состоит в физическом и моральном уничтожении человека» [1], а физический труд используется тюрьмой, как гибкое орудие для этой же цели.

Такое использование тюрьмы и труда в ней для осуществления мести обозленного собственника усиливается в эпоху империализма, когда становятся особенно острыми и крупными противоречия и конфликты в капиталистическом мире, когда со вступлением в стадию монополистического капитализма еще более обостряется классовая борьба между буржуазией и пролетариатом при дальнейшем резком ухудшении положения пролетариата.

Все более выступает на первый план использование тюрьмы, как орудия классовой расправы, в период после мировой империалистической войны, так как «война оставила большинству капиталистических стран тяжелое наследство в виде *хронической недогрузки предприятий* и наличия *миллионных армий безработных,* превратившихся из резервных в *постоянные армии безработных*» [2].

В последних «откровениях» фашизма в области пенитенциарии это ясно видно: «кара есть и должна быть причиняющей страдание. Воспитание и исправление играют подчиненную роль» [3].

Чем дальше продвигается загнивание капитализма, тем все более ненужными становятся для буржуазии результаты даже и высмеянного в свое время Марксом «донимающего исправления», так как все ничтожнее становятся виды на то, что и таким образом «исправленный» заключенный сможет быть после освобождения использован как рабочая сила.

Только все возрастающая сила пролетариата, рост его возмущения и активности мешают превращению всей буржуазной тюрьмы в орудие неприкрытого массового уничтожения заключенных.

Переход к задаче губить заключенных от задач их «исправления» буржуазная тюрьма совершает без особых усилий и затрат.

Она к нему готова всегда, так как для перехода от одного вида подавления к другому, к физическому уничтожению, ей нужно внести лишь количественные изменения в практикуемые ею методы работы.

Ведь и исполняя работу по «исправлению», буржуазная тюрьма делает находящийся в ней «людской материал» только в том случае

[1] Марти, Речь в заседании французской палаты депутатов 7 февраля 1931 г.

[2] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9, стр. 494.

[3] Доклад итальянского министра Рокко в итальянской палате депутатов 2 мая 1932 г. о проекте пенитенциарной реформы. Цит. по «Бюллетеню Гос. ин-та по изучению уголовной и исправительно-трудовой политики при НКЮ», 1931 г., № 3, стр. 24—25.

более пригодным для эксплоатации, когда она исключает (такова «идеальная» с точки зрения капитала тюрьма) всякую возможность того, чтобы вышедший из стен тюрьмы смог в какой-либо мере увеличить число сопротивляющихся капиталистическому режиму. Исправительная задача буржуазной тюрьмы только тогда достигнута, если освобожденный из нее готов пойти по приказу капитала на любую работу, на любых условиях, и даже изменить своему собственному классу (армия штрейкбрехеров).

Но капитал изменил бы своей природе, если бы не использовал максимальной возможности эксплоатации труда в тюрьме. Это тем более так, раз вне тюрьмы, «как высасыватель прибавочного труда и эксплоататор рабочей силы, капитал по энергии, ненасытности и активности превосходит все прежние системы производства, покоящиеся на прямом принудительном труде» [1].

Единственный предел широкой эксплоатации труда в стенах тюрьмы ставится соображениями конкуренции со стороны тех капиталистов, которые пользуются не арестантским, а наемным трудом, а потому лишены возможности конкурировать на рынке с капиталистами, получившими в свое распоряжение почти даровую рабочую силу заключенных, с неограниченной возможностью ее эксплоатации. Учитываются в данном случае и аналогичные протесты со стороны трэдюнионов, например, в САСШ.

Там, где эти соображения не мешают широкому использованию труда заключенных, где труд арестанта служит целям безграничной его эксплоатации, там он поставлен в условия худшие, чем когда-то рабовладелец ставил раба.

Даже буржуазные политики вынуждены бывают это признать. Как пишет буржуазный политик, сенатор, бывший премьер Франции Жозеф Кайо, в наши дни в «передовой» капиталистической стране, в САСШ, «мирятся с торговлей арестантами, точнее теми арестантами, которых не убили тюремщики. Нельзя меня обвинять в том, что я сообщаю недостоверные факты. Ведь приходится слышать еще более ужасные вещи: несколько месяцев тому назад некий Артур Мойлфер в Дюмонсвиле за какое-то преступление был заключен в тесную деревянную клетку, и его держали под палящими солнечными лучами Флориды до тех пор, пока он не испекся. Совершенно нормальным явлением считается передача заключенных в распоряжение угольных промышленников. Эти заключенные должны исполнять тяжелые каторжные работы. 9 из 10 заключенных умирают от истощения. Когда-то рабовладельцы были заинтересованы в том, чтобы их человеческое стадо было здоровым; теперь же рабовладельцы не беспокоятся по поводу того, что отданные в их руки человеческие существа погибают. Все дело сводится к тому, чтобы из этих несчастных и полуголодных людей извлечь максимум работы, и когда они умирают, новые рабовладельцы черпают снова рабочую силу в чудовищных резервуарах ра-

---

[1] Маркс, Капитал, т. I, стр. 230.

бов — тюрьмах. Это происходит в крупнейшей стране, которая преисполнена гордостью по поводу своих хозяйственных успехов» [1].

Но не лучше положение арестантов и на других предприятиях, а не только на угольных, о которых говорит Кайо. И на работах по добыче скипидара и каучука «осужденных заставляют работать, не взирая на болезнь, и при отказе жестоко наказывают. Наказания состоят в нанесении ударов плетью по обнаженной спине, в подвешивании за большие пальцы рук, в «лечении водой», состоящем в том, что наказываемого кладут на спину, крепко держат и насильственно вливают через воронку воду в желудок. Надзиратель в одной из этих плантаций рассказывал, что, рассердившись, он хотел было застрелить на месте одного из осужденных негров, но затем раздумал и ограничился лишь тем, что трижды сбил его с ног ударом рукоятки своего револьвера. Заключенные не пользуются никакой медицинской помощью ни со стороны штата, ни со стороны предпринимателей. Вся система основана на финансовой ее выгодности...» [2].

Не один только штат Флориды дает примеры гнуснейшей плантаторской эксплоатации арестантского труда и мучительства на работах. Ту же картину рисуют официальные отчеты о положении арестантского труда и в штатах Техас, Алабама и др. «С раннего утра до позднего вечера заключенные принуждены работать. Вследствие невыносимой жары люди падают от солнечных ударов или от утомления. Надсмотрщики приводят их в чувство ударами плетей. После двадцатого удара их спрашивают, будут ли они продолжать работу; при отказе их продолжают избивать. Многие пытаются спастись бегством, но оно удается лишь в редких случаях. Специально дрессированные собаки выпускаются на поиски. Следующие за ними надсмотрщики находят лишь растерзанные собаками трупы...

В штате Алабама, где широко практикуется сдача заключенных в аренду владельцам плантаций и рудников, избиения плетью, пытки и засекание до смерти заключенных негров представляют повседневное явление» [3]. «Негритянские рабочие — арестанты подвергаются исключительно жестокому обращению... На работе целая группа их сковывается цепями так, что малейшее несогласованное движение одного из членов группы причиняет другим мучительные страдания» [4].

Таковы типичные картины способов эксплоатации заключенных САСШ: 1) арендной (convict-lease system) системы, которую однако правильнее назвать арендно-кабальной системой эксплоатации труда заключенных, и 2) контрактной системы, представляющей некоторое смягчение арендной системы.

---

[1] Статья в «Berliner Tageblatt» от 16 января 1933 г., цит. по выдержке в газете «Правда» от 17 января 1933 г.

[2] П. Люблинский, Эксплоатация труда заключенных в САСШ. Сборник Гос. ин-та по изучению преступности «Карательная политика капиталистических стран», стр. 168, выдержка из статьи Marc N. Goodnow.

[3] Ф. Маркош, Негры в Соединенных штатах, 1930 г.

[4] Дж. Спивак, Негр из штата Георгия. Цит. по газ. «Известия ЦИК» от 5 декабря 1932 г.

РСФСР. Лефортовская фабрично-трудовая колония. Лишенные свободы за работой в трикотажной фабрике

РСФСР. Лефортовская фабрично-трудовая колония. Лишенные свободы за работой в подготовительном цехе трикотажной фабрики

БССР. Гомельская фабрично-заводская исправительно-трудовая колония. Следственные за работой в столярном цехе

При арендно-кабальной системе «государство передает полностью содержание, пропитание и устройство осужденных в полное распоряжение частного предпринимателя или промышленной компании. Оно наделяет агентов предпринимателя дисциплинарной властью над осужденными и предоставляет последнему возможность использовать труд их как ему вздумается. Взамен этого предприниматель уплачивает в казну штата определенную сумму за каждого переданного в его распоряжение заключенного»[1].

Эта система замаскированного рабства приносила огромные доходы и промышленникам и казне штата, например, в 1912 г. один лишь штат Алабама выручил от торговли арестантами 1.075.286 долларов (свыше 2 миллионов рублей)[2].

Разоблачения, рост возмущения и активности трудящихся и влияние тех кругов капитала, которые не желали терпеть преимущества у своих конкурентов, пользующихся трудом сдаваемых в кабалу заключенных, — все это привело к тому, что в 1924 г. во всех штатах были изданы законы об упразднении этой системы, правда, только в отношении осужденных государственными судами. Об осужденных местными судами запретительные законы умалчивали, и эти осужденные в ряде южных штатов до сих пор сдаются в полную кабалу частным предпринимателям[3].

По свидетельству Техасского федерального департамента юстиции, «местные суды готовы посылать на фермы, эксплоатирующие труд осужденных, людей за малейшие провиности в видах пользования их бесплатным трудом». Это же обследование констатирует, что «на частных фермах наблюдается кабала в ее наихудшей форме. Продолжительность труда не ограничена. Людей ударами плетей гонят на работу, и когда с избитых течет кровь, то для потехи на них напускают голодных собак, которые лижут их кровь; в таком виде их заставляют пробегать 2—3 мили».

В другом штате — Георгия, «каждый раз, когда осуждается негр, казна графства обогащается на 450 долларов. Если графству нужны 10.000 долл. для постройки нового здания суда, то откуда достать их? Нужно только осудить 20 негров». (Из прений в парламенте штата)[4].

И вторая система — контрактная (содержание, продовольствие, окарауливание и поддержание дисциплины — на обязанности администрации, работами ведает предприниматель), как показывает практика, оставляет лазейки для такой же плантаторской эксплоатации труда заключенных, какая типична для арендно-кабальной системы. Доходы штатов по контрактной системе составили в 1923 г. 18 миллионов из общей суммы выручки тюрем, достигшей 76 миллионов долларов (150 миллионов рублей)[5].

---

[1] Люблинский, Цит. статья, стр. 163.

[2] Edgar M. Foltin. Amerikanisches Gefängniswesen Reichenberg 1930, стр. 238.

[3] Люблинский, стр. 172, 167, выдержка из книги Sutherland.

[4] Там же, стр. 169, 171.

[5] Report on Penal Institution, Probation and Parole. National Commission on aw observation and enforcement. Washington. 1931, стр. 83.

6 От тюрем к воспит. учрежд. 700.

Условия и характер труда арестантов в тюрьмах северных штатов и беспощадность эксплоатации этого труда ярко иллюстрируются хотя бы тем, что в той широкой волне бунтов, которая прокатилась по американским тюрьмам в 1929—1930 гг., злоба заключенных в первую очередь обрушивалась на мастерские, — эти ненавистные орудия жестокой эксплоатации уничтожились до тла[1].

Контрактная система в том или другом виде является господствующей формой эксплоатации труда заключенных и во Франции[2], и в Пруссии, и в ряде других капиталистических государств.

Но и в том случае, когда заключенные в капиталистических странах работают на государственных предприятиях, их положение и условия труда немногим лучше[3].

Такие же, как во Флориде, Алабаме, Техасе и других штатах САСШ, если не худшие, условия труда, такой же ужасающий, быстро уничтожающий человека труд ждет арестанта и во французской каторге (Кайенна — «сухая гильотина»).

Буржуазный журналист Лондр, далекий от критики основ капиталистического строя, так описывал в 1923 г. один из участков дорожных работ:

«Только здесь я впервые увидел, что такое каторжные работы. Каторжников здесь 100 человек, все они больные. Одни стоят, другие лежат, некоторые стонут... Перед ними стеной стоит густой лес. Не им пробить эту стену, стена скорее погубит их. Это не рабочий лагерь, а лохань, запрятанная глубоко в лесах Гвианы, куда бросают людей, и им уже не выкарабкаться оттуда... Вопрос надо поставить так: хотят ли проводить дорогу или морить людей. Если морить людей, то надо оставить все по-старому. Тогда все идет отлично. Если хотят провести дорогу, то тогда дело другое... Во-первых, их недостаточно кормят. Всех каторжников недостаточно кормят; но есть такие, которые ничего не делают. А эти едва вздохнут, как уже не в силах поднять заступа. Затем они босы... Они босы, ноги уже не держат их, и они работают, лежа на боку, а ноги у них изъедены блохами, морскими пауками, покрыты сыпью и язвами. Чтобы проложить дорогу, назначаются на работу несчастные, которые не могут даже ходить. Это то, что мы видим, а изнутри еще болезнь подтачивает их организм. Болезнь эта заключается в том что в кишках заводятся очень маленькие черви и разъедают их. Все каторжники заражены этой болезнью... На каторге должны быть принудительные работы, но не должно быть принудительных болезней.

Вхожу в барак, из сотни рабочих сегодня сорок восемь не выдержали и свалились. Занавески от москитов почернели от следов мокроты и слишком малы, из под них выступают руки и ноги лежащих,

---

[1] П. Люблинский, стр. 190—192.

[2] Armand Mossé. Les prisons et les institutions d'éducation corrective Paris 1929, стр. 219.

[3] E. Foltin стр. 242—243. См. также «Бюллетень Гос. ин-та по изучению уголовной и исправительно-трудовой политики при НКЮ», 1931 г., № 2, стр. 31—32, выдержку из «Survey» 1/XI 1932 г. «Daily Worker» 2-7/XII 1932 г.

над ними вьются москиты. Каторжники не вудят, как я прохожу, даже те, у кого глаза открыты. Лихорадка увлекла их в свой заколдованный круг. Они стонут, подскакивают лежа на койках, как игрушечные механические зайцы, когда нажмешь грушу.

И это — рабочие землекопы» [1].

Сдержанный буржуазный ученый Гольцендорф, говоря о французской каторге, о той же Гвиане, пишет: «Террор гильотины затемняется этой систематической жестокостью, выполняемой с расчетом, хладнокровно. Вероятность жизни в Гвиане такова же, как сохранение жизни для повешенного вследствие того, что оборвется веревка» [2].

И даже в журнале царского главного тюремного управления, умалчивающем, правда, о совершенно аналогичных порядках и труде царских каторжных тюрем, ставится вопрос: «смерть или каторга», когда говорится о французской каторге. Ведь «предел мечтаний каторжного — через много, много лет поселение, но это для тех, у кого хватит сил вынести все муки каторги». Сколько доживает до поселения? «Приблизительно 5 на тысячу. Остальные 995 не знают, не видят ничего, кроме своей мастерской или леса, где, под невероятно палящими лучами солнца, понукаемые бичами надсмотрщиков (обыкновенно алжирских арабов из тех же каторжников), они работают без устали, голодные, обуреваемые лихорадками, не смеющие сказать ни одного слова в свою защиту, чтобы не быть наказанными более сурово» [3].

Эти картины реальных условий «уголовного рабства», как называет каторгу английский закон, взятые из новейшей практики САСШ и Франции, мало чем отличаются от того, что ждало арестантов в царской каторге.

В итогах, подведенных как раз перед мировой войной, в феврале 1914 г. на II всероссийском съезде тюремных деятелей в Петербурге, указывалось, как на крупное достижение, на работы арестантов по строительству Амурской железной дороги (1909—1913 гг.). Докладчик прямо говорил, что «для работы арестантов намечены были труднейшие места. В одежде, обуви, белье ощущался недостаток. Незаменимую услугу (управлению постройки дороги), по признанию самих инженеров, оказал арестантский труд при работе полотна дороги в местах мокрых, болотистых. Вольные рабочие или вовсе отказывались работать на таких участках дорог, или давали такую малую выработку, что приходилось поневоле переводить их на другие места. Арестанты же без ропота и с одинаковым усердием сработали полотно дороги на всех труднейших болотистых местах» [4].

---

[1] Альберт Лондр, Французская каторга, изд. «Книга», Ленинград, 1925 г., стр. 63—64.

[2] Цит. по книге Г. И. Волкова, Уголовная политика эпохи промышленного капитализма. Изд. «Сов. законодательство», 1933 г., стр. 58.

[3] «Тюремный вестник», 1907 г., № 10, стр. 777. За 20 лет, прошедших со дня, когда было сделано это описание, до момента, когда Лондр осматривал Гвианскую каторгу, ничто не изменилось в ней.

[4] Второй всероссийский съезд тюремных деятелей в С.-Петербурге в 1914 г., Извлеч. из Бюллетеня (№ 1—4) съезда. С.-Петербург. 1914 г., стр. 27—44. Доклад инспектора по тюремной части при приамурском генерал-губернаторе.

О действительных методах, какими достигнуты такие результаты, можно судить по туманному указанию докладчика на съезде на то, что «более 20% из числа строителей — инженеров, техников и прочих лиц, служивших на постройке дороги, пало жертвою в жестокой беспощадной борьбе с дикою суровою природою». Относя на счет парадной обстановки доклада скромное умалчивание докладчика о доле каторжан в этом проценте смертности и сведение всех причин к «суровой природе», надо полагать, что этот обезличенный средний процент смертности был несравненно выше среди каторжан, так как они были посланы на самые трудные участки, куда нельзя было завербовать рабочих, они не были достаточно снабжены одеждой и обувью, они в суровых климатических условиях Приамурского края только 1 декабря попадали в бревенчатые бараки[1].

Решающим моментом, концом, венчающим дело, в этом «достижении» каторжной тюрьмы является то, что «стены, отделявшие частного предпринимателя от арестантской рабочей силы, более не существуют. В Приамурском крае... уже не тюремное ведомство ищет работодателя, которому можно было бы пристроить остающихся без работы арестантов, а наоборот, лица, имеющие какие бы то ни было предприятия, стремятся получить на свои работы арестантов и охотно предлагают за них цену даже выше той, по которой можно нанять вольных рабочих, предпочитая иметь дело с более дорогой, но надежной дисциплинированной рабочей силой»[2].

Что сулил арестанту этот «деловой контакт» между предпринимателем и тюремщиком, исполнявшим и коммерческие заказы отдельного капиталиста, видно из практики, например, Орловской каторжной тюрьмы последних лет перед мировой войной.

«Частным предпринимателям принадлежала большая часть, при том наиболее крупных предприятий. Предприниматели получали дешевую рабочую силу и ряд других преимуществ: полную свободу от всякого надзора и контроля фабричной инспекции и санитарных органов; отсутствие каких-либо ограничений в отношении рабочего дня; полную гарантию от каких-либо притязаний и забастовок со стороны рабочих. Администрация выполняла роль надсмотрщиков по отношению к арестантам, работавшим в мастерских частных предпринимателей. Надзиратель ходил от машины к машине и все время наблюдал, не отстает ли кто в работе; часто выгоняли работать туда больных с повышенной температурой до 39°».

Характерна сцена, в которой надзиратель кричит больному:

«А, ты, сволочь, не хочешь работать, так вот тебе!» — и с этими

---

[1] II Всероссийский съезд тюремных деятелей в С.-Петербурге в 1914 г. Извлеч. из Бюллетеня (№ 1—4) съезда. С.-Петербург, 1914 г., стр. 27—44. Доклад инспектора по тюремной части при приамурском генерал-губернаторе.

[2] Второй всероссийский съезд тюремных деятелей в С.-Петербурге в 1914 г. Извлеч. из Бюллетеня (№ 1—4) съезда. С.-Петербург, 1914 г., стр. 27—44. Доклад инспектора по тюремной части при приамурском генерал-губернаторе.

словами он ударяет по лицу или по спине своим бичом. А бич был особенный: веревка сплетена с проволокой в дюйм толщины. Надзиратель имел при себе ведро с водой и носил его около машин, как бы дразнил. Я лично, задыхаясь от пыли и жары, как-то подошел к нему и попросил глоток воды; вместо воды он меня ударил так сильно своим бичом, что у меня брызнула кровь из спины и плеча; я, изнуренный от жажды и боли, упал в обморок, а надзиратель полосовал меня своим бичом за то, что я попросил у него воды. Когда я очнулся, мне, наконец, дали напиться, а потом все-таки оставили на машине работать до самого вечера...»

«По вредному влиянию на здоровье рабочих первое место среди мастерских занимали «хлопки» [1]. Ни в какой мере не будет преувеличением сказать, что «хлопки» оказывали разрушительное влияние на здоровье работающих в них арестантов. Вредность густой, едкой пыли, которой была насыщена атмосфера «хлопков», усиливались еще от того, что эта пыль получалась в результате очистки всевозможного рода отбросов. И этой атмосферой изо дня в день, в течение десяти-двенадцатичасового тяжелого труда, дышало около ста каторжан. Арестантам платили десять копеек в день, а по тюремному закону каторжанин имел право получать только десятую часть заработка; выходило, что платили арестантам всего на-всего одну копейку в день, и это — при адском труде, где после трехмесячной работы человек получает острый туберкулез легких, потому что пыль на «хлопках» была такая, что на три шага не видно было другого человека. И в летнее время, когда жара доходила до 40—50°Ц, люди работали в этих тяжелых условиях. На работе в мастерских царил жестокий режим. От работавших арестантов требовался ряд качеств: полнейшее повиновение не только по отношению к администрации, но и к хозяевам, их мастерам, приемщикам, работа с полным напряжением сил, выполнение урока, примерное, не дающее повода для подозрения со стороны надзора, поведение. ...Помню, как я сам за трехмесячную работу по изготовлению соломенных колпаков для бутылок получил сразу все свое жалованье, что-то шестьдесят или восемдесят копеек. И это отнюдь не исключение, а правило.

Наживались на каторжном труде хозяева мастерских и администрация. Хозяева не могли не платить администрации за ее услуги, так как устройство мастерских в Орловском централе представляло такие выгоды, эксплоатация труда каторжанина сулила такие барыши, что между предпринимателями возникла конкуренция из-за получения права на устройство мастерских; выбор зависел от администрации» [2].

Не следует думать, что это были эксцессы, злоупотребления орловских тюремщиков.

Орловская тюрьма — не исключение, а лишь более яркое проявление обнаженного классового насилия со стороны капитала. Царское министерство юстиции в 1913 г. само признало это:

---

[1] Мастерская для очистки отбросов, содержащих волокно.

[2] Матриал взят из статей А. Поддубского и С. Рыкова в сборнике «Орловский централ», изд. Политкаторжан, Москва, 1929 г.

«Благодаря твердой и неуклонной деятельности тюремной инспекции, в этой тюрьме были незыблемо и неуклонно применяемы в полной мере все требования устава о содержащихся под стражей, устава о ссыльных и тюремной инструкции. Требования эти по своему существу не могут быть исполняемы арестантами без некоторого скрытого, глухого протеста, так как на них зиждется весь смысл и все значение карательного режима» [1].

То, что видел Лондр во французской каторге, то, о чем говорил Кайо, когда касался американских тюрем, то, что делала царская каторга,— во всех этих случаях имеется одно и то же — превращение тюрьмы со всем ее режимом, в жестокий инструмент репрессии, быстро разрушающий силы и здоровье арестанта, причем труд используется в качестве главного орудия подавления, приводящего к превращению человека в полутруп или к полному физическому уничтожению, замаскированному каторжными работами.

Человек, пробывший в царской каторжной тюрьме только несколько лет, выходя из ее стен на поселение, слышит от конвойного: «Ну, ну, старичек, пошевеливай». А «старичку» этому всего 27 лет [2].

Задача буржуазной тюрьмы явно сводится к тому, чтобы в тиши сделать то, что из опасения возмущения масс трудящихся капитал не решается сделать открыто, т. е. физически уничтожить или превратить в человеческую развалину, лишить трудоспособности осмелившихся преступить запреты капитала, более или менее существенно нарушивших его интересы.

Как правило, труд в буржуазной тюрьме — примитивен, технически крайне отстал, бессмыслен, убийствен.

Для «донимающего исправления», которое является целью буржуазной тюрьмы, когда не ставится задача уничтожения, вовсе не требуется, чтобы заключенный приобрел в тюрьме какую-нибудь действительно ценную квалификацию, дающую ему перспективы в жизни.

Никчемности и абсолютной нежизненности рассуждений на эту тему буржуазной пенитенциарии, исполняющей «социальный заказ» капитала, не могут скрывать и присяжные тюрьмоведы. На последнем международном уголовном и пенитенциарном конгрессе (1930 г. в Праге) представитель страны высокой индустриальной техники резко отрицательно высказался по поводу утверждения, будто «спасение — в труде, при том в труде технически высоком».

«Сделайте из осужденного квалифицированного рабочего и вы получите хорошего гражданина. Это — в новой форме знаменитый афоризм: «откройте школы и закройте тюрьмы», который принес столько разочарований. Это — иллюзия, которая вовлекает администрацию в значительные расходы. Лучшие производства для тюрем, это те, которым легко научиться, щеточное дело, плетение цыновок и корзин, пле-

---

[1] Материал взят из сборника «Орловский централ», изд. Политкаторжан, Москва 1929 г.

[2] И. Брильон, На каторге, изд. «Московский рабочий», Москва, 1927 г.

тение изделий из проволоки, приготовление мягких тканьевых туфель, вязание чулок, переплетное дело»[1].

Очевидно по тем же основаниям просидевший 17 лет в Сан-Квентинской тюрьме, в САСШ, невинно осужденный Том Муни исполнял только одну работу: чистку картофеля и овощей для административного персонала,— каждый день в среднем 150 фунтов картофеля, около 25 фунтов лука и столько же моркови[2].

И в Англии «тюремные работы как обучение тому, что нужно заключенному для будущего, мало полезны или совсем бесполезны», таков вывод о работах в английских тюрьмах, сделанный в 1921 г. специальной комиссией, образованной для обследования английских тюрем, из чиновников, судей, адвокатов, врачей, криминалистов и бывших заключенных[3].

Как видно из отчета английского министерства внутренних дел парламенту за 1929 г., почти половина (48%) всего числа заключенных, занятых в мастерских, заготовляют и починяют почтовые мешки (mail bag). Остальные (и это в такой высокоиндустриальной стране, как Англия) заняты вручную плетением корзин, цыновок, сетей, шнурков, веревок, канатов, изготовлением парусов, щеток, перчаток и тому подобными кустарными занятиями, среди которых встречается и щипка пеньки; подобие индустриального дела представляют лишь ткацкие мастерские, в которых занято 5% всего числа работающих в мастерских[4].

Обезличенные цифры официальной сводки дополняют живой рассказ бывшего заключенного, опубликовавшего в 1924 г. свои воспоминания под псевдонимом B. 2. 15, обозначающим номер, который заменял автору его имя и фамилию в долгие годы тюремного заключения. «Тюремный труд. Какой образ, какие работы вызывают в моем сознании эти два слова? Разделение, мельчайшее разделение труда, труд ради самого процесса труда — монотонную, мертвящую работу. Моей первой работой в стенах английской тюрьмы было вощение ниток. Больше ничего. Просто ком черного воска, величиной с теннисный мяч, и моток за мотком белых ниток, 4 или 5 футов длины. Их надо навощивать, пока они не станут черными. Легко ли это? Ужасающе легко. Но пальцы опухают и запах воска чувствуешь во всем, что ешь. Эта работа достаточна проста, и мозг остается настолько свободным, что представляешь себе, будто кто-то заглянул к тебе в камеру, думаешь о том, как поживают твои друзья. Надо учесть, что первые четыре недели после приговора лишенный свободы должен находиться в одиночном заключении, дверь всегда закрыта, и приходится зво-

---

[1] Директор Центральной Лувенской тюрьмы, Ernest Bertrand, Actes du Congrès pénal et pénitentiaire international de Prague. Août 1930. Berne 1930, т. III, стр 18—19.

[2] Том Муни, Шестнадцать лет. Статья в жур. «За рубежом», 1933 г., № 7.

[3] English prisons to day: being the report of the Prisons system Enquiry Commitee. Edited by Stephen Hobhous and Fenner Brockway. London. 1922, стр. 580.

[4] Report of the Commissioners of Prison and the Directors of Convict Prisons for the year 1929, London. 1931, стр. 62—63.

нить в колокольчик, если надо выйти из камеры или требуется что-либо в связи с исполняемой работой.

Затем переходят на починку порванных почтовых мешков, зашивание дыр и штопку больших дыр, нашивку заплат.

Другое исключительно интересное занятие, на которое я был назначен в одиночном заключении, было растирание в порошок камня для чистки ножей. Оно состояло в том, что надо было тереть два таких камня друг о друга, пока от них ничего не оставалось кроме пыли, которая собиралась в подставленную жестянную чашку.

Но наиболее распространенной в наших тюрьмах работой все-таки является изготовление почтовых мешков, относимое к числу легких работ.

Другой вид работы, которую можно встретить в большой части тюрем, — это изготовление карабельных кранцев, более тяжелая работа, требующая большего упражнения, чем шитье. Но не каждый заключенный способен делать кранцы или выстегивать ткани, и для многих долголетних тюремных сидельцев щипание пеньки остается единственным их занятием в тюремной камере»[1].

«Воспитательное» значение подобного труда подчеркивается упоминанием в том же официальном отчете о количестве ударов розгами и плетьми, нанесенных в 1929 г. заключенным в английских тюрьмах в наказание за нарушение дисциплины.

Этот перечень ударов розгами непосредственно предшествует перечню работ (таблицы № 6 и 7 официального отчета).

Итак, мертвящая, бесперспективная работа, розги и плети, в качестве средства для воспитания «свободного» рабочего — таков современный арсенал орудий «исправления» в тюрьмах одного из крупнейших капиталистических государств.

Нужны ли лучшие доказательства подлости и фарисейства деклараций буржуазных пенитенциаристов, этих беззастенчивых идеологов капитала по линии его тюремной политики, нужны ли еще доказательства маскировочного назначения этой социальной демагогии, словами о воспитательно-исправительном значении труда в тюрьме прикрывающей жестокую действительность физического и морального уничтожения трудящихся!

В тюрьмах Германии также широко применяются такие работы, как щипание пеньки, клейка пакетов, вязанье чулок.

В германских концентрационных лагерях, широкую сеть которых организовали пришедшие к власти фашисты, заключенные заняты принудительно на бессмысленных и в то же время тяжелых работах, как выщипывание вручную травы между камнями на пустыре[2], или используются как рабочий скот; например, на дорожных работах они

---

[1] Among the broad—arrow men. A. plain account of english prison life. By B 2. 15. London. 1924, стр. 39 48.

[2] G. P. Ulrich, Besuch in Oranienburg. Сборник „Mord im Lager Hohenstein". Berichte aus dem dritten Reich. Verlagsgenossenschaft ausländischer Arbeiter in der USSR 1933, стр. 31.

группами, человек по 25, волочат, выполняя функции двигателя, тяжелый каток для трамбовки дороги, впрягаясь в этот каток [1].

Работы в концентрационных лагерях интернированные выполняют «подгоняемые, как рабы, так как каждый начальник секции (лагерь разделяется на несколько секций) старается вытянуть из человека все соки, чтобы выдвинуться» [2].

Необходимо добавить, что интернированные в этих лагерях «спят в бараке без одежды, на соломе. Пищи нехватает для утоления голода... Часть интернированных предоставляется соседним предпринимателям, в качестве рабов. Для стимулирования принудительного труда пускаются в ход кнуты из кожи носорога» [3].

Тюрьмы САСШ, по отзыву лично наблюдавшего их работу одного из крупнейших пенитенциаристов Германии Липмана, являются «во многих случаях типичными учреждениями для порчи, а не для исправления» [4].

Как с тюремным «просвещением», так и с тюремным трудом, дело обстоит одинаково: для жизни после освобождения они заключенному ничего не дают, так как его успехи в тюрьме — лишь результат приспособления, направленного к тому, чтобы избежать щедро сыплящихся взысканий и наказаний. По выходе на свободу все эти «успехи», конечно, улетучиваются бесследно.

Вопрос о введении индустриальных производств разрешается в положительную сторону капиталистической тюрьмой только тогда, когда это ей выгодно по соображениям усиления эксплоатации труда заключенных и когда нет препятствий к этому со стороны капиталистов данной отрасли промышленности.

Отсталые, технически жалкие мастерские французских тюрем перестроились коренным образом «с (мировой империалистической) войны, когда тюрьмы были переполнены военными — все квалифицированными рабочими. Тогда срочно прекратилось плетение стульев и обработка пакли, и в тюрьмах были устроены настоящие мастерские с современным оборудованием и усовершенствованными машинами. Вы,— говорил т. Марти, — воспользовались этими квалифицированными рабочими руками, которые вам дала война за низкую плату, и индустриализовали тюрьмы. Потом акулы-эксплоататоры набросились на тюрьмы. Они и на свободе эксплоатируют рабочих, которые в состоянии защищаться, и понятно, что могут сделать эти эксплоататоры, когда они имеют дело с заключенными, которые вынуждены молчать. Надо потеть и потеть. Надо работать по 10 часов в день. Пока еще нет цепей, но есть урок. Это еще хуже. Надо выполнить этот урок, который

---

[1] Hans Beimler. Im Mörderlager Dachau. Verlagsgenossenschaft ausländischer Arbeiter in der UdSSR. Moskau. 1933, стр. 31.

[2] «Правда» от 4 апреля 1933 г., выдержка из сообщения «Daily Worker».

[3] «Известия ЦИК» от 26 августа 1933 г., выдержка из сообщения «Manchester Guardian».

[4] M. Liepmann, Amerikanische Gefängnisse und Erziehungsanstalten. Eine Reisebericht. Mannheim. 1927, стр. V.

растет и который устанавливается без учета физических сил и квалификации заключенных»[1].

В Пруссии урок «часто бывает так высок, что даже усердный рабочий не может избежать дисциплинарного взыскания»[2] за его невыполнение, а эти взыскания состоят и в лишении теплой пищи, и в лишении постели, т. е. бьют по трудоспособности и здоровью рабочего заключенного[3].

В итальянской фашистской тюрьме за недостаточно прилежную работу, т. е. по существу за невыполнение урока, полагается от 3 до 15 дней карцера, за отказ выполнять работу — строгий карцер «на хлебе и воде» от 3 до 15 дней[4].

Надо учесть при этом, что на заключенных не распространяется закон о возмещении за увечье, полученное при несчастном случае на производстве[5], и забота о безопасности работающих заключенных почти всюду отсутствует.

«В 1921 г. в САСШ на государственных угольных копях, разрабатываемых осужденными, произошел взрыв, стоивший жизни 123 заключенным. Отчет обследовательской комиссии штата Алабама в 1919 г. констатирует, что туберкулез широко распространен среди заключенных, занятых работой в копях... В громадной Сан-Квентинской тюрьме в Калифорнии ни у одной из зубчатых машин в ткацком отделении не установлено предохранительных щитов или сеток; за один год здесь произошло 79 несчастных случаев, и ни в одном случае не было выплачено никакого вознаграждения лицам, получившим увечья. До сих пор в большинстве штатов не существует никакого законодательства о выдаче вознаграждения за увечья потерпевшим заключенным или членам их семей, хотя в ряде мест им приходится работать на сложных и опасных машинах[6].

Не мастерские для квалификации заключенных для их профтехнического обучения, а, наоборот, заключенные, эта почти даровая рабочая сила для более интенсивной эксплоатации их труда в мастерских индустриального типа,— таково действительное положение дела в тех случаях, когда в тюрьме занимаются не клейкой пакетов или плетением корзин.

Капиталисты, за исключением, конечно, тех, которые пристроились непосредственно к эксплоатации арестантского труда, по соображениям конкуренции требуют максимального ограничения промышленной работы в тюрьмах. Безработица в тюрьме, полная праздность всей

---

[1] Речь Марти в заседаний французской палаты депутатов 7 февраля 1931 г.

[2] Дебаты в прусском ландтаге в заседании 5 мая 1922 г. См. A. Behrle, Die Stellung der deutschen Socialisten Zum Strafvollzug. Berlin 1931, стр. 124.

[3] „Berlin am Morgen“ 17 апреля 1932 г.

[4] Ст. 163 итальянского устава для превентивных и карательных учреждений (Тюремный устав, 1931 г.).

[5] Речь ком. депутата Бертена в заседании французской палаты депутатов 7 февраля 1931 г.

[6] П. Люблинский, Эксплоатация труда заключенных в САСШ, стр. 192—193.

массы арестантов, при которой расходы на тюрьмы полностью падают на бюджет, не страшат капиталиста, так как эти расходы целиком ложатся на налогоплательщиков, т. е. трудящихся.

В направлении создания принудительной праздности заключенных действуют также и руководители реформистских профсоюзов, эта «рабочая аристократия», являющаяся агентурой класса капиталистов в рабочем классе.

Но полная праздность заключенных находится в свою очередь в противоречии с классовым содержанием уголовной репрессии, требующим, чтобы заключенные в принудительном порядке работали; иначе они «окажутся в лучшем положении, чем свободные рабочие, вынужденные работать, чтобы жить. Кроме того праздность заключенных чрезвычайно затрудняет, а порою делает невозможным поддержание дисциплины без особых мероприятий, удорожающих и без того дорого стоящую тюрьму» [1].

Именно эту задачу — поддержания дисциплины—выдвигают на первый план, при определении целей труда заключенных, учителя будущих судебных и тюремных деятелей буржуазного государства в своих капитальных работах, когда они обобщают практику буржуазной тюрьмы. Их молчание о роли принудительного тюремного труда как гибкого орудия для усиления репрессии и для доведения ее до физического уничтожения заключенного объясняется «социальным заказом» капитала его науке — быть ширмой, а не разоблачительницей.

Выход из этих противоречий видят в ручном труде, в равнении на ремесло, и одновременно делают в своих декларациях лицемерные заявления о необходимости строить в тюрьмах производства на уровне современной техники.

Эти противоречия между задачами уголовной респрессии и интересами разных групп капиталистов, их пособников в реформистских профсоюзах и налогоплательщиков приводят в одних случаях к организации ручного ремесленного труда, в других — к организации индустриального предприятия, в третьих — к плантаторскому труду и чаще всего — к принудительной праздности. Принципиального вопроса в данном случае для капитала, хозяина тюрьмы, нет, и среди всех этих перекрещивающихся интересов не принимаются в расчет лишь интересы самого заключенного.

Выбор в качестве выхода из положения ручного труда не мешает самой жестокой эксплоатации труда заключенного, так как буржуазная тюрьма из самой легкой, казалось бы, работы делает исключительно тяжелый труд. Пример этому — клейка бумажных пакетов в германских тюрьмах. Для того чтобы изготовление пакетов вручную было рентабельным, надо сделать минимум 800 пакетов в день. При таком уроке и при девятичасовом рабочем дне приходится делать, по крайней мере, одно движение каждые две секунды, так как для изготовления

---

[1] Vidal, Cours de droit criminel et de science penitentiaire. Paris 1928 г. стр. 639. См. также Таганцев, Русское уголовное право, изд. 2. 1902 г., т. II стр. 1223.

800 пакетов надо сделать 20 000 движений руками. В результате — сильнейшие боли спины, паралич рук или воспаление сухожилий рук [1].

Другой выход пытались найти в работах на армию и на другие государственные учреждения.

В царской тюрьме, по отчетам последних лет ее существования, на первом месте стояли и по количеству занятых заключенных и по полученному доходу портняжные работы и ткацкие работы. Например, по отчету за 1912 г. при общем обороте мастерских в 1.800.000 р., на долю портняжных работ приходится 435.000 р., на долю ткацких 309.000 р.; следующие за этими работами, по своему удельному весу, — сапожные с оборотом в 267.000 р. Все эти виды работ были связаны с включением главного тюремного управления в число поставщиков царской армии, после чего для портняжных работ были устроены специальные мастерские, оборудованные в соответствии с последними требованиями техники. Военные же заказы оказали влияние и на расширение ткацких работ, так как главное тюремное управление в 1909 г. организовало поставку интендантству холста. Сапожные мастерские развились как только началась в тюрьмах пошивка солдатских сапог [2].

Но истинный хозяин империалистического государства, капитал, терпит даже такую захудалую государственную промышленность, как тюремная, только до тех пор, пока она не затрагивает в сколько-нибудь значительной мере его интересов. Первые шаги кризиса в промышленности немедленно увеличивают безработицу и в тюрьме.

В буржуазной тюрьме тюремный труд принципиально бесплатен.

Все, что решаются предложить буржуазные практики пенитенциарного дела, укладывается в убогую формулу резолюции Лондонского международного пенитенциарного конгресса 1925 г.: «Хотя государство и не обязано оплачивать принудительный труд заключенных, но все же желательно поддержать их усердие при помощи поощрения». Но даже и это решение — не более чем благое пожелание.

Дальше не смог пойти и следующий, Пражский (1930 г.), международный конгресс деятелей буржуазной тюрьмы, провозгласивший, что «вознаграждение за выполняемую работу стимулирует усердие и, таким образом, помогает арестантам привыкнуть к трудовой жизни» [3].

Право хотя бы и на незначительную оплату труда заключенного противоречит классовому содержанию буржуазной тюрьмы, ослабляет ее силу как орудия подавления и дрессировки трудящихся: тюрьма должна приучить заключенных работать тяжким трудом «в поте лица», и притом бесплатно, ибо только при этих условиях они по освобождении будут готовы на любой труд, в любых условиях и за любую оплату.

«Плата подрывает строгость наказания, изнеживает заключенного и является сантиментальностью» [4]. Так говорят теоретики буржуазного

---

[1] „Berlin am Morgen“ от 17 апреля 1932 г.

[2] Данные из отчетов Главного тюремного управления за 1910 и 1912 гг.

[3] Actes du Congrés de Prague, т. I-a. стр. 37.

[4] Liepmann, Amerikanische Gefängnisse, стр. 12.

тюрьмоведения в тех странах, в которых гремят по дорогам «кандальные команды» из арестантов, проводящих эти дороги, где заключенные, измученные и задыхающиеся в каменных мешках-громадах, поднимают бунты в десятках тюрем, рискуя жизнью, и громят тюремные мастерские как особо ненавистные помещения, с которыми у них связаны тягчайшие часы их тюремной жизни.

Какова же оплата труда заключенных, как широко распространена она в американских тюрьмах?

В 1928 г. при обследовании 104 тюрем было установлено, что в 53 из них вообще нет никакой оплаты труда заключенных, а в одном штате (Maine) оплата труда даже запрещена [1].

Обосновывают это такими юридическими конструкциями: «В заключенном видят государственного раба, который всей своей рабочей силой обязан служить обществу, чтобы искупить свою вину и окупить издержки своего содержания. Оплата труда заключенного при такой точке зрения противоречит конституции» [2].

Размеры оплаты там, где она практикуется, смехотворно низки.

В штате Нью-Йорк работающие на хозяйственных работах до настоящего времени получают в день 1½ цента (3 коп.) [3], работающие в мастерских — 4—9 центов (8—18 коп.) [4], так как прежде всего из заработка заключенного вычитается стоимость его содержания (то, что он получает натурой — пища и прочее, и то, во что обходится его охрана и содержание самой тюрьмы).

Выше 10 центов (20 коп.) выплата заключенному в день поднималась только в 18 тюрьмах из 104 обследованных. Но и этот в условиях САСШ буквально грошовый заработок выплачивается заключенному только в том случае, если тюрьма получит чистую прибыль от своих работ [5]. За плохое ведение дела тюремной администрацией и за ее нечестность при совершении сделок прежде всего расплачиваются заключенные, теряя и эти гроши, заработанные воистину каторжным трудом.

Грошовая оплата труда в некоторых тюрьмах и полная бесплатность в большей части тюрем САСШ особенно циничны по сравнению с громадными оборотами тюрем САСШ, составившими в 1923 г., как указано выше, 76 миллионов долларов (150 миллионов рублей).

«Принципальность» тюремной практики в САСШ по вопросу об оплате труда заключенных завершается широко практикующейся системой штрафов: например, в Нью-Йоркской тюрьме, при дневной оплате труда в 1½ цента (3 коп.), штраф за то или иное нарушение тюремных правил составляет иногда 5 долларов (10 р.) [6]. За одно дисциплинарное нарушение — штраф в размере годового заработка.

---

[1] Handbook of American Prisons and Reformatories. 1929. New Jork, стр. 407.

[2] Foltin, стр 233, 259—260. Sutherland, стр. 467.

[3] Foltin, стр. 261.

[4] Prisons industries. Departement of Commerce. Washington 1929 г., стр 59.

[5] П. Люблинский, Эксплоатация труда заключенных в САСШ, стр. 187—188.

[6] Report of Commission on Penal Institutions. 1931 г., стр. 109.

В Англии «вот уже 20 лет как отменена платность труда заключенных (осужденных)» [1]. Считается, что «возможность сократить длительность наказания путем усердного труда является достаточным побуждением к труду» [2].

Такая же «принципиальная», выдержанная точка зрения по вопросу об оплате труда заключенных, вернее об его бесплатности, проведена и в германском тюремном законе, изданном в период, когда у власти были еще социалдемократы. И по этому закону «у заключенного нет права на то, чтобы его работа оплачивалась», ему устанавливается поощрительное вознаграждение за работу из прибыли, полученной от работ [3]. В 1927 г. такое поощрительное вознаграждение за усердие в работе колебалось между 8 пфенигами (около 4 коп.) и 30 пфенигами (около 14 коп.) в день [4]. Марку (46 коп.) заключенный получал за 48 часов работы, т. е. меньше копейки в час. Но и эту копейку получили далеко не все. В течение 1927 г., например, в германских тюрьмах 86.000 заключенных работали совершенно бесплатно [5].

В германских концентрационных лагерях заключенный получает 83 коп. (1, 8 марки) в неделю, т. е. 12 коп. в день, но из этой «суммы» он должен заплатить за свое содержание в лагере [6].

И даже продавая предпринимателям рабочую силу заключенных, германские тюрьмы, как правило, не выплачивают заключенным ничего, так как все, что им бы причиталось, с избытком перекрывается стоимостью их содержания, которую каждый заключенный должен покрыть полностью прежде, чем получить что-нибудь [7].

В тех тюремных системах (например, во французской), где признается обязательность, правда, ничтожной оплаты труда заключенных, казенный паек дается заключенным в недостаточном размере с таким расчетом, чтобы они были вынуждены дорабатывать до необходимого минимума.

Так же ставит вопрос итальянский фашистский устав 1931 г. Министр юстиции Рокко прямо признает: «Паек вне всякого сомнения не в состоянии возместить расход энергии, затрачиваемой на работу. Эту потребность заключенный может удовлетворить, приобретая дополнительное питание, пользуясь заработанными деньгами» [8].

Продолжительность рабочего дня в тюрьмах в большей части капиталистических государств достигает 10 часов, редко — меньше, а

---

[1] Доклад Turner, английского делегата на международном уголовном и пенитенциарном конгрессе в Праге 1930. Acte sdu Congrés de Prague, т. III, стр. 144.

[2] Report of the Commissioners of Prison for the year 1929, стр. 23.

[3] Grundsätze für den Vollzug von Freiheitsstrafen vom 7 Iuni 1923, стр. 79.

[4] Helmut Rahne, Die Gefangenenarbeit in Rahmen des Erziehungsstrafvollzuges. Sonderheft von Bald 62 der Blätter für Gefängniskunde, Heidelberg 1931 г. стр. 80—81.

[5] „Berlin am Morgen“ 17 апреля 1932 г.

[6] „Правда“ от 4 июля 1933 г. выдержка из „Daily Worker“.

[7] „Grundsätze“ 1923, стр. 77.

[8] Цит. по статье М. М. Исаева, Тюремный устав и тюрьмы фашистской Италии (по рукописи).

часто — больше: например, в Дании — 10½ часов[1], в Румынии 12—14 часов — летом[2], иногда — в САСШ — и от восхода солнца до захода.

Любопытно, что видные буржуазные тюремные деятели считают необходимым «подчеркнуть абсурдность применения к заключенным правила о восьмичасовом рабочем дне» на том основании, что «работа всегда будет большим развлечением для заключенного»[3].

И условия труда, и неприменимость в подавляющем большинстве случаев, в дальнейшем, по выходе арестантов на свободу, трудовых навыков, приобретенных ими в тюрьме, делают для них глубоко безразличным то, чем они заняты.

В старой царской тюрьме тюремные работы делились на «черные (содержание в чистоте тюремных зданий, пилка дров, работы земляные и огородные), серые (стирка белья, щипание пеньки, витье веревок и канатов) и белые (мастерские разного рода и ремесла)»[4]. Но как там, так и в современной капиталистической тюрьме все работы равно серы и бесперспективны для заключенных.

Исстари сложившаяся поговорка о тюремном труде: «толки воду на воеводу» отражает и бесполезность для самого заключенного его труда и эксплоатацию его в тюрьме.

Тот же мотив бесполезности тюремного труда повторяется и в словах ветерана революции Веры Фигнер, отбывшей долгие годы каторги:

«Здесь работа — пустая игра,
Развлеченье от давящей скуки,
Равнодушно берется игла,
Бесполезно работают руки»[5].

Процент заключенных, занятых работами, теряет всякое значение, когда снимаются прикрытия с лицемерных деклараций и теорий, и буржуазная тюрьма обнажается в ее истинной сущности как орудие подавления и «донимающего исправления» трудящихся, производимого всеми способами, в том числе и трудом. Но все же характерны цифры, показывающие, как велика та «принудительная праздность», которую насаждает буржуазная тюрьма.

Первое место по масштабам праздности занимает САСШ. Наряду с исключительной безграничной эксплоатацией труда в одних тюрьмах, в других — и особенно в местных (Jails), которых имеются тысячи (3 570 в 1924 г.) и в которых содержатся 80—90% всех заключенных,— наблюдается полное отсутствие работ[6]. Тюрем, в которых совершенно не были организованы работы, было в 1931 г. в Польше — 203, в Чехо-Словакии — 379. Не было занято работами в том же

---

[1] Н. Н. Паше-Озерский, По тюрьмам Западной Европы, Харьков, 1930 г., стр. 77.

[2] Гиттель, Румынская юстиция в борьбе с революционным движением Москва, 1931 г., стр. 38.

[3] Foltin, стр. 253.

[4] «Тюремный вестник», 1911 г., № 8—9, стр. 891.

[5] Сборник «Проблемы преступности», вып. 4, Москва, 1929 г., стр. 90.

Foltin, стр. 9, 241.

1931 г.: во Франции — 28%, в Пруссии — 47%, в Италии — 78% от общего числа содержащихся в тюрьмах [1].

При всей фиктивности воспитательного значения труда в буржуазных тюрьмах буржуа и его идеологи, говоря о труде, не случайно говорят о творческой силе, о воспитательном значении его «вообще», не касаясь тех конкретных экономических и социально-политических условий, которые одни только и придают смысл этим выражениям.

На эту обусловленность труда указывает Маркс: «У буржуа есть серьезные основания приписывать труду *сверхестественную* творческую силу, так как именно из естественной обусловленности труда вытекает тот факт, что человек, не обладающий никакой другой собственностью, кроме своей рабочей силы, какого бы он ни был общественного положения и культурного уровня, должен быть по необходимости рабом других людей, завладевших материальными условиями труда» [2].

Из этой же обусловленности вытекает и тот факт, что капиталистическое государство всюду, где оно организует воспитание, сводит это воспитание для рабочего к его обезличению, к выработке в нем покорности, способности безропотно сносить неизбежные для трудящегося при капиталистическом строе нищету и подавление со стороны капитала, к отказу от солидарности с другими трудящимися и от борьбы за интересы рабочего класса, за освобождение всех трудящихся.

О действительном воспитании, о выработке инициативы и самостоятельности, о развитии личности, способной полностью использовать свою свободу, как и о развитии классового самосознания, капиталистическое государство заботится только в отношении своей опоры, в отношении собственника, так как действительная свобода при капиталистическом строе — это свобода собственника, а не свобода человека.

Но общественный характер труда при капитализме находит свое выражение в частности в том, что «с развитием промышленности увеличивается не только численный состав пролетариата, он группируется в большие массы, сила его растет, и он все более сознает ее» [3]. Это ведет к все шире распространяющемуся объединению рабочих: «В организации — сила рабочих и спасение их» [4].

Рабочий воспитывается и фабрикой, и жизнью, всей практикой его классовой борьбы с буржуазией к объединению и к построению централизованного хозяйства.

А так как «всякая классовая борьба есть борьба политическая» [5], то «любая стачка при всех ее ничтожных результатах давала нечто не-

---

[1] Бюллетень Гос. ин-та по изучению уголовной и исправительно-трудовой политики, 1932, № 6, стр. 28—29.

[2] Маркс, Критика Готской программы, 1933 г., стр. 17—18.

[3] Маркс и Энгельс, Манифест коммунистической партии, Сочинения т. V, стр. 491.

[4] Ленин, т. XXIII, стр. 25.

[5] Маркс и Энгельс, Манифест коммунистической партии, Сочинения, т. V, стр. 492.

УССР. Киевская фабрично-заводская исправительно-трудовая колония. Лишенные свободы за автогенной сваркой

УССР. Одесская промколония. Лишенные свободы за работой на кроватной фабрике

УССР. Киевская фабрично-заводская исправительно-трудовая колония. Инструктор проверяет работу

УССР. Харьковская промколония. Лишенные свободы и инструктор курсов предварительной квалификации столярной мастерской

РСФСР. Краснодарская фабрично-заводская исправительно-трудовая колония. Следственная лишенная свободы за обучением на пуговичной фабрике

УССР. Киевская фабрично-заводская исправительно-трудовая колония. Ударная бригада лишенных свободы за проверкой своего изобретения

РСФСР. Лефортовская фабрично-трудовая колония. Инструктор проверяет записи лишенных свободы об их выработке

оценимое, новое, важное, содержательное. Стачка учила рабочего сознавать, что в единении с другими рабочими заключается сила, сила могучая, способная остановить машины, превратить раба в свободного человека и воспользоваться теми благами, которые по праву принадлежат производителю их»[1].

Так в капиталистическом обществе, как одно из его основных непреодолимых внутренних противоречий, независимо от желания эксплоататорского меньшинства, идёт воспитание рабочего, выработка в рабочем самостоятельности, развитие в нем классового самосознания, готовности к борьбе и к защите интересов своего класса.

Буржуазная тюрьма, как в кривом зеркале, отражает все противоречия капиталистического строя; поэтому труд заключенных в ней и не имеет и не может иметь воспитательного значения. Он остается вдвойне принудительным трудом: и как всякий труд в капиталистическом обществе, когда рабочий работает не на себя, а на капиталиста, и как труд, дисциплина которого поддерживается прямым насилием.

Действительная основа коренного различия в условиях труда в СССР и в капиталистических странах заключается в том, что у нас власть в руках рабочих, а в капиталистических странах власть в руках эксплоататорских классов.

III

В царской России борьба пролетариата за власть окончилась победой пролетариата. Эта победа поставила труд в стране диктатуры пролетариата в основу социального воспитания, в основу выработки активных строителей социализма из старого человеческого материала.

В новых условиях труда, в стране, где власть в руках рабочих, возникает новый, качественно иной, чем при капитализме, труд, новая дисциплина труда.

Но необходимой предпосылкой новой дисциплины труда является «победа над собственной косностью, распущенностью, мелкобуржуазным эгоизмом, над этими привычками, которые проклятый капитализм оставил в наследство»[2], так как «рабочий класс китайской стеной не отделен от старого буржуазного общества. И когда наступает революция, дело не проходит так, как со смертью отдельного лица, когда умерший уносится вон. А когда гибнет старое общество, труп буржуазного общества нельзя заколотить в гроб и положить в могилу. Он разлагается в нашей среде, этот труп гниет и заражает нас самих»[3]. Новую дисциплину, дисциплину объединенного труда массы трудящихся создают сами, «не по указке сверху, а по указанию своего жизненного опыта»[4].

Но воспитание новой дисциплины есть одна из форм классовой борьбы пролетариата при его диктатуре[5] и правильное применение

[1] Ленин, т. XXV, стр. 154.
[2] Ленин, т. XXIV, стр. 330.
[3] Ленин, т. XXIII, стр. 57.
[4] Там же, стр. 44.
[5] Ленин, т. XXV, стр. 7.

государственного принуждения, классового пролетарского принуждения является одним из необходимых условий успеха в деле воспитания новой дисциплины, хотя в основе последней лежит, конечно, вовсе не принуждение, а сознательное социалистическое отношение к труду, социалистическая самодисциплина.

Одной из первых по времени и исключительно важной по существу мерой, принятой советской властью по линии труда, было признание труда обязательным для всех граждан республики и провозглашение лозунга: «Не трудящийся да не ест», одновременно с лишением эксплоататоров политических прав в советской республике [1].

Признание в пролетарском государстве труда обязательным для всех—это первый шаг на тот путь, которым пролетариат ведет за собою всю массу трудящихся и эксплоатируемых и мелкобуржуазные слои «на путь нового хозяйственного строительства, на путь создания новой общественной связи, новой трудовой дисциплины, новой организации труда, соединяющей последнее слово науки и капиталистической техники с массовым объединением сознательных работников, творящих крупное социалистическое производство» [2].

Для основных масс трудящихся школой воспитания к новой трудовой дисциплине, к свободной сознательной дисциплине трудящихся, школой борьбы за высшую, чем при капитализме, производительность труда, борьбы за строительство социализма — такой школой в условиях диктатуры пролетариата служат профсоюзы,— один из важнейших рычагов, при помощи которых осуществляется повседневно диктатура пролетариата. Профсоюзы стоят первыми в ряду тех «массовых организаций пролетариата, без помощи которых невозможно осуществление диктатуры» [3].

По формулировке Ленина: «Это не есть организация государственная,— это не есть организация принуждения, это есть организация воспитательная, организация вовлечения, обучения, это есть школа, школа управления, школа хозяйничания, школа коммунизма» [4]. Эта организация помогает рабочему классу итти под руководством своей коммунистической партии по пути перестройки старой экономики и построения новой социалистической экономики, так как формирует новую, социалистическую дисциплину и, в первую очередь, ее основу — новую дисциплину труда.

«Воспитание широких масс рабочих, и в особенности вновь вливающихся в производство, в духе новой социалистической дисциплины, борьба с проявлением мелкобуржуазных привычек, навыков и взглядов, за новые социалистические формы труда и классовое коммунистическое воспитание составляют одну из самых главных и решающих задач профсоюзов [5].

---

[1] Конституция (Основной закон) РСФСР, принятая V всероссийским съездом советов 10 июля 1918 г.

[2] Ленин, т. XXIV, стр. 339.

[3] И. Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 261.

[4] Ленин, т. XXVI, стр. 63—64.

[5] Резолюция IX съезда профсоюзов, Профиздат. 1932 г., стр. 25.

Эту задачу воспитания рабочей молодежи на производстве и перевоспитания отсталых масс трудящихся и масс, вливающихся впервые в социалистическую промышленность и социалистическое сельское хозяйство, задачу переделки этих масс советские профсоюзы резрешают, внедряя в сознание новых слоев рабочих, что «рабочий есть хозяин страны, что он работает на себя и на свой собственный класс» [1] и потому он кровно заинтересован в высокой производительности труда.

Новые интересы рабочего класса в стране, где власть в руках рабочих, создают невозможную и немыслимую в капиталистических странах кровную заинтересованность рабочих в высокой производительности труда.

Новые интересы рабочего класса и новый смысл его труда дали основу для социалистического соревнования и ударничества.

В 1919 г. Ленин отмечает коммунистические субботники как один из живых ростков подлинного коммунизма и указывает на их «прямо-таки гигантское значение», так как «это — начало переворота, более трудного, более существенного, более коренного, более решающего, чем свержение буржуазии, ибо это — победа над собственной косностью, распущенностью, мелкобуржуазным эгоизмом, над этими привычками, которые проклятый капитализм оставил в наследство рабочему и крестьянину» [2].

Этот, по выражению Ленина, «великий почин» является началом нового коммунистического отношения к труду, так как «коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд, забота *рядовых рабочих* об увеличении производительности труда, об охране *каждого пуда хлеба, угля, железа* и других продуктов, достающихся не работающим лично, и не их «ближним», а «дальним», т. е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, объединенных сначала в одно социалистическое государство, потом в Союз советских республик» [3].

Вместе с пятилеткой появился ударник.

Теперь дело соревнования и ударничества является делом «завоеванным и закрепленным». «Самое замечательное в соревновании состоит в том, что оно производит коренной переворот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из зазорного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и геройства» [4]. Эти слова т. Сталина являются знаменем ударничества.

На 1 января 1932 г. соцсоревнованием охвачено уже 72% всех рабочих СССР, почти три четверти всего рабочего класса.

Ударник стал центральной фигурой производства и профдвижения [5] стал центральной фигурой пятилетки; он неотделим от нее, от советов, от социалистического строительства, от большевизма.

---

[1] Резолюции IX съезда профсоюзов, Профиздат, 1932 г., стр. 75.
[2] Ленин, т. XXIV, стр. 329.
[3] Там же, стр. 342.
[4] Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 9, стр. 534.
[5] Резолюции IX съезда профсоюзов, стр. 7.

7*

В процессе перестройки старой экономики пролетариат перестраивал себя, так как пятилетка означает не только огромное хозяйственное строительство,— пятилетка создала не только заводы и машины, она создала также и новый тип человека. Ударник — это и есть новый человек, строитель социалистического общества, рабочий, сбросивший с себя ярмо капитализма, осознавший себя хозяином страны, хозяином промышленности и беззаветно работающий над построением социалистического общества [1].

Рабочий делегат из Франции, описывая работу ударников, говорил: «Они стоят у своих станков, как на баррикадах. Та же боевая решимость и блеск энтузиазма в глазах» [2].

Ударничество — это фронт классовой борьбы, фронт социалистического наступления. Отсюда — сила и краски этой картины нового труда, качественно отличного от труда в капиталистических странах.

В трудовой перекличке ударников возникла ударная и хозрасчетная бригада. В своем развитии соцсоревнование превращает каждую ударную, каждую хозрасчетную бригаду не только в сознательного исполнителя, но и в активного организатора процесса производства. Каждый участник соцсоревнования критикует самый объем плана и указывает конкретные возможности увеличения задания, повышает требования к самому себе, выявляет дополнительные неучтенные резервы для ускорения темпов в борьбе за социалистические формы организации труда [3].

Все эти проявления *новой культуры труда* свидетельствуют о том, что на базе новой организации общественного, социалистического труда в СССР, в стране диктатуры пролетариата, уже выросло новое, более высокое общественное сознание, воспитывающее в трудящихся новое отношение к труду, новую действительно свободную и сознательную дисциплину, которая обеспечивает необходимое по линии труда условие для окончательной победы нового общественного строя — громадный рост производительности труда.

Громадное воспитательное значение труда для самого трудящегося особенно ярко проявляется в социалистических формах труда.

Труд ударника становится постепенно осью всего его отношения к коллективу и всего его поведения.

«Настоящий ударник по мере своего развития неизбежно превращается в активиста, в большевистском смысле слова, т. е. в настоящего коммуниста» [4].

Труд в условиях социалистического соревнования, в особенности в высшей его форме — в хозрасчетной бригаде, стал могучим средством культурной революции, всестороннего развития человека и его способностей, так как при социалистическом соревновании в такой бригаде

---

[1] «Правда», передовая от 29 декабря 1932 г.

[2] Б. Таль, Ленинское соревнование в действии. «Правда» от 21 января 1932 г.

[3] Б. Маркус, Статья в сборнике «Вопросы труда на новом этапе». Соцэкгиз, 1931 г., стр. 10.

[4] Молотов, статья в «Экономической жизни» от 2 октября 1930 г.

трудящийся овладевает плановым началом, активно борется за план, как за свое кровное дело, вовлекается в работу по рационализации, в движение за овладение техникой. Он неизбежно подходит к необходимости понять, охватить весь процесс данного производства, не ограничиваясь частичной работой, исполняемой им. Трудовое взаимодействие между соревнующимися означает, что каждый трудящийся начинает осуществлять господство над процессом труда как организующая сила. Это подводит его вплотную к вопросам учета и контроля, к широко развернутой самокритике и воспитывает активного общественника, активного борца за социализм, для которого труд — уже не бремя, а «дело чести, дело славы, дело доблести и геройства».

Все эти завоевания новой культуры труда являются исходными и при организации в СССР труда лишенных свободы.

Задачи, стоящие перед советским исправительно-трудовым учреждением, настолько же отличны от задач, которые ставит капитализм перед буржуазной тюрьмой, насколько отлична диктатура пролетариата от диктатуры капитала. А отсюда принципиальное отличие и методов советского исправительно-трудового учреждения от методов «исправления» буржуазной тюрьмы.

Социальное приспособление совершившего преступление и в силу этого лишенного свободы трудящегося, его *исправление* в условиях диктатуры пролетариата означает *выработку* из лишенного свободы *активного участника строительства социализма.* Эта задача, *задача воспитания к новой социалистической дисциплине* достигается *обычными методами* воздействия пролетарской диктатуры, которое строится на *сочетании убеждения и принуждения,* причем принуждение осуществляется на базе убеждения живым примером, реальной работой. Но даже в том случае, когда лишение свободы, будучи применяемо к совершившим опасные преступления *классовым врагам пролетариата и их агентуре,* служит задаче *подавления,*— это лишение свободы одновременно на современном этапе должно осуществлять и «переделку», т. е. момент *принуждения,* играющий в отношении такого рода элементов основную роль, должен и в этом случае определенным образом увязываться с моментом *убеждения* для «исправления исправимых».

Метод убеждения в отношении лишенных свободы только тогда может быть эфективным, если лишенные свободы могут быть заняты производственным трудом в предприятиях надлежащей технической высоты, при правильном производственном режиме, обеспечивающем в основном работу в такой же трудовой обстановке, с такой же организацией труда и, главное, с такими же формами труда, какие применяются в предприятиях социалистической промышленности.

Только в этом случае исправительно-трудовое учреждение сможет действительно и полностью выполнить свои воспитательные задачи. Только при этих условиях обеспечивается внедрение и в обстановке лишения свободы основной общественной дисциплины и новой дисциплины труда.

Как формулирует Исправительно-трудовой кодекс РСФСР издания 1933 г. (ст. 41) «Провозглашенная Конституцией РСФСР обязанность

общественно-полезного труда для всех граждан распространяется также и на лишенных свободы, способных к труду.

Труд лишенных свободы и проводимая среди них политико-воспитательная работа должны служить перевоспитанию и приучению их к работе и жизни в условиях трудового коллектива и приобщению их к участию в социалистическом строительстве».

Эти задачи по труду в наших исправительно-трудовых учреждениях были поставлены не сразу. Они были выработаны в длительной борьбе за проведение классовой линии и за единство судебной и исправительно-трудовой политики, в борьбе с либерально-буржуазными влияниями и в теории, и в практике исправительно-трудового дела.

Задача по труду, как и организационные формы труда лишенных свободы, как и конкретное содержание их работы за истекшие 15 лет не раз менялись в зависимости от смены этапов развития классовой борьбы, и смены основных этапов, и экономической политики, и уголовной политики.

«Тюремное заключение мы переняли из чисто буржуазного права. Но мы все-таки сразу поставили вопрос иначе и сделали ударение на трудовом начале» [1]. Это было сделано уже в первом акте советской власти, касающемся существа тюремного дела,— в постановлении о рабочих командах от 24 января 1918 г. [2].

В этом акте резко подчеркивается неприемлемость для советской власти взгляда на труд заключенных, как на средство наказания и мучительства: «Из числа работоспособных заключенных в тюрьмах образуются рабочие команды для производства необходимых для государства работ, не превышающих по тягости работы обычного чернорабочего» (ст. 1).

Значение труда в местах лишения свободы при советской власти было тогда еще недостаточно отчетливо сформулировано в нашем законодательстве, подобно тому, как в нем не получили еще тогда развернутого выражения воспитательные задачи в отношении лишенных свободы.

И все же советская власть выдвинула уже тогда, в первые месяцы своего существования, принципиальное положение о том, что в стране советов труд даже в тюрьме не должен быть, не может быть орудием репрессии, каким-то «особо тяжелым», каторжным трудом.

Явно с целью противопоставления нового подхода к труду лишенных свободы в советской стране капиталистическому принудительному и бесплатному тюремному труду, в этом первом акте устанавливается платность труда как подследственных, так и осужденных (ст. 2).

Но в самой формулировке еще видно влияние либерально-буржуазных тенденций уравнительного порядка, так как стирается одна из существенных сторон лишения свободы как меры уголовной репрессии, — неполная оплата труда лишенных свободы.

Еще предстоит «создать перелом во всей обстановке отбывания на-

---

[1] П. И. Стучка, Стенограмма речи, «Советское государство и революция права», 1931 г., № 7, стр. 124.

[2] СУ 1918 г. № 17, ст. 284.

казания в местах заключения»[1], следовательно, и в постановке труда лишенных свободы.

Советская власть в первый момент определяет свои задачи по отношению к местам лишения свободы прежде всего путем *отрицания* старой тюрьмы.

«Трудовая жизнь обязательна для тюрьмы, но не по прежней системе». Такова исходная позиция ведомственного документа (циркуляра НКЮ от 24 мая 1918 г.), чрезвычайно удачно разрешавшего свою задачу дать ориентировку практике мест. Эта задача выполнена с подлинно революционным подходом к делу: на смену всем основам труда в буржуазной тюрьме даны советские установки, как они мыслились тогда.

В буржуазной тюрьме труд является орудием истязания, способом эксплоатации в пределах, определяемых притязаниями наиболее сильных групп капитала. В Советской стране труд лишенных свободы, это — обычный труд, не превышающий по своей тягости труда чернорабочего.

В буржуазной тюрьме, наряду с каторжным трудом, вынужденное безделие, притупляющая, приводящая к душевным недугам принудительная праздность. В Советской стране не может быть места вынужденной праздности, так как «принудительный паразитизм» противоречит основам ее трудового строя.

В буржуазной тюрьме арестантский труд принципиально бесплатен. В Советской стране труд лишенных свободы оплачивается, как было установлено еще постановлением о рабочих командах.

Уже в этом постановлении намечаются и организация работ в местах лишения свободы закрытого типа, и развертывание сельскохозяйственных поселков или колоний, и организация трудом заключенных добычи различного сырья.

Пусть тогда, в средине 1918 г., это были еще отвлеченные принципы, пусть они с недостаточной полнотой отражают подлинно советские установки и не охватывают основной задачи по труду, выдвинутой диктатурой пролетариата,— задачи воспитания к новой дисциплине труда, все же в эту эпоху намечается в общих чертах значительная часть того, что в течение десяти последующих лет проводил руководивший тюремным делом орган, конкретизируя основную линию, указанную в 1919 г. по вопросу о тюрьме в программе коммунистической партии.

В то же время необходимо помнить, что даже руководящие работники исправительно-трудового дела того периода, не овладевшие еще марксо-ленинской теорией, наряду с правильным нахождением новых путей, подчас делали и ошибки под влиянием либерально-буржуазных теорий. Но и делая ошибки, используя иногда чужую терминологию или ошибочные положения, навеянные либеральным тюрьмоведением, практика советской исправительно-трудовой работы осуществила задачи, ничего общего по своему классовому содержанию не имевшие с

[1] Циркуляр Карательного отдела НКЮ РСФСР от 29 мая 1918 г. № 3777.

задачами буржуазной «пенитенциарии». Это принципиально иное классовое содержание работы всегда необходимо иметь в виду, даже когда мы встречаем в тех или иных актах о лишении свободы формулировки, воспринятые у буржуазной «пенитенциарии».

Так, если либерально-буржуазные тюрьмоведы доказывают необходимость запрещения конкуренции труда заключенных с трудом свободных рабочих и если Карательный отдел НКЮ писал в 1918 г., что «необходимо иметь в виду, что труд лишенных свободы не должен конкурировать с трудом свободным» [1], то это были две концепции, глубоко друг от друга отличные.

Конечно, не об интересах частного предпринимателя заботился Карательный отдел НКЮ, запрещая конкуренцию. Он имел в виду и не интересы государственной промышленности. При наличии тогда безработицы в стране он думал исключительно об интересах безработных, которые могли пострадать от того, что к той или другой работе были бы привлечены не они, а лишенные свободы, которые и без того за счет государства обеспечены и жильем, и продовольствием, и коммунальными услугами.

Но такое положение, при котором трудоспособные граждане, хотя бы лишенные свободы, содержались за счет государства и не работали, находилось в прямом противоречии с лозунгом, включенным в советскую конституцию: «Не трудящийся, да не ест»,— этой знаменитой формулой, которую дал В. И. Ленин и которую, как «один из существенных признаков социализма, естественно, мы пытались перенести в тюрьму» [2].

Немедленно после принятия конституции (10 июля 1918 г.), этот ее лозунг находит свое отражение в первом акте советской власти, дающем в систематизированном виде установки по лишению свободы в целом, в том числе и по труду лишенных свободы, во «Временной инструкции о лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такового» от 23 июля 1918 г. [3]. «Лишенные свободы, способные к труду, обязательно привлекаются к физическому труду» (ст. 21).

Деловая программа по труду лишенных свободы в тот период сводилась к следующему: возобновление, переустройство и создание внутри тюрем мастерских, снабженных надлежащим оборудованием, инструментами, материалами и опытными инструкторами, организация работ вне тюрем, выработка принципов оплаты труда заключенных на основе возмещения расходов на их содержание и создания фонда для выдачи пособий при освобождении [4].

Техническое оборудование должно соответствовать «хотя бы нормальному среднему уровню вольных мастерских», так как, «выйдя на волю, заключенный попадает в современную обстановку, требующую квалифицированных рабочих, по крайней мере, хорошо обученных ра-

[1] Циркуляр карательного отдела НКЮ РСФСР от 29 мая 1918 г., № 3777.

[2] П. И. Стучка, Стенограмма речи, «Советское государство и революция права», 1931 г. № 7, стр. 124.

[3] СУ 1918 г. № 53, ст. 598.

[4] Циркуляр Карательного отдела НКЮ от 7 августа 1918 г. № 32.

РСФСР. Грозненская фабрично-трудовая колония лишенных свободы. Чеченец-бригадир ударной плотничной бригады Вахаев

РСФСР. Ростовский-на-Дону сельмаш. Бригадир Леонов, бывший лишенный свободы, следит за работой

боте на станках»; поэтому «нежелательно и обучение заключенных кустарным ремеслам».

Ввиду того, что устройство мастерских, в связи с отсутствием машин, станков и, главным образом, материалов, в то время могло явиться, во многих случаях, невозможным в широких размерах, то намечалась организация работ вне стен мест заключения.

Но развитию работ лишенных свободы в соответствии с этими задачами мешало хозяйственно-политическое положение страны в условиях военного коммунизма, когда Советская Россия была объявлена военным лагерем [1], когда весь ход хозяйственной жизни страны, вся работа органов советской власти были подчинены интересам обороны. Как это формулировано было Лениным: «Гражданская война была так трудна, что тут единственным правилом было: все для победы на фронте гражданской войны — и только» [2].

Разорение страны интервентами и белыми, исключительная нужда во всех видах снабжения, отвлечение максимума ресурсов на нужды обороны, все это обусловило более чем скромные масштабы работы в местах лишения свободы.

Как констатируется на III всероссийском съезде деятелей советской юстиции (25—29 июня 1920 г.), «многие из тех тюрем, которые мы заняли, совершенно не имеют (в них были маленькие швальни или сапожные) и не имели мастерских, а из исправительных тюрем очень многие оказались не в наших руках: они были или разрушены, или взяты военными учреждениями» [3].

«Оборудование мастерских в прежних правительственных и каторжных тюрьмах разрушено, инструменты и прочий инвентарь расхищены, оборудование новых мастерских там, где их ранее не было, и возобновление разрушенных, при остром кризисе во всех видах промышленного снабжения, является делом очень сложным» [4].

В 1920 г. при общем числе 259 мастерских в 141 месте заключения (это количество было охвачено учетом) преобладают обувные (72), швейные (58), столярные (55), слесарно-кузнечные (47), кроме того, было несколько переплетных мастерских, прачечных, 1 живописная, 1 мукомольная, 1 хлебопекарня, 2 типографии и 7 организованных в 1920 г. ткацко-прядильных.

Мастерские были мелкие. Предприятия фабричного типа — единичны.

И если в мастерских в 1920 г. работало 10% от общего числа содержащихся [5], тогда как в 1919 г. работало около 2½%, то такой рост находится в зависимости, главным образом, от достигнутых боевых и организационных успехов на военном и трудовом фронтах, что

---

[1] Декрет 2 сентября 1918 г.

[2] Ленин, т. XXVI, стр. 204.

[3] Материалы НКЮ. Протоколы Всероссийского съезда деятелей советской юстиции, 1921 г., стр. 47.

[4] Тюремное дело в РСФСР. отчет ЦКО НКЮ VII всероссийскому съезду советов за 1918—1919 гг., стр. 9.

[5] Отчет НКЮ VIII всероссийскому съезду советов. Материалы НКЮ, выпуск VIII, издание НКЮ, Москва, 1920 г., стр. 133.

дало возможность в 1920 г. «до некоторой степени восстановить совершенно разрушенное в части мест тюремное хозяйство» [1].

На внешних работах (лесных, торфяных, погрузочно-разгрузочных, уборке складов и др.) в 1920 г. занято 18% от общего числа лишенных свободы. Кроме того, на платных и бесплатных хозяйственных работах самих мест заключения занято 22%.

Работы велись на местах «бессистемно, разбросанно, кустарным способом» [2]; руководство со стороны центра было совершенно недостаточным.

При таких материальных предпосылках четкость в установках по труду лишенных свободы достигалась лишь постепенно.

Сначала ограничивались не дающим конкретной ориентировки в работе указанием, что «приучение к труду рассматривается как могучий фактор воспитания — с одной стороны, с другой — как средство, научив человека работать, удержать его на честном пути по выходе его на свободу и, наконец, как наилучший способ парализовать развращающее влияние праздности и бесконечных разговоров заключенных между собою, в которых более опытные просвещают новичков» [3].

Но когда (на VIII съезде партии — 18/22 марта 1919 г.) была дана в программе партии основная директива о «замене тюрем воспитательными учреждениями», она определила линию, равняясь на которую, вырабатывались правильные принципиальные установки по труду лишенных свободы и определялись его значение и задачи, а именно, установилась точка зрения на труд в местах лишения свободы, как на метод социального приспособления (исправления и воспитания).

«Труд — главнейший метод исправления и перевоспитания» [4].

«Занятие заключенных работами имеет воспитательно-исправительное значение, ставя своей целью приучить и приохотить к труду заключенных, дать им возможность по выходе из места заключения жить трудовой жизнью» [5].

При хозяйственной разрухе в стране места заключения не могли развернуть крупных мастерских, и в убогих масштабах работ мастерских можно было занять в них только небольшую часть всех заключенных.

Понятно, что при таких условиях учреждения, ставящие перед собой задачи социального приспособления, сосредоточили свое внимание в первую очередь на тех, кого еще надо научить работать, кто «по отсутствию навыка и охоты к труду, зачастую только по этой причине, становится обитателем тюрьмы» [6].

Вопрос о труде остальных лишенных свободы, при слабых возможностях развертывания работ в местах заключения, имел в значительной

---

[1] Материалы НКЮ, выпуск VIII, издание НКЮ, Москва, 1920 г., стр. 133.
[2] Там же, стр. 137.
[3] Отчет НКЮ VII всероссийскому съезду советов, стр. 9.
[4] Отчет НКЮ VIII съезду советов. Материалы НКЮ, выпуск VIII, стр. 133.
[5] Положение об общих местах заключения РСФСР от 19 ноября 1919 г. § 111.
[6] Отчет НКЮ VIII съезду советов, Материалы НКЮ, выпуск VIII, стр. 133.

мере академический характер. И действительно, исходить из установки — «приучить и приохотить к труду» — было бы политически неправильным подходом в отношении заключенных из классово враждебных элементов и явно бессодержательным в отношении лишенных свободы из числа трудящихся, приучением которых к труду не имело смысла специально заниматься, так как они всю свою жизнь трудились.

В ведомственных актах того времени (1919—20 г.) еще слышны отзвуки имеющей более чем столетнюю давность формулы: «Сделай человека прилежным, и он станет честным» [1], маскирующей истинные корни преступности и то значение, которое имеет в вопросе преступности деление общества на классы и классовая борьба.

Центр тяжести воспитательного воздействия ошибочно переносился на учебно-воспитательную работу, задачи которой не всегда приводились в связь и в соответствие с задачами по труду.

Но все же, даже в тяжелый период хозяйственной разрухи, который тогда переживала республика, одной из целей устройства мастерских в местах заключения было: «Использовать максимум живой рабочей силы в целях удовлетворения неотложных нужд хозяйства страны» [2]. Пример такой помощи для ослабления хозяйственной разрухи того периода дают московские места заключения; в них из числа лишенных свободы, имеющих соответствующую квалификацию, было организовано несколько бригад для ремонта водопроводной сети, отопления и канализации в национализированных зданиях Москвы.

Несмотря на все трудности, поставлена как очередная, задача приближения мастерских к типу фабрично-заводских предприятий и, тем самым, проведения в жизнь принципа коллективного труда, как «необходимого с пенитенциарной точки зрения» и как несущего с собою повышение производительности труда [3].

Вопросу о значении коллективного труда лишенных свободы уделялось много внимания на I всероссийском съезде заведующих губернскими карательными отделами (20—23 сентября 1920 г.), но все же большинство высказывавшихся находилось явно под влиянием убогой действительности кустарных предприятий мест заключения. Вот почему одиноко прозвучал голос представителя из Иваново-Вознесенска (т. Гуськова), заявившего, что «необходимо приучить заключенных к труду коммунистическому, коллективному» [4].

Это выступление было явно связано с начавшимися за 3—4 месяца перед тем коммунистическими субботниками, толчок к которым был дан письмом ЦК ВКП(б) о работе по-революционному.

Однако, большинство тогдашних руководящих работников тюремного дела прошли мимо этого яркого примера перехода к новой трудо-

---

[1] Эта формула обычно приписывается Джону Говарду, но как установил G. Radbruch, автором этой формулы является Вольтер в „Commentaire sur le Livre des Délits et des Peines (1766) См. Monatsschrift für Kriminalpsychologie und Strafrechtsreform. Heidelberg, 1933 выпуск 2 стр. 92.

[2] Отчет НКЮ VIII всероссийскому съезду советов. Материалы НКЮ, выпуск VIII, стр. 134.

[3] Там же, стр. 137.

[4] Материалы НКЮ, выпуск VIII, Москва, 1920 г., стр. 68.

вой дисциплине и не выполнили предложения Ленина «хорошенько продумать значение «коммунистических субботников», чтобы извлечь из этого великого почина все громадной важности практические уроки, которые из них вытекают»[1].

И только через несколько лет, когда широко развернулось социалистическое соревнование, по прямой линии идущее от коммунистических субботников, было усвоено все громадное значение социалистических форм труда и в исправительно-трудовых учреждениях.

Не менее важно включение задачи повышения производительности труда в число основных установок по труду лишенных свободы.

Проблема повышения производительности труда является коренной проблемой по труду, ставшей перед диктатурой пролетариата с первых же дней после завоевания власти, потому что «производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя»[2].

И в тяжелые дни 1920 г. звучит тот же призыв Ленина:

«Только увеличивая производство, повышая производительность труда, Советская Россия в состоянии будет победить»[3].

Эта общая задача по труду, стоящая перед диктатурой пролетариата, уже тогда, в 1920 г., переносится и в стены тюрьмы, и там задача повышения производительности труда также ставится в число основных задач по труду лишенных свободы.

В «Положении об общих местах заключения РСФСР» от 19 ноября 1920 г. мы имеем уже четкую советскую установку по труду лишенных свободы: «Труд, обязательный для каждого гражданина РСФСР, является обязательным и для заключенных» (§ 111), не исключая следственных, пользующихся лишь правом выбора занятия, из числа допускаемых в местах заключения.

Установка на «приучение и обучение труду» и педагогические тенденции в этом вопросе в данный период продиктовали требования «индивидуализации» в труде, которая «является необходимым элементом приучения и выработки склонности к труду заключенных»[4]. Поэтому при выборе вида труда для осужденных администрация должна «руководствоваться склонностью заключенного к тому или другому роду труда, познаниями, прежним занятием, общим состоянием здоровья и возможностью применить по выходе из места заключения приобретенные знания, а также указаниями судебного приговора» и учитывать также и указания врача и воспитателей (§§ 116 и 117). Это само по себе являлось, конечно, правильным, но ошибкой было отсутствие упора на *коллективный труд*, который вовсе не исключает, а, наоборот, предполагает такую «индивидуализацию».

Упор был сделан на квалифицирующие работы, на обучение и усовершенствование в тех видах труда, которые могут найти наибольшее применение по выходе заключенных на свободу (§ 120); поэтому

---

[1] Ленин, т. XXIV, стр. 345.
[2] Там же, стр. 342.
[3] Ленин, т. XXVI, стр. 35.
[4] Резолюции I всероссийского съезда зав. губ. карательными отделами.

при организации мастерских дается ориентировка на местные условия и на распространенность данного производства (§ 121).

Труд заключенных оплачивается (§ 126). Не оплачиваются только хозяйственные работы, связанные с самообслуживанием, на которые лишенные свободы назначаются по очереди: подметание двора, уборка снега, колка дров и т. п. (§ 118). Устанавливается система сдельной или урочной оплаты труда, как стимулирующая повышение производительности труда (§ 126). «Вознаграждение за труд, как общее правило, производится по ставкам соответствующих профессиональных союзов» (§ 126). Из заработка вычитается стоимость содержания, причем ставится на очередь вопрос о содержании мест заключения в целом за счет труда самих заключенных (§ 112). Рабочий день лишенного свободы — 8 часов; сверхурочные работы оплачиваются особо [1].

Продовольственный паек для занятых более утомительными работами повышается до размеров полуторной обычной дневной порции (§ 71). Работы могут быть организованы и вне стен места заключения (внешние работы). Лишенным свободы, занятым физическими работами вне стен тюрьмы, работающим сверхурочно и вырабатывающим сверх установленной нормы, зачитываются два дня работы за три дня срока [2].

В конечном итоге, несмотря на ряд неточностей и недоработку в вопросе о методах реализации исправительно-воспитательного значения труда в местах лишения свободы, это значение труда лишенных свободы уже к концу периода военного коммунизма настолько прочно утвердилось как руководящий принцип работы советских мест лишения свободы, что для обозначения существенно необходимого их признака с 1921 г. стало применяться наименование их «исправительно-трудовыми» учреждениями.

Этот порядок с незначительными изменениями, продиктованными местными хозяйственными особенностями, не касающимися существа вопроса, был воспринят и в отдаленных краях и национальных республиках.

Как пример можно привести «Положение об исправительных домах Бухарской народной С. Р.» [3]. И в этой отдаленной распублике уже в 1921 г. было установлено, что «заключенные, кроме находящихся под следствием и судом, больных и нетрудоспособных, обязательно назначаются на общественные или принудительные работы в мастерские, огороды, на уборку своих камер и других помещений исправительных домов» (ст. 16). «Плата заключенным, работающим на общественных огородах и мастерских, исчисляется по ставкам профессиональных союзов, там же, где нет последних, по рыночным ценам» (ст. 19).

Вопрос о создании в местах лишения свободы достаточной материально-хозяйственной базы для достижения их исправительно-воспи-

---

[1] Отчет НКЮ VII всероссийскому съезду советов, стр. 10.
[2] Постановление НКЮ от 4 декабря 1919 г.
[3] Утверждено президиумом Всебухцик 22 ноября 1921 г.

тательных целей разрешался в период военного коммунизма типичным для этого периода порядком бюджетного финансирования.

Напряженность ресурсов в связи с условиями войны, в которых находилась страна, позволяла выделить местам лишения свободы в сметном порядке только очень незначительные средства, совершенно недостаточные для развертывания в них предприятий фабрично-заводского типа.

Пополнение же этих средств доходами от работ было невозможно при существовавшей тогда системе безденежных расчетных операций, с немедленным обезличением и поглощением доходного перечисления так же, как и расходного, государственным казначейством.

Сметно-бюджетный порядок финансирования, как способ введения общественного хозяйства в рамки сметной жизни, и установление безденежных расчетов между отдельными предприятиями, это — звенья стройной системы, созданной в период военного коммунизма, включавшей в себя и жесточайшую централизацию системы управления хозяйством и снабжения его, и официальную ликвидацию рынка, и разверстку в деревне, и пайковое снабжение города. Как говорил Ленин на X съезд РКП(б) «та стройная система, которая создавалась, она диктовалась потребностями, соображениями и условиями военными, а не экономическими. В тех условиях неслыханного разорения, в которых мы находились, когда мы вынуждены были после большой войны вынести ряд гражданских войн, другого выхода не было» [1].

Переход к мирному хозяйственному строительству обусловил и переход к новой экономической политике, на путях которой мы и осуществляем победоносное построение социализма в Советском союзе и уже вступили в период социализма.

По линии труда лишенных свободы новая экономическая политика непосредственно сказалась прежде всего в том новом значении, какое для деятельности исправительно-трудовых учреждений в целом получили их предприятия, где находит себе применение труд лишенных свободы.

Сметно-бюджетное финансирование исправительно-трудовых учреждений продолжалось в течение всего восстановительного и даже в течение части реконструктивного периода, но оно ограничивалось уже хозяйственной [2], административной, учебно воспитательной [3] и медицинской отраслями деятельности исправительно-трудовых учреждений. Задачи по труду лишенных свободы эти учреждения при новой экономической политике должны были разрешать на началах хозрасчета, за счет тех ресурсов, которые они получат от организации работ.

Это обязывало поставить работы лишенных свободы в виде правильно организованных, регулярно действующих предприятий и довести эти предприятия до размеров, достаточных для того, чтобы обес-

---

[1] Ленин, т. XXVI, стр. 252—253.

[2] Хозяйственной — в узком смысле этого слова: хозяйство места лишения свободы, — без производства.

[3] Позднее — не учебно-воспитательной, а культурно-просветительной и еще позднее — политико-воспитательной.

печить разрешение задач по труду, поставленных перед исправительно-трудовыми учреждениями.

Перевод работ лишенных свободы на хозрасчет имел целью создать гарантию того, что труд лишенных свободы будет производительным трудом и что работа в предприятиях мест лишения свободы будет организована так, как организована она в социалистической промышленности.

По принципиальным вопросам труда лишенных свободы и в восстановительный период развивались уже выработанные ранее установки.

Основной документ по исправительно-трудовой политике того периода,— утвержденный 16 октября 1924 г. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР,— по линии труда лишенных свободы в основном повторял установки Положения 1920 г. и еще более ранних актов, обогащенные итогами практической работы.

Сама терминология кодекса недостаточно марксистски выдержана.

Так, хотя на практике с первых же дней советской власти проводилась в жизнь установка на *производительный* труд лишенных свободы и хотя кодекс только углублял эту установку переводом всех работ лишенных свободы на хозрасчет, все же в формулировке общих задач по труду этот момент не подчеркнут, хотя еще в 1875 г. Марксом было указано на производительный труд как на основное в вопросе о труде лишенных свободы [1].

В восстановительный период правильным установкам по труду лишенных свободы на практике не всегда соответствовали правильные формулировки.

Производительный труд, как проводимая на практике основная установка, был подчеркнут на первом всесоюзном совещании пенитенциарных деятелей в 1928 г. при подведении итогов опыта работы на основе исправительно-трудовых кодексов союзных республик. «Правильность общего для всех исправительно-трудовых кодексов союзных республик положения об обязательном труде заключенных, как одной из основных и неотъемлемых частей советской исправительно-трудовой системы, подтверждена всем опытом нескольких лет проведения в жизнь исправительно-трудовых кодексов, как и правильность установленного теми же исправительно-трудовыми кодексами принципа организации работ заключенных («работ частей» мест заключения) на началах хозяйственного расчета».

«Занятие всех заключенных общественно-полезным производительным трудом в рабочих частях мест заключения и на хозяйственных работах по самообслуживанию должно в результате привести к самоокупаемости мест заключения, которую надлежит понимать как возвращение государству всей сетью предприятий мест заключения затрат государства на места заключения» [2].

---

[1] Маркс, Критика Готской программы. М. 1932 г., стр. 49.

[2] Реформа тюрем и перспективы исправительно-трудового дела в СССР. I всесоюзное совещание пенитенциарных деятелей 15—21 октября 1928 г. Москва, 1929 г., стр. 255. Резолюция по докладу о производственно-хозяйственной деятельности в местах заключения.

При рассмотрении проекта кодекса на сессии ВЦИК докладчик, представитель Народного комиссариата внутренних дел, руководившего в тот период исправительно-трудовыми учреждениями, заявил: «Можно ли серьезно думать, что мы берем заключенных для того, чтобы организовать там (в местах заключения) работу и извлекать из этого прибыль. Нет, заключенных мы вынуждены изолировать в целях исправления, в целях ограждения общества, в целях социальной защиты, в целях приспособления к определенному режиму и т. п. Если мы организуем работы, то к этому побуждает нас, с одной стороны, экономическое, материальное положение, а во-вторых, то, что мы считаем труд основным методом исправления заключенных. Стремление получить прибыль не является решающим при организации этих работ в местах заключения» [1].

Эти положения центра, руководящего проведением исправительно-трудовой политики, надо было внедрять на местах, так как местные исполкомы, которым было передано с 1 июля 1922 г. бюджетное финансирование большого количества мест лишения свободы (по хозяйственной, административной и учебно-воспитательной отраслям работы), по большей части не имели достаточных финансовых ресурсов и потому сокращали сметы исправительно-трудовых учреждений, стремясь покрыть возможно большую часть расходов на них за счет доходов от организации работ лишенных свободы.

При самом обсуждении проекта кодекса пришлось бороться с выразителями таких местных стремлений и попытками найти опору для такой практики в установке по хозрасчету в местах заключения, данной в кодексе, где сказано, что «все работы в местах заключения в целях их развития организуются по принципу хозяйственного расчета» (77 ст.). Докладчик указал, что «работы действительно должны быть организованы по принципу хозяйственного расчета. Если в Ивановском исправдоме имеется типография, мы ее стремимся поставить так, чтобы ничего из общегосударственных средств на нее не добавлять, чтобы она была на хозрасчете. Но когда вы говорите, что места заключения нужно перевести на хозрасчет, вы делаете грубейшую ошибку, потому что места заключения призваны не для организации производства, не это — их цель. Их цель — исправительно-трудовое воздействие на всех преступников. И с этой стороны мы к ним, главным образом, и подходим. Работа же, которая там организуется, является побочным источником, откуда мы черпаем средства на улучшение положения заключенного».

Слова докладчика о грубейшей ошибке по вопросу о хозрасчете вызваны именно дошедшей до трибуны ВЦИК неправильной практикой мест.

Впоследствии Совету народных комиссаров РСФСР не раз приходилось своими постановлениями по конкретным случаям парализовать такие тенденции местных исполкомов и восстанавливать надлежащие пределы хозрасчета по работам в местах лишения свободы.

[1] Стенограммы 6-го и 7-го заседаний 2-й сессии ВЦИК XI созыва от 13 и 14 октября 1924 г. Бюллетень сессии № 6, стр. 291 и № 7, стр. 305—306.

РСФСР. Лефортовская фабрично-трудовая колония. Производственное совещание актива лишенных свободы

БССР. Гомельская исправительно-трудовая колония массовых работ. Лишенные свободы на добыче торфа

УССР. 5-я стройколония. Бригада лишенных свободы курсантов профтехкурсов по арматурному депу на стройке завода

Руководящая основная статья кодекса по вопросу о труде повторяет указание Положения 1920 г., что «занятие заключенных работами имеет воспитательно-исправительное значение», и уточняет его более конкретной постановкой, ставя целью занятия заключенных работами не только «приучить и приохотить к труду» (§ 111 Положения), а приучить к труду и обучить какой-либо профессии (ст. 51 кодекса). И Положение и кодекс одинаково имеют в виду: «Дать тем самым возможность по выходе из места заключения жить трудовой жизнью».

Разрешение задачи социалистического приспособления лишенных свободы по линии труда все еще мыслится только как обучение их или приобретение ими «большого навыка в тех видах труда, которые всего лучше могут обеспечить их по выходе на свободу» (ст. 65). Воспитание к новой дисциплине труда еще не поставлено в порядок дня.

Установка попрежнему охватывает в сущности только тех, кто не имел ранее трудовой квалификации.

При такой установке являются недостаточно четкими задачи по труду в отношении тех лишенных свободы, которые уже имели трудовую квалификацию, а таких было не мало в тот период, когда еще была безработица в стране.

Уже признается неразрывная связь между трудом и культурно-просветительной работой в исправительно-трудовом учреждении, так как в качестве основного положения устанавливается, что «режим в местах заключения основывается на правильном сочетании принципов обязательного труда и культурно-просветительной работы» (ст. 48).

Но еще нет четкой взаимозависимости, соподчиненности этих двух основ режима, и не осознано еще значение форм труда для социального приспособления лишенных свободы.

Установка по организации труда сводится к тому, что «в целях наибольшей производительности труда при работах... применяется система урочного и сдельного вознаграждения» (ст. 73). Подчеркивается необходимость обращать особое внимание на правильное разделение труда (ст. 64), причем администрация места заключения должна заботиться «о наиболее рациональной постановке производства и об улучшении качества продукции» (ст. 63).

В области правовой охраны труда, в вопросах условий труда, рабочего времени, отдыха и ряда других существенных моментов Исправительно-трудовой кодекс переносит в места лишения свободы правила, действующие по вопросам труда в социалистической промышленности, распространяет на труд лишенных свободы (ст. 57) соответствующие статьи Кодекса законов о труде. (По Исправительно-трудовому кодексу РСФСР издания 1933 г.— ст. 74: «Условия труда лишенных свободы регулируются общими правилами Кодекса законов о труде РСФСР о рабочем времени, отдыхе, труде женщин и несовершеннолетних и об охране труда. Изъятия из этих правил устанавливаются Народным комиссариатом юстиции по согласованию с ВЦСПС»).

Продолжительность нормального рабочего времени как в производствах, так и во вспомогательных работах, необходимых для производства, не может превышать восьми часов, а для лиц в возрасте от

16 до 18 лет и для лиц, занятых на подземных работах, не может превышать 6 часов и, наконец, для занятых в отраслях производства, особо тяжелых и вредных для здоровья, устанавливается сокращенный рабочий день, согласно нормам НКТруда.

Помещения мастерских должны быть целесообразно устроены и отвечать требованиям санитарии, гигиены и охраны труда (ст. 66).

Работы лишенных свободы подконтрольны инспекторам труда, санитарному и техническому инспекторам НКТруда (ст. 81).

При более тяжелой работе увеличивается паек (ст. 75).

Труд лишенных свободы оплачивается, за исключением исполняемых всеми в порядке очереди хозяйственных работ, для удовлетворения нужд самих лишенных свободы или самого места лишения свободы (ст.ст. 60, 61).

Позднейшее законодательство уточняет эти положения, и по Исправительно-трудовому кодексу РСФСР издания 1933 г. «за все работы производственного характера, в том числе подсобные и вспомогательные, а также за постоянные работы по обслуживанию места лишения свободы, исполняемые не в порядке очереди, лишенные свободы получают денежное вознаграждение» (ст. 71).

Нормы оплаты устанавливает Главное управление исправительно-трудовыми учреждениями по согласованию с НКТрудом (ст. 70). (По кодексу издания 1933 г. эти нормы определяются особой инструкцией НКЮ и ВЦСПС).

Эта норма с 1926 г. составляла в среднем 25% от ставки рабочего соответствующей квалификации в économпромышленности[1], причем до 1931 г. производились удержания в размере одной четверти этой нормы; с 1931 г. они прекращены.

Система штрафов исключена; лишь за порчу по небрежности или намеренно материалов и инструмента допускается единовременный вычет из получаемой лишенным свободы платы за труд, «но не более трети ее» (ст. 71).

За особо усердную работу на производстве или при профессиональном обучении лишенные свободы из среды трудящихся получают поощрение в виде зачета двух дней работы за три дня срока (ст. 52).

Право лишенного свободы на оплату его труда подкреплено тем, что «содержащиеся в местах заключения после окончания срока заключения и их освобождения не лишены права отыскивать зарплату за работу, произведенную ими в местах заключения»[2].

У лишенного свободы имеется также право требования на возмещение за вред и увечья, полученные им на работах в месте лишения свободы, так как «места заключения отвечают за непринятие мер техники безопасности труда при производстве заключенными работ»[3]. Это право он может осуществить только после своего освобождения.

[1] Циркуляр Главного управления местами заключения от 25 ноября 1926 г., № 444.

[2] Разъяснение пленума Верховного суда РСФСР от 1 февраля 1926 г., протокол № 21.

[3] Разъяснение Главного управления местами заключения от 10 марта 1927 г., № 52, 6360, 25

Работы переведены на хозрасчет (ст. 77), и чистая прибыль получает строго целевое назначение (в определенных долях): на расширение производства, на улучшение пищи лишенных свободы, на помощь освобождаемым, на централизованные мероприятия исправительно-трудового характера и на премирование сотрудников, занятых организацией производства и руководящих им (ст. 79).

Хозрасчет работ и строго целевое назначение прибыли от работ были зерном самоокупаемости исправительно-трудовых учреждений в целом, самоокупаемости всей системы этих учреждений.

Воспитательное значение труда лишенных свободы и необходимость помощи исправительно-трудовым учреждениям в их развитии, в частности в их движении к самоокупаемости, обусловили освобождение работ лишенных свободы от всех налогов и сборов (ст. 77).

Перевод работ лишенных свободы на хозрасчет отражает новые условия экономического порядка в стране.

Начальники исправительно-трудовых учреждений к мастерским мест лишения свободы иногда подходили неправильно, как к предприятиям, задачей которых является только производство и извлечение прибыли.

Пришлось потратить не мало труда и времени на преодоление таких тенденций аполитичного делячества, игнорирования исправительно-трудовой принципиальной установки кодекса о том, что «исправительно-трудовое учреждение должно стремиться возмещать трудом содержащихся в нем заключенных затрачиваемые на них издержки, не теряя, однако, из виду исправительных целей» (ст. 9).

Положения исправительно-трудовых кодексов других союзных республик в основном аналогичны тем, которые установлены в Исправительно-трудовом кодексе РСФСР, давая в отдельных случаях более четкие формулировки или уточняя классовую линию, как, например, делает Исправительно-трудовой кодекс УССР, утвержденный 23 октября 1925 г.: «Ст. 6. Каждое исправительно-трудовое учреждение, преследуя прежде всего исправительно-трудовые цели, должно в то же время стремиться возмещать трудом содержащихся в них заключенных затрачиваемые на них издержки». «Ст. 128. В случае невозможности привлечь всех заключенных к работе, преимущественное право на оплачиваемую работу имеют заключенные из трудящегося класса».

Охват лишенных свободы трудом колеблется за годы восстановительного периода от 34 до 41% в среднем по РСФСР, считая процентное отношение числа проработанных дней ко всему числу дней, проведенных в местах заключения всеми лишенными свободы за отчетный период [1].

---

[1] Цифровой материал взят из отчета НКЮ по Центральному исправительно-трудовому отделу IX всероссийскому съезду советов («Тюремное дело в 1921 г.»), из отчета НКВД по Главному управлению местами заключения X съезду советов («Пенитенциарное дело в 1922 г.»), отчета Главного управления местами заключения республик XI съезду советов и «Статистических обзоров деятельности местных административных органов НКВД РСФСР», выпуски 1—7.

8*

Эти данные должны быть увеличены на 5% в среднем, так как при таком статистическом методе не учитывается прямо, что лишенный свободы не работает в дни отдыха и праздники. Из тех, кто не был охвачен трудом, вообще не могли быть привлечены к работам от 19 до 24%: больные, находящиеся в карантине, вызываемые на данный день в суд и т. п.

Производственные предприятия были еще недостаточно устойчивы, слабо механизированы и носили в значительной мере учебный характер. Недостаточно отчетливо проводилась в этот период и классовая линия в вопросах труда лишенных свободы.

И трудовая установка и практика работ в местах лишения свободы отражали на себе затруднения восстановительного периода и не изжитую еще безработицу.

Материально-хозяйственная база исправительно-трудовых учреждений растет, их производственно-технический уровень поднимается, но темпы роста недостаточны.

Вопрос о самоокупаемости не только всей системы исправительно-трудовых учреждений, но даже и отдельных мест лишения свободы практически еще не ставился.

Принципиальная установка на воспитательно-исправительное значение труда была дана, но методы работы еще не были разработаны, и если не было прямого противопоставления труда лишенных свободы труду рабочих социалистической промышленности, то, во всяком случае, проводилось отграничение особых задач по труду лишенных свободы как задач по преимуществу учебного характера.

Решительный сдвиг в вопросах труда лишенных свободы связан с реконструктивным периодом. «С завершением восстановительного периода дальнейшее развитие народного хозяйства упирается в недостаточность и отсталость унаследованной от буржуазного общества производственно-технической базы.

Предпосылкой дальнейшего роста промышленности является расширение основного капитала. Все усилия партии и советского государства должны быть направлены на такое расширение основного капитала, которое обусловило бы постепенную перестройку всего народного хозяйства на более высокой технической базе» [1].

И в восстановительный период, в процессе подъема народного хозяйства уже начиналась реконструкция некоторых отраслей его, например, энергетической базы. Уже в восстановительный период новые, принципиально иные социальные основы, на которых восстанавливались и промышленность и вся производительно-техническая база народного хозяйства, носили в себе элементы реконструкции.

Но теми небывалыми темпами, которые стали возможными только в силу творческой инициативы и трудового энтузиазма миллионов трудящихся, социалистическая реконструкция всего народного хозяйства развернулась тогда, когда было закончено восстановление оставшейся от буржуазного общества базы, т. е. в период после XIV съезда пар-

---

[1] Резолюция XV конференции ВКП(б) 26 октября — 3 ноября 1926 г.

тии. Индустриализация страны осуществлялась советской властью и в восстановительный период, и уже XIV съезд партии «был, по преимуществу, съездом индустриализации» (Сталин); в реконструктивный период индустриализация получает подлинно грандиозный размах, и на ее основе осуществляется поворот крестьянства в сторону коллективизации, в результате которого в 1933 г. сплошная коллективизация сельского хозяйства СССР и ликвидация на ее базе кулачества как класса оказываются уже в основном завершенными.

Среди основных задач пятилетки вождь партии, вдохновитель, руководитель и организатор первой пятилетки, т. Сталин, указывает в первую очередь на следующее: «Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы превратить СССР из страны аграрной и немощной, зависимой от капризов капиталистических стран, — в страну индустриальную, и могучую, вполне самостоятельную и независимую от капризов мирового капитализма. Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы, превращая СССР в страну индустриальную, вытеснить до конца капиталистические элементы, расширить фронт социалистических форм хозяйства и создать экономическую базу для уничтожения классов в СССР, для построения социалистического общества. Основная задача пятилетки состояла в том, чтобы создать в нашей стране такую индустрию, которая была бы способна перевооружить и реорганизовать не только промышленность в целом, но и транспорт, но и сельское хозяйство — на базе социализма» [1].

Осуществляя победоносно первую пятилетку в четыре года, мы уже к середине 1930 г. «вышли из переходного периода в старом его смысле, вступили в период прямого и развернутого социалистического строительства по всему фронту.., уже вступили в период социализма» (Сталин).

По линии труда «с переходом к реконструктивному периоду неотъемлемым составным моментом организованного партией наступления социализма по всему фронту явилось массовое развитие социалистического соревнования и ударничества. Величайшее историческое значение социалистического соревнования и ударничества заключается в разрешении всемирноисторической задачи воспитания новой дисциплины, в росте коммунистического отношения к труду и вовлечения широких рабочих масс в управление производством» [2].

В новой обстановке, в новых условиях работы, вождем партии т. Сталиным в его исторических шести условиях в середине 1931 г. дана «цельная, единая система мероприятий, направленных на дальнейшее улучшение количественных и качественных показателей нашей работы, на дальнейшее ускорение темпов социалистического строительства» [3].

---

[1] Сталин, Итоги первой пятилетки. Вопросы ленинизма, дополнение к изд. 9, стр. 13—14.

[2] И. Войтинский, К 15-летию советского трудового права, «Советское государство», 1932 г. № 11—12, стр. 48.

[3] П. Постышев. Шесть условий т. Сталина — основа большевистских побед. Партиздат, 1932 г., стр. 4.

Эта система мероприятий обеспечивает и разрешение основной задачи по труду, стоящей перед диктатурой пролетариата,— поднятия производительности труда, путем внедрения и укрепления новой дисциплины труда, на базе высокой индустриальной техники, на базе рациональной организации труда.

Исторические шесть условий т. Сталина и ряд последующих важнейших постановлений директивных и правительственных органов, в частности об ударности в распределении рабочей силы и в распределении продуктов, указывают пути, обеспечивающие правильное разрешение задачи создания новой дисциплины труда.

Грандиозное социалистическое строительство, создание социалистической экономики совершаются в ожесточенной борьбе с классовым врагом и с уклонами от генеральной линии партии.

Вместе с ростом социалистического строительства чрезвычайно выросли и усложнились задачи исправительно-трудовых учреждений, так как в их работе по социальному приспособлению, в их исправительно-воспитательной работе, в особенности — в их задачах по труду, им приходится равняться на более высокое содержание общественного сознания, на новые формы труда в стране, на более высокие требования активности и классовой сознательности, предъявляемые к участникам социалистической стройки.

Но вместе с тем сильно укрепляется их материально-хозяйственная база, так как грандиозные масштабы и темпы общего строительства позволили включить предприятия мест лишения свободы и труд лишенных свободы в непосредственную помощь социалистическому строительству, что, в частности, открыло возможность более быстрого усиления технического оборудования предприятий мест лишения свободы и вызвало перестройку всей их работы в направлении нормальной работы предприятий социалистической промышленности.

Ликвидация уже к 1930 г. безработицы сделала еще более реальной работу по производственной квалификации лишенных свободы в предприятиях исправительно-трудовых учреждений.

Решающий поворот в организации работ лишенных свободы связан с реорганизацией сети исправительно-трудовых учреждений на основе постановления правительства о карательной политике и состоянии мест заключения от 26 марта 1928 г., когда было признано «считать в дальнейшем необходимым расширение емкости трудовых колоний — сельскохозяйственных, ремесленных и фабричных» [1].

Создавалась не только большая подвижность системы в смысле приближения места работ осужденных к лишению свободы к районам, где была наибольшая возможность организовать эти работы; создавалась производственная целеустремленность при организации того производительного труда лишенных свободы, который является базой всей исправительно-воспитательной работы мест лишения свободы.

Уже в тот момент ощущалось, что исправительно-трудовым уч-

[1] «Еженедельник советской юстиции» № 14 от 16 апреля 1928 г.

реждениям необходимо включиться в народнохозяйственный план «и в интересах именно правильного осуществления исправительно-трудовой политики увязать всю хозяйственно-производственную деятельность исправительно-трудовых учреждений с общим хозяйственным строительством республики, в частности, в целях правильного использования труда лишенных свободы... Осуществление этой задачи давало одновременно возможность подойти практически к реализации полной самоокупаемости исправительно-трудовых учреждений и освобождению таким образом государственного и местного бюджета от расходов по их содержанию» [1].

«1929—30 г. явился переломным в области подготовки исправительно-трудовых учреждений к переходу на полную самоокупаемость. Повышение производственно-технических требований, осуществление ряда рационализаторских мероприятий, усиление планового руководства и плановой дисциплины в работе каждого исправительно-трудового учреждения и, наконец, широкое применение ударничества и соцсоревнования, наряду с улучшением бытовых условий лишенных свободы, дали ряд доказательств того, что вся система исправительно-трудовых учреждений уже готова к переходу на полную самоокупаемость» [2].

Такие тезисы представило Управление исправительно-трудовыми учреждениями УССР в 1930 г. совещанию работников этой системы, которому предстояло решить вопрос о практических мероприятиях, в связи с намечавшимся переходом на самоокупаемость.

Переход на самоокупаемость по УССР с января 1931 г. был решен, так как действительно были достаточные предпосылки к этому и надежные показатели того, что предшествующие развитие и укрепление материально-хозяйственной базы системы исправительно-трудовых учреждений достаточно прочны. Рост валового оборота по исправительно-трудовым учреждениям УССР в 1929—30 г. по отношению к 1928—29 г. составил 176%, план на 1931 г. составлял уже 298% к обороту 1928—29 г. Капиталовооруженность всех предприятий системы росла в такой же пропорции, как и валовой оборот. Производительность труда работающего составляла по плану в промышленных предприятиях в 1931 г. 242% к средне-годовой выработке 1928—29 г.; по строительным и прочим работам вне мастерских рост еще больше. Этот рост — результат усиленной механизации, большой рационализаторской работы и концентрации предприятий — в смысле отказа от мелких и бесперспективных [3].

Аналогичное положение, но в других масштабах, было и по местам лишения свободы РСФСР. «Несколько цифр могут характеризовать те успехи, которые достигнуты в реконструктивном периоде. Если оборот предприятий исправительно-трудовых учреждений в 1925 г. считать за 100, то в 1926 г. он составлял 135%, а в 1928—29 г. — 290%» [4].

---

[1] «Задачи исправительно-трудовых учреждений УССР в связи с переходом на самоокупаемость», издание Управления ИТУ УССР. Харьков, 1930 г.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] М. Апетер, 15 лет советской исправительно-трудовой политики. «Советская юстиция», 1932 г. № 33.

К началу 1931 г. исправительно-трудовые учреждения крупнейших республик СССР, именно РСФСР и УССР, перешли на полную самоокупаемость. По другим союзным республикам этот переход произошел несколько позднее.

Включившись вплотную в работу по социалистическому строительству, перейдя на самоокупаемость исправ.-трудовые учреждения стали перед задачей максимальной мобилизации ресурсов, углубленного хозрасчета. Вопрос о самоокупаемости имеет не только производственное значение, он является одним из основных стимулов, укрепляющих трудовую дисциплину и воспитательную работу. С переходом на самоокупаемость и включением в общеплановое хозяйство, что было сделано, несмотря на незначительный удельный вес продукции предприятий исправительно-трудовых учреждений в общем объеме социалистической промышленности и сельского хозяйства, создалась почва для того, чтобы «просто труд, абстрактное, лишенное определенного общественного содержания «приучение к труду» могло быть заменено осознанным трудом человека, который не только готовится по освобождении стать в ряды активных строителей социализма, но который, работая в предприятии места лишения свободы, хотя и на небольшом, но определенном участке, уже работает на пятилетку, уже включается в дело построения социализма» [1].

Ту роль, которую играют в перевоспитании отсталых слоев рабочего класса передовые его слои, являющиеся ведущим ядром профсоюзов, выполняет в исправительно-трудовых учреждениях политико-воспитательное руководство.

Переход на самоокупаемость не только дал материально-хозяйственную базу для поднятия политико-воспитательной работы на тот уровень, который требуется на данном этапе, но и позволил перестроить политико-воспитательную работу среди лишенных свободы на основе тех же установок, которые определяют на данном этапе политико-воспитательную работу среди всего трудящегося населения страны,— перестроить ее на базе борьбы за промфинплан; политико-воспитательное руководство этим самым обратилось лицом к производству.

Характер работ лишенных свободы на 1 августа 1932 г. рисуется в следующем виде (по исправительно-трудовым учреждениям РСФСР).

в промышленных предприятиях и совхозах работают	46%	от общего числа работающих лишенных свободы
на массовых работах неквалифицированного по преимуществу труда	32%	
на хозяйственных работах и по обслуживанию мест лишения свободы (канцелярии, окарауливание и др.)	22%	

Промышленные предприятия исправительно-трудовых учреждений, по масштабу своей работы, в подавляющей массе являются предприятиями местного значения, и их планы составляются, равняясь в основ-

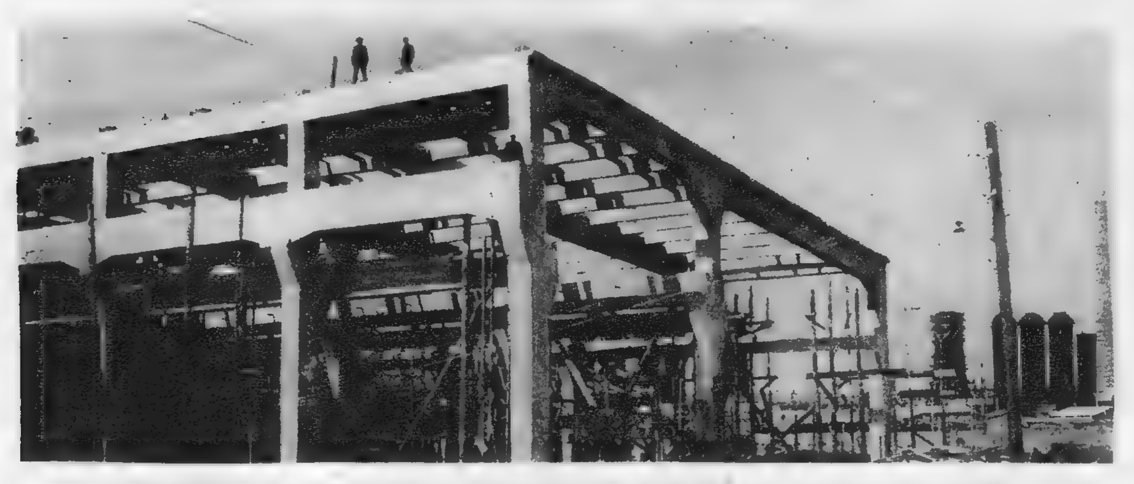
[1] М. Апетер, 15 лет советской исправительно-трудовой политики. «Советская юстиция», 1932 г., № 33.

УССР. Киевская фабрично-заводская исправительно-трудовая колония. Социалистический договор между цехами примусного завода колонии

БССР. Витебская фабрично-заводская исправительно-трудовая колония. Субботник на кирпичном заводе колонии. Администрация вместе с лишенными свободы на переброске сырца

УССР. 5-я стройколония. Строительство металлургического комбината лишенными свободы ударниками, закончившими на 15 дней досрочно шесть секций цеха инструментальной стали 1-й очереди

УССР. Киевская фабрично-заводская исправительно-трудовая колония. Ответ лишенных свободы — рабочих примусного завода колонии на призыв ленинградских рабочих к пролетариату СССР

БССР. Минская фабрично-трудовая колония. Передача переходящего красного знамени лучшему цеху за перевыполнение промфинплана

ном на установки местных плановых органов, по линии промышленности.

По отдельным предприятиям системы исправительно-трудовых учреждений планы составляются, исходя из заданий тех крупных хозорганов, подсобными предприятиями которых по существу эти предприятия являются в производственном отношении.

Работы также производятся на предприятиях хозорганов по договорам исправительно-трудовых учреждений с этими хозорганами.

Как уже было указано т. Молотовым в докладе VI съезду советов СССР, «труд лишенных свободы, здоровых и способных к труду, у нас применяется на некоторых коммунальных и дорожных работах. Мы делали это раньше, делаем теперь и будем делать впредь. Это выгодно для общества. Это полезно для преступников, ибо приучает к труду и делает их полезными членами общества» [1].

В настоящее время эти массовые работы лишенных свободы организованы на ряде разнообразных объектов: на дорожных работах, в частности на железнодорожных, на строительстве, на торфоразработках, на углежжении для металлургических заводов, работающих на древесном угле, на дровозаготовках, на добыче фосфоритов, бута, гравия, на ломках камня, на транспортных работах и др.

В отношении лишенных свободы из числа трудящихся установлено, что «основным принципом организации труда должна быть, в связи с особенностями реконструктивного периода и наличием огромного, полностью не удовлетворяемого спроса на кадры квалифицированных рабочих, целевая установка на то, чтобы дать лишенному свободы из среды трудящихся необходимую квалификацию, как индустриальному рабочему. Мощный рост числа колхозов выдвигает в то же время задачу, соответственно сельскохозяйственным потребностям, подготовить квалифицированную рабочую силу для новых форм сельскохозяйственных коллективов, основанных точно так же на применении машин и точном разделении труда» [2].

Работа на новых основаниях и включение в народнохозяйственный план поставили во главу угла производственной работы в исправительно-трудовых учреждениях вопросы организации правильного производственного режима и применения при организации труда лишенных свободы принципов и правил, выработанных в социалистической промышленности, по основным линиям народного хозяйства страны, в первую очередь — шести условий т. Сталина, с учетом особых условий исправительно-трудовых учреждений, при применении в них опыта социалистической промышленности и сельского хозяйства.

Основная линия по организации труда лишенных свободы в начале второй пятилетки определяется следующими двумя положениями Исправительно-трудового кодекса РСФСР, издания 1933 г. (ст. 70): «Организация труда лишенных свободы должна содействовать сохране-

[1] Стенографический отчет, Бюллетень № 1.

[2] Постановление V совещания руководящих работников юстиции РСФСР (июнь 1931 г.), утвержденное Коллегией НКЮ РСФСР, 18 июля 1931 г.

нию и повышению их квалификации и получению квалификации не имеющими ее.

В соответствии с этим в местах лишения свободы организуются предприятия индустриального типа, причем оборудование их, сырье и транспортные средства предоставляются в общем централизованном порядке».

Укрепление материально-производственной базы и переход на самоокупаемость дали возможность строить работу на новых основаниях правильного производственного режима и в исправительно-трудовых учреждениях РСФСР и УССР и в исправительно-трудовых учреждениях других союзных республик, позднее перешедших на самоокупаемость.

«Внутренняя жизнь Бакинского исправительно-трудового дома № 1 напоминает жизнь фабричного городка, в котором трудящиеся по окончании работы имеют возможность отдыха в культурной обстановке»,—пишут лишенные свободы—корреспонденты газеты «К трудовому общежитию» (в № 16 от 13 июня 1932 г.). Таков же характер сообщений корреспондентов этой газеты и из других мест лишения свободы союзных и автономных республик. Таковы же и многие сотни записей, сделанных в книгах для посетителей мест лишения свободы, причем записи эти сделаны и представителями советской рабочей и колхозной общественности, и рабочими делегациями из капиталистических стран, и буржуазными политиками и учеными.

Организация производства в исправительно-трудовых учреждениях после перевода их на самоокупаемость, укрупнение и механизация производственных предприятий с переходом всей системы на самоокупаемость сопровождаются улучшением бытовых условий и питания. Лишенный свободы — корреспондент газеты «К трудовому общежитию» пишет из Архангельского домзака: «... чистота и порядок в камерах, койки с постельными принадлежностями, плевательницы, пепельницы, клеенка на столах, громкоговорящие радиоустановки, портреты вождей и ярко-говорящие о генеральной линии партии лозунги на стенах, масса света и воздуха — вот заслуженные плоды, которыми пользуются лишенные свободы... Преимущества при улучшении культурно-бытовых условий оказываются ударникам — для них отводятся наиболее благоустроенные камеры» [1].

Ряд исправительно-трудовых учреждений имеют дома отдыха для работающих лишенных свободы (Мелитопольская промколония, 6-я строительная колония Управления ИТУ УССР и Кривом роге и др.) [2].

При проведении смотров работы исправительно-трудовых учреждений идет выяснение и оценка не только по вопросам производственной деятельности и политико-воспитательной работы, но и по вопросам культурно-бытового обслуживания лишенных свободы, условий их содержания. При подведении итогов смотра и премировании работников исправительно-трудового учреждения (Надеждинской колонии массовых работ в 1932 г.) в той же мере учитываются и «перевыполнение

[1] «К трудовому общежитию» № 18 от 7 декабря 1931 г.
[2] Газета «До праци», 1931 г. № 28; 1932 г. № 40.

промфинплана, значительный охват соцсоревнованием и ударничеством и наличие нормирования труда, уделение большого внимания производственным совещаниям, удовлетворительный охват учебой неграмотных и малограмотных, а также заочным обучением, удовлетворительная постановка политико-воспитательной работы», и «удовлетворительные жилища для работающих, достаточное количество бань, дезустановок» [1].

Неразрывная связь между улучшением и развитием производства и улучшением бытовых условий и условий работы на производстве настолько ясна и прочно внедрилась в сознание лишенных свободы трудящихся, что в тех случаях, когда администрация мест лишения свободы не проявляет необходимой заботы об улучшении быта лишенных свободы, общественники-лишенные свободы, корреспонденты газеты лишенных свободы «К трудовому общежитию» немедленно предают гласности такие факты.

«Все дружно, энергично принялись за работу. В результате производство увеличилось, выполнение промфинплана поднялось. Но вот и другой результат: питание уменьшилось и ухудшилось. Этот последний результат, по нашему мнению, получился только потому, что администрация не проявляет никаких забот к улучшению быта лишенных свободы» [2].

Нетрудно определить источник этой здоровой самокритики: включение в общеплановое хозяйство, в общую работу по выполнению пятилетки в четыре года придало «ту же общественную значимость развитию в местах лишения свободы ударничества, соцсоревнования и других социалистических методов труда, какую они имеют на всех предприятиях социалистической промышленности. Надо ли говорить о том, какое это имеет воспитательное значение, насколько это непохоже на специфические «тюремные» методы перевоспитания» [3].

Результаты этой общественной значимости соцсоревнования в исправительно-трудовых учреждениях не ограничиваются областью труда.

После слета лишенные свободы, ударники 4 отделений Касимовской ИТК, послали письмо 1-му отделению, получившему на слете красное знамя:

«Мы, ударники 4 отделений, поздравляем вас с получением красного знамени и считаем вас достойными его».— Так начинается письмо.

«Нас, ударников, направили к вам для того, чтобы мы на деле убедились в ваших достижениях, чтобы мы на фактах убедились, что вы заслужили право называться лучшими, показательными из всех отделений. В вашем общежитии чисто, порядок, чувствуется домашняя обстановка. Придя в свои отделения, мы расскажем лишенным свободы про ваш рост, про ваши достижения, как вы сумели добиться хороших показателей во втором квартале этого года и сумели завоевать красное знамя».

---

[1] «К трудовому общежитию» № 7 от 1 августа 1931 г.

[2] «К трудовому общежитию» № 16 от 13 июля 1932 г.

[3] И. Апетер, 15 лет советской исправительно-трудовой политики. «Советская юстиция», 1932 г., № 33.

Ударники 4 отделений так закончили свое письмо: «Мы надеемся, что вы не ослабите большевистских, ударных темпов, что вы будете крепко держать полученное вами знамя. Со своей стороны мы обещаем драться за лучшие показатели во всех областях работы, мы поведем жестокую борьбу с лодырями и нытиками, будем драться за переходное красное знамя» [1].

Факты такого же порядка сообщают многие десятки корреспонденций лишенных свободы из разных исправительно-трудовых учреждений: «Сев в Барнаульском ИТУ начали 14 апреля. По плану предстояло засеять 1500 га зерновых культур. Работали ударно. Отдыхали коротко, на общих собраниях и у агитфургона, заменявшего клуб. Кино, радио, граммофон, печатная, стенная и живая газеты, книги и агитплакаты,— все это предоставлялось для нас агитфургоном. На 1 июня наша трудколония имела 97% выполнения плана, а на 14 июня сев был закончен с превышением по плану полеводства на 13 процентов. Окончание сева отметили митингом. «Мы по-ударному возьмемся и за окончание огородной и посадочной кампаний, ее подготовку к сенокосу и к уборке хлеба», — обещали герои сева, и стоявшие рядами отремонтированные сенокосилки говорили, что эти обещания будут выполнены. Перевыполнив план, решили помочь работавшему с прорывом соседнему колхозу. Послали ему два трактора с трактористами, которые своей ударной работой уже заслужили на месте большие похвалы.

На следующий день после окончания сева в совхоз приехала наблюдательная комиссия и наградила героев по заслугам: 115 человек освободила досрочно. Особенно выделившимся на работе ударникам, не имевшим еще полсрока, произвела 100% зачет, и, таким образом, у всех у них получилось полсрока, и они также ушли домой. Освобожденные, получившие в заключение ценную квалификацию, заверяли, что они весь свой опыт, усвоенные социалистические методы и приобретенные навыки передадут социалистическим колхозам, в которых они честно будут работать в дальнейшем» [2].

Особенно отчетливо проявляется влияние общественной значимости труда лишенных свободы во время организуемых политико-воспитательными частями смотров плановой работы, а также в периоды ликвидации прорывов, образующихся в результате плохих руководства и работы.

«Ударники и лучшие рабочие лишенные свободы, работающие в деревообделочной фабрике Свердловского ИТУ, в период проведения смотра плановой работы ежедневно повышают процент выполнения производственной программы, добившись на 1 сентября выполнения августовского задания на 94,4 процента, тогда как на 22 августа программа была выполнена всего лишь на 54 процента.

Ударники деревообделочной фабрики после ряда прошедших собраний и совещаний, по ознакомлении с планами, взяли обязательство путем социалистических форм организации

[1] «К трудовому общежитию», 1932 г. № 20.
[2] «К трудовому общежитию», 1932 г. № 18.

труда — соцсоревнования и ударничества — добиться ликвидации отставания в течение первой декады сентября»...[1].

По отдельным бригадам результаты еще более значительны: «Благодаря детальной проработке промфинплана и производственных норм мы добились перевыполнения на основе социалистического соревнования и ударничества; из 52 человек, работающих в бригаде,—ударников 23 человека. Бригада была охвачена соцсоревнованием по группам и индивидуально на 87 процентов, и если взято обязательство на 65 баллов, то выполнено на 90 баллов. По культработе из взятых 45 баллов выполнено 59 баллов.

В периоде смотра мы добились хорошей постановки учета, сейчас в бригаде можно получить ежедневные результаты ее работы как по производственному фронту, а также и по культурно-массовому» [2].

И по другим колониям смотр плановой работы и штурм по покрытию прорыва сопровождались такими же результатами: «По жестяночному переделу до смотра плановой работы программа выполнялась лишь на 30%, сейчас же она выполняется на 100% и выше. Этот результат является следствием введения конвейерной системы, пересмотра норм» [3].

По другой колонии «выполнение принятого встречного плана... доходит до 160—188%» [4].

Такие достижения являются результатом правильной постановки политико-воспитательной работы на базе правильно организованного производственного режима и отражают мощный трудовой подъем всей стройки в стране.

Но было бы ошибкой предполагать, что нет срывов в производственной работе исправительно-трудовых учреждений, случаев погони за внешними производственными показателями, недооценки основной задачи перевоспитания, воспитания к новой социалистической дисциплине, случаев плохого хозяйствования, руководства, не организующего самодеятельности трудящихся, не создающего производственного режима, отвечающего историческим шести условиям т. Сталина. С такой практикой ведется решительная и последовательная борьба. Коллегия НКЮ относит к серьезным недостаткам работы политико-воспитательных частей исправительно-трудовых учреждений недостаточную ее целеустремленность в направлении воспитания к новой дисциплине, «превращение трудовой деятельности лишенных свободы в самоцель, вследствие недооценки воспитательного значения труда и борьбы за производственно-финансовые задания как основного метода трудового воспитания лишенных свободы» [5].

Охвачено трудом, по данным на 1 августа 1932 г., по исправитель-

---

[1] Корреспонденция лишенного свободы в газете «За четкий план», издававшейся выездной редакцией газеты лишенных свободы «За темпы и качество» (Урал) № 3 от 2 сентября 1932 г.

[2] То же, № 5 от 10 сентября 1932 г.

[3] То же, № 8 от 13 сентября 1932 г., изд. в Нижней Туре.

[4] То же, № 10 от 29 сентября 1932 г., изд. в Челябинске.

[5] Постановление Коллегии НКЮ РСФСР от 1 февраля 1933 г.

но-трудовым учреждениям РСФСР всего 73,7% от общего числа содержащихся в них.

Хозяйственная политика и организация труда в местах лишения свободы идут по следующим направлениям. Немеханизированные мастерские сохраняются лишь в мелких домах заключения, где работают только следственные. Основная масса мастерских механизирована и представляет собой предприятия фабрично-заводского типа. Рост механизации иллюстрируется хотя бы цифрами капиталовложений.

Если в 1931 г. на приобретение нового оборудования было израсходовано по промпредприятиям 1,8 млн. руб., то на 1932 г. запроектировано приобрести его на 5 млн. руб.— по исправительно-трудовым учреждениям РСФСР; соответствующие цифры: на новое строительство промпредприятий 2,1 млн. руб. в 1931 г. и 6,2 в 1932 г., на расширение и реконструкцию 1,0 млн. руб. в 1931 г. и 2,8 млн. руб. в 1932 г.

Одновременно с механизацией идет укрупнение предприятий. В результате растет цифра капиталовооруженности рабочего в предприятиях мест лишения свободы, что на базе социалистических форм труда дает повышение производительности труда в 1932 г. по сравнению с 1926—27 г. в 10 раз — по промпредприятиям исправительно-трудовых учреждений УССР. Составлявшая в 1926—27 г. сумму всего 567 руб. на одного работающего лишенного свободы валовая выработка этих промпредприятий в 1932 г. достигла 5 500 руб. на одного рабочего.

По исправительно-трудовым учреждениям РСФСР средняя годовая валовая выработка на одного рабочего составляла в 1932 г. по деревообрабатывающей отрасли 2800 руб., по металлообрабатывающей — 4200 руб., по текстильной 4500 руб., по пошивочной 6600 руб.

Рост капиталовооруженности предприятий исправительно-трудовых учреждений как по расширению и улучшению производственных помещений, так и по оборудованию и реконструкции особенно велик по нацреспубликам: «Вложения в новое промышленное строительство в исправительно-трудовых учреждениях автономных ССР в 1932 г. утраиваются сравнительно с 1931 г. (по ИТУ РСФСР удваиваются). Вложения на расширительно-реконструктивные работы в ИТУ АССР в 1932 г. возрастают в 8½ раз (по ИТУ РСФСР в 2½ раза). Вложения в приобретения нового оборудования по ИТУ АССР возрастают почти в 15 раз (по ИТУ РСФСР в 3 раза)» [1].

Такое усиление темпов по линии производственной работы в исправительно-трудовых учреждениях АССР объясняется значительной их отсталостью, по сравнению с ИТУ РСФСР, и тем, что они позднее, чем исправительно-трудовые учреждения РСФСР, были вовлечены в работу по механизации и реконструкции своих промпредприятий, и только в последние годы имели возможность получения крупной материальной помощи от Главного управления исправительно-трудовыми учреждениями РСФСР.

Усиливается проведение планового начала во всей работе предприятий исправительно-трудовых учреждений, внедряется хозрасчет, в ча-

[1] «К трудовому общежитию», 1932 г. № 19.

стности, в низовых звеньях — в цехе, в бригаде. План становится действительно делом массы. Как уже было указано, при проведении смотра плановой работы летом 1932 г. по исправительно-трудовым учреждениям РСФСР было установлено, что на отдельных участках исправительно-трудовой системы борьба за план и участие в плановой работе стали жизненным делом массы лишенных свободы из среды трудящихся. В своем обращении к низовой сети центр подчеркивает, что смотр плановой работы должен «послужить стимулом к широкому охвату общественности, путем вовлечения ее в непосредственную плановую работу через организовываемые планово-оперативные бригады, группы и через организацию контрольных постов, оживление работы производственных совещаний и проверку разработки всех необходимых технико-производственных и прочих показателей плана» [1].

Характер мероприятий, проводимых по линии производительности труда, ясен из ряда директив по вопросам составления плана предприятий мест лишения свободы: «Необходимо исходить из намечаемой технической реконструкции, механизации трудоемких работ, специализации и кооперирования предприятий, укрепления трудовой дисциплины и улучшения системы организации труда, научной организации управления и труда, дальнейшего развития социалистического соревнования и, в частности, высших его форм — хозрасчетных бригад, развития рационализаторской и изобретательской мысли, стимулирования личной заинтересованности работающих в повышении производительности труда, развития культурного уровня и повышения квалификации» [2].

Встречное планирование является одним из участков, на который обращается особое внимание: «В случае, если рабочими ударниками составлен встречный план, он должен быть тщательно проработан как в исправительно-трудовом учреждении, где он возник, так и в краевом управлении», и далее центр требует представления ему встречных планов с исчерпывающими объяснениями [3].

Исправительно-трудовыми учреждениями Ивановской промышленной области, в период проведения в 1932 г. месячника штурма по ликвидации прорыва в плане производства товаров широкого потребления, был выдвинут встречный план, увеличивший данное им задание на 14%; он был выполнен полностью. Встречные планы были выдвинуты и по другим краям и областям, например, исправительно-трудовыми учреждениями Средневолжского края в сумме 1 363 тыс. руб. против 814 тыс. руб., установленных центром. Этот встречный план был перевыполнен.

Борьба за план и за ударное проведение месячника штурма проходила по всем исправительно-трудовым учреждениям. Газеты лишенных свободы наполнены в эти периоды еще более чем обычно корреспонденциями лишенных свободы об их достижениях и жалобами их на причины прорывов. «Новгородский домзак с начала второго полугодия

[1] Циркуляр НКЮ РСФСР № 126 от 3 марта 1932 г. «О порядке проведения смотра плановой работы».
[2] Циркуляр НКЮ РСФСР № 119 от 25 июня 1932 г.
[3] Циркуляр НКЮ РСФСР № 118 от 5 сентября 1931 г.

включил в программу своего производства выпуск предметов широкого потребления, главным образом, столярных изделий, предметов домашнего обихода... На третий квартал план выпуска этих предметов был установлен в 9000 руб., выполнен же в сумме 14 139 руб... Добиться таких результатов удалось только благодаря ряду выдвинутых лишенными свободы предложений, ударничеству и соревнованию между отдельными бригадами и отдельными рабочими в бригадах»[1].

Если эта корреспонденция лишенного свободы характерна для оценки положения в большинстве исправительно-трудовых учреждений, то для отсталых характерны жалобы и практические указания такого рода: «Производственный план по Новороссийскому исправительно-трудовому учреждению за первое полугодие выполнен на 30%. Невыполнение плана объясняется исключительно плохой постановкой работы администрации, политико-воспитательной части и общественности лишенных свободы. Состоявшаяся 2 сентября первая производственная конференция лишенных свободы это констатировала. Обнаружилось, что промфинплан составлялся кое-как, вслепую, поэтому он оказался нереальным. Администрация неумело использовала рабочую силу, что несомненно повлияло на выполнение промфинплана. Политико-воспитательная часть не мобилизовала на штурм прорыва общественности лишенных свободы и не боролась с падением дисциплины и производительности труда. Конференция наметила конкретный план борьбы за выполнение годового промфинплана»[2].

Это — выдержка из протокола конференции лишенных свободы.

Встречное планирование, проявление производственной инициативы и трудового подъема являются продолжением широко развернувшегося в исправительно-трудовых учреждениях ударничества и соцсоревнования, а также постепенно прививающегося хозрасчета бригад, оформляющих социалистическими договорами-обязательствами свои отношения по производству с цеховой администрацией.

Мощное движение миллионов трудящихся страны строящегося социализма давно уже перекинулось и в исправительно-трудовые учреждения, и договорные — в порядке социалистического соревнования — отношения между лишенными свободы и цеховой администрацией составляют обыденное явление. По этому договору бригада лишенных свободы берет на себя ряд обязательств, например, «всемерно стремиться к дальнейшему снижению процентов рвани, угара и простоя, не превышать приложенных к договору норм расхода вспомогательных материалов, прорабатывать технологический процесс своего производства, созывать производственные совещания не реже раза в декаду», и представитель администрации, заведующий цехом, берет на себя ряд обязательств, например «своевременно обслуживать бригаду всем необходимым для производства снабжением, установить плановый осмотр и уход за оборудованием, оказывать бригаде содействие в деле повыше-

---

[1] «К трудовому общежитию» № 30 от 31 октября 1932 г.
[2] «К трудовому общежитию» № 28 от 13 октября 1932 г.

БССР. Гомельская сельскохозяйственная колония. Лишенные свободы за сборкой урожая яблок

ЗСФСР. Грузия. Сигнахский исправтруддом. Лишенные свободы обучаются шелководству

Туркменская ССР. Сельскохозяйственная колония (Ашхабад). Скотный двор

ЗСФСР. Азербайджан. Трудовая колония «Пута». Лишенные свободы пасут скот в горах

ния квалификации», и даже — «без согласования с бригадиром не переводить рабочей силы из бригады» [1].

Такие договоры являются естественным развитием социалистических договоров, например, таких, как заключенный в Лефортовском отделении Первой московской исправительно-трудовой колонии бригадой № 3 первой смены ткацкого цеха с бригадой № 3 второй смены того же цеха. В этом договоре, которым одна бригада вызывала на соцсоревнование другую бригаду, производственные моменты, вопросы труда не являются исчерпывающими содержание договора,— он перерастает в общий охват всей работы и всего быта лишенных свободы. Вызывающая бригада, объявляя себя ударной, заявила, что берет на себя следующие обязательства: «перевыполнить план, улучшить качество, снизить себестоимость, изжить вкорне прогулы, опоздания, а также бесцельное хождение по цеху, уплотнить рабочий день до максимума, ликвидировать обезличку ящиков, челноков и др., ликвидировать неграмотность среди членов бригады, образцово содержать камеры, осуществлять обязательную выписку и читку газет, активно участвовать в работе стенгазеты, добросовестно и бережно относиться к оборудованию и сырью, поднять труддисциплину на должную высоту, уделять максимум внимания делу подготовки кадров».

Охват соцсоревнованием и ударничеством колеблется по отдельным краям и областям от ⅓ до ¾ всех работающих лишенных свободы: в Средневолжском крае ударников по данным на конец 1932 г. 74% к числу работающих, в Уральской области 68%, в Северокавказском крае 45%.

Создающаяся таким образом крепкая база трудовой общественности лишенных свободы нередко сигнализирует о дефектах хозяйствования в исправительно-трудовом учреждении, о плохом производственном режиме в нем.

Лишенные свободы, работающие на кирпичном заводе Лианозовской исправительно-трудовой колонии, близ Москвы, через свой печатный орган обращаются к тем, кто ведает колонией и кто может выправить дефекты ее руководства: «Зимний подготовительный период колония совершенно упустила, в результате чего лишь 20 мая был пущен завод с одним прессом, а второй пресс вступил в работу только 20 июня. Гофманская печь вступила в работу с большим опозданием. В распределении и рациональном использовании рабочей силы — полнейший хаос и безответственность... Царит полная обезличка... Поломка и повреждение механизмов приняли на заводе хронический характер... Нужно немедленно принять решительные меры, чтобы выправить положение на этом больном участке» [2].

Еще резче производственная инициатива актива лишенных свободы проявляется, когда руководство, сплотившее этот актив и пробудившее инициативу, оказывается затем не на высоте хозяйственной задачи: «Калязинская колония имеет задание по плану добыть пять тысяч ваго-

---

[1] Договор хозрасчетных бригад ткацкого производства Сокольнического отделения Первой московской исправительно-трудовой колонии.

[2] «К трудовому общежитию» № 6 от 15 июля 1931 г.

нов гравия. Эту задачу понял актив трудящейся части лишенных свободы. Для содействия рабочим и развертывания ударничества и соцсоревнования был избран производственный штаб. Результаты этого мероприятия скоро сказались. В прошлом году выработка «75» считалась удовлетворительной. Сейчас норма «150» перевыполняется. Влияние штаба сказалось и на укреплении общей дисциплины среди лишенных свободы.

За последний квартал 1930 г. было 129 самовольных отлучек, за первый и начало второго квартала 1931 г. не было ни одной. Но как это ни странно, вместо того, чтобы поддержать, администрация колонии игнорировала все деловые предложения штаба, оставляя их без внимания. Например, штаб предупреждает, что вблизи Волги нельзя оставлять гравия, так как его весной снесет водой. Администрация этого предложения не учла, а в результате 25 вагонов гравия погибло». Лишенные свободы заканчивают свою корреспонденцию призывом к областному управлению местами лишения свободы «заинтересоваться работой Калязинской колонии» [1].

В исправительно-трудовых учреждениях, как и вне их, классовые враги в ряде случаев пытаются сорвать соцсоревнование и ударничество.

«В Пермском домзаке начали применяться социалистические формы труда с января 1931 г. Между ударными бригадами были заключены договоры с выдвижением встречных планов. За 10 месяцев промфинплан выполнен на 122%». Указывая на отдельных ударниц и ударников, выполнивших 156, 163 и 187% задания, отмечая, что эти ударники были по нескольку раз премированы администрацией, корреспондент, лишенный свободы, говорит далее: «Классовый враг пытается сорвать выполнение плана. Бригада из кулаков выполнила только 73% плана, пытаясь доказать нереальность программы или трудность ее выполнения. Организованные 7 бригад из числа трудящихся своей повседневной работой доказали и разбили вылазки классового врага, намного перевыполнивши промфинплан. В противовес классово чуждым ударная бригада № 1, состоящая исключительно из рецидива, выполнила в июле 165%, в августе 148%, в сентябре 167%. В октябре по новым заданиям, возросшим на 66%, выполнила 129%» [2].

Помимо премирования за достижения по выполнению и перевыполнению промфинплана на основе социалистических форм труда наиболее выдвинувшиеся как производственники и как общественники получают досрочное освобождение.

«Производственные работы лишенных свободы, как правило, организуются на началах сдельщины», и те из них, которые поддаются нормированию, «должны быть нормированы. Нормы выработки устанавливаются соответственно нормам выработки в предприятиях других госорганов» (Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, издания 1933 г., ст. 75).

Оплата труда лишенных свободы строится на основе прямой нео-

---

[1] «К трудовому общежитию» № 6 от 15 июля 1931 г.

[2] «К трудовому общежитию» № 20 от 30 декабря 1931 г.

граниченной сдельщины, «в целях уничтожения уравниловки и для создания условий, обеспечивающих максимальное увеличение производительности труда путем правильной организации зарплаты» [1].

Эту зарплату лишенные свободы получают *без всякого зачета* стоимости предоставляемого им бесплатно продовольствия и другого снабжения и *без всяких вычетов*. Это положение, и ранее проводившееся в жизнь по всем местам лишения свободы СССР, получило четкое выражение в Исправительно-трудовом кодексе РСФСР, издания 1933 г., где указано (ст. 71), что «*общее содержание* политико-воспитательное, медико-санитарное и *другие виды обслуживания*... предоставляются лишенным свободы *бесплатно*».

«С уничтожением уравниловки в зарплате специальная квалификационная комиссия от одного до трех раз в квартал просматривает установленные разряды лишенных свободы и переводит их из разряда в разряд. Изжитие уравниловки сильно подняло производительность труда». Это — сообщение из Воронежской колонии [2].

Еще ярче результаты правильно поставленной борьбы с уравниловкой и правильной организации зарплаты по 5-й строительной колонии УССР: «Арматурник 3 разряда, лишенный свободы, зарабатывавший 50 руб. в месяц после введения премиально-прогрессивной зарплаты, теперь зарабатывает в той же колонии 140—150 руб., столяр 3 разряда, вместо 30—40 руб., зарабатывает 80—90 руб. [3].

Санитарно-гигиенические условия труда находятся под наблюдением врача; на основании Временного положения о медико-санитарной службе в местах лишения свободы, он участвует не только в проведении мер по улучшению санитарного состояния предприятий и повседневном санитарном надзоре, не только проводит медотбор при направлении лишенных свободы на работу, борется с промышленным травматизмом и с профессиональными заболеваниями, но и участвует в разработке мероприятий по технике безопасности.

При работе в таких условиях проводится техническое нормирование и работа по рационализации. Эта рационализаторская работа носит массовый характер, нередко давая в результате ценные предложения, значение которых выходит за пределы сравнительно небольших фабрик и заводов исправительно-трудовых учреждений.

Фабрика копировальной бумаги и лент для пишущих машин в одной из колоний Московской области в 1928 г. первая в СССР перешла на работу из советского батиста, проявила инициативу по замене импортного сырья, необходимого для копировальной бумаги, советским сырьем. Мобилизация массового изобретательства и рационализаторского творчества лишенных свободы, при подведении итогов годовой работы, приуроченной к 4 февраля,— годовщине исторической речи т. Сталина, дала большие результаты; например, «исправительно-трудовые учреждения Нижневолжского края, выполнившие среднегодовой промфинплан на 131%, использовали 86 предложений, из которых

---

[1] Приказ НКЮ РСФСР № 255 от 13 июня 1932 г.
[2] «К трудовому общежитию» № 14 от 27 октября 1931 г.
[3] «До праці», 1932 г. № 36.

9*

6, как имеющие республиканское значение, переданы в Комитет по делам изобретений. Механический завод Пятигорского домзака, перевёдший все цеха с 1 мая 1931 г. на хозрасчет и выполнив свой годовой план на 109%, имел за это время 95 предложений, из которых провел в жизнь 63. Из числа 63 нужно особо отметить 17 по обработке тракторных частей и театральных кресел» [1].

Но наряду с этими правильно поставившими рационализаторскую работу исправительно-трудовыми учреждениями, «еще до сих пор во многих исправительно-трудовых учреждениях существует безразличное отношение к этому делу», как видно из подведенных итогов, хотя многочисленные директивы центра уделяют особенно много внимания этому вопросу как необходимому условию правильно поставленного руководства производством.

Вся эта работа по организации правильного производственного режима, по развитию самих промпредприятий и по борьбе за выполнение промфинплана ведется, исходя из установки, что «организация производственной работы в исправительно-трудовых учреждениях не самоцель, а имеет своей задачей создание производственных предприятий, в которых лишенным свободы дается возможность в организующе-дисциплинирующих условиях труда активно участвовать в создании ценностей, необходимых для страны строящегося социализма, и по освобождении из места лишения свободы непосредственно включиться в социалистическое строительство» [2].

В работе по смежному вопросу — по профтехническому обучению — выдвинута, как одна из наиболее важных задач, такая организация профобучения, при которой оно не ставилось бы «только в целях дачи определенной квалификации, оторванно от работы по социалистическому перевоспитанию и внедрению социалистических методов труда и социалистического отношения к труду» [3].

Действительно, если бы работа лишенных свободы не была построена так, чтобы вытеснить навыки, взгляды, тенденции мелкобуржуазного производителя, навыки капиталистической организации труда, чтобы на смену им внедрить новые навыки, новую дисциплину труда — это значило бы, что исправительно-трудовые учреждения не выполнили своей задачи. Это значило бы, что исправительно-трудовые учреждения не сделали того, что должны были сделать, не дали лишенным свободы необходимых предпосылок для включения после освобождения в систему новой общественно-производственной связи. Это значило бы, что лишенный свободы не получил бы подготовки, необходимой для того, чтобы не войти снова в конфликт с социалистическим строем.

То обстоятельство, что трудящийся не будет на надлежащей высоте по общественной дисциплине, по трудовой дисциплине, по борьбе за повышение производительности труда, будет чем дальше, тем больше создавать его конфликт с социалистическим порядком, так как социалистическое соревнование, борьба за углубленный хозрасчет, за социали-

---

[1] «К трудовому общежитию» № 3 от 30 января 1931 г.

[2] Циркуляр НКЮ РСФСР № 141 от 27 июля 1932 г.

[3] Постановление Коллегии НКЮ РСФСР от 1 сентября 1932 г.

стическое накопление составляют фронт классовой борьбы, метод победного наступления на капиталистические элементы в стране.

Какие результаты достигаются исправительно-трудовыми учреждениями в их конкретной работе по реализации основной установки по труду и по перевоспитанию, показывают такие, например, обращения лишенных свободы к тем, которые содержатся, как и они, в месте лишения свободы: «Я прочел в газете «К трудовому общежитию», что лишенные свободы Рязанской исправительно-трудовой колонии ослабили темпы работы, не выполнили промфинплана, за что у колонии отобрали переходящее знамя. Стыдно, рязанцы. Находясь в вашей исправительно-трудовой колонии 8½ месяцев, я вместе с вами дрался за удержание врученного нам почетного знамени. А теперь мне больно было прочитать, что вы сдали темпы и не удержали знамени. Ударной работой, развитием соцсоревнования и ударничеством вы должны еще раз доказать, что вы умеете по-боевому драться на всех участках работы и тем самым вернуть отобранное у вас знамя» [1].

Того же порядка «Открытое письмо лишенных свободы из числа трудящихся кирпичного завода Пятигорской исправительно-трудовой колонии ко всем лишенным свободы трудящимся, находящимся в исправительно-трудовых учреждениях республики»:

«Мы участвуем вместе с рабочим классом СССР в социалистическом строительстве, давая со своих предприятий машины, станки, стройматериалы, товары ширпотреба, вооружаемся новой техникой производства.

В процессе этой работы и коммунистического воспитания мы перековываемся в новых людей, которым уже сейчас чужды традиции прошлого,— кражи, насилия, пьянство, убийства, хулиганства, грабежи.

Многие из бывших правонарушителей уже стали в ряды ударников, включились в соцсоревнование, показывают высокие темпы работы, образцы ударной работы, героически выполняя промфинплан, борясь за внедрение в жизнь шести исторических условий т. Сталина, выковывая квалифицированные кадры, осваивающие высокую технику производства.

Своим честным преданным трудом мы показали всему миру, что идем в ногу с рабочим классом СССР, несмотря на то, что мы — лишенные свободы» [2].

Но не только в печати лишенных свободы можно найти массу примеров нового отношения лишенных свободы к труду, доказательств их перевоспитания. И в общей печати встречаются указания на массовый характер такого исправления. «Огромный энтузиазм, с которым наша страна строит социализм, нашел свое отражение и в фабрично-трудовых исправительных колониях, где под влиянием широко развернувшегося в стране соцсоревнования и ударничества лица, совершившие преступления, работают по-ударному в мастерских домов заключения. В связи с этим председатель комиссии по делам частной амнистии при

[1] «К трудовому общежитию» № 2 от 20 января 1933 г. Письмо лишенного свободы И. Жукова из Касимовской исправительно-трудовой колонии.

[2] «К трудовому общежитию» № 26 от 22 сентября 1932 г.

Президиуме ВЦИК т. А. А. Сольц представил в Президиум ВЦИК список лиц, из числа рабочих и бедняцко-середняцкого крестьянства, находящихся в Тульской и Рязанской исправительно-трудовых колониях и в Тверском доме заключения, которые своим примерным поведением и ударной работой в мастерских заслужили смягчения наложенных на них мер социальной защиты или полного освобождения. Президиум ВЦИК... нашел возможным смягчить меры социальной защиты в отношении 852 человек, находящихся в перечисленных трудовых колониях и домах заключения Московской области. Значительная часть из этого числа постановлением Президиума ВЦИК освобождена вовсе» [1].

Как и во всех областях социалистического строительства, так и здесь, в области исправительно-трудового дела, массовый характер достигнутых успехов неотделим от пятилетки.

Действительно, «благодаря полной ликвидации безработицы в СССР и острому дефициту особенно квалифицированных кадров, мы можем в этих учреждениях исправительно-трудового воздействия поставить дело таким образом, чтобы осужденный с самого начала стал приобретать квалификацию или повышать ту квалификацию, которую он имел до осуждения.

Это имеет колоссальное хозяйственное и воспитательное значение, ибо осужденный с самого начала получает конкретную производственную, трудовую установку.

Стимулом для того, чтобы работать над приобретением или повышением своей квалификации, у осужденного вполне достаточно.

В нынешних условиях этот осужденный, отбывая свой срок в трудколонии, убежден и твердо знает, что по окончании этого срока он немедленно найдет применение этой своей квалификации.

Ведь этого нет и никак не может быть в капиталистическом обществе...

В СССР он имеет полную возможность сразу же по окончании срока исполнения над ним приговора снова вступить в общую трудовую семью и занять на производстве место в соответствии с приобретенной или повышенной в колонии производственной квалификацией» [2].

Так могучей силой, великой системой советского отношения к человеку, советского отношения к труду действительно осуществляется в государстве трудящихся исправительно-трудовое воздействие, переделка людей, мешавших делу социализма или даже активно боровшихся против него, в активных участников этого величайшего в истории человечества строительства.

---

[1] «Правда» № 24 от 4 сентября 1931 г.

[2] П. П. Постышев, Основные задачи советской юстиции на современном этапе (стенограмма речи на VI совещании руководящих работников органов юстиции 13 февраля 1932 г. «Советское законодательство», Москва, 1932 г., стр. 28.

К. Линтин

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ КОЛОНИИ ДЛЯ ЛИШЕННЫХ СВОБОДЫ

В тюремных системах капиталистических стран сельскохозяйственные колонии не получили сколько-нибудь значительного распространения. Самая мысль о жизни и работе лишенных свободы без тюремных стен, замков и решеток не увязывается с представлением буржуазных тюрьмоведов о лишении свободы, о тюрьме и о тех задачах, которые диктуются тюрьмам классовыми интересами буржуазного государства. Для превращения заключенного крестьянина в забитого, тупого, неспособного к какому-либо протесту против капиталистической эксплоатации носителя рабочей силы, который, «с голодным желудком проходя по картофельному полю, не решится взять ни единого клубня» (Карл Маркс), сельскохозяйственные колонии — менее всего подходящие учреждения.

Вот почему в большинстве капиталистических стран сельскохозяйственных колоний для заключенных вовсе не имеется, а в тех странах, где они существуют, число их крайне незначительно, перевод в них крайне затруднен и является привилегией для очень немногих. Вместо организации сельскохозяйственных колоний, в капиталистических странах встречается практика направления заключенных в частные поместья, к крупным землевладельцам или кулакам, на особо тяжелые или вредные работы, где продолжается еще в более беззастенчивых формах эксплоатация, прерванная было заключением под стражу. Вот почему значение всех докладов, прений и резолюций международных тюремных конгрессов по вопросу о необходимости организации сельскохозяйственных колоний не выходит за пределы громких деклараций, которым заведомо не суждено оказать какое-либо влияние на практику.

В царской тюремной системе не было ни одной сельскохозяйственной колонии. Их не могли заменить ни частые в тюремном быту работы арестантов на тюремных огородах, ни работа на помещичьих и кулацких полях. Государственная дума сделала было в 1909 г. демагогический жест, когда за подписью 33 членов Думы был внесен проект организации сельскохозяйственных колоний. Однако возражения со стороны тюремного ведомства остановили «либеральный» пыл Думы, и вместо реорганизации тюремного дела, Дума ограничилась выражением пожелания «об устройстве сельскохозяйственных ферм». Даже огород-

ные работы не получили особого развития, и общая площадь всех тюремных огородов б. империи не превышала 5 000 десятин.

В СССР, наоборот, самые задачи лишения свободы, самое понимание значения труда лишенных свободы и то классовое содержание, которое вкладывается в целевые установки этого труда, требовали диференциации мест лишения свободы по различным типам и создания в системе исправительно-трудовых учреждений сельскохозяйственных колоний как типа места лишения свободы, предназначенного для лишенных свободы — трудящихся крестьян и имеющего свою особую целевую трудовую установку.

Еще в 1918 г. в РСФСР, в Подольском уезде, Московской губернии, в 10 верстах от станции «Столбовая», была организована 1-я московская трудовая колония для лишенных свободы, а в Петроградской губернии — 2-я петроградская колония. К концу 1918 г. в РСФСР насчитывалось уже 8 колоний и 9 ферм с общей площадью в 8 731 десятину. Правильно вступив уже в то время на путь, по которому предстояло развиваться советской исправительно-трудовой политике, Наркомюст по Центральному карательному отделу в своем отчете, представленном в 1920 г. VIII всероссийскому съезду советов, сообщал:

«Центральный карательный отдел наметил открытие новых колоний и ферм, стремясь увеличить их сеть настолько, чтобы постепенно заменить ими существующий тип тюрем — каменных мешков, оставив тюрьмы в городах лишь как следственные и как изоляторы для особо опасных или профессиональных преступников».

Соответствующие цифровые показатели говорят о систематическом росте сельскохозяйственных предприятий для лишенных свободы. Но для правильной оценки этих цифр надо иметь в виду, что в число сельскохозяйственных предприятий включены и сельскохозяйственные отделения при местах лишения свободы закрытого типа, т. е. несамостоятельные сельскохозяйственные предприятия, организуемые главным образом для снабжения продуктами сельского хозяйства мест лишения свободы, при которых они находятся.

В таком расширенном понимании число сельхозколоний показывает по РСФСР следующую картину роста: в 1919 г. — 17, в 1925 г. — 105, в 1926 г. — 130, в 1927 г. — 137, в 1928 г. — 138 и в 1929 г. — 142.

Соответственно росла и общая площадь сельхозколоний: в 1919 г. — 2 953 га, в 1925 г. — 31 767 га, в 1926 г. — 36 502 га, в 1927 г. — 53 961 га и в 1929 г. — 53 266 га.

Но если даже взять число сельскохозяйственных колоний как самостоятельных исправительно-трудовых учреждений, то и в этом случае можно установить большой их рост.

В связи с выводом лишенных свободы трудящихся крестьян в сельскохозяйственные колонии земельная площадь сельхозколоний исправительно-трудовой системы РСФСР, составлявшая в 1930 г.—90 815 га, в 1932 г. повышается до 253 307 га.

Особенно быстро росли сельскохозяйственные колонии в УССР.

Количество га увеличивалось здесь такими темпами: в 1928/29 г. —

ЗСФСР. Армения. II Эвджиларская сельскохозяйственная колония. Лишенные свободы трактористы

УССР. Одесская сельскохозяйственная колония. Выезд тракторов на поля колонии

УССР. Вид сельскохозяйственной колонии

13 142 га, в 1929/30 г. — 20 151 га, в 1931 г. — 24 801 га, в 1932 г. — 56 225 га.

Колонии росли не только количественно, но и качественно. Расширялась пахотная и огородная площадь, умножался живой и мертвый инвентарь, усиливалась механизация, вводился многопольный севооборот Ряд бросовых неурожайных участков сельскохозяйственными исправительно-трудовыми колониями был превращен в плодородные угодья. Так, в Армянской ССР солончаки превращаются лишенными свободы в годные для посева хлопка участки; в Центрально-Черноземной области РСФСР на пустующем бросовом участке организована колония «Чернозем»; в Средневолжском крае освоено более 300 га под огороды и т. д. Колонии специализировались на различные типы: молочно-животноводческие, огородные, свиноводческие, птицеводческие, зерновые и др. В УССР основные отрасли хозяйства в колониях — молочное хозяйство, свиноводство и огородничество. В остальных колониях ведущей отраслью является зерновое и семеноводческое хозяйство.

В сельскохозяйственных колониях УССР в 1932 г. впервые на Украине были в больших размерах проведены опыты с посевами новых культур (батат, арахис, фуфа, цукатные арбузы и дыни). В 1933 г. в этих колониях намечены опыты посадки каучуконосов.

Начиная с урожая 1932 г., сельскохозяйственные колонии УССР уже полностью покрывают своей продукцией потребность всех мест лишения свободы Украины в хлебе, овощах, картофеле, мясе и жирах. В РСФСР такое положение по контрольным цифрам второй пятилетки должно быть осуществлено лишь в 1934 г.

Каких значительных размеров достигла деятельность сельскохозяйственных колоний в УССР, видно из следующих данных о ценностном выражении продукции колоний в 1932 г. и в перспективах 1933 г.:

	1932 г.		1933 г.		
	В тысячах руб.	В проц. к общей сумме	В тысячах руб.	В проц. к общей сумме	Процент увеличения
Полеводство	3 951	26	4 218	23	10
Огородничество	5 622	31	6 005	34	30
Садоводство	660	4	696	4	5
Цветоводство	523	4	530	3	—
Животноводство	5 065	35	6 412	36	26
Вся продукция	14 231	100	17 861	100	23

О состоянии сельскохозяйственных колоний в других союзных республиках полных сведений еще нет. Но и имеющийся материал свидетельствует о том, что всюду организуются новые и укрепляются уже существующие сельскохозяйственные колонии. Так например в Узбекской ССР организована молочная ферма на 50 коров и сельскохозяйственная колония с 58 га посевной площади. Ранее организованная 1-я республиканская сельскохозяйственная колония имеет 2 668 га земли, из которых 1 850 га засеяны хлопком. Имеются еще небольшие колонии и ряд сельскохозяйственных отделений при местах лишения свободы.

Всего в 1932 г. намечено было посева хлопка 2 050 га, под огороды — 653 га и под зерновые и люцерну — 625,5 га.

Чрезвычайно интересные страницы в историю сельскохозяйственных колоний вписывает Таджикская ССР, участвующая в борьбе за хлопковую независимость Советского союза. До свержения эмирата Таджикистан не знал хлопководства. Сейчас же и сельскохозяйственные колонии для лишенных свободы включились в общее дело борьбы за советский хлопок. Лишенные свободы с энтузиазмом работают на хлопковых полях. Обработка земли ведется уже в большей части колоний механизированным, стоящим на высоте современной техники инвентарем. Колонии перевыполняют промфинплан и дали стране в 1932 г. 10 000 пудов хлопка.

В меньших масштабах, но также включились в борьбу за советский хлопок и сельскохозяйственные колонии в Туркменистане и Армении. В Туркменистане в 1932 г. общая площадь сельскохозяйственных колоний составляла 1 092 га, из которых под хлопком 640 га. Поголовье скота возросло здесь со 128 шт. в 1930 г. до 614 в 1932 г. Сельскохозяйственные колонии Армении бьются за превращение солончаков в хлопковые поля.

В БССР имеется ряд колоний садоводческого, животноводческого и огороднического типа, а также предприятия для переработки сельскохозяйственного сырья (сыроварни, крахмало-паточные заводы и др.).

Достижения сельскохозяйственных колоний получали не раз оценку и со стороны местных органов РКИ и Наркомзема. Многие сельскохозяйственные колонии, участвовавшие на сельскохозяйственных выставках, начиная от районных и кончая Всероссийской сельскохозяйственной выставкой 1924 г., получала многочисленные награды и хорошие отзывы о работе. В УССР была в 1932 г. организована выставка всех сельскохозяйственных исправительно-трудовых колоний республики.

Сельскохозяйственные колонии для лишенных свободы не являются какими-либо специфическими хозяйствами, изолированными от всего сельского хозяйства страны. Наоборот, они как хозяйственные организации во всех отношениях (плановом, техническом, агрономическом и т. д.) входят в социалистический сектор СССР, проводят общие с ним политическо-хозяйственные кампании и бьются наравне с ними за осуществление директив партии и правительства в области сельского хозяйства.

Эта общность хозяйственно-политических задач и методов нашла особенно рельефное отражение в контрольных цифрах второй пятилетки. Достаточно привести несколько выдержек из директив Главного управления исправительно-трудовыми учреждениями РСФСР по составлению контрольных цифр второй пятилетки, чтобы в этом убедиться:

«17. По совхозам исправительно-трудовых учреждений вопрос о направлении плана разрешить согласно указаниям край(обл)плана.

18. Совхозы проектировать как хозяйства с применением машинной техники с тем однако, что конная тяга должна сохранить полностью свое значение для менее тяжелых работ и для сельскохозяйственного транспорта...

19. Основной задачей пригородных сельских хозяйств исправительно-трудовых учреждений, в случае нахождения близ промышленного центра, считать включение этих хозяйств в зону овощного и плодо-ягодного хозяйства товарного характера с повышением урожайности овощей в течение пятилетки в размерах, определяемых по данному району край(обл)планом для всего обобществленного сектора.

20. Основной установкой для всех сельских хозяйств исправительно-трудовых учреждений во втором пятилетии считать повышение урожайности и качественных показателей... В результате этих мероприятий проектировать резкое повышение урожайности по зерновым культурам по нормам, равным тем, которые определены по данному району край(обл)планом для всего сельского хозяйства обобществленного сектора по всем отраслям и видам хозяйств» и т. д.

Но, как и все производственные предприятия исправительно-трудовой системы, сельскохозяйственные колонии имеют не самодовлеющее хозяйственное значение. Основная их задача лежит в области перевоспитания тех групп лишенных свободы, для которых приспособление к трудовой жизни наиболее рационально может осуществляться на основе сельскохозяйственного труда. Такими лишенными свободы являются правонарушители колхозники и трудящиеся крестьяне-единоличники.

То обстоятельство, что сельскохозяйственные колонии предназначены для этих именно классовых категорий, обусловливает полусвободный, наиболее льготный характер режима в этих колониях, содержание и порядок применения льгот, которыми пользуются находящиеся здесь лишенные свободы, и особые целевые установки труда в этих колониях. Проводящаяся в местах лишения свободы классовая политика требует направления в сельскохозяйственные колонии только трудящихся. Нетрудовые, классово чуждые элементы, в особенности кулаки, сюда направляться не должны.

Как выполняется эта директива на практике? По РСФСР мы имеем для суждения по этому вопросу следующие данные о классовой принадлежности лишенных свободы, содержащихся в сельскохозяйственных колониях (в процентах):

	Рабочие	С.-х. рабочие	Бедняки	Середн.	Кулаки	Нетрудящиеся	Служащ.	Неустановленн.
II полугодие 1930 г.	9,7	1,8	15,6	34,9	13,7	5,9	14,4	4,0
1931 г.	10,1	1,5	18,2	34,8	19,3	3,8	11,2	1,1
I полугодие 1932 г.	11,8	1,7	16,8	41,9	8,6	3,1	10,1	5,1

Хотя и уменьшившийся в 1932 г., но все еще большой процент кулаков и др. классово чуждых элементов (11,7%) объясняется недостаточной классовой выдержанностью при распределении лишенных свободы по исправительно-трудовым учреждениям различных типов. В качестве оправдания местные работники ссылаются обычно на недостаток рабочей силы в периоды сезонных работ и на необходимость направления по этой причине в сельскохозяйственные колонии и лиц таких клас-

совых категорий, которым в этих колониях не должно быть места. Однако с такими неверными установками ведется борьба, и число кулаков в сельскохозяйственных колониях, постепенно уменьшаясь, должно быть доведено до нуля.

Определенный процент рабочих, находящихся в сельскохозяйственных колониях, объясняется потребностью в квалифицированных рабочих на подсобных работах (кузнечных, слесарных, плотничных, машинно-тракторных и др.).

Имеются (по РСФСР) данные и о характере преступлений, за которые осуждены находящиеся в сельскохозяйственных колониях.

Об этом говорит следующая таблица (в процентах)[1]:

	Контрреволюция	Бандитизм	Хулиганство	Приготовление спиртн. напитков	Убийство	Половые преступления	Разбой и грабеж	Скотокрадство	Поджигательство	Злостное повышение цен	Растрата	Взяточничество	Кража
II полугодие 1930 г.	5,0	1,4	12,7	1,2	19,7	5,3	3,3	2,6	4,4	3,8	15,2	2,8	26,1
1931 г.	2,5	1,2	9,3	0,3	15,9	4,4	1,9	2,1	4,2	2,0	10,9	1,7	43,6
I полугодие 1932 г.	2,1	1,6	12,2	0,1	16,8	3,5	1,6	1,6	1,9	0,9	11,5	1,1	45,1

Наличие среди лишенных свободы, находящихся в сельскохозяйственных колониях, осужденных за контрреволюционные преступления, за бандитизм, за убийство, за разбой и грабеж, представляет собою характерную особенность советских исправительно-трудовых учреждений. В капиталистических странах, в которых имеются сельскохозяйственные или другие открытого типа колонии, осужденные за «политические преступления» и за перечисленные выше общеуголовные преступления, как правило, вовсе не могут попасть в эти колонии. В самых исключительных случаях они могут быть направлены в колонии только после отбытия большей части срока лишения свободы, измеряемого многими годами. В СССР осужденные за самые тяжелые преступления могут направляться в сельскохозяйственные колонии сейчас же после вступления приговора в законную силу. Опасения побегов таких лишенных свободы не подтверждаются на практике. Хотя количество побегов из сельскохозяйственных колоний и выше числа побегов из мест лишения свободы закрытого типа, но оно все же не настолько велико, чтобы в какой-нибудь мере поколебать целесообразность направления в сельскохозяйственные колонии лишенных свободы, даже совершивших указанные преступления. Да и кроме того, по имеющимся данным, свыше 30% бежавших возвращаются в колонии обратно.

Исправительно-трудовые задачи, которые ставятся перед сельскохозяйственными колониями, заключаются в обучении лишенных свободы

[1] В таблице колхозники отдельно не выделены; они проходят по другим графам в зависимости от их прежней принадлежности к тем или другим слоям деревни.

трудовым навыкам, повышении их трудовой квалификации, в политико-воспитательном и дисциплинирующем воздействии и приучении к жизни и работе в организованном коллективе на основе сельскохозяйственного труда. Таким образом сельскохозяйственные колонии, осуществляя общие задачи уголовной репрессии, используют время пребывания в них лишенных свободы для сообщения им таких практических навыков и теоретических познаний, которые дали бы им возможность по выходе из колонии стать в ряды квалифицированных рабочих в социалистическом секторе народного хозяйства.

Этими задачами определяются и режим колоний, построение всей их политико-воспитательной работы, организация труда лишенных свободы, а также формы связи с общественностью.

Бытовые условия и режим в сельскохозяйственных колониях резко отличаются от бытовых условий и режима в колониях закрытого типа. В сельскохозяйственных колониях лишенные свободы работают без всякой охраны. Свободное от работы и политико-воспитательных занятий время они проводят на большой территории колонии также без всякой охраны.

Еще в 1920 г. на I всероссийском съезде заведующих губернскими карательными отделами докладчик по вопросу «О земледельческих трудовых колониях из лишенных свободы», делясь первым опытом работы одной из колоний, говорил:

«На заключенного, прибывшего в колонию из тюрьмы, действует самый вид и устройство колонии; он входит в обыкновенный дом-казарму, стоящий на поляне, в лесу, среди обычных во всяком имении хозяйственных построек, амбаров, сараев и т. п.; кругом нет никаких стен, никаких дворов и запертых ворот, на окнах нет привычных решеток; перед домом, на поляне, если прибытие произошло вечером или в праздник, группы колонистов весело играют в футбол или городки, нигде не видно конвойных с винтовками и штыками; группы колонистов свободно входят и выходят из дому, одним словом ничто не напоминает постылой тюрьмы, и все имеет вид обычного хозяйственного имения, только без помещика и господ. Внутри дома он также не находит ничего напоминающего тюрьму».

Охрана и соблюдение порядка в сельскохозяйственных колониях доверяются самим же лишенным свободы. Эта система, по отзывам низовых работников, вполне оправдывает себя. Во многих случаях лишенные свободы выполняют свои обязанности по охране колонии и поддержанию порядка лучше, чем штатные надзиратели.

Жилищные условия в сельскохозяйственных колониях лучше, чем в местах лишения свободы закрытого типа. Снабжение продовольствием улучшается благодаря возможности прибавлять к общему пайку продукты, изготовляемые в колонии: овощи, фрукты, мясо, жиры и т. д.

Особенности сельскохозяйственных колоний, резко отличающие их от колоний закрытого типа, — лучшие условия быта, отсутствие всего, что напоминает «тюрьму», оказываемое лишенным свободы доверие и значительная степень самоуправления, — все это воспитывает в них чувство ответственности, научает их ценить и оправдывать оказывае-

мое им доверие, облегчает им переход от жизни в месте лишения свободы к свободной трудовой жизни.

Усовершенствованная техника, новые, высшие формы агрономических приемов, рационализация сельского хозяйства, машинизация его, использование в работе всех новейших агрономических достижений являются прекрасной школой для лишенных свободы колхозников и единоличников-трудящихся и дают им такие новые знания и навыки, которые они с огромной пользой для дела смогут применить в колхозе или совхозе или в единоличном хозяйстве, в которое они вернутся после освобождения.

Здесь они втягиваются в ударничество и соцсоревнование и в другие социалистические формы труда, приучаются работать в коллективе, ценить свой коллектив, чувствовать себя участниками роста и значения хозяйства колонии и сливать свои интересы с интересами и процветанием колонии. Недаром зарегистрирован целый ряд случаев, когда все лишенные свободы ходатайствовали перед администрацией колонии о разрешении отработать выходной день для укрепления хозяйства колонии, мотивируя это желание тем, что «колония наша и мы должны содержать ее в порядке».

Политико-воспитательная работа широко развертывается в сельскохозяйственных колониях. И здесь, как в совхозах и колхозах, имеются школы, читальни, библиотеки, клубы, театры, кино, радио, и здесь издаются многотиражные и стенные газеты. В УССР практикуются выпуски специальных полевых газет выездными редакциями республиканской газеты «До праці». В каждой колонии имеются, как правило, профтехнические курсы по животноводству, тракторному делу и др.

Положительная роль сельскохозяйственных колоний не ограничивается внутренними рамками.

Наряду с достижениями в развитии сельскохозяйственных колоний, имеется еще немало и недостатков в этой области исправительно-трудовой работы. Площадь колоний еще недостаточна для того, чтобы всюду организовать крупное механизированное хозяйство, не полностью еще проведены шесть условий т. Сталина. Колонии недостаточно еще снабжены постройками, живым и мертвым инвентарем; не все колонии еще определили и проводят свою специальность в связи с местом расположения, с экономическими и географическими условиями района; плановое начало еще не полностью внедрено в деятельность колоний; колонии не располагают еще достаточным штатом специалистов, необходимым количеством лабораторий, опытных участков и учебных пособий.

Сельскохозяйственным колониям предстоит еще длинный путь борьбы за преодоление недостатков и трудностей, — путь, который пролегает по основной, установленной программой партии линии перехода от тюрем к воспитательным учреждениям.

По этому пути уверенно и последовательно идет вперед система исправительных сельскохозяйственных колоний, давая уже сейчас образцы работы, гарантирующей успешное завершение стоящих перед нами в советском государстве на этом пути великих целей...

В. Музыкант

ЛИКВИДАЦИЯ НЕГРАМОТНОСТИ И МАЛОГРАМОТНОСТИ СРЕДИ ЛИШЕННЫХ СВОБОДЫ

В области обучения лишенных свободы грамоте, как впрочем и во всех других областях исправительно-трудового воздействия, места лишения свободы являются участниками единого фронта культурной революции.

Исправительно-трудовые задачи, стоящие перед местами лишения свободы в СССР, требуют создания обстановки, всей совокупности мероприятий, направляющей правонарушителей к конечной цели — *вступлению* по выходе на свободу в число тружеников социалистического общества, в ряды активных и сознательных строителей социализма. Все культурные мероприятия общегосударственного значения, содействующие достижению этой цели, непосредственно включаются поэтому в систему мер исправительно-трудового воздействия.

Неразрывными звеньями входят в эту систему и политехнизация обучения, и профтехническое образование, и ликвидация неграмотности, осуществляемая в общем плане борьбы за всеобщее обучение в СССР.

В царской России, темной и невежественной, забитой и отсталой, и тюрьма, как орудие господства помещичьего самодержавия, орудие его политики военно-феодального империализма, являлась достойным представителем «власти тьмы», в упрочении которой была особенно заинтересована господствующая эксплоататорская верхушка дореволюционной России.

Правительство, гасившее просвещение во всей стране, не могло допустить сколько-нибудь широкого обучения и в тюремных стенах.

Последний тюремный памятник самодержавия — «Общая тюремная инструкция» 1915 г., — ставил столь узкие рамки обучению заключенных и давал ему такое «классово выдержанное» содержание, при котором тюремная школа из института просвещения превращалась в орудие классового господства помещиков и капиталистов, имевшее единственной задачей «внушать им (заключенным) правильные понятия о религии, о преданности престолу и отечеству и подчинении существующим законам и властям» (ст. 244 «Инструкции»).

И наоборот, уже на четвертый день после пролетарской революции, когда не закончились еще бои по завоеванию власти, советская власть

нашла время заявить, что «всякая истинно-демократическая власть в области просвещения в стране, где царят безграмотность и невежество, должна поставить своей первой целью борьбу против этого мрака. Она должна добиться в кратчайший срок всеобщей грамотности путем организации сети школ, отвечающих требованиям современной педагогики, и введения всеобщего обязательного и бесплатного обучения» (из первого обращения к населению наркома по просвещению от 29 октября 1917 года).

Этот первый призыв к культурной революции нашел вскоре отклик и в местах лишения свободы. В дни и месяцы, когда в оставшихся от царского режима старых тюремных зданиях в лихорадочных усилиях изживались следы тюремного кошмара, ликвидировалась вся мерзость и подлость, оставшаяся от царской тюрьмы, — в эти дни первые советские работники исправительно-трудового дела находили время и силы ставить и осуществлять задачу ликвидации неграмотности среди лишенных свободы. Уже в таких ранних документах, как например «Положение о работных домах, заменяющих ныне существующие тюрьмы в Сибири и Урале», принятое съездом комиссаров юстиции Сибири, Урала и Туркестана 25 мая 1918 г., говорилось: «При каждом работном доме создаются школы, имеющие целью дать каждому из заключенных возможность приобрести технические и общеобразовательные познания» [1].

И если 17 октября 1921 года В. Ленин в речи на Всероссийском съезде политпросветов говорил: ...«Пока у нас есть в стране такое явление, как безграмотность, о политическом просвещении слишком трудно говорить. Безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке. Без этого не может быть политики...» [2],— то исправительно-трудовые кодексы всех союзных республик выдвигали совершенно бесспорное положение, что «минимум школьной работы составляет ликвидация общей и политической неграмотности. Посещение школы является обязательным для всех неграмотных и малограмотных заключенных, не достигших 50-летнего возраста» (ст. 92 ИТК РСФСР 1924 г., ст. 144 ИТК УССР, ст. 169 ИТК БССР, ст. 99 ИТК УзбССР и др.).

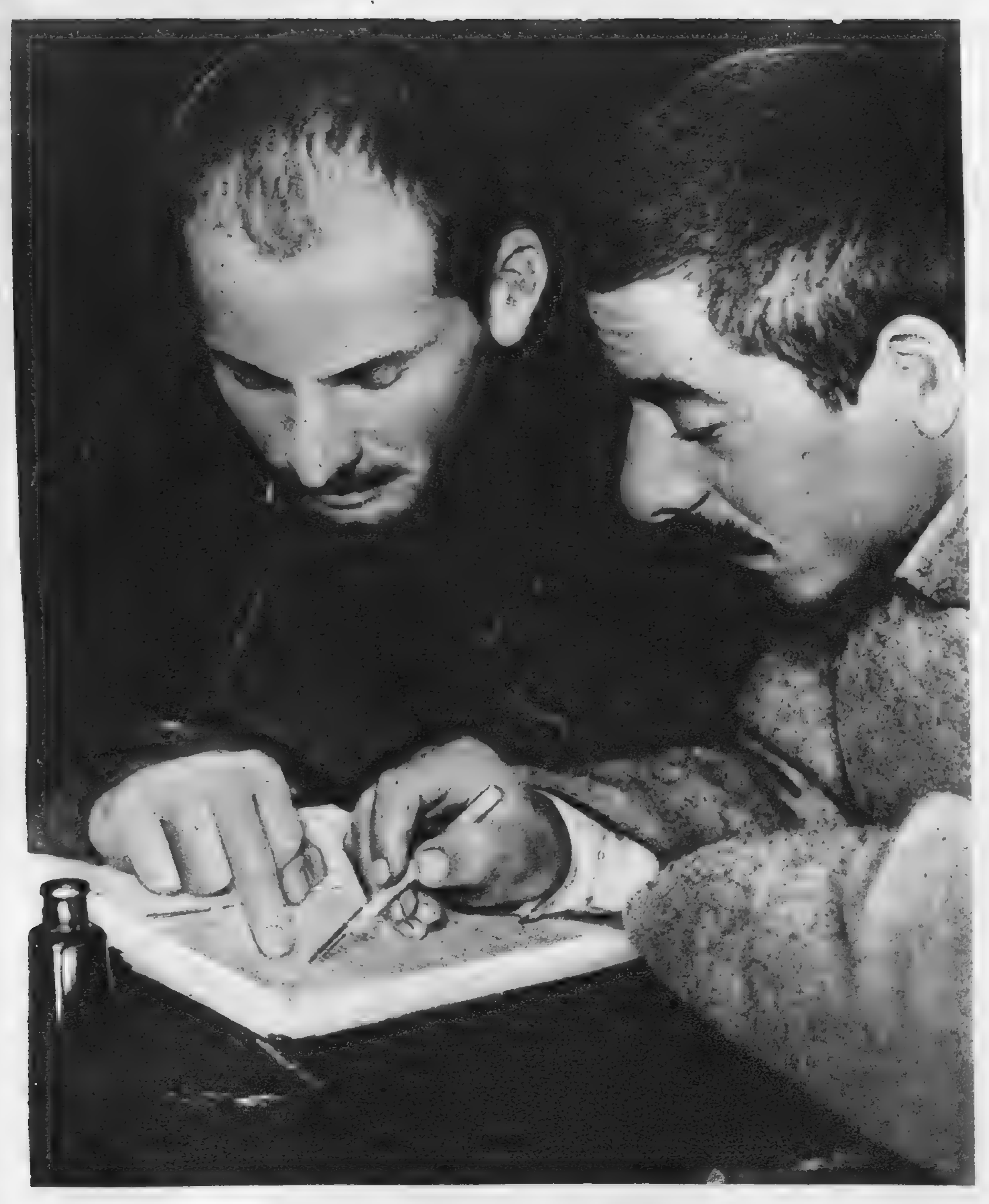
Огромному росту числа ликвидировавших неграмотность во всей Стране советов, — росту, шедшему такими гигантскими шагами как 800 тысяч, 2 миллиона, 10 миллионов,— соответствовал и рост ликвидировавших неграмотность лишенных свободы.

Число лишенных свободы, учащихся в школах, росло из года в год, составляя в РСФСР в среднем (в процентах):

В каких школах	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
Школы для ликвидации неграмотности	100	134,0	108,1	181,3
Школы для малограмотных	100	125,3	109,9	229,6
Школы для грамотных	100	120.2	91,3	244,3
	100	128,5	111,2	210,1

[1] Материалы Народного комиссариата юстиции, вып. III, М., 1918 г., стр. 70.

[2] Ленин, т. XXVII, стр. 51.

РСФСР. Владикавказская фабрично-трудовая колония. Индивидуальное обучение грамоте в камере

РСФСР. Владикавказская фабрично-трудовая колония.
Школа по ликвидации неграмотности

УССР. Харьковская промколония. Курсы агроминимума
на сельскохозяйственном отделении

Еще более быстрыми темпами увеличивался охват школами по ликвидации неграмотности лишенных свободы в других союзных и автономных республиках. Так например в Грузии число лишенных свободы, вовлеченных в школы для неграмотных, росло такими темпами (в процентах):

	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
По всем местам лишения свободы республики	100	235,7	283,7	334,7	607,1	840,8

Более слабый рост учащихся в школах ликбеза дают места лишения свободы БССР:

	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.
По всем местам лишения свободы БССР	100	114,4	111,4	127,3

Небольшой темп роста в БССР учащихся в школах ликбеза объясняется в значительной мере тем, что в эти годы учебой были охвачены все неграмотные в ущерб малограмотным, большая часть которых не посещала школы.

Решение ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1929 г. о том, что «1929/30 г. должен быть годом решительного выравнивания всего фронта социально-культурной работы с новыми количественными и качественными задачами хозяйственного строительства», вызвало усиление работы по ликвидации неграмотности и в местах лишения свободы.

Июнь-июль 1930 г. принес с собой новый, мощный подъем в борьбе за грамотность во всей стране. XVI съезд партии в революции «О задачах профсоюзов в реконструктивный период» дал четкие и ясные установки в деле развертывания культурной работы и политического воспитания масс.

Эта задача должна была стать программой также и для всей политико-воспитательной работы среди лишенных свободы и в частности программой борьбы с неграмотностью.

Осуществление этого решения XVI съезда совпало для советских исправительно-трудовых учреждений с тем переломным моментом в их деятельности, когда, с одной стороны, этим учреждениям были поставлены новые задачи в связи с общими задачами социалистического строительства, с задачами осуществления пятилетки в четыре года, а с другой создавалась более прочная, чем до того, материальная база для развертывания политико-воспитательной работы. Переход всей системы исправительно-трудовых учреждений на самоокупаемость и на хозрасчет, включение производственных и сельскохозяйственных предприятий мест лишения свободы в общее хозяйство страны, введение плановости в работу этих предприятий, внедрение социалистических методов в организацию труда лишенных свободы потребность мест лишения свободы в новых кадрах квалифицированных рабочих для собственных развертывающихся предприятий и задача превращения бывших правонарушителей в будущих активных и сознательных участников социалистиче-

ского строительства,— все это требовало более углубленного подхода к работе по повышению квалификации лишенных свободы, требовало ознакомления их со сложными производственными процессами, с машинами, станками и более сложными приемами работы. А все это предполагало в свою очередь, как основу, обучение лишенных свободы прежде всего грамоте.

Ликвидация неграмотности стала боевой задачей политико-воспитательных частей мест лишения свободы.

Как осуществлялась она после XVI съезда ВКП(б), видно из следующих цифр (в процентах):

Где обучались	Обучалось		Окончило	
	1930 г.	1931 г.	1930 г.	1931 г.
В школах неграмотных и малограмотных	100	136,1	100	223,5

Число окончивших школы неграмотных и малограмотных выросло в 1931 г. по хозяйству с 1930 г. более чем на 100%.

Аналогичные цифры дают и остальные союзные республики. Так например на Украине (цифры приведены в процентах):

	1930 г.	1931 г.
Обучалось в школах	100	247,3
Окончило школы	100	150,2

Царская Россия оставила в наследие советским исправительно-трудовым учреждениям мрачные, большей частью старые, тюремные здания. В этих зданиях, вообще негодных для развертывания советских исправительно-трудовых методов работы, часто вовсе не было никаких школьных помещений, а имевшиеся помещения были недостаточны. История первых лет работы политико-воспитательных частей — это в значительной степени история борьбы за помещения для школ, для библиотек, для читален.

Эти внешние препятствия в основном преодолены.

Во многих местах лишения свободы школьные помещения переоборудованы или даже заново построены. Школьные помещения оборудованы учебными пособиями, обставлены необходимой мебелью, оживлены экспонатами производства, образцами художественного творчества лишенных свободы, стенными газетами, плакатами, лозунгами, фотографиями и т. д. Во всех исправительно-трудовых колониях, где это только возможно, школьные занятия происходят летом на воздухе, на прогулочных дворах, не похожих уже на царские каменные мешки, украшенных зелеными насаждениями, потерявших свой тюремный облик.

К отсутствию помещений присоединилось отсутствие оборудования, большая текучесть лишенных свободы, слабость педагогических кадров. И все же, несмотря на эти препятствия, нет в СССР такого места лишения свободы, в котором не было бы школы. Число школ растет, и самые школы крепнут и расширяются.

Ведя эту работу, необходимо было преодолевать ошибочные установки, рассматривавшие ликвидацию неграмотности как нечто самодовлеющее, оторванное от всего процесса исправительно-трудового воздействия. Борьба с этими установками связывалась с борьбой за кадры работников исправительно-трудового дела. Нога в ногу с общей политикой советской власти по развертыванию строительства культур, национальных по форме и социалистических по содержанию, в советских республиках должна была итти и работа по ликвидации неграмотности среди лишенных свободы нацменов.

Партийные и советские директивы о борьбе за советскую школу сохраняли свою полную силу и в отношении мест лишения свободы в республиках, населенных народностями, угнетавшимися царским правительством, в особенности на окраинах, в бывших царских колониях. II всесоюзное партсовещание по вопросам народного образования (апрель 1930 г.) указывало, что «ряд народностей в области культурного развития находится позади основной массы населения СССР. Поэтому всемерное развитие культурно-политической работы среди этих национальностей является ответственнейшей задачей советской власти и коммунистической партии».

Эта задача с особой остротой вставала и в отношении нацменов лишенных свободы, преступления которых являются в известной мере результатом пережитков царского прошлого, результатом искусственно насаждавшейся темноты, невежества, предрассудков, суеверия и диких обычаев, влияния духовенства и вековой эксплоатации со стороны баев.

В ряде национальных республик и областей, где борьба за грамотность развертывалась и протекала в условиях непрекращающейся ожесточеннейшей классовой борьбы, эта борьба была не только борьбой за новую советскую школу, но и борьбой за советскую власть. Классовая борьба переносилась и в места лишения свободы и делала вдвойне трудной политико-воспитательную работу в среде, где число неграмотных доходило до 60, 80 и 90%.

Несмотря на все эти трудные условия, в поход за ликвидацию неграмотности втянулись все окраинные республики. В делах исправительно-трудовых учреждений этих республик можно найти немало документов, свидетельствующих о достигнутом еще в 1923-24 г. единстве содержания и методов работы по борьбе с неграмотностью среди всего населения и среди лишенных свободы. Эти же документы показывают, что в области борьбы с неграмотностью среди лишенных свободы национальные республики не только правильно переносили на свою почву мероприятия, проводимые в крупных и передовых республиках, но и проявляли инициативу в применении новых методов, стимулирующих усиленную ликвидацию неграмотности.

Характерно заключенное в том же году соглашение между Туркестанской чрезвычайной комиссией по ликвидации неграмотности и Туркестанским управлением местами заключения. В нем указывалось, что лишенные свободы, принадлежащие главным образом к местному населению, состоят на 90% из неграмотных. Места лишения свободы обязы-

вались отчислять 2% от доходных статей для культурно-просветительных нужд, причем половина всех отчислений должна была расходоваться исключительно на приобретение пособий для ликвидации неграмотности. Согласована была целая система всевозможных принудительных и поощрительных мер для поднятия посещаемости лишенными свободы школ грамотности. Так например лишенные свободы, обучавшиеся в школе неграмотности, освобождались на время занятий от работ, получали усиленный паек; наиболее успевающие премировались; прошедшие шестимесячный курс грамоты торжественно выпускались и т. д.

Эта система мероприятий, стимулирующих стремление лишенных свободы к ликвидации неграмотности, значительно помогала преодолевать специфические трудности, возникавшие в условиях отдельных национальных республик. Однако эти трудности, к которым в некоторых нацреспубликах присоединялись и иные (недостаточная, более слабая, чем в таких нацреспубликах, как УССР или ЗСФСР, материальная база, недостаток культурных сил, недооценка значения политико-воспитательной работы и др.), требовали больших усилий для их преодоления, замедляли темпы работы, вели подчас к отставанию ее.

Постановление ноябрьского пленума ЦК ВКП(б), решения XVI съезда ВКП(б) и вызванный ими мощный подъем в борьбе за грамотность во всем Союзе оживляюще отразились и на ликбезовской работе среди лишенных свободы в национальных республиках.

1932 год дает образцы четких выдержанных установок в школьной работе национальных республик.

Так как среди лишенных свободы, находящихся в местах лишения свободы РСФСР, имеется некоторое число нацменов, — надо было организовать политико-воспитательную работу среди них на их родном языке и в частности охватить и их ликвидацией неграмотности. Эта задача была со всей четкостью поставлена на Всероссийском совещании культработников мест лишения свободы (февраль 1932 г.). Совещание выработало ряд мероприятий к обслуживанию нацменов всеми видами культурно-бытовой работы на родном языке и даче им производственной квалификации по тем разделам промышленности, которая сейчас развивается в окраинных национальных республиках и областях. Эти мероприятия проводятся в жизнь.

Вместе с тем совещание постановило периодически созывать совещания руководителей союзных и автономных управлений по проработке национальных вопросов исправительно-трудовой политики.

Имеющиеся материалы по ликбезовской работе во всех союзных республиках показывают, что с каждым годом идет непрерывный рост, осуществляется более правильная организация обучения, перестраиваются отсталые участки, улучшаются кадры преподавателей, вводятся современные методы преподавания, улучшается школьная обстановка, ликвидация неграмотности включается в общий план ликбезовской работы, теснейшим образом увязывается со всей массовой производственной и культ-массовой работой и подкрепляется улучшением всех остальных областей полит-воспитательной работы среди лишенных свободы. Новые формы самодеятельности, социалистическое соревнование и ударниче-

ство находят применение и в системе обучения грамоте, повышая сознательность лишенных свободы, вызывая их собственную активность в борьбе с неграмотностью и позволяя и в этой отрасли политико-воспитательной работы все более заменять принудительную дисциплину самодисциплиной, самодеятельностью, самоорганизацией.

Указания XVI съезда ВКП(б) о том, что проведение всеобщего обязательного первоначального обучения и ликвидация неграмотности являются одной из решающих предпосылок культурной революции, проводятся и в местах лишения свободы, являясь одним из важнейших условий правильной организации всей системы работы наших исправительно-трудовых учреждений.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЛИШЕННЫХ СВОБОДЫ

В буржуазных учебниках тюрьмоведения, в тюремных инструкциях и в пенитенциарных кодексах капиталистических стран можно встретить немало утверждений о воспитательном значении труда заключенных, об исправлении бывших преступников при помощи трудового воспитания, о значении труда как метода, при помощи которого заключенный может получить знания и навыки, необходимые для его возвращения, после освобождения, к «честной» жизни. Более того, в буржуазной литературе, особенно в американской и германской, нередки теоретические исследования, в которых с самым серьезным видом ставятся на разрешение проблемы организации труда заключенных и обучения их трудовым навыкам.

Лицемерие и бесплодность всех таких рассуждений в условиях капитализма очевидны. В странах, где безработица — постоянное и неизбежное явление, где даже большая часть окончивших высшие технические заведения не может найти себе работы, где тысячи старых, опытных инженеров выбрасываются на улицу, где обывательские предрассудки в отношении бывших заключенных поддерживаются буржуазной моралью, — можно ли в таких странах серьезно и без лицемерия говорить о профессионально-техническом образовании заключенных, о получении ими по выходе на свободу работы в качестве высококвалифицированных рабочих. Если к этим соображениям прибавить, что в тюрьмах капиталистических стран, в силу запрещения тюрьмам конкуренции с вольной промышленностью, предприятия в лучшем случае оборудованы устаревшими станками, а обычно представляют собою самые элементарные кустарные мастерские, в которых не может быть и речи о получении серьезной квалификации, то станет ясно, что все теоретические рассуждения об исправлении в буржуазных тюрьмах заключенных при помощи труда, об их профессионально-техническом образовании нежизненны, лицемерны, фальшивы.

Неудивительно поэтому, что даже отдельные буржуазные тюрьмоведы с большим скептицизмом относятся к труду заключенных в буржуазных тюрьмах. Достаточно указать на Гобгоуза и Броквея в Англии или Громана в Германии, отрицающих возможность приобретения в буржуазных тюрьмах профессии, которая была бы применима по

освобождении. «Несложным профессиям, — говорит Громан, — заключенный может научиться. Он научается ставить заплатки, мыть полы, быть может немного садоводству, кормить свиней, некоторым фабричным приемам. Но это небольшие достижения... На основании опыта я могу утверждать, что 75% приобретенных в тюрьмах знаний не используются».

Совершенно иначе обстоит дело в советских республиках. Мысль о необходимости вооружения лишенных свободы квалифицированными навыками появилась в РСФСР сейчас же после образования летом 1918 г. Карательного отдела Народного комиссариата юстиции. Уже в одном из первых распоряжений Карательного отдела можно найти такие установки по вопросу об обучении лишенных свободы квалифицированным навыкам, которые полностью сохраняют свое значение до наших дней. В циркуляре от 7 августа 1918 г. говорилось: «Принимая во внимание, что, выйдя на волю, заключенный попадает в современную обстановку, требующую квалифицированных рабочих, по крайней мере хорошо обученных работе на станках, Карательный отдел считает недопустимым, чтобы заключенных заставляли работать на станках, ставших давно уже достоянием истории, а равно считает нежелательным обучение заключенных кустарным ремеслам.

Одна из главных задач инструкторов и руководителей работами состоит в том, чтобы отбывший наказание мог найти применение приобретенных знаний без излишних затруднений. Из тюрем люди должны выходить в жизнь вооруженными знаниями, иначе их опять утянет на дно неприспособленность к нормальным способам существования».

Таковы были наши установки с самого начала пролетарской революции. Реконструктивный период с его блестящими победами на фронте социалистического строительства обеспечил все необходимые условия для осуществления этих установок во всей полноте.

Однако это произошло не сразу, ибо хотя в местах лишения свободы и были в период «военного коммунизма» отдельные агрокурсы, профессионально-технические школы и т. д., они не представляли собой той основной линии, по которой шло трудовое воспитание лишенных свободы. Деятельность их проходила вяло, они не оказывали влияния на весь строй жизни места лишения свободы. На производстве лишенные свободы, как правило, также не получали достаточной квалификации; возможность получения производственного опыта зависела от собственной инициативы лишенного свободы, от его собственной энергии и ловкости.

Только в реконструктивном периоде были полностью обеспечены те предпосылки, которые обусловливали возможность и необходимость развития профессионально-технического образования лишенных свободы.

Изжитие безработицы и потребность промышленности и сельского хозяйства в квалифицированной рабочей силе поставили места лишения свободы перед задачей: из бывших правонарушителей готовить кадры квалифицированных рабочих для социалистической промышленности и сельского хозяйства. Рост собственных предприятий мест лишения свободы, невозможность обслуживания их вольнонаемными инструкторами,

мастерами и подмастерьями заставили исправительно-трудовые органы озаботиться подготовкой собственных кадров. Переход мест лишения свободы на самоокупаемость; развитие производства и рост доходов всей системы исправительно-трудовых учреждений давали возможность создания необходимой материальной базы для организации профессионально-технического образования.

В ряде принципиальных документов 1929 и 1930 гг. ставится вопрос о развитии профессионально-технического образования среди лишенных свободы.

Созванное в июле 1929 г. Московское областное совещание работников учебно-воспитательных частей дало развернутую программу развития профессионально-технического образования в реконструктивном периоде.

Постановление совещания работников административных отделов в феврале 1930 г. в резолюции по докладу т. Шестаковой подчеркнуло необходимость развития профессионально-технического образования в условиях величайшей социалистической стройки.

Постановление правительства РСФСР о состоянии культпросветработы в местах лишения свободы от 20 марта 1930 г. требовало развития «профессионально-технического образования заключенных применительно к существующим производственным предприятиям (профессионально-технические, сельскохозяйственные и др. курсы)».

И в УССР в 1930 г. начинают издаваться принципиальные распоряжения об организации профессионально-технических курсов.

1929 г. приносит профессионально-техническому образованию и необходимые средства. В РСФСР постановлением СНК от 4 мая 1929 г. устанавливаются ½-процентные отчисления от оборота рабочих частей мест лишения свободы на расходы по организации профессионально-технического образования.

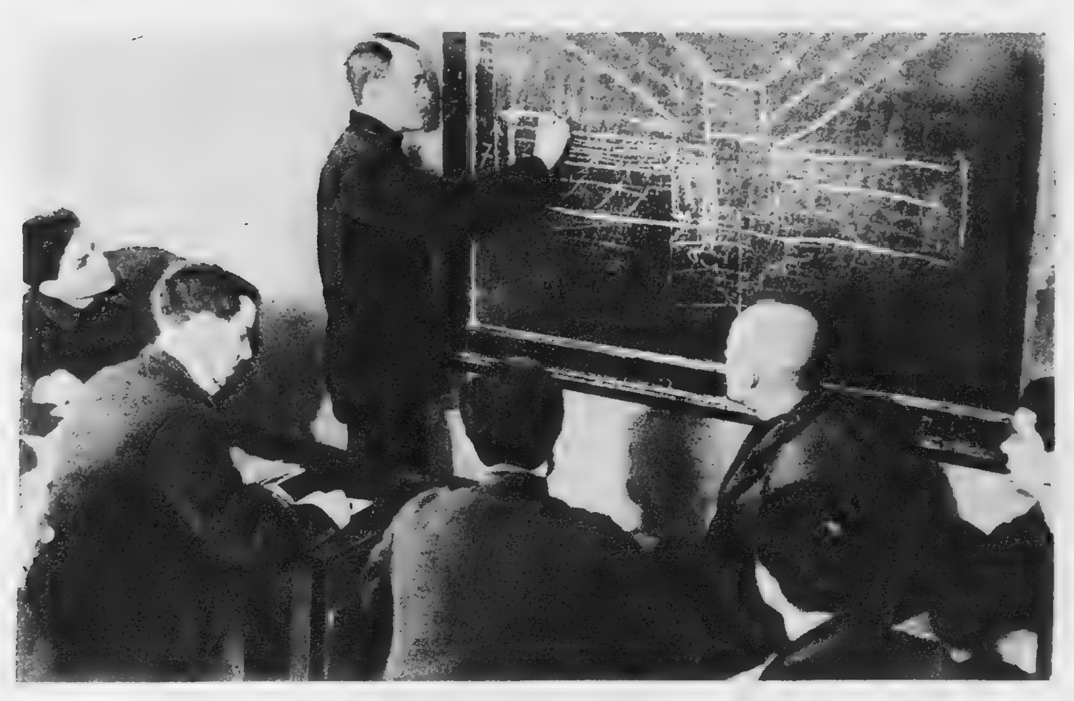
И если тем не менее произведенные в 1929 и 1930 гг. первые шаги в области профессионально-технического образования среди лишенных свободы были недостаточно уверены и крепки, то это объясняется главным образом новизной дела и неподготовленностью системы исправительно-трудовых учреждений к разрешению этой задачи в полном объеме.

Этому мешало в эти годы и увлечение борьбой за самоокупаемость, отнимавшей все силы, все внимание, всю энергию местных работников.

Только в 1931 г. в РСФСР, в УССР и в других союзных республиках профессионально-техническое образование крепнет, организовывается по-новому, с новым содержанием, с новыми масштабами, по строго намеченному и проводимому плану, достигая значительных успехов.

Насколько широко ставилось в 1931 г. профессионально-техническое обучение, видно из контрольных цифр этого года. По местам лишения свободы РСФСР было намечено выпустить 4 000 окончивших профессионально-технические курсы. УССР сразу же взяла большие масштабы и при значительно меньшем числе лишенных свободы наметила в 1931 г. выпуск 4 500 чел. В остальных союзных республиках контрольные цифры значительно меньше (например в БССР —

РСФСР. Краснодарская фабрично-трудовая колония. Раздача учебных пособий

РСФСР. Лефортовская фабрично-трудовая колония. На уроке математики

УССР. Харьковская фабрично-трудовая колония. Политехнический кабинет

УССР. Харьковская фабрично-трудовая колония. Выставка работ профессионально-технических курсов

БССР. Сельскохозяйственная колония «Воля». Курсанты тракторных курсов на практических занятиях

РСФСР. Сокольническая фабрично-трудовая колония. Курсанты тракторных курсов на практических занятиях

РСФСР. Лианозовская заводская колония (кирпичный завод под Москвой). Лишенные свободы за установкой громкоговорителя

УССР. Киевская фабрично-заводская исправительно-трудовая колония. Слушают концерт. Передает Москва

1 000 чел.), что объясняется частью значительно меньшим числом лишенных свободы, а частью и тем, что в этих республиках развертывание профессионально-технического образования началось позже.

Плановое начало было распространено как на набор курсантов, так и на их распределение. При планировании распределения учитывались двоякого рода моменты: потребность самих мест лишения свободы в квалифицированных рабочих и потребность каждого края (области). Исправительно-трудовым учреждениям было предложено заключить договоры с промпредприятиями и сельскохозяйственными объединениями на подготовку необходимой для них рабочей силы с тем, чтобы окончившие курсы освобождаемые лишенные свободы, — конечно в случае их желания, — в плановом порядке поступали на предприятия. Такой порядок практикуется не только в РСФСР. Он применяется также в УССР, в БССР и др. Этот порядок имеет еще и то преимущество, что он обеспечивает контроль и инструктаж, а иногда и денежную помощь и помощь оборудованием со стороны предприятий-контрагентов.

Огромным преимуществом договорной системы явилась возможность прохождения лишенными свободы курсантами производственной практики на предприятиях-контрагентах.

Администрация предприятий и заводская общественность прекрасно принимают в свою среду окончивших курсы и освобожденных лишенных свободы. В УССР Всеукраинским советом профсоюзов дана директива об организации на заводах шефских бригад над бывшими правонарушителями для закрепления их производственных навыков и т. д.

Десятки писем бывших лишенных свободы рисуют прием их на завод. Одна из бывших лишенных свободы пишет: «Совершилось то, чего я так хотела. Придя на завод и показав свою справку, я думала, что мне откажут, но т. М. принял меня очень хорошо. Он говорил со мной как добрый товарищ. Мне поручили управление паровым молотом. Я очень довольна своей работой». Другой бывший лишенный свободы рассказывает в своем письме: «Когда меня посылали на завод, я думал, что это даст только повод к издевательству. Но я ошибся. Меня приняли в свои ряды. До помещения в колонию я был совсем неграмотный, но я не только научился грамоте и разным предметам, но я понял, к чему я должен стремиться. Теперь я буду итти в ногу с передовыми рабочими. Меня подняли и поставили в ряды трудящихся. К старому возврата больше нет».

Плановость осуществляется и в выборе специальностей профессионально-технических курсов. 1930 г. был последним годом, когда в этом отношении господствовал самотек.

Конечно характер курсов в значительной мере определяется характером имеющихся в месте лишения свободы производств или уклоном сельскохозяйственных колоний. На выбор характера курсов влияет также потребность тех предприятий, с которыми заключаются договоры. Наконец этот характер предопределяется и экономикой районов, в которых расположены места лишения свободы. На основе учета всех этих моментов составляется определенный план. Так например в РСФСР в 1932 г. было запроектировано подготовить на профессионально-техни-

ческих курсах для лишенных свободы: металлистов — 1 334, деревообделочников — 2 593, трактористов — 2 085, сельскохозяйственных рабочих — 2 291, силикатчиков — 845, стройрабочих — 525, по торфделу — 405, лесозаготовщиков — 807, счетных работников (преимущественно для колхозов) — 695 и т. д. В УССР, где большое развитие получили сельскохозяйственные и строительные колонии, характер специальностей еще разнообразнее. Здесь можно встретить бетонщиков, арматурщиков, каменщиков, огородников, садоводов, скотоводов, кролиководов, работников рыбных промыслов и пр. БССР имеет в этом отношении также свои особенности, и здесь мы находим курсы портных, наборщиков, электромонтеров, силикатчиков и др.

Характер профессионально-технических курсов для лишенных свободы разнообразен. В РСФСР имеются профессионально-технические и подготовительные для производства курсы (занятия по предварительной квалификации). В УССР основным видом профессионально-технического образования являются массовые целевые курсы. То, что в РСФСР осуществляют подготовительные для производства курсы, в УССР выполняют школы для малограмотных, политехнизированные и технизированные. Введенные в УССР в 1932 г. двухмесячные подготовительные к профессионально-техническим курсам группы не оправдали себя на практике и слились со школами для малограмотных.

Что касается сроков обучения, то в РСФСР вначале были намечены два срока: 6 и 12 месяцев (т. е. от 600 до 1 152 учебных теоретических часов и от 1 152 до 2 300 часов практической работы). Но из-за кратких сроков лишения свободы и частого применения досрочного освобождения 12-месячные курсы оказались нежизненными, а 6-месячные, наоборот, комплектовались по нескольку раз в год и утвердились как наиболее рациональный тип курсов. В УССР начали, наоборот, с трехмесячных курсов, увеличили срок до 4 месяцев и остановились также на 6 месяцах. Только для сельскохозяйственных курсов остался трехмесячный срок обучения.

Организация учебной среды в начале развертывания профессионально-технического образования представляла большие затруднения. В этом вопросе со всей силой сказывалась прежняя оторванность воспитательной работы от работы на производстве. Надо было приложить немало усилий для того, чтобы убедить некоторых местных работников в том, что исправительно-трудовое воздействие может дать благоприятные результаты только при условии единства трудового и политического воспитания.

Организация учебных кабинетов и учебных мастерских встречала большие затруднения. В РСФСР только некоторые крупные колонии сумели достаточно хорошо оборудовать такие кабинеты. В УССР все крупные колонии уже имеют свои физические кабинеты и приступили к организации технологических кабинетов. УИТУ УССР организовывает центральный кабинет, который будет иметь консультативный и учебно-показательный характер. В сельскохозяйственных колониях УССР идет усиленная подготовка к организации товароведческих кабинетов.

Учебные мастерские начали организовываться в РСФСР только с

1932 г., когда на это впервые были отпущены специальные средства. В целом ряде колоний Ленинградской области, Северокавказского края, Сибири и др. такие мастерские уже имеются.

Немало трудностей представили программы и учебные планы, так как составление их ложилось на исправительно-трудовые органы. Но уже к концу 1931 г. эти трудности были в основном преодолены. В УССР учебными программами обеспечено 90—95% специальностей. Программы согласованы с методическими органами Наркомпроса и ВСНХ. В некоторых случаях готовые программы приспособлялись к условиям мест лишения свободы. В УССР 1932 год дал ряд встречных планов, выдвинутых местами.

В качестве преподавателей выступают как лучшие из числа лишенных свободы, так и приглашенные для преподавания специалисты.

В РСФСР и в ряде других республик основной кадр преподавателей комплектуется из лишенных свободы. В УССР преобладает тенденция ориентироваться на вольнонаемных преподавателей. В некоторых колониях весь преподавательский состав приглашается со стороны и оплачивается в обычном порядке. Это устраняет случайность в выборе и частую смену преподавателей.

Большое значение при производственной работе курсантов имеет специальный инструктаж по группе систематически расположенных производственных операций. В УССР такой инструктаж занимает 66% учебных часов. К этим специальным часам инструктажа привлечены инструктора тех цехов, где работают курсанты. В сельскохозяйственных колониях к инструктажу привлекаются агрономы, а в строительных колониях — производители работ и техноруки.

Специальные профтехнические курсы организуются для рецидивистов-профессионалов. В буржуазных странах рецидивисты — враги общества и государства. В СССР им дают возможность стать в ряды участников и защитников социалистического строительства.

Однако в области профобразования имеется немало еще недочетов.

Во всех республиках отмечается слабое руководство профессионально-техническим образованием лишенных свободы со стороны местных органов просвещения. Недостаточно еще и участие советской общественности в этом деле. Принимаются поэтому меры, чтобы побудить центральные и местные профессиональные организации теснее увязаться с проведением профессионально-технического образования. В УССР местные политпросветы организованно ставят на заседания наблюдательных комиссий дела об условно-досрочном освобождении целых групп окончивших обучение курсантов. При этом создается торжественная обстановка, приглашаются представители местных партийных организаций и рабочей общественности.

Для того чтобы обеспечить выпуск профессионально-техническими курсами достаточно подготовленных рабочих, надо было вести проверку усвоения курсантами теоретического материала и практической работы. Это возложено на испытательные и квалификационные комиссии. В РСФСР в состав комиссий входят представители отделов

народного образования, профсоюзов, партийных организаций, соответствующих хозяйственных организаций и отдельных специалистов.

Учет дальнейшей судьбы освобожденных лишенных свободы, окончивших профессионально-технические курсы, крайне затруднителен. В РСФСР имеются отдельные сведения по этому вопросу, рисующие довольно благоприятную картину. Так например обучавшиеся в месте лишения свободы тракторному делу работают в совхозах и машинно-тракторных станциях. Некоторые стали инструкторами-бригадирами, а в отдельных случаях — организаторами и руководителями тракторных курсов в совхозах. Более подробные данные собраны в УССР, особенно в отношении курсантов, организованно переданных на заводы или в совхозы. Окончившие курсы немедленно принимаются на стройки, на фабрики, в совхозы, быстро перевариваются в рабочей среде, их прошлое совершенно сглаживается и уходит в область предания.

Развитие профессионально-технического образования и быстрый рост охвата профессионально-техническим образованием лишенных свободы требовали больших денежных ассигнований. Эти ассигнования растут с каждым годом. В РСФСР, по неполным, правда, сведениям, на подготовку квалифицированных рабочих в 1930 г. было израсходовано в среднем по 32 руб. на человека. В 1931 г. было израсходовано в среднем по 33 руб. на человека. На 1932 г. запроектировано (включая автономные республики и области) уже 70 руб. на человека. Увеличение стоимости подготовки идет за счет углубления работы и лучшей организации учебной среды, мастерских, кабинетов и т. п.

В УССР в 1931 году впервые были выделены специальные средства на профессионально-техническое образование в размере до 40 руб. на курсанта. БССР выделила на 1932 год на обучение по 57 руб. 50 коп. на человека.

Наиболее трудным и в то же время наиболее интересным участком работы по профессионально-техническому образованию лишенных свободы, сулившим и большие поражения и разительные, неведомые в капиталистических странах успехи, была работа с рецидивом.

В буржуазных странах человек, судившийся два раза и больше, безнадежно обречен. Жестокая закономерность буржуазного общества с железной необходимостью обрекает его на все новые и новые преступления. Обратный путь к труду закрыт для него навсегда. Отсюда огромные цифры рецидива в буржуазных тюрьмах: 50—60% в тюрьмах Германии, столько же во Франции, 80—85% в Англии.

Проблема рецидива, никогда не стоявшая с такой остротой в советских республиках, требовала однако и здесь своего разрешения. СССР — единственная страна, где эта проблема может быть разрешена.

Великая социалистическая стройка не закрывает своих дверей и для бывших рецидивистов. Надо только приучить их к труду и дать им такие общественно-производственные навыки, которых требует страна. Профессионально-техническое образование может эту задачу выполнить.

Убеждение в полной реальности этой задачи вызвало немало скептических суждений. Однако имеющийся уже опыт профессионально-

технического образования рецидивистов в РСФСР и в УССР дает право утверждать, что этот скептицизм неоснователен.

Прекрасные результаты дал опыт работы с рецидивистами в Нижнетуринской исправительно-трудовой колонии (Урал). В этой колонии в 1930 г. был проведен первый опыт сочетания профессионально-технического образования с работой на производстве. С каждым новым набором число рецидивистов-курсантов увеличивалось. В последнем наборе рецидивисты представляли уже преобладающую массу курсантов. На 6-месячных курсах рецидивисты проходят теоретическую учебу (по 11 предметам), а на производстве делаются часто лучшими работниками, бригадирами, застрельщиками ударничества и социалистического соревнования. Быстро изменяется их отношение к окружающим, к труду, к коллективу, к самим себе, к своему будущему, которое до того не мыслилось иначе, как в виде бесконечной цепи повторных преступлений. Переделка сознания становится реальным фактом. В газете «К трудовому общежитию» из Нижнетуринской колонии пишут: «На глазах люди перерождаются. Перед вами два портрета. Рецидивист до учебы: нагло самоуверен в своем кругу, среди «чужих» скептически-отрицательно и наплевательски смотрит на все и особенно на завтрашний день. Рецидивист после учебы: человек, у которого появились новые интересы, перед которым открылись новые перспективы; он серьезно деловит, инициативен, общителен, в глазах его самоуверенность человеческого достоинства. Это, конечно, только грубые, скупые штрихи портрета одного и того же человека» («К трудовому общежитию», № 9, от 31 марта 1932 г.).

Цифры охвата рецидивистов профессионально-техническим образованием в Нижнетуринской колонии велики и все более растут. В январе 1931 г. профессионально-технические курсы выпустили 128 квалифицированных рабочих, из которых 80 было направлено на работу в Тагильский комбинат. К началу августа 1932 г. в Нижнетуринской колонии 30% рецидивистов было охвачено профессионально-техническим образованием.

Нижнетуринская колония не одна. За ней последовали Владимирская, Лефортовская и др. колонии. На профессионально-технические курсы в Лефортовской колонии было вначале направлено 100 рецидивистов, а вскоре это число было доведено до 200 человек.

Выполнение промфинплана колонии в значительной мере было делом рук курсантов. Рецидивисты были увлечены волной ударничества и соревнования, борьбой за выполнение промфинплана.

Интересные опыты профтехнического образования рецидивистов были проделаны и на Северном Кавказе. В одну из открытых колоний было направлено для обучения на курсах трактористов 36 человек, которых до этого считали возможным содержать только в закрытых колониях. Из этих 36 человек бежало только 4, а 5 человек были отправлены администрацией обратно в закрытую колонию. Остальные окончили курсы, прошли практику в сельскохозяйственной колонии, проделали всю весеннюю посевную кампанию и были переданы на машинно-тракторные станции квалифицированными трактористами.

Не менее замечательные результаты достигнуты в УССР, в особенности в Одесской и Мелитопольской колониях. Профтехнические школы состоят здесь почти целиком из рецидивистов, которые вне условий советской исправительно-трудовой системы могли бы сорвать любую работу. А между тем эти две большие группы рецидивистов вступают между собой в соцсоревнование. Договор соревнования составлен ими глубоко и серьезно и захватывает все стороны учебы и быта.

В процессе обучения курсанты-рецидивисты на производстве и в быту вступают в среду трудовой части лишенных свободы. Вместо того, чтобы задавать, как прежде, дурной тон «тюремной жизни», они становятся примером для всей остальной массы и общими усилиями подрывают основы старого тюремного быта и романтики деклассированного существования.

Система и план занятий ничего специфического в себе не заключают. Учебная дисциплина поддерживается внутренней организацией курсантов, товарищеским судом, ячейкой нового быта, стенной и периодической печатью колонии. Курсовой комитет проводит общие собрания, на которых подвергается оценке работа школы и отдельных курсантов. На собраниях присутствуют иногда и делегаты от заводов, на которые поступают курсанты после их освобождения, а также представители других школ, обменивающиеся таким путем своим опытом.

Как быстро и резко изменяется сознание бывших рецидивистов, лучше всего иллюстрирует стенная газета курсантов. Занятая серьезными вопросами академической жизни, обсуждая вопросы производственного характера, она находит место для того, чтобы призвать к порядку недисциплинированных товарищей, которые «шалят» во время занятий, засыпают, исподтишка курят и считают, что в этом есть какое-то геройство. Бригада курсантов, не скрывающих своих фамилий, идя наперекор священным традициям старой тюремной этики, помещает за своими подписями списки лодырей и дезорганизаторов учебы.

Система доверия, подкрепленная длительной и успешной работой над человеческим материалом, играет огромную роль в перестройке сознания недавних рецидивистов. Стенгазеты курсантов сообщают о различных случаях, когда доверие дает прекрасные, весьма ценные педагогические результаты. Например, «4 июля наши профессионально-технические курсанты в количестве 107 человек снова работали на огороде промколонии. По распоряжению начальника колонии всякая охрана была снята и курсанты остались под наблюдением только начальника политико-воспитательного отдела. После работы курсанты под командой т. Ш. стройными рядами вернулись в промколонию».

Не менее интересна стенгазета «Верстак» от 26 июля 1932 г., посвященная кампании по уборке посевов, проведенной курсантами. 12 июля буксирная бригада курсантов из 80 человек направлена была в сельскохозяйственную колонию им. Ворошилова на полевые работы. Две недели продолжались работы на открытом поле, где была возможность в любой момент просто уйти куда угодно. Агроном колонии т. Ш. пишет, что он скептически отнесся к использованию, да еще в качестве буксирной бригады, рецидивистов-курсантов, незнакомых с сель-

скохозяйственной работой, но... «началась работа в поле. С первых же дней мои опасения и недоверие были разбиты вдребезги. Штурмовая буксирная бригада курсантов ликвидировала наш прорыв в уборочной кампании».

Начальник колонии в своем приказе писал по этому поводу: «Несмотря на то, что бригада составлена была из людей, которые в большинстве не работали на поле, она сумела в условиях сильного зноя показать образцы действительно ударной работы. Задания, которые возлагались на курсантов, выполнялись и перевыполнялись, и бригада своим энтузиазмом показала другим бригадам колонии путь к выполнению задания».

Таким образом профессионально-технические курсы — это не только учебная школа, но и школа нового отношения к обществу, к труду и к самому себе. Профтехкурсант — не только учащийся, но участник коллективных боев за производственную программу, за промфинплан. Штурмовой поход за хлеб, описанный выше, был проведен так, что заставлял забыть, что его участники — лишенные свободы рецидивисты Новый человек выковывается и в местах лишения свободы.

Часто задают вопрос: сколько человек бежит при таких штурмовых походах? Можно спокойно ответить: да, отдельные случаи побегов бывают, но это нисколько не ослабляет педагогического и общественного значения опыта. Бегство нескольких человек с лихвой искупается тем, что десятки и сотни бывших рецидивистов-профессионалов становятся в ряды участников социалистической стройки.

Для того чтобы обеспечить освобождаемым курсантам-рецидивистам такие условия работы, которые закрепляли бы достигнутые на профессионально-технических курсах и на производственной работе результаты, устанавливается связь между колонией и заводами. Администрация колонии, направляя на завод освобожденных курсантов, писала заводу: «Согласно нашей договоренности посылаем на ваш завод рабочих курсантов.., которые вливаются в ряды рабочих для осуществления огромных задач социализма. Мы надеемся, что затраченные нами усилия не пройдут даром. Но учитывая, что все курсанты-рабочие, посылаемые нами, еще вчерашние правонарушители-рецидивисты, которым, возможно, будет очень трудно отказаться от своих прежних привычек и стать на твердую почву, мы просим вас наблюдать за ними, изучать их. Материал очень сложен и богат. Он должен быть изучен и прослежен. Поэтому просим вас выделить специальную бригаду, которая выполняла бы эту задачу. Мы хотим получить сведения о том, как работают и ведут себя наши воспитанники, так как это чрезвычайно ценный материал для дальнейшего опыта в деле, которое мы проводим и которое должны углублять».

Такие обращения находят живой отклик. Так, станкостроительный завод имени Ленина ответил на аналогичное обращение: «Мы поставим ваших курсантов, которые пришли к нам, в такие производственные условия, чтобы они стали полезными работниками социалистического строительства. Администрация и вся общественность завода имени Ленина надеется поддерживать тесный контакт с вами и всех лучших

курсантов забирать к себе на производство, чтобы таким образом ваши курсы стали источником снабжения кадрами нашего завода».

Эти скромные, никому не известные обращения администрации колонии к заводам и ответы заводов являются замечательными документами нашей эпохи, немыслимыми ни в какой другой стране, кроме страны строящегося социализма. Они с изумительной яркостью подчеркивают всю принципиальную разницу между прошлым и настоящим, между загнивающим капитализмом и строящимся социализмом, между старыми царскими и современными буржуазными тюрьмами, с одной стороны, и советскими исправительно-трудовыми учреждениями — с другой.

Действительное развертывание профессионально-технического образования среди лишенных свободы возможно только в Стране советов. Только в Стране советов возможны и особое внимание и особая помощь даже в местах лишения свободы делу профессионально-технического образования нацменов, с полным учетом их национальных и культурно-бытовых черт на основе ленинской национальной политики, обеспечивающей полное равенство всех национальностей и братскую солидарность их в деле социалистического строительства СССР.

Эта область работы наших мест лишения свободы протекает по двум линиям: профессионально-техническое образование в местах лишения свободы, расположенных в национальных республиках и областях, и профессионально-техническое образование лишенных свободы нацменов, содержащихся в местах лишения свободы крупных республик — РСФСР, УССР и др.

В местах лишения свободы в окраинных национальных республиках, в которых переход от кустарного производства к индустриальному или только проходит или только недавно завершился, о развернутой организации профессионально-технического образования до последнего времени не приходилось говорить.

Так например в Грузии профессионально-техническое обучение проходит еще путем ученичества на предприятиях и прикрепления к квалифицированным мастерам (вольнонаемным или лишенным свободы) учеников из лишенных свободы. Такая примитивная форма, давно изжитая в крупных союзных республиках, доживает и здесь последние дни. И в окраинных национальных республиках ставится уже вопрос о плановой организации профессионально-технического обучения с таким его содержанием, которое соответствовало бы современным требованиям, предъявляемым к профессионально-техническому образованию.

В РСФСР вопрос о профессионально-техническом образовании нацменов, содержащихся в общих местах лишения свободы, был со всей четкостью поставлен в феврале 1931 г. на Всероссийском совещании культработников мест лишения свободы. В резолюции совещания по этому вопросу мы читаем: «Нацменов из трудящихся, содержащихся в общих местах заключения, не выделенных в административные единицы национальных районов, сконцентрировать в определенных культурных и промышленных пунктах в наиболее с производственной стороны благоприятных местах заключения, где бы они могли быть обслужены всеми видами культурно-бытовой работы на родном языке и получить

РСФСР. Лефортовская фабрично-заводская колония. Радиостудия

БССР. Минская фабрично-трудовая колония. Библиотека-читальня для лишенных свободы

УССР. Одесская промколония. Клуб для лишенных свободы

РСФСР. Таганский домзак. «Хлеб» Киршона в исполнении лишенных свободы. Постановка лишенного свободы Самбурова

производственную квалификацию по тем разделам промышленности, которая сейчас развивается в окраинных национальных республиках и областях».

На проведение профтехнического образования нацменов было в том же году ассигновано 300 000 руб. Однако в 1931 г. эта отрасль работы была слабо развернута местами, было охвачено профессионально-техническим образованием всего 265 нацменов, а окончило курсы только 147 человек. Опыт 1931 г. указал на трудности в работе с нацменами. Помимо некоторой недооценки этой отрасли профессионально-технического образования со стороны местных работников к трудностям присоединяется большой недостаток преподавателей, знающих национальные языки, слабая подготовка и неграмотность лишенных свободы нацменов, многочисленность языков и др.

На основе опыта 1931 г. был заново проработан план профессионально-технического образования среди лишенных свободы нацменов, были учтены особенности и возможности каждого края, его экономика, состояние промышленности, потребность в рабочей силе и т. п.

Говоря о профессионально-техническом образовании лишенных свободы, нельзя не остановиться на значении участия в этом деле общественности, главным образом фабрично-заводской. Выше были отмечены некоторые формы такого участия: участие представителей общественности в работе профессионально-технических курсов, инструктаж курсантов, создание заводской общественностью благоприятных условий для работы освобожденных курсантов, организация шефства над курсантами и пр. К сожалению, эти формы участия общественности приняты далеко не всюду. Между тем они являются одной из предпосылок успешности развертывания профессионально-технического образования и обеспечивают закрепление работы, проделанной с курсантами в месте лишения свободы. Этот последний момент является решающим. Опыт показывает, что на тех фабриках и заводах, где рабочая общественность радушно встречает освобожденных лишенных свободы, помогает им войти в рабочую среду, помогает в работе в новых условиях, оказывает им содействие в получении жилья и т. д., там все бывшие лишенные свободы входят равноправными членами в трудовой коллектив и скоро теряют всякую связь со своим прошлым. И наоборот, там, где общественность не интересуется дальнейшей судьбой бывших лишенных свободы, — там неизбежны срывы, неизбежна неустойчивость, уход с завода и возвращение к преступному прошлому.

Вот почему участие общественности в осуществлении профессионально-технического образования среди лишенных свободы во время отбывания ими лишения свободы и после освобождения является одним из основных условий успешности борьбы за этот важнейший участок переделки недавнего преступника в труженика социалистического общества.

Д. Стельмах

БИБЛИОТЕЧНАЯ РАБОТА В ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ СССР

«Просветительная» деятельность в дореволюционной, царской тюрьме, строившаяся под углом зрения духовно-нравственного воздействия на заключенного, воспитания в нем любви к богу и чувства покорности к строю, основанному на частной собственности, находила свое полное отражение и в библиотечном деле.

Священник был главным проводником «культуры» в тюрьме. В тюрьму был запрещен доступ книгам, «которые по своему содержанию противны религии, правительственному строю и общественному порядку, а также доброй нравственности...». Библиотеки, чтения и беседы в тюрьмах неразрывно были связаны с ролью священника и являлись орудием в его руках. Это положение обусловливало и содержание книжного фонда тюремных библиотек. В примерных каталогах для тюремных библиотек[1], открывающихся религиозно-нравственным отделом, на первом месте — евангелие, библия, жития святых и т. д. Исторический отдел включает книги о князьях, царях, патриархах, войнах и подвигах «за веру, царя и отечество», общественные науки и философия представлены книгами о значении христианства для воспитания, о нравственных обязанностях человека и т. д., а в беллетристике мы находим патриотические романы Загоскина, сусальные повествования Аксакова и Засодимского, исторические рассказы Данилевского, повести Карамзина, повести и рассказы Сенкевича и т. д. Каталоги исключали названия книг, проводящих хоть в какой-либо степени либеральные идеи и настроения, не говоря уже о революционной и марксистской литературе.

Изгонялись даже публицистические письма и заметки Льва Толстого, такие рассказы Гаршина, как «Четыре дня», «Трус», романы Арцыбашева, ряд произведений Пушкина, рассказы Серафимовича, повести Степняка-Кравчинского, произведения Ницше и т. д.

Затраты на церкви и священников в царской тюрьме во много раз превосходили затраты на школы и библиотеки. Расходы специально на книги в местах тюремного ведомства отсутствовали.

Ассигнования на библиотеки предусматривались из так называемых экономических сумм, получаемых в результате благотворительной и

[1] «Тюремный вестник» 1910 г., стр. 1094—1115.

хозяйственной деятельности «Общества попечительного о тюрьмах». По данным, опубликованным в отчете по Главному тюремному управлению за 1913 г.[1], израсходовано в 1913 г.:

На содержание духовенства и церковные нужды	151 230 р. 18 к.
На содержание учителей и би лиотекарей	11 128 р. 36 к.
На содержание школ и библиотек	14 112 р. 18 к.

Таким образом стоимость содержания духовенства в 6 раз превышала стоимость содержания учителей, библиотекарей, школ и библиотек.

Профессор Гаген в своей статье «Духовно-нравственное и просветительное воздействие на заключенных»[2], утверждая, что «в цикле мер воздействия на их (заключенных.—*Д. С.)* психику религиозное просвещение играет конечно самую важную роль» и что «проповеди священника безусловно необходимы для заключенных», и доказывая, что «для арестанта религия безусловно нужна как средство очищения его совести, примирения его с собой, с той тяжелой обстановкой, в которой он очутился, с обществом, которое временно исторгло его из своей среды, наконец как поддержка его надежды на лучшее будущее», приводит характерные цифровые данные. По этим данным в царской России в 1911 г. имелось 390 тюремных церквей со штатом в 662 священника, диакона и псаломщика. Тюремных библиотек было организовано 495. Из них только 75 имели особое помещение, а 420 библиотек помещений не имели. В библиотеках имелось 71 608 названий и 262 005 томов. Израсходовано за год на эти библиотеки 16 600 р., т. е. в 14 раз меньше, нежели на духовенство.

Если принять во внимание отмеченный уже характер книжного фонда, а также что подавляющая масса библиотек не имела помещений, что библиотеки в большинстве своем были карликовые по размеру (в среднем на каждую приходилось 529 томов), что из 16-тысячной сметы на долю одной библиотеки приходилось только 33 р. 50 к. в год, что наконец условия пользования книгами были втиснуты в рамки тюремной регламентации и что в частности газеты и журналы по правилам, изданным Главным тюремным управлением в 1916 г., могли выдаваться для чтения лишь по истечении 12-месячного срока со дня выхода их в свет, — перед нами рельефно предстанет все убожество этих поповско-полицейских библиотек[3].

Совершенно иное значение имеет книга в советских местах лишения свободы. Роль книги определяется здесь принципами советской исправительно-трудовой политики. Книга расценивается как одно из наиболее мощных орудий исправительно-трудового воздействия на правонарушителей, «как средство политического воспитания, овладения ими производственно-техническими навыками, приобретения квалификации в различных отраслях труда, поднятия культурного уровня и

---

[1] «Тюремный вестник», 1914 г. Прил. № 12, стр. 128—129.
[2] «Тюремный вестник», 1913 г. № 8—9, стр. 1216.
[3] См. Тюремную инструкцию за 1916 г., ст. 259.

11*

включения их на этой основе в трудовой коллектив строителей социализма»[1].

На смену библии и евангелию пришла актуальная политическая книжка. В библиотеке почетное место заняли книги по таким дисциплинам, как диалектический материализм, история партии, история рабочего движения, советское право и т. д. Жизнеописания царей заменил технический учебник. Место выброшенного беллетристического хлама заняли лучшая дореволюционная классика и произведения пролетарской литературы. Карликовые и не имеющие пристанища библиотеки сменились внушительными книжными фондами, от 2 до 10 тыс. томов каждый, расположенными в специальных помещениях.

Одним из первых мероприятий учрежденного вместо Главного управления местами заключения в мае 1918 г. Центрального карательного отдела Народного комиссариата юстиции было устройство центрального книжного склада, откуда производилась рассылка книг по местам лишения свободы. По данным отчета ЦКО VII съезду советов через этот склад к концу 1919 г. прошло 30 000 томов, и с этой цифры начала советская исправительно-трудовая система свою библиотечную работу.

Сведения о количестве книг в библиотеках мест лишения свободы СССР в первые годы революции отсутствуют. Быстрый рост книжного фонда в этот период мало вероятен, если принять во внимание протекавший процесс организации и формирования библиотек, при невозможности использования в условиях советских мест лишения свободы подавляющей части книжного фонда дореволюционной тюрьмы. В протоколах I всероссийского съезда заведующих губернскими карательными отделами в 1920 г. и в отчете НКЮ по Центральному отделу VIII всероссийскому съезду советов[2] имеются лишь указания, что «библиотеки существуют почти во всех местах заключения»[3].

Число книг в исправительно-трудовых учреждениях СССР, по данным на 1 января 1932 г., было следующее:

РСФСР	
По 14 краям и областям	501 814
По 7 автономным республикам	35 081
Всего по РСФСР	536 895
Украинская ССР	126 575
Белорусская ССР	19 798
Закавказская федерация:	
Грузинская ССР	7 884
Армянская ССР	5 585
Азербайджанская ССР	3 946
Всего	700 683

[1] Библиотечная инструкция ИТУ РСФСР 1932 г.
[2] «Тюремное дело в 1920 г.».
[3] «Материалы НКЮ», вып. VIII, 1920 г., стр. 39.

Если принять во внимание, что отсутствуют данные по 5 автономным республикам РСФСР и по 3 союзным среднеазиатским республикам (Узбекская, Туркменская и Таджикская ССР), то следует притти к заключению о довольно внушительных размерах книжного фонда мест лишения свободы.

Характерен быстрый рост книжного фонда мест лишения свободы и соотношение в нем удельного веса отдельных видов литературы:

РСФСР (территория нынешних 14 краев и областей)

	На 1 октября 1923 г.	На 1 октября 1927 г.	На 1 января 1932 г.
Всего книг	124 460	337 440	501 814
Из них:			
политических	—	86 776 (25,7%)	151 931 (30,3%)

Удельный вес производственно-технической литературы равен (по тем же краям и областям) 17,1% (85 631 — 501 814).

Украинская ССР

	1925/26 г.	1928/29 г.	1930/31 г.
Всего книг	40 472	74 661	126 575
Из них:			
политических	12 159 (30%)	20 115 (26,9%)	24 493 (19,4%)
производственно-технических	11 768 (29,1%)	24 466 (32,8%)	66 015 (52,1%)

Белорусская ССР

	На 1 января 1928 г.	На 1 января 1932 г.
Всего книг	9 000	19 798
Из них:		
политических	—	7 456 (37,7%)

Закавказская федерация

	1921 г.	На 1 января 1928 г.	На 1 января 1932 г.
Грузинская			
Всего книг	—	7 200	7 884
Из них: политических	—	2 850 (39,6%)	3 326 (42,2%)
производственно-технических	—	1 850 (25,7%)	2 610 (33,1%)
Азербайджанская			
Всего книг	—	—	3 946
Из них: политических	—	—	1 060 (26,9%)
производственно-технических	—	—	782 (19,8%)
Армянская			
Всего книг	2 000	4 500	5 585

Цифры свидетельствуют о большом и все возрастающем удельном весе политической и производственно-технической книги в общей книжной массе мест лишения свободы. Если в первые годы после революции в библиотеках мест лишения свободы преобладала беллетристика, то в течение последних лет в связи с углубляющейся политической работой и развертыванием профессионально-технического образования через сеть соответствующих школ и курсов политическая и производственно-техническая литература заняла от 60 до 70 процентов книжного фонда, и только от 25 до 30 процентов приходится на долю беллетристики. Некоторое исключение представляет Украина. Политическая литература при быстром ее росте в абсолютных цифрах снижается в процентном отношении за счет резкого повышения количества технической литературы.

Распределение книжного фонда по отдельным местам лишения свободы неравномерно. При недостаче книг в одних местах (число которых все же невелико) имеются прекрасные не только по качеству, но и по количеству библиотеки в других. Так, Таганский домзак в Москве имеет 12 000 томов, Ленинградский домзак (быв. «Кресты») — 8 000 томов, 2-я ленинградская колония — 7 000 томов, Волосовская сельскохозяйственная колония — 6 500 томов. Детскосельская школа ФЗУ для несовершеннолетних правонарушителей — 6 000 томов и т. д. Большинство библиотек расположено в специально оборудованных помещениях и имеет при себе читальни.

Все же общее число книг в местах лишения свободы СССР на 1932 г. нельзя еще признать достаточным. Есть места, в которых приходится только 3-4 книги на человека.

Проведенный в 1930-31 гг. исправительно-трудовыми учреждениями РСФСР, по инициативе республиканской газеты лишенных свободы «К трудовому общежитию», по плану и директивам Главного управления местами заключения и Наркомпроса, субботник книги помимо своего организующего и воспитательного значения как массовой политической кампании сыграл громадную роль в деле обновления и пополнения книжного фонда мест лишения свободы.

На покупку книг для библиотек мест лишения свободы был обращен заработок одного дня, добровольно отработанного всеми лишенными свободы республики. Отработка происходила в атмосфере большого подъема. Материальный эфект субботника, по данным на 1 января 1932 г., определился в сумме 99 054 р. 92 к.

Исключительно важную роль в проведении субботника сыграла газета «К трудовому общежитию» — инициатор и один из организаторов субботника. Опыт субботника себя оправдал и заслуживает повторения в будущем.

В соответствии с требованиями национальной политики советской власти большое внимание уделяется комплектованию библиотек для лишенных свободы литературой на языках национальных меньшинств. Можно с уверенностью сказать, что во всех местах, где имеются хотя бы и небольшие группы лишенных свободы националов, они имеют возможность получить книжку на своем родном языке из небольших на-

циональных библиотек или национальных отделов в общих библиотеках. Снабжение мест лишения свободы национальной литературой происходит как непосредственно на местах, так и в централизованном порядке.

Составленный ГУИТУ РСФСР, развернутый по краям, областям и автономным республикам, план организации и укомплектования национальных библиотек в местах лишения свободы РСФСР на 1932 г. дает следующие итоговые цифры:

На скольких языках надо укомплектовать и организовать библиотеки	Сколько книг в нац. библ. уже есть	Необходимо приобрести		Из намеченного к приобретению количества			
				приобретается на местах		распределяется в централизованном порядке	
		томов	на сумму	томов	на сумму	томов	на сумму
44	9 642	63 474	79 342 р. 50 к	36 459	45 573 р. 75 к.	27 015	33 768 р. 75 к.

Распределяемая в централизованном порядке литература разбивается по отраслям знания следующим образом:

Политических книг	7 033 — 26,0%
Производственно-технических	7 936 — 29,4%
Научно-популярных и учебных	3 502 — 13,0%
Беллетристики	8 544 — 31,6%
Всего	27 015 — 100%

Как видно из этой разбивки, главный упор делается на политическую и профтехническую книгу, т. е. и здесь находит отражение общая система комплектования библиотек для лишенных свободы книгой, способствующей внедрению политических знаний и овладению производственными навыками. Следует заметить, что приведенный план, рассчитанный на 63 474 тома, не является исчерпывающим, так как он охватывает кроме 11 краев и областей, где требуется национальная литература, лишь 10 автономных республик из 12, или 91,3%. Небольшое сравнительно количество национальной литературы, имевшейся к моменту составления плана (9 642 книги), объясняется тем, что она относится только к 11 краям и областям, представленным в плане. План на 63 474 тома является минимальным не только потому, что он неполный, но и потому, что начавшаяся практика комплектования по этому плану, построенному в денежном отношении из расчета 1 р. 25 к. за книгу, показывает большое превышение числа томов в пределах установленного денежного лимита. В дальнейшем комплектование библиотек для лишенных свободы национальной литературой будет происходить регулярно, одновременно с общим комплектованием.

Библиотеки находятся в ведении политико-воспитательных частей и работают на правах секторов культсоветов лишенных свободы или политико-воспитательных частей, в зависимости от структуры,

принятой в той или иной республике. Один из организаторов политико-воспитательной части осуществляет непосредственный надзор за библиотекой, являясь председателем библиотечного совета или тройки. Деятельность библиотек для лишенных свободы РСФСР регулируется изданной в 1932 г. ГУИТУ совместно с Наркомпросом специальной инструкцией «О порядке руководства и комплектования библиотек в ИТУ».

Почти повсеместно как в РСФСР, так и в других союзных республиках библиотеки для лишенных свободы связаны непосредственно или через управления исправительно-трудовыми учреждениями с органами народного образования, библиографическими институтами, библиотечными коллекторами государственных издательств и областными (краевыми) или республиканскими центральными библиотеками.

Роль лишенных свободы в библиотечной работе с точки зрения организующих начал и принципов самоуправления громадна. Большинство заведующих библиотеками для лишенных свободы СССР — сами же лишенные свободы. В РСФСР процент заведующих библиотеками лишенных свободы колеблется по отдельным краям и областям от 74 до 100, в Украинской ССР — 84% библиотек находятся в ведении лишенных свободы, в Белорусской ССР вольнонаемные библиотекари имеются только в наиболее крупных местах лишения свободы, в республиках Закавказской федерации библиотеки для лишенных свободы на 100% обслуживаются библиотекарями из лишенных свободы.

Вокруг библиотек группируется библиотечный актив из лишенных свободы, при помощи которого и проводятся пропаганда книги и работа с читателем. Все виды работы общегражданских библиотек в наиболее гибких формах и зачастую с гораздо большим эфектом перенесены в практику библиотек для лишенных свободы. Наиболее распространенными формами пропаганды книги и работы с читателями являются: выставки-витрины лучшей литературы, книжных новинок и книг, приуроченных к различным хозполиткампаниям, рекомендательные списки по тематическому признаку, вывешиваемые в общественных местах или публикуемые через стенные и радиогазеты, организация уголков производственно-технической литературы по цехам и мастерским, громкие читки и беседы, проводимые с малоподготовленными читателями, библиотеки-передвижки, направляемые по отделениям и разветвлениям мест лишения свободы, книгоношество в целях доставки книг на отдельные участки работ, а также в корпуса и коридоры, щиты текущих событий, представляющие монтаж рисунков преимущественно из сатирических журналов, снабженный соответствующими комментариями и дающий в системе рисунков и надписей связный рассказ о каком-нибудь злободневном политическом событии. В отдельных местах эти щиты дают образцы значительного художественного мастерства и политической остроты. Помимо указанных видов работ практикуются также литературные вечера, диспуты и суды, посвященные как отдельным авторам или книгам, так и целым литературным течениям. В местах лишения свободы Украинской ССР в 1931 г. было 103 литературных суда; подобные суды и диспуты проводятся и в местах лишения свободы За-

кавказской федерации (Грузия), где материалом служит как дореволюционная классика (Достоевский), так и лучшие образцы современной пролетарской литературы («Чапаев» Фурманова и др.). В более крупных местах лишения свободы, в частности в РСФСР, такие диспуты и суды проходят с участием представителей литературоведческой и писательской среды, а также высококвалифицированных профессиональных актерских коллективов. Так например московская «Таганка» неоднократно видела в своих стенах на этих вечерах таких представителей советской литературы, как Новиков-Прибой, Лев Гумилевский, Вера Инбер и др., и представителей критики (Лежнев, Палей), а театральные представления, посвященные творчеству Максима Горького, даны были Московским художественным театром. В Ленинградском домзаке (б. «Кресты») устроенный артистами государственного театра «Живая книга» литературный диспут на тему «Мещанин», взятую из репертуара театра и построенную по произведениям Толстого, Катаева и Сейфуллиной, вызвал большую активность аудитории.

К формам работы с читателем относятся также консультации по вопросам чтения. Киевская промколония (Украинская ССР) издавала специальный библиотечный бюллетень. При отдельных местах лишения свободы, особенно в Азербайджане и Белоруссии, имеются кружки общества «Друг книги».

Помимо отмеченной повседневной работы библиотек для лишенных свободы в отдельных республиках, областях и краях периодически практикуются кампании (месячники, декадники) в области библиотечной работы. Так, в Украинской ССР в 1931 г. был объявлен месячник книги, в течение которого наряду с комплектованием и чисткой библиотек проводились массовая работа по пропаганде книги, изучение читательских интересов и мероприятия по улучшению техники библиотечной работы.

Аналогичные кампании проводились в Средневолжском крае, а также и в других местах.

Читаемость в местах лишения свободы высокая. В библиотеках для лишенных свободы РСФСР среднее ежемесячное число абонентов за 1927 г. — 67% общего числа лишенных свободы. Надо иметь в виду, что эта цифра представляет суммовой итог читателей всех мест лишения свободы и что при большой текучести в результате перебросок одно и то же лицо могло быть зарегистрировано читателем в нескольких местах лишения свободы. Несомненно одно, что читаемость из года в год быстро повышается.

В Украинской ССР число читателей из лишенных свободы с 1928 г. по 1932 г. увеличилось почти вдвое.

Число выданных для чтения томов в 1931 г. в местах лишения свободы РСФСР (по 14 краям и областям) достигло 1 646 856. Приведенные цифры, несмотря на свою отрывочность, характеризуют огромный размах в данной области библиотечного дела. Этот размах возможен только при наличии большой работы по пропаганде книги, внедрению ее в массу лишенных свободы и только в исправительно-трудовой системе советской власти, где книга имеет свободный доступ в камеры,

корпуса и мастерские, ко всем категориям лишенных свободы — срочным и следственным, выходцам из трудящихся классов и классово чуждым — и где все лишенные свободы, за редчайшими исключениями, вызванными уголовно-процессуальными требованиями, имеют свободный доступ в помещение библиотеки и читальни.

Изменились по сравнению с дореволюционными тюрьмами и читательские интересы лишенных свободы.

В дореволюционных тюрьмах под влиянием строжайшей изоляции и жестокого режима, в условиях обычаев и нравов тюремной среды формировалась своеобразная психология читателя-заключенного.

В советских исправительно-трудовых учреждениях, особенно в последние годы, и в этой области произошли громадные сдвиги. Переход мест лишения свободы для осужденных на положение открытых и полуоткрытых колоний, новый быт, правовое положение лишенных свободы, регламентируемые исправительно-трудовыми кодексами, трудовые процессы с развитием социалистических форм и методов труда, политико-воспитательная работа, развитие профессионально-технического обучения и воспитание читательских вкусов способствуют приближению режима мест лишения свободы к условиям производственного режима и определяют идеологию читателя.

Если в первые годы революции беллетристика почти заполняла все чтение лишенных свободы, то в последующие годы в огромной степени возрос спрос на популярную политическую и в особенности производственную книгу.

Обследование в 1931 г. в 1-й ленинградской фабрично-ремесленной трудовой колонии, охватившее читателей, прочитавших на протяжении 7 мес. 5 533 книги, и дающее типичную картину по большинству мест, показало следующие результаты:

Прочитано книг:

Беллетристика	2 720
Политическая литература	1 277
Техническая „	725
История, география, естествознание	370
Справочные и разные	432
Всего	5 533

Спрос на беллетристику разнообразен. Из классической литературы наиболее читаемыми авторами являются Чехов, Гоголь, Горький (особенно ранние произведения), Короленко. Слабо читаются Толстой и Достоевский. Из переводной литературы на первом месте Джек Лондон. Большой спрос наблюдается также на современную советскую литературу, особенно относящуюся к эпохе гражданской войны. Наиболее популярны Фурманов, Шолохов, Фадеев, Серафимович, Лавренев, Новиков-Прибой.

Комплектование библиотек для лишенных свободы производится как непосредственно самими местами лишения свободы через местные библиотечные коллекторы и магазины, так и в централизованном по-

рядке краевыми, областными и главными управлениями исправительно-трудовыми учреждениями. ГУИТУ РСФСР производит комплектование библиотек через центральный библиотечный коллектор ОГИЗ в Москве по специальному договору с ним. При комплектовании соблюдается следующая примерная разбивка книг: производственно-технической, научно-популярной и учебной литературы — 40%, беллетристики — 30%, по общественным наукам и политических — 25%, разной — 5%. При этом принимается во внимание производственный профиль данного места лишения свободы и учитываются национальные, возрастные и общеобразовательные признаки читателей, а также учебные планы и программы школ ФЗУ и профтехнических курсов и кружков.

Затраты на книги весьма значительны. В 1931 г. по 14 областям и краям и 7 автономным республикам РСФСР израсходовано на покупку книг из сметных ассигнований 116 102 р. 76 к. Если прибавить к этому стотысячный фонд субботника книги и фонды многих субботников местного характера, внушительность размеров затрат на книги станет вполне очевидной.

Большую роль в работе библиотек для лишенных свободы играет снабжение газетами и журналами. Газеты и журналы поступают в места лишения свободы как на средства самих лишенных свободы, производящих подписку через библиотеки, так и на средства места лишения свободы. Примерно две трети поступающих газет и журналов приобретаются на средства мест лишения свободы и распределяются среди лишенных свободы бесплатно. Газета пользуется у них большим вниманием и является необходимейшей частью их культурного обихода. В местах лишения свободы РСФСР (по 14 областям и краям и 7 автономным республикам) в 1931 г. получено 294 015 экз. газет и 11 804 экземп. журналов. В местах лишения свободы Ураинской ССР на 1 января 1931 г. поступило: газет 384 899 и журналов 3 587, на 1 января 1932 г. газет 444 994, журналов 11 546. В Белорусской ССР в 1931 г. распределено 11 713 номеров газет и журналов. Газеты и журналы, как и книги, приобретаются на различных языках с учетом национальных контингентов лишенных свободы. Само собою разумеется, лишенные свободы имеют право выписывать все без исключения газеты и журналы.

Нередки в местах лишения свободы случаи так называемого книжного вредительства, т. е. порчи книг. Наблюдаются эти случаи исключительно со стороны деклассированных элементов и неосвоенных подростков-рецидивистов. Главная побудительная причина порчи книг — это изготовление из них игральных карт, причем книги, особенно отпечатанные на плотной бумаге, наполовину, а то и целиком, уничтожаются. Попадаются порнографические надписи и рисунки, различные пометки, замечания и стихи, помещаемые на полях, чистых страницах и обложках книги, и наконец вырванные страницы. Реже встречается порча книг в виде загибания листов, засаливания, надписей и рисунков самого разнообразного характера, подчеркивания, междометий, впечатлений о прочитанном, оценки книги и т. д.

Встречаются еще иногда традиционные тюремные надписи, как-то:

«Приходящий не грусти, уходящий не радуйся»; «С непривычки трудно было, а привыкнешь — ничего» и т. д.

Такие надписи, характерные для рецидивистов, находятся в противоречии с другой группой надписей и заметок, для которых типично стихотворение, обнаруженное на полях одной из книг в библиотеке Таганского домзака в Москве:

И в нас живет мечта, упорное желанье, —
Чтоб, строя коммунизм, рабочий класс
Скорей разрушил тюрьмы все до основанья...

С книжным вредительством ведется упорная борьба, преимущественно путем разъяснительной работы, с использованием печати, радио, системы черных досок, а главным образом при помощи товарищеских судов. По РСФСР в местах лишения свободы рассмотрено в 1931 г. товсудами 438 дел о порче книг, по которым осуждено 465 чел.

Таково в кратких чертах состояние библиотечного дела в советских исправительно-трудовых учреждениях.

В дальнейшем должен проводиться и углубляться курс на четкую работу библиотек, на комплектование их идеологически выдержанной литературой, на углубленную работу с читателем, на культурного, располагающего надлежащим идейно-политическим багажом библиотекаря, на органическую слитность работы библиотек со всей суммой исправительно-трудовых мероприятий, на непримиримую борьбу с различными буржуазно-либеральными влияниями, правооппортунистическими уклонами и левацкими заскоками в теории и практике библиотечного дела.

Углубленное политическое воспитание, внедрение социалистических методов и навыков работы, борьба с пережитками капиталистического строя в сознании лишенных свободы и выработка в них нового мировоззрения, соответствующего задачам построения бесклассового социалистического общества, — вот задачи, стоящие перед работниками библиотечной системы исправительно-трудовых учреждений в их трудной и ответственной работе с лишенными свободы.

М. Гриневский

ТЕАТР, МУЗЫКА, ПЕНИЕ, КИНО И РАДИО В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В европейских и американских газетах изредка мелькают сообщения о спектакле, концерте или радиосеансе, организованном в какой-либо тюрьме. Театр или музыка в тюрьме — это кажется столь парадоксальным не только для обывателя, но и для буржуазных тюрьмоведов, что каждому такому событию посвящаются отчеты газетных корреспондентов. Например, о спектакле, поставленном в 1929 г. в германской тюрьме в Страубинге, был написан целый ряд фельетонов в различных газетах. Описывая спектакль в тюрьме, газетные корреспонденты рассказывают обычно в глубоко сантиментальном тоне об огромном впечатлении, произведенном столь необычным в тюрьме событием на заключенных, об улыбках на их застывших, сосредоточенных лицах, о слезах радости или волнении, вызванных спектаклем или концертом.

В условиях буржуазной тюрьмы сенсация, вызываемая в тюрьме каждым спектаклем или концертом, понятна и объяснима. В учреждениях, вся целеустремленность которых направлена на то, чтобы убить в заключенном всякие проблески жизнерадостности, чтобы сделать тюрьму «мертвым домом» или «кладбищем живых», чтобы приучить заключенного к бесплатной работе, к довольствованию полуголодной, монотонной, однообразной пищей, к жизни без всяких развлечений и радостей, — в таких учреждениях концерт или спектакль является конечно диссонансом, внутренним противоречием, изредка терпимым либеральным жестом или проявлением социальной демагогии в тюремной политике.

В царских тюрьмах не могло быть речи ни о каких спектаклях и концертах. Там, где книга являлась привилегией, где газета не имела доступа, а журналы — и то лишь религиозные и патриотические — допускались не новее чем прошлогодние, где тюремный священник изо дня в день твердил о грехе, о покаянии, о страшном суде, о муках ада, — могла ли там допускаться мысль о «земных радостях», о театре, о спектакле, о художественном кружке?

Воображение, изголодавшееся по краскам, по звукам, по впечатлениям, примитивным у одних заключенных и утонченным у других, искусно использовалось служителями церкви в своих целях. Пышное богослужение, бьющее контрастом с суровостью камеры, звуки хора, не-

вольно захватывавшие после молчания одиночки или шума и криков общей камеры, должны были помогать «ловцам душ» размагничивать энергию непокорных и строптивых, крепко захватывать в свои руки невежественных и несознательных, присоединять к страху перед властью человеческий страх перед властью божеской и таким образом содействовать осуществлению царской или капиталистической тюрьмой ее задачи классового подавления.

Литургия, блеск свечей, золотые рясы церковнослужителей, запах ладана, пышные архиерейские богослужения, акафисты, общие молитвы являлись своеобразным театрализованным действом, искусно использованным «церковным агитпропом» для религиозного одурманивания серой арестантской массы, в подавляющем большинстве состоящей из неграмотных крестьян и рабочих.

Эти театрализованные приемы, при помощи которых религия служит задачам классового подавления пролетариата буржуазией, до сих пор процветают в тюрьмах Европы и Америки, где капиталистическая система и за тюремными стенами опирается на это сильнейшее орудие угнетения и эксплоатации. Как прежде в царской России, так и теперь в капиталистических странах даже последние минуты, у виселицы, гильотины или электрического стула, сопровождаются церковной «игрой» актера в рясе, этого верного слуги класса эксплюататоров.

При сравнении с этой системой морального угнетения заключенных с помощью «религиозной сивухи» необычайно ярко оттеняется та антирелигиозная, подлинно художественная и массовая политпросветработа, которая стала проводиться в советских исправительно-трудовых учреждениях сейчас же после прихода пролетариата к власти.

Октябрьская революция наполнила стены бывших царских тюрем незнакомыми там до того звуками и красками: в тюрьме послышалась речь докладчика, голос руководителя кружка, команда физкультурника и наряду с ними звуки пения и музыки; запестрели плакаты, лозунги, портреты, краски декораций, засветились киноэкраны.

Тюремные церкви были превращены в клубы, а там, где находились амвоны, появились эстрады и сцены. На месте актера в рясе появился настоящий актер — лишенный свободы или приглашенный с воли, а в тех помещениях, где коленопреклоненные арестанты молчаливо и угрюмо выслушивали богослужения и проповеди, — теперь зрительный зал, наполненный бодрой, говорливой толпой лишенных свободы.

Театр в тюрьме — это было вначале ново, удивительно для всех: для самих работников мест лишения свободы, для лишенных свободы, для населения. Но очень скоро художественное обслуживание лишенных свободы стало чем-то настолько само собою разумеющимся, что в отчетах последующих лет информация о массово-художественном обслуживании лишенных свободы ограничивалась уже одними сухими статистическими цифрами, дававшими, правда, из года в год картину роста и совершенствования.

Отчет Главного управления местами заключения РСФСР за 1932 г. еще скромно говорил, что «в тех местах заключения, которые уже представили отчеты о культурно-просветительной работе и которые

составляют $^2/_3$ всего тюремного населения, прочитано было в течение отчетного периода (январь—октябрь 1922 г.) на разные темы 8 764 лекции, поставлено 3 650 воспитательных развлечений (спектакли, вечера, концерты). В среднем на каждое место заключения приходится по 6 слишком лекций и по 2,5 постановки в месяц».

Зато отчет 1923 г. в числе кружков лишенных свободы констатировал уже наличие следующих массово-художественных кружков:

Драматических	87	Музыкальных	26
Театральных	6	Оркестровых	6
Выразительного чтения	1	Художественных	8
Хоровых	34		

1924—1928 гг. дали значительный рост числа массово-художественных кружков и решительный сдвиг в улучшении их работы.

Число кружков иногда колебалось, их становилось меньше, но это происходило за счет улучшения качества их работы и ликвидации нежизнеспособных кружков.

В 1931 г. всего в СССР в местах лишения свободы художественно-самодеятельных кружков имелось, по неполным сведениям, 1 018 (кружки драматические, малых форм, агитпропбригады, струнные и духовые музыкальные, хоровые, литературные и изобразительных искусств). Наибольший процент падает на кружки драматических форм. Общее число их доходит до 700. Таким образом на одно место лишения свободы в СССР приходится в среднем несколько кружков. В частности в местах лишения свободы, находящихся в национальных республиках, имеется по нескольку кружков для обслуживания всех национальностей (например в Грузии — по секторам национального обслуживания: русскому, армянскому, грузинскому и тюркскому). Впрочем, даже в небольших районных местах лишения свободы РСФСР бывает нередко по нескольку кружков.

О количественном объеме массово-художественных форм политико-воспитательной работы в 1931 г. только по РСФСР дает более яркое представление следующая таблица:

Число киносеансов	Число спектаклей	Число концертов, вечеров и др.	Число зрительных мест
15 321	7 763	3 034	38 803

Быстро проходил рост кружков драматических форм и на Украине, где в 1930 г. было 37 кружков с охватом 761 участника и в 1931 г. — 63 с охватом 1 032 участников.

Ареной выступлений для кружков являются театры в местах лишения свободы, открытые сцены и площадки в колониях открытого типа и даже цеха и мастерские. Многие художественные кружки лишенных свободы успешно выступают за стенами места лишения свободы, в профсоюзных клубах и в соседних колхозах.

Большинство театров и сцен в местах лишения свободы СССР переоборудовано из бывших тюремных церквей. Их вместимость в среднем

от 200 до 1 000 мест. Сценическое строительство проведено главным образом мастерами и художниками из лишенных свободы. В отдельных случаях сцены-площадки и помещения для зрителей прекрасно отделаны и украшены. Например порталы театра 1-й ленинградской фабрично-ремесленной исправительно-трудовой колонии оформлены скульптурой, очень талантливо выполненной одним из лишенных свободы. В Лефортовской колонии (Москва) театр и сцена отличаются удобным оборудованием для очень сложных постановок. Роскошные театры имеются в Таганском доме заключения, в Одесской промколонии и т. д. Все театральное оборудование для постановок (бутафория, освещение, реквизит) выполняется самими лишенными свободы очень любовно и нередко с большим вкусом.

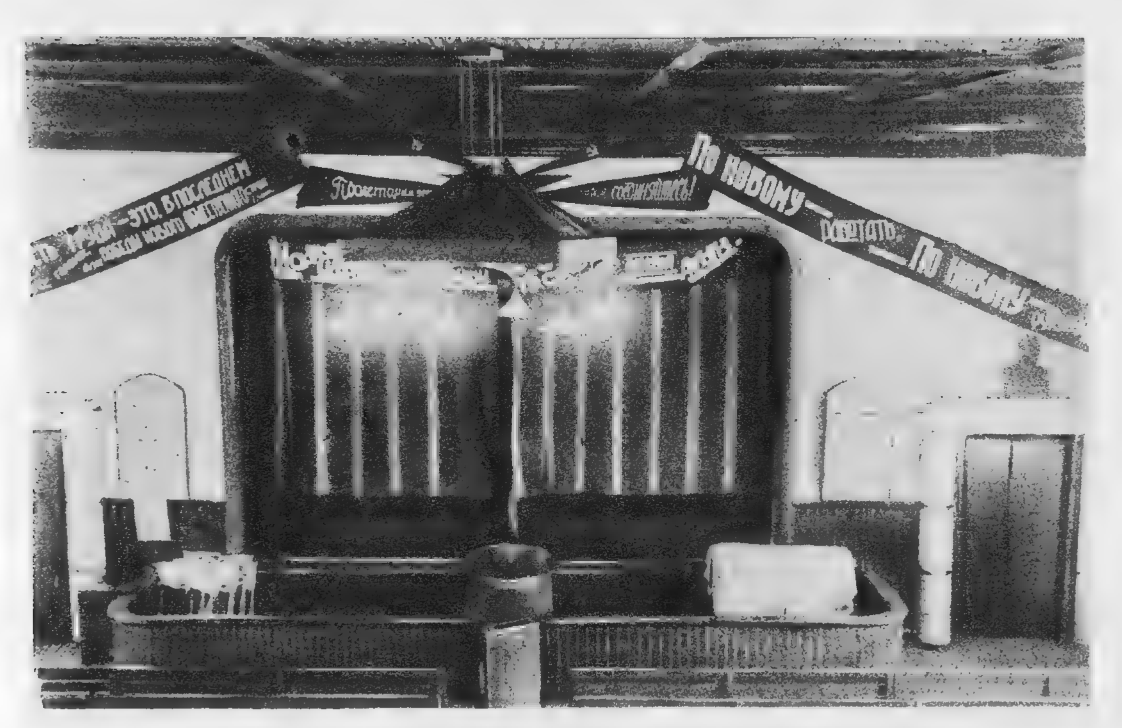
Ведущие драматические формы художественной самодеятельности развивались в местах лишения свободы в том же направлении, в каком они развивались в профсоюзных клубах.

Период военного коммунизма характерен увлечением любительским репертуаром, построенным, в подражание профессиональным театрам, с преобладанием произведений «чистого искусства». Однако было и нечто новое в этом репертуаре, а именно — агитка 1919—1922 гг. на темы из гражданской войны, которая нередко исполнялась с большим политическим и художественным подъемом. Впоследствии драматические формы несколько меняются. В места лишения свободы заносятся живая газета, инсценировки и агитсуды. Но сцена лишенных свободы по преимуществу еще использует ходовые пьесы дореволюционного репертуара. С началом периода развернутого социалистического наступления (реконструктивный период) формы и содержание драматической работы резко берут направление на политически заостренную тематику. Примерно с 1930 г. формы художественной самодеятельности мест лишения свободы СССР активизируются наравне с активизацией других форм политпросветработы.

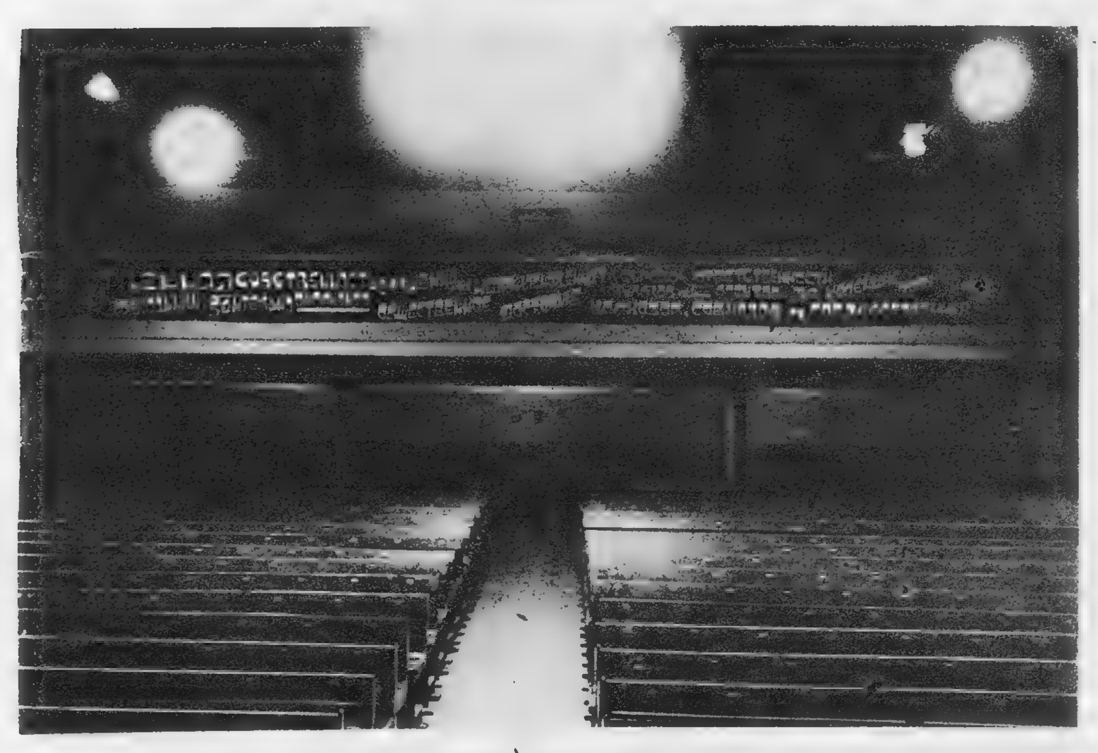
Что же драмкружки, агитпропбригады и малые формы делают конкретно? Они обслуживают красный календарь, хозяйственно-политические кампании, вечера премирования ударников, пропаганду промфинплана, борьбу за ликвидацию прорывов, борьбу за чистоту, борьбу за всеобуч и другие мероприятия секторов культсовета исправительно-трудового учреждения.

В Новинской исправительно-трудовой колонии (Москва) агитбригада лишенных свободы женщин в составе 20 лиц выступала в борьбе за промфинплан своей колонии с литмонтажем «Разрыв-трава» собственного сочинения. Еще более яркую работу дает Таганка (Москва), где агитпропбригада лишенных свободы последовательно проводит ряд выступлений собственной композиции: 1) «Перекоп» (показ разлагающего влияния летунства, рвачества и пьянства на производство и роль Красной армии в борьбе за дисциплину на социалистическом заводе), 2) «Тревога» (борьба с прорывами на кожевенном и металлообрабатывающем производствах Таганки) и 3) ораторий на тему сентябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1930 г.

В Ленинградском домзаке к XIV годовщине Октября агитбригада

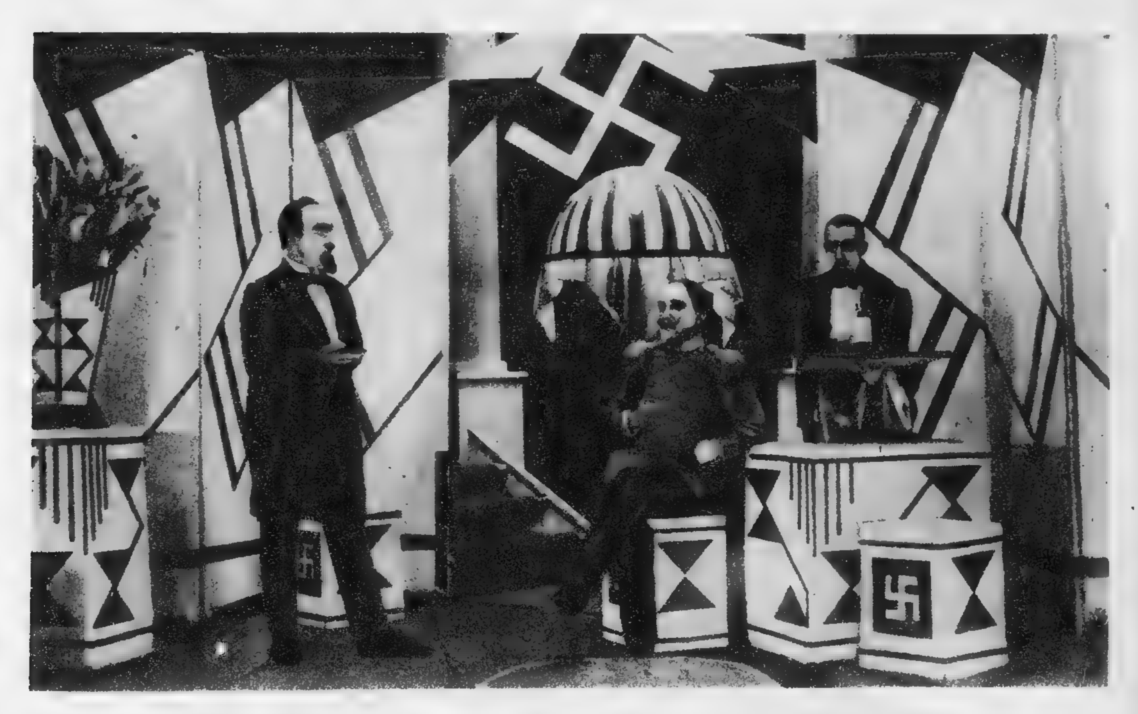

РСФСР. Таганский домзак. Сцена клуба для лишенных свободы

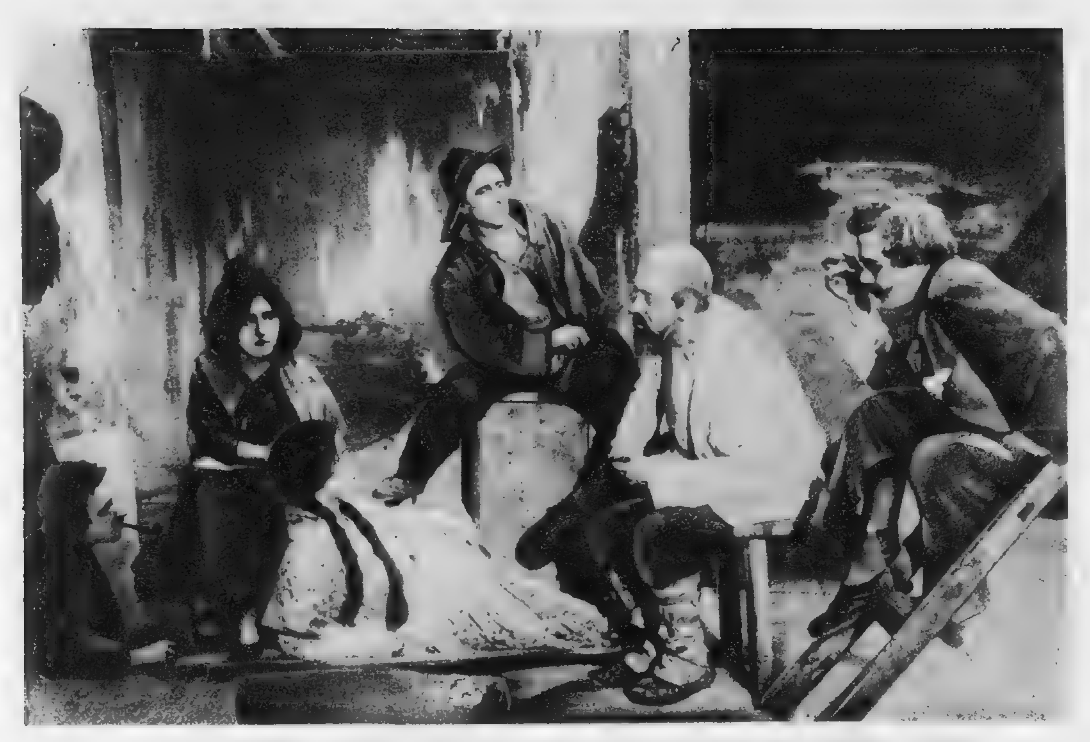

РСФСР. Таганский домзак. Зрительный зал клуба для лишенных свободы

РСФСР. Таганский домзак. Постановка пьесы из революционного движения в армии и флоте капиталистических государств — «Пять минут», написанной лишенными свободы, членами литкружка

РСФСР. Таганский домзак. Сцена «В парижском салоне Рябушинского» из пьесы «Золото и уголь», написанной и оформленной лишенными свободы по материалам процесса промпартии

РСФСР. Ленинградская фабрично-трудовая колония. «На дне» М. Горького в постановке драмкружка лишенных свободы колонии

РСФСР. Ленинградский домзак. «Русские песни» на сцене лишенных свободы

РСФСР. Таганский домзак. Заседание товарищеского суда

БССР. Сельскохозяйственная колония «Хоциничи». Доклад начальника колонии на общем собрании лишенных свободы

на собственном тексте показала комбинированное обозрение со светогазетой, развивающее тему: от царской тюрьмы и ее режима к советскому исправительно-трудовому учреждению, борющемуся за нового человека. Там же, в отделении для несовершеннолетних, агитбригада последних в составе 40 чел. поставила «Рапорт цехов» по материалам достижений и недочетов, имеющихся в цехах и мастерских.

На Синявинских торфозаготовках (Ленинградская область) агитпропбригада сочиняет и разыгрывает литмонтаж на тему обороны СССР «Война войне», который до двух десятков раз показывается не только лишенным свободы, но и общегражданскому населению соседних рабочих поселков и близлежащих колхозов.

В Азербайджане в исправительно-трудовых учреждениях для обслуживания лишенных свободы из различных национальностей существует несколько драматических секций; например тюркская секция малых форм ставит: «Уста Канбер», «Кирянишин озиниол дорди» и «Генри Джанду» (местная и политическая тематика); русская секция малых форм в своих постановках живо откликается на последние политические злобы дня и ведет борьбу с бытовыми недочетами исправдома.

Сталинская промышленная колония (на Украине) силами своей живой газеты «Ударник» отмечает всю текущую производственную работу по выполнению и перевыполнению промфинплана. Газета музыкально оформлена и проводит все политические кампании, борясь с уравниловкой и обезличкой, симуляциями и разными недочетами производства.

Однако, не всегда репертуар агитбригады, живых газет и малых форм политически выдержан. Иногда встречается беззубое сюсюканье, проходит музыкальный скетч «Марш статей уголовного кодекса», крайне фальшиво звучащий в приемах трактовки «героев» марша.

Репертуар драмкружков крайне разнообразен. «Мятеж», «Чапаев», «Разлом», «Зов фабкома», «Диктатура» и подобные пьесы производственной и историко-революционной тематики являются передовыми. Но главную массу репертуара драмкружков составляют многочисленные пьесы клубного и деревенского репертуара — антирелигиозные, колхозные, новобытовые, медсанпросветские и т. п.

Классический репертуар используется часто (Гоголь, Горький, Островский, Щедрин и др.). На Украине помимо переводных «Чудака», «Разлома» и «Огненного моста» (Афиногенов, Лавренев, Ромашев) ставятся: «Казак Голота», «97», «Диктатура» и другие произведения пролетарских драматургов Украины.

В Азербайджане драмкружок тюркской секции ставил: «Севиль» (драма), «Аршин-мал-Алан» (оперетта), «Намус» (драма) и «Агач-Галь-Гасы» (драма). В Грузии ставились: «Красный директор» (в переводе на грузинский с русского), «Ануш» (армянская), «Аршин-мал-Алан» (тюркская оперетка), «Ашуг-Гариб» (на армянском языке), «Нихаб-квет» (на грузинском), «Разлом» (на грузинском), «Поджигатели» (на русском), «Пепо» (на армянском), «Квадратура круга» (на русском), «Цисаня» (из революционной жизни, на грузинском).

Трамовское движение (театры рабочей молодежи) в исправительно-

трудовых учреждениях развито крайне слабо. Есть целый ряд драмкружков, готовых без разбора ставить все, что попало.

На Украине в драмкружки проникает репертуар старых украинских театров, вроде «Наталки-Полтавки».

По РСФСР в наиболее отдаленных местах лишения свободы иногда беспрепятственно ставятся давно изъятые из репертуаров уголовно-бульварные пьески вроде: «Жертва эгоизма», «Жена с того света» и т. п.

Слабо используются агитсуды, которые во многом способны оживить деятельность товарищеских судов в их борьбе с антиобщественными явлениями в местах лишения свободы.

Точно так же слабо использовано затейничество. Музыкальные кружки развиты главным образом в виде великорусских и духовых оркестров, ансамблей, квартетов и пр. Нередко их составы колеблются от 25 до 40 чел., как например в крупных местах лишения свободы, колониях массовых работ и промышленных колониях. Музыкальные капеллы имеются во всех местах лишения свободы Украины (балалаечники, мандолинисты и гитаристы). В Армении, Грузии, Азербайджане и др. республиках сеть музыкальных кружков достаточно развернута. В числе их иногда встречаются составы национальных инструментов (зурна и др.). Духовые оркестры имеются почти во всех крупных исправительно-трудовых учреждениях СССР.

В школах фабрично-заводского ученичества для несовершеннолетних духовая музыка входит составной частью в быт этих учреждений.

О популярности музыкальных кружков говорить конечно не приходится. О ней свидетельствуют такие факты, как нередкое приобретение инструментов на средства от субботников или воскресников, организаторами и инициаторами которых являются сами лишенные свободы. Влияние профессиональных организаций на качество музыкального самодеятельного творчества лишенных свободы заставляет желать лучшего. Духовые оркестры лишенных свободы в большинстве ввиду текучести состава исполнителей техническим мастерством не отличаются, тогда как струнные составы часто обнаруживают высокую технику и художественное исполнение.

Есть конечно исключения. В УССР репертуар для мест лишения свободы составляется и рассылается по спискам Украинской филармонии. Саратовская школа ФЗУ для несовершеннолетних имеет например духовой оркестр с симфоническими инструментами. Духовой оркестр Московской школы ФЗУ для подростков своим исполнением красноармейских маршей обращал внимание трудящихся Москвы на I съезде воспитанников школ ФЗУ системы Наркомюста. Оркестр сопровождал по улицам Москвы колонну воспитанников на экскурсии, и многочисленные прохожие, провожавшие этот оркестр, вряд ли предполагали, что исполнители — бывшие воры и беспризорные.

Общественная полезность музыкальных кружков в местах лишения свободы осознана. Кружки, выступают не только повседневно на концертах, вечерах, киносеансах, в революционные праздники и юбилейные дни, на вечерах премирования ударников и пр., но сопровождают, как например на Украине, организованные шествия ли-

шенных свободы для проведения работ, субботников и т. д. Статистика побегов из 1-й ленинградской школы ФЗУ не зарегистрировала ни одного случая побега несовершеннолетних, обучающихся в оркестре, тогда как до нахождения в последнем многие из них были в побегах несколько раз. «Оркестр преодолевает тягу к улице»,— отвечает начальник колонии-школы. Серьезно поставленная учеба в духовых оркестрах (овладение инструментом и нотная грамота) среди несовершеннолетних могла бы быть объектом соответствующей квалификации.

Затейническая музыка имеет большое распространение (гармоника, шумовые инструменты, гусли и др.); в массовую работу она, к сожалению, не втянута.

Хоровые кружки существуют не везде. На Украине зарегистрировано их 40. В Грузии из имеющихся четырех хоров три выступают на грузинском языке и один — на русском. Существуют хоровые кружки и по отдельным точкам РСФСР, БССР, Узбекистана, Туркменистана и Таджикистана.

Численность хоровых кружков в среднем от 20 до 40 чел. Метод занятий обычно слуховой, но иногда практикуется нотная грамота (например в Грузии). Репертуар состоит из народных, революционных, производственных и красноармейских песен. Выступления хоров часто приурочивается к революционным датам (8 марта, 1 мая, Октябрьская годовщина). Небольшая практика существующих хоров показывает крайне быстрый количественный их рост.

В Ленинградском доме заключения хоровой кружок осуществил постановку оперы Гуно «Фауст», исполнив ее вполне грамотно и художественно; правда, в главных ролях выступали профессиональные артисты. В Таганском доме заключения хоровой кружок выступал с театрализованной хоровой постановкой «От Бурлаков до Интернационала». В синтетическое исполнение хора (клавишные и струнные инструменты, художественное чтение, мимические сцены и танцы) вошли русские и западные народные и революционные песни, подобранные с расчетом сюжетного последовательного показа развития социальных элементов в массовой песне (дореволюционный период 1905—1917 гг. и др.). Вся постановка явилась коллективным творчеством самих лишенных свободы как по исполнению, так и в разработке и компановке.

Изучение зрителей после этой постановки обнаружило колоссальное впечатление, произведенное хором на лишенных свободы. Однако хоровые формы художественной самодеятельности как метод перевоспитания используются недостаточно.

О любви лишенных свободы к пению и песням свидетельствуют многочисленные рукописные песенники, дневники и альбомы, в которые вечерами в общежитии за незнанием новых записываются старые песни, сохраняющие влияние тюремщины и блатной поэзии. Вечера художественной самодеятельности поражают обилием лишенных свободы, желающих «попеть». Цыганские романсы, эстрадные куплеты, частушки, отдельные оперные и опереточные мелодии, песни народные, а нередко и каторжные, — вот обычное содержание песенников «собственного сочинения», удерживающих старую преступную настроенность.

Для борьбы с остатками тюремщины хоровые формы самодеятельности могли бы дать много полезного материала в виде массовых красноармейских, производственных, революционных, народных и ударных песен.

Обходить в сложной политико-воспитательной работе, требующей огромных усилий, такое сильное средство, как хоровые формы, было бы совершенно неправильно.

Громадное место в художественном обслуживании лишенных свободы занимают кино и радио, причем в численном выражении слушание радиопередач и просматривание картин превосходят количество читаемых книг, газет и журналов.

Количественные показатели кинофикации мест лишения свободы РСФСР рисуются по данным на 1 апреля 1932 г. в следующей таблице:

Число собственных радиопередаточных станций	Число громкоговорителей	Средний % радиофикаций	Число стационарных киноаппаратов	Число кинопередвижек
42	3 014	55	75	116

Кинофикация в среднем доведена в местах лишения свободы РСФСР до 60—70%. На Украине места лишения свободы кинофицированы на 87%, а в ближайшее время они будут полностью кинофицированы. В Ленинградском доме заключения параллельно немой установлена звуковая киноаппаратура, полученная лишенными свободы в качестве премии за ударное выполнение промфинплана.

Техническое оборудование киноустановок в общем удовлетворительно. Недостаток в киноаппаратуре испытывают некоторые национальные республики (например Грузия и др.).

Работа киноустановок проходит в местах лишения свободы, как правило, в большинстве по календарному плану от 6 до 25 раз в месяц. В среднем фильмы демонстрируются 10—12 раз в месяц. Обычно киносеансы бесплатны, и входная плата — от 10 до 20 коп. — взимается в редких случаях на покрытие стоимости оборудования. Первой очередью на киносеансы пользуются лишенные свободы, являющиеся ударниками на производстве.

Наибольший процент показываемых фильм приходится на художественные фильмы (75%) и меньший — на культурфильмы (25%). Но отдельные места лишения свободы дают обратные цифры. С помощью широкого использования научного и производственного кино на Украине проводится успешно техническая пропаганда для производств исправительно-трудовой системы. Значительная часть мест лишения свободы снабжена фильмоскопами с соответственно подобранными производственно-техническими диапозитивами.

У некоторых работников мест лишения свободы наблюдается склонность ставить любые фильмы, вплоть до авантюрных, приключенческих и бульварно-уголовных. Вред подобного подхода совершенно бесспорен.

Учебное кино, открывающее политико-воспитательным частям мест

лишения свободы новые методы обучения, в особенности по проф-техническому образованию в школах ФЗУ, в школах грамоты и, на политико-производственных курсах (киноуроки, опыты на экране, общеобразовательные и специальные кинолекции, экскурсии в кино и т. д.), используется пока слабо.

Отношение к кино самих лишенных свободы также двоякое. Передовые общественные элементы из лишенных свободы понимают и поддерживают все мероприятия, направленные на упорядочение и укрепление содержания работы экрана; отсталая же часть зрителей из рецидивистов и других тяготеет к легкому, развлекательному и авантюрно-приключенческому репертуару.

Как со стороны политико-воспитательных частей, так и со стороны лишенных свободы заметно большое влечение к хроникальной и производственной фильме, сработанной на материале исправительно-трудового опыта самих мест лишения свободы. Влечение это не лишено практичности, так как подобные фильмы (хотя бы короткометражные) способствуют оживлению производственных и воспитательных процессов в местах лишения свободы не меньше прессы лишенных свободы. Чрезвычайно богатый материал для такой своей фильмы имеется не только в Москве и Ленинграде, но и в каждом крупном исправительно-трудовом учреждении.

Методика показа фильмы в местах лишения свободы проста и однообразна. Обычно картины «вертятся под музыку». Богатый опыт советского кино по культобслуживанию мало проник еще на экраны исправительно-трудовых учреждений. Вступительное слово и доклады по темам картины даются редко и не всюду. Для неграмотных и малограмотных нет громких читок надписей, диспуты и киносуды по темам фильм устраиваются крайне редко, связь с другими формами политпросветработы (с книгой, ликбезом, курсами и др.) слабая, выставки не делаются, и плохо поставлено изучение зрителя. Некоторое исключение представляет Украина, где отдельные методы культобслуживания (доклады и вступительное слово) все же используются.

Разъяснительная работа вокруг драматических постановок, музыкальных выступлений, концертов также проводится слабо. Общественность лишенных свободы вокруг деятельности кино мало организована: нет актива, кинокружков и ячеек друзей советской кинематографии. В результате отсутствия культокружения нередки провалы богатейших по культурной значимости фильм, так как сложный материал культурфильм нельзя преподносить без необходимой подготовки.

Общее состояние радиосети в исправительно-трудовых учреждениях СССР достаточно удовлетворительно, хотя и бывают перебои из-за отсутствия штатных радистов-техников, что вызывает временные простои отдельных точек, плохую слышимость, поломку, расходование лишнего материала и другие недочеты, происходящие из-за недостаточно умелой постановки радиодела.

Содержание радиовещания используется различно. В немногих случаях расчет взят на передачу лекций, докладов, бесед и учебного материала, — в большинстве слушаются художественные передачи. Кружки

друзей радио немногочисленны. Достаточная сеть собственных передаточных станций (до 100 единиц) пока плохо использована для выпуска радиогазет. Коллективное плановое радиослушание с последующей разработкой материала развивается также слабо.

Весь сложный механизм повседневной работы по массовому художественному обслуживанию (спектакли, концерты, киносеансы, радиопередачи) приводится в движение многочисленными педагогами, руководителями, кружководами, режиссерами, киномеханиками и радистами из лишенных свободы, от технического уменья и степени политической грамотности которых во многом зависит успешность и направленность художественной работы.

В местах лишения свободы РСФСР значительная часть киномехаников — лишенные свободы. На многих киноустановках систематически проводится киноученичество для замены уходящих кадров.

В местах лишения свободы в крупных городах и промышленных центрах практикуется обслуживание лишенных свободы профессиональными художественными силами. Например по РСФСР за 1931 г. дано 2 034 таких выступлений. Близость профессионального искусства к местам лишения свободы наиболее чувствуется в национальных республиках. В Грузии группком профсоюза Рабис шефствует над местами лишения свободы, периодически устраивает концерты и агитвыступления. Довольно часто выступают опера, грузинская государственная драма, армянская государственная драма, санитарный агиттеатр и рабочий театр. Примерный репертуар этих выступлений — «Кваркваре Тутабери» (революционная драма), «Шах-Исмаил» («Тирания»), «Мирра Дорф» (санагит) и «Колхоз-бюрократы» (на армянском языке). В Азербайджане Тюркский государственный театр ставил «Севиль», «Адалет-Каплари» и «Жорж Данден» (Мольера). В Армении над местами лишения свободы шефствуют наряду с трудовой школой госцирк, гостеатр и рабочий театр. Большие размеры профессиональное обслуживание приняло на Украине. За неполный 1932 г. в Киевской промышленной колонии в порядке культурно-художественного шефства даны 32 постановки (музыкальная комедия, капелла, «Думка», государственный цирк и Украинская филармония). В Харьковской колонии в этом же году выступали госцирк, театр Медсантруд и государственная драма «Березиль».

В местах лишения свободы Ленинградской обл. ставят спектакли: ТЮЗ (театр юного зрителя), ТРАМ (Ленинградский театр рабочей молодежи) и отдельные группы Гомэц (например литмонтаж «Выверяй ряды» по теме: комсомол и борьба с хулиганством), художественные бригады Дома Красной армии и флота («Бойцы Октября», «Первая конная»), государственный литературный театр «Живая книга» и Сехр (секция художественного рассказывания).

Пьеса «Винтовка» — на тему: Красная армия в борьбе с детской преступностью, — сыгранная в 1-й ленинградской школе фабзавуча для несовершеннолетних, оказала реальное влияние, выразившееся в росте культурно-политического актива сил колонии и оживлении всей политико-воспитательной внешкольной работы. Пьеса «Мещанин» театра «Живая книга» (тема: мещанство как фактор роста преступлений),

сыгранная в Ленинградском доме заключения, вызвала сразу же после спектакля оживленную дискуссию зрителей лишенных свободы.

Другая пьеса этого же театра — «Максим Горький» (по рассказам «На плотах», «Ночью», «Страсти-мордасти»), поставленная для смешанной аудитории женщин и мужчин лишенных свободы в 1-й фабричной исправительно-трудовой колонии, дала длинный ряд письменных отзывов лишенных свободы. Необычайная сила рассказов М. Горького заставила лишенных свободы писать взволнованные страницы из своей собственной жизни.

Так массово-художественное обслуживание лишенных свободы, в частности театр, эстрада, кино и радио, вошли прочной, неотъемлемой составной частью в быт и в систему политико-воспитательной работы советских мест лишения свободы.

Советское место лишения свободы так же немыслимо без массово-художественной работы, как немыслимо оно без школы или мастерской.

В деле организации массово-художественного обслуживания лишенных свободы, в этом совершенно новом деле, неизвестном и немыслимом ни в одной буржуазной тюремной системе, сделано за 15 лет немало.

Но будет однако сделано еще гораздо больше, когда изживутся отдельные недостатки, тормозящие эту работу, сбивающие ее подчас на неверные пути и дающие ей иногда чуждое содержание. Эта недостатки — отсутствие четкой организационной структуры, недостаточно выдержанное художественное руководство, частая бесплановость, попытки делячества и коммерции, скатывание на путь эстетиза и аполитичности, отсутствие увязки с наробразами и профсоюзами, недостаточное число квалифицированных руководителей, проникновение в отдельных случаях классово чуждых влияний, примиренчество и гнилой либерализм, недостаточное овладение художественной техникой и т. д.

Все эти недостатки постепенно изживаются и будут окончательно изжиты, ибо массово-художественное обслуживание связано неразрывными нитями со всем процессом исправительно-трудового воздействия и осуществляет единые с ним задачи.

Развертывание исправительно-трудового воздействия; усиление элементов воспитания и общественной самодеятельности во всей работе и более решительная перестройка форм и методов в соответствии с условиями и требованиями современного типа — все эти конкретные задачи, поставленные перед местами лишения свободы в целом, должны находить разрешение и в художественно-массовой работе, так как и тут без перестройки нельзя подняться на более высокую ступень.

Места лишения свободы должны поставить перед собою и решительно проводить в жизнь задачу: ни на сцене, ни на экране, ни в музыке, ни в песнях, — нигде не давать форм и содержания, прямо или косвенно разлагающих человека, задерживающих его перевоспитание, не ведущих по пути к социализму; больше ярких, талантливых, подлинно воспитывающих художественных работ, способных перевоспитать правонарушителей в направлении окончательного разрыва с прошлым и помочь делу перевоспитания их в новых людей, в строителей социалистического общества!

Д. Стельмах

ОРГАНЫ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Одиночному заключению капиталистической тюрьмы, правилу молчания, строгому запрещению общения друг с другом, систематически проводимому стремлению убить в заключенных все, что делает человека членом коллектива, — всем этим неизбежным атрибутам капиталистической тюрьмы советская исправительно-трудовая политика противопоставила приучение лишенных свободы к самодеятельности и инициативе, к общественным навыкам, к социалистическим формам труда и быта, к жизни и работе в обществе, строящем социализм.

Но процесс развития и усиления значения общественных организаций лишенных свободы не закончился, поскольку он связан с процессом поступательного движения наших исправительно-трудовых учреждений по пути от тюрьмы к воспитательным учреждениям, являющемуся вместе с тем путем от дисциплины принудительной к сознательной самодисциплине.

Но и в современном своем состоянии общественность лишенных свободы по своим формам и по своему значению настолько выросла и укрепилась, что без знакомства с ней невозможно было бы понять своеобразие советской исправительно-трудовой политики и ее принципиальное отличие от тюремной политики капиталистических стран.

Культсоветы лишенных свободы, штабы ударных бригад, товарищеские суды, юридические бюро, санитарно-бытовые комиссии, общие собрания, выборные представители, стенгазеты являются важным фактором воспитания к дисциплине, борьбы за новые социалистические формы труда и быта лишенных свободы, за производственные достижения, за поднятие политического развития, за культурную революцию в месте лишения свободы, также и борьбы с вылазками классового врага, с его попытками сопротивления социалистическим достижениям в исправительно-трудовом учреждении.

1. КУЛЬТСОВЕТЫ ЛИШЕННЫХ СВОБОДЫ

Культсовет лишенных свободы является тем организующим центром, который под руководством политико-воспитательной части данного исправительно-трудового учреждения объединяет и руководит всеми об-

щественными организациями лишенных свободы. По содержанию своей деятельности, по политической устремленности, методам работы культсоветы представляют собой принципиально новую организацию с новыми задачами и новыми методами работы.

Культурно-просветительные комиссии восстановительного периода, хотя и ставили себе задачу способствовать развитию политического и классового самосознания случайно совершивших преступление рабочих и крестьян, но ставили ее не как основную задачу и кроме того ставили ее абстрактно, оторванно от производственной базы. Тем самым создавалась почва для расцвета и в деятельности культурно-просветительных комиссий того культурнического подхода, которым отличалась, как правило, вся деятельность культурно-просветительных частей того периода.

Наоборот, основной задачей культсоветов, возникших в реконструктивный период, является мобилизация активности лишенных свободы вокруг массово-производственной и культурной работы, организация соцсоревнования и ударничества, борьба за выполнение промфинплана, за трудовую дисциплину,—одним словом за те политические и хозяйственные задачи, которые определяют собой содержание советской исправительно-трудовой политики реконструктивного периода.

В частности в области культурно-пропагандистской работы культсоветы осуществляют ряд важнейших функций. Они организуют школы ликбеза, прорабатывают программы применительно к условиям лишенных свободы, подбирают преподавателей из лишенных свободы, выявляют неграмотных и малограмотных, составляют расписание занятий и т. д. При непосредственном участии культсоветов проводятся среди лишенных свободы массовые культурно-политические кампании, штурмы по ликвидации прорывов, культпоходы, слеты ударников, походы за чистоту, сборы средств и субботники на усиление обороноспособности страны, подписки на займы и т. д.

Наряду с этим культсоветы проводят борьбу с пережитками старого тюремного быта, с карточной игрой, бранью, воровством, блатными играми и обычаями. Они же обсуждают кандидатуры на премирование за успешную учебу или ударную работу на производстве.

Организационно культсоветы являются тем центром, вокруг которого группируются все остальные органы самоуправления лишенных свободы: товарищеские суды, редакции стенгазет, социально-бытовые комиссии и т. п.

Положение о работе исправительно-трудовых учреждений РСФСР 1933 г. отводит культсоветам еще большее место, чем прежде, в процессе исправительно-трудового воздействия. Ст. 18 Положения указывает, что в местах лишения свободы «политико-воспитательная работа проводится культсоветом лишенных свободы» под руководством помощника начальника по политико-воспитательной части.

Опыт работы последних лет показывает, что там, где культсоветы сумели организовать работу и использовать те широкие возможности, которые им предоставляются, они являются средоточием политической, общественной и культурной жизни лишенных свободы, оказывая глубо-

ко проникающее влияние на все звенья исправительно-трудового процесса. В таких местах лишения свободы наиболее развито ударничество и соцсоревнование, лучше выполняются промфинпланы, успешнее протекает культурная работа и активнее ведется борьба за искоренение старых тюремных традиций.

2. ШТАБЫ УДАРНЫХ БРИГАД

Трудовой подъем в советской стране, направленный по руслу социалистических форм и методов труда — соревнования и ударничества, нашел свое отражение и в жизни советских мест лишения свободы, в которых труд представляет основу, на которой строится процесс исправительно-трудового воздействия.

Для непосредственной организации и проведения производственно-массовой работы в местах лишения свободы создаются штабы или советы ударных бригад. Штабы ударных бригад являются продуктом инициативы лишенных свободы трудящихся. Они выросли стихийно, без всякой указки, без положений, инструкций или циркуляров сверху. Формально штабы действуют на правах секторов культсоветов, но в практике работы происходит ясно выраженный процесс перерастания штабами рамок простого сектора культсовета. Штабы ударных бригад посылают своих представителей в культсовет, в товарищеский суд, в редколлегию стенгазеты, становятся застрельщиками по линии улучшения культурно-бытовых и санитарно-гигиенических условий и в качестве представителей общественности лишенных свободы принимают участие в борьбе за высшие формы труда, учебы и быта лишенных свободы.

Штабы ударных бригад составляются из лучших ударников — представителей от отдельных мастерских, цехов или ударных бригад. Работают штабы под председательством организаторов политико-воспитательной части мест лишения свободы, при широком участии производственных цеховых комиссий и отдельных ударников. Отчитывается штаб перед собраниями или конференциями ударников. Решения штаба по наиболее важным и принципиальным вопросам (как и решения культсовета) утверждаются помощником начальника по политико-воспитательной части).

Организация соцсоревнования и ударничества и борьба за выполнение промфинплана являются основной задачей штаба ударных бригад. Все формы и методы, выработанные в этой области рабочей инициативой советского государства, применяются штабами с большим успехом. Продуктивность работы ударников изучается производственной комиссией в цеху, и звание ударника закрепляется штабом. Широко применяются договоры о соцсоревновании как между отдельными работающими, так и между бригадами, цехами, мастерскими и целыми местами лишения свободы.

Политико-воспитательные части исправительно-трудовых учреждений в большинстве своем правильно подошли к этой области работы штабов, возглавив и направив по надлежащему руслу ударническое движение. Ударничество и соцсоревнование охватывают всех лишенных свободы

независимо от характера судимости и классового происхождения. Однако звание ударника присваивается классово чуждым и осужденным за контрреволюционные преступления только в случаях исключительно сознательного отношения к труду, высоких показателей и перевыполнения норм выработки. Учет и оформление ударников из классово чуждых и осужденных за контрреволюционные преступления производятся в общем порядке наравне с трудящимися, но с указанием в именных списках характера судимости и классового происхождения. Заключение договоров о соревновании практикуется также и классово чуждыми. Так например по исправительно-трудовым учреждениям Уральской обл. к концу 1932 г. из существовавших 577 ударных бригад, бригад из классово чуждых было 49. Договоров же о соревновании отдельных групп классово чуждых между собою заключено 185.

Все важнейшие вопросы в области соцсоревнования и ударничества предварительно обсуждаются в производственных комиссиях и на совещаниях по цехам, а затем на заседаниях штаба. Штабом обсуждаются нормы выработки, расценки, выдвигаются встречные планы и производится доведение планов до бригад и станков. Практикуется установка контрольных постов, устраняющих недочеты на месте или сигнализирующих о них в штаб. Эти же посты, связанные со стенгазетами, ведут учет количественных и качественных показателей, публикуемых при помощи газеты, радио или путем вывешивания в общественных местах. Таким же путем производится выявление лжеударников.

Процент охваченных соцсоревнованием и ударничеством в отдельных местах лишения свободы колеблется от 50 до 85. Так, в исправительно-трудовых учреждениях Северокавказского края к концу 1931 г. было охвачено соцсоревнованием и ударничеством около 70% общего числа осужденных лишенных свободы. Из общего числа охваченных соцсоревнованием и ударничеством 74% падало на трудящихся и 26% на выходцев из классово чуждой среды. В 1932 г. цифры охвата соцсоревнованием и ударничеством увеличились по сравнению с 1931 г. на 11,5%. Соцсоревнование и ударничество, помимо их воспитательного значения, дают исключительные производственные результаты. На Северном Кавказе в 5-й колонии пропускная способность известковой печи увеличена с 14 000 до 16 000 пуд. в сутки; печь, дававшая готовой извести 18 000 пуд., усилила свою производственную мощь до 21 000 пуд. в сутки. В Миллеровской колонии добыча камня увеличена с 2,4 до 2,9 кубометра в день на человека. Повышение производительности труда по всем исправительно-трудовым колониям края дало в 1931 г. не менее 400 000 руб. Таких примеров множество. Во всех местах СССР имеются образцы подлинного трудового энтузиазма со стороны ударников из лишенных свободы (Украина, Урал, Ленинградская обл.).

Большую роль играют штабы в создании хозрасчетных бригад. При помощи штабов в местах лишения свободы Уральской обл. к концу 1932 г. было организовано до 400 хозрасчетных бригад. Основными задачами штабов ударных бригад являются проведение рационализаторских мероприятий на производстве, улучшение условий работы и ее методов, усовершенствование орудий производства. Во многих местах ли-

шения свободы наряду с рационализаторскими бюро этих мест работают рационализаторские ячейки лишенных свободы. Рационализаторские мероприятия или изобретения прорабатываются ячейками, производственными комиссиями и штабами ударных бригад, после чего администрациями мест лишения свободы проводятся по этим решениям практические мероприятия. По одной только Уральской обл. за 9 мес. 1932 г. лишенные свободы внесли 195 рационализаторских предложений, давших экономию средств в 159 000 руб. Поощрение и премирование лучших ударников и лиц, давших ценные рационализаторские предложения, также входят в сферу деятельности штаба ударных бригад, который направляет свои представления о поощрении в наблюдательную комиссию, а вопрос о материальном премировании возбуждает перед администрацией. Система премирования получила широкое распространение. В исправительно-трудовых учреждениях Северокавказского края в 1931 г. было премировано 1 140 чел. лишенных свободы, из них 411 — деньгами, 673 — вешами (обувью, одеждой), остальные — поощрениями по наблюдательной комиссии с досрочным освобождением 37 чел. Ударничество среди классово чуждых элементов и осужденных за контрреволюционные преступления стимулируется путем улучшения материально-бытовых условий — дополнительным питанием, материальным премированием, сдельной оплатой и в отдельных случаях зачетом рабочих дней. Значительное место в деятельности штабов ударных бригад занимает производственная пропаганда и борьба за овладение техникой. Эта работа увязывается с деятельностью профтехкурсов и курсов предварительной квалификации.

Штурмы, месячники и декадники по ликвидации прорывов на производстве, летучие митинги, участие в важнейших хозяйственно-политических кампаниях, проводимых в местах лишения свободы, помощь окрестным совхозам и колхозам во время уборочных и посевных кампаний дополняют методы работы штабов ударных бригад, опирающихся на массовую поддержку и инициативу лишенных свободы из среды трудящихся.

3. ЮРИДИЧЕСКОЕ БЮРО

Юридические бюро оказывают юридическую помощь лишенным свободы и ведут работу по пропаганде советского права. Бюро существуют преимущественно в крупных местах лишения свободы и развивают свою деятельность при посредстве юридических кружков, вечеров вопросов и ответов, докладов, бесед, лекций, агитсудов, путем освещения правовых вопросов в стенгазете и т. д.

Наблюдающаяся среди работников мест лишения свободы недооценка юридических бюро, взгляд на них не как на орган самодеятельности, утверждение, что оказанием юридической помощи должны заниматься административные части и коллегии защитников и что общественности и политико-воспитательным частям здесь делать нечего, являются глубоко ошибочными.

Работа юридических бюро — работа пропагандистская, политическая. Юридические кружки — это кружки политического типа, и кому

как не политико-воспитательным частям, общественности лишенных свободы и органам прокуратуры заниматься этой работой? Оказание юридической помощи лишенным свободы, в особенности в местах лишения свободы, для пересыльных и следственных, имеет громадное практическое значение. Юридическая неграмотность большинства лишенных свободы, недостаточная помощь им со стороны местных коллегий защитников, часто равнодушие к этому вопросу со стороны административных органов влекут за собой сплошь и рядом то, что лишенный свободы не может использовать своих процессуальных прав, нередко пропускает кассационные сроки и т. д.

Инструкция Главного управления местами заключения РСФСР по оказанию юридической помощи заключенным от 21 июля 1929 г.[1] ставит задачей юридических бюро пропаганду права и оказание юридической помощи и возлагает эту работу на политико-воспитательные части. 21 августа 1929 г. начальникам мест заключения РСФСР даны были указания об организации юридических кружков и о программах занятий с лишенными свободы в этих кружках[2].

Хотя инструкция эта в значительной части устарела и требует переработки и дополнений, однако она в основном правильно ставит задачи юридических бюро.

Юридические бюро работают под председательством одного из организаторов политико-воспитательной части, в составе нескольких членов из лишеннных свободы, избираемых культсоветом и имеющих необходимый минимум юридических знаний. План работы юридического бюро утверждается культсоветом, перед которым юридическое бюро и отчитывается в своей работе. Юридические бюро связаны в своей работе как в смысле оказания юридической помощи, так и по линии пропаганды права с местными коллегиями защитников и прокуратурой.

Пропаганда советского права проходит преимущественно в форме вечеров вопросов и ответов, а также докладов прокуратуры и представителей наблюдательных комиссий на правовые темы. Что касается юридических кружков, то в силу указанной недооценки работы юридических бюро эти кружки широкого распространения еще не получили.

Организация юридической помощи лишенным свободы строится путем распределения этой работы между членами юридических бюро по территориальному признаку (корпуса, коридоры, отделения мест лишения свободы) или же по принципу обслуживания отдельных категорий лишенных свободы по характеру судимости, положению на производстве и т. д. Члены юридического бюро обходят лишенных свободы, выявляя нуждающихся в юридической помощи, или вызывают их в специально предназначенное для работы юридического бюро помещение. Наиболее сложные вопросы, возникающие в практике юридического бюро, передаются на разрешение периодически дежурящих членов

---

[1] «Бюллетень НКВД РСФСР», 1929 г. № 29, стр. 587.
[2] Там же, № 33, стр. 643.

коллегии защитников. Там, где работа по оказанию юридической помощи поставлена удовлетворительно, члены юридического бюро выполняют все необходимое для правовой помощи, начиная с кассационных жалоб, ходатайств о помиловании, жалоб в порядке надзора и кончая заявлениями в наблюдательную комиссию или начальнику места лишения свободы.

Своевременная и правильная юридическая помощь способствует укреплению дисциплины на производстве и в быту, воспитывая в лишенных свободы уважение к революционной законности. Уже по одному этому, не говоря о значении пропаганды советского права, юридические бюро должны служить предметом усиленного внимания в системе органов самодеятельности и самоуправления лишенных свободы.

4. САНИТАРНО-БЫТОВЫЕ КОМИССИИ

Общественная инициатива лишенных свободы в области санитарно-бытовых вопросов находит свое проявление в санитарно-бытовых комиссиях. Комиссии эти являются выборными органами, руководимыми в политическом и организационном отношении политико-воспитательными частями через культсоветы, а в отношении санитарных вопросов — медико-санитарными частями. В своей работе комиссии отчитываются перед культсоветом и общим собранием лишенных свободы.

Инструкция по санитарно-просветительной работе в местах лишения свободы, изданная 2 апреля 1928 г. Главным управлением местами заключения и Наркомздравом[1], касалась только вопросов санитарного просвещения и подчиняла эту работу задачам «привития заключенным санитарно-гигиенических навыков». Однако формы и методы работы санитарно-бытовых комиссий переросли указания инструкции. Положение о санитарно-бытовых комиссиях исправительно-трудовых учреждений РСФСР от 9 февраля 1932 г. только оформило выдвинутые низами и проверенные на практике новые формы и методы самодеятельности и дало этим формам принципиальное обоснование.

Практическая деятельность санитарно-бытовых комиссий охватывает широкий круг вопросов. Сюда относится прежде всего наблюдение за санитарным состоянием жилых и общественных помещений и за исполнением лишенными свободы правил санитарии и гигиены. Борьба за лучшие санитарно-бытовые условия в бараках, общежитиях, кухнях, хлебопекарнях, столовых, прачечных, банях, больницах и т. д. проходит в первую очередь путем наблюдения за этими местами через корпусных и этажных уполномоченных и коридорных санитарно-бытовых постов, а также через старостат и культармейцев. Производятся обходы, регулярные обследования, внезапные проверки.

Санитарно-бытовые комиссии ставят перед администрацией целый ряд вопросов, выходящих за рамки простейших мероприятий по поддержанию чистоты и соблюдению санитарных правил. Эти вопросы касаются переоборудования помещений, производства дезинфекций, ме-

[1] «Действующие распоряжения по местам заключения», изд. НКВД РСФСР, 1929 г., стр. 240.

дицинских осмотров и санитарной обработки лишенных свободы, механизации прачечных и хлебопекарен, снабжения лавочек при местах лишения свободы предметами санитарии и гигиены, улучшения вкусовых качеств пищи, борьбы с эпидемиями и т. д.

Санитарно-бытовые комиссии опираются на широкий актив, при помощи которого проводятся целые кампании — месячники, декадники и субботники чистоты, конкурсы на лучшую в санитарном отношении камеру, мастерскую, организуются соревнования между бригадами по лучшему санитарному состоянию и т. д.

Санитарное просвещение осуществляется при помощи кружков (санитарно-профилактических на Урале, где таких кружков 52 с 1 040 участниками, кружков РОКК в Московской обл. и т. д.), лекций, докладов и бесед, демонстрирования кинофильм на санитарные темы, организации агитсудов и т. д. В Московском Таганском домзаке санитарным активом совместно с драмкружком по сценарию, разработанному самими лишенными свободы, был поставлен инсценированный агитсуд, имевший большой успех. Такие же суды практикуются и в других местах. Видное место в работе санитарно-бытовых комиссий занимают также борьба с нездоровыми явлениями в быту (картежная игра, пьянство, старые тюремные традиции и т. д.), организация быта лишенных свободы, заполнение их досуга полезными занятиями и развлечениями и наконец работа по физическому оздоровлению лишенных свободы при помощи физкультурных кружков и гимнастических занятий. Санитарно-бытовые комиссии существуют и в мелких местах лишения свободы. Так, на Урале работает 68 таких комиссий с 682 лишенными свободы, по Московской обл., по неполным сведениям, в санитарно-бытовых комиссиях работает 88 чел. и т. п.

В отношении несоблюдающих санитарно-гигиенических правил санитарно-бытовые комиссии осуществляют общественное воздействие в форме порицания при помощи печати, через товарищеский суд или, если меры общественного воздействия исчерпаны, ставят вопрос перед администрацией.

Санитарно-бытовые комиссии, помимо своего практического значения и значения как одной из форм самодеятельности, являются школой, воспитывающей лишенных свободы в направлении санитарного просвещения и подготовки из них активных участников борьбы за санитарно-бытовые улучшения жизни трудящихся после того, как они возвратятся в их ряды по отбытии лишения свободы.

Е. Френкель и Д. Стельмах

ТОВАРИЩЕСКИЕ СУДЫ

В арсенале мер классового подавления пленников капиталистического строя, заключенных в буржуазных тюрьмах, дисциплинарные взыскания занимают одно из «почетнейших» мест. При их активной помощи достигаются и задача «донимающего исправления» и задача физического уничтожения заключенных пролетариев. Они именно являются любимейшим способом «ломать» волю заключенного, разлагать его сознание, делать его неспособным к борьбе, к сопротивлению, к протесту. Неудивительно, что во всех буржуазных тюремных уставах, положениях и инструкциях правила о дисциплинарных взысканиях занимают центральное место.

От этой системы администрация буржуазной тюрьмы не отказалась бы ни при каких условиях. Такому утверждению не противоречат те единичные лицемерные попытки социальной демагогии в вопросе наложения дисциплинных взысканий, которые в период империализма имели место в отдельных тюрьмах Америки и Германии. Попытками создания «судов чести» в двух-трех американских тюрьмах или попыткой ввести представителей заключенных в смешанные дисциплинарные суды Гамбургской тюрьмы исчерпываются все передовые начинания буржуазных тюрьмоведов, если не говорить о «товарищеских» судах в нескольких детских тюрьмах Америки и Германии,— судах, фактически нисколько не мешающих проявлению неограниченной деспотической власти начальников этих тюрем.

Впрочем даже и эти пародии на «товарищеские» суды были меньше всего педагогическим средством, способом воспитания или орудием самоуправления. Под этим флагом администрация тюрьмы проводила при помощи товарищеских судов идеи буржуазной юстиции, со всем ее классовым содержанием, со всей ее жестокостью и мстительностью.

Даже в детских тюрьмах «товарищеские» суды перенесли в детский быт самые мрачные и жестокие пережитки буржуазной тюрьмы, приговаривая за детские шалости, за резвость, присущую детскому возрасту, к тяжелым принудительным работам, к полуголодному пайку, к длительному молчанию и т. д.

Надо ли говорить о том, что фашизация тюремной репрессии начисто вымела даже эти «либеральные» начинания.

Появление, развитие и деятельность товарищеских судов в местах лишения свободы СССР находятся в неразрывной связи со всеми основными принципами советской исправительно-трудовой политики, вытекают из них, являются их естественным продолжением и развитием.

Задача «воспитания к дисциплине», проникающая во все звенья исправительно-трудового воздействия, создающая в советских местах лишения свободы развитую систему самодеятельности и самоуправления, с особенной отчетливостью и выпуклостью находит свое выражение в товарищеских судах.

Возникнув и организационно оформившись ранее многих других форм самодеятельности, обладая гибкостью и способностью быстро реагировать на все отрицательные явления жизни места лишения свободы, не требуя больших усилий на свою организацию, давая немедленный и глубоко действующий воспитательный эфект, товарищеские суды быстро выдвинулись вперед в сфере самодеятельности и самоуправлении и завоевали себе популярность и авторитет среди массы лишенных свободы.

Товарищеские суды стали возникать стихийно уже в первые годы революции. Правовое оформление их и систематическое руководство ими началось только в 1925—1926 гг. Первые документы, оформлявшие деятельность этих судов и дававшие им директивы для их работы, обладали рядом недостатков.

Принципы классового подбора при выборах в члены товарищеских судов и роль товарищеских судов в деле борьбы с идеологическим влиянием лишенных свободы из числа классово враждебных элементов на трудящихся не нашли в частности отражения в первых актах о товарищеских судах. Так, например, в Инструкции, изданной в 1925 г. в УССР суды назывались «морально-товарищескими». Хотя моральное исправление понималось в этом акте не в смысле буржуазной морали, но тем не менее Инструкция в целом была проникнута идеей индивидуального воздействия на личность, идеей индивидуальной переделки психики осужденного.

Задачи товарищеского суда в этот период носят также чисто «пенитенциарный» характер и ограничиваются борьбой с бытовыми нарушениями и с пережитками старых тюремных традиций и нравов. Наряду с этим Инструкция копирует внешний декорум «настоящего» суда, с предварительным расследованием, с обязательным обвинительным заключением, с ненужной торжественностью, с применением формулы «встать — суд идет» и т. д. Впрочем увлечение показной стороной дела не совсем еще изжито до сих пор, и в одном из мест лишения свободы Северного Кавказа товарищеский суд еще недавно объявлял приговоры «именем социалистической стройки пятилетки в четыре года».

На товарищеские суды первого периода оказывали свое влияние все недостатки исправительно-трудовой теории и практики того периода. Влияние некритически воспринятых положений так называемой «прогрессивной системы» находило свое отражение в том, что в состав суда избирались лишенные свободы по одному лишь признаку состояния в разряде образцовых. Это давало возможность проникать в сос-

тав товарищеских судов и классово враждебным элементам. Среди мер воздействия видное место занимало понижение в разряде и лишение чисто «тюремных» привилегий. Меры общественного воздействия почти отсутствовали. Зато часто применялась изоляция в отдельную камеру.

Но тем не менее даже несовершенные еще товарищеские суды постепенно разряжали остатки затхлой тюремной атмосферы прошлого, которая создавалась недостаточным в условиях восстановительного периода привлечением к труду лишенных свободы и неудовлетворительной организацией труда, скученностью, влиянием сплоченных групп рецидивистов-профессионалов, эксплоатировавших новичков, не искушенных в тюремных традициях и нравах.

Благодаря товарищеским судам тюремный завсегдатай, профессиональный вор, «блатной» начал понимать, что доведение до ведома товарищеского суда антисоциальных поступков не есть донос, «капание», а общественный долг. Товарищеский суд подрезал корни тех неписанных законов, в силу которых «доносчик» подлежал жестоким наказаниям, выносимым и проводимым крепко сплоченными группами рецидивистов-профессионалов. Суд впервые стал создавать общественное мнение лишенных свободы вокруг антиобщественных поступков. Дисциплина сознательного коллектива шла благодаря товарищеским судам на смену остаткам «блатной» дисциплины.

Хотя большинство дел, рассматривавшихся в товарищеских судах в восстановительном периоде, — это дела по так называемым бытовым проступкам (хулиганство, азартные игры, драки, кражи и т. п.), хотя дела о нарушении трудовой дисциплины занимали в практике судов того периода самое скромное место, тем не менее значение товарищеских судов было в тот период огромно. Не являясь еще органом, стимулирующим массы на выполнение производственных заданий, товарищеские суды сыграли большую роль в деле борьбы с пережитками старого тюремного быта и за новые социалистические формы быта. Вместе с тем суды активно содействовали развитию общественных навыков среди лишенных свободы и являлись одним из основных звеньев политической и культурной работы, проводившейся в исправительно-трудовых учреждениях.

Наиболее полные и систематизированные статистические материалы о деятельности товарищеских судов имеются по УССР. Они видны из следующей таблицы (см. стр. 195).

Как видно из этих цифр, наибольшего развития товарищеские суды достигли в 1926—1927 г. Уменьшение числа дел, рассматриваемых этими судами, в последующие годы можно объяснить уменьшением числа проступков, требующих вмешательства судов, т. е. общим оздоровлением быта, вызванным упорной борьбой с пережитками тюремных традиций.

К этому времени относится подведение на базе опыта нескольких лет итогов деятельности товарищеских судов в УССР. На Всероссийском совещании исправительно-трудовых учреждений в 1928 г. опыт товарищеских судов в УССР был признан удачным. Товарищеские суды

Дела, рассмотренные в товарищеских судах украинских мест лишения свободы (в процентах)

Годы	Всех дел возникло	Рассмот-рено	Вынесено обвинитель-ных приго-воров	Оправда-тельных приговоров	Не рас-смотрено	Прекра-щено
1925—26	1 246—100	1 112—75	859—85	145—15	—	—
1926—27	3 427—100	2 816—82	2 303—81,7	513—18,3	519—15,1	—
1927—28	2 763—100	2 302—83,3	1 931—83,9	371—16,1	293—10,6	168—6,1
1928—29	2 512—100	2 211—88	1 755—79,4	456—23,6	301—12	—
1929—30	1 608—100	1 561—94,5	1 100—72,4	192—12,6	87—5,4	229—15
1930—31	4 224—100	4 077	3 310 78,6	310—7,3	147—3,4	457—10,7
1932 г. I полуг.	3 204—100	3 040—94,8	2 118—69,7	922—30,3	—	166—5,2

стали вводиться и в местах лишения свободы РСФСР. В 1929 г. они были оформлены здесь «Положением о товарищеских судах». В 1931 г. это положение было вновь переработано, а в 1932 г. заменено новым, учитывающим недостатки практики судов и изменившиеся условия работы исправительно-трудовых учреждений.

Вступление в реконструктивный период, гигантские достижения в деле индустриализации страны и коллективизация сельского хозяйства не сразу отразились на работе исправительно-трудовых учреждений, в целом, и на работе товарищеских судов, в частности. Только в 1930 г. резко обнаруживается переход работы исправительно-трудовых учреждений на новые рельсы, производство начинает планироваться, осуществляется переход на самоокупаемость, внедряются социалистические формы труда, и режим мест лишения свободы начинает приближаться к производственному режиму. Политико-воспитательная работа начинает строиться на производственной базе, и общественность лишенных свободы все более характеризуется развертыванием коллективных форм самодеятельности.

Эти решающие сдвиги сказываются и на работе товарищеских судов. Организация в местах лишения свободы крупных предприятий фабрично-заводского типа и совхозов мобилизует лишенных свободы вокруг выполнения промфинплана. В этой обстановке особенное значение приобретает суждение коллектива лишенных свободы об отдельных нарушителях трудовой дисциплины. Товарищеские суды, давая такую оценку, организуют массы на ударничество и соцсоревнование, вокруг выполнения промфинплана, вокруг вопросов об ответственности за станок и материал, за качество продукции.

Новое содержание работы товарищеских судов проявляется в изменении характера проступков, доходящих до разбирательства в судах. Имеющиеся в этом отношении данные по РСФСР (за первую половину 1932 г.) и УССР (за 1932 г.) рисуют следующую картину:

По РСФСР

Наименование ИТУ	Разобрано дел: Нарушения труддисциплины и др. проступки, связанные с производством	Порча книг, отказ от учебы, национальная рознь, невыполнение обществен. заданий и др.	Бытовые (кражи, хулиганство, картежная игра и др.).	Всего
Московская область	841	183	567	1 591
Уральская "	691	487	803	1 981
Иван.-Пром. "	146	14	222	382
ЦЧО "	115	32	157	304
Ленинградская "	124	53	309	486
Северный край	101	70	107	278
Горьковский край	23	60	36	119
Вост-сиб. край	17	—	100	117
Итого	2 058	899	2 301	5 258
Всего в %	39,1	17,1	43,8	100,0

По УССР

Нарушения производственной дисциплины	47%
Кражи	26%
Хулиганские проступки	11%
Непосещение школ и курсов	8%
Картежная игра	4%
Разные (порча библиот. книг, оскорбление и пр.)	4%

Как видно из этих цифр, почти половина всех рассмотренных дел все еще относится к бытовым проступкам. Тем не менее практика товарищеских судов носит уже по преимуществу производственный характер. Проступки, характерные для восстановительного периода, все более исчезают из практики судов. Правда, все это часто еще дела о кражах, но за то хулиганские поступки и картежные игры, занимавшие раньше большое место, все более отходят на второй план. В отдельных колониях (например в УССР в Луганской, Артемовской, Одесской) число производственных дел достигает 60—70%. Картежная игра встречается преимущественно в изоляторах для следственных и совершенно отсутствует в сельскохозяйственных и строительных колониях.

Производственные нарушения, рассматриваемые товарищескими судами, главным образом следующие: прогулы, симуляция, небрежное отношение к инвентарю и материалу, а в сельскохозяйственных колониях — к скоту. Самовольные отлучки квалифицируются судами как

«срыв выполнения промфинплана», или «срыв уборочной кампании». Пьянство рассматривается под углом зрения отражения на выполнении производственных заданий. «Халатное отношение к инструментам» и «злостное отношение к инвентарю» резко осуждается судами.

В Сталинской колонии (УССР) судят мастера-механика, заявившего: «Труддисциплина меня не касается, я техработник, а не организатор работ». В одном приговоре подчеркивается «обезличка, безответственность и в результате этого срыв производственных планов». Приготовление поваром недоброкачественной пищи, отражающейся на здоровье лишенных свободы, рассматривается товарищеским судом как вредительство, как фактор, влияющий на промфинплан.

Товарищеский суд Одесской промколонии в приговоре о лишенном свободы Хаецком, обвинявшемся в лодырничестве и симуляции на производстве, пишет: «Хаецкий работал в бригаде слесарного цеха, где проявил лодырничество. На работу являлся поздно, работу покидал рано, работал лишь бы день до вечера. Работал также и в Дофиновке, откуда с работы убежал, был в самовольной отлучке. Работал в прокатном цехе, где также лодырничал, да еще твердил, что его посадили в промколонию не работать, а «сидеть». Своим поведением оказывал вредное влияние на работников. Хаецкий прикрывается именем крестьянина-бедняка, но, по показаниям свидетелей, он кулак, был раскулачен. Товарищеский суд считает, что Хаецкий — классовый враг нашего государства, который, прикрываясь именем бедняка, ведет свою кулацкую руботу, работу врага в стенах промколонии. Его политический облик кулака ясно выявляет его дела и стремления, и его дела — лодыря и симулянта — ясно характеризуют его кулацкий облик. Товарищеский суд, заостряя внимание общественности промколонии на выполнении промфинплана в борьбе с кулацкими действиями типа Хаецкого, типа кулака, лодыря, летуна на производстве и симулянта, постановил»...

В ряде приговоров и постановлений общих собраний, посвященных обсуждению деятельности товарищеских судов, отражается сознательное их отношение к задачам, выполняемым исправительно-трудовыми учреждениями. Встречаются также такие формулировки: «Самовольные отлучки отражаются на ходе нашей великой стройки» или «Подсудимый не учитывает важности нашего строительства».

Хотя положения о товарищеских судах и содержат перечни проступков, подлежащих рассмотрению в товарищеских судах, но места уже не удовлетворяются этими перечнями и требуют их расширения. Так, общие собрания лишенных свободы в УССР требуют дополнения этих перечней производством брака, выпуском низкопробной продукции, небрежным отношением к инструменту и т. д.

В проступки непроизводственного характера, рассматриваемые товарищескими судами, входят: порча книг и учебных пособий, дезорганизация школьных занятий, уклонение от обучения в школах и курсах ликбеза и профтехнического образования, невыполнение общественных заданий, воровство, драки, хулиганство, оскорбления, картежная игра,

антикультурные бытовые проступки и забавы, а также нарушение правил санитарии и гигиены.

В перечне проступков, подлежащих рассмотрению в товарищеских судах УССР, фигурирует использование лишенными свободы для личных услуг других лишенных свободы, представляющее один из худших пережитков царской тюрьмы. В большинстве случаев такая эксплоатация наблюдается со стороны классово чуждых элементов, материально лучше обеспеченных, в отношении выходцев из бедняцкой среды. Но бывает, и притом нередко, эксплоатация со стороны наиболее махровых рецидивистов — «вожаков», держащих в повиновении более слабых.

В свое время вопросы борьбы с такой эксплоатацией особенно остро стояли в местах лишения свободы среднеазиатских республик, где использование бедноты баями имело свои корни не только в материальной зависимости, но и в родовом и религиозном укладе населения, и где потребовались специальные меры борьбы с этим злом.

Меры воздействия, налагаемые товарищескими судами, заключаются в замечании, выговоре, простом выговоре, с предупреждением или с опубликованием в печати, ходатайстве перед начальником места лишения свободы или перед наблюдательной комиссией о лишении свиданий или права получения передач, о переводе в другое место лишения свободы с более строгим режимом, о непредоставлении отпуска, зачета рабочих дней или условно-досрочного освобождения. При этом сроки воздействия не должны превышать в отношении свиданий и передач одного месяца, непредоставления отпуска — трех месяцев, незачета рабочих дней — тридцати дней, условно-досрочного освобождения — шести месяцев после наступления срока, дающего право на возбуждение ходатайства об условно-досрочном освобождении.

Среди мер воздействия фигурируют также возмещение причиненного ущерба своими усилиями или средствами в пределах месячного заработка, запрещение на определенный срок или на все время пребывания в месте лишения свободы выполнять связанную с проступком работу или руководить общественно-культурной работой в какой-либо области.

Не допускается объединение двух мер воздействия по одному и тому же делу и в отношении одного и того же лица, за исключением возложения обязанности возмещения вреда, запрещения связанной с проступком работы и запрещения руководства общественной работой. Эти меры могут применяться и как основные и как дополнительные к другим мерам.

Места не удовлетворяются этими мерами воздействия и стихийно выдвигают новые. В УССР применяется «лишение звания ударника и отнятие книжки».

Но встречаются на практике и явные извращения в сторону увлечения репрессивностью. Так, в Горьковском крае встречаются постановления товарищеских судов о незачете рабочих дней на весь срок пребывания в месте лишения свободы. В Восточной Сибири имеется случай ходатайства товарищеского суда перед прокурором об отклонении

просьбы лишенного свободы о восстановлении его в избирательных правах. Рекорд побил в этом отношении ярославский товарищеский суд, вынесший постановление об оставлении лишенного свободы в месте лишения свободы сверх срока, установленного приговором. Подобного рода решения товарищеского суда, выходящие за пределы его полномочий, конечно немедленно аннулируются.

Инициатива товарищеских судов, даже выходящая за рамки положения, впрочем лишь в редких случаях противоречит принципам исправительно-трудовой политики. В полном соответствии с этими принципами находится, в частности, занесение на черную доску, объявление лодырем, исключение из числа ударников и т. д. Внимательного изучения заслуживает применяемый товарищеским судом Ленинградского домзака перевод лишенного свободы на положение так называемого «твердобезработного», т. е. устранение его от работы, со всеми вытекающими отсюда последствиями, как-то: уменьшение пайка, незачет рабочих дней и т. д. Если для одних категорий лишенных свободы такая мера чрезвычайно тяжела, то для некоторой части деклассированных элементов она явится патентом на безделье и тунеядство. Применение этой меры нужно признать вредным.

Чрезвычайно повысилась в реконструктивном периоде роль товарищеских судов не только как органов воспитания к дисциплине, но и как орудия подавления сопротивления классово враждебных элементов.

Обострение классовой борьбы со стороны остатков разгромленных классов не прекращается за тюремными стенами. Скрытые и открытые формы антисоветской агитации, попытки идеологического влияния со стороны кулацких элементов на лишенных свободы трудящихся, разложение в быту и на производстве и прямое вредительство — таковы наиболее частые формы классовой борьбы лишенных свободы из классово враждебных элементов.

Кулак, лишенный свободы всячески изощряется, чтобы внести разложение и сорвать производство, причем действия его, направленные к этой цели, варьируются в связи с обстановкой: в сельскохозяйственных колониях он идет в ближайший поселок, пьянствует, приносит водку в колонию и спаивает других лишенных свободы. В фабрично-заводских колониях он агитирует за отказ от якобы недостаточного хлебного пайка, в домах для следственных он умышленно бросает в парашу недоеденные продукты, чтобы не поделиться с сокамерниками.

Должны ли товарищеские суды разбирать проступки классово враждебных элементов?

Практика в этом вопросе не представляет единства. Некоторые товарищеские суды реагируют на подобные проступки и применяют к совершившим их классово враждебным элементам те или иные меры воздействия.

У других судов наблюдается тенденция совершенно исключить из сферы деятельности товарищеских судов проступки, совершенные классово чуждым. Анкетное обследование по этому вопросу в местах ли-

шения свободы Северного Кавказа показало, что большинство этих мест отрицательно относится к разбору товарищескими судами дел кулаков. Там же был характерный случай, когда кулак заявил, что он считает невозможным разбирательство его проступка товарищеским судом («я же для вас кулак, а не товарищ»). Уральская газета лишенных свободы «За темпы и качество» в № 2 от 1 марта 1932 г. в одной из статей писала: «Допустить кулака в товарищеский суд — это значит признать его товарищем, судить его по-товарищески, а мы знаем, что гусь свинье не товарищ». Правда, в одном из следующих номеров газета отмежевалась от этой точки зрения, но несомненно, что и на Урале и на Северном Кавказе и в других местах подобные тенденции были. Однако по делам, имеющим общественно-воспитательное значение и в отношении классово чуждых элементов, поддающихся исправительно-трудовому воздействию, вмешательство товарищеских судов необходимо. Политико-воспитательный сектор Главного управления исправительно-трудовыми учреждениями РСФСР ясно определил роль товарищеских судов в отношении кулаков: «Внести большую четкость в работу товарищеских судов, распространив их влияние и на классово чуждый элемент, заостряя внимание лишенных свободы из числа трудящихся на непримиримую борьбу с вылазками классового врага, на борьбу с тенденциями примиренчества, а также против лодырей и прогульщиков и т. д.».

В мае 1933 г. эта директива была уточнена специальным циркуляром Главного управления исправительно-трудовыми учреждениями РСФСР, устанавливающим следующие принципы рассмотрения товарищескими судами проступков лишенных свободы из классово чуждых элементов:

«Некоторая часть лишенных свободы из классово чуждых элементов, после того как к ним были применены меры уголовной репрессии, в настоящее время поддается перевоспитанию, — в отношении этой категории лишенных свободы слушание дел об их проступках в товарищеских судах имеет значение дальнейшего общественного на них давления, в целях ускорения процесса перевоспитания,—поэтому рассмотрение в товарищеских судах проступков этой категории лиц из классово чуждых допустимо.

Товарищеские суды рассматривают проступки классово чуждых лишенных свободы только тогда, когда рассмотрение ими дела имеет значение дальнейшего воспитательного воздействия, когда дело носит общественный характер и рассмотрение дела способствует мобилизации политической активности лишенных свободы.

Порядок рассмотрения подобных дел товарищескими судами тот же, что и в отношении дел о проступках лишенных свободы из трудящихся, однако же при рассмотрении их по существу товарищеский суд должен проявлять максимум классовой бдительности.

Конечно, проведение правильной политической линии в этом вопросе особенно настойчиво требует классово выдержанного подбора членов товарищеских судов. Состав судов должен избираться из числа трудящихся, из лучших ударников на производстве места лишения свободы

и лишь в известной части из ударников из числа бывших рецидивистов. Члены товарищеского суда должны обладать классовым чутьем и умением разбираться в политической обстановке.

По имеющимся данным в УССР в 1931 и 1932 гг. в состав товарищеских судов входили, главным образом, осужденные, происходящие из рабочих, крестьян, бедняков, середняков и служащих. Однако статьи по которым осуждены члены товарищеского суда, в большинстве относятся к должностным преступлениям (преимущественно злоупотребление властью, халатность, нередко растраты). Один из камерных корреспондентов правильно отмечает, что такой подбор судей из совслужащих недопустим, что в состав товарищеского суда должны входить рабочие с производства, колхозники и единоличники. В отдельных случаях в составе товарищеских судов встречаются осужденные за убийство, разбой, а также рецидивисты-профессионалы.

«Судопроизводство» товарищеских судов было изменено и упрощено в реконструктивном периоде. Отменено предварительное расследование, упрощены формы рассмотрения дел. В то время как в восстановительном периоде товарищеские суды работают «со всеми судебными атрибутами, с членами суда, обвинителем и защитником», теперь участие обвинителя и защитника не обязательно. Тем не менее отдельные суды не изжили еще чрезмерного увлечения формальной процедурой. Некоторые суды копируют производство народного суда, загромождают себя ведением предварительного расследования, писанием длинных протоколов и соблюдением излишних процессуальных обрядов. Этот «судейский» формализм, доходящий временами до курьезов, выливается в отдельных, правда очень редких случаях в прямые извращения, вроде применения меры пресечения — ареста (Марийская трудоколония Горьковского края).

Подводя итоги деятельности товарищеских судов, необходимо отметить, что товарищеские суды в большинстве случаев являются действительным и мощным средством перевоспитания лишенных свободы. Умея разбираться в политической обстановке и в политическом значении каждого отдельного дела, товарищеские суды поднимают рассматриваемые ими вопросы на должную принципиальную высоту и оказывают реальное воздействие на формирование общественного мнения лишенных свободы.

Так, например, товарищеский суд Московского Таганского домзака, разбирая дело о побоях, нанесенных ударнику, еврею по национальности, устанавливает наличие антисемитизма и в своем постановлении пишет: «Товарищеский суд расценивает действия обвиняемого Васильева как вылазку классового врага, стремящегося и в исправительно-трудовом учреждении вести свою разлагательскую работу...»

Другой пример из украинской практики.

Лишенный свободы Гисис обвиняется в порче книги, взятой им из библиотеки промколонии. Товарищеский суд реагирует следующим образом: «Товарищеский суд считает целиком доказанным, что Гисис испортил взятую им из библиотеки книгу, но кроме того судебным следствием установлено, что Гисис — симулянт на производстве, летун, пе-

релетает из одного цеха в другой. Был в типографии, портфельной мастерской, слесарной, разносчиком газет и внезапно очутился изолированным в корпусе. Считая книгу орудием классовой борьбы пролетариата, орудием борьбы за технику массам, товарищеский суд клеймит поступок Гисиса. Симуляция и летунство Гисиса вредно отражались на производстве и выполнении промфинплана. Считая, что единственным путем исправления являются труд и просвещение, что по нему Гисис не шел, а потому товарищеский суд постановил»...

Приведенные примеры, относящиеся еще к лету 1931 г., без всяких комментариев характеризуют лицо товарищеских судов.

Однако при больших и значительных достижениях товарищеских судов в практике их имеется еще немало и недостатков. Роль этих судов как средства организации и воспитания использована еще недостаточно. Это объясняется как недооценкой товарищеских судов со стороны части администрации мест лишения свободы и руководящих органов, так и неумением руководить их организацией и деятельностью, выправлять их недостатки, направлять их деятельность по правильному политическому руслу.

Лучшим показателем недооценки значения товарищеских судов являются случаи разрыва между числом дел, рассмотренных в товарищеских судах, и числом проступков, по которым меры воздействия применены администрацией. Не единичным является пример исправтрудколонии при Свирьстрое (Ленинградская область), где за первый квартал 1932 г. при 135 лишенных свободы, прошедших через товарищеские суды, администрацией были наложены дисциплинарные взыскания на 679 человек.

Примером неправильной работы самих товарищеских судов является увлечение некоторыми из них репрессивной стороной дела в ущерб воспитательным задачам и превращение судов, таким образом, в придаток к административному аппарату места лишения свободы. Так, товарищеские суды в ряде мест Урала, Ленинградской области, Западносибирского, Восточносибирского, Горьковского и других краев допускают применение изоляции в отдельную камеру. Товарищеский суд Челябинского домзака из 29 дел, рассмотренных в первой половине 1932 г., лишь по двум делам применил более мягкие меры, а по остальным применил изоляцию, переводы в другие места лишения свободы, отмену зачета рабочих дней и т. д.

Нередко товарищеские суды принимают к рассмотрению дела, не подлежащие вообще их компетенции.

В иных случаях товарищеские суды присваивают себе функции, принадлежащие другим органам самодеятельности лишенных свободы. Сюда относятся внезапные поверки ночных смен на производстве, обсуждение и выдвижение кандидатур, подлежащих поощрению наблюдательными комиссиями. Наблюдались такие случаи, когда товарищеский суд занимался дачей юридических советов, составлением кассационных жалоб и т. д.

Лучшим средством борьбы со всеми недочетами в деятельности товарищеских судов, со всеми уклонениями и извращениями в их прак-

тике является правильно организованный, систематический действующий контроль со стороны политико-воспитательных частей и со стороны советской общественности.

Такой контроль в настоящее вермя, к сожалению, далеко еще недостаточен. Увеличившееся на данном этапе значение исправительно-трудовых органов, надо надеяться, вызовет и повышение интереса к ним со стороны нашей общественности.

Это будет лучшей гарантией того, что товарищеские суды как органы общественной самодеятельности лишенных свободы будут одним из эфективнейших орудий по превращению мест лишений свободы в воспитательные учреждения, переделывающие правонарушителей из среды трудящихся и деклассированных элементов и тружеников социалистического строительства.

РЕЖИМ

1. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЕЖИМА В БУРЖУАЗНОЙ ТЮРЬМЕ

Не случайно в трудах буржуазных тюрьмоведов, в докладах на международных тюремных конгрессах и в учебниках тюрьмоведения вопросам тюремного режима отводится самое незначительное место, и главы, посвященные режиму, сводятся к простому пересказу правил, регулирующих жизнь заключенного в тюрьме, и тех мер воздействия, которыми обеспечивается принудительный характер этих правил. Внутреннее содержание режима, его значение с точки зрения реализации уголовной репрессии, а главное, его политическое содержание или вовсе обходятся молчанием или сводятся к трафаретным, аполитичным рассуждениям на тему о том, что «режим для заключенных должен иметь главной целью приучение их к порядку и к труду и моральному укреплению» [1].

Можно было бы привести множество примеров такого умышленного обхода вопросов режима, нежелания подробнее остановиться на нем и вскрыть те политические задачи, которые под знаком «режима» и при помощи «режима» осуществляются в современных капиталистических тюрьмах. Так, например, в сборнике «Реформа тюремного дела», составленном группой германских буржуазных, в том числе и меньшевистских, тюрьмоведов, вместо главы о режиме, мы находим главу под названием «Дисциплина и дисциплинарные взыскания», в которой все дело сводится к юридическому изложению правил внутреннего распорядка и к описанию содержания и порядка применения дисциплинарных мер [2].

В немецком же учебнике тюрьмоведения Schulze und Ellger вместо анализа значения режима имеется несколько тощих параграфов, одно название которых говорит о стремлении тщательно обойти вопрос (§ 23 — распорядок дня; § 24 — окарауливание заключенных; § 25 — поддержание порядка) [3]. Ни слова о значении режима мы не находим ни во французском учебнике тюрьмоведения Cuche [4], ни в книге «Английская тюремная система» прежнего главы английского тюремного ведомства Ruggles-Brise [5].

---

[1] Записка Лиги наций «Об улучшении пенитенциарного дела».
[2] Reform des Strafvollzuges, herausg. v L. Frede и M. Grünhut.
[3] Schulze und Ellger, Gefängniskunde, 1925.
[4] Cuche, Traitè de science et de legislation penitentiaire, 1905.
[5] Ruggles-Brise, The english Prison system. 1921.

Не случайно и то обстоятельство, что действительное значение режима в капиталистических тюрьмах, его политическое содержание и неприкрашенное описание фактического положения заключенных, в особенности положения политических заключенных, вскрывается в капиталистических странах только лишь в коммунистической печати, в тюремных воспоминаниях или на съездах, конференциях и собраниях таких организаций, как МОПР или как международное объединение юристов, связанное с рабочим классом и революционным движением.

Неслучайный характер обоих этих обстоятельств объясняется, конечно, тем политическим значением и тем классово-целеустремленным содержанием, которое организация режима всегда имела в капиталистических тюрьмах и которое апологеты буржуазной теории формального равенства всех перед законом, — в данном случае, перед тюремным законом, — тщательно скрывают в своих литературных и устных выступлениях. Режим в тюрьмах капиталистических стран, выполняя определенное политическое задание, всегда являлся одним из существенных методов политической борьбы класса эксплоататоров с его классовыми врагами. Необходимость скрывать политическое значение режима и затушевывать его классовые задачи заставляют буржуазных, в том числе и социалфашистских, авторов смазывать вопрос о режиме, сводить его к ничего не говорящему описанию распорядка дня и мер дисциплинарного воздействия или, в лучшем случае, аполитичнейшим образом трактовать этот вопрос с точки зрения «приучения к упорядоченному образу жизни».

Менялись в разные эпохи политические задания, которые ставились буржуазной тюрьме, изменялись методы, при помощи которых эти задания осуществлялись, но режим буржуазной тюрьмы всегда имел определенное политическое содержание, всегда выполняя «социальный заказ» буржуазии.

2. ЗАДАЧИ РЕЖИМА БУРЖУАЗНОЙ ТЮРЬМЫ В ЭПОХУ ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛИЗМА И В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

Политическое значение тюремного режима и те задачи, которые ему ставились в период промышленного капитализма, были вскрыты К. Марксом в его статье «Брюссельский тюремный конгресс» еще в 1847 г. По словам Маркса «филантропы» (буржуа) на вопрос о том, как бороться с рецидивом, отвечали: «Таким образом, что посредством одиночного заключения, принудительного молчания, поповских поучений, филантропических проповедей, мы так доймем и, доняв, исправим заключенных, что навсегда парализуем их способность и волю нарушать изданные нами и в наших интересах законы. Так возникло филантропическое изобретение — тюрьмы принудительного молчания и одиночного заключения. При системе донимающего исправления филантропы буржуа имеют ту выгоду, что выпущенный из тюрьмы покорно, как овца, работает на капиталистов в стенах фабрик, в поместьях, в копях, на железных дорогах, на водных путях и т. д. и, с голодным желудком проходя через картофельное поле, не решится взять ни

одного клубня. В таком состоянии он гораздо полезнее филантропу, чем если бы он был обезглавлен»[1].

Это «донимающее» исправление, которое должно было сохранить пролетария как рабочую силу, но настолько «донять» его при этом, чтобы он навсегда потерял охоту и способность нарушать установленный в интересах господствующего класса правопорядок, достигалось в тюрьме, как видно из слов Маркса, при помощи особого режима.

Только при помощи особого режима, а именно при помощи одиночного заключения, правила молчания, физических наказаний, религиозного воздействия и убивающего волю принудительного регулирования каждого шага заключенных достигалось то соединение «мести преступнику с покаянием его», соединение «физического наказания с духовным», «католической теорией наказания и методистской системы одиночного заключения», одним словом, то «соединение юридического наказания с теологическим мучительством», о котором говорил К. Маркс в «Святом семействе» и которое навсегда парализовало в заключенных способность и волю к нарушению законов, изданных в интересах эксплоататоров.

Вот почему в эпоху промышленного капитализма в тюрьмах капиталистических стран, в той реальной действительности, которая разыгрывалась за высокими тюремными стенами, точное выполнение установленных правил всегда заполняло все помыслы администрации, всю жизнь заключенных, все заботы органов тюремного управления. Организацией и неукоснительным выполнением режима исчерпывалось фактически все содержание лишения свободы. Все теории исправления, морального возрождения, педагогического воздействия были не более чем идеологическими подвесками, при помощи которых буржуазные тюрьмоведы затушевывали действительное политическое содержание режима. Исключительно с точки зрения точного, строгого, не допускающего никаких послаблений выполнения правил режима расценивалось в буржуазной тюрьме этого периода все: и пригодность начальника тюрьмы, и усердие тюремного надзирателя, и «исправление» заключенного.

Но если в период промышленного капитализма политические задачи буржуазии в вопросах режима исчерпывались подавлением воли заключенного, превращением его в послушную, безропотную, не бунтующую рабочую силу, то в эпоху империализма, в эпоху загнивания капитализма, после того как тюрьма и тюремный режим приобщились к общему процессу фашизации государственного управления, режиму были поставлены иные задачи, и задачи эти стали достигаться иными методами.

Доходящее до последних пределов обострение классовых противоречий в капиталистических странах, растущее обострение классовой борьбы, увеличивая роль внесудебной расправы, делают в то же время и уголовную репрессию одним из наиболее интенсивно применяемых орудий в борьбе капиталистов с представителями революционного клас-

[1] К. Маркс. Тюремный конгресс в Брюсселе, Маркс и Энгельс, Сочинения, т. V, стр. 179.

са, с революционными организациями, с отдельными нарушителями интересов господствующего класса. Сопутствующий загниванию капитализма и росту фашизма во всех областях государственного управления распад буржуазной демократии находит в области уголовной репрессии свое наиболее активное выражение в процессе реализации репрессии. Как никогда, именно в эпоху распада буржуазной демократии, находят применение в капиталистических странах слова Листа о том, что «приговор приобретает содержание и значение лишь через его выполнение, и три года тюремного заключения приобретают, в зависимости от того, в какой тюрьме оно отбывается, совершенно иное значение и могут представлять собою совершенно различные наказания, несмотря на одно и то же название. Не судья, а начальник тюрьмы определяет значение и содержание приговора суда, и начальник тюрьмы, а не законодатель, придает лишенным содержания угрозам наказания жизнь и силу».

В этом-то «определении значения и содержания наказания» и сказывается служебно-политическая роль режима. Фашизация режима принимает такие формы, что теории наказания и возмездия начинают казаться детским лепетом в сравнении с задачами, осуществляемыми в наши дни администрацией польской, румынской, болгарской, японской, французской или германской тюрем, а кантовская теория справедливого воздаяния представляется наивно-добродушной болтовней по сравнению с теми инструкциями, которые начальник какой-либо Дофтаны дает своим надзирателям.

Фашистская или фашизирующаяся капиталистическая тюрьма не довольствуется уже задачами «донимающего исправления». По отношению к политическим врагам, к представителям пролетариата она ставит задачу физического уничтожения. Вышедший из зала суда живым классовый враг буржуазии или вовсе не должен выйти из тюрьмы или должен стать инвалидом, калекой, тяжелым хроником, неспособным к дальнейшей активной борьбе. Тюрьма эпохи промышленного капитализма была рассчитана на то, чтобы убивать дух и волю, что не исключало конечно, а, наоборот, предполагало и гибельное действие на физическое здоровье. Фашистская тюрьма прямо рассчитана на то, чтобы убивать и тело. Достигает она этого при помощи своего режима.

Но так как из соображений социальной демагогии истинные задачи лишения свободы и значение режима как метода осуществления этих задач скрываются, а сплошь да рядом вовне, в публикуемых уставах и инструкциях, правила режима даже смягчаются, — то на деле от тюремной администрации требуется теперь уже не точное соблюдение установленных правил, а, наоборот, такое фактическое построение режима, которое, вопреки формальным предписаниям закона, служило бы целям физического уничтожения заключенных. На место строгого выполнения установленных правил становится произвол, усмотрение, ежедневное, ежечасное беззаконие. Современное буржуазное государство или прибегает к демагогии и издает законодательные акты по тюремному делу, содержащие демократические лозунги, но скрывающие под этими лозунгами фашистские тюремные методы, или же вооб-

ще избегает фиксировать что-либо на бумаге, чтобы не связывать руки практическим работникам.

Бывший долголетний глава прусского тюремного ведомства Финкельнбург, сравнительно недавно выступавший с «крамольным» литературным произведением (драма «Амнистия»), резко критикующим буржуазную тюрьму, писал по этому поводу: «Конечно, как мы имели до войны распоряжения Союзного совета, так в послевоенную эпоху, после государственного переворота, мы получили «Имперские основные начала исполнения приговоров». Но это был только лишь суррогат, и с точки зрения закона до настоящего дня не имеется ничего определенного, и требование установления в законе правового положения заключенного все еще не выполнено. Поэтому в тюрьмах все еще господствует огромный произвол и усмотрение» [1].

Этому не в малой степени способствовало предательское и подлое поведение социалдемократии. В частности, Германия послевоенного периода дала яркие образчики того, как классовые задачи буржуазии в тюремной политике всемерно проводятся социалфашистами, в особенности там, где они стоят у власти. Пока социалдемократы находятся в мнимой «оппозиции», они в целях социальной демагогии выступают с самыми радикальными требованиями тюремных реформ. Но стоит только войти в состав правительства, как они оказываются социалистами на словах и социалфашистами на деле всякий раз, когда речь идет о сохранении тех законов и правил, при помощи которых буржуазия осуществляет задачу классового подавления пролетариата. Достаточно нескольких примеров, чтобы в этом убедиться. В Пруссии после переворота 1918 г. министр юстиции «независимый» социалдемократ Розенфельд издал «Общие правила о смягчениях при исполнении приговоров». В этом типичном меньшевистском документе говорилось об отмене правила молчания, о праве заключенных на получение газет, о разрешении жевать и нюхать табак, об облегчении переписки и смягчении дисциплинарных взысканий. Но облегчение переписки сводилось к тому, что заключенные в каторжных тюрьмах могут получать не более одного, а в остальных тюрьмах не более двух писем в месяц. Курение было разрешено только отдельным численно небольшим группам заключенных, притом в тех лишь случаях, «когда нельзя опасаться нарушения порядка или ущерба для безопасности». Что же касается характера «смягчения» режима в целом, то старый гогенцоллернский тюремный деятель (все монархические тюремщики были, как правило, оставлены социалдемократами на своих местах) Михаэлис не без иронии писал о нем, что «одним росчерком пера революционное правительство устранило то, что более чем созрело для устранения» и что «все нововведения выдержаны в очень умеренных рамках и ничем не напоминают революции» [2]. В большинстве германских союзных государств, где у

---

[1] K. Finkelnburg, Amnestie. „Die Justiz", 1930 г., т. V, вып. 6, стр. 347—348.

[2] Цит. по Behrle, Die Stellung der deutschen Socialisten zum Strafvollzug von 1870 bis zur Gegenwart, стр. 27—28.

БССР. Витебский домзак. В камере

УССР. Одесская промколония. Новое здание столовой для лишенных свободы

УССР. Киевская фабрично-заводская колония. Лишенные свободы за шашками

РСФСР. Сокольническая фабрично-трудовая колония. Парикмахерская для лишенных свободы, обслуживаемая ими самими

власти стояли социалдемократы, вообще никаких общих правил об изменении тюремного режима издано не было и режим не претерпел никаких изменений.

Когда в 1925 г. германский коммунист Менцель составил программу самых неотложных реформ в тюремном деле и когда эта программа была выдвинута коммунистическими фракциями во всех ландтагах, то социалфашисты во всех ландтагах заняли отрицательную позицию к этой программе. В лучшем случае социалфашисты отделывались следующими типично меньшевистскими доводами: «Хотя нельзя отрицать, что в некоторых предложениях имеется хорошая мысль, но все же не видно каким образом эти предложения могут быть осуществлены» [1].

Когда в 1930 г. коммунистическая фракция прусского ландтага внесла предложение об отмене правила молчания (которое было вскоре после отмены в 1918 г. снова восстановлено), то социалдемократы добились того, что предложение коммунистов не было принято, а прошло социалдемократическое контрпредложение: «Ограничиться исследованием возможности отмены правила молчания».

Можно было бы привести еще десятки аналогичных примеров поддержки социалдемократами тех варварских методов буржуазной тюрьмы, которые, в первую очередь, направлены против пролетариата.

3. ЗАДАЧИ РЕЖИМА ЦАРСКИХ ТЮРЕМ

Значение тюремного режима как метода физического уничтожения политических противников усвоила еще царская тюрьма. Если режим в отношении политических заключенных всегда отличался в царских тюрьмах невероятной жестокостью и бесчеловечностью, то после 1905 г. царское правительство ставит режиму вполне определенное политическое задание: физически уничтожить тех из попавших в руки царизма политических врагов самодержавия, которые остались в живых после карательных экспедиций, военно-полевых судов и расстрелов на месте.

Средством, при помощи которого это задание проводилось в жизнь, был режим. Надругательства, избиения, сырой карцер, розги и плети, отбитые легкие, выбитые зубы, отказ в медицинской помощи — быстро делали свое дело.

Воспоминания бывших политических заключенных в царских тюрьмах дают однообразную, трагически потрясающую картину физического уничтожения царскими тюремщиками политических заключенных. Один за другим немногие чудом уцелевшие в живых политкаторжане рассказывают:

«Люди, харкавшие кровью, считались здоровыми и в больницу не брались. Самоубийства тогда стали заурядными явлениями» («Через каторгу к пролетарской революции», вып. 2, стр. 47).

«Единственной избавительницей могла быть смерть... И она не заставляла себя долго ждать. Умирали в больницах, умирали в камерах от естественной смерти и от самоубийства» (Горелов, Ярославль).

[1] Там же, стр. 67.

«Смерть в то время среди каторжан достигла 35%» (письмо из Бутырок).

«В 1911 — 1912 гг. смерть собрала у нас самую обильную жатву, а больница не могла вместить в себя всех больных. В 1911 г. умерло, преимущественно от туберкулеза, шестьдесят человек, а в 1912 г. это число удвоилось. Свыше 120 человек из общего числа 800 заключенных» (Вороницын, Шлиссельбург).

«Сытые нашей кашей и нашим хлебом «ротники», лоснящиеся жиром, смакуют наше медленное умирание, со злорадством отмечая процесс истощения и болезни.

— А маленький-то распух,— один раз сказал «ротник» на третьем или четвертом месяце нашего пребывания в Ярославле.

— А маленький уже не ходит, — обрадовался в следующий раз.

— Маленький-то ваш завонял весь.

— Маленький только стонет.

И, наконец, роковые:

— Маленький «загнулся» (И. Вороницын, Ярославль).

«Врачебная помощь на каторге — это какая-то насмешка» (Каданс, Письмо из Бутырок).

«Отбивание легких практиковалось как самое радикальное средство, чтобы избавиться от особенно неприятных арестантов...» (Каданс, Письмо из Бутырок).

«Если кто-либо из них (долгосрочных) заболевал, врач даже и не являлся к ним и, какова бы ни была болезнь, в больницу их не брали. Так и умирали они без медицинской помощи» (Горелов, Ярославль) [1].

Такой же трагический синодик представляют собою опубликованные еще во времена царизма (в 1909 г.) «общие итоги» судьбы 58 политических «преступников», содержавшихся в Шлиссельбургской крепости со 2 августа 1884 г. по 1902 г.:

«8 человек привезены для совершения над ними казни,
2 расстреляны за оскорбления должностных лиц,
15 умерли,
4 отвезены в сумасшедшие дома,
13 вышли на поселение,
3 лишили себя жизни,
13 продолжают отбывать наказание» [2].

Незадолго перед революцией царское правительство, в отчаянных попытках сломить революционную стойкость врагов самодержавия, сделало еще дальнейший шаг по пути ухудшения режима, и в 1907 г. режим политкаторжан был формально уравнен с режимом уголовных, на практике во многом превосходя этот режим по своей жестокости и бесчеловечности.

---

[1] «Через каторгу к пролетарской революции». «На волю», сборник № 2, 1932 г., стр. 47—48.

[2] А. С. Пругавин, В казематах, 1919 г., стр. 132.

4. ФАШИЗАЦИЯ ТЮРЕМНОГО РЕЖИМА В СОВРЕМЕННЫХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Царское правительство предвосхитило таким образом методы современных фашистских тюрем. Чем отличаются приведенные нами строки из воспоминаний бывших политкаторжан от следующего описания положения в румынской тюрьме в Дофтанах: «В течение 1919—1921 гг. в Дофтане умерло согласно сведениям церковного прихода деревни Телеги 105 заключенных, т. е. около 20% общего числа заключенных; в течение зимних месяцев 1922 — 1926 гг. процент смертности оставался на том же уровне... Зимой 1922/23 гг. из 43 человек, отбывавших временное наказание в отделении «Н» Дофтаны, умерло 22, а зимой 1923/24 гг. после шестимесячного заключения в том же отделении из 31 умерло 16» [1].

Никогда еще капиталистическая тюрьма не заслуживала с таким правом названия «кладбища живых», как в наши дни, и вовсе не случайно, что сравнение буржуазной тюрьмы с кладбищем или могилой возникает одновременно с самых различных сторон.

Достоевский писал про время, проведенное им в тюрьме: «А те четыре года считаю я за время, на которое я был похоронен живой и закрыт в гробу» [2].

Одна из нью-йоркских тюрем называется населением не иначе как «Tombs», т. е. могилы. «Мы погребены в тюрьме и выйдем, когда выйдем: два трупа или две тени, но не люди»,— писал Ванцетти из Дэдхемской тюрьмы [3]. «Коротко говоря — камера равнозначуща с живым погребением»,— писал в журнале «Die Justiz» один заключенный из германской тюрьмы [4].

Газеты ежедневно приносят из всех буржуазных стран сведения о мучительствах, избиениях и издевательствах, о режиме, жестокость и бесчеловечность которого может быть объяснена только задачей физического уничтожения заключенных.

Трафаретными стали следующие заметки в зарубежной коммунистической печати: «Камера, в которой находится т. К., размером в три квадратных метра, заплесневелая и сырая, с полуразбитой жестяной лоханкой вместо уборной. Свет проникает в камеру только через маленькое заклеенное бумагой окно, выходящее в темный коридор. В камере содержится 25 чел. 15 из них спят на деревянных скамьях, а остальные — на сыром бетонном полу. У т. К. сняли сапоги и его били по пяткам железной палкой до тех пор, пока кожа не отделилась от мяса. При этом истязании чиновники заводили граммофон, чтобы крики истязаемого не были слышны на улице. К., который был арестован крепким человеком, стал худым, как скелет, с белыми как снег волосами стариком» [5].

---

[1] Овидиу Рессану, Железо и камень, стр. 21—22, цит. по Л. Гитель, «Румынская юстиция в борьбе с революционным движением», стр. 43.

[2] Достоевский, Письма, стр. 148.

[3] Письма Сакко и Ванцетти, 1931 г., стр. 180.

[4] «Die Justiz», 1930 г., июнь, стр. 588.

[5] «Die Rote Fahne» от 30 января 1932 г.

14*

Макс Гельц в своих воспоминаниях рассказывает о том, как его за много лет до фашистского переворота избивали в германских тюрьмах: «Чтобы отвлечь мои мысли от боли, я ухватился за новое средство: я начал декламировать стихи Гервега, Фрейлиграта, Эриха Мюзама и др. Это принесло мне значительное облегчение. Но у надзирателей было на этот счет свое мнение. Четверо из них пришли в мою камеру и потребовали, чтобы я вышел. Не ожидая ничего хорошего, я отказался. Они заперли дверь и ушли. Через некоторое время они вернулись и насильно потащили меня в коридор. На мне была только тонкая короткая рубашка, я был босиком. Двое надзирателей выворачивали мне руки, а двое других бежали сзади и колотили меня — один бил тяжелой связкой ключей по голове, а другой тесаком по спине и заду; своими тяжелыми сапогами они ударяли меня под коленки, в конце концов я свалился. Они тащили меня с третьего этажа в подвал. Я кричал, чтобы они не смели меня истязать. Тогда один схватил меня за горло и так крепко сдавил, что я не мог издать ни звука. «Вот так, собака, теперь ты у меня замолчишь». Рубашка моя превратилась в клочья. Из нескольких ран сильно текла кровь...» [1].

Стоит просмотреть любое из изданий МОПР, чтобы убедиться в том, что система избиения прочно вошла в практику всех капиталистических тюрем. Нет ни одного выпуска, в котором не было бы заметок такого характера:

«В греческих тюрьмах заключено 178 коммунистов... Заключенные подвергаются свирепому режиму и неоднократным пыткам» [2]. «В фашистских тюрьмах Литвы к политическим заключенным применяется самый зверский режим. Ибиения и издевательства стали повседневным явлением. Фашистское правительство систематически и планомерно осуществляет поставленную себе цель — «загнать в могилу» или хотя бы превратить в инвалидов активных революционных рабочих и крестьян Литвы. Беспрерывные наказания и карцер истощили и окончательно подорвали здоровье политзаключенных. Многие товарищи заболели туберкулезом, пороком сердца и т. д. За одну только осень вогнали в могилу трех товарищей» [3].

Переход от «демократии» к фашизму и открытое декларирование насилия находят откровенное или плохо скрываемое выражение в тюремной политике современных фашистских стран. Так, например, не считая нужным скрывать политические задачи, которые ставятся тюремному режиму, латвийский фашист полковник Фридрихсон, заявил политзаключенным: «Тюрьма есть и должна быть местом истребления и уничтожения преступников, занимающихся политикой» [4].

Румынский министр Маниу не нашел нужным скрывать в своей речи в парламенте в 1929 г., что практика избиения заключенных в тюрьмах Румынии стала «обычаем и правилом» [5].

---

[1] Макс Гельц, От белого креста к красному знамени, 1931 г., стр. 197.
[2] «Интернациональный маяк», 1931 г., № 3.
[3] «Интернациональный маяк», 1931 г., июнь, № 17—18.
[4] «Интернациональный маяк», 1931 г., февраль, № 5.
[5] «Daily Herald» от 6 декабря 1929 г.

Выработанные Лигой наций правила «Об улучшении пенитенциарного дела» самым циничным образом санкционируют все те меры, при помощи которых осуществляются задачи физического уничтожения врагов капиталистического строя, как, например, «телесные наказания, или другие дисциплинарные меры, которые по своей природе могут повлечь вредные последствия для здоровья» (ст. 36), не говоря уже об «орудиях принуждения как кандалы, цепи и смирительные рубашки» (ст. 39).

Само собою разумеется, что задача физического уничтожения заключенных с особенной энергией и настойчивостью проводится в отношении политических заключенных.

Для того чтобы добиться скорейшего достижения этой задачи, в одной стране за другой ликвидируются даже ничтожные по существу «льготы» для политических заключенных, являвшиеся проявлением «либеральной тактики» буржуазии и предоставлявшие политическим заключенным различные весьма ценные для них облегчения, как, например, раздельное содержание от уголовных преступников, возможность получения газет и книг, улучшенное питание, более частые свидания, учащенную переписку и т. п.

Для того чтобы лишить политических заключенных всех этих льгот, политические заключенные приравниваются к уголовным, а на основе общего с уголовными режима к ним применяются особые истязания и издевательства.

Каков в современных капиталистических тюрьмах этот общий режим? Об этом единодушно рассказывают бывшие заключенные (в том числе уголовные) всех стран.

В вышедших в 1929 г. воспоминаниях «Будапештские тюрьмы, Книга страданий» С. Кемери описывается зрелище, представляемое заключенными в одной из венгерских тюрем:

«Я оглядываюсь. Все это заключенные,— заключенные без допроса, бледные, измученные, больные. У некоторых распухшие виски с кровавыми пятнами, у некоторых голова или рука завязана бандажем. Нет сомнений, что их истязали.

У молодого, высокого роста человека вытек глаз. Еще кровавое, распухшее отверстие выдает, что удары, которые причинили это несчастье, падали на него только лишь недавно. Одного старика трясет лихорадка. При этом он прижимает руки к распухшему телу. С рук одного человека с рыжей бородой и с головой Христа стекает кровь. Нежное и тонкое лицо молодой женщины изуродовано красными рубцами» [1].

Описания Кемери относятся к первым годам правления Хорти. Но самые последние известия о зверских избиениях политических заключенных в венгерских тюрьмах свидетельствуют о том, что за 10 лет в застенках Хорти ничего не изменилось.

Однако все самые жестокие и бесчеловечные условия режима в

[1] Sandor Kemeri, Die Kerker von Budapest, стр. 63–64.

тюрьмах других стран фашистской диктатуры бледнеют перед тем, что происходит в гитлеровских концентрационных лагерях, число которых и число заключенных в которых растет изо дня в день. Прусский министр юстиции Керрль и статс-секретарь министерства юстиции Фрейслер выступили с фашистской тюремной теорией, согласно которой: «Будут устранены все эксперименты старой системы, которые основывались на ложном увлечении гуманизмом. Нельзя дальше допускать, чтобы жизненные условия арестованных были выше жизненных условий безработных... Руководящий принцип нового порядка будет заключаться в том, чтобы устрашающей жестокостью наказания вызвать в каждом заключенном желание никогда больше не попасть в положение заключенного» [1].

Действительность превзошла все угрозы «устрашающей жестокостью наказания».

«Коричневая книга» приводит описания режима в различных концентрационных лагерях фашистской Германии, совершенно непередаваемые по своему неслыханному ужасу, который мог быть порожден только адской классовой ненавистью буржуазии, отдающей своих политических врагов в руки садистов, убийц и самых жутких подонков из среды деклассированных элементов. Самая мрачная и больная фантазия не могла бы создать картин, ставших в концентрационных лагерях повседневным явлением.

В Зонненбургском лагере, пишет один из заключенных, «на нас набрасывались ночью и страшно избивали. У некоторых товарищей спины совершенно почернели от побоев. Выживет ли Литтен, я не знаю. Он сам просил прокурора Миттельбаха, чтобы его пристрелили, так как он не в состоянии выносить этих скотских истязаний» [2].

Жена поэта Мюзама пишет: «Они запороли наших мужей до полусмерти... Когда я увидела Каспера, мне понадобилось собрать все свои силы, чтобы не упасть в обморок. Он стоял прислонившись к стене, в лице не было ни кровинки, и все оно было изуродовано. У одного глаза, который был весь в синяках, кровоподтек доходил до рта. Рот был так искровавлен, словно кто-нибудь наступил ему ногой на лицо...» [3].

По словам пражской газеты «Социалдемократ» в лагере Кенигштейн «заключенных заставляли облизывать избитые до крови ягодицы их товарищей. Их заставляли по три часа вдыхать миазмы, держа лицо над свежим калом штурмовиков. Пьяные штурмовики будили по ночам заключенных и свирепыми угрозами заставляли их вылизывать использованные презервативы... Стража заставляла заключеных заниматься на ее глазах онанизмом и вступать в противоестественные половые сношения с товарищами по несчастью» [4].

Не ограничиваясь самыми каторжными бессмысленными работами, заключенных заставляют по целым часам проделывать военные упраж-

---

[1] «Правда» от 4 августа 1933 г.
[2] «Коричневая книга», стр. 271.
[3] «Коричневая книга», стр. 271.
[4] Там же, стр. 275.

нения. Журналистка, посетившая лагерь в Ораниенбурге, так описывает свои впечатления от этих упражнений: «На первый взгляд кажется, что они занимаются спортом. Но наблюдательный человек увидит, что здесь практикуется утонченная система самого варварского мучительства. Упражнения, которых требуют от заключенных, не по силам, пожалуй, даже спортсмену-профессионалу. Чтобы проделывать их, необходима длительная методическая тренировка и прежде всего — усиленное питание. А между тем в этом лагере (он существует с 21 марта) заставляют проделывать эти упражнения всех заключенных, всех без исключения, причем не в виде единичного исключения, а по четыре часа каждый день в течение недель и месяцев, и это помимо всех прочих упражнений: маршировки, пения песен и т. п.» [1].

«Коричневая книга» приводит распорядок дня в лагерях:

«5½ час.— встают.

5½—6 час.— уборка соломенных подстилок.

6 час.— выстраиваются в ряд, стоят смирно, руки по швам, приподымают руку (фашистский привет). Национальная молитва. Пение «национальных» песен.

6—6½ час.— кофе с черствым хлебом.

6½—7½ час.— маршировка к месту работы или принудительные работы в лагере.

7½—12½ час.— принудительные работы (на каменоломне, по сооружению дорог, выкорчевыванию пней, мытью стен).

12½—1½ час. — крайне скудный обед — три четверти литра водянистой похлебки, почти всегда без мяса и жиров.

1½—5½ час.— свирепая муштра и гимнастические упражнения.

5½—7½ час.— принудительные работы.

7½—8½ час.— ужин (как обед): обычно водянистая похлебка, или каша, черствый хлеб и несколько граммов колбасы.

8½ час.— вечерняя зоря.

9½—5½ час.— сон на деревянных нарах с соломенными подстилками в плохо вентилируемых, до отказа переполненных заключенными лачугах, сараях или заброшенных, полуразрушенных фабричных зданиях» [2].

«Коричневая книга» пишет:

«Цель здесь ясна: лучшие кадры рабочих Германии должны быть физически уничтожены».

Точно так же, как буржуазия во время кризиса выбрасывает в море сотни тысяч килограмм кофе или хлеба, — точно так же охотно она уничтожает десятки тысяч людей, которые по выходе из тюрьмы стали бы безработными и заполнили бы ряды революционных партий.

От режима как метода «донимающего исправления» к режиму как методу физического уничтожения — таков путь, проделанный буржуазной тюрьмой.

---

[1] «Коричневая книга», стр. 279

[2] Там же, стр. 280—282.

5. РЕЖИМ В СОВЕТСКИХ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Капиталистические страны всеми мерами скрывают тюремную действительность и всеми средствами препятствуют посторонним проникнуть в тюремные тайны. Недаром в старой царской только в 1912 г. отмененной «Инструкции смотрителю тюремного замка» писалось: «Почетные посетители, желающие видеть тюремный замок из любопытства, впускаются в оный только по билетам губернатора, выдаваемым на имя каждого из посетителей по особенным уважениям и по известности о таковых посетителях».

Недаром комиссия, состоявшая из английских общественных деятелей, членов парламента, врачей, адвокатов и пожелавшая в 1921 г. изучить положение дела в английских тюрьмах, с трудом получила позволение на это и не могла добиться разрешения на ознакомление с циркулярами английского тюремного управления [1]. Недаром буржуазный профессор Хаккер, описывая свои впечатления от осмотра различных европейских тюрем, рассказывает: «В Бельгии в тюрьмах Сен-Жиль, Форест, Антверпен и Гент, в Голландии в тюрьмах в Гааге, во Франции при осмотре тюрьмы Френ и Ля-Сенте в Париже я всюду видел стремление сопровождавшей меня администрации препятствовать как только возможно разговору моему с отдельными заключенными» [2].

Когда иностранным журналистам разрешили посетить несколько «образцовых» фашистских концентрационных лагерей, то по словам «Коричневой книги» «штурмовики следовали по пятам за представителями печати в этих лагерях, которые были специально «прибраны» для посетителей. Репортеры не могли войти в сношение с заключенными без надзора стражи» [3].

Недаром, наконец, итальянский тюремный устав 1931 г. запрещает посетителям разговаривать с заключенными (ст. 60).

Не случайно также, что доступ в советские места лишения свободы открыт всем желающим ознакомиться с ними, будь это советские граждане или иностранцы, в том числе представителям партий, враждебно настроенных к СССР, и что все распоряжения Главного управления исправительно-трудовыми учреждениями публикуются в доступном для всех журнале «Советская юстиция».

СССР не скрывает ничего, что делается в местах лишения свободы, а советская литература по вопросам исправительно-трудовой политики излагает все правила режима в местах лишения свободы СССР, раскрывает его целевые установки, его классовое назначение и его политическое содержание.

Уже первые директивы партии, первые законодательные акты советской власти в области уголовной политики, первые высказывания организаторов советской исправительно-трудовой системы и первые ведом-

---

[1] Hobhous and Brockway, English Prisons to dav, стр. VI.

[2] E. H a c k e r, Gefängnisrecht im praktischen Strafvollzug, „Blätter für Gefängniskunde", 1929 г., вып. 3, стр. 406—409.

[3] «Коричневая книга о поджоге рейхстага и о гитлеровском терроре», русск. пер., стр. 261.

ственные распоряжения показывают, что в области организации режима советская власть сразу же резко порвала с прошлым, решительно отбросила методы царского тюремного ведомства и, ни минуты не колеблясь, стала на совершенно новые, подлинно гуманные, рациональные и в то же время имеющие принципиально совершенно иное классовое, политическое содержание пути.

Новые принципиальные политические установки в этом вопросе, которые предопределяли задачи и содержание режима в советских местах лишения свободы, были даны еще в 1919 г. в программе РКП(б). Задача замены тюрем воспитательными учреждениями, а лишения свободы— обязательным трудом с сохранением свободы, исключала всякое представление о лишении свободы как о мере, имеющей целью мучительство, как о методе наказания, кары, возмездия. Если лишению свободы были поставлены воспитательные задачи, то и режим становился одним из методов осуществления задачи воспитания, хотя бы и воспитания, осуществляемого в принудительном порядке.

В полном соответствии с директивами программы партии в области исправительно-трудовой политики первый памятник советского уголовного права (изданные в 1919 г. и подписанные П. И. Стучка «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР») содержал в себе такие установки, которые делали невозможным какое-либо сходство режима в советских исправительно-трудовых учреждениях с режимом царских тюрем.

«Руководящие начала» устанавливали: «Наказание не есть возмездие за вину, не есть искупление вины. Являясь мерой оборонительной, наказание должно быть целесообразно и в то же время совершенно лишено признаков мучительства и не должно причинять преступнику бесполезных и лишних страданий».

Эта формулировка, почти дословно воспроизведенная Уголовным кодексом РСФСР 1922 г., перешедшая в уголовные и исправительно-трудовые кодексы всех союзных республик, сохраненная проектом Уголовного кодекса Комакадемии и Исправительно-трудовым кодексом РСФСР 1933 г., заставляла коренным образом пересмотреть содержание режима в оставшихся от царизма местах лишения свободы и заново построить его так, чтобы самое характерное, самое специфическое в старой тюрьме, то, в чем с особенной силой концентрируется вся сущность буржуазной тюрьмы, т. е. режим, приобрело совершенно новое содержание, новые целевые установки, новые политические задачи.

Такое построение режима, при котором режим был бы лишен элементов мучительства, не причинял бы бесполезных и лишних страданий, а стал бы методом воспитания, методом дисциплинирующего воспитательного воздействия, ставило советским местам лишения свободы совершенно новые, захватывающие по новизне и по открывавшимся перспективам задачи.

Надо сказать, что на первых порах не обходились и без такого рода извращений, как, например, заимствованная у буржуазной пенитенциарии теория социальной клиники, которой в качестве единствен-

ной цели лишения свободы выдвигалось лечение. Эта теория затушевывала значение исправительно-трудовых учреждений как орудия классовой борьбы пролетариата. Потребовалась длительная борьба на основе марксизма-ленинизма для того, чтобы окончательно изжить последние следы влияния теории социальной клиники.

Новые идеи в области режима рождались в первые дни революции не только у руководителей тюремного дела в центре.

Без специальных декретов или ведомственных распоряжений старый царский режим, жестокий и унизительный, был навсегда изгнан из советских мест лишения свободы. Стихийно, в силу правильно понятого революционного правосознания, ликвидировалось это гнусное наследие царского строя, стоившее жизни и здоровья десятков тысяч людей, в особенности борцов с царским самодержавием. Роль Карательного (а потом Центрального карательного) отдела была в этой ликвидации не особенно значительной. Правда, один из первых циркуляров Карательного отдела Наркомюста заявлял: «Наша цель — перелом не только во всей системе управления местами заключения, но и во всей постановке отбывания наказания» [1]. Однако конкретных указаний об организации режима на этих новых началах центр местам до издания «Положения об общих местах заключения РСФСР» (15 ноября 1920 г.) не давал. На состоявшемся 20—23 сентября 1920 г. I всероссийском съезде заведующих губернскими карательными отделами в докладе по административно-распределительному отделу откровенно говорилось:

«Понятно, что в период строительства новой власти и принимая во внимание сильное переполнение мест заключения, нельзя было думать о режиме, когда все внимание было обращено на разгрузку тюрем» [2].

«Положение об общих местах лишения свободы» давало конкретные правила режима, но не формулировало его задач. Несколько дальше пошли в этом направлении исправительно-трудовые кодексы союзных республик, но и они не пытались сформулировать задачи, которые ставились режиму. Однако и ведомственные распоряжения и законодательные акты, изданные на протяжении 16 лет советской власти, и фактические условия режима позволяют сформулировать политические задачи режима, вскрыть его классовое содержание, выяснить его значение как меры принудительного воспитания трудящихся к дисциплине, как одного из методов создания в прежних правонарушителях, и в том числе в социально чуждых элементах, новых общественных навыков, нового отношения к коллективу, к труду, к другим людям, и в то же время как метода осуществления задачи подавления в отношении лишенных свободы из среды классово враждебных элементов и их агентуры.

---

[1] «Сборник действующих циркуляров Центрального карательного отдела НКЮ за 1917—1920 гг.», стр. 3.

[2] «Материалы Народного комиссариата юстиции», 1920 г., вып. VIII.

6. ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ РЕЖИМА В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ СССР

В советских местах лишения свободы режим глубоко отличен от того содержания, которое придается режиму в тюрьмах капиталистических стран.

Политическое содержание режима в советских местах лишения свободы предопределяется общими задачами уголовной политики пролетарского государства. В СССР осуществлено на практике организационное и политическое единство судебной и исправительно-трудовой политики. Исправительно-трудовая политика не является чем-то оторванным от общей уголовной политики, и всякая попытка изолированно рассматривать процесс исправительно-трудового воздействия должна расцениваться как выхолащивание его политической сущности. Выполнение приговора является в пролетарском государстве таким же актом классовой борьбы, как и вынесение приговора. Более того, вся сила приговора, все его политическое значение развертываются в процессе исполнения и находят свое конкретное проявление в диференцированном подходе к различным категориям лишенных свободы.

Советская исправительно-трудовая политика строится на основе классово диференцированного подхода при организации режима.

Наоборот, идеологи буржуазной тюрьмы отрицают, что режим в ней строился и строится на строго классовых началах.

Тем не менее, несмотря на все попытки замазать это, режим в буржуазных тюрьмах ярко выявлял и выявляет свой классовый характер. А что касается царской России, то в ней и законодательство почти не маскировало классового существа своих тюрем.

Достаточно привести только несколько примеров из законодательства и практики царских и современных капиталистических тюрем, чтобы в этом убедиться.

Царское уголовное и тюремное право дало такие откровенные образчики классово диференцированного подхода, как например: «Под именем наказаний телесных разумеются: 1) наказание розгами; 2) заключение в оковы. От наказаний телесных изъяты: 1) дворяне потомственные; 2) дворяне личные; 3) дворяне иностранные; 4) священнослужители, церковнопричетники церкви православной; 10) почетные граждане потомственные; 11) почетные граждане личные; 12) купцы обеих гильдий и т. д.» (Устав о содержащихся под стражей, приложение 1 к ст. 409).

В тюремной действительности привилегии представителям господствующего класса и суровость режима для пролетариев приобретали еще более откровенные формы.

Не иначе обстоит дело и в современных капиталистических странах. Классовый характер германской тюремной системы даже до гитлеровского периода хорошо известен. Достаточно, чтобы убедиться в этом, сравнить режим в крепости, в которой отбывают наказание представители господствующего класса, и режим в каторжной тюрьме. Та же картина и в других капиталистических странах. Заслуживают внимания формы классовых привилегий для заключенных капиталистов

в Америке. Приведем из обильного материала, доставляемого периодической печатью, только одно газетное сообщение, типичное для тюрем этой страны: «Нью-Йорк. 15 августа. «Нью-Йорк Геральд» сообщает из Атланты, что, повидимому, состоятельные заключенные в тамошней тюрьме ведут очень приятную жизнь. Они пользуются всевозможной роскошью, к которой они привыкли. Отбывающие здесь свое наказание дельцы могут спокойно продолжать свои банковские и торговые операции и зарабатывать большие деньги. Указывают даже, что один из заключенных принимал в своей камере танцовщицу» [1].

Но, конечно, с наибольшей циничностью проводится классовая политика буржуазии в организации режима колониальных фашистских тюрем. Здесь буржуазная тюрьма распоясывается во всю. На съезде международного юридического объединения в 1930 г. докладчик о положении юстиции в Индо-Китае рассказывал: «Осужденный за убийство к двум годам тюрьмы Де-Монтезот в своей прекрасно обставленной камере имел даже приборы для курения опиума, а для услуг — двух аннамитских юношей. Аннамиты же заключенные лежат в повалку в камерах, без матрацев и одеял, по трое на одной подстилке. Вечером на всех надевают цепи, а осужденные более чем на три года привязываются за шею к бревну. В качестве пищи заключенные получают по чашке риса и по несколько крупинок соли; днем у них надзиратели отбирают воду для питья; чтобы утолить жажду, они пьют мочу друг друга» [2].

Совершенно принципиально иное содержание вкладывает в классово диференцированный подход советская исправительно-трудовая система.

В соответствии с задачами уголовной политики пролетарского государства на данном этапе лишение свободы, и режим в частности, осуществляют в СССР две основных задачи: задачу прямого подавления сопротивления классовых врагов и задачу дисциплинирующего воздействия на неустойчивые элементы из среды трудящихся и «исправление исправимых» из числа классово чуждых элементов.

Задача классового подавления ни в одном из периодов социалистического строительства не понималась по отношению к классовому врагу как задача мести, причинения физических страданий, издевательств, унижения. Правило, что меры социальной защиты не должны причинять мучений и унижения человеческого достоинства, было всегда строго обязательно в отношении всех категорий лишенных свободы, не исключая и классово враждебных элементов. В своем конкретном выражении элемент подавления при организации режима выразился поэтому лишь в исправительно-трудовом законодательстве в ограничении или в полном отказе от льгот, которыми пользуются остальные лишенные свободы (запрещение отпусков, более редкие свидания и передачи и т. п.). Однако исправительно-трудовая практика в восстановительном периоде не всегда учитывала то положение, что классово враждебные элементы, не лишенные еще в то время своей экономической базы, по выходе на свободу неизбежно возвращались в прежнюю классово

1 „Neue Züricher Zeitung“ от 16 июля 1928 г.

2 „Revue der internationalen juristischen Vereinigung“, апрель 1930 г., стр. 23.

враждебную среду, и часто предоставляла классово чуждым элементам льготы и привилегии, установленные для лишенных свободы трудящихся.

Как прямой вывод из классово враждебного понимания задач лишения свободы в отношении классово чуждых элементов, вытекает необходимость и классово диференцированного режима в отношении различных классовых категорий лишенных свободы. В общем и целом эта задача была правильно разрешена исправительно-трудовыми кодексами союзных республик, хотя они и не избежали отдельных, часто крупных ошибок в этом вопросе.

Эпоха вступления в социализм, перспективы построения бесклассового общества и превращения всего трудящегося населения страны в сознательных участников социалистического строительства вложили новое содержание не только в задачу перевоспитания лишенных свободы трудящихся, но и в задачу подавления сопротивления классово враждебных элементов.

В отношении трудящихся задача перевоспитания получает в эту эпоху новое неизмеримо большее значение. Возможность же занять общественно-полезным производительным трудом всех лишенных свободы позволяет поднять содержание воспитательной работы на высшую ступень. Массово-производственная и культурно-пропагандистская работа, развитие среди лишенных свободы ударничества, соцсоревнования и других социалистических форм труда, рост общественной самодеятельности лишенных свободы дают возможность на неизмеримо более расширенной базе ставить работу по воспитанию лишенных свободы из среды трудящихся к новой дисциплине.

Что же касается лишенных свободы из среды классово чуждых элементов, то задача подавления их сопротивления не снимается и в этом периоде, полоса «классового мира» не наступает, классовая борьба не прекращается, классовый враг, даже обезоруженный, не перестает быть врагом. Но задача классового подавления приобретает новую форму, соединяясь с задачей перевоспитания, переделки, приспособления исправимых из числа классово враждебных элементов.

Тов. Постышев, говоря о деклассированных классово враждебных элементах, указывает, что, «исходя из перспективы построения бесклассового общества во втором пятилетии, мы должны уже сейчас начать работу по проверке, перевоспитанию этих деклассированных элементов с тем, чтобы, проведя их через горнило раскулачивания, изоляции, трудового воспитания, выпустить их со временем в общество тружениками социалистического строительства» [1].

Это новое содержание, вкладываемое в задачу подавления и сохраняющее принцип классово диференцированного подхода при установлении режима для лишенных свободы классово враждебных элементов,

---

[1] П. П. Постышев, Основные задачи советской юстиции на современном этапе, 1932 г., стр. 25.

видоизменяет, однако, формы, в которых диференцированный подход конкретно осуществляется.

Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1933 года устанавливает единый режим для всех лишенных свободы, содержащихся в месте лишения свободы того или иного типа.

Все находящиеся в фабрично-заводской колонии, или в штрафной колонии, или в изоляторе для следственных подвергаются единообразному режиму. Но для мест лишения свободы различных типов устанавливается различный режим с тем, что места лишения свободы каждого типа предназначаются для содержания, как правило, определенных классовых категорий лишенных свободы. Так, как правило, фабрично-заводские колонии предназначаются для рабочих и служащих, сельскохозяйственные — для колхозников и трудящихся единоличников, колонии массовых работ, находящиеся в отдаленных местностях,— для классово чуждых элементов.

Конкретное различие в режиме сводится, согласно ИТК РСФСР 1933 г., к некоторой разнице в сроках свиданий и передач, к запрещению назначения классово враждебных элементов в команду самоокарауливания, к запрещению выбора их на руководящую работу в общественных организациях лишенных свободы.

Запрещения предоставления лишенным свободы классово чуждым отпусков, зачета рабочих дней, досрочного освобождения ИТК РСФСР 1933 г. не содержит. Но это не значит, что устанавливается классово нивеллированный, уравнительный подход к различным категориям лишенных свободы. Классово диференцированный подход остается, но он принимает новую форму, более соответствующую политическим задачам второго пятилетия. В соответствии с этими общими задачами и со специальной задачей мест лишения свободы — подготовлять из бывших лишенных свободы тружеников социалистического строительства — прежняя система отдельных запретов и ограничений в области режима и в предоставлении льгот заменяется в основном системой классово диференцированного подхода при разрешении в каждом конкретном случае решающих вопросов исправительно-трудового воздействия (зачет рабочих дней, условно-досрочное освобождение, отпуска). В каждом таком отдельном случае исправительно-трудовые органы должны будут учитывать как один из основных моментов классовую принадлежность лишенного свободы, классовую опасность и его самого и совершенного им общественно опасного действия.

Политическое содержание режима не исчерпывается, конечно, вопросом о классово диференцированном подходе. Глубоко политическое значение имеют те задачи, которые в советских местах лишения свободы ставятся режиму в целом и которые имеют совершенно иной характер, чем задачи режима в царских тюрьмах или в тюрьмах капиталистических стран.

Режим буржуазной тюрьмы в эпоху промышленного капитализма не мог иметь иной задачи чем «донимающее исправление», чем превращение нарушителя законов буржуазного общества в послушную безропотную рабочую силу.

Тюремный режим эпохи империализма, эпохи жесточайшего обострения классовых противоречий и классовой борьбы не может иметь иной задачи кроме физического уничтожения врагов капиталистического строя. В обоих случаях особенность общественного строя и расстановка классовых сил дают определенную целевую установку тюремному режиму.

Точно так же и в СССР задачи режима предопределяются общественным строем и соотношением классовых сил. В стране строящегося социализма, в стране диктатуры пролетариата режим в местах лишения свободы не может преследовать ни задачи «донимающего исправления», ни цели физического уничтожения лишенных свободы, ни причинения лишенным свободы физических страданий или унижения человеческого достоинства.

В советских республиках режим является методом воспитания к дисциплине, методом социального приспособления неустойчивых элементов из среды трудящихся, методом переделки человека и создания в нем таких отношений к труду, к коллективу, которые дадут ему возможность по выходе на свободу встать в ряды сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества. В отношении классовых врагов, не отказываясь от задачи «исправления исправимых», режим является вместе с тем одним из методов, при помощи которого реально осуществляется задача подавления сопротивления классово враждебных элементов.

Такое политическое содержание режима требует совершенно иных, новых форм его реализации, несовместимых с условиями буржуазного строя и мыслимых только в стране строящегося социализма.

7. ОСНОВЫ РЕЖИМА В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ СССР

Ознакомление с исправительно-трудовыми кодексами союзных республик и с практикой их применения дает возможность установить в отношении к лишенным свободы ряд новых моментов, проводящих резкую принципиальную грань между содержанием режима в советских местах лишения свободы и в тюрьмах капиталистических стран.

Эти новые моменты настолько значительны по своему качественному содержанию, настолько резко порывают с специфическими тюремными атрибутами, неизбежно связанными с политическими задачами капиталистических тюрем, что режим, построенный на основе этих новых отношений, придает местам лишения свободы совершенно иной облик и, видоизменяя все их внутреннее содержание, приводит к тому, что советские места лишения свободы приобретают качественно совершенно иной характер.

Остановимся на нескольких только, наиболее основных, моментах отличия режима в советских местах лишения свободы от режима в тюрьмах капиталистических стран:

а) Запрещение мучительства при проведении режима

Исправительно-трудовые кодексы всех союзных республик содержат глубоко принципиальное положение о том, что «режим в местах лишения свободы должен быть лишен всяких признаков мучительства (ИТК РСФСР 1933 г. ст. 7, УССР ст. 48, БССР ст. 44, АзССР ст. 48 и др.)».

При господстве приведенного положения само собою отпадает и делается невозможным то «соединение юридического наказания и теологического мучительства», которое подверг столь острой критике К. Маркс.

Не ограничиваясь установлением этого общего положения, все исправительно-трудовые кодексы союзных республик конкретно перечисляют те запрещенные методы мучительства, которые до сих пор легально практикуются в тюрьмах капиталистических стран и которые недавно лишь были санкционированы Лигой наций.

Все кодексы союзных республик запрещают «применение физического воздействия: кандалов, наручников, карцера, строгоодиночного заключения, лишения пищи, свиданий заключенных с их посетителями» (ИТК РСФСР 1924 г. ст. 49, УССР ст. 48, БССР ст. 46, АзССР ст. 49).

Как нечто само собою разумеющееся, понятное без всяких особых оговорок, исправительно-трудовые кодексы всех союзных республик не указывают на недопустимость таких мер, немыслимых в советских местах лишения свободы, как система молчания, ношение уродливой, позорящей человека арестантской одежды, запрещение курения, именование лишенных свободы не по фамилии, а по номерам, ношение масок и другие аналогичные формы мучительства, сохраняющиеся до сих пор в буржуазных тюрьмах и все более укрепляющиеся в практике тюрем капиталистических стран, по мере их фашизации. Все эти приемы являются настолько несовместимыми с советской уголовной политикой, что они, сейчас же после завоевания пролетариатом власти, были повсюду немедленно уничтожены.

б) Характер отношений между администрацией и лишенными свободы

Глубоко радикальные, чисто революционные изменения произошли в отношениях между администрацией и лишенными свободы, т. е. в той области тюремного режима, которая особо болезненно воспринималась сколько-нибудь сознательными заключенными в царских тюрьмах и является источником ежедневного, ежечасного унижения человеческого достоинства в тюрьмах современных капиталистических стран.

«Общая тюремная инструкция» 1915 г. сохраняла и команду «встать, смирно» при входе в камеру начальствующих лиц (ст. 118), и команду «смирно, шапки долой» при приближении начальствующих лиц к гуляющим или работающим заключенным (ст. 124). Обязательное обращение на «ты» служило всегда поводом для протестов со стороны политических заключенных, а обычными со стороны тюремного начальства были обращения к заключенным со словами: «здорово, сволочи», «равняйся собака к собаке», «марш, сволочи, по камерам», «здорово, мерзав-

РСФСР. Сокольническая фабрично-трудовая колония. Лишенный свободы передает по радио новости дня колонии, информации и распоряжения администрации

УССР. Одесская промколония. Лишенные свободы на свидании с родными и знакомыми

УССР. Одесская промколония: Свидание матери с сыном

РСФСР. Таганский домзак. Выход оркестра лишенных свободы из школы ФЗУ на первомайскую демонстрацию

Таджикская ССР. Сталинабадский домзак. После работы готовятся к вечернему чаю

ЗСФСР. Грузия. Сигнахский исправдом. В обеденный перерыв политрук читает лишенным свободы газету

Туркменская ССР. Ашхабадский исправдом. Читка вслух на родном языке

цы», «жидовская морда», «почему, сволочь, не снимаешь шапки», «каторжанская рожа»[1]. Не только начальствующий состав, но любой надзиратель был «бог и царь» для заключенных. Между администрацией и заключенными могли быть и были только глубоко враждебные отношения. На унижения, на издевательства, на брань, на отношение к заключенным как к существам низшего порядка, заключенные отвечали глубокой ненавистью, затаенной злобой, постоянной неутолимой жаждой мести, вспышками тюремных бунтов.

Таков в основном и дух современной буржуазной тюрьмы. Отношение администрации и надзора к заключенным носит в лучшем случае прусско-казарменный характер, проникнуто нескрываемым презрением к заключенным и стремлением всячески подчеркнуть пропасть, которая существует между «арестантом» и начальством. О фашистской тюрьме мы говорили уже выше.

То, что поражает иностранцев, посещающих советские места лишения свободы, это совершенно иной, новый, простой, человеческий характер отношений между администрацией и лишенными свободы. Здесь нет снимания шапок перед начальством. Нет обязательного вставания при виде начальства в камере или особого языка в разговоре с начальством. Это нисколько не мешает соблюдению дисциплины, строгой обязательности распоряжений администрации, безусловному выполнению всех мероприятий, которые диктуются задачей принудительного воспитания.

В результате новых отношений совершенно изменилась атмосфера места лишения свободы, исчез напряженный, унизительный специфический «тюремный дух», убивающий в заключенных капиталистической тюрьмы самоуважение и чувство собственного достоинства, и создалась возможность такой организации режима, при которой лишенный свободы усваивает то, часто новое для него, отношение к людям, которое необходимо для жизни и работы в коллективе, для участия в общественной жизни после выхода на свободу.

В изжитии «тюрьмы», в создании вместо «тюрем» воспитательных учреждений этот новый характер отношений играет чрезвычайно большую и важную роль.

в) Содействие режима развитию общественных навыков среди лишенных свободы

Современная буржуазная тюрьма (как и царская тюрьма) ставит себе задачей убить в заключенном всякое проявление общественности, все, что связано с привычкой к коллективной жизни и работе, к общественной деятельности. Буржуазии нужен пролетарий одиночка, ибо такой пролетарий безопаснее и выгоднее для нее, и буржуазия боится пролетария с общественными, коллективными навыками, ибо только организованный пролетариат может свергнуть господство буржуазии.

Один из начальников царского тюремного управления — Соломон, в лекции, прочитанной воспитанникам Александровского лицея, го-

[1] «Орловский каторжный централ». сборник, стр. 50, 60, 67, 109, 140, 155.

ворил: «Арестанту внушается, что в тюрьме каждый отвечает сам за себя, что арестанты не отвечают друг за друга и что если в случае беспорядка наказанию подвергается целое отделение, особенно когда виновные не могли быть обнаружены, то отнюдь не в силу какой-либо круговой поруки, а потому, что каждый признается виновным в отдельности. Вы догадываетесь, что смысл этих внушений заключается в усиленном подтверждении несуществования арестантской общины» [1].

«Общая тюремная инструкция» 1915 г. твердо проводила это положение в жизнь и указывала, что «арестантам ни в каком случае и ни для каких целей не разрешается иметь своих старост и уполномоченных» (ст. 170), а в устраиваемых для арестантов беседах и чтениях строго запрещала «касаться событий текущей политической и общественной жизни» (ст. 246).

Одиночное заключение, прогулки «гусиным маршем» на расстоянии пяти шагов друг от друга, правило молчания, запрещение выбора старост и всякого подобия выборных организаций, коллективных жалоб, коллективных выступлений, всяких игр, обязательное ношение масок и т. д., — все это различные проявления одного и того же стремления — убить в заключенных малейшее проявление общественности и общественных навыков, не допустить или уничтожить привычки к коллективной жизни и деятельности.

Глубоко противоположны задачи, которые ставятся в этом отношении режиму в советских местах лишения свободы. Советские места лишения свободы воспитывают не одиночку, не индивидуала, а коллективного человека и общественника. Эту цель преследует организация труда и политико-воспитательная работа. Этой цели подчинена и организация режима. Для советских мест лишения свободы характерны поэтому не одиночные, а общие камеры, не режим молчания, а полнейшая неограниченная свобода разговора, не запрещение самых примитивных форм общения, а поощрение всего, что содействует коллективной жизни, коллективной работе, что содействует развитию общественности.

Этой же цели служит организация различных форм самоуправления лишенных свободы, замена надзирателей лишенными свободы и поддержание ими внутреннего распорядка.

Такая целевая установка предопределяет содержание и формы режима и делает режим одним из методов переделки неустойчивых элементов и «исправления исправимых», воспитания их к жизни в коллективе, к работе в коллективе, к общественной деятельности.

г) Отказ от прогрессивной системы

От буржуазной тюрьмы советская исправительно-трудовая система раньше заимствовала так называемую прогрессивную (лестничную) систему, при которой лишенный свободы, по мере исправления, переходит из разряда в разряд с постепенным смягчением режима, уменьшением числа ограничений и увеличением числа льгот и привилегий. Прогрессивная система, которую буржуазная пенитенциария любит рекламировать,

[1] «Тюремное дело в России», 1918 г., стр. 27.

как лучший «педагогический» метод, которая внешне носит аполитичный характер, а в действительности является удобнейшим способом осуществления политических заданий, которые ставятся буржуазной тюрьме, — эта система без всякой критики воспринята «Положением об общих местах лишения свободы», а затем, с некоторыми, правда, изменениями, и исправительно-трудовыми кодексами союзных республик.

Между тем прогрессивная система является институтом, который по своему существу может служить только целям, преследуемым буржуазной тюрьмой. Она неразрывно связана со ставкой на индивидуальные устремления заключенного, с оценкой его как индивидуума, с изолированным рассмотрением его вне коллектива. В этом ее главное значение, не говоря уже о том, что прогрессивная система дает буржуазной тюрьме возможность объявлять всех политических заключенных неисправимыми, держать их в низшем разряде, а представителей господствующего класса переводить в высшие разряды и предоставлять им тем самым всевозможные права и преимущества. Макс Гельц, на основании собственных наблюдений в качестве долголетнего заключенного, установил, что вечно остающиеся в начальном разряде это в «большинстве случаев люди с сильным характером, неумеющие подхалимствовать» и что «во второй и третий разряд раньше и легче всего попадают именно те заключенные, которые на свободе совершили самые позорные проступки. Именно эти люди умеют лучше всех приспособиться к условиям тюремной жизни, становятся добрыми друзьями служащих и доставляют меньше всего хлопот администрации. Как правило, эти люди, на воле всегда отлынивавшие от работы, в тюрьме перерабатывают норму и проявляют такое усердие и выдержку, которые достойны были бы более полезного применения.

Все заключенные, с которыми я имел возможность беседовать, вынуждены были признать, что именно благодаря лестничной системе среди заключенных процветают лицемерие и подкупность» [1].

В Германии коммунисты неоднократно требовали в ландтагах полной ликвидации прогрессивной системы, обосновывая это требование тем, что она воспитывает в заключенных «доносы и лакейство» или «подхалимство» [2]. Однако социалдемократы всегда решительно выступали против подобных требований и добивались их отклонения.

Прогрессивная система приняла на советской почве комбинированную форму системы мест лишения свободы с различным более или менее углубленным режимом и делением лишенных свободы на категории и разряды с тем, что лишенные свободы, по мере исправления и перехода в высшие разряды, переводятся из места лишения свободы одного типа

[1] Макс Гельц, От белого креста к красному знамени, 1931 г., стр. 277—278.

В немецком журнале «Die Justiz», органе «либерального союза судей» некий Курт Науман пишет про прогрессивную систему, что она «развязывает качества, которые убивают чувство общественности и индивидуальности, как например, карьеризм, лицемерие, ограничение самостоятельного мышления и деятельности»...

[2] A. Behrle, цит. соч., стр. 152.

15*

в место лишения свободы другого типа с более облегченным режимом.

Увлечение этой явно заимствованной у либеральной демократии системой, реципированной и советским исправительно-трудовым законодательством, приводило к различным искривлениям классовой линии. Правда, перенесенная на советскую почву прогрессивная система подверглась некоторым изменениям, и в нее был внесен классово диференцированный подход, проявлявшийся в разделении всех лишенных свободы на категории в зависимости от их социального положения и социальной опасности совершенных ими преступлений. Однако комбинированная система категорий и разрядов давала благодарную почву для всевозможных искривлений. Этому в значительной мере способствовала защита прогрессивной системы некоторыми ведомственными работниками в их практической деятельности и в их теоретических трудах.

Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1933 г. окончательно порывает с прогрессивной системой.

д) Освобождение режима от религиозных влияний

В царских тюрьмах и в тюрьмах современных капиталистических стран в построении режима религиозно-церковное начало всегда играло первенствующую роль. Особенно усердствовало в этом отношении царское правительство. Царская «Инструкция смотрителю тюремного замка» дает некоторое представление о том, насколько режим в царских тюрьмах был проникнут религиозным влиянием:

«Ст. 57. Как скоро камеры будут выметены и убраны, арестантами читается утренняя молитва».

«Ст. 58. Один из арестантов читает молитву перед обедом, каждый в своей камере, а потом садятся за стол».

«Ст. 84. После обеда читается благодарственная молитва».

«Ст. 87. Перед ужином читается также молитва, равно и благодарственная после ужина».

«Ст. 89. По окончании ужина спустя полчаса и когда со столов уберется посуда и пр., караульный офицер со смотрителем делают перекличку по камерам, а потом читается вечерняя молитва».

«Ст. 94. Накануне воскресных, праздничных и торжественных дней все собираются в церковь замка в 5, а летом в 6 часов для слушания вечерни, а потом заутрени».

«Ст. 95. В самые воскресные, праздничные и торжественные дни по утру, совершив утреннюю молитву и справя домашние по тюремному замку работы, кому сие назначено будет, оставаться там по камерам до обедни читать по назначению священника приличные места из священного писания и других церковных книг».

Правда, позднейшие тюремные инструкции сократили число статей, устанавливавших многочисленные обязанности заключенных, но общий дух царской тюрьмы от этого не изменился и религиозно-церковная обработка заключенных нисколько не ослабела.

Меньшее, но все же достаточно большое влияние на содержание режима оказывают религиозные церемонии и в современных капита-

листических тюрьмах. В германских тюрьмах в 1927 г. на 813 врачей и на 208 педагогов приходилось 1 227 штатных священников[1]. И в тюрьме религия является одним из испытанных средств для подавления личности заключенного и для превращения его в отупевшее, безвольное, запуганное, безропотное существо, в покорную рабочую силу, в удобный объект эксплоатации. Фашизация современной буржуазной тюрьмы еще более усиливает роль священников в тюрьме. Итальянский фашистский тюремный устав 1931 г. — лучшая характеристика этому.

Надо ли говорить о том, что в советских местах лишения свободы все религиозные церемонии изгнаны самым решительным образом и что ни режим, ни остальные методы исправительно-трудового воздействия не только не сохранили ни малейших видов религиозного влияния, но строятся на основе ленинского коммунистического антирелигиозного воспитания.

8. СОДЕРЖАНИЕ РЕЖИМА В БУРЖУАЗНЫХ ТЮРЬМАХ И В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ СССР

Как на практике реализуются те основные принципы организации режима в советских местах лишения свободы, которые представляют собою специфическую особенность советской исправительно-трудовой системы и которые несовместимы с задачами буржуазной тюрьмы и теми методами, при помощи которых эти задачи осуществляются? Остановимся на основных вопросах режима передвижения лишенных свободы внутри мест лишения свободы, свиданиях, передачах, ношении собственной одежды, переписке, прогулке, отпусках лишенным свободы, праве жалобы и на дисциплинарных взысканиях.

а) Право передвижения в пределах места лишения свободы

Представление о буржуазной тюрьме как о могиле, в значительной мере вызывается жесткой ограниченностью возможности передвижения заключенных. Свое классическое выражение это ограничение находит в живучем до сих пор строго одиночном заключении. Доводимая до уродливости идея одиночного заключения (одиночные клетки в школе и в церкви; лифты, разделенные на одиночные клетки; одиночные дворики для гулянья) равно служит и целям «донимающего исправления» и задаче физического уничтожения. Но и при системе одиночного заключения и при общих камерах заключенные в буржуазных тюрьмах могут передвигаться в жестко ограниченных пределах. Надо признать, что в этих тюрьмах регламентирован буквально каждый шаг заключенного. Не только отмеряется сколько, когда и где можно ходить заключенным, но и строго регламентируется тюремными правилами как он должен ходить.

Советская исправительно-трудовая система начала с запрещения одиночного заключения и последовательно расширяла права лишенных свободы на передвижение в пределах места лишения свободы. Исправительно-трудовые кодексы союзных республик, сохранив еще, как пра-

---

[1] E. Humbel, Strafvollzugsstatistik, „Die Zeit" 1930 г., т. V, вып. 12, стр. 750

вило, требование о запоре камер, открыли, однако, на день (от утренней до вечерней поверки) камеры лишенных свободы, находящихся в высшем разряде. Еще более расширялось право передвижения в открытых колониях, в пределах которых лишенные свободы могли свободно передвигаться.

Переход от системы изоляторов и исправдомов к системе колоний открыл камеры во всех колониях, даже в колониях закрытого типа. В достаточно широких пределах здания общежития и прогулочного двора лишенные свободы передвигаются свободно, без всяких ограничений.

ИТК РСФСР 1933 г. указывает уже, что «в колониях сельскохозяйственных, фабрично-заводских и массовых работ камеры от утренней и до вечерней поверки остаются открытыми. Время, незанятое на работах, на политико-воспитательных занятиях, лишенные свободы используют по своему усмотрению, в пределах здания общежития и прогулочного двора в фабрично-заводских колониях, в пределах здания общежития и территории, установленной правилами внутреннего распорядка, — в колониях сельскохозяйственных и массовых работ».

Места лишения свободы утрачивают, таким образом, последние признаки «мертвого дома» и пустынные коридоры, неподвижность и мертвящая тишина уступают место движению, жизни и нормальному шуму человеческого общежития.

б) Свидания

Идея изоляции заключенного от всего, что остается за тюремными стенами, пронизывает насквозь буржуазную тюремную систему. Человек в могиле, наглухо изолированный от всего живого, — таков идеал заключенного для буржуазных тюремщиков. Этому идеалу подчинено в буржуазной тюрьме все: правила о свиданиях, о переписке, о передачах и т. д. Если бы не христианские представления о значении семьи, являющейся одним из устоев буржуазного общества, то в буржуазной тюрьме, вероятно, вовсе были бы запрещены какие-либо свидания с заключенными. Но значение семьи принуждает буржуазных тюремщиков, хотя и в самых ограниченных размерах, все же допускать свидания заключенных с родственниками.

При таком положении изощренность мучительства выражается в капиталистических тюрьмах и в сроках, и в обстановке свидания, и в круге лиц, допускаемых к свиданию. Свидания один раз в месяц на 15 минут — таково правило в большинстве капиталистических стран. Свидания через две густые решетки — такова, как правило, обстановка свидания. Клетки для свидания отличаются от клеток для зверей только меньшими размерами и той густотой двойной решетки, от которой буржуазные филантропы освобождают даже диких зверей. Неудивительно, что болезненно воспринимаемая заключенными позорная обстановка человека в клетке настолько невыносима для многих заключенных и их близких, что они предпочитают вовсе отказываться от свиданий.

На свидания в буржуазных тюрьмах допускаются только ближайшие

родственники заключенного. Получение разрешения на свидание обставлено рядом формальностей и требует больших хлопот.

Исправительно-трудовое воздействие в советских местах лишения свободы строится на принципе сведения изоляции до тех минимальных пределов, переход за которые означал бы уничтожение самого лишения свободы. Руководящим принципом лишения свободы в советских республиках является поддержание связи лишенного свободы с политической, общественной, трудовой жизнью страны, с его родными и близкими.

Из этого положения исходит советское исправительно-трудовое законодательство, устанавливая правила о свиданиях, передачах, переписке, отпусках, получении газет и т. д.

Свидания на основании исправительно-трудовых кодексов предоставляются от одного раза в 15 дней до двух раз в 7 дней, в зависимости от разряда, в котором находится лишенный свободы. На свидания допускается до трех посетителей сразу. Никаких ограничений родственными отношениями не имеется: на свидания могут являться не только родные, но друзья и знакомые. Разрешение на свидание получается без всяких хлопот. Приехавшие из другого места получают свидания вне установленных сроков.

В колониях открытого типа свидания фактически неограничены. В ряде колоний наблюдается, что к лишенным свободы приезжают их семьи, поселяются в непосредственной близости к колонии, и лишенный свободы ежедневно проводит все свое свободное время до вечерней поверки с семьей.

в) Передачи

Полное запрещение или крайнее ограничение свиданий заключенных в буржуазных тюрьмах — это не только одно из последствий с жестокой последовательностью проводимой идеи изоляции заключенного от общества, но и один из методов утонченного мучительства. При помощи запрещения передач достигается одна из задач буржуазной тюрьмы — лишить заключенного всяких радостей, ограничить его только тем однообразным, невкусным и недостаточным питанием, которое предоставляет ему тюрьма, и прибавить тем самым еще одно звено к той цепи мероприятий, которая призвана физически уничтожать заключенного.

Редкие исключения, допускающие передачи два-три раза в год (в Германии), не колеблят общего положения об отсутствии у заключенных в буржуазных тюрьмах права на получение передачи.

Советская исправительно-трудовая система с первого же дня признала за лишенными свободы самое широкое право на передачи.

Кроме продуктов допускаются к передаче все вещи, которые лишенные свободы имеют право иметь при себе в камере, как-то: табак, спички, мыло, туалетные и письменные принадлежности, одежду, обувь и т. д.

В СССР передачи лишенным свободы разрешаются каждый день.

г) Переписка

Для царских тюрем и для тюрем капиталистических стран различные ограничения переписки являются неизбежной формой осуществления задач буржуазной тюрьмы. Ограничение переписки как одна из форм изоляции лишенного свободы от внешнего мира, отрывая его от круга обычных интересов, от всего, что было дорого ему и заполняло его жизнь, и неизбежно концентрируя его мысли и интересы на узкой области его тюремной жизни, также осуществляет задачу «донимающего исправления» и является, в особенности для политических заключенных, одним из методов наиболее утонченного мучительства.

Царская «Общая тюремная инструкция» жестко ограничивала и круг вопросов, которых можно было касаться в письмах, и сроки для переписки лишенных свободы: от трех писем в неделю (для приговоренных к аресту и для несостоятельных должников) и до одного письма в месяц (для каторжан-испытуемых).

О том, как проходила в царских тюрьмах переписка заключенных и к чему она в конечном счете сводилась, рассказывают в своих воспоминаниях многие из политкаторжан: «В праздники мы отдыхали. По утрам, в месяц раз, писали в коридоре письма. Выводили человек пять шесть по очереди. Отделенный стоял сзади и приговаривал:

— Ты пришел писать, так пиши, а то я как писну, так и полетишь со скамейки. Ишь, расписался. Пиши: жив, здоров, пришлите денег, вот и все, а то — «кланяюсь», да «кланяюсь».

И действительно иной раз как писнет, так и вылетишь со скамейки, и на этом кончается письмо. Правду говоря, и писать то было нечего, так как о том, что ты переживаешь, все равно не напишешь. Такого письма не пропустят, а тебя изобьют и посадят в карцер. Арестованные писали: «Здравствуйте» и «Прощайте» [1].

Переписка с волей имела огромное значение для заключенных. Ограничения, которым она подвергалась со стороны царских тюремщиков, переносились как одно из тяжелейших лишений. Бывшие каторжане рассказывают: «Каторга не только обезличивала и уничтожала человека, не только расправлялась с ним розгой и карцером, она лишала его переписки с товарищами и знакомыми, оставшимися на воле.

Все близкое и дорогое оставалось за высокой тюремной стеной. Переписка ограничивалась строгими рамками. Письма разрешалось писать родителям, жене, детям, братьям и сестрам лишь один раз в месяц.

Письма, полученные от лиц, носивших другую фамилию, вызывали целое следствие. Задавались бесконечные вопросы, в результате которых переписка не выдавалась.

Тюремная цензура замазывала тушью страницы, казавшиеся ей подозрительными; малейший намек на происходившие на воле события служил поводом к уничтожению письма» [2].

---

[1] «Орловский каторжный централ», сборник, стр. 167.

[2] И. Здоровец, Шесть лет в стенах Псковской каторги. «Каторга и ссылка», 1931 г., книга 5, стр. 172.

В капиталистических тюрьмах самые невероятные жестокие ограничения переписки сохраняются до сих пор. Перерывы в переписке достигают 3 месяцев. Одно полученное и одно отправленное письмо в месяц являются обычным правилом. Самый размер отправляемого письма ограничен. Невозможность писать о самом важном, самом волнующем отравляет радость и от редких писем. В одном из своих писем из Бреславльской тюрьмы Роза Люксембург писала: «Как ты уже знаешь, я, к сожалению, ограничена в переписке самым необходимым минимумом. При таких условиях нет настроения писать» [1].

Воспоминания бывших заключенных в капиталистических странах полны жалоб на те муки, которые ограничение переписки несет за собой для заключенных и их семей. Один из бывших заключенных в Англии пишет по этому поводу: «Ограничение переписки — это наказание не только для заключенного, но и для его близких. Было бы трудно сказать, кто больше страдает от этого, — человек в камере, отрезаемый на каждые 8 недель от своей семьи, полный угрызений совести, беспокоящийся о своей семье, озабоченный болезнью жены или ребенка, или же его жена дома, горюющая о позоре ее мужа, не знающая, что с ним, беспрестанно думающая о его здоровье» [2].

Комиссия из английских либеральных общественных деятелей, обследовавшая состояние английских тюрем, принуждена была признать: «1) Письма разрешается получать и отправлять слишком редко. Особенно жесток перерыв в два месяца для заключенных третьего разряда. 2) Цензура получаемых и отправляемых писем ненужно строга. 3) Когда пришедшее письмо возвращается обратно писавшему его, заключенных об этом не извещают. Эта необъяснимая задержка письма причиняет заключенным много волнений» [3].

В советских местах заключения нет никаких ограничений переписки. Каждый лишенный свободы с первого же дня его поступления в место лишения свободы может получать и отправлять столько писем, сколько ему угодно. За администрацией остается право просмотра переписки лишенных свободы. Но право это используется в самых незначительных пределах, в особенности в колониях открытого типа. Исключение составляет переписка находящихся под следствием, направляемая для просмотра органам расследования. Если эти органы считают просмотр с их стороны излишним, то переписка просматривается в общем порядке.

д) Прогулки

Тюремные правила в капиталистических странах предусматривают ежедневные прогулки заключенных. Казалось бы, что прогулка должна служить интересам здоровья заключенных, их отдыха и развлечения. Но таково уже свойство буржуазной тюрьмы, что она все решительно превращает в метод мучительства и унижения и что прогулки обращаются в тяжелую физическую и нравственную пытку для заключенных.

---

[1] Роза Люксембург, Письма к Карлу и Луизе Каутским, стр. 176.
[2] Hobhous and Brockway, English Prisons to day, стр. 287.
[3] Там же, стр. 213.

Строго ограниченное время прогулки, запрещение разговора, обязанность ходить гуськом по кругу на расстоянии нескольких шагов друг от друга — все эти мучительные меры до сих пор предписываются тюремными правилами.

Практика царских тюрем и современных буржуазных стран ухитряется эти и без того тяжелые ограничения доводить до последней степени изысканного мучительства. Если царские правила указывали, что «выведенные на прогулку арестанты идут разомкнутой шеренгой по кругу, не менее как в пяти шагах друг от друга, соблюдая при этом полное молчание», то вот как происходила на практике прогулка в каторжных тюрьмах: «Раздавалась команда: «Марш на прогулку!». Каждый должен был бежать вниз и строиться в ряды. Начиналась военная муштровка. Она сопровождалась ударами в грудь и по голове... Когда старшему казалось, что намуштрованы достаточно, раздавалась команда: «Шагом марш!» и всех выводили на большой двор, где начиналась шагистика. Все сто человек должны были ходить по четыре в ряд, в ногу, по кругу. Такая шагистика под звон кандалов доводила нервных людей до истерики. Горе тому, кто вздумает сказать слово товарищу, шагающему рядом. Зоркий глаз надзирателя сейчас же заметит, и на голову «виновного» посыплются удары... После пятнадцати минут такой «шагистики», раздавалась команда: «Кругом марш!» и все опять разгонялись по камерам» [1].

Макс Гельц, рассказывая о прогулках в германских тюрьмах, пишет: «Такое получасовое кружение по двору называется «свободным часом». Это единственная возможность для заключенного подышать свежим воздухом и увидать клочек неба... Но и этот весьма сомнительный отдых отравлен дымом и вонью, стоящей перед сараем так называемой полевой кузницы, в которой работают тюремные слесаря.

Ужасен этот бег по кругу сорока взрослых мужчин на расстоянии пяти шагов друг от друга. Через каждые пятнадцать-двадцать метров стоит надзиратель, наблюдающий за тем, чтобы заключенные не разговаривали между собой» [2].

В советских местах лишения свободы во время прогулки лишенные свободы никаким ограничениям не подвергаются. Они могут свободно двигаться или сидеть на месте, разговаривать, играть, заниматься спортом и т. д. При содержании лишенных свободы в исправительно-трудовых колониях специальная прогулка стала излишней. В часы, свободные от работы и политико-воспитательных занятий, лишенные свободы могут гулять сколько им вздумается. В закрытых колониях прогулочный двор, а в открытых — территория колонии всегда доступны для них. Специальные прогулки сохраняются только для находящихся под следствием.

По ИТК РСФСР 1933 г. прогулки для подследственных, для содер-

---

[1] Е. И. Гендлин, Из мира заживо погребенных, в сборнике «Орловский каторжный централ», стр. 48.

[2] Макс Гельц, От белого креста к красному знамени, 1931 г., стр. 194—195.

жащихся в пересыльных пунктах и штрафных колониях должны предоставляться ежедневно и длиться не менее одного часа (ст. 51).

е) Отпуска

Буржуазные тюрьмы не знают отпусков. Для буржуазного тюремного работника самая возможность отпуска заключенных, а тем более длительного, представляется чем-то немыслимым. Тюремный фетишизм настолько сильно владеет буржуазными тюрьмоведами, что отпуска заключенным представлялись бы им колебанием всех тюремных устоев. Редчайшие исключения являются или образчиком социальной демагогии и практического значения не имеют, или же применяются в столь исключительных случаях, что говорить о них как о сколько-нибудь реальной мере не приходится.

Так, Итальянский тюремный устав 1931 г. формально вводит отпуска, но оказывается, что они предоставляются не отбывающим наказание, а лишь количественно немногочисленным «интернированным». В Германии до гитлеровского периода отпуска в редчайших случаях предоставлялись на несколько часов и фактически являлись столь редким исключением, что невозможно серьезно говорить об отпусках в германских тюрьмах.

Да и буржуазное общество с его предрассудками, с его беспощадным отношением к нарушителям классовых интересов буржуазии вряд ли потерпело бы в своей среде неотбывшего срока приговора заключенного. Составители Итальянского тюремного устава 1931 г., запрещая отпуска отбывающим «наказание», конструируют с этой целью специальную теорию «непрерывности наказания».

Все эти соображения чужды пролетарскому правосознанию. Изоляция лишенного свободы не является для него чем-то самодовлеющим Она применяется лишь постольку, поскольку это необходимо для временного ограждения общества от опасности, которую представляет лишенный свободы, и для принудительного его воспитания. Этому не противоречит возможность отпуска лишенных свободы, достаточно освоенных в процессе исправительно-трудового воздействия.

Уже исправительно-трудовые кодексы союзных республик установили возможность предоставления лишенным свободы отпусков на срок до 14 дней в году. В 1925 г. правительства союзных республик предоставили возможность отпускать лишенных свободы на период важнейших сельскохозяйственных работ с тем, что время этого отпуска также засчитывается в срок приговора, если лишенный свободы не совершил во время отпуска никаких предосудительных поступков.

Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1933 г. кроме обычных отпусков предусматривает краткосрочные отпуска, предоставляемые в порядке поощрения или в особых случаях властью начальника места лишения свободы.

ж) Ношение форменной одежды

Во всех буржуазных странах до сих пор еще установлено обязательное ношение форменной арестантской одежды. Эта одежда во всех

без исключения буржуазных тюрьмах носит уродливый, шутовской, унизительный характер. Широкие красные, желтые и черные полосы вдоль или поперек костюма придают лишенным свободы шутовской вид. Эта «зебровая одежда» не может иметь никаких иных задач, кроме унижения человеческого достоинства и причинения заключенному излишних страданий. Впрочем буржуазные тюрьмоведы не находят нужным скрывать этого[1].

В советских местах лишения свободы никогда не было и нет форменной одежды для лишенных свободы. Каждый лишенный свободы может одеваться так, как он хочет. Лишенным свободы, не имеющим собственной одежды, должна выдаваться одежда. Эта одежда выдается обычного образца, ничем не отличающего лишенного свободы от всех трудящихся.

з) Право курения

Запрещение курения, принятое, как правило, во всех буржуазных тюрьмах, продиктовано, конечно, не заботой о здоровье заключенных, а тем же стремлением причинения им страданий. Учитывая, что невозможность удовлетворить эту крепко укоренившуюся привычку особенно больно бьет по курящим заключенным, буржуазные тюрьмы с неумолимой жестокостью проводят в жизнь запрещение курения. В немногих лишь буржуазных странах лишенным свободы высшего разряда разрешается курить несколько папирос в день.

Советское исправительно-трудовое законодательство не запрещает курения и не ограничивает его количественно. Более того, в списке вещей, которые лишенные свободы могут иметь при себе в камере, закон упоминает табак и спички.

и) Дисциплинарные взыскания

Дисциплинарные взыскания являются любимейшим и удобнейшим орудием осуществления буржуазной тюрьмой задачи «донимающего исправления» и физического уничтожения. Ни в какой, пожалуй, области тюремного дела расхождение между законами и правилами, с одной стороны, и реальной действительности — с другой, не представлялось даже и до фашизации тюремной репрессии столь разительным, как в области дисциплинарных наказаний.

Фашизация же тюремной репрессии принесла общее для всех капиталистических стран откровенное санкционирование таких дисциплинарных взысканий, «которые по своей природе или по состоянию заключенного могут повлечь вредные последствия для здоровья».

Такие взыскания узаконены «правилами» Лиги наций, направленными к «улучшению пенитенциарного дела». Эти же правила узаконили телесные наказания и такие «орудия принуждения», как кандалы, цепи, смирительные рубашки и темный карцер. Вряд ли возможно более откровенное признание действительных, а не завуалированных либеральными фразами задач современной буржуазной тюрьмы. Дисци-

[1] Michaelis, Leitfaden der Gefänghiskunde, стр. 97.

плинарные взыскания легализуются Лигой наций, как средство физического уничтожения пленников буржуазной тюрьмы.

Но тюремная действительность в буржуазных странах давно уже превзошла правила Лиги наций. Уже царская тюрьма дала такую картину дисциплинарных мер, с которой могут конкурировать, пожалуй, только мучители в фашистских странах.

Изобретательность русских тюремщиков времен царизма обнаруживает изумительное сходство с румынскими, французскими и другими современными тюремщиками. «В Орле применялась в качестве меры наказания так называемые «вязка уткой», являющаяся одним из наиболее жестоких способов воздействия на арестантов. Руки и ноги туго связывались вместе на спине крепкой, остро режущей тело веревкой. Ни одним членом связанный не мог шевельнуть и очень скоро наступало онемение всего тела» [1].

А в французских тюрьмах два новых термина обогатили практику буржуазных застенков. Эти термины «les poucettes» и «la crapaudine», которые заимствованы из старой практики колониальных культуртрегеров. Первый термин происходит от слова pouce — большой палец. Les poucettes — специальные железные тиски, в которые завинчивают большие пальцы загнутых за спину рук на 18, 24 и 48 часов. Иногда эта пытка кончается раздроблением костей.

Второй термин трудно переводим, в нем отразился тот же гнусный юмор палачей. «Crapaudine» — термин кулинарии, так называется способ расправлять лапки и крылья цыплятам, поджариваемым на вертеле. Для заключенных термин «crapaudine» означает издевательское обозначение особого способа истязания. Это истязание заключается в том, что пальцы рук, зажатые в les poucettes, связываются за спиной с также зажатыми в тиски щиколотками ног. В таком положении заключенного оставляют на срок до 3 суток. Тиски не снимаются даже во время принятия пищи. Заключенный все время лежит на животе и может есть и пить, только опуская голову в миску как животное. Больше 3 суток пытка не применяется. Обычно даже раньше этого срока наступает потеря сознания [2].

Но не только такие «изобретения» по части дисциплинарных взысканий, но и самые обычные меры, как знаменитый дисциплинарный зал во Франции или карцер во всех буржуазных тюрьмах, являются фактически средствами физического калечения заключенных. Можно было бы написать целую книгу о карцере, но и она при всем своем трагизме не в состоянии была бы передать и небольшой части страданий, мучений и пыток, которым при помощи карцера подвергались и подвергаются до сих пор в буржуазных тюрьмах десятки тысяч врагов капитала и нарушителей интересов господствующего класса.

Но несколько примеров, хотя бы самых отрывочных, необходимо привести и здесь. Без них трудно оценить все значение отношения к вопросу о карцере советской исправительно-трудовой политики.

---

[1] Орловский каторжный централ, стр. 16.

[2] Булатов, Фашизация политической репрессии, «Советское государство и революция права», 1931 г., стр. 110—111.

И прежде всего — о карцере в царских тюрьмах. Описание этого карцера дал Андрей Соболь:

«Еще минут пятнадцать, и мы полуголые, в одном только нижнем белье, в халатах, уже в бутырском карцере. Бреду наугад, руки протянув вперед, и сразу нащупываю стенку, догадываюсь, что клетушка коротка и узка. Хочу сесть, а на полу воды с вершок, стены мокрые. Опять стучат затвором, надзиратель сует мне кусок хлеба и какую-то посудину с водой. Ставлю ее на пол. Вскоре пить хочется — ищу посудину, нахожу подношу ее к лицу — и отшатываюсь: вонь нестерпимая. Понимаю в чем дело и ищу другую, нахожу и снова отбрасываю.

Так на все время нахожусь без воды.

Да и без хлеба тоже: держать его негде, в арестантском халате кармана нет — положил в уголок, а когда немного погодя потянулся за ним — попал в живой клубок крысиных тел.

Они окружили меня со всех сторон, пищали над самым ухом...

Пока бодрствуешь, еще не страшно: то вспугнешь их окриком, то ногой качнешь и звоном прогонишь.

Тьма, крысы, мокрые стены, мокрый пол, но все же ко сну клонит. Но приучился, будто спишь, не то сон, не то полудремота, а помнишь, что надо от поры до времени ногой встряхивать и звоном отпугивать...

На четвертый день в третьем карцере от меня избивали вновь приведенного арестанта.

Как его звали, до сих пор не знаю. Я услышал только, как загремела входная дверь, как затопали надзиратели, как зазвенели кандалы нового узника.

Политический? Уголовный? Я кулаками забарабанил в дверь и крикнул: кого привели?

И в ответ раздался вой.

Темень, каменный гроб, сознание, что ты бессилен как кролик, и этот вой нечеловеческий, исступленный...

Когда кончился срок карцерного сидения и нас вывели, я был глух, слеп и нем ко всему...

Шел двором и было только одно желание: лечь по настоящему, не скрючившись, но так, чтобы не надо было помнить — шевели ногой, шевели, и заснуть, заснуть надолго, навсегда» [1].

Такой карцер хорошо выполнял свою задачу: он был источником тяжелых заболеваний, ревматизма, туберкулеза, нервных расстройств. В цепи причин, приводивших заключенных, в особенности политзаключенных, к самоубийству, к преждевременной смерти, карцер играл немаловажную роль.

Ту же самую роль выполняет карцер и в современных капиталистических тюрьмах. На Международном юридическом совещании МОПР в ноябре 1927 г. один из докладчиков — Спиру (Румыния) говорил:

«Чтобы получить представление о румынском карцере, вообразите себе ящик в форме стоящих стенных часов, той же ширины и глубины, высотой в рост человека с отверстием на уровне рта. Заключенного

---

[1] Андрей Соболь, Колесуха, стр. 9—10.

впихивают в этот ящик, гроб, и он остается в нем, не имея возможности ни повернуться, ни пошевелить членами, ни согнуть колен, 1 час, 2 часа, 6 часов, сутки, 6 суток, 10 суток. 10 суток—это норма. Ноги при этом опухают и изъязвляются, зимой примерзают к цементному полу. Тов. Гольдштейн в течение 4-х месяцев подвергался сплошь, с перерывами лишь в 2 дня, заключению в этом ящике»[1].

О том, что означало заключение в карцере в догитлеровской Германии не по тюремным уставам, не по описаниям германских учебников тюрьмоведения, а в живой действительности, можно себе представить по воспоминаниям Макса Гельца:

«И вот совершенно голый и окровавленный лежал я в холодном подвале... Это помещение было еще меньше других тюремных камер; было оно совершенно пустое, в нем не было ничего, не было и одеяла, в которое я мог бы завернуться...

В этой дыре стояла страшная вонь. Я не мог понять, почему такой удушливый и тяжелый воздух, но скоро понял причину.

Мне нужно было совершить естественные отправления; но никакого судна не оказалось; мне пришлось сделать прямо на пол. Десяткам заключенных, побывавшим до меня в этой камере, несомненно, приходилось поступать точно так же, и острый запах экскрементов крепко въелся в пол.

В эту ночь во мне что-то надломилось...

Самым страшным были не тяжелые побои, нанесенные надзирателями, а это беспомощное метанье нагишом в ледяном погребе. Эту пытку потому и применяют, что она страшно действует и физически и нравственно; те, кто ее не испытал, не могут составить себе о ней ни малейшего представления...

Только тюремные надзиратели, врачи и начальники тюрем знают действие этой крайне утонченной современной пытки.

Они знают, что девяносто пять процентов, которые голыми мучились в этой дыре, «обработаны на всю жизнь». Выражение «обработаны» на тюремном жаргоне означает, что физические и нравственные страдания сделали заключенного безумным»[2].

Надо ли говорить о том, что советская исправительно-трудовая система с первых же дней ее существования решительно ликвидировала телесные наказания, карцеры и другие мучительные дисциплинарные меры. Правда, советские исправительно-трудовые кодексы имеют свою систему дисциплинарных мер. Но эти меры по своему содержанию, по их задачам, по методам их применения принципиально глубоко отличны от дисциплинарных взысканий в капиталистических странах. Они имеют воспитательные задачи, являются одним из звеньев в комплексе мер исправительно-трудового воздействия и в большинстве случаев представляют собою прекращение на определенные сроки (не более месяца) отдельных прав, принадлежащих лишенным свободы. Строгому ограничению их срока соответствует строго определенный порядок их

---

[1] «Революция права», 1928 г. № 1, стр. 128.

[2] Макс Гельц, От белого креста к красному знамени, 1931 г., стр. 199—200.

наложения, гарантирующий от случайных или неосновательных мероприятий.

Перечень дисциплинарных взысканий не подлежит на практике ни малейшему расширению. Применение не предусмотренных законом мер влечет для администрации места лишения свободы уголовную ответственность.

Самая легкая из мер — выговор — налагается начальником, его помощником, начальниками отдельных частей и работникам воспитательных частей. В УССР выговор объявляется или наедине или в присутствии других лишенных свободы (ст. 95, п. 1 ИТК УССР). Далее следуют ограничения или лишения на срок не свыше одного месяца прав свидания, получения передач, покупки в лавочке и ограничение права распоряжения собственными деньгами.

Эти меры налагаются в РСФСР простым письменным постановлением начальника места лишения свободы. В УССР требуется мотивированное постановление.

Наиболее серьезными мерами являются перевод в другое место лишения свободы и изоляция в отдельную камеру. Для перевода требуется постановление наблюдательной комиссии. Изоляция в отдельную камеру не должна ничем напоминать карцера. Эта камера должна быть обязательно сухой, светлой и снабженной принадлежностями для спанья (ИТК РСФСР 1924 г. ст. 147, ИТК УССР ст. 97, ИТК АзССР ст. 148 и др).

Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1933 г. отказался вовсе от изоляции в отдельную камеру в какой бы то ни было форме.

Наложение дисциплинарных взысканий администрацией вытесняется все более системой мер воздействия, налагаемых товарищескими судами — организациями, возникшими из общественной самодеятельности лишенных свободы.

Возникшие в УССР, позже заимствованные РСФСР и другими союзными республиками, товарищеские суды представляют собою выборные организации, которые разбирают большинство проступков, совершенных лишенными свободы. Опыт показал, что приговоры товарищеских судов имеют большое воспитательное значение, что авторитет их очень высок и что в борьбе за новую дисциплину их значение гораздо больше, чем значение дисциплинарных мер, налагаемых администрацией.

к) Право жалобы

В трудах буржуазных тюрьмоведов можно найти попытки доказать отсутствие у заключенных каких-либо прав вообще.

Хотя некоторые либеральные тюрьмоведы и говорят о правах заключенных, но фактически бесправное положение заключенных в тюрьмах капиталистических стран является бесспорным фактом, и этому бесправному состоянию соответствует формально ограниченное, а на практике часто полностью отсутствующее право жалобы, как способа защиты заключенными своих правовых интересов.

Если царская «Общая тюремная инструкция» и содержала указание на то, что «арестантам предоставляется право заявлять по поводу усло-

вий своего содержания в месте заключения словесные ходатайства и жалобы», то в действительности подача жалобы вызывала обычно только лишь тяжелые репрессии и преследования жалобщиков.

Бывший начальник конвойной команды царского времени Чемоданов рассказывает в своих воспоминаниях о последствиях принесения жалобы начальнику Кутомарской каторжной тюрьмы:

«Вступая в камеру он скромно спрашивал: «Заявления есть?»

В одиннадцати камерах в ответ следовало гробовое молчание; в двенадцатой объявился жалобщик...

«Взять его»,— также скромно приказал Ковалев. Из камеры через коридор, оттуда через весь двор и коридор следующего корпуса жалобщика перекидывали ударами прикладов. Ковалев шел сзади; он делал нервные замечания промахивающимся, а при ловких ударах восклицал: «В-вот тебе жалоба! В-вот тебе зверское обращение!»

Когда пригнанный к карцеру заключенный обвалился на стену, чтобы поддержать свое трясущееся тело, кулак Донцевича свалил его на пол, и тогда наступила очередь надзирателей: они били его кулаками, ключами, давили коленями грудь, а затем, открыв дверь, пинками ног вбросили в карцер» [1].

На бумаге, в тюремных уставах и правилах, и тюрьмы капиталистических стран устанавливают право жалобы заключенных на неправильные действия администрации. Но во многих странах это право фактически теряет свое значение благодаря тому, что вводятся наказания за неосновательные жалобы. Так до сих пор дело обстоит в Англии, в Америке и других странах. Итальянский тюремный фашистский устав за неосновательную жалобу предусматривает карцер от 3 до 15 дней на хлебе и воде (ст. 164, п. 10). Но даже при наличии формального права на жалобу в фашистских тюрьмах подача любой жалобы является голой фикцией или даже вызывает весьма неприятные последствия для жалобщика. Например, в румынских тюрьмах «за любую жалобу, если она даже и обоснована, заключенный наказывается, дабы отшибить охоту впредь это делать еще и другим» [2].

Макс Гельц рассказывает про германские тюрьмы: «У тюремной администрации с течением времени выработалось твердое правило: в тех случаях, когда заключенный слишком часто жалуется на надзирателей, инспекторов, начальника тюрьмы или врача, когда он недоволен питанием или другими сторонами тюремной жизни и жалуется на это другим заключенным или в министерство, когда, несмотря на предупреждения и уговоры администрации, он не отказывается от своих жалоб, его отправляют в отделение для умалишенных для проверки состояния его психики» [3].

Как известно, голодовки заключенных являются в капиталистических странах результатом отсутствия реального права на жалобу. По неполным сведениям МОПР в 1931 г. было 133 голодовки с 20 655

---

[1] Г. Чемоданов, Нерчинская каторга, стр. 136.

[2] Л. Гиттель, Румынская юстиция в борьбе с революционным движением, стр. 39.

[3] Макс Гельц, От белого креста к красному знамени, 1931 г., стр. 231.

участниками, продолжительностью в общей сложности 46 962 дня. Впрочем и самая голодовка начинает рассматриваться как дисциплинарный проступок. Так, германское министерство юстиции разъяснило в одном случае, что «на основании § 11 правил внутреннего распорядка заключенный должен эти правила выполнять. Эти правила предусматривают, что является само собою понятным, регулярный прием пищи заключенными в установленное время. Голодовка заключенного является поэтому нарушением правил внутреннего распорядка и должна рассматриваться как непослушание» [1].

Само собою разумеется, что в тюрьмах всех капиталистических стран строго запрещаются коллективные жалобы. Царская «Общая тюремная инструкция» указывала, что «составление и подача коллективных прошений и жалоб не допускается» (ст. 285).

Надо ли говорить о том, что в советских местах лишения свободы установлено неограниченное право жалобы. Лишенным свободы гарантируется возможность обжаловать любое неправильное действие не только администрации места лишения свободы, но и вышестоящих органов. Право жалобы не ограничено ни формой, ни числом, ни адресом. Принимаются все меры к скорейшему рассмотрению жалоб. Как нечто само собою понятное, право жалобы обычно не декларируется в исправительно-трудовых кодексах союзных республик, а порядок принесения жалоб регулируется ведомственными инструкциями. Тем не менее Исправительно-трудовой кодекс УССР содержит правило о том, что «все заключенные без исключения вправе приносить жалобы на неправильные действия администрации и надзора исправительно-трудового учреждения в надлежащие органы. Администрация обязана немедленно передавать жалобы заключенных по принадлежности» (ст. 94 ИТК УССР).

Но право жалобы перерастает в советских местах лишения свободы в высшую форму права на самокритику. Советская исправительно-трудовая система создает не безропотного раба, забитого дисциплиной, палкой и голодом, а сознательного участника социалистического строительства, умеющего пользоваться всеми формами общественного контроля. Печать лишенных свободы — печатные газеты, многотиражки и стенгазеты — дает лишенным свободы широкую возможность самокритики, вскрытия злоупотреблений, нарушений их прав, ненормальностей в быту, на производстве и в учебе. Ни одна заметка в прессе лишенных свободы, устанавливающая какие-либо нарушения или недочеты, не остается без расследования. Существование центральных органов печати лишенных свободы (в РСФСР и УССР) и право каждого лишенного свободы направлять в эти органы корреспонденцию дают ему возможность в порядке самокритики доводить любой вопрос до внимания центральных руководящих исправительно-трудовых и других административных органов, с одной стороны, и советской общественности, с другой.

---

[1] «Blätter für Gefängniskunde», 1929 г., вып. 2, стр. 269.

9. НЕОГРАНИЧЕННОЕ ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЖИЗНИ ЛИШЕННЫХ СВОБОДЫ В БУРЖУАЗНЫХ ТЮРЬМАХ

Специфическая особенность режима в буржуазных тюрьмах заключается (и заключалась в тюрьмах царской России) в мельчайшем, охватывающем каждый шаг заключенного, не выпускающем из виду ни одной минуты его времени, принудительном регулировании всех его действий и поступков. Заключенный ни в малейшей степени не может распоряжаться своим временем, своим поведением. Днем и ночью, на прогулке и на работе, в школе, в церкви, во время обеда каждое его движение, каждый его шаг строго регламентированы. Следующие строчки из письма Оскара Уайльда, написанные им в 1897 г. в Редингтонской тюрьме, являются не продуктом фантазии художника, а чрезвычайно меткой формулировкой содержания режима в капиталистических странах: «Мы подчинены парализующей неподвижности жизни, каждая деталь которой регулирована по неизменяемому образцу: мы едим и пьем, и ложимся, и молимся, или по крайней мере преклоняем колени для молитвы, по непреклонным законам железного предписания»[1].

Стоит бегло хотя бы просмотреть царский «Устав о содержащихся под стражей», чтобы увидеть, до какой степени регулировались в нем мельчайшие проявления жизни заключенных. Но этот Устав не дает представления и о сотой доле того неумолимо жестокого принудительного регламентирования, которое служило целям духовного и физического калечения и уничтожения пленников царской тюрьмы. Воспоминания политкаторжан пестрят сотнями примеров доходившего до утонченного мучительства и дававшего повод для избиения и истязаний регламентирования жизни заключенных. Так, например, А. Типунков в воспоминаниях о Кутомарской каторжной тюрьме рассказывает:

«С четырех часов зимней вечерней проверки и до восьми часов утренней в камере стояла неестественная тишина. На протяжении шестнадцати часов заключенный должен был лежать как мертвый. Замеченное надзирателем поворачивание головы неспавшего, подслушанный им шопот среди лежащих являлись поводом к расправам: надзиратель тут же вызывал конвой, открывал камеру и «дисциплина» восстанавливалась под придушенные стоны заключенных... Арестанты среди ночи боялись подойти к параше и нередко мочились тут же под себя, причем лежавшие на нарах орошали лежавших под нарами. Происходило это оттого, что подошедших к параше били за то, что они топают ногами и звенят кандалами, а в тех, кто шел тихо, крадучись, стреляли конвойные в окна»[2].

Даже смерть не освобождала заключенного от опеки над ним. Царский «Устав о содержащихся под стражей» устанавливал, что «труп арестанта, умершего в тюрьме, отдается для погребения родственни-

---

[1] Оскар Уайльд, В тюрьме и цепях, Послание. Русский перевод, Ленинград 1924 г., стр. 49.

[2] А. Типунков, О том, что было, у Г. Чемоданова, Нерчинская каторга, 1924 г., стр. 139.

16*

кам; но хоронить его должны не иначе, как при тюремных надзирателях» (ст. 254).

Эту специфическую особенность буржуазной тюрьмы теоретически оформил царский тюрьмовед Лучинский, указывавший, что «неуклонно строгая дисциплина, заключающаяся в недопущении ни под каким видом ни малейших отступлений от требований закона и установленных правил, составляет коренную основу правильного тюремного режима» [1].

Можно было бы привести сотни аналогичных примеров и из практики капиталистических тюрем. Еще несколько лет назад проф. Липман дал много ярких образчиков аналогичного же характера из жизни американских тюрем. Например, в тюрьме в Минезоте: «Заключенные входят (в столовую.—*Б. У.*) с опущенной головой и со скрещенными на груди руками. Нарушение неподвижных, совершенно детализированных, шаблонно-неестественных правил ведет к потере привилегий, а в тяжелых случаях — к изоляционной камере» [2].

Макс Гельц пишет в воспоминаниях о германских тюрьмах:

«Жестокий распорядок дня, непрестанный надзор, распространяющийся даже на сон и отправление естественных потребностей, ежедневно «ты должен» или «ты не имеешь права», шаблонное втискивание в слепые правила — все это лишает заключенного уверенности в себе, вызывает в нем сомнения в своих силах, от которых ему трудно отделаться и которые ему только мешают в его последующей жизни» [3].

Может ли режим строиться иначе в странах, где задачей режима ставится подавление воли, где «арестант есть человек без воли» [4], где он должен быть превращен в «номер», в послушный автомат, в безропотное покорное орудие в руках капиталиста и где поэтому всякое проявление самодеятельности заключенных, самоуправления, инициативы считается тяжелым проступком, вслед за которым следуют тяжелые дисциплинарные взыскания.

10 ДИСЦИПЛИНА И САМОДИСЦИПЛИНА В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ СССР

Характерной чертой советской исправительно-трудовой политики является совершенно противоположная тенденция, развитие которой можно проследить на протяжении всей истории советских мест лишения свободы. Эту тенденцию можно охарактеризовать как постепенное систематическое сужение области принудительного регулирования жизни лишенных свободы и замену регламентирования системой самодеятельности, самоуправления, самоорганизации. Дисциплина, как нечто принудительно данное извне, не допускающее никакого самовольного изменения со стороны заключенных, требующее обязательного исполнения, остается еще как основной костяк системы принудительного воспитания, но область применения этой «навязанной» дисципли-

---

[1] Лучинский, Основы тюремного дела, 1904 г., стр. 11.

[2] Liepmann, Amerikanische Gefängnisse, стр. 31.

[3] Макс Гельц, От белого креста к красному знамени, 1931 г., стр. 278.

[4] А. Н. Соломон, Тюремное дело в России, 1898 г., стр. 19.

ны все более суживается, ограничивается, вытесняется самодисциплиной, самоорганизацией, самоуправлением и даже самоокарауливанием.

Эта тенденция составляет характерную черту советских мест лишения свободы, наиболее резко отличающую их от капиталистических тюрем и наиболее ярко, глубоко и сильно изменившую внешний и внутренний облик прежней тюрьмы.

Тенденция перехода от вынужденной принудительной дисциплины к самодисциплине, впервые появившаяся уже в период военного коммунизма, все шире развивается по мере продвижения советских республик по пути социалистического строительства. Каждый новый этап по этому пути, внося решающие изменения в задачи и методы исправительно-трудовой политики, особенно сильные изменения вносит в содержание режима, все более ограничивая область принудительного регулирования и все более расширяя область самодисциплины, самоорганизации, самодеятельности, самоуправления лишенных свободы.

Уже один из первых циркуляров Карательного отдела Наркомюста РСФСР (от 24 мая 1918 г.) говорил о том, что «заключенных, где только возможно, необходимо привлечь к самоконтролю и самонаблюдению». В этих немногих словах содержалась в сущности целая программа. Они вносили настоящую революцию в традиционную тюремную систему и намечали тот путь, по которому должна была пойти и пошла советская исправительно-трудовая политика в вопросах режима.

Достаточно сравнить «Временную инструкцию о лишении свободы» 1918 г., не говоря уже о более позднем «Положении об общих местах лишения свободы РСФСР», с царским «Уставом о содержащихся под стражей» или с «Общей тюремной инструкцией» 1915 г., чтобы убедиться, насколько сильно вскоре же после революции была ограничена область принудительного регулирования. Сразу же стали немыслимы такие правила, как «в уборные арестанты выпускаются поочередно небольшими партиями» (ст. 158 Уст. о сод. под стражей), или «прогуливающиеся арестанты ходят ровным шагом» (ст. 167), или «у состоящих под следствием или судом прическа, усы и борода без согласия прокурорского надзора не меняются» (ст. 187), или «для писания прошений назначается определенное время, преимущественно в праздничные дни» (ст. 284) и т. д.

«Положение об общих местах лишения свободы» ограничивалось регулированием «распределения дня» заключенных, устанавливало только общую схему распорядка дня и воздерживалось от всякого мелочного вмешательства в жизнь заключенных. Лишенные свободы в пределах крупных отрезков дня были уже в тот период освобождены от всякой мелочной опеки, и хотя принципы самодеятельности, самоуправления, самоорганизации лишенных свободы в то время еще не декларировались ни в законе, ни в ведомственных инструкциях и положениях, но на практике они уже тогда в определенной степени проводились в жизнь.

Уже отчет Центрального карательного отдела Наркомюста РСФСР за 1920 г., говоря о сельскохозяйственных колониях, указывал, что «режим их построен на предоставлении большей свободы заключен-

ным, а именно: им предоставляется право свободного передвижения по территории колонии; помещения, в которых они содержатся, не имеют решеток и не закрываются; нет и наружной охраны их. В некоторых колониях введен товарищеский суд «колонистов» за нарушение трудовой дисциплины и распорядка колоний; назначения на работы производятся при участии выборного представителя колонистов» [1].

Исправительно-трудовые кодексы РСФСР 1924 г., УССР 1925 г., БССР 1926 г. впервые в истории тюрьмы выдвигают как один из основных методов воспитания к дисциплине развитие самодеятельности, самоокарауливания, самоорганизации. Режим в исправительно-трудовых учреждениях должен согласно кодексам строиться так, чтобы заключенные могли «в большей или меньшей степени проявлять свою самодеятельность и инициативу» (ст. 50 ИТК РСФСР, ст. 49 ИТК УССР, ст. 47 ИТК БССР, ст. 50 ИТК АзССР и др.). Узакониваются выборные организации лишенных свободы (культкомиссии, выборные на кухню). Товарищеские суды все более регулируют при помощи применения различных мер воздействия отношение лишенных свободы к труду, к учебе, к новому быту, к старым тюремным пережиткам.

Таким образом параллельно с принудительным регулированием со стороны администрации определенные стороны жизни лишенных свободы начинают регулироваться самим коллективом лишенных свободы. Наряду с установленной администрацией дисциплиной вырастает самодисциплина лишенных свободы. Подобно тому, как пролетариат на смену прежней «дисциплины палки» и «дисциплины голода» вырабатывает для себя, «не по указу сверху, а по указанию своего жизненного опыта», новую дисциплину — «дисциплину объединенного труда, дисциплину объединенных организованных рабочих и трудовых крестьян» (В. Ленин), и эта «новая дисциплина, дисциплина трудовая, дисциплина товарищеской связи, дисциплина советская вырабатывается на самом деле миллионами трудящихся и эксплоатируемых» (В. Ленин), точно так же трудящиеся, временно изолированные, свободно и добровольно устанавливают для себя в порядке самодисциплины определенные правила поведения, правила трудового режима, правила учебы, правила нового быта, вытесняющего последние остатки старого тюремного быта.

Это развитие еще более углубляется в реконструктивном периоде.

Постановление СНК СССР от 11 июля 1929 г. отменяет лишение свободы со строгой изоляцией, а вместе с ним упраздняются не только изоляторы специального назначения, но и исправительно-трудовые дома.

Сфера самодеятельности, самоорганизации, самоокарауливания расширяется поэтому еще более. Развитие общественности лишенных свободы, основание которой было заложено в предшествующем периоде, становится одним из основных методов перевоспитания.

Целые отрезки жизни лишенного свободы, целые области его трудовой деятельности, его учебы, его быта перестают регулироваться администрацией и проходят в организованном порядке на основе самодисциплины.

---

[1] «Тюремное дело в РСФСР», Отчет ЦКО VII съезду советов, стр. 1.

Режим перестает складываться исключительно из правил, установленных администрацией. Режим, как обязательный для всех лишенных свободы порядок поведения, как сумма правил, регулирующих жизнь лишенных свободы, основывается уже не только на регулировании сверху, на регулировании со стороны администрации, на дисциплине в традиционном «тюремном смысле», но и на правилах, добровольно установленных для себя самими лишенными свободы, на регулировании снизу, на самодисциплине.

Дисциплина перерастает в самодисциплину.

Область, уступаемая для регулирования самодисциплине, не является застывшей в своих границах. Она проделывает определенный процесс расширения за счет ограничения области принудительного регулирования со стороны администрации.

Но это не значит, конечно, что на данном этапе «ограничивается» власть администрации. Пока уголовная репрессия остается еще одним из мощных орудий диктатуры пролетариата, пока лишение свободы остается одним из орудий укрепления господства пролетариата, подавления сопротивления классово враждебных элементов и принудительного воспитания к дисциплине, до тех пор решающая роль в регулировании распорядка в местах лишения свободы принадлежит администрации. «Беспрекословное повиновение единоличным представителям советской власти» (Ленин) имеет полное применение и в местах лишения свободы. Расширение области регулирования поведения лишенных свободы в порядке самодисциплины не исключает, а совмещается с принудительным характером осуществления лишения свободы как меры уголовной репрессии. И в области исправительно-трудового воздействия сохраняют всю свою силу указания Ленина о том, что «решительно никакого принципиального противоречия между советским (т. е. социалистическим) демократизмом и применением диктаторской власти отдельных лиц нет»[1], о том, что «надо научиться соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов, митинговый демократизм трудящихся масс с *железной* дисциплиной, с *беспрекословным повиновением* воле одного лица, советского руководителя, во время труда»[2].

Сохраняя сочетание принудительного регулирования жизни лишенных свободы со стороны администрации и роста самодисциплины, самоорганизации, самоуправления, будет и в дальнейшем протекать тот же процесс, о котором т. Постышев говорит: «Мы должны в самих этих учреждениях усилить применение методов общественного воздействия, меньше прибегая по мере возможности к административному воздействию».

Так в советских местах лишения свободы все большее усиление мер общественного воздействия, все большее расширение и укрепление самодисциплины и самоорганизации будут итти рука об руку с выполнением содержащейся в программе ВКП(б) директивы о переходе от системы тюрем к системе воспитательных учреждений.

---

[1] Ленин, т. XXII, изд. 2, стр. 462.
[2] Там же, стр. 464.

ПЕЧАТЬ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

I

Принципиальное различие социалистической и капиталистической систем государства и экономики обусловливает собою принципиальное различие уголовной политики, в частности в вопросах отношения к местам лишения свободы и их обитателям, в вопросах о путях и методах борьбы с рецидивом преступности и самой преступностью.

И для стран капитала и для страны строящегося социализма эти вопросы разрешаются с учетом того обстоятельства, что огромное большинство лишенных свободы — трудящиеся.

Но из одного и того же обстоятельства в капиталистических странах и в стране пролетариата, стоящего у власти, вытекают диаметрально противоположные выводы, возникают диаметрально противоположные системы принудительного воздействия.

Для десятков и сотен миллионов трудящихся капиталистический мир уже давно превратился в одну огромную тюрьму, а тюрьма в тесном смысле слова — лишь в тюремный карцер, куда сажают в целях морального и физического уничтожения, как правило, тех, кто не выдержал капиталистического режима, кто посягнул на его твердыни и особенно на право частной собственности.

Поэтому для капиталистической системы характерно стремление всячески отягчить тюремный режим во всех его частях, начиная от пищи и кончая «моральным» воздействием. Голодный паек низкого качества — вот принцип питания заключенных в буржуазной тюрьме. И немудрено, что в Японии, в период ее восходящего промышленного развития, в результате этого «качества» и этого «количества» пищи на 100 заключенных приходилось почти 50% больных желудочно-кишечными заболеваниями на почве недоедания.

В ином положении, конечно, находятся крупные буржуа и чиновники, которые время от времени, в особенности при смене власти, попадают в тюрьмы по тем или иным громким процессам о коррупции и казнокрадстве.

В ином положении также находятся и миллионеры, руководители бандитских шаек, типа знаменитого Аль-Капоне. К услугам этих квалифицированных жуликов и бандитов классово услужливая юстиция и пенитенциария широко открывают двери специальных ресторанов, куда

заказы на самые разнообразные и изысканные меню и блюда передаются из тюрьмы по телефону (Америка, Япония, Испания, Франция и т. д.).

Нужно ли объяснять, кто может пользоваться этой льготой и этими изысканными меню? Само собой разумеется, что заключенные из числа трудящихся не имеют возможности этот стол оплачивать: слишком ничтожна оплата их труда в тюрьме даже и в том случае, когда их труд вообще оплачивается. Достаточно вспомнить откровенное заявление ежегодного собрания всеамериканской ассоциации подрядчиков, состоявшегося в С.-Франциско, которое приняло резолюцию против использования труда заключенных на постройках дорог по той причине, «что они не в состоянии конкурировать с дешевым трудом заключенных». О том же, как дешев этот труд, говорят данные «Общества тюремной информации»: «В тюрьме Оризон оплаты труда заключенных не существует. В Оборнской тюрьме значительная часть заключенных получает не более 1½ цента в день (3 копейки). В тюрьме Главернор-Жладит заключенные получают за свой труд в среднем 10 центов (20 копеек) и т. д. Об одном заключенном каторжнике, который при хорошем поведении за 10 лет сумел при выходе из тюрьмы получить 100 иен, рассказывали в Японии, как об исключительной редкости» [1]. Обыкновенно же средний заключенный при хорошем поведении получает в день на наши деньги копеек пять.

Проводя классовый принцип в отпуске пищи материальной, буржуазия проводит его и в отпуске пищи для «души». В наиболее «передовых» в части просвещения арестантов капиталистических странах, как например в Дании, Бельгии, оговариваются весьма недвусмысленно пределы и объем этого «просвещения». Получаемые арестантами звания «не должны выходить слишком за пределы образования, требуемого от места, которое заключенный думает занять в обществе по выходе из тюрьмы» [2]. О том «месте» в обществе, которое миллионам осужденных трудящихся в действительности предстояло занять при капитализме, также не приходится задумываться. Его еще в 1847 г. прекрасно охарактеризовал Маркс в своем знаменитом памфлете на Брюссельский тюремный конгресс [3].

Точно так же и русское царское правительство, как самое реакционное в свое время, беспощадно душило всякое проявление творческой инициативы низов как на свободе, так и в тюрьме. Для «низов», т. е. для подавляющей массы всего населения занятия умственным трудом в широком смысле слова были совершенно немыслимы в царской России. Что касается тюрьмы, то там само собой разумеется такие занятия безапелляционно исключались.

Тюремному начальству при выдаче разрешения тому или иному арестанту на занятия умственным трудом надлежало обязательно «выяс-

---

[1] Н. Н. Васильев, Японские тюрьмы, «Тюремный вестник» за 1913 г. № 5, 10, стр. 799—839, 1224—1462.

[2] Проф. Гаген, Духовно-нравственное и просветительное воздействие на заключенных, «Тюремный вестник» за 1913 г., стр. 1227.

[3] К. Маркс, Тюремный конгресс в Брюсселе, т. V, стр. 179, изд. ИМЭЛ.

нить предварительно, насколько занятия заключенного являются серьезными». Выяснялось это, однако, не оценкой самих занятий, а чисто внешними, т. е. классовыми признаками, как-то: «чем занимался арестант на свободе, общим развитием арестанта, образованием, происхождением его и т. п.»[1]. Точно так же подвергались и теперь подвергаются в капиталистических странах запрещениям книги и газеты в тюрьме. «Просвещение» заключенных ограничивается поповско-религиозной школой, церковью и жалкими тюремными библиотечками с книгами реакционного, «религиозно-нравственного» содержания.

Во всех этих ограничениях есть своя, конечно, классовая целеустремленность, своя классовая оправданность. Буржуазия и помещики не могут давать в тюрьмах рабочим и крестьянам больше того, что они им дают на свободе.

Совершенно понятно, что и исправительно-трудовая политика, как и вся политика советского государства, проникнута классовым началом.

И не случайно, что пресса — газеты и журналы, которые пишутся и делаются руками заключенных и развиваются на тех же самых основаниях, на каких растет и развивается вся многообразная печать советской страны, могли возникнуть и стать реальностью лишь в советских условиях, лишь в стране диктатуры пролетариата.

В этом на первый взгляд маленьком факте наличия печати «в тюрьме» на самом деле, как в фокусе, сказалась вся принципиальная разница двух государственных систем.

Где и когда знала история о праве заключенного на свою газету, о праве при помощи этой газеты вскрывать не только отдельные недочеты и промахи в практике наших судов и исправтрудучреждений, но и активно и коллективно отзываться на все жгучие вопросы современности, вносить и свою долю участия в общее дело строительства социализма?

Где и когда что-либо подобное могут указать любители истерических воплей об отсутствии «свободы печати» в СССР?

Вскрывая лицемерную сущность свободы пользования этим сильнейшим оружием, правом на которое в капиталистических условиях могут пользоваться только имущие классы, только ничтожное меньшинство эксплоататоров, советская власть в условиях диктатуры пролетариата признает это право только за рабочим классом и трудящимися, т. е. за подавляющим большинством населения.

Это отношение советской власти к печати нашло свое отражение на практике и в системе исправительно-трудовых учреждений в том основном принципе, что задачей исправительно-трудовой политики эпохи пролетарской диктатуры и строительства социализма является такая организация мер принудительно-воспитательного характера, при которой трудящиеся, хотя бы и временно лишенные свободы, не только не отрываются от хозяйственно-политической жизни страны, а наоборот,

[1] Из доклада орловского губернского тюремного инспектора на II всероссийском съезде тюремных деятелей в 1914 г., «Тюремный вестник» за 1914 г., стр. 1299.

всеми доступными средствами привлекаются к участию в строительстве социализма.

Это значит, что и в месте лишения свободы трудящиеся должны жить тем, чем живет вся страна, чтобы по окончании срока лишения свободы выйти квалифицированными рабочими, технически и политически грамотными и способными сразу же включиться в соцстроительство.

Это значит, что мы строим невиданный в мире порядок, разрешающий вопросы борьбы с преступностью в полную противоположность капиталистическим странам, которые выбрасывают из своих тюрем заключенных морально и физически выпотрошенными и обреченными на безработицу, на новые преступления и в конечном счете — на бессрочную каторгу и медленное умирание в каменных мешках.

Каким же образом эти принципы осуществляются в советских исправительно-трудовых учреждениях?

В СССР безработица полностью ликвидирована. Привлечение труда заключенных у нас не является источником конкуренции и эксплоатации, как в странах капитала. На производственных предприятиях, в совхозах, в специальных школах фабрично-заводского ученичества для профессионалов правонарушителей создается такая производственная база и культурно-бытовая обстановка, которая в наиболее возможной степени приближается к обстановке на обычных советских фабриках и заводах.

И, естественно, когда творческая инициатива и производственный энтузиазм рабочих масс на предприятиях нашли свое выражение в соцсоревновании и ударничестве по выполнению и перевыполнению пятилетки в четыре года, то эта волна перекинулась и в места лишения свободы, найдя живейший отклик у лишенных свободы из среды трудящихся.

Выдвинутые партией и советской властью такие конкретные задачи социалистического соревнования, как выполнение и перевыполнение промфинплана, рационализация производства на основе широчайшего использования рационализаторских предложений рабочих, снижение себестоимости и улучшение качества продукции, повышение производительности труда, поднятие трудовой дисциплины, борьба с прогулами, борьба с потерями, борьба за лучшую столовую, лучшее рабочее общежитие, лучшее культурное обслуживание и т. д. и т. п., — все эти задачи осуществляются на практике и в местах лишения свободы.

Громадная роль в борьбе за выполнение этих задач здесь, так же как и на обычных фабриках, заводах, строительствах и совхозах, принадлежит печати, обслуживающей лишенных свободы. Эта печать активно ими издается в тысячах экземпляров стенгазет, радио, световых и живых газет, в десятках тысяч экземпляров печатных газет на различных языках: русском, украинском, белорусском, армянском, грузинском, татарском, тюркском, узбекском и т. д.

Так, в СССР, в условиях наибольшего привлечения и наиболее тесной связи с печатным словом широких трудящихся масс, родилась

пресса и корреспондентское движение среди заключенных, принадлежащих к трудящейся части населения СССР.

II

«Всякий понимает, что политическая газета есть одно из основных условий для участия любого класса современного общества в политической жизни страны вообще, а в частности и для участия в избирательной кампании» [1]. Это четкое, ясное ленинское положение снимает все недоуменные вопросы, почему и отчего буржуазия и помещики во всех почти странах строжайше не допускали и не допускают проникновения в тюрьмы периодической печати — газет и журналов.

Но даже и в тех редких случаях, когда все же они разрешали газете доходить до заключенных, как, например, в американских реформаториях или в тюрьмах Германии (после 1919 г., но до фашистского переворота), усмотрением тюремной администрации пользование газетой превращалось в льготу, в поощрение, предоставляемое тому или иному арестанту в зависимости от нахождения его в том или ином разряде.

Вполне понятно, что этой льготы, этого поощрения арестант в любую минуту мог быть лишен и лишался по произволу любого тюремного чиновника или стражника.

Следует к тому же добавить, что и этой весьма ограниченной и редкой в действительности льготой — получить и читать газету — трудящиеся, конечно, не могли полностью пользоваться, поскольку номер газеты стоил почти столько же, сколько они получали и получают в день за свой каторжный труд.

Было бы большой наивностью предположить, что в числе этих разрешенных газет, проникавших в германские тюрьмы и американские реформатории, могли оказаться коммунистические издания.

История, конечно, требует отметить и такое обстоятельство, имевшее место после ноябрьской революции 1918 г., как разрешение в порядке льготы заключенным германских тюрем выписки газет за свой счет «без различия их партийного направления».

Этот полный лицемерия и гнусной лжи «демократический» фокус немедленно оказался разоблаченным, как только дело коснулось проникновения в тюрьмы коммунистической прессы.

Коммунистические издания оказались запрещенными к допуску в тюрьмы по причине... «безудержного» языка некоторых органов печати и тюремных бунтов.

Как жестоко расправлялась и мстила буржуазия руками социал-демократов за нарушение этого запрета, мы видим из следующего факта, взятого из жизни баварских тюрем:

«В конце ноября т. ЗЗаубера (комдепутата ландтага — Бавария. — *А. Ш.)* посетила жена. Заубер передал ей для починки старые туфли, завернув их в случайно подвернувшийся листок венского «Роте Фане» от мая 1923 г. Но, несмотря на шестимесячную давность, этому листку

[1] Ленин, т. XVI, стр. 51, изд. 3.

было суждено сыграть роль, едва не лишившую Заубера жизни. На следующее утро приговоренный был вызван к директору г. Гофману, который заявил ничего не подозревавшему Зауберу следующее:

— Ввиду того, что вы, несмотря на мое категорическое распоряжение раз и навсегда прекратить пропаганду путем вот этих листков, таковой не прекращаете, перевожу вас на одиночное заключение с прекращением всяких свиданий, переписки, прогулок, курения и прочего и предупреждаю, что по отношению к таким отбросам, как вы, я применяю афоризм «чемь меньше навозу, тем чище воздух».

Смертельно побледневший Заубер, после понятной паузы, приблизился к директорскому столу и сказал:

«Знайте, господин палач, вам удалось убить 15 коммунистов, вашей рукой замучен т. Гагемейстер, вы можете убить меня, но будет день, когда идущие за нами и с нами представят вам счет, для оплаты которого не хватит вашей крови, крови подлеца и убийцы».

И через 10 минут т. Заубер лежал в смирительной рубашке на липком полу ужаснейшего из карцеров Нидершенефельда. Лежал двое суток без возможности пошевельнуть хотя бы одним членом, без еды и питья, в своей моче и кале.

Он пытался кричать — ему втолкнули в рот мокрую тряпку.

На третьи сутки в тюрьму пришел Гофман.

— А, господин депутат!

И бил тяжелым сапогом по голове пленника...» [1].

Так расправляется буржуазная тюрьма с революционными рабочими, отстаивающими и в тюрьме свое право на коммунистическую печать. Так буржуазная тюрьма осуществляет свой запрет по отношению к коммунистической печати.

Несмотря на всю политическую ясность этого запрета, ярко обнаруживающего свой классовый характер, отдельные специалисты-тюрьмоведы, вольно или невольно исполняя социальный заказ буржуазии, не только не хотят его видеть, но и всячески запутывают.

Из какого чисто-юридического принципа при этом исходят, мы видим из следующей выдержки, которой начинается глава о журналах и журналистике в книге профессора М. М. Гернета «В тюрьме».

«Назначение подследственной и срочной тюрьмы — изъять обвиняемого и осужденного из общества, в первом случае — на время производства предварительного следствия, а во втором — на срок, определенный судом осужденному.

Подследственный арест имеет своей целью помешать обвиняемому уклониться от суда и, посредством лишения его свободы, устранить те препятствия к обнаружению истины, которые он мог бы создавать, находясь на свободе.

Лишение же свободы в виде карательно-исправительной меры, применяемой в силу судебного приговора, не должно заходить за пределы требований уголовной политики» [2].

---

[1] Цитирую по сборнику «Кровавое знамя», стр. 64, изд. «Молодая гвардия», 1925 г.

[2] М. Н. Гернет, В тюрьме, стр. 165, Укриздат, 1930 г.

Из этой формальной юридической концепции, которой буржуазная пенитенциария пытается завуалировать классовое содержание уголовной репрессии и скрыть такую «мелочь», что суд и тюрьма, являясь существенными «вещественными придатками» эксплоататорского государства, служат всеми винтиками своего механизма целям угнетения, подавления и прямого уничтожения трудящихся масс, конечно, не выведешь объяснения того, почему буржуазия и помещики строжайше запрещают допуск заключенным газет или почему они, например, в тюремных застенках истязуют арестантов, насилуют заключенных женщин и т. д.

Профессор Гернет, попытавшийся, исходя из своих буржуазно-юридических позиций, либерально объяснить столь «непонятное» явление, не нашел ему объяснения, ограничившись следующими малоубедительными замечаниями по адресу буржуазного государства: «Безусловность такого запрета не оправдывается ни целями предварительного заключения, ни задачами современной (какого класса?!—*А. Ш.)* уголовной политики».

Как можно ни словом не обмолвиться о классовом характере «современной» уголовной политики капиталистических государств, о классовом характере этого ограничения, причиняющего мучительные страдания политическим заключенным и являющегося одним из многочисленных доказательств утонченной классовой расправы буржуазно-помещичьей юстиции и пенитенциарии с представителями и борцами угнетенных классов? Что же касается тех сотен тысяч трудящегося населения, которое заживо погребено в каменных мешках под именем так называемых общеуголовных преступников, то для них это почти полное и абсолютное исключение из общественной жизни своей страны в период лишения свободы вполне естественно и само собой разумеется. Оно является продолжением политики правящих классов, которые и на свободе систематически исключали и исключают из общественной жизни десятки миллионов трудящихся и эксплоатируемых масс.

Если же при этом вспомнить о тех гнусных и совершенно невероятных для сознания советского гражданина ограничениях и поражениях в правах, которые неизбежно и в обязательном порядке вытекают в качестве дополнительного наказания к долгосрочному лишению свободы и заключаются очень часто в пожизненном лишении арестанта всех абсолютно гражданских прав, вплоть до отторжения его «на вечность» от жены, детей, родных и близких, вплоть до запрета вступать в брак с лицами того или иного звания, то нам станет совершенно понятной та исключительная последовательность и классовая жестокость, с которой тюремщики в капиталистических странах регламентируют жизнь этих «гражданских мертвецов».

Итак мы видим, что корни могильного режима в капиталистических тюрьмах, исключающего газеты, журналы, книги, радио и другие возможные формы связи заключенных с внешним миром, нужно искать не в либеральном толковании законодательства той или иной капиталистической страны, а во всей классовой структуре современного этапа империализма, когда «обострение всех форм буржуазной диктатуры,

усиление реакции, рост фашизма, преследование революционного движения, расстрелы и виселицы являются уже сейчас подготовкой тыла для империалистической войны и военной интервенции против СССР» [1].

Допуск газет и журналов в тюрьмы царской России также, конечно, строжайше воспрещался.

Для воспитания в заключенных преданности престолу и отечеству и беспрекословного повиновения существовавшим тогда законам и властям считалось вполне достаточным разрешение заключенным читать журналы духовно-нравственного содержания, при непременном, однако, условии, чтобы даже и эти журналы попадали в руки арестантам не ранее как через год со дня их выхода в свет.

Классовый смысл подобной «просветительной» политики, характерной в условиях царизма не только для тюремных обитателей, особенно ярко выразил один тюремный надзиратель Таганской следственной тюрьмы.

Этот верный служака царизму, прослуживший в тюрьмах целые десятилетия, особенно обрушивался на рабочих, если находил у них в камерах нелегально полученную газету.

Хренов рассуждал так:

— «Ежели студенты, али господа какие политикой заняты—это еще так. Это завсегда было. А куда это наш серый люд за господами прется? Непонятно» [2].

Легального литературного творчества заключенных в царских тюрьмах совершенно не было. Легального издания тюремных газет и журналов также не существовало. Да это и вполне понятно. Такие вещи и царская тюрьма были явно несовместимы, являлись кричащим противоречием.

В литературных памятниках, характеризующих по этому вопросу политику тюремного ведомства в царской России, мы находим довольно любопытные документы.

Сюда относится сохранившийся в Государственном институте по изучению преступности НКЮ один единственный номер «Тюремной газеты», выпущенный царским тюремным управлением 1 сентября 1905 г. для распространения среди заключенных. Чрезвычайно показательна судьба этого несколько «странного» начинания. Хотя газету обещали выпускать бесплатно, еженедельно и в довольно солидном тираже (12 000 экз.), дальше обещаний дело не пошло. Второго номера, да и вообще какой-либо другой газеты в свет до Октябрьской революции не вышло.

Если мы вспомним, с какими событиями хронологически совпадает это начинание, столь не шедшее к лицу русским тюремщикам, а именно с бурным развитием первой русской революции 1905 г., то нам станет понятным этот куцый трусливый тюремный либерализм «на час».

Он имел своей основной задачей переключить внимание тюремного

---

[1] Из резолюции XII пленума ИККИ.

[2] Я. Кормильев, Таганская фракция, сборн. статей и воспоминаний «Учеба и культработа в тюрьме и на каторге», изд. «Общества политкаторжан, 1932 г. стр. 61.

населения от событий кровавой расправы царизма с восставшими рабочими, от погромов и резни национальных меньшинств черными сотнями, от зарева горящих помещичьих усадеб, вести о которых, несмотря ни на что, проникали в переполненные тюрьмы и могли вызвать совершенно нежелательные осложнения. И не случайно, *в такое время* русские тюремные либералы «на час» не нашли ничего другого, как начинить свою газету такой окрошкой из «новостей политической и общественной жизни», как сообщениями о предстоящем международном тюремном конгрессе или о высочайшем пожаловании браслета Далай-Ламе.

Отношение тюремщиков к возможности издания тюремной газеты с участием заключенных характеризуют тезисы доклада орловского тюремного инспектора, представленные им на II всероссийский съезд тюремных деятелей (1914 г.) по вопросу о том, какие письменные занятия можно разрешать вести арестантам российских тюрем.

Из тезисов мы узнаем, что у заключенных имеется большая склонность к такого рода «странным» письменным занятиям, как описание тюремной жизни или ведение дневника, в котором «попутно делается критика действий тюремной администрации, свои наблюдения, где зачастую описываются случаи, истину которых можно установить лишь путем официального расследования». И тут же поясняется, что «такой литературный труд был, например, отобран у одного из заключенных в Шлиссельбургской каторжной тюрьме. Он был отобран лишь тогда, когда заключенный, описав уже ряд провинциальных тюрем, дошел до С.-Петербургских мест заключения».

Надо полагать, что подобные случаи были не единичными, а отсюда — то категорическое требование, которое было сформулировано в этом докладе: «Во всех занятиях заключенного должен быть исходный пункт, ограничивающий свободу действия заключенного тем, чтобы занятия клонились к просвещению его разума и к пробуждению его нравственности... иначе заключенный явится в роли корреспондента, но крайне одностороннего, или литератора с предвзятой целью, упражняющегося над исследованием порядков тюремной жизни, которые для сего не должны служить материалом» [1].

Вполне понятно, что съезд это требование утвердил и записал в своих решениях.

На такой почве, конечно, невозможно было вырасти легальной тюремной печати, а тем более корреспондентскому движению среди заключенных.

Сейчас трудно установить, в какой именно первой советской тюрьме после Октябрьской революции появилась первая газета лишенных свободы, организовался первый кружок камкоров (камерных корреспондентов), которым не запрещалось «упражняться над исследованием порядков тюремной жизни» и делать их достоянием широкой советской общественности.

Из материалов, собранных в 1925 г. Государственным институтом

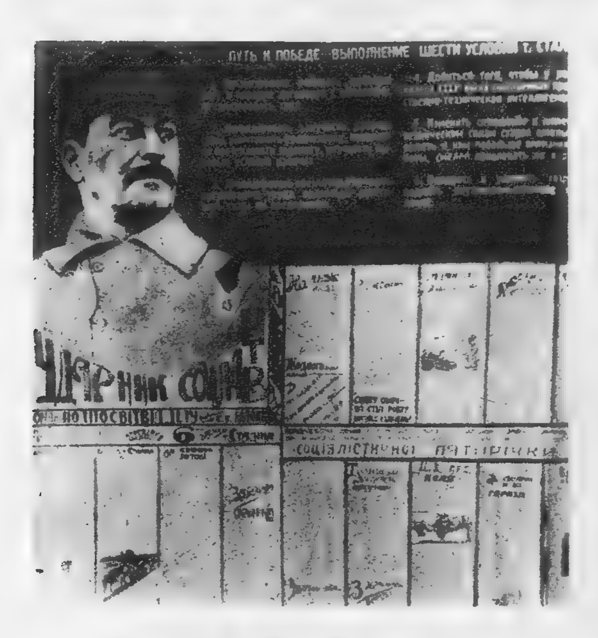
---

[1] «Тюремный вестник» за 1914 г., стр. 1300.

РСФСР. Новинский женский домзак. Заседание редколлегии

РСФСР. Таганский домзак. Редколлегия за оформлением ударного номера

УССР. Харьковская колония. Стенгазета лишенных свободы

РСФСР. Таганский домзак. Стенгазета лишенных свободы

по изучению преступности по инициативе проф. Гернета, можно составить все же довольно верную историческую справку зарождения печати в советских местах лишения свободы.

В этом отношении весьма показательны сохранившиеся отрывочные данные по Сибири, Северному Кавказу и Средней Азии. Например, в Томске в месте заключения газета издавалась уже с 1 января 1920 г., на Северном Кавказе в Майкопе — с 1 июля 1920 г., в Ташкенте — в начале 1920 г.

Кто знаком с историей гражданской войны и в особенности на таких окраинах нашего Союза, как Сибирь, Северный Кавказ, Средняя Азия, тот сразу же увидит, что эти даты издания «тюремных газет» совпадают с датами организации в этих районах советской власти. Больше того, эти даты лишний раз характеризуют подход к вопросам уголовной политики со стороны пролетариата, завоевавшего власть. Они лишний раз служат доказательством того, что даже в тот период, когда наша страна еще не перешла на мирное положение, когда страна еще отбивала жесточайшие нападки внутренней и международной контрреволюции, она уже тогда строила невиданный в мире порядок и закладывала так глубоко фундамент нового, что он естественно дошел и до тюрьмы.

В цифровом выражении развитие печати в советских местах лишения свободы может быть показано следующим образом.

К началу 1925 г. в 148 местах заключения СССР было зарегистрировано:

Журналов — 38
Газет, печатавшихся типографским путем, — 29
Стенных газет — 127
Живых газет — 12

На пороге 1933 г. во всех местах лишения свободы СССР издавалось:

Печатных газет республиканского значения — 4
Печатных газет областного значения — 3
Печатных многотиражек в местах лишения свободы — 28
Стенных газет — 695[1].

Как рос общий итог выпущенных экземпляров «тюремных газет», мы видим хотя бы по данным РСФСР.

В 1925 г. на 24 печатавшихся типографским путем газеты приходилось всего выпущенных за год экземпляров 39 600. В 1932 г. на 13 издававшихся типографским путем газет этот итог вырастает до 1 100 000 экз. общего количества выпущенных за год экземпляров.

Этот рост происходил при одновременном росте издания стенных газет. Рост тиража стенных газет показывают следующие цифры:

В 1925 г. выпущено стенгазет — 2 424 экз.
„ 1932 г. „ „ — 10 840 „

[1] Столь большое число стенгазет находит объяснение и в том, что во многих колониях число стенгазет доходит до 5 и даже 10 (Надеждинская колония).

17 От тюрем к воспит. учрежд. 700.

Нужно при этом учесть, что в 1932 г. кроме того издавались такие еще мало распространенные в 1925 г. или даже совсем неизвестные в местах лишения свободы газеты, как радио- и световая газета, а также живая газета.

В 1932 г. радиогазет было 15.

Световых газет (хроника жизни данного места лишения свободы, показываемая на экране перед пуском кинофильм) — 10, живых газет — 150.

По отдельным союзным республикам к началу 1933 г. издавалось отпечатанных типографским путем газет:

РСФСР—19	БССР —2
УССР —12	ЗСФСР—2

Несколько иную картину мы имеем по изданию стенных газет на это же время:

РСФСР—465	УзбССР —12
УССР —150	ТуркССР—8
БССР — 25	ТаджССР—4
ЗСФСР— 31	

Все эти газеты издаются на соответствующих национальных языках республик с учетом, конечно, одновременного обслуживания и лишенных свободы не из коренного населения на их родном языке.

В СССР нет ни одного места лишения свободы, в котором бы не издавалось своей газеты для лишенных свободы. В тех же местах лишения свободы, где уже перешли от старого типа громоздкой ежемесячной единой для всего места лишения свободы стенновки к типу более мелких газет, цеховых, коридорных и т. п., таких газет насчитывается в одном месте лишения свободы уже по нескольку названий.

Кроме стенных газет, в ряде мест лишения свободы издаются еще и печатные многотиражки. По времени и месту издания, а также по названиям этих газет мы имеем следующие данные:

РСФСР

Название места лишения свободы	Название газеты	Год издания
Надеждинская колония	„Трудовой колонист"	4-й
Курганская „	„За стальные пути"	1-й
Нижнетуринская „	„За знамя первенства"	1-й
Ярославская „	„Через труд к свободе"	1-й
Пермская „	„За первенство"	1-й
Черновская „	„Борьба за уголь"	1-й
Буйская „	„За 6 условий"	1-й
Костромская „	„К новой жизни"	1-й
Чусовская „	„Даешь топливо"	1-й
Вятская „	„За темпы"	1-й
Кинешемская „	„За коллективный труд"	2-й
Нерехтинская „	„За трудовую жизнь"	1-й

УССР

Херсонская пром. колония	„На вірний шлях"	3-й
Полтавская „ „	„На шлях праці"	4-й
Житомирская „ „	„Ударник"	5-й
Киевская „ „	„За темп"	9-й
Харьковская „ „	„На вірну путь"	4-й
Днепропетровская „	„Заклик до праці"	4-й
Мелитопольская „	„До нового життя"	1-й
Херсонская с.-х. „	„Поликівець"	1-й
Винницкая пром. „	„Голос ударника"	2-й
Харьковская строит. „	„Будівельник"	4-й
Одесская пром. „	„До верстату"	11-й

Отдельные же края и области в РСФСР пошли даже по пути создания областных и краевых газет, которые обслуживают лишенных свободы и осужденных к исправительно-трудовым работам и одновременно направляют и руководят всей низовой печатью лишенных свободы в данном крае или области.

Такие газеты имеются: на Урале — «За темпы, за качество» с разовым тиражом — 5 000 экз., на Северном Кавказе — «За трудовую жизнь» с разовым тиражом — 1 000 экз., в Ленинградской обл. — «К трудовой жизни» с разовым тиражом — 3 000 экз.

Республиканские газеты лишенных свободы выходили в 1932 г.: в Харькове «До праці» с разовым тиражом — 20 000 экз., в Москве — «К трудовому общежитию» с тиражом — 15 000 экз., в Минске — «За працоунае выхованьне» с тиражом — 5 000 экз.

В настоящее время в Грузии (в Тифлисе) начато издание на грузинском языке газеты лишенных свободы с тиражом в 3 000 экз.

Самая старая из всех республиканских газет — украинская газета «До праці», она издается уже 8-й год. Газета лишенных свободы РСФСР «К трудовому общежитию» насчитывает 6 лет издания.

Невольно может возникнуть вопрос — а не идет ли рост «тюремной» печати за счет сокращения подписки на общую (центральную и местную) прессу?

Данные только по одной РСФСР вдребезги разбивают подобное предположение.

Если за счет только государства, не включая индивидуальной подписки за собственный счет, в 1924 г. на 20 лишенных свободы приходилось по 1 экз. различных газет и журналов, начиная от центрального органа ЦК и МК ВКП(б) «Правда» и кончая юмористическими журналами «Крокодил», «Лапоть» и др., то в 1930 г. это соотношение выражалось — 1 экз. на 5 человек.

Такое насыщение газетами и журналами мест лишения свободы в 1930 г. как раз совпадает по времени с значительным в сравнении с 1924 г. увеличением ассигнований на культработу среди заключенных и широко развернутой борьбой за культурную революцию во всей исправительно-трудовой системе.

В сравнении с так называемым «религиозно-нравственным» характером содержания тюремных газет и журналов в тех немногих капита-

листических странах, где они издаются, особенно и чрезвычайно показательно лицо «тюремных» газет в СССР.

Ввиду сложности подобного исследования на материале мест лишения свободы СССР мы ограничимся данными по РСФСР, которые в общем за небольшими поправками правильно отражают линию развития печати лишенных свободы по СССР в целом.

По данным 1-го всероссийского смотра-конкурса на лучшую газету лишенных свободы, который был проведен в 1931 г., можно вывести нижеследующие цифры, характеризующие направление заметок и статей, помещенных в этих газетах.

46% всего газетного материала отражало борьбу лишенных свободы за выполнение и перевыполнение промфинплана данного места лишения свободы, данного цеха, данной бригады, показывало лучших ударников, лучшие методы работы, отдельных изобретателей и рационализаторов из среды лишенных свободы;

40% было посвящено вопросам быта и культурной революции в местах лишения свободы;

6,2% — вопросам международного и внутреннего положения СССР;

5% — борьбе с идеологическими вылазками классового врага, разоблачением классово чуждых и разложившихся элементов, проникших на те или иные командные должности в месте лишения свободы;

2,3% — весеннему севу и уборочной кампании в сельскохозяйственных колониях, а также общим статьям по вопросам коллективизации деревни;

0,5% — мобилизации среди лишенных свободы денежных средств. Сюда относится, главным образом, проведение кампаний по займам.

Несмотря на целый ряд недостатков и промахов, которые были допущены в просмотренных газетах, в общем тенденция их развития конкурсной комиссией была оценена как безусловно правильная.

Сравнительно небольшой процент помещенного материала по вопросам сева и уборочной в сельскохозяйственных колониях исправительно-трудовой системы РСФСР объясняется несельскохозяйственным уклоном большинства мест лишения свободы этой республики.

Иная картина на Украине, БССР и других союзных республиках.

Там этот процент соответственно характеру развернутой сельскохозяйственной деятельности большинства мест лишения свободы значительно выше.

Сейчас, в связи со стоящей перед местами лишения свободы РСФСР проблемой создания собственной продовольственной базы, вопросам работы сельскохозяйственных колоний уделяется на страницах печати лишенных свободы очень большое место.

Говоря о проведенном в 1931 г. смотре-конкурсе на лучшую газету лишенных свободы в РСФСР, нужно указать, что аналогичные смотры-конкурсы, развернувшиеся в большую массовую кампанию, были проведены также и в союзных республиках. В УССР и БССР эта кампания закончилась в начале 1932 г.

Лучшие газеты по всем союзным республикам, как правило, премировались денежными премиями в размере от 100 до 1 500 рублей.

Развитие печати лишенных свободы проходило не всегда и не везде гладко.

На первых порах это новое, очень ответственное дело не везде было в должной степени обеспечено надлежащим политическим руководством. Интересовал очень часто в первые годы революции сам факт появления печатного издания в столь необычном для него месте. Таким образом в погоне за количеством этих изданий недостаточно обеспечивалась качественная сторона их роста, недостаточно внимательно относились к тому, что в этих изданиях преподносится, какое политическое направление они оформляют.

Слабость руководства в то время сказалась и на самой организации печатного дела в местах лишения свободы.

Иногда случалось так, что это дело большой политической и общественной значимости отдельные ловкие элементы, как правило чуждые, классово враждебные нам люди, не только умело заполняли своей идеологией, но и подбирались к самому руководству этим делом. Умело обусловливая свое участие в издательском и редакционном оформлении газет и журналов лишенных свободы, они обставляли это свое участие таким образом, чтобы все дело зависело только от них как более грамотных и «знающих» людей. При слабости наших руководящих кадров в обстановке исправительно-трудовых учреждений того времени это достигалось ими довольно легко. А отсюда — солидные по внешности и техническому оформлению журналы вырывались из наших рук и взывали к читателю голосами разгромленных князей Ухтомских и иже с ними.

Например, еще в 1923 и 1924 гг. мы могли читать такую «декларацию» о целях и задачах издания одного из больших журналов лишенных свободы, претендовавшего на республиканское значение: «Прогнать скуку и апатию среди заключенных, дать здоровый выход их мыслям, желаниям, планам и надеждам, разрушать дело взаимного недоверия и подозрительности между администрацией и заключенными, поддержать их в минуту отчаяния участливым товарищеским словом» (журнал Вятского дома заключения «За железной решоткой»).

О том, чью скуку и апатию должен был прогнать этот журнал, чьим мыслям, желаниям, надеждам и планам должен был он дать здоровый выход, мы узнаем из восторженной юбилейной статьи, написанной в честь этого журнала осужденным монархистом и реакционером, заклятым врагом советской власти, князем Ухтомским, который был главным сотрудником и фактическим редактором этого издания:

«Словом, этот предполагаемый журнал стал для меня первым и лучшим вестником жизни в тюрьме и указанием наличия в ней сил, с которыми нельзя себя чувствовать совершенно заброшенным и одиноким, потому что идея вездесуща и проникает всюду и живит все... и я воспрянул духом.

Он, этот эмбрион литературного органа нашего тюремного мира, вышел и громко заявил, что и дальше пойдет... и пошел и идет...

Этот журнал глубоко *наш*. Он выявляет *наши* нужды, дает исход *нашей* тоске, будит в *нас* бодрость духа и зовет вперед в путь нрав-

ственного укрепления, обещая и рисуя лучшую участь... и т. д.» (подчеркнуто Ухтомским) (журнал «За железной решоткой» за 1925 г.). Несмотря и вопреки радостным планам Ухтомских, печать лишенных свободы пошла все же другим, не княжеским, а советским путем. Она преодолела болезнь своего необычайного роста, жесточайшим образом вытравляя чуждые, нашептанные классовым врагом идеи о «беспартийности» тюремной печати. Ища и находя все новые и новые формы и выражения связи с бурно растущей советской действительностью, она фактом перестройки всей своей работы снизу и доверху показала и доказала, что в условиях диктатуры пролетариата печатное слово, независимо от места его появления, является классовым орудием организации и воспитания масс и ни в коем случае «литературное дело не может быть вообще индивидуальным делом, независимым от общего пролетарского дела» [1].

Это особенно нужно вспомнить тем работникам мест лишения свободы, которые еще и до сих пор не изжили высокомерного пренебрежительного отношения к печати лишенных свободы и все еще продолжают рассматривать ее не как большое политическое и преимущественное достижение советской системы государства, а как «пенитенциарное» украшение с ярлыком «только для заключенных».

Ленинское принципиальное указание о роли и назначении газеты, сформулированное им еще в мае 1901 г. в статье «С чего начать», является и для наших дней руководящим для каждого газетного работника, литератора и корреспондента, для каждой советской газеты — выходит ли она на заводе, в колхозе, или обслуживает тех же трудящихся в обстановке лишения свободы.

«Роль газеты не ограничивается, однако, одним распространением идей, одним политическим воспитанием и привлечением политических союзников. Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор. В последнем отношении ее можно сравнить с лесами, которые строятся вокруг возводимого здания, намечают контуры постройки, облегчают сношения между отдельными строителями, помогают им распределять работу и обозревать общие результаты, достигнутые организованным трудом» [2].

Этот принцип, совершенно невозможный для организации продажной, проституирующей большой и малой капиталистической прессы, положен в основу организации всей советской печати и в том числе и печати мест лишения свободы.

Само лишение свободы, правда, делает эту печать несколько специфичной (но только несколько) в смысле отдельных организационных форм. Что же касается политического содержания и идейного направления, то все, что ставится в области хозяйственного и культурного строительства перед всей советской печатью, стоит, соответствующим образом преломляясь в отношении задач исправительно-трудовых учре-

---

[1] Ленин, т. VIII, стр. 387, изд. 3.
[2] Ленин, т. IV, стр. 111, изд. 3.

ждений, и перед печатью лишенных свободы как частью советской печати. Иной какой-то «пенитенциарной», а вернее и проще сказать арестантской печати мы не имеем и с тенденциями к развитию подобной печати жесточайшим образом боролись и будем бороться.

В связи с этим, каким убогим, каким детским лепетом звучит «научное» определение характера, роли и назначения прессы лишенных свободы, сформулированное покойным проф. Карповым, прекрасным врачом, но никудышным исследователем этого вопроса.

«Стенгазеты в домах заключения являются в высшей степени полезным новшеством, они заживили зияющую психическую рану заключенного, они дали выход психическому отреагированию», ...так как «смех, сатира, шарж являются могучими психическими рычагами, скрашивающими человеческую жизнь, расцвечивающими пошлые будни, улучшающими настроения, помогающими найти веселье даже в обстановке лишения свободы.

Заключенный бессознательно пользуется этими возможностями для того, чтобы дать пищу своему уму, ибо гигиена разума также необходима, как необходима она и для всего организма» [1].

Если говорить хронологически о недостатках в развитии печати лишенных свободы, то наибольшее число их естественно должно быть отнесено, главным образом, к периоду до 1926 г. По мере же политического и культурного роста работников исправительно-трудовой системы, с одной стороны, и роста культурности и политической активности трудящейся части самих лишенных свободы, с другой, наступает заметный перелом в характере содержания и идейной направленности печати лишенных свободы.

На смену ноющей прозе и стихам, с виду, якобы, аполитичным (о них разговор ниже), а на самом деле нам враждебным, все больше и чаще выступают пишущие в газету лишенные свободы с новыми задачами, с новыми требованиями более высокого качества своей печати и по содержанию и по оформлению.

Начинают говорить более определенным и конкретным языком о массовом развертывании культработы в местах лишения свободы, об отдельных промахах, извращениях в этой работе, без задней мысли и открытого ехидства по поводу материальной и культурной нашей бедности, говорить о производственных задачах мест лишения свободы, которые должны быть направлены на такую организацию труда заключенных, чтобы они не только получали трудовые навыки, но и определенную производственную квалификацию, которая позволяла бы по выходе из места лишения свободы стать квалифицированным рабочим на производстве.

Распространенный в то время в местах лишения свободы кустарный тип производства, возникавшего сплошь и рядом без плана, непродуманно, случайно, нередко в зависимости от нахождения в тот момент в месте лишения свободы того или иного специалиста, а иногда и не

---

[1] П. И. Карпов, Творчество заключенных, стр. 18, изд. НКВД, Москва, 1929 г.

специалиста, а просто ловкача, пускающего пыль в глаза в роли незаменимого организатора, начинает подвергаться жесточайшей критике на страницах газет и журналов лишенных свободы.

Но несмотря все же на отмеченный выше сдвиг в работе печати, производственные моменты, а также действительно конкретная и действенная, не от случая к случаю, а систематическая борьба со старыми пережитками тюремного быта и законами «блатного» мира, борьба за подлинную культурную революцию в местах лишения свободы — еще не были основными даже и к концу восстановительного периода.

Печать этого периода еще не стала в должной степени организующим моментом передовых настроений близких нам людей из среды лишенных свободы. Она еще не освободилась от своеобразных настроений выпиравшей из нее «домзаковской цеховщины». И что особенно должно быть отмечено как минус — это то, что органической живой связи между местом лишения свободы и советской общественностью на страницах печати лишенных свободы того времени еще не чувствуется.

Все, что происходит «за баркасом» [1], на свободе, если это не относится к вопросам освобождения или сокращения сроков меры социальной защиты, если это не относится к пересмотру или дополнению УК, УПК или ИТК и к тем или иным дискуссиям вокруг этих законов в среде работников юстиции и исправительно-трудовых учреждений, все это на страницах газет и журналов не находило должного отражения.

Если лишенные свободы и писали в то время о советской общественности, то скорей в порядке длинных, мало реальных статей-прожектов, из которых так и выглядывали уши «обиженного» советской общественностью какого-нибудь крупного взяточника или казнокрада.

Резкий перелом в характере печати мест лишения свободы начался в реконструктивный период, когда возросшая активность трудящихся масс в стране неизбежно перекинулась и в среду лишенных свободы.

Этот резкий перелом, однако, ни в коем случае не дает еще права утверждать, что в реконструктивном периоде печать лишенных свободы целиком и полностью уже изжила все недочеты и политические промахи прошлых лет.

Такое утверждение было бы политически ошибочным и на деле означало бы отрицание ожесточенной классовой борьбы в нашей стране.

Классовый враг: кулак, вредитель, нэпман, белогвардеец, попадая в места лишения свободы, конечно, не преминет воспользоваться в своих классовых разлагающих целях печатными органами лишенных свободы там, где он видит и чувствует слабость нашего руководства.

Это тем более нужно иметь в виду, поскольку радиус влияния печати лишенных свободы, которая никогда перед собой не ставила задачи сузиться до роли только органа «для внутреннего потребления», не оканчивается населением мест лишения свободы.

Печать лишенных свободы читается и проникает в широкие слои рабочих и колхозников, соприкасающихся с работой наших судов и

---

[1] Тюремное выражение, обозначающее стену.

исправительно-трудовых учреждений в роли соцсовместителей, народных заседателей, общественных обвинителей, членов наблюдательных комиссий, а в ряде случаев и просто работающих на заводах и строительствах по соседству с нашими открытыми колониями, клубы и читальни которых они нередко посещают и не только в порядке торжественных экскурсий, а и так, запросто.

Нужно ли говорить, насколько живой интерес вызывает в таких случаях пресса лишенных свободы? Нужно ли говорить, какую ответственность возлагает на общественность мест лишения свободы борьба за классовую чистоту, классовую бдительность на страницах этой прессы?

А это в свою очередь обязывает поднять на высокую ступень массовое политическое воспитание и политическую учебу в местах лишения свободы, ибо только полнейшей политической безграмотностью и притуплением классового чутья можно объяснить обилие в 1924—1926 гг. таких, например, «художественных» перлов в стенгазетах лишенных свободы:

«Газета является исполнительницей исправительно-трудового кодекса» (Касимовский домзак).

«Газета есть страж, зорко следящий за нравственностью» (Спасский домзак).

Об этих перлах за давностью можно было бы и не вспоминать, но поскольку мы и в 1931 г. встречаем в стенгазетах лишенных свободы рецидивы и политической безграмотности и притупления классовой бдительности, поскольку это нужно подчеркнуть еще и еще раз.

В самом деле, кому играл наруку специально выпущенный в 1931 г. антирелигиозный номер стенгазеты Коссовского лесозавода Бузулукской исправтрудколонии Средневолжского края, в котором помещены такие «революционные» предложения:

«Надо уничтожить это зло (религию) путем уничтожения духовенства как класса».

В связи с вопросом о характере и путях развития прессы лишенных свободы большой интерес представляет развернувшаяся в конце 1928 и начала 1929 гг. невольная дискуссия на страницах печатной газеты Таганского домзака «К трудовому общежитию».

Эта дискиссия затронула основной и принципиальный вопрос о задачах прессы лишенных свободы и о формах, в которых должны строиться в условиях места лишения свободы газетная работа и воспитание корреспондентов, чтобы они своим содержанием, а не только голым фактом существования отвечали политике партии и советской власти.

Два пути развития печати лишенных свободы СССР были сформулированы тогда в газете «К трудовому общежитию».

Один путь был намечен председателем комиссии частных амнистий при Президиуме ЦИК СССР и ВЦИК т. Сольцом в его письме по этому поводу в газету.

«Не нравится мне в нашей газете то, что она исключительно заполнена тюремными интересами и в ней нет признаков того, кто и как связан с внетюремной жизнью, чем интересуется вне тюрьмы, нет от-

клика на то, чем живет наш Союз, что его радует, заботит, тревожит и беспокоит.

В газете пишут так, как будто это профессиональный орган, связывающий вас как единых по социальному положению. Как ни как, пребывание ваше в тюрьме временное, а, судя по газете, у вас только интересы заключенных и никаких других.

Пусть меня извинят писатели, но я объясняю это тем, что газета ведется исключительно «образованной публикой», слишком прилизана и благопристойна, слишком мало в ней общественного. Пишут не о том, чем дышат, а о том, как лучше устроиться или пристроиться...

Я думаю, что надо позаботиться, чтобы в газете более силен был дух советский, дух строительства новой жизни, нового порядка.

И в тюрьме заключенные должны жить тем, чем живет страна, иначе при выходе на свободу они окажутся неприспособленными к тем требованиям, которые новая жизнь предъявляет.

Надо втянуть в газетную работу тех рабочих и крестьян, которые являются случайными сидельцами, случайными преступниками, в которых жив еще пролетарский дух, а сейчас по газете этого не видно» [1].

В ответ на это письмо в десятом номере газеты появился фельетон «Вольные размышления», автор которого — крупный растратчик, антисоветский элемент, «обиженный» пролетарским судом и пролетарской общественностью.

В этом фельетоне, явно выдающем с головой бывшего человека, которому советская власть, несмотря на его прошлое, давала возможность работать, а он в благодарность за это продолжал ей гадить, делается попытка сформулировать в стихотворной форме желчный пасквиль на печать лишенных свободы, в которой, дескать, по самой ее природе не может быть ни общественной струи, ни самокритики, ни классового деления пишущих, ибо тюрьма есть тюрьма, а арестанты есть арестанты, и все они равны.

Привожу одно из таких махровых высказываний, сам факт напечатания которых в газете лишенных свободы — лучшее доказательство «достоверности» сообщаемых в них фактов и «прогнозов» о путях и характере развития прессы лишенных свободы и о ее связи с советской общественностью.

У нас струи общественной
На почве неестественной,
Конечно не создать...

С усидчивостью кроткою
Сидим мы за решеткою,
Конвой вокруг тюрьмы.

И ясно, что республике
И всякой прочей публике
Мы с прессой не нужны.

Эта «дискуссия» не прошла для печати лишенных свободы СССР бесследно.

---

[1] Из письма А. А. Сольца, «Мое мнение», опубликованого в газете «К трудовому общежитию» № 9 от 1 декабря 1929 г.

Надо полагать, что ее прямым следствием были высокий рост в годы первой пятилетки по местам лишения свободы Советского союза не только числа газет, но и их тиражей, и самое главное — перенесение в практику работы этих учреждений испытанных форм и методов борьбы за воспитание нового человека, новой дисциплины, нового отношения к труду и коллективу, которые были уже широко развернуты к этому времени советской печатью на фабриках, заводах, в колхозах и совхозах.

Все это дало возможность прессе лишенных свободы не отставать от жизни советской страны, а итти с ней в ногу.

Это мы видим хотя бы потому, что, как только началась мощная перекличка передовых заводов и фабрик СССР в ответ на обращение XVI всесоюзной конференции ВКП(б) ко всем рабочим и трудящимся Советского союза о соцсоревновании и ударничестве, ее подхватывают немедленно на своих страницах не только республиканские газеты лишенных свободы, но и вся низовая печать мест лишения свободы, и развертывают в большую массовую политическую кампанию.

Ударничество и соцсоревнование в месте лишения свободы? Это так невероятно и ошеломляюще звучало для некоторых даже советских людей, не говоря уже о классовых врагах, что газете «К трудовому общежитию» (РСФСР) пришлось даже выступить с передовой, которая так и называлась «Парадокс ли?».

Мы приводим эту статью не только как исторический документ, но также и как показатель того, как отнеслись к развертыванию ударничества и соцсоревнования в местах лишения свободы рабочие советской страны и в частности рабочие Трехгорной мануфактуры.

«Социалистическое соревнование между Московскими и Ленинградскими местами заключения — явление, которое своей необычайностью невольно приковывает внимание советской общественности. Эта необычайность создает у некоторых даже какое-то изумленно насмешливое настроение: тюрьмы, дескать, пустились в соревнование.

Если эти настроения имеются у нас внутри страны, то можно себе представить, как будет оценен при случае этот маленький штрих советской действительности там, за рубежом, врагами СССР.

За весь период со времени Октябрьской революции каких только злопыхательств не слышали мы от них.

«Они» думают, — писал Ленин еще в 1918 г. по адресу этих злопыхателей, — что «простой народ», «простые рабочие» и беднейшие крестьяне не сладят с великой, поистине героической во всемирно-историческом смысле слова, задачей организационного характера, которую возложила на плечи трудящихся социалистическая революция».

Но рабочий класс давно опроверг эти буржуазные надежды.

12 лет он управляет страной советов и каждый год продвигает вперед дело социалистического строительства. Строятся новые фабрики и заводы, соху вытесняет плуг и трактор, создаются мощные коллективные хозяйства, *капиталистическую конкуренцию* сменяет *социалистическое соревнование.*

Немало стрел злобной враждебной критики было направлено и на

наши места заключения. «Ужасы советской тюрьмы» — так озаглавливала заграничная пресса сообщения о наших местах заключения. И теперь, как парадокс к этим «ужасам», пусть прочитают они в нашей газете о социалистическом соревновании заключенных. Может быть подумают, что это только на бумаге, в газете. Пусть пришлют делегацию и посмотрят на наши «ужасы». Мы уверены, что советское правительство, не в пример другим, не откажет в выдаче визы и тогда мы покажем, как даже те, кто изолирован от общества, «вредные и опасные», на целую голову выше хулителей по пониманию задач, стоящих перед человечеством и в частности перед нашей страной...

Рабочие фабрик и заводов, в частности рабочие Трехгорной мануфактуры, приславшие нам письмо, следят за нами, интересуются нашей работой, а мы в свою очередь посмотрим, кто скорее выполнит договор — мы с Ленинградом или Трехгорка с Пролетарской. Нажмем подружней и не отстанем от вольных рабочих. Все на производство, все в школы, кружки и за книгу...»[1].

Однако, провозгласить соцсоревнование и ударничество среди лишенных свободы — лучшим методом борьбы за воспитание нового человека оказалось еще не достаточным.

В практическом, повседневном осуществлении этого лозунга от печати лишенных свободы потребовалась героическая борьба с косностью, заскорузлостью, рутинностью не только отдельных отсталых элементов среди лишенных свободы, но и, что особенно нужно подчеркнуть, среди административно-строевого персонала исправительно-трудовой системы.

В одних республиках, как например на Украине, где раньше и шире развилась практика открытых колоний, где первой была создана республиканская газета, где раньше всех возникла сеть многотиражек и которая была колыбелью зарождения различных форм общественных организаций лишенных свободы, в том числе и первых товарищеских судов,— там эта борьба протекала в значительно менее скверных условиях, чем это имело место в РСФСР и других союзных республиках.

Накануне первой годовщины соцсоревнования (май 1930 г.), когда исправительно-трудовая система Советского союза подводила вместе со всеми трудящимися первые итоги как первых своих скромных достижений в этой области, так и очень еще больших недостатков и неполадок, мы могли читать 25 апреля 1930 г. в № 7 (35) всероссийской газеты лишенных свободы «К трудовому общежитию»:

«ЗАСТРЕЛЬЩИКИ СОЦСОРЕВНОВАНИЯ».

Учащиеся текстильной школы Сокольнического отделения 1 МФТК[2] объявили себя ударными бригадами на текстильном производстве.

«Интересы нашей страны повелительно диктуют необходимость выполнения пятилетки в четыре года,— писали ударники в газете.— Промфинплан должен быть центром внимания и приближения сил, зна-

[1] Цитирую по газете «К трудовому общежитию» за 1929 г.

[2] Первая Московская фабрично-трудовая колония.

ний и умения каждого рабочего коллектива, каждой профшколы. В полном сознании этого и в боевой готовности к 100% выполнению промфинплана мы, учащиеся текстильной школы Сокольнического отделения 1 МФТК, в полном составе вступаем в ударные бригады по поднятию местного производства и ликвидации прорывов в нашем промфинплане.

Призываем к этому профтехшколы других мест заключения РСФСР».

Но наряду с указанием на эти положительные стороны, передовая статья газеты фиксировала внимание на том, что еще не преодолено, что еще мешает работе, что еще превращает в ряде мест соцсоревнование в парадную бюрократическую шумиху.

«Нигде так консервативно не относятся к производству, как в местах заключения,— писала газета.— Новые методы работы вольных рабочих очень и очень туго переносятся сюда. Чаще всего общественная, коллективная, творческая мысль затрагивает только культурно-просветительную и бытовую сторону жизни, проходя мимо производства, мимо основного стержня. И не случайно это явление.

Привычки и традиции «режима» довлеют над целесообразностью и здравым смыслом.

— Как это заключенные нас будут учить работать, делать замечания и требовать отчета,—думает чаще всего администратор. И вследствие этого нет производственных совещаний, производственных комиссий, нет проработки производственных планов и т. д.

И так будет продолжаться, пока администрация места заключения окончательно не порвет с прежними привычками и традициями и не повернет работу резко в сторону общественности, новых, оправдавших себя методов работы.

Вспомните хотя бы, как проводилось и даже сейчас проводится кое-где соцсоревнование. Администрация вывесит объявление, что она где-то и с кем-то заключила договор и с этого для начинает соревнование. А в чем и как — никому неизвестно. И вот результаты такого казенного соревнования налицо. Промфинплан не выполнен на 36%. Забегали сейчас по местам заключения, засуетились. Надо наверстать потерянное. А куда было бы легче об этом подумать раньше и переложить моральную ответственность за выполнение этой задачи на коллектив, на общественность» [1].

Сейчас ясно и бесспорно и даже азбучно звучит, что и лишенные свободы должны бороться за выполнение и перевыполнение промфинплана, что этот промфинплан должен быть доведен до станка, агрегата, бригады и т. д., и что выполнение промфинплана идет по линии повседневного практического учета производственных показателей, что дает возможность общественности лишенных свободы в любой момент найти и ликвидировать причины отставания и прорывов.

Время, когда постановка на обсуждение лишенных свободы промфинплана, а тем более отчета администрации о выполнения этого пром-

---

[1] «К трудовому общежитию» за 1930 г., № 7 (35).

финплана считалась крамольным нарушением правил внутреннего распорядка, давно миновало и в этом заслуга прежде всего прессы лишенных свободы, которая не только абстрактно на своих страницах доказывала, но и на живых, конкретных фактах, на лучших и худших образцах и сравнениях показывала изо дня в день, что от такой и только от такой организации труда в местах лишения свободы будет польза. Такие «администраторы», которые принципиально и вообще отрицают соревнование и ударничество среди лишенных свободы, или которые понимают соцсоревнование и ударничество как насильно навязанное лишенным свободы требование сверху с вывешиванием о том без их участия различных бюрократических объявлений, сейчас составляют редкое и стыдливое исключение. Их нужно выявлять и беспощадно подвергать публичному осмеянию, на их ошибках нужно воспитывать новое, социалистическое отношение не только к абстрактному труду, не только к абстрактным орудиям производства, но и к живому носителю трудовой энергии, к живому человеку, к его запросам и нуждам.

6 исторических условий т. Сталина тем и замечательны во всемирно-историческом смысле слова, что они еще и еще раз подчеркивают заботу о живом рабочем, не отрывают эту повседневную заботу о живом носителе трудовой энергии от всемирно-исторических задач, вытекающих из индустриализации и коллективизации СССР, от поднятия производительности труда, которая «в последнем счете самое важное, самое главное для победы нового общественного строя»[1].

Интересно отметить те основные линии, по которым развивалась пресса лишенных свободы в реконструктивный период и в частности в годы первой пятилетки.

Она популяризировала на своих страницах значение индустриализации страны и организовывала трудящихся, временно лишенных свободы, вокруг задач выполнения пятилетки в четыре года.

Боролась за новые социалистические методы воспитания и отношения к труду — за социалистическое соревнование и ударничество, за выполнение и перевыполнение промфинплана места лишения свободы, за создание ударных и хозрасчетных бригад из лишенных свободы, за встречные планы лишенных свободы.

Многочисленные газеты лишенных свободы следили и сигнализировали о прорывах на отдельных участках работы, мобилизовали на их ликвидацию внимание нередко всей исправительно-трудовой системы данной области, края и даже республики, раз дело касалось важнейших производственных заданий.

«Мы — уголь домнам, домны — металл заводам, заводы — тракторы колхозам».

«Обеспечим домны углем — поможем заводу перекрыть прорыв».

Так обращалась к лишенным свободы газета Надеждинской лесозаготовительной колонии «Трудовой колонист» (Урал) и призывала их последовать примеру ударников доменного цеха (т. е. рабочих Надеж-

---

[1] Ленин, Великий почин, т. XXIV, стр. 342.

динского металлургического гиганта) включением в ударные бригады, расстановкой на производстве рабкоровских постов своей газеты, организацией соцсоревнования между отдельными жигарями, бригадами, сменами внутри участка и т. д.

«За 500 000 тонн торфа, за перевыполнение плана, за ликвидацию прорыва в декаду тревоги напряжем все силы».

Так ставила вопрос летом 1931 г. газета лишенных свободы Синявинской торфоколонии, борясь за топливо, за электроэнергию для ленинградских заводов и фабрик.

«Не допустим срыва майской программы, последняя декада должна быть ударной, выдвигаем встречный», потому что «Донбасс ждет от нас дверей».

Так газета «Ударник» Воронежского домзака боролась за выполнение программы жилищного строительства в Донбассе, за своевременное и скорейшее предоставление рабочим стандартных домов.

Прессе лишенных свободы обязаны также своей жизнью многочисленные кружки изобретателей, за чуткое отношение к рационализаторским предложениям которых она провела немалую борьбу и разъяснительную работу.

Ни одна хозяйственно-политическая кампания, проводимая в стране, не прошла благодаря наличию такого могучего общественного рычага мимо жизни места лишения свободы, не получив соответствующего отклика со стороны передовой части лишенных свободы.

Взять хотя бы к примеру мобилизацию денежных средств, проводимую в форме внутренних займов.

Сотни тысяч рублей своей зарплаты и сбережений вложили лишенные свободы в займы индустриализации и коллективизации, в займы пятилетки.

Характерной особенностью этой кампании, ярко подчеркивающей ее добровольность, было то, что она началась кое-где при известном даже зажиме со стороны некоторых работников мест лишения свободы.

При изучении этого странного явления по письмам корреспондентов было выявлено, что этой общегосударственной задаче отдельные отсталые элементы нашего руководства на местах попытались, правда безрезультатно, делячески противопоставить интересы собственного учреждения, откуда, дескать, деньги, при разрешения подписки на займы также и из неприкосновенных сумм лишенных свободы, перейдут в государственную кассу, и этим самым будет нарушен хозяйственный оборот производственной деятельности их мест лишения свободы, чего они не могут допустить.

Конечно, подобные попытки получили и должную оценку и должный отпор, и не только на страницах газет, которые об этом сигнализировали.

Большую работу провели в свое время газеты лишенных свободы также по участию в укреплении обороноспособности страны.

Эта работа, конечно, важна не только тем, что Красной армии были переданы газетами «К трудовому общежитию» и «До праці» два боевых самолета от лишенных свободы, а и тем, что эта работа вылилась в

широко развернутую массовую кампанию по углублению политического и интернационального воспитания, по поднятию его на более высокую ступень и среди лишенных свободы.

Свидетельством этого служит та совершенно невероятная для капиталистического мира обстановка, при которой произошла передача этих самолетов.

Как на московский, так и на харьковский аэродромы передавать самолеты прибыли в сопровождении оркестров музыки делегации не только руководящих работников исправительно-трудовой системы, но — и это главное — самих лишенных свободы.

Представители лишенных свободы несли почетный караул у самолетов. Они же держали перед многочисленными массами московских и харьковских пролетариев речи, посвященные как самой передаче стальных птиц, так и той необычайной работе, которая проводится в советских местах лишения свободы.

Вот как, например, сообщала газета «До праці» об этом торжестве:

«20 ноября в 3 часа дня на харьковском аэродроме состоялась передача Красной армии аэроплана, построенного на средства исправительно-трудовых учреждений УССР.

Правонарушители из трудящихся и сотрудники исправительно-трудовых учреждений через редакцию газеты «До праці» до 20 ноября собрали 16 400 рублей. На эти деньги и началось строительство самолета.

Перед сдачей аэроплана состоялся митинг, на котором присутствовали командование различных частей Красной армии, рабочие делегации, делегации от правонарушителей колонии на Тракторострое, Стройколонии, Харьковской сельскохозяйственной колонии и Харьковской промколонии, а также от команды охраны, административно-технический персонал ГУИТУ УССР во главе с начальником управления В. И. Олейником и редакцией газеты.

Название самолету дано: «Исправительно-трудовые учреждения УССР».

Передачу производил и выступал на митинге представитель правонарушителей, т. Школьников.

Вся процедуру передачи зафиксировали фото-киносъемкой.

Под конец самолет обновили полетами над аэродромом, причем на борту аэроплана по очереди были представители исправительно-трудовых работников и заключенных».

Самолет имени газеты «К трудовому общежитию» передан в эскадрилью имени XVI партийного съезда 6 июля 1930 г.

Самолет от газеты «До праці» передан в эскадрилью имени Ильича 20 ноября 1930 г.

Говоря о большой разъяснительной работе, которую вела печать лишенных свободы вокруг задач коллективизации сельского хозяйства в СССР и на этой основе ликвидации кулачества как класса, нельзя не отметить ведущей роли всеукраинской газеты «До праці», которая не в пример другим газетам оперативно и повседневно боролась за действительное улучшение и образцовую работу сельскохозяйственных колоний для лишенных свободы.

РСФСР. Новинский женский домзак. Оформление стенгазеты ко дню ударника

УССР. Харьковская промколония. Стенгазеты лишенных свободы, представленные на конкурс печати

РСФСР. 1-я московская школа ФЗУ НКЮ. Воспитанники на занятиях литературного кружка

РСФСР. Лефортовская фабрично-трудовая колония. Литературный кружок лишенных свободы. За читкой произведений Горького

Она ставила перед собой конкретные задачи, конкретные показатели борьбы за повышение урожайности полей и огородов колоний, за своевременный сев и уборку, за улучшенную обработку и прополку, боролась за бережное отношение к тяговой силе: к трактору и коню, против обезлички сельскохозяйственных орудий и машин, за определенно высокое качество агротехпропаганды среди лишенных свободы, за качество школ профтехобразования, готовящих для сельскохозяйственных колоний кадры трактористов и инструкторов: огородников, животноводов, садоводов и т. п.

Но особенно большая работа была проделана этой газетой в связи с всеукраинским конкурсом сельскохозяйственных колоний исправительно-трудовой системы УССР (1932 г.).

Газета «До праці» возглавила этот конкурс на лучшую колонию, превратила его в массово-политическую учебу для тех колхозников и трудящихся единоличных крестьян, которые за те или иные правонарушения отбывали в то время лишение свободы.

В ряде случаев и особенно там, где грозили прорывы, редакция газеты практиковала выезды на поля колоний, где на живом конкретном материале выпускала бюллетени тревоги, организовывала слеты ударников, агитсуды над лодырями и прогульщиками.

По окончании конкурса специальной комиссией, в состав которой также входила газета «До праці», были премированы не только лучшие сельскохозяйственные колонии, но и лучшие ударники этих колоний, которые самоотверженно боролись за урожай. В числе этих премированных ударников, наряду с директорами колоний, оказались опубликованными в газете и ударники из лишенных свободы.

Для прогнившего мировоззрения представителей буржуазной юстиции и пенитенциарии это, конечно, один из образчиков «неслыханного падения нравов в Советской стране». Ведь в самом деле, директор исправительно-трудового учреждения — такое важное должностное лицо — и вдруг вместе с арестантом-ударником и их портреты публикуются рядом в газете.

Этого, конечно, не может и никогда не сможет переварить даже самое «либеральное», даже самое «демократическое» буржуазное сознание.

В связи с этим как не вспомнить такую замечательную заметку в газете «К трудовому общежитию» о двух пожарах в тюрьме: у них, в самой демократической, в самой культурной и передовой стране — Америке, и у нас в советской большевистской России, где у власти стоят простые рабочие и крестьяне.

«22 апреля 1931 г. в тюрьме города Колумбус (штат Огайо—Америка) сразу в нескольких местах начался пожар в то время, когда все заключенные находились внутри камер. В течение нескольких минут пылали 3 отделения, в которых были размещены осужденные на срок более 25 лет и пожизненно. Во время пожара сгорели 327 человек, свыше 200 человек получили тяжелые, опасные для жизни ожоги, свыше 100 человек легкие. О числе потерявших рассудок или получивших тяжелое нервное потрясение официальный отчет умалчивает. Были пу-

щены в ход пулеметы. Дело доходило до штыковых атак на заключенных. Почти никому не удалось бежать, за то много погибло во время боев. Еще много дней после пожара войска сплошной цепью окружали тюрьму».

20 мая 1931 г. в Тверском домзаке сгорели деревянные мастерские, в которых работали 300 лишенных свободы. По этому поводу лишенный свободы этого домзака ударник Рахманов пишет:

«Нельзя не отметить того энтузиазма, с каким лишенные свободы во главе с начальником домзака боролись с огнем, который оказался сильнее их усилий. Они до поздней ночи не уходили с того места, где были мастерские, печальные, хмурые, собирая остатки, могущие в дальнейшем пойти в дело». На производственном совещании лишенными свободы и администрацией домзака было решено в ударном порядке восстановить мастерские. 1 июня вечером под оркестр музыки был заложен первый камень, с обязательством, что к 25 июня на том месте, где были старые деревянные мастерские, будут собственными силами построены новые каменные. И после этого в домзаке закипела работа по подбору и переквалификации специалистов, развернулось ударничество и соцсоревнование и «20 июня, на 5 дней раньше срока, был положен последний кирпич. Теперь на месте старых красуются новые, хотя еше не окончательно отделанные, но мощные мастерские».

«В честь досрочного окончания постройки мастерских работающие лишенные свободы Тверского домзака подписались на заем «3-го решающего» в размере месячного заработка» [1].

Жуткие, потрясающие события в каторжной тюрьме города Колумбус, жертвами которых были в той или иной мере около 1 000 заключенных, и пожар в Тверском домзаке,— это маленькая иллюстрация к большой исторической правде о том, что только пролетариат, взявший в свои руки власть, способен на истинную — в великом понимании этого слова — гуманность даже и в тюрьме.

Возвращаясь к рассмотрению характера печати лишенных свободы и ее направления, нужно сказать, что этой печати принадлежит особенно ответственная и почетная роль в деле организации общественной борьбы с гнусными пережитками и традициями царской тюрьмы, за подлинную исправительно-трудовую политику против всех и всяческих ее извращений независимо от того, идут ли они со стороны самих лишенных свободы или со стороны отдельных обюрократившихся, разложившихся и просто примазавшихся к исправительно-трудовой системе чуждых нам людей.

В разрезе этих задач в актив печати лишенных свободы должна быть отнесена инициатива по перестройке всей массовой политико-воспитательной работы с лишенными свободы и в частности упорная борьба с голым аполитичным культурничеством и идеологией тюремного равенства, которая преподносилась нередко под таким соусом: «Больше нет арестантов в Советской стране. Есть лишь только брат заблужденный».

---

[1] «К трудовому общежитию» за 1931 г.

Никто иной, как печать лишенных свободы была застрельщиком и организатором республиканских субботников книги, которые были проведены в РСФСР и УССР[1].

В исправительно-трудовых учреждениях РСФСР субботник книги, проведенный в память 7-й годовщины со дня смерти Ленина, дал в результате своего проведения не только большую чистку библиотечных фондов от устаревших и хламных книг, не только большую агитационную работу по выявлению читательских интересов, по продвижению книги в читательские низы, но и значительное пополнение библиотек мест лишения свободы новой свежей книжной продукцией.

Отработанный лишенными свободы «книжный субботник» дал в фонд книги свыше 100 000 рублей, которые и были собраны на текущем счете газеты «К трудовому общежитию».

Примерно в такую же массовую кампанию развернулся в 1930 г. с помощью печати «месячник чистоты», когда на борьбу с паразитами, грязью, некультурным отношением к местам и предметам общественного пользования впервые и в массовых размерах были привлечены сами лишенные свободы. Борьба за чистоту советских мест лишения свободы была отныне объявлена делом не только администрации, не только врача и даже не только выборной организации лишенных свободы — санкомиссии, а и всех лишенных свободы.

Наличие профессионалов-рецидивистов в местах лишения свободы ставило перед печатью лишенных свободы ряд существенных проблем.

Во-первых, как бороться в общественном порядке, систематически и организованно, с «законами» и «этикой» преступного мира, которые приносили в быт советских мест лишения свободы отдельные, еще кое-где уцелевшие, тюремные «Иваны» и «Паханы».

Во-вторых, какие лучшие и наиболее эфективные методы принудительного воспитания нужно выработать и противопоставить главарям этого преступного мира в борьбе за перевоспитание и высвобождение из-под их разлагающего влияния рядовой, эксплоатируемой ими части рецидивистов.

Эти вопросы потому еще были такими животрепещущими для печати лишенных свободы, что в основном они упирались в борьбу за те кадры молодняка из бывших малолетних правонарушителей и беспризорных, которых мы по целому ряду причин в первые годы революции не всегда могли удержать от преступности и рецидива.

Прежде всего нужно было разоблачить и больно ударить с помощью такого острого оружия, как тысячи газетных листков, по тем «тайным судилищам», где примерно в таком роде разыгрывалась судебная комедия по так называемым «законам урок»[2].

«Зал судебного заседания (бывшая 193-я камера Таганского домзака) не может вместить всех желающих...

Председательствует Ванька Рыжий. Он — «справедлив, но строг».

— Что тебя заставило воровать? — обращается председатель к

[1] В других союзных республиках за отсутствием в то время республиканских газет эта кампания проходила менее организованно.

[2] «Урки» — блатное выражение, употребляемое в значении воры.

подсудимому (слушается дело о хищении у сокамерника, тоже рецидивиста, шерстяной рубахи фасона «толстовка» — *А. Ш.)*.

Подсудимый молчит, потупив взор, за которым не чувствуется раскаяния.

— Ты, сволочь, законов урок не знаешь, что-ли? — вежливо продолжает председатель, сдабривая свою речь нежными устными словами.

Подсудимый молчит, чувствуя неодобрительные взгляды аудитории.

Молчит он и во время приведения «приговора» в исполнение, т. е. во время мордобития. А бьют хорошо, с полным знанием дела, по всем правилам и строгостям «закона».

Эти судилища опасны не только своей карательной санкцией в виде грубого и нелепого самосуда. Есть у них и вторая не менее возмутительная сторона, преследующая свою, так сказать, морально-воспитательную линию, особенно в отношении молодняка.

В том же фельетоне, откуда мы выше приводили выдержку, читаем дальше:

«Второй вор, укравший радиотрубки, тоже найден.

Суд заседает в новом составе. Начинаются, как всегда формальности:

— Что тебя заставило воровать?

Подсудимый... хныча, отвечает:

— Я проиграл прежде, чем украл. А украл, чтобы заплатить...

Председатель говорил долго, вразумительно, аудитория внимательно слушала, присутствовавшие одобрительно кивали головами

— Разве ты не знаешь, что у «своих» нельзя воровать. Неужели трудно было подняться этажем выше и спереть что-нибудь для уплаты долга у фрайера. Неужели, ты такой молодой, только начавший жить не успел усвоить железные законы урок.

Председатель говорил долго, вразумительно, аудитория внимательно слушала, присутствовавшие одобрительно кивали головами.

Подсудимый в последнем слове просил снисхождения: он понимал тяжесть своего проступка, но он иначе поступить не мог, ибо на четвертый этаж не пускали.

Суд после короткого совещания выносит приговор: «Разрешается воровать только на 4 этаже. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит» [1].

Сообщая эти возмутительные факты в газету, очевидец этого, лишенный свободы Бек, категорически ставит вопрос перед общественностью Таганки о жесточайшей борьбе в общественном и административном порядке с подобными попытками возродить тюремные традиции и, в частности, превратить для некоторых, особенно молодых групп — лишение свободы в «высшую школу преступности».

Редакция газеты «К трудовому общежитию» не ограничилась помещением фельетонов Бека на своих страницах. Она повела с помощью своих корреспондентов по камерам жесточайшую борьбу с описанными

---

[1] Цитирую по фельетону заключенного Бека в газете «К трудовому общежитию» за 1929 г.

выше судилищами и уже в скором времени члены этих судилищ предстали в свою очередь перед судом, но уже не «урок», а перед судом общественности лишенных свободы Таганского домзака, которая превратила этот процесс в большую воспитательную кампанию, имевшую огромное значение для всех исправительно-трудовых учреждений РСФСР.

Имеется огромный и очень поучительный материал, как печать лишенных свободы боролась с этими язвами быта, с конкретными носителями этой «тюремной» заразы.

Например, в Таганском домзаке, который в этом смысле не являлся исключением, работающие на кухне лишенные свободы и приближенные к ним лица разворовывали продукты, снижая калорийность питания. Как это практически происходило, мы видим из следующих строк в газете лишенных свободы:

Из котлов достали пищу,
все готовы раздавать,
тут и нюхая и рыща
собралась на кухню рать.

С боем кинулась на мясо,
тащат шкварки, масло, мозг.
До обеденного часа
все разобрано уж в лоск.

Прет один «манерку» сала,
тот селедку где-то сдул,
все что вкусно растаскала
стая кухонных акул.

Создавая посты корреспондентов, воспитывая у лишенных свободы чувство ответственности перед коллективом, печать лишенных свободы как республиканская, так и стенная, взяла вопросы снабжения и организации питания лишенных свободы под свое неослабное наблюдение и не только выявила десятки подобных кухонных акул, но и добилась значительных сокращений подобных безобразий.

А например, в вопросах чистоты и санитарии в исправительно-трудовых учреждениях, начав с небольших заметок о том, что коридорные, закончив промывку уборных и уборку коридоров и лестниц, прямо руками, не всегда вымытыми, раздают мясо на ужин лишенным свободы, или что санитары с вечера на ночь выносят из палат плевательницы, а также плохо моют посуду, в которой подают пищу больным,— газеты лишенных свободы сумели поднять эти маленькие на первый взгляд факты до больших и принципиальных вопросов организации по-новому быта лишенных свободы и санитарного надзора.

Однако сказать, что здесь мы уже добились таких успехов, такого перелома, при которых можно, собственно, уже на таких фактах и не фиксировать внимания, — еще пока рано, еще пока нельзя. Эта работа по оздоровлению быта советских мест лишения свободы, собственно говоря (учитывая текучесть коллектива лишенных свободы), еще только начинается, и к ней должно быть привлечено неустанное и не-

ослабевающее внимание всей передовой части лишенных свободы и, в первую очередь, печати и ее армии корреспондентов.

Но гримасы быта обнаруживаются не только в приведенных фактах.

Это также — подхалимство перед начальством, знаменитый тюремный «блат», когда по знакомству, а иногда и просто за малую или большую мзду, пристраиваются к хлебной, чистой и теплой работенке с помощью и по протекции других лишенных свободы, сумевших ранее захватить те или иные командные работы на кухне, в кооперативной лавке, на складе, в канцелярии, на руководящей производственной работе (инструктора, бригадиры) и т. п.

Это также — хулиганство, пьянство среди лишенных свободы, прогулы, разгильдяйство и даже рвачество, не говоря уже о всевозможных комбинациях хищений и злоупотреблений на доверенном участке работы.

Все эти язвы стоят каждый день и час в поле зрения, на прицеле корреспондентского пера. Это—общественная нагрузка «камкора», которую он не без успеха до сих пор в массе своей выполнял на страницах печати лишенных свободы.

Но случаи злоупотреблений и нарушений основ исправительно-трудовой политики могут иметь место не только со стороны лишенных свободы.

Для всех нас не секрет, как много все же таят в себе опасного так называемые специфические условия работы мест лишения свободы в смысле возможного расцвета бюрократически казенного отношения к живым людям и их нуждам, не говоря уже о разложении и прямых преступлениях со стороны неустойчивых, мало крепких людей. Эта опасность вдвойне увеличивается в связи с возможностью проникновения на ту или иную даже маленькую руководящую работу классового врага, перекрасившегося и сменившего свою старую шкуру.

Как и в каких пределах может бороться печать лишенных свободы с фактами подобных злоупотреблений и даже преступлений со стороны должностных лиц? Иными словами перед нами стоит вопрос, каковы пределы самокритики для печати лишенных свободы, и есть ли вообще «специальное» ограничение самокритики для лишенных свободы.

Нужно категорически отвергнуть вздорные разговоры о какой-то «специальной» самокритике для лишенных свободы.

В этом отношении печать лишенных свободы не является каким-то особым изъятием в числе других советских газет. В свою газету, и тем более в республиканскую, корреспондент из числа лишенных свободы может написать и сообщить о любых фактах злоупотреблений и незаконных действий, какой бы высокий пост в системе органов юстиции злоупотребляющее лицо ни занимало.

Подобные корреспонденции, адресованные на имя республиканской или областной газеты лишенных свободы, не подлежат контролю и проверке со стороны местной администрации.

Конечно, совершенно необязательно, чтобы все факты опубликовывались. Важно, чтобы об этих фактах немедленно было сообщено соответствующим органам Рабоче-крестьянской инспекции, Главного

управления исправительно-трудовых учреждений или прокурорского надзора, которые по сообщенным фактам производят расследование и в случае подтверждения принимают меры к их устранению и привлечению виновных к ответственности. О результатах расследования газета, конечно, ставится в известность.

Такая практика расследовательской работы давно уже создана и проводится печатью лишенных свободы, как и всей нашей печатью. Из этого, однако, не следует, что не нужно печатать об отдельных фактах, имеющих общественное значение или на которых особенно наглядно можно провести большую воспитательную работу в массах. Наоборот, такие факты нужно и должно опубликовывать в печати.

Если мы хотя бы бегло перелистаем архивы газет лишенных свободы, то воочию убедимся, как иногда прекрасно такую работу организовывала и проводила печать лишенных свободы.

Но невольно возникает вопрос, кто же может быть в таком случае корреспондентом в тюрьме? Какие гарантии он имеет на случай возможных преследований за те или иные свои разоблачения?

Не исключен со стороны некоторых и такой вопрос: а вообще то, правильно ли и допустимо ли называть корреспондентом лишенного свободы, честность и общественная репутация которого взяты под сомнение самим фактом осуждения?

Прежде всего о вопросе, кого считать корреспондентом. На этот вопрос может быть дан только один ответ — каждого трудящегося и в первую очередь ударника, ибо корреспондент и ударник, который хочет через печать и при помощи печати активно участвовать в соцстроительстве и помогать соцстроительству, — это две стороны одного и того же явления.

Отсюда совершенно естественно, что в своей честной и самоотверженной общественной работе такой корреспондент может всегда рассчитывать, что, несмотря на отбываемое им лишение свободы, соответствующие советские и контрольные органы всегда защитят его и строго накажут тех, кто попытается притеснять его за работу в газете.

Всякие разговоры о том, что корреспондентом может быть исключительно только неосужденный, мы должны отбросить. Ибо, став на этот путь, мы должны будем немедленно в целях последовательности и здравой логики, подвергнуть также сомнению допустимость ударничества и соцсоревнования среди лишенных свободы.

В советском государстве понятия «честности» и «добросовестности» не рассматриваются, как нечто отвлеченное, раз и навсегда данное для всех времен и классов, или нечто «прирожденное» и «вечное».

В советском государстве и для «недобросовестного», «нечестного» осужденного за свои преступления человека не закрыты пути к исправлению, к возвращению в среду честных и добросовестных. Тем более, что нельзя рассматривать человека, совершившего преступление, как незаслуживающего доверия на вечные времена, во всем и при всяких условиях.

III

Стихи заключенных иногда рассматриваются, как нечто, не относящееся к области проявления классовой борьбы, как нечто, где вопросы классовой принадлежности, классовой устремленности отступают на задний план.

Некоторым даже кажется, что «специфиьум» тюрьмы сильнее классовой целеустремленности, что этот «спецификум» располагает к творческому излиянию «общечеловеческого» порядка, к протесту вообще против тюрьмы как таковой, против «злой неволи», к единению всех и вся вокруг специфически тюремных интересов и вопросов быта.

Из этой предпосылки иногда даже рождается какой-то своеобразно гуманитарный подход к произведениям лишенных свободы, рассмотрение их, в первую очередь и главным образом, или с точки зрения тюремной психологии, психологии лишения, свободы (М. Н. Гернет)[1], или с точки зрения того, что «там за тюремной решеткой, за стенами под замком, работает мозг заключенного, пробуждается вкус к книге, к поэзии, к звукам, краскам, образам, идеям» (Львов-Рогачевский)[2], безотносительно к тому, какое содержание наполняет этот вкус, отразителем какой идеологии и класса он является.

Нельзя согласиться также и с такой огульной и политически неверной оценкой литературно-художественного творчества лишенных свободы в советских исправительно-трудовых учреждениях, какую дает в своей работе «Тюрьма в отражении дореволюционной поэзии» М. Теодорович, когда он пишет: «Настоящая (его, Теодоровича.— *А. Ш.),* статья воспроизводит часть доклада и содержит анализ лишь дореволюционной тюремной поэзии, так как современные тюремные стихотворения в большинстве своем повторяют основные мелодии стихотворений дореволюционных, не представляя при этом почти никакой ценности в художественном отношении»[3].

Совершенно верно, что в советских исправительно-трудовых учреждениях, так же как и среди общегражданского населения, еще не изжиты и имеют распространение различные песни с тюремным или разбойным сюжетом, или, как их иногда иначе называют, «старинные песни».

Их часто поют, а иногда и записывают для памяти в стихотворной форме в тетрадки и альбомы, но не потому, что они в той или иной даже отдаленной степени напоминают аналогичные моменты или вызывают аналогичные эмоции и переживания из советской действительности.

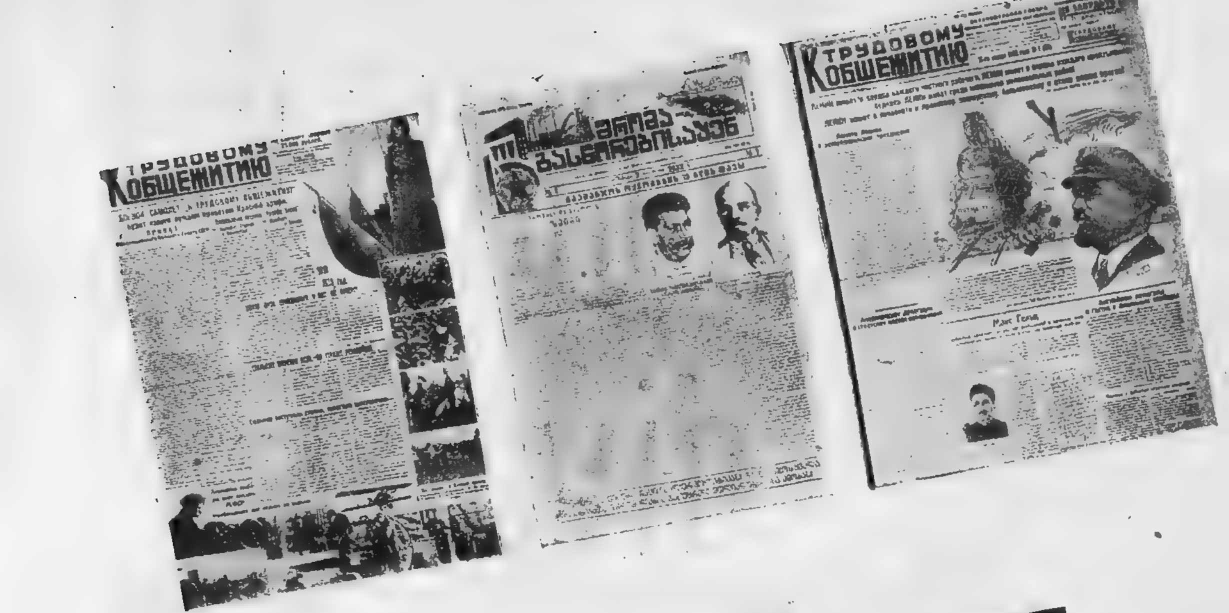
Например популярная песня о побеге каторжника — «Славное море, священный Байкал»... уже ни в какой степени не отражает совре-

---

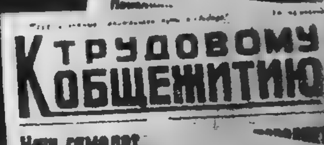
[1] Проф. Гернет, Библиографическая заметка в журнале «Право и жизнь» за 1927 г. кн. 5—6, стр. 101—103.

[2] Львов-Рогачевский, Литературное творчество заключенных, Сборник «Проблемы преступности», 1926 г., № 1, стр. 82.

[3] Теодорович, Тюрьма в отражении дореволюционной поэзии. Сборник «Проблемы преступности» 1929 г., № 4, стр. 80.

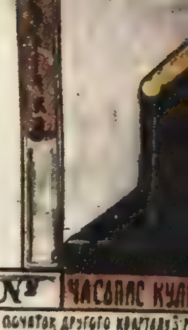
МНОГОТИРАЖНЫЕ ГАЗЕТЫ

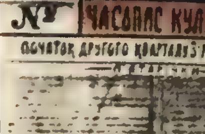

Joldaş! divar gaze

jazmaь!

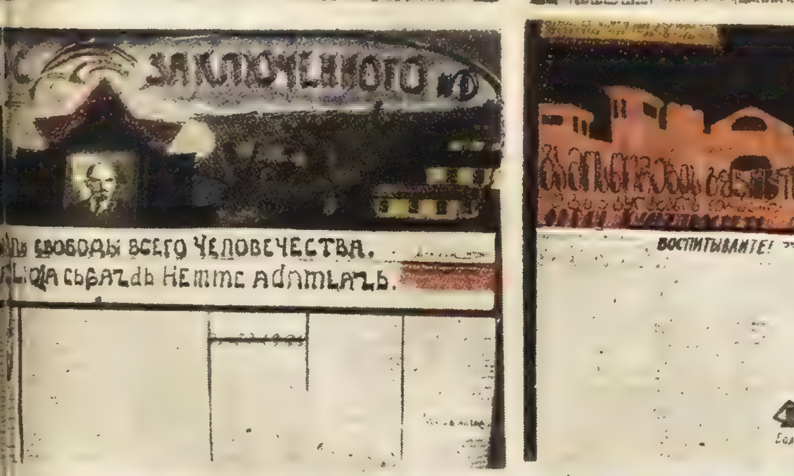

ШЛЯХ до ВИПРАВЛЕННЯ

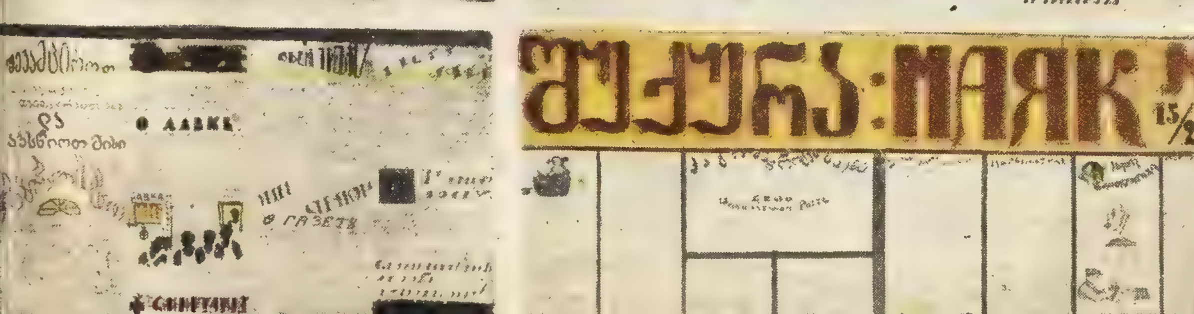
ДОШКУ

TYZƏTIS.

№1.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 10 коп. ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ГОЛОС ЗАКЛЮЧЕННОГО

Еженедельный орган учебно-воспитател. части при Пензенском Губисправдоме.

Год издания 3-й.	№ 82.	Июль 1925 года.	№ 82.	Год издания 3-й.

Тюрьма прошлого.

До конца XVIII столетия существовавшие тюрьмы представляли из себя исключительно карательные учреждения, где преступник содержался впредь до востребования его властью, а зачастую и всю жизнь. Только в конце XVIII и начале XIX века в период общественного движения было обращено внимание, и мысль о преобразовании тюремного дела все больше и больше проникала в толщу общественного мнения. Темное подземелье, часто без притока свежего воздуха, потрясающие материальные ... ла, но стремление так и остается одним только пустым звуком. Только при Екатерине II была проведена частичная реформа: учреждены были смирительные дома. В 1781 г. учреждаются рабочие дома для преступников против собственности.

В конце XVIII ... XIX в. Запади... выдвигаются но...

Особенно интер... Гаварди и Пер... следний рекомен... «паноптикума», ... образный вид тюр...

Открытие электрификации Еланского совхоза.

См. Очеведер.

В 5 часов вечера в клубе Еланского совхоза собрались ...

Пути исправления.

С самых старых ...

менной советской Сибири, превращенной из Сибири каторжной в Сибирь социалистическую.

Или взять песню «Это, барин, дом казенный — Александровский централ» о знаменитом Александровском централе, который уже больше не существует.

Но это не мешает распевать эти и многие им подобные песни не только в исправительно-трудовых учреждениях, но и в наших домах отдыха, в рабочих общежитиях, либо как воспоминание о прошлом, как лишнюю иллюстрацию того, с каким трудом при изменившемся уже экономическом базисе поддается переделке идеологическая надстройка прошлого. В быте, в его мелочах нагляднее всего сказываются те места, где отмирающая эпоха цепко еще хватается за бурно растущую новь.

Однако если отбросить значительное количество действительно бездарных, мало художественных произведений, копирование старых разбойных или тюремных напевов и т. п., то в творчестве обитателей советских мест лишения свободы все же можно найти и то новое, нередко высоко художественное и социально насыщенное, что только и могло родиться и вырасти на советской почве.

«Хотя и сидят они за разные преступления, но в одной тюрьме», тем не менее пишут они в этой «о д н о й» тюрьме нередко даже об одних и тех же явлениях по-разному, так как различными социальными нитями связаны они с тем, что творится за пределами места лишения свободы.

Через мои руки, как организатора и первого по времени редактора всероссийской газеты лишенных свободы «К трудовому общежитию», прошел большой литературный материал на самые различные темы, из самых различных исправительно-трудовых учреждений Советского союза.

О чем же пишут тюремные поэты, на каких фактах и явлениях фиксируют внимание общественности, какую идеологию перебирают, «на звонких струнах лиры»?

И вот здесь мы вплотную подходим к тем социальным слоям населения советских исправительно-трудовых учреждений, которые в разное время давали на страницах газет и журналов мест лишения свободы писателей и поэтов, выражавших их, так сказать, идеологические чаяния.

Все население мест лишения свободы резко делится на две основных группы — трудящихся и классовых врагов. Прослойка деклассированных, в большинстве своем состоящая из профессионалов-рецидивистов, по своим социальным корням в прошлом также разделяется на эти две основные группы и соответственно этому делению требует особого изучения и определенного подхода в работе. В основном, однако, на данном этапе эта прослойка как «элемент разложения» примыкает к классово враждебной группе.

Пребывание каждой из этих групп в месте лишения свободы носит свой особый специфический в социально-политическом смысле оттенок, в той или иной степени получивший свое отражение в их произведе-

ниях и наложивший свой отпечаток на все явления, которые они в поэтической форме пытались изображать.

Как общую черту, характеризующую творчество лишенных свободы, нужно отметить и резко подчеркнуть его разнообразие как по форме, так и по содержанию. Этот момент не дает нам права сделать те выводы, к которым пришел немецкий исследователь художественного творчества заключенных в капиталистических тюрьмах — господин Ганс Принцхорн. «У заключенных резко выражен эгоцентризм, и творчество их носит на себе этот отпечаток: то они рисуют свои переживания, то эпизоды из их бывшей жизни на родине, то детали их профессии, то условия борьбы (какой? *А. Ш.)* или картины из тюремной жизни. Сексуальный мотив играет существенную роль в творчестве заключенных» [1].

Так утверждать — значит отнести к разряду творчества эгоцентрического творчество всех вообще поэтов, художников и писателей, ничего общего с тюрьмой не имеющих, но творящих свои произведения на конкретных живых примерах из окружающей их действительности.

Область каких же явлений должен фиксировать и передавать в творческой форме заключенный, чтобы его творчество не было отнесено к «эгоцентрическому»? Остается, очевидно, область потусторонних явлений, бегство в символику, бегство в «чистое» искусство, искусство ради искусства.

Между тем, все мы достаточно крепко усвоили, что писать можно о том, что знаешь, а писать хорошо — о том, что сам хорошо знаешь, сам пережил, сам перечувствовал.

И на примере творчества различных социальных групп лишенных свободы мы видим, что творить в социально пустом пространстве охотников мало даже и в зверских условиях режима буржуазной тюрьмы. На литературно-художественном творчестве очень наглядно можно проследить, что социальные нити, связывающие того или иного заключенного или группу заключенных с определенными классами на воле, для подавляющего большинства не обрываются и в период лишения свободы.

Взять хотя бы к примеру творчество наших классовых врагов, обильно просачивавшееся на страницах газет и журналов мест лишения свободы особенно в годы 1922, 1923, 1924 и 1925.

Как мы знаем, этим годам предшествовал период разгрома последних белогвардейских, эсеровских и меньшевистских банд. Для характеристики населения советских исправительно-трудовых учреждений в эти годы необходимо иметь в виду довольно значительную прослойку представителей разгромленной, как пышно они себя называли, «белой России».

Вполне естественно, что наиболее активные из этих элементов, придя в места лишения свободы, попытались протянуть свои руки к органам печати лишенных свободы на том, дескать, основании, что «в тюрьме все равны, все в халате, все братья».

[1] Цитирую в изложении проф. Карпова, Творчество заключенных, изд. НКВД. 1929 г., стр. 11.

Вследствие имевшей место некоторой недооценки политического руководства печатью заключенных на известном отрезке времени на страницах некоторых с внешней стороны довольно солидных тюремных журналов появлялась подобная «лирика», в которой не трудно угадать певцов различных белогвардейских течений, вплоть до поэтической устряловщины.

Одни писали:

Апатия, лень овладела,
Охватила мое существо,
Энергия вся отлетела,
И хаос — мое божество.

(Журнал «За железной решеткой»).

Или:

Снег вместе с нами засыпает,
Задувает
В эти минуты
Наш каменный бред.
Ржавые стены маячат в сознанье,
Крышкою давят на мой саркофаг...
Ходим мы,
Бродим мы
По снегу в дворике,
Снегом заметаны наши глаза,
Бродим как камни мы,
Бродим по дворику,
Сгорбивши плечи
И сжавши сердца.

(Журнал «Всюду жизнь» — Орловский изолятор).

Другие наоборот звали к безумно смелой борьбе:

Хочу быть чайкой над морем белой,
Хочу бороться, хочу гореть,
В порыве к воле — безумно смелой,
Подняться к небу... иль умереть.

(Журнал «За железной решеткой» — Вятский изолятор).

Третьи ставили перед собой проклятый вопрос «что делать?» — и отвечали на него совсем недвусмысленно:

Все кануло где-то,
Погас яркий свет,
Что делать?
Что делать?
Искать, где ответ?
Что делать?
Сжать зубы.
Терпеть и молчать,

Забыться,
Работать
И медленно ждать.
Что делать?
Сжать зубы и сердце
В тисках
И быть беспечальным
И гордым в глазах.
Решетки и стены
Как вызов принять,
С твердостью
Стали и камня
Стоять.

(Журнал «Всюду жизнь» — Орловский изолятор).

Четвертые эпикурейским стихом успокаивали свою музу:

Но, муза, не печалься ты
И не страшись угрозы рока,
Прекрасны белые цветы,
На стеклах выросшие окон;
Ты поселись в моем углу
С гремящим холодом в соседстве
И наступающую мглу
Вином и песнями приветствуй.

(«Соловецкие острова»).

Иные, наоборот, своеобразно перекладывали в поэтическую форму идеологию сменовеховства, устряловщины, идеологию знаменитого «державного инстинкта»:

Да, я эстет. Да, я люблю Ватто,
Уайльда, Бальмонта, Вертинского напевы,
Рубинов блеск. Изящное манто
И горностай на шлейфе королевы.
Но вместе с тем я славлю барикады,
Восторженно слагаю гимны Октябрю
И всем рабам, великим маскарадом
Зажегшим над землей священную зарю.
А вы твердите мне, «что общего меж нами?»
Что в том, что я эстет и тку узор из слов,
Я горд, что я иду сейчас с большевиками,
Борясь за то, чтоб мир стал дерзок, юн и нов.

Или вот, например, обращение этого же автора к Игорю Северянину с призывом в журнале Витебского исправдома «Мысль заключенного»:

Поэт — колдун, когда впервые
Читал тетрадь твоих поэз,
Твои напевы голубые
Меня пьянили, как шартрез.

Вернись в Москву, где много флагов,
Где красны мысли и сердца,
Где мы, ученики варягов,
Добились звездного венца[1].

Совершенно иным языком говорят в своих произведениях так называемые случайные правонарушители, а также и те профессиональные преступники, в прошлом из среды трудящихся, которые под влиянием и в результате большой общественно-политической работы, проводимой в советских местах лишения свободы, реклассируются и пытаются это возвращение в семью трудящихся изобразить в стихах, иногда очень сильных и эмоциональных.

В художественной форме повествуют они о своих чаяниях и надеждах, о своем отношении к тому, что делается за пределами места лишения свободы, о своей связи с бурной советской действительностью, о своем желании активно участвовать в этой действительности, несмотря ни на стены, ни на решетки, ни на длинный и тяжелый путь рецидива и профессиональной преступности.

Ни одно общественно-политическое событие, в той или иной степени волнующее нашу страну, не прошло мимо, не получив того или иного отголоска в поэзии этого трудового слоя населения советских мест лишения свободы.

Первый пятилетний план построения фундамента социалистической экономики естественно открыл широкие перспективы и горизонты на всех участках социалистического строительства, в том числе, конечно, и в советских исправительно-трудовых учреждениях.

Эта широко открывшаяся перспектива притягивала внимание и облекала в поэтическую форму глубоко принципиальные и общественно-политические вопросы.

В творчестве начинают звучать такие мотивы:

Сижу, но чувствую размах страны,—

Крепить индустрию и мы должны[2].

---

[1] Ну чем отличается эта поэтическая чепуха некоего Симакова, написанная им в 1922 г., от подобной выраженной в несколько другой форме, но в то же время, политической чепухи Устрялова по поводу пятилетия Октябрьской революции:

«Мы не отрекаемся от родных пепелищ, не забываем дорогих могил, но знаем теперь, что от прошлого ничего, кроме пепелищ и могил, не осталось. Мертвое мы уже не примем за живое, не станем поперек жизни.

Не забудем, что и старые свои исторические задачи новая Россия разрешает по-новому, в свете нового всемирно-исторического периода, в который вступает современное человечество.

Разрешает в мучительных усилиях, ошибаясь и часто ощупью подходя к решению, блуждая и заблуждаясь, но, руководимая державным инстинктом, в последнем итоге обретает спасительный курс.

Вот почему — независимо от того, с какими чувствами и с какими лозунгами празднуют сегодняшний юбилей правоверные интернационалисты и коммунисты — патриоты Великой России вправе считать этот праздник и своим» (Устрялов Н., Харбин. Изд. «Русская жизнь» 1925 г., стр. 113).

[2] «К трудовому общежитию» за 1929 г., стих. лишенного свободы Г. Муравьева.

Ликвидация безработицы — это величайшее историческое событие, сопутствовавшее годам великих работ первой пятилетки, совершенно ясно и определенно в качестве уже практической наметки создала стиль всей работы мест лишения свободы как исправительно-трудовых учреждений.

Это в свою очередь предопределило характер вывода лишенных свободы в массовом масштабе из зданий собственно «тюрьмы» в поселки фабрично-заводского и совхозного типа. Основным типом советского исправительно-трудового учреждения сейчас становится фабрично-заводская и сельскохозяйственная колония.

Процесс разрушения тюрьмы и ее содержания в том его понимании, какое в него вкладывает буржуазия, процесс безоговорочного втягивания лишенных свободы в социалистическое строительство, а также тот факт, что в советской стране кирпич используется не на строительство новых тюрем, а идет на нужды индустрии, на возведение школ, больниц, домов отдыха и т. д., прекрасно изображены лишенным свободы Лианозовской кирпичной колонии, поэтом В. А. Аврущенко в его ответном письме[1] бывшему бандиту Муравьеву, отрывок из которого мы приводим:

Если из кирпичика,
Красного нашего,
Будет построена

Фабрика,
Школа,
Больница,

Нами отмечена
И нами украшена,
И каменщик хмурый
В фартуке белом
Ни мне,
Ни тебе,
Никому

Больше не скажет:
«Мы заняты делом,

Строим мы,
Строим тюрьму»[2].

И годы пройдут,
И от топота гордого
Развалятся стены
Слепого Лефортова,
И там, где когда-то
Старели централы,
Электромашины уже заиграли.

---

[1] «К трудовому общежитию» за 1929 г.
[2] В. Брюсов.

Золото, камни, сверкающие в витринах московского ювелирного магазина на Кузнецком, будят в сознании бывшего бандита Муравьева наивный, но проникнутый глубоким социальным чувством план разрешения проблемы золота для Страны советов.

Если бы советские мещане
Хоть на миг задумались над тем,
Чтоб своими желтыми вещами
Увеличить пятилетки темп,
Ваших медальонов и цепочек
Тоннами нашлось бы по стране,
Этого утиль-сырья кусочков
Хватит для индустрии вполне.

Переход на семичасовую непрерывную неделю следующим образом оценивается заключенным Ларионовым как фактор борьбы с религиозными предрассудками:

К чорту кораны,
Талмуды, торы,
К чорту религий блок;
Переключите
Скорей моторы на непрерывный ток [1].

Красная армия — единственная армия в мире, которую такой любовью, заботой и уважением окружает все трудящееся население Страны советов.

Угроза войны, начиная с знаменитой ноты Керзона, резко очертившей конец «передышки» и начало новых грандиозных провокаций мировой войны и в первую очередь войны против СССР, все ниже и ниже спускается над задыхающимся в тисках капитализма человечеством. Ее черные тучи особенно сгустились в 1929 г. на советско-китайской границе.

Этот год трудящиеся массы Советского союза вписали в историю своей мирной политики как год налета белобандитской шайки китайских и международных разбойников на КВЖД.

Мощные раскаты протестов против войны прокатились по всей Стране советов. Этот грандиознейший подъем протеста широчайших слоев трудящихся масс само собой разумеется передался и в исправительно-трудовые учреждения.

Как же политически оценивали, в какую художественную форму отливали это событие поэты в местах лишения свободы? Приведем отрывок очень популярного в то время стихотворения лишенного свободы Муравьева:

Может, вновь орудийные гулы
Мир охватят военным пожаром.
Берегись, Гоминдана акулы,
На захват мы ответим ударом.

---

[1] «К трудовому общежитию» за 1930 г.

Миролюбие — лозунг Советов.
Чтобы крепла страна равномерно,
Миллионы рабочих ответят:
«Не столкнуть нас с пути Коминтерна».
Вся Россия рвалась на лохмотья,
Белобандой в двадцатые годы,
Извивалась как будто на копьях,
Словно женщина в первые роды.
И отряды глаз стекленевших,
Со звездою на лбу, но без пищи,
Без снарядов, разутых, вшивевших,
Разогнали бандитов полчища и т. д.

Вопрос о войне тесно связан с вопросом интернационального воспитания трудящихся, с вопросом об едином пролетарском фронте, с вопросом о перерастании войны империалистической в войну гражданскую.

Стихотворение начинающего поэта лишенного свободы Н. Цыганова дает возможность видеть, как глубоко проникло в сознание широчайших масс СССР значение интернациональной связи. В дни, когда китайская военщина вместе с русскими белогвардейцами и на деньги мирового капитала громила КВЖД, лишенный свободы начинающий поэт осмысливал это событие в свете именно интернациональной связи трудящихся всех стран. И в этом смысле чрезвычайно интересно и ценно его, посвященное китайскому кули, стихотворение:

Не тот Шанхай, другой Шанхай,
Порабощен Восточный край.
Там гнет, насилие над Дзо-ли,
Там капитал чужой царит.
Там ходят плети по спине,
Там все в чаду, там все в огне.
И плач, и стон, и кровь в Китае,
И павших смерть кругом считает.
В СССР пришел Дзо-ли,
В Стране советов хочет жить.
Семья погибла, дом сожгли,
Дзо-ли не хочет быть кули.

И дальше поэт описывает, как Дзо-ли, работая на советском заводе, все же тоскует о своей порабощенной мировыми хищниками родине, и ободряет его и обещает ему, что

Таким же будет твой Китай
Свободным, как Советский край.

В связи с темой о войне в творчестве заключенных мы находим неизбежный мотив о матери и республике.

И та и другая имеют права на сына, на советского гражданина.

И гнев поет, и кровь во мне поет,
И снова жизнь полна июньским зноем,

Я чувствую биение твое,
Моя страна, за каменной стеною
Я чувствую и ощущаю жизнь.
И снова путь пройденный предо мной.
Молчат, молчат скупые этажи,
Овеянные робкой тишиной.
О матерях в дыму кровавых схваток
Мы забываем может быть подчас,
А эта мать, ведь эта мать когда-то
Своею грудью выкормила нас.
Ведь эта мать свое имеет право
На наши дни, на радость наших дней,
Ведь наши дни — кровавая отава,
Разбуженная кровью матерей.
Так много дум, таких хороших дум,
И лаской их больное сердце смято,
Пусть грянет гром, и завтра я уйду
В поэзию боев и схваток.
И буду слушать лошадиный цок,
В копытном беге раскромсаю сердце,
На это бледное и грустное лицо
Надвинув шлем красноармейца.
Ты, знаю, будешь недовольна, мать.
Ты не поймешь мой гнев, мою безбрежность,
Да, я пойду наверно убивать,
Убив в себе и лирику и нежность
Сегодня я не в меру хмурю бровь,
Сегодня я скажу неповторимо:
Я — кровь твоя, но нужно — эту кровь
Отдам моей республике любимой».

Этот общечеловеческий облик матери, данный лишенным свободы, бывшим комсомольцем, Анохиным, нуждается в известной поправке. Революционная борьба пролетариата дала в художественной литературе незабываемые портреты пролетарской матери. Чувство долга перед своим классом борется с таким же чувством матери и оказывается сильней материнского чувства.

Неизвестная французская работница — вдова Дангли, например, находит в себе силы, преодолев материнские муки, писать такие слова своему сыну, восставшему против капиталистического гнета в борьбе за лучшую жизнь для обездоленных:

«Дорогой сынок, посылаю тебе письмо, так как не смогу видеть тебя из-за того, что твой процесс не окончен.

А между тем, мне так хочется сказать тебе. Я тебе обещала не приходить, но я приходила каждый день, и если бы не моя работа, то я была бы в зале и сегодня утром.

Мне кажется, что для нас обоих это большая поддержка — быть возможно ближе один к другому, чтобы пройти через это испытание.

Уверяю тебя, что для меня служит огромной поддержкой видеть проявление стольких симпатий в такой тягостный момент жизни. Я этого никогда не забуду.

Продолжай быть сильным в этой борьбе. Тебе двадцать лет. Ты — мужчина. И мы с тобой. Они тебя накажут, и это очевидно, но мой лоб не покраснеет, так как наша честь работников не запятнана. Они лишают матерей своих детей, но матери могут смотреть в лицо их судей, не опуская глаз. Я больше не скажу тебе ни слова.

Мы обе, я и твоя сестра, целуем тебя крепко, как любим. Твоя мать — вдова Дангли» [1].

20-летний юноша, полный сил, брошен на медленное умирание на эшафот «сухой гильотины». А его мать? Она не только не выражает недовольства его борьбой, его поступком. Нет, она, задушив в себе сильнейшее из человеческих чувств — чувство матери, кричит ему, в его каменный гроб:

«Продолжай быть сильным в этой борьбе».

Мать советского гражданина в вопросах защиты Советского союза не будет иметь двух мнений. Она поймет «гнев и безбрежность» не только своего сына или дочери, но и миллионов таких же сыновей и дочерей, которые встанут в боевой готовности у границ СССР.

Что она понимает это уже и сейчас, что она рассматривает Красную армию не как резерв пушечного мяса, бросаемого на алтарь войны в угоду кучке магнатов капитала, — это мы видим каждый день в тех тысячах и десятках тысяч фактов внимания и заботы, с какой советская мать, советская работница и крестьянка, окружают Красную армию. Только в свете этих фактов можно понять ту гордость, с какой советская мать провожает, а советский юноша идет в Красную армию. Быть призванным в Красную армию — «хранить покой страны» — это дело величайшей чести для каждого молодого пролетария, для каждого трудящегося.

Это новое в содержании Красной армии метко подмечено лишенным свободы Аврущенко в его стихотворении о возвращении двух сыновей, из которых один сидел в месте лишения свободы, а другой был в армии.

На вопрос матери, где они были и что делали, сын в шинели красноармейца с гордостью «повел волнующий рассказ»:

Навстречу вьюгам и дождям,
Под волчий свет луны,
Ушел я в армию и там
Хранил покой страны,
Чтоб ты спокойно жить могла,
Чтоб заводской гудок гудел,
Чтоб наша родина цвела
Среди великих дел.

---

[1] Цитирую по брошюре Н. Колина, Тюрьмы для революционеров, стр. 45, изд. ЦК МОПР, 1932 г.

И тогда мать посмотрит на другого сына, и тот, терзаемый стыдом, просит ее понять, что не из страха он не был в армии, не потому, что жалел свою кровь, а потому, что его лучшие годы

Они погибли, отцвели,
В тумане вечеров,
В пустых прорывах
И в пыли
Решеток и замков.

Но значит ли это, что он конченный человек? Нет.

Но родину свою любя
И позабыв тюрьму,
За наши вольные края
Винтовку я возьму.

Огромное количество стихотворений лишенных свободы, посвященных Красной армии и угрозе войны Советскому союзу со стороны капиталистического мира, не случайное явление.

Они показывают, что трудящиеся, даже в период лишения свободы, чувствуют, что «над СССР висит угроза непосредственной военной интервенции», что трудящиеся даже и в период лишения свободы понимают, что «новая империалистическая война, новая интервенция против СССР несут с собой невиданные даже во время первой мировой империалистической войны страдания, лишения, кровавые жертвы для рабочих и трудящихся всего мира».

Не удалась провокация с КВЖД — может удастся «легенда о демпинге», о «принудительном труде» в Стране советов. И «крестовый поход» буржуазии с огнем и мечом против первого в мире пролетарского государства облачается в «благороднейшую мантию», ...«мантию святого Ватикана».

Истинное лицо этой «святой» авантюры мировых провокаторов войны прекрасно удалось показать бывшему заключенному Муравьеву в его стихотворении «Лицо капитала», которое мы печатаем полностью.

Снова газеты
Западных наций
Стряпают «липу»
Из провокаций
И в миллионнотиражном темпе
Орут, задыхаясь, про «жуткий демпинг
Гибель предчувствуя, дико орут:
«Там, в СССР, принудительный труд!»
«Там, мол, людей на лесной заготовке
Голых рубить заставляют в мороз».
«Там, мол, работают из-под винтовки,
Вешают всех, не идущих в колхоз».
Подлые вымыслы тех, кто в Европе,
Пот человеческий в сейфе скопив,

Сжатые кризисом страны торопят:
«Блокаду Советам!... Блокаду. Разрыв!»
Что ж вы молчите, культурные люди,
Когда вырезают у девушек груди,
Когда в дефензиве, раздев донага,
Допрос начинает каблук сапога?..
Когда умирают, не вытерпев мук,
Когда полосует туземцев бамбук?
Иль вы не видите зверств экспедиций,
Польские села заливших кровью?
Нет! Вы — за пытки былых инквизиций,
Вы возвращаетесь к средневековью!

... Прея над смрадом
Газетных колодцев,
В штабах, над картами
Ряд полководцев
Тужится тщетно
Найти у страны
Пункт уязвимый
К началу войны.
Что ж! Зажигайте
Войну истребленья.
Мы на удар
Приготовим удар!
Эту последнюю
Из последних
Мир развернет
В гражданский пожар!

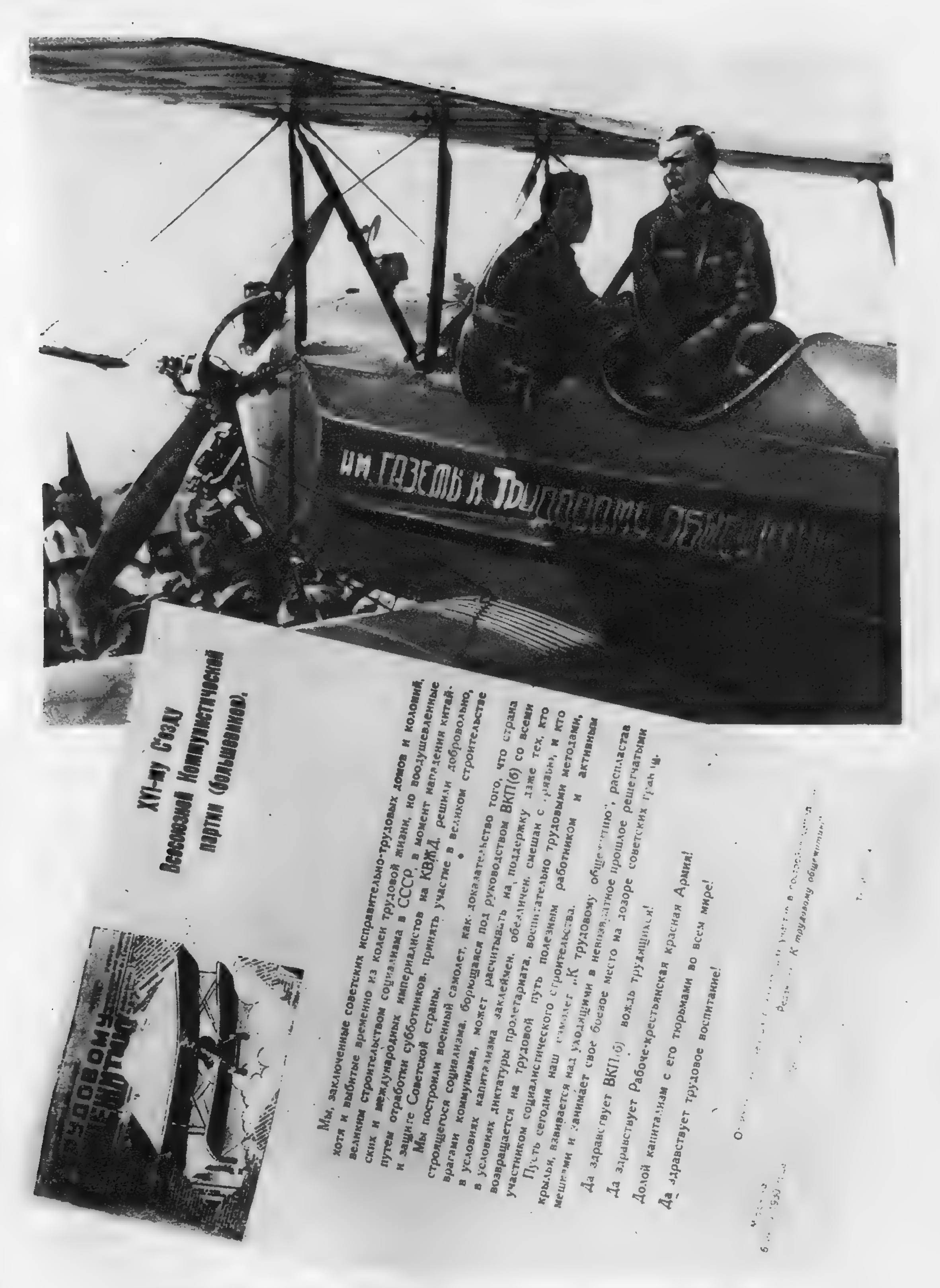
Вопрос о ликвидации рецидива преступности и самой преступности подростков и молодежи в Стране советов — это один из тех волнующих вопросов, который привлекает наибольшее внимание прессы лишенных свободы.

В художественной форме жизнь беспризорных и правонарушителей освещалась и большими мастерами слова: Безыменским, Сейфулиной, Неверовым, Шишковым и т. д. Однако сильный концентрированный образ ужаса беспризорности, бездомности и преступности все же вышел из-под пера самих беспризорных и правонарушителей, которые сумели также талантливо и образно указать и выход из этого ужаса.

В статье о молодежи в исправительно-трудовых учреждениях СССР, помещенной в этом сборнике, мы даем характеристику глубоко различных истоков беспризорности у нас в СССР и в странах капитала.

Здесь же мы остановимся лишь на разборе отдельных поэтических произведений беспризорных.

Ликвидация безработицы в СССР, острый недостаток в кадрах квалифицированных рабочих заставили призадуматься о своем будущем

XVI-му Съезду Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).

Мы, заключенные советских исправительно-трудовых домов и колоний, хотя и выбитые временно из колеи трудовой жизни, но воодушевленные великим строительством социализма в СССР, в момент нападения китайских и международных империалистов на КВЖД, решили добровольно, путем отработки субботников, принять участие в великом строительстве и защите Советской страны.

Мы построили военный самолет, как доказательство того, что страна строящегося социализма, борющаяся под руководством ВКП(б) со всеми врагами коммунизма, может расчитывать на поддержку даже тех, кто в условиях капитализма заклеймен, обезличен, смешан с грязью, и кто в условиях диктатуры пролетариата, воспитательно трудовыми методами, возвращается на трудовой путь полезным работником и активным участником социалистического строительства.

Путь сегодня наш самолет „К трудовому общежитию", распластав крылья, взвивается над уходящими в невозвратное прошлое решетчатыми мешками и занимает свое боевое место на дозоре советских границ.

Да здравствует ВКП(б) вождь трудящихся!

Да здравствует Рабоче-крестьянская красная Армия!

Долой капитализм с его тюрьмами во всем мире!

Да здравствует трудовое воспитание!

РСФСР. Самолет им. газеты «К трудовому общежитию», переданный в 1930 г. в эскадрилью им. XVI партсъезда. Внизу паспорт самолета

РСФСР. Новочеркасская школа ФЗУ НКЮ. Бригада слесарей проходит тренировку по ЦИТ

РСФСР. 1-я московская школа ФЗУ НКЮ. На занятиях в кабинете механики

значительное число правонарушителей с большим преступным стажем, привычных профессионалов-рецидивистов.

Начиная с 1929 г., все чаще и чаще в письмах, в корреспонденциях, в стихах и очерках ставят они перед собой и исправительно-трудовыми органами вопрос, как им быть дальше. Ну еще год—два можно воровать, говорили одни. Ну, а дальше что? Находились и такие, которые прямо писали, что воровство в СССР просто становится невыгодным в сравнении с тем, что можно честно и, главное, с почетом зарабатывать на заводе, имея хорошую квалификацию.

А за всеми этими вопросами проглядывал нарастающий протест против воровского мира, против «блатных законов», против давящего кошмара «тюремного» дна.

Этот перелом в сознании молодого парня—беспризорного и рецидивиста прекрасно выразил Иван Дремов, бывший правонарушитель, а сейчас слушатель Московского литературного рабфака:

Надо мной спрессованный покой,
Я лежу на каменной постели,
Цепкий холод скользкой мостовой
В теле дрожь взволнованную стелет.
    Звездный омут тучами закрыт,
    Спертый воздух выветрен ознобом,
    И глухая улица Москвы
    Кажется бетонным гробом.
Кто поймет меня, кому сказать,
Что, бросая молодость на ветер,
Надоело мне смотреть в глаза
Проституткам, улицам и смерти.
    Жизнь моя — надорванная нить.
    Неужели, грязный и бессильный,
    Буду вечно я тебя носить
    По притонам, в ужасе могильном?
Нет, неправда — я пойду вперед
И к теплу, и к счастью, и к уюту,
И труда крутой водоворот
Разомнет бездомье жизни лютой.
    На панель в распластанную стынь
    Ночь тяжелой, зябкою рукою
    Разостлала черные холсты
    И меня закрыла с головою.

Несколько по-иному, но все тот же тоскливый ужас бездолья, беспризорщины и воровского дна, которое засасывает подростка, эксплоатирует его нещадно, изобразил 18-летний правонарушитель, Леонид Мариони, в стихотворении:

БЕСПРИЗОРНЫЙ

Ночь провел на Брянке — в баке,
Натаскал сенной трухи,

Тер больные лопухи
И щенком скулил во мраке.
Сквозь железо жег до слез
Разгулявшийся мороз.
    Вылез встрепанный, похожий
    В лохмах серого тряпья
    На больного воробья.
    Весь трясясь от знобкой дрожи,
    Кашлял, в снег плевал руду,
    Порешил «стрелять» еду.
Побежал по переулку,
На старуху глаз скосил,
Из корзинки «стырил» булку,
Тотчас жадно надкусил.
И с затрещиной в горбу
Двинул рысью на «Трубу».
    На дороге «пофартило» —
    Впереди, невдалеке
    Валит «фраер» в шубняке.
    Взглядом острым, словно шило,
    Осмотрел, далек ли «мент»,
    И стянул «сармак» в момент
В кошельке хрустят бумажки,
За углом пустился в пляс
И утек... А через час
Уж сидел у рыжей Машки,
И, хватив бузги стакан,
Стал и весел и румян.
    Назыбался папироской,
    Долго кашлял и притих,
    А потом под гвалт больших
    Целоваться лез к «безносой»,
    Надышался порошком
    И заснул в углу комком..
Охватив собаку Дамку
Да во сне уж как на грех,
Всей кампании на смех,
Плакать стал и кликáть мамку...
    Ширмачу в пятнадцать лет,
    Можно плакать или нет? [1]

Или вот, например, исповедь самого талантливого из сотрудничавших в газетах и журналах лишенных свободы беспризорного правона-

[1] «Стырил» — украл.
«Пофартило» — повезло.
«Трубу» — Трубный рынок.
«Фраер» — не принадлежащий к воровскому «миру».
«Мент» — милиционер.
«Сармак» — бумажник.

рушителя Павла Железнова, помещенная им в небольшой зеленой книжечке стихов под названием «От «пера» к перу».

МОЯ ЖИЗНЬ

Я тихой пристани не знал,
Не знал спокойного уюта,
Как буйный вихрь была грозна
Любая дней моих минута.
Нужды тугая бичева
Меня окутывала крепко,
И не под кровлей ночевал,
А на дворе, под рваной кепкой.
Везде встречал вражду и злость,
Ловил презрительные взгляды,
Обглодан, как собакой кость,
Суровой жизнью без пощады.
Как хищный зверь, остервенев,
Она рвала меня клыками,
И путь перечеркнула мне
Решетками тюремных камер.
На воле — общества отброс —
Я ненавидел всех прохожих.
Посмотришь: злоба, как мороз,
Вдруг продерет ножом по коже.
На воле только пару рук
Мог понести с собой на рынок
А улица, смеясь вокруг,
Дразнила роскошью в витринах.
Хлестал в глаза ее соблазн,
В ночных преследовал кошмарах...
Жизнь выставляла на показ,
Все прелести свои, как «шмара».
Но не поддался, не пропал,
Покинув городское дно я,
Иная, светлая тропа,
Открылась нынче предо мною.
Я не виню ни в чем «судьбу»,
Не прикрываю громким словом
Ночлежек грязь, тюрьмы сумбур
И корки хлеба по столовым.
Что крал я, нечего считать
Блатная жизнь украла годы,
Но их сумею наверстать
В советской стройке,
Новью гордый!

Конечно, никто и не подумал производить подсчет воровскому прошлому Железнова, который сдержал слово и действительно не поддался и не пропал.

Он это доказал, работая над собой и над своим стихом, внеся и свой вклад в советскую драматургию.

Его пьесы, из которых одна поставлена Мейерхольдом, а другая прозвучала в эфире, — лучшее доказательство тому, что автор с успехом наверстывает годы, украденные «тюрьмой» и «блатной жизнью».

Сама же жизнь Железнова и многих других, подобных ему, — лучший документ к отрывку из его стиха:

Буржуи давно бы меня растоптали,
Иль бросили б гнить, как отброс,
Но в новой стране, среди грохота стали,
Иначе решают вопрос...

IV

Во всех советских местах лишения свободы, в числе других организованных и функционирующих кружков лишенных свободы, есть также и кружки изобразительного искусства (изо-кружки).

Изо-кружки обслуживают художественным оформлением все виды общественной жизни данного места лишения свободы. Они художественно оформляют показатели соцсоревнования и ударничества между лишенными свободы на производстве, в школе, в быту; исполняют работу по украшению общественных мест (клубы, читальни, красные уголки и т. п.) ко дням революционных праздников и исторических годовщин, участвуют в работе драматических кружков по оформлению различных постановок на сцене клубов и летних площадок и, наконец, несут на себе всю работу по художественному оформлению прессы лишенных свободы.

В рамках этой работы мы коснемся лишь той части деятельности изо-кружков, которая относится к художественному оформлению прессы лишенных свободы.

Если для восстановительного периода и особенно первых лет революции были характерны такие названия газет, как «Из мрака луч», «Стены заговорили», «Стены разрушены», «Цепи разорваны», «Всюду жизнь», «Мысль заключенного», «За железной решеткой» и т. п., то этим названиям соответствовало и художественное оформление обложек журналов, а также заголовков стенгазет.

На обложках журналов того времени мы видим либо тюремное окно, о которое изнутри бьется орел, либо в камере задумчиво сидящего заключенного, либо разорванные цепи, сорванные замки и сломанные решетки, над которыми восходит солнце новой жизни и т. д.

Совершенно иное оформление заголовков газет лишенных свободы мы имеем в годы первой пятилетки.

На смену «разорванных цепей», «разрушенных стен» пришли такие заголовки газет как «За темпы», «Ударник», «Штурм», «За коллективный труд», «Экскаватор», «За знамя первенства», «За трудовое воспитание» и т. п., а соответственно вложенной в них идее — и насыщенное производственными моментами художественное оформление.

Рис. 1.

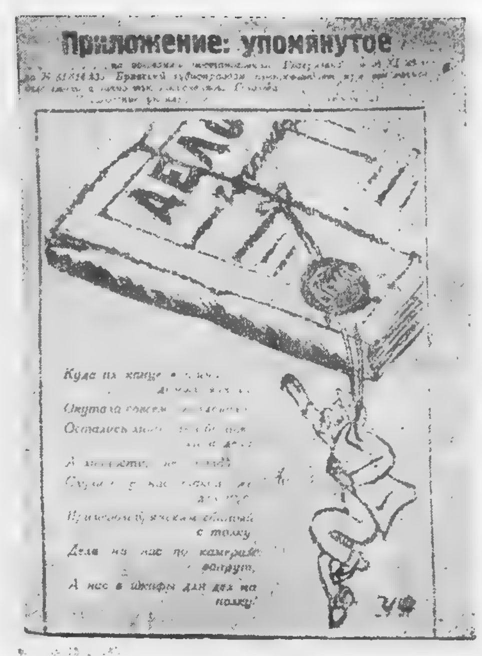

Рис. 2.

которое мало чем отличает прессу лишенных свободы от обычных советских газет.

Для иллюстрации мы приводим ряд снимков газет и журналов лишенных свободы, которые издавались начиная с первых лет революции и до последних дней.

Внешнее оформление газетного материала состоит из художественного оформления номера газеты в целом и юмористических иллюстраций и дружеских шаржей к отдельным корреспондентским заметкам и статьям.

Время от времени на страницах печати лишенных свободы, по примеру больших советских газет, давался и дается политический плакат, несколько образцов которого мы даем в приложении к настоящей статье.

Как удается изо-кружкам оформление стенгазет, лучше всего говорят сами образцы этих газет.

Поэтому мы остановимся подробно только на карикатуре.

Какие вопросы и явления захватывает в сферу своего внимания «тюремная» советская сатира?

Это прежде всего, конечно, проявления бюрократизма, волокиты, канцелярско-бездушного отношения к живому трудящемуся человеку, особенно нетерпимые в условиях места лишения свободы и на которые особенно сильно реагирует общественность лишенных свободы.

Рисунок 1 «У трамвая» развертывает перед нами один из таких возмутительных случаев бюрократизма, о природе которых Ленин в свое время говорил, что они по форме как бы являются правильными, а по существу представляют собой издевательство над трудящимся человеком.

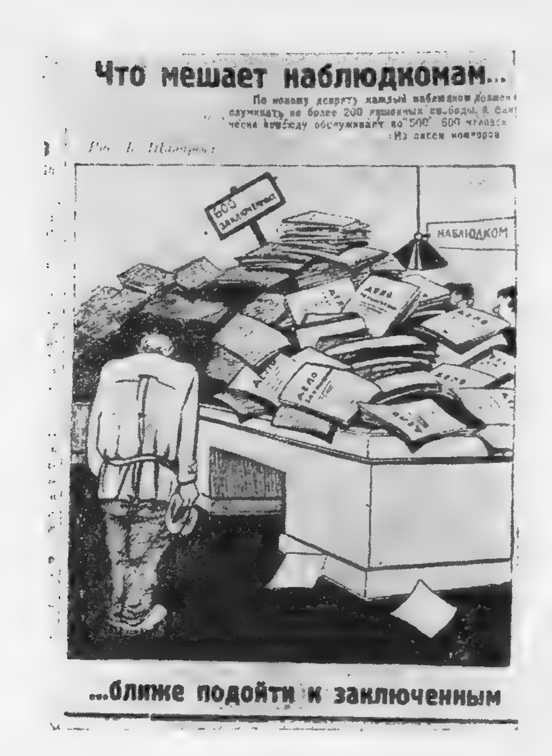

Рис. 3.

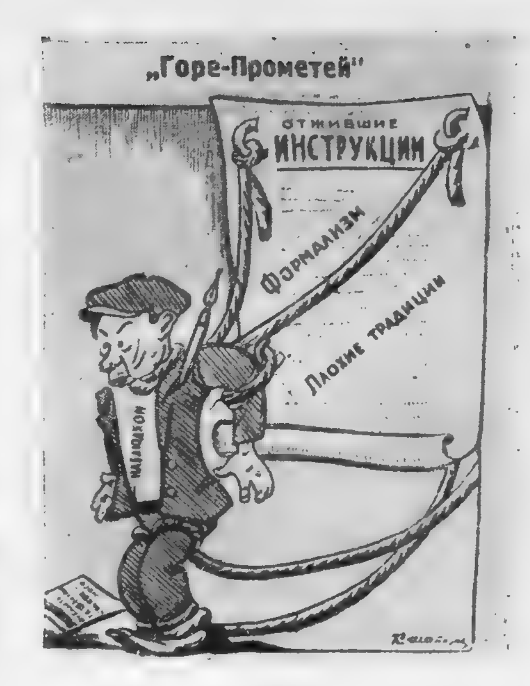

Рис. 4.

Как высоко развито чувство гражданского достоинства в СССР, показывает рисунок 2 «Приложение: упомянутое», который остроумно борется за человеческое, а не бездушное отношение к лишенному свободы даже и в обычной канцелярской переписке.

Бесспорно, что наибольшее количество карикатур посвящено проявлениям бюрократизма в работе наблюдательных комиссий. И это не случайно.

Формальный, невнимательный подход в их работе, связанный с такими событиями в жизни лишенных свободы как досрочное освобождение, сокращение сроков по зачету рабочих дней, отпуска и т. д., особенно болезненно воспринимается лишенными свободы, являясь нередко фактором отрицательного влияния на жизнь производства, школ, кружков и общественных организаций лишенных свободы.

По многочисленным наблюдениям можно считать установленным, что бюрократизм наблюдкомиссий бьет не только по тому лишенному свободы, о котором, скажем, вынесено неверное решение или который встретил недостаточно чуткий и внимательный подход при рассмотрении его просьбы. Он бьет по всему исправительно-трудовому учреждению в целом, вызывая вполне уместное чувство неудовлетворенности и возмущения общественности лишенных свободы.

Очень многие члены наблюдкомов, возможно, даже и не подозревают, какую огромную разрушительную, а при других обстоятельствах — воспитательную работу заключают в себе их постановления в зависимости от того, вынесены ли они в порядке штамповки и трафа-

рета или, когда при более внимательном решении тех же вопросов, общие интересы и задачи пролетарского государства умело сочетаются с нуждами и интересами отдельного трудящегося, имея в виду, что и эти последние в конечном итоге направлены на общее дело социалистического строительства, на общее дело воспитания нового человека, нового социалистического отношения к коллективу.

В правительственных постановлениях неоднократно отмечалась недопустимость такой работы распределительных, а позднее их сменивших наблюдательных комиссий, при которой могло бы процветать формально-бюрократическое отношение к нуждам и запросам лишенных свободы.

Одной из мер по борьбе с бюрократизмом в местах лишения свободы советским правительством предусмотрено широкое вовлечение в работу этих учреждений представителей советской общественности на правах постоянно работающих, а не только от случая к случаю заседающих членов наблюдательных комиссий.

Борьба за подлинную советскую общественность в работе мест лишения свободы, борьба против старых традиций формально-трафаретного подхода к ходатайствам лишенных свободы — все это нашло свое известное отражение в рисунках 3 и 4.

Мы уже говорили, что «специфические» условия работы исправительно-трудовой системы таят в себе известную долю соблазна по части злоупотреблений отдельных должностных лиц, по части про-

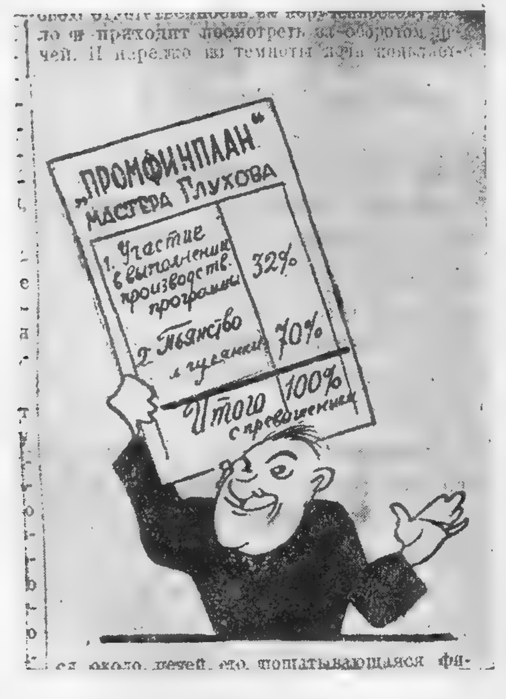

Рис. 5.

Рис. 6.

Рис. 7.

Рис. 8.

явления головотяпства и самодурства в отношении порученного им дела.

Печать лишенных свободы борется с этими отрицательными явлениями всеми способами, в том числе и путем карикатуры.

Вот например «промфинплан мастера Глухова», который сам за себя говорит и не требует особых пояснений о характере последовавших «оргвыводов» в отношении столь «активного» субъекта (рисунок 5).

Увлечение голым администрированием, при полном забвении задач производственного и политического воспитания лишенных свободы, привело Калязинскую колонию к глубокому прорыву по выполнению плана задания по добыче остро дефицитного для строительных работ гравия.

Этот факт послужил темой для заметок в республиканскую газету, одна из которых следующим образом объясняла действительную причину «оппортунистических темпов» (рисунок 6).

Особенно много и упорно пришлось и приходится бороться печати лишенных свободы за свое право быть организатором подлинно советских настроений передовой трудящейся части лишенных свободы в их борьбе с пережитками и традициями царской тюрьмы.

Зажим самокритики со стороны отдельных работников исправительно-трудовых учреждений, наплевательское отношение к печатавшимся на страницах газет материалам о непорядках или ненормальностях в работе — все это вызывало и вызывает самую резкую отпо-

Рис. 9.

Рис. 10.

ведь на страницах газет лишенных свободы с опубликованием в назидание другим соответствующих «портретов» (рисунок 7).

«В Барабинском домзаке силами заключенных издавалась стенгазета. Все чаще и чаще стали помещаться в стенгазете заметки о ненормальностях в домзаке.

На все заметки начальник домзака, Логинов, упорно отмалчивался, считая членов редколлегии неисправимыми бузотерами».

Но однажды это молчание было нарушено и «неисправимой» редколлегии был поставлен ультиматум: заметки о ненормальностях в работе надзора снять, заменить их новыми, так как иначе газета не увидит света. Дело это перешло в прокуратуру, которая сейчас же стала на защиту прав печати лишенных свободы.

Газета была вывешена без «коррективов» Логинова, которому за присвоение себе прав подобной цензуры было сделано внушение, а «портрет» его помещен во всеукраинской газете «Долой преступность».

В одном из юбилейных номеров газеты «К трудовому общежитию» приведена серия карикатур, изображающих, как на различных этапах и по-разному относились к печати лишенных свободы различные «обиженные» ею люди.

Одни просто игнорировали эту печать и считали ненужным хламом. Другие даже не выбирали газет с почты. Третьи, увидя в газете описания собственных «художеств», считали ее вредным «новшеством», место которому не в руках лишенного свободы.

Были и такие, которые пускали газету в обращение, предваритель-

Рис. 11.

Рис. 12.

но вырезав все, что касается жизни данного места лишения свободы. См. рисунки 8, 9, 10, 11.

Борьбе с классовым врагом, умеющим и лишение свободы использовать порой себе на благо, посвящены рисунки 12, 13.

«Дело лишенного свободы Пискунова Василия Ивановича» служит иллюстрацией к весьма поучительному, и не только для исправительно-трудовой системы, фельетону об искривлениях классовой линии в работе Таганрогского исправдома.

«Дело Пискунова» ярко вскрывает, как хитер и пронырлив классовый враг, как ловко умеет он использовать любую возможность для перекрашивания в защитный цвет, любую, самую узенькую щелочку, в которой можно тепло и укромно укрываться, а главное незаметно продолжать вредить советскому государству.

Рис. 13.

Есть у этого дела и вторая своя сторона, которая наглядно учит тому, что классовая борьба не прекращается вынесением классовому врагу судебного приговора, но что для некоторых из них она продолжается в своеобразных формах и в месте лишения свободы.

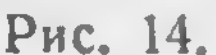

Рис. 14.

Рис. 15.

Для иллюстрации этих возможных форм, которыми классовый враг пользуется, мы приводим выдержку из фельетона:

«Вас. Ник. Пискунову в 1929 г. было 44 года. До революции он был торговцем, имел мануфактурно-бакалейную лавку и 75 га земли... После революции пришлось изменить амплуа, и гр. Пискунов состоял председателем артели «Земля и труд» в с. Большая крепкая Донской области. Собирая денежные суммы с членов артели, Пискунов занимался куплей и перепродажей скота, делами артели не интересовался, благодаря чему бедняцко-середняцкая часть села осталась без пахоты. В 1928 г. Пискунов получил в порядке планового госснабжения 2½ тонны озимого посевного материала для засева 18 га. Но засеял только 7½ га по 0,9 пуд. на каждый. Остальное зерно продал частнику». За все это злостный кулак Пискунов был водворен в сентябре 1929 г. на 2 года в исправдом. Канцелярия исправдома завела на Пискунова личное дело за № 591, на синей обложке которого значилось: «В. А. Пискунов, по профессии хлебороб, имущественное положение—бедняк, вторично по профессии—тракторист». Начальник Таганрогского исправдома «определил» Пискунова в третью категорию (как трудящегося), исходя из каких соображений — неизвестно. Наблюдательная комиссия зачитывала регулярно Пискунову трудодни, а комиссия по разгрузке перевела его 27 апреля 1930 г. на принудработы, о чем имеется удостоверение с двумя неразборчивыми подписями, и небезынтересное заявление Пискунова: «...работал по 12 часов в сутки ежедневно в качестве тракториста и, на основании правительственного распоряжения о коллективизации, прошу о досрочном освобождении меня».

Рис. 16

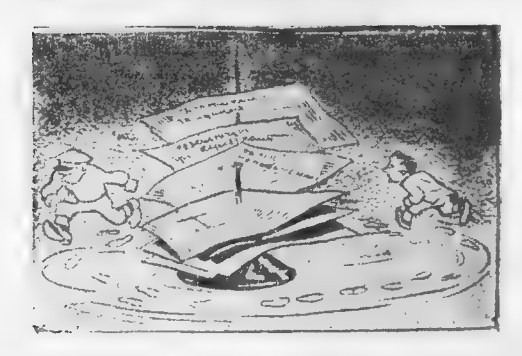

Рис. 18.

Культробота по Брацлавському

Рис. 17.

Кулак, преобразованный волей судеб и администрации Таганрогского исправдома в тракториста, отбывал принудительные работы в совхозе № 1-В при ст. Степной.

Имеется в деле и такой документ: «Телеграмма. Из Степной в Таганрогский исправдом. Срочно разыщите Пискунова. 25 августа выехал купить тракторные части, взял 100 рублей казенных денег и не вернулся. Трактора стоят. Блавко». И дальше: «учитывая добросовестное отношение к делу, работу по 16 часов в сутки», бюро принудработ зачлю Пискунову рабочие дни и освободило досрочно 11 октября 1930 г., оставив в качестве исторического документа обложку с дела № 1269, на которой ко всему прочему значилось, что освобожденный — бывший член ВКП(б)»[1].

Пискуновская история в практике работы Таганрогского исправдома к сожалению была не единичной на Северном Кавказе в дни бешенного классового натиска кулачества и белогвардейского охвостья, боровшегося с дикой ненавистью против сплошной коллективизации этого края.

Как это ни странно может показаться, но против искривлений классовой линии в Таганрогском исправдоме выступила местная стен-

[1] «К трудовому общежитию» за 1931 г., из фельетона лишенного свободы Степана Жизнева.

газета лишенных свободы. Не добившись результатов на месте, она весь материал об искривлениях довела до сведения республиканской газеты «К трудовому общежитию», которая, проверив факты, опубликовала их с требованием ко всем местам лишения свободы РСФСР: «В кратчайший срок ликвидировать классовые искажения в исполнении приговоров».

Почему могут быть подобные «чудесные превращения» кулаков Пискуновых в бедняков, в бывших членов ВКП(б) и т. п., об этом говорит «портрет» «Святого начканца Орлова».

«На должность начальника канцелярии Калининского домзака назначен бывший дьячек Орлов, который два раза судился за взяточничество и лишь в марте 1931 г. освобожден из-под стражи.

В домзаке Орлов пользуется большим доверием у администрации и использует это доверие для оказания всяких привилегий классово чуждому элементу. По протекции Орлова пользуются свободным выходом в город бывшие купцы Акульшин и Шувалов и сын попа Болотов».

Борьбе за режим экономии, за бережное отношение к государственным средствам посвящен рисунок 14, изображающий бесталанную администрацию Пугачевского исправдома после очередной неудачной покупки автомобиля, безрезультатный ремонт которого стоил столько, сколько не стоила новая машина.

Но бесхозяйственно относятся отдельные работники не только к государственным средствам, но и к рабочей силе лишенных свободы.

До какого крайнего головотяпства они иногда могли доходить показывает рисунок 15 «Рационализация по-крюковски» со следующим вразумительным пояснением корреспондента:

«В Крюковской колонии изобрели особый способ «механизации» водоснабжения производства.

Из дальнего пруда в ближайший воду перекачивают пожарным рукавом, а из ближнего в колодец переливают черпаками».

Рисунки 16, 17, 18 показывают отдельные персонажи культработников и их понимание «содержания» ликбезовской клубной и библиотечной работы.

Использование лишенных свободы на различных участках работы исправительно-трудовых учреждений, начиная от института самоохраны (в СССР очень многие места лишения свободы охраняются самими же лишенными свободы) и кончая функциями распоряжения материальными ценностями, не обходится без того, чтобы на эту работу кое-где не пролезали люди, желающие продолжать воровство, хищения, вымогательства, хулиганство, бюрократизм и на этом новом своем поприще.

Как же выглядят конкретные подвиги таких конкретных «героев»?

«Культурник Никитин», рисунок 19. «Какой культработой он занимается никто собственно не знает. «Известен» Никитин только как человек, получающий для лишенных свободы деньги, ценные письма и посылки, на которые он накладывает пошлину: 30—40% содержимого

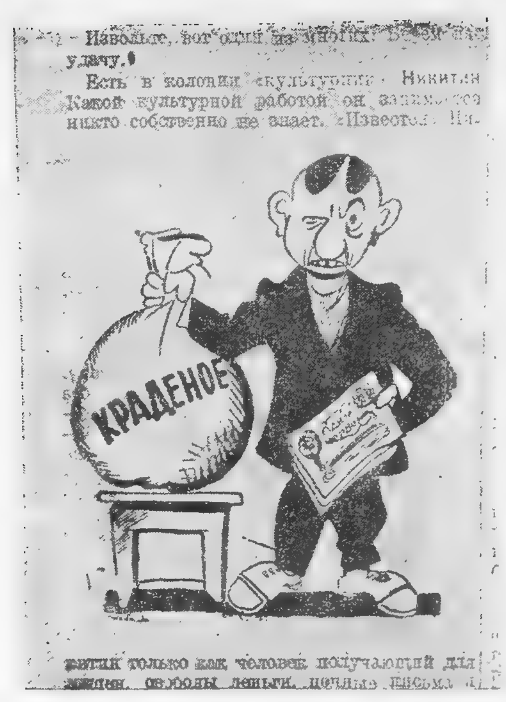

Рис. 19.

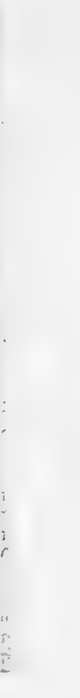

Рис. 20.

он оставляет за собой. Удивительно ли, что нередко его мертвецки пьяным поднимают в лесу около колонии».

«Снимите хулигана», рисунок 20. «В Чусовской колонии используется на должности инструктора политико-воспитательной части хулиган Лаптев, осужденный по 74 ст. (хулиганство). Лаптев своими хулиганскими выходками и площадной бранью срывает все начинания актива как по политико-воспитательной, так и производственной работе».

«В Курский домзак поступил для отбытия меры социальной защиты П. А. Смирнов (рисунок 21). Будучи юристом по образованию, он сразу начал проявлять «активность» на общественной работе, пролез в политико-воспитательную часть, где его выдвинули руководить юридическим бюро. Смирнов решил использовать эту работу в личных интересах и начал брать с лишенных свободы плату за оказание юридической помощи... и за короткое время «заработал» таким образом 245 рублей. Однако не долго пришлось орудовать этому проходимцу. Его накрыл товарищеский суд, который вынес постановление: просить администрацию домзака не зачитывать Смирнову трудодней, отстранить от общественной работы, а набранные им путем вымогательства 245 рублей передать на усиление культработы» [1].

Бесспорно, что разоблачения подобного рода воспринимаются без всякого удовольствия и не только задетыми непосредственно, но и теми, у кого есть основания бояться за свои «темные махинации». А отсюда враждебное отношение к газете, которое иногда облекается и в такую форму, когда газета не доходит до читателей потому,

[1] Текст этих трех заметок взят из «К трудовому общежитию» за 1932 г.

Рис. 21.

Рис. 22.

что лишенные свободы канцеляристы «борются» за режим экономии в расходовании бумаги, используя свежие номера республиканской газеты для... оберток.

Вот как, например, выглядит один из них (рисунок 22), дающий объяснение республиканской газете с чувством необычайного достоинства, канцелярской вычурности и «понимания» обращения ЦК ВКП(б) об экономии бумаги.

«Канцелярия Острогожского домзака не пропустит зря и клочка бумаги без использования, дабы был меньше ее расход ввиду кризиса, и канцелярия использовала этот номер в связи с рационализацией бумаги...» [1].

«В царской тюрьме не было жизни: она проходила где-то мимо...» Для определения пребывания в дореволюционной тюрьме на языке ее обитателей существовали вместо слова «жизнь» другие более отвечающие действительности выражения: «мы не живем, а прозябаем», «колодою гнием, упавшей в ил» [2].

История развития печати в советских местах лишения свободы, ее многообразная живая работа — самый яркий, правдивый документ, свидетельствующий о том, что для трудящихся Советской страны жизнь не только не проходит мимо даже и в период лишения свободы некоторых из них, но что они сознательно и коллективно отзываются на

[1] «К трудовому общежитию» за 1932 г.

[2] Теодорович, Тюрьма в отражении дореволюционной поэзии, «Проблемы преступности» № 4, стр. 85.

20*

все волнующие их в этой жизни вопросы, активно борясь за улучшение этой жизни и за переделку в новом направлении самих себя.

В этом смысле глубочайший интерес представляет для исследования творческая деятельность лишенных свободы во всей многогранности ее проявлений, ибо и в этих проявлениях невольно чувствуется дыхание новой человеческой эры, имя которой — социализм.

А. Шестакова

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ

Борьба с преступностью среди юношества в капиталистических странах неотделима от общего состояния, в котором находится вся рабочая молодежь в капиталистическом обществе.

Развитие капитализма по своей природе обрекает юное поколение пролетариата и трудящихся на путь физического и умственного вырождения через пауперизм, безработицу, проституцию, преступность.

В условиях всеобщего мирового кризиса этот процесс особенно обострился, захватывая все новые и новые миллионы молодых рабочих и крестьян.

Беспризорность детей и подростков в последней стадии капитализма стала «нормальным бедствием» в потрясающих размерах не только для стран побежденных, но и для стран-победительниц в мировой войне 1914—1918 гг.

Дети и молодежь становятся угрозой, кошмаром для современного капиталистического правопорядка, ибо «в такой же мере, в какой растет пауперизм, растет и преступность и деморализуется сам источник жизни народа — молодежь» [1].

Эти бессмертные слова Карла Маркса грозно оживают в горьких признаниях либеральных капиталистических деятелей, которые с ужасом видят и чувствуют, что история бьет капитализму его последний час.

«Предстоит суровая зима. Бандитизм и грабежи увеличиваются.. Расправа английских полисмэнов при помощи резиновых дубинок будет расти, потому что люди не хотят спокойно умирать с голоду среди роскоши и богатства. Но самое тяжелое будущее ждет молодежь, которая все глубже и глубже опускается на дно нищеты [2].

Состоявшаяся 7 декабря 1931 г. в Берлине всегерманская конференция различных общественных организаций в связи с тяжелым положением детей и молодежи в Германии была «вынуждена бить в набат», к которому «власти и парламент», как и следовало ожидать, отнеслись

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VI, стр. 351.

[2] Из письма Джорджа Ленсбери в редакцию «Таймс» от 11 октября 1932 г.

весьма и весьма хладнокровно. Более того, буржуазное государство словно в ответ на это срезало кредиты по тем самым параграфам бюджета, которые предусматривали и без того более чем скудные расходы на охрану жизни и здоровья детей трудящихся и на пособия юным безработным.

И это происходило и происходит в такое время, когда по признанию участников конференции: «... Безрадостные раздраженные миллионы семей безработных гонят детей и подростков на улицу, где в их раннем сознании растет и крепнет убеждение в никчемности жизни. Радость и детская беспечность исчезают у юношества, которое до крайности озлоблено и настроено противообщественно» [1].

Но могло ли иначе поступить буржуазное государство, когда в стране имелось и имеется свыше трех миллионов безработной молодежи и подростков, из которых два миллиона ни одного дня не были до этого на производстве и не имеют перспективы когда-нибудь туда попасть, когда налицо «рост юношеской преступности, ранней детской проституции и становящейся обычным явлением половой заброшенности детей» [2]. Конечно нет, так как в этот последний час, который история бьет всему капиталистическому миру, буржуазия уже больше «неспособна к господству, потому что она не может обеспечить своему рабу даже его рабское существование, потому, что она вынуждена довести его до такого состояния, в котором она должна кормить его, вместо того, чтобы существовать на его счет» [3].

И не мудрено, что в это время жуткая картина нужды и медленного голодного умирания целого поколения трудящейся молодежи характерна не для одной только Германии.

Беспризорна и заброшена трудящаяся молодежь не только в побежденной Германии.

Примерно такая же картина и в САСШ, в жизни которых во второй половине 1932 г. было отмечено такое явление, как сотни тысяч беспризорных подростков.

«Новое бедствие постигло Америку — чудовищная беспризорность. Бандами, обычно в 20—30 человек, бродят по всей стране беспризорные дети в возрасте от 10 до 16 лет. Все помыслы их направлены к тому, чтобы путем кражи или грабежа раздобыть себе пищу... Ни одна ферма, ни одно поселение не могут считать себя в безопасности. Банды беспризорных идут, как саранча, из крупных городов Востока и Запада, направляясь на Юг, главным образом в Калифорнию, которая притягивает их благодаря своему теплому климату» [4].

И словно в подтверждение огромной социальной глубины и размеров

---

[1] Из воззвания конференции, помещенного в журнале „Zentralblatt für Jugendrecht und Jugendwohlfahrt“ 1932 г. № 10—11, стр. 394

[2] Из отчета конференции, помещенного в журнале „Zentralbaltt für Jugendrecht und Jugendwohlfahrt“ 1932 г. № 10—11, стр. 392—3.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест коммунистической партии», Сочинения, стр. 494.

[4] Берлинская газета „Tägliche Rundschau“ № 219 от 17 сентября 1932 г.

бедствия, мы читаем в полицейских отчетах такие неутешительные выводы: «Наши расследования показывают возрастающую среди молодежи тенденцию вступления на путь преступности. Преступники среднего возраста почти исчезают из полицейских дел и заменяются преступниками, едва перешагнувшими детский возраст. Средний возраст лиц, задержанных в Филадельфии в 1931 г. за бандитские преступления, равнялся 21 году»[1].

Об этом же свидетельствует и отчет начальника полиции города Нью-Йорка — Эд. Мульруни за тот же 1931 г. «Наиболее беспокойным для полиции фактом является незрелость значительного большинства более серьезных преступников. В прошлые годы серьезный преступник представлял собой человека среднего возраста, алкоголика, имеющего большой преступный опыт и ограничившего свою деятельность каким-либо специальным типом преступлений. В настоящее время мы имеем обратное. Список тяжких преступников состоит из молодежи в возрасте от 17 до 21 года, свыкшейся с преступностью и спокойно и хладнокровно рассказывающей в присутствии посторонних и представителей печати самые мельчайшие подробности о замышленных и выполненных ими жестоких преступлениях».

А за всеми этими «признаниями» и «выводами» стоят 180 миллионов человек[2] в цивилизованных странах Европы и Америки — эта огромная армия безработных и их семей, которую капитализм в смысле жизненного уровня поставил «в положение, могущее удовлетворить только животных (Энгельс).

Каким издевательством должен звучать для этих десятков и сотен миллионов голодающих людей изданный несколько лет тому назад Лигой наций следующий «благородный» документ.

ЖЕНЕВСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

«Настоящей декларацией прав ребенка, именуемой «Женевской декларацией», мужчины и женщины всех наций, признавая, что человечество обязано дать ребенку лучшее, чем оно владеет, провозглашают своим долгом привести в исполнение этот принцип без различия племени, народности и верований:

1) Ребенку должна быть предоставлена возможность нормального развития как материального, так и духовного.

2) Голодный ребенок должен быть накормлен; больного ребенка следует лечить, отсталого — поощрить, дефективного — перевоспитать; сироту и беспризорного ребенка следует приютить.

3) Ребенку должны помочь в первую голову во время народных бедствий.

4) Ребенок должен быть подготовлен зарабатывать насущный хлеб; он должен быть защищен от всякой эксплоатации.

---

[1] Из годового отчета начальника полиции города Филадельфии (из «Бюллетеня Госинститута уголовной и исправительно-трудовой политики при НКЮ» 1932 г. № 4).

[2] «Правда» № 298 от 28 октября 1933 г., стр. 3.

5) Ребенок должен быть воспитан в том сознании, что его лучшие силы должны быть посвящены на служение своим братьям».

Этот документ, как и все документы и декларации Лиги наций, не мешает капиталистической действительности развиваться в ином направлении.

Да и в самом деле, разве трогают Лигу наций такие факты, когда в Британской Индии в 1932 г. приговаривают и сажают в тюрьмы детей 8 и 10 лет за распространение революционных листовок. Или когда, например, во французском Индо-Китае 11-летнего ребенка сажают на 6 месяцев в ужаснейшую тюрьму города Ванха только за то,.. что его родители — коммунисты, которых европейские «цивилизаторы» перед этим незадолго казнили. Этот несчастный ребенок сидел в абсолютной темноте, в невероятном смраде, прикованный в числе других 200 заключенных к одному длинному железному пруту, на котором ежедневно висело несколько трупов умерших заключенных, остававшихся прикованными к своим живым товарищам [1].

Но не менее жестоко расправляется буржуазия с голодными подростками, которые нуждаются в «хлебе насущном», и у себя дома в метрополии.

На весь мир прогремел такой вопиющий факт, разыгравшийся в 1932 г. в «День благоденствия» в САСШ, когда делегацию детей и их родителей, принесших петицию о голоде и потрясающей нищете американских детей, встретили отряды полицейских... с бомбами слезоточивых газов.

В «свободной» Франции хватают на дорогах детей рабочих и крестьян и как не имеющих документов не только сажают в тюрьмы на основании действующего с 24 марта 1924 г. закона о бродяжничестве, но и в дальнейшем учитывают такое задержание при определении рецидива или профессиональной преступности, что в современной капиталистической действительности нередко является решающим для осуждения к пожизненному заключению как рецидивиста.

Об этой возмутительной практике задержания детей мы имеем такое авторитетное свидетельство, как выступление в 1931 г. одного из депутатов (Блак-Белера) во французской палате депутатов по докладу министра юстиции: «Дело не в том, чтобы оправдать молодых преступников, — говорил этот депутат, — напротив, они должны стать объектом особого надзора и справедливой, даже строгой репрессии. Но большинство малолетних осуждено за бродяжничество. Ведь вам известно, господа, что каждый ребенок, которого встретят бродяжничающим по большой дороге, хотя бы с самыми благими намерениями, даже если крайне тяжелые обстоятельства заставили его покинуть свой кров, может быть посажен в тюрьму и, если он действительно окажется на улице без денег, его сажают в тюрьму» [2].

---

[1] «Правда» от 22 декабря 1932 г.

[2] Парламентские отчеты за 1931 г. в переводе С. А. Укше. Рукопись в библиотеке Государственного института по изучению уголовной и исправительно-трудовой политики при НКЮ РСФСР.

В октябре 1920 г. величайший гений и вождь мирового рабочего движения Ленин характеризовал Версальский мир как мир хищников, обрекающих детей Германии и Австрии на голод и голодную смерть.

«Версальский договор это есть договор хищников и разбойников. Когда нам навязали Брестский мир, под игом которого мы были столько времени, тогда во всем мире кричали, что это мир грабителей. Когда была побеждена Германия, Лига наций, воюя против нее, кричала о том, что эта война освободительная, демократическая. Германии был навязан мир, но мир этот был ростовщический, мир душителей, мир мясников, потому что они разграбили и раздробили Германию и Австрию. Они лишили их всех средств жизни, *оставили детей голодать и умирать с голоду*... Это неслыханный, грабительский мир, который десятки миллионов людей, и в том числе самых цивилизованных, ставит в положение рабов. Это не мир, а условия, продиктованные разбойниками с ножом в руках беззащитной жертве» [1].

В свете этого всемирно-исторического прогноза экономических и политических последствий Версаля совершенно понятно, почему проблема детства и юношества, проблема молодого поколения и его места в жизни стоит перед побежденной капиталистической Германией как одна из самых трагических проблем немецкого народа, которую он сможет разрешить только на путях пролетарской революции, только в результате установления в Германии диктатуры пролетариата.

Все чаще и чаще раздаются в среде буржуазных либеральных педагогов беспомощные голоса о невозможности воспитывать в социально-пустом пространстве. Нужно дать юношеству социальный идеал, жизненную перспективу, без которой сегодня невозможно воспитывать молодежь, ибо «нуждающаяся в попечении молодежь вовсе не является духовно и физически больной ни целиком, ни в главной своей массе, а больна она социально» [2].

Какова жизненная перспектива у современной германской молодежи, об этом мы узнаем из следующего беспомощного, хотя и откровенного признания:

«Задачей социального воспитания в настоящее время является также воспитание для безработицы, это звучит абсурдом, но социальное воспитание не может ничего изменить в том, что приходится считаться с возможной длительной безработицей.

Оно должно воспитать напряжение и мужество справиться с этим фактом...» [3].

А наряду с этим поднявшая голову черная реакция устами националиста, бывшего имперского министра внутренних дел г. фон-Гайля, перед уходом его в отставку в июле 1932 г., бросила такой беспримерно наглый вызов пролетарскому юношеству: «мягкость и слишком да-

---

[1] Ленин, т. XXV, стр. 417—418 (курсив мой. — *А. Ш.*).

[2] Из статьи Гейна Якоби, Необходима ли постановка новых целей в области социального воспитания? в журнале „Zentralblatt für Jugendrecht und Jugendwohlfahrt“ за 1932 г.

[3] Там же.

леко идущий учет каждой индивидуальной склонности неуместны по отношению к такой молодежи, которую жестоко схватит жизнь»[1].

А отсюда введение германскими фашистами розог, муштры, «закона божьего» в немецких народных школах и казарм, именуемых лагерями «добровольной трудовой повинности» — этого последнего слова... господской педагогики для голодающего юношества Германии.

Поколению, которое на своем хрупком детском организме выносило мучительнейшие последствия чудовищного преступления богачей, разыгравшегося в августе 1914 г.[2],— этому поколению буржуазное общество под завесой женевских словоблудий о «великих» и «святых» обязанностях по отношению к детям открывает в третьей гитлеровской империи такую «блестящую» перспективу, как розги в детстве, казармы и тюрьмы в отрочестве, окопы и виселицы в юношестве.

Но и этого мало озверевшей реакции. И последние буржуазные пророки вытаскивают на сцену пыльные, хламные теории о перенаселении, в котором и только в нем, в этом якобы чудовищном биче современного человечества и культуры, причина всех причин и в том числе причина потрясающей нужды миллионов и потрясающей роскоши единиц. «Европа уже перенаселена, да и мир скоро будет перенаселен. Если производство самих людей не будет рационализировано так же, как начинают рационализировать труд—война неизбежна. Регламентации здесь не избежать»[3]. Так в 1932 г. заявляет 73-летний Анри Бергсон, один из виднейших философов буржуазии эпохи ее упадка и деградации.

«Если бы в Германии ежегодно рождался миллион детей и из них от 700 до 800 тысяч слабейших устранялись от жизни, то от этого пожалуй в конце концов могло быть в результате даже усиление расы»[4]. Так дословно в 1929 г. на партийном съезде националсоциалистов в Нюренберге выступали «вожди» этой партии, тоже претендующие на «опекунство» германского юношества.

Как практически мыслилось уже в 1930 г. это «оздоровление» немецкого народа некоторыми «теоретиками» германского фашизма об этом «красноречиво повествуется в «Восточногерманском наблюдателе»: «Все дети, которые были зачаты в результате изнасилования немок, должны быть умерщвлены. Дети, облик которых указывает на происхождение от отцов негритянской, восточной, ближнеазиатской или семитской расы, должны быть равным образом убиты в целях воспрепятствования новому проникновению в народный организм расово-плохой крови и плохих духовных способностей. Матери ублюдков должны быть кастрированы»[5].

---

[1] Из письма фон-Гайля к министрам просвещения стран, входящих в Германию. Цитирую по „Berliner Tageblatt“ № 357 от 29 июля 1932 г. из статьи „Gayl über Jugenderziehung“.

[2] Империалистическая война 1914—1918 гг.

[3] Henri Bergson „Les deux sources de la morale et de la réligion“ Париж, 1932 г. Цитирую по статье Э. Кольман, Человечество стонет под бременем прогресса... «Правда» № 143 от 25 мая 1932 г.

[4] „Der Weg der Frau“ № 9 от 1 сентября 1932 г., стр. 9.

[5] Орган национал-социалистов „Der Ostdeutsche Beobachter“ 1930 г. № 2.

А отсюда «знаменитый» проект уголовного закона, внесенного фашистами в рейхстаг 12 марта 1932 г., примерно за год до своего прихода к власти, о запрещении брака между немцем (немкой) и лицом чужой расы и об уголовном преследовании за нарушение этого запрета с карательной санкцией для нарушителя немецкой расы — тюрьмой, а для лица другой расы — каторжной тюрьмой.

В настоящее время этот проект является уже официальным проектом фашистского правительства. На происходившем недавно в Лейпциге съезде националсоциалистов-юристов обсуждение этого документа стало основным в порядке дня съезда.

Интересно отметить, что этому проекту закона предварительно предшествовал приказ гитлеровского штаба от 31 декабря 1931 г. (опубликован в «Dortmunder Generalanzeiger» от 12 января 1932 г.), которым для членов штурмовых отрядов и членов националсоциалистических партий, не состоящих в браке, вводилось запрещение вступать в брак без соответствующего разрешения особо-организованного «Расового ведомства» (Rassenamt) с угрозой, что в случае невыполнения этого приказа виновные будут исключаться из членов отряда со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В атмосфере чудовищных проектов о массовом детоубийстве, о кастрировании миллионов людей, в атмосфере невероятного обнищания десятков миллионов безработных и одичания их детей — в этой атмосфере «либеральная» тактика буржуазии в вопросах уголовной и тюремной политики теряет свои последние покровы внешней гуманности, и «воспитательные системы» и приемы исправления молодых «преступников» вскрываются в их подлинном классово обнаженном и неприкрашенном виде.

В предисловии к литературно-художественному альманаху «Вчера и сегодня» [1],— авторами и организаторами которого являются бывшие правонарушители и беспризорные, — Алексей Максимович Горький приводит выдержку из одной буржуазной газеты за 1931 г. о состоянии исправительных учреждений для несовершеннолетних в Америке:

«Нью-Йорк, 9 июля. Комиссия, специально назначенная для обследования тюрем для малолетних преступников, раскрыла такие ужасы, которые заставляют вспомнить средневековье. Более двух тысяч несовершеннолетних преступников обоего пола подвергались в исправительных тюрьмах немилосердному избиению и разного рода наказаниям за малейший проступок. Мальчиков и девочек наказывали плетьми, сажали в ледяную воду, в темные карцеры на хлеб и воду и всячески издевались над ними, доводя некоторых до самоубийства. В отчете комиссии, представленном президенту Гуверу, говорится, что от пребывания в таких исправительных заведениях несовершеннолетние преступники не только не исправлялись, но, наоборот, выходили оттуда озлобленными и развращенными».

Но даже и в тех редких счастливых случаях, когда молодым людям удавалось все же выскочить из исправительных заведений не только фи-

[1] Издание ГИХЛ, Москва — Ленинград, 1931 г.

зически не искалеченными, но и получившими даже кое-какую квалификацию, их ждала на свободе неприглядная участь «лишних людей», как в фокусе отражавшая все лицемерие и ханжество буржуазной системы «исправления».

Уже в конце XIX столетия в книге воспоминаний американца Эль-Дженингса, отбывавшего вместе с выдающимся американским писателем О. Генри тюремное заключение в каторжной тюрьме штата Огайо, дан такой типичный для капиталистического строя случай жизненной карьеры бывшего воспитанника исправительного заведения для несовершеннолетних Дика Прайса.

«И вот случилось однажды, что изголодавшийся маленький оборвыш забрался в ларек и стащил оттуда коробочку бисквитов ценою в 10 центов.

— И за это меня на всю жизнь упекли в этот ад... А ведь я мог употребить ее на что-нибудь путное, если бы мне дали только возможность...

— На суде сказали, что моя мать не умеет смотреть за мной и меня послали в Мэнсфильдское исправительное заведение, откуда я вышел восемнадцати лет с дипломом механика в кармане. Оказалось, однако, что диплом этот не имеет ни малейшей цены...

Ему (Дику Прайсу) никак не удавалось найти работы. Его познания в механике позволяли ему с легкостью открыть любой замок и вот он взломал кассу, забрал оттуда несколько сот долларов, но попался и угодил в тюрьму. Та же самая история повторилась после того, как его выпустили на волю. Никто не давал ему работы. Несчастному не оставалось другого выхода, как умереть с голоду или красть. Он взломал еще одну кассу, был опять пойман и осужден на пожизненное заключение» [1].

В подтверждение полного банкротства системы реформаториев в САСШ обращают на себя внимание интересные цифры, приведенные в работе супругов Глюк (500 criminal careers), посвященной изучению жизненной карьеры 510 воспитанников Массачузетского (САСШ) реформатория, условно-освобожденных из него в период 1911—1922 гг.

Из этих цифр мы узнаем, что только 17% (и то по отзывам реформатория) [2] получили в исправительно-трудовом заведении достаточную квалификацию. Почему так ничтожен процент воспитанников, получающих достаточную квалификацию в реформаториях одной из самых передовых индустриальных стран, нам становится ясным из отчета старейшего из мужских реформаториев — Эльмарского.

Это заведение учреждено в 1876 г. В отчете о его работе за 1930 г. (напечатан в 1932 г.) мы узнаем, что при средне-суточном заполнении Эльмарского реформатория около 1 500 воспитанниками для профессионального обучения этих людей имеется всего лишь 20 инструкторов

---

[1] Эль-Дженингс, О. Генри на дне, стр. 96.

[2] Glueck, Scheldon and Eleanor, 500 criminal careers, Нью-Йорк, 1930 г., стр. 162.

и для школьных занятий 6 педагогов. Как видим, цифры более чем скромные и не требующие комментариев.

Далее супруги Глюк установили, что за время испытательного срока водворены вновь в другие реформатории и тюрьмы 55,3% [1] всех освобожденных воспитанников.

Что же касается судьбы «удержавшихся» на свободе в течение испытательного срока, то из них за пятилетний период по окончании наблюдения совершили новые преступления 80% [2]. Таким образом мы видим, что почти у 100% бывших воспитанников Массачузетского реформатория жизненная карьера оказалась в конце концов такой же, как и у бедного Дика Прайса, воспитанника Мэнсфильдского реформатория, который, умирая в 36 лет от тюремной чахотки — результата почти двадцатилетнего пребывания в тюрьме, с горечью подытоживал свою нерадостную жизнь:

«Подумай только, Эль, я никогда не видел океана, никогда не пел, никогда не танцовал, никогда не был в театре, никогда не видел хорошей картины, никогда не любил... Да, да, Эль, ведь я ни разу за всю мою жизнь не заговаривал с девушкой. Никогда ни одна женщина не бросила на меня ласкового взгляда. Мне хотелось бы знать, для чего я только родился» [3].

Дик Прайс и воспитанники, обследованные супругами Глюк, жили в Америке, которая еще не пережила своего экономического расцвета, своего «просперити».

Не трудно себе представить, какое место в жизни ждет по выходе на свободу воспитанников исправительных заведений Америки сегодняшнего дня, которую мировой экономический кризис буквально потрясает до основания и в которой не то что какие-то недоучки — воспитанники исправительных заведений, а инженеры, ученые и высококвалифицированные рабочие не находят больше спроса на свои знания и рады какой-нибудь хотя бы самой тяжелой и неквалифицированной работе.

А соответственно этому духу времени американские буржуа начинают в борьбе с беспризорностью прибегать к таким «педагогическим» проектам, как устройство концентрационных лагерей для заключения в них беспризорных детей [4], или, например, по соображениям режима экономии они не разрешают кочующим беспризорным подросткам задерживаться в городах свыше 24 часов.

А в результате:

«Не удивительно, что многие тысячи таких подростков изъездили по нескольку раз всю страну вдоль и поперек, так как ни в одном городе им не позволяют задерживаться. Если они хотят остаться там

---

[1] Clueck Scheldon and Eleanor, 500 criminal careers, 1930 г. стр. 162.

[2] Там же, стр. 184.

[3] Эль-Дженингс, О. Генри на дне, стр. 128.

[4] Проект такого решения был вынесен в 1932 г. на обсуждение правительства Калифорнии и был им принят.

на два-три дня, то им уже приходится ночевать в «джунглях», т. е. где-либо на задворках»[1].

Таково действительное лицо «исправительной» системы в САСШ, т. е. той страны, которая первая вступила на путь создания детских судов (1899 г.— Чикаго), «знаменитых» реформаториев (1828 г.— Филадельфия) и «республик детей» (1895 г.— Фривиль, штат Нью-Йорк)[2].

Говоря о постановке «исправительного воспитания» в Германии, мы ни на одну минуту не должны забывать, что нищету, голод и беспризорность миллионов детей и молодежи в Германии из года в год подготовляла немецкая социалдемократия, гордо провозглашавшая «великие заботы» о юношестве (а на деле руками социалдемократических министров грабившая это юношество в пользу своих господ: помещиков, промышленников и финансистов. Ведь никто иной, как правительство, возглавляемое социалдемократом Мюллером, приняло все меры к тому, чтобы охранить интересы буржуазно-помещичьей собственности за счет голодающих и гибнущих детей трудящихся масс Германии.

Перед уходом в отставку это позорнейшее правительство в 1929—1930 гг. даровало помещикам и промышленникам 1.385.000.000 марок, сняв эту сумму налогов с 7.580 богачей, обладающих миллионами, и переложив ее без зазрения совести на спины 22.000.000 рабочих и служащих в форме самых различных налогов на предметы первой необходимости и в первую очередь на хлеб.

Это ограбление трудящихся со стороны буржуазного государства, возглавляемого социалдемократами, происходило при одновременном наступлении буржуазии на заработную плату рабочих, на их социальные завоевания, на пособия безработным и в первую очередь на пособия рабочей молодежи, на школы и т. д.

И не мудрено, что у этих лакеев капитализма 754 полицейские собаки в Пруссии получали на свое содержание в 1932 г. по госбюджету Пруссии 460.000 марок или вдвое больше (250.000 марок), чем сотни тысяч школьников прусских народных школ получали на завтраки, хотя здоровье этих детей даже по официальному заявлению прусского министра благотворительности было ниже всякой критики. Если в 1929/30 г. из числа обследованных школьников только 35% могли быть признаны хорошо питающимися, то в 1932 г. хорошо питающихся школьников было всего лишь 12,5%.

В условиях капитализма вообще и в последней его стадии в особенности совершенно «нормален» рост детских правонарушений, как и рост в геометрической прогрессии числа детей, нуждающихся в заботах государства, в так называемом социальном воспитании.

Но при капитализме и в особенности в его последней стадии, независимо от того, стоят ли во главе государства социалдемократы или фашисты (это ведь не изменяет его эксплоататорской природы), ста-

[1] Из статьи «Армия бездомных подростков» американского социального работника Вайн Мак Миллена в журнале «Jurwey» за сентябрь 1932 г., стр. 389—394.

[2] Один из типов исправительных школ для подростков, организатором которых был В. Джордж младший, имя которого большинство из этих учреждений носит.

ло совершенно «нормальным» и такое положение, когда растущей нужде детей и молодежи капиталистическое государство не в состоянии уже ничего другого противопоставить кроме бешеного разгрома даже и тех немногих завоеваний в области так называемого детского права, которые удалось пролетариату отбить у буржуазии в эпоху расцвета ее «либеральной» тактики и господства формальной демократии.

Детские суды и исправительные учреждения для молодежи совершенно правильно охарактеризованы С. Булатовым как проявление этой «либеральной» тактики в вопросах уголовного права[1]. Искать большего в содержании этих лицемерно-филантропических мероприятий буржуазии, с помощью которых она искусно играла на малосознательности отсталых слоев пролетариата, это значит заниматься литературным шарлатанством, хотят ли этого субъективно или не хотят вступившие на этот путь.

Поэтому более чем странным кажется работа советских специалистов в области детского права проф. Люблинского и Копелянской, которые в 1924 г. с редкой наивностью «объективно» *описывали* буржуазную Германию, управляемую социалдемократами, этими палачами и предателями германского пролетариата, как страну, в которой «новая идея XX века о государстве как высшем опекуне ребенка, призванном к обеспечению необходимых условий для его правильного развития и воспитания, постепенно находит свое признание...[2].

Как бесконечно далек этот вздор от блестящих строк К. Маркса, написанных им уже 90 лет тому назад, в которых он издевался над «умниками», которые думают, что при сохранении в неприкосновенности частной собственности можно «упорядочить» воспитание детей, уничтожить нищету и безработицу трудящихся масс и беспризорность их детей, т. е. пауперизм, в котором «полная противоречия сущность частной собственности проявляется в самой осязательной, самой кричащей, непосредственно самой возмутительной для человеческого чувства форме»[3].

Разоблачая «литературное шарлатанство» Руге, этого провозвестника международного ревизионизма и оппортунизма, который в связи со стачкой силезских ткачей додумался в 1844 г. при господстве частной собственности до постановки таких вопросов: «Почему король прусский не отдал приказа об упорядочении воспитания всех беспризорных детей?»[4], Маркс писал: «Понимает ли «Прусак» (псевдоним Руге.— *А. Ш.*), какой приказ должен был дать король? Не больше и не меньше, как приказ об *уничтожении пролетариата.* Воспитывать детей — значит *кормить* их и освободить от необходимости *зарабаты-*

---

[1] С. Булатов. Уголовная политика в эпоху империализма, изд. «Советского законодательства», 1933 г., стр. 43—46.

[2] П. И. Люблинский и С. Е. Копелянская, Охрана детства и борьба с беспризорностью, стр. 18. в ст. проф. П. И. Люблинского, Новое германское законодательство об охране детства и суда для юношества.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Святое семейство. Сочинения, т. III, стр. 53.

[4] Цитирую по ст. К. Маркса, Критические примечания к ст. «Король Прусский и социальная реформа» (автор этой статьи Руге), Маркс и Энгельс, Сочинения, т. III, стр. 10.

вать свое пропитание. Прокормление и воспитание беспризорных детей, т. е. прокормление и воспитание *всего подрастающего* пролетариата, означало бы *уничтожение* пролетариата и пауперизма» [1].

Таким образом мы видим, как четко уже в своих первых работах Маркс ставил вопрос о беспризорности детей, рассматривая это явление классового общества как одно из тех неразрешимых противоречий капитализма, которое уничтожается только вместе с уничтожением капитализма, когда при помощи диктатуры пролетариата создается такой общественный строй, при котором уже не будет деления общества на классы, не будет бедных и богатых, а все граждане будут тружениками социалистического общества.

Только при социализме человечество будет в состоянии не только прокормить, но и так воспитать *всех детей,* чтобы сделать радостным и счастливым *все подрастающее поколение.*

Сейчас уже весь мир знает, какой «социализм» при сохранении незыблемости основ капитализма «подарила» пролетарскому юношеству германская социалдемократия, подготовившая своими провокациями и предательством приход к власти фашизма и кровавую расправу фашистов над беззащитными рабочими и их семьями.

Какую же политику проводила германская социалдемократия, будучи у власти, в части организации воспитания так называемых «испорченных» и «преступных» детей? Соответствует ли практическое проведение этой политики тому утверждению, что социалдемократическим политикам удалось осуществить в буржуазном государстве XX века идею «высшего опекуна ребенка», «призванного к обеспечению необходимых условий для его правильного развития и воспитания?»

Детские сады в Германии существуют в отдельных городах и местностях с 1908 г. Общеимперский же закон о создании детских судов был принят только 15 февраля 1923 г.

Основной принцип, лежащий в основе этого закона, покоится на той знаменитой оговорке, которая фигурировала в первоначальном проекте рейхстага и откровенно отражала не только «теоретические» взгляды буржуазии на воспитание пролетарских детей вообще, но и ее «социальный заказ» социалдемократическим министрам и чиновникам относительно линии поведения в отношении подростков, вступивших в конфликт с эксплоататорским правопорядком буржуазии.

Сохраняя тюрьму в качестве меры, применяемой детскими судами к 14—18-летним подросткам, этот проект рейхстага «либерально» декларировал, что: «Исполнение наказания в отношении несовершеннолетних должно быть построено так, чтобы оно способствовало его воспитанию *при сохранении всей серьезности наказания*» курсив мой.— *А. Ш.).*

Только после больших дебатов в специальной комиссии рейхстага оговорка «при сохранении всей серьезности наказания» была под давлением «либеральной» тактики снята на том основании, что воспитание несовершеннолетних, само собой разумеется, является делом весь-

[1] Маркс и Энгельс, Сочинения, т. III, стр. 11 (курсив Маркса — *А. Ш.*).

ма серьезным и включающим в себя моменты наказания. Это соображение становится совершенно понятным, если вспомнить, что германское законодательство довольно широко (по 50% дел, проходящих через детские суды) применяет к подросткам тюремное заключение, в том числе и долгосрочное, которое большинством из них отбывается при общих тюрьмах, хотя и в особых отделениях, но по условиям режима мало чем отличающихся от режима для взрослых заключенных. То же одиночное заключение, тот же одуряющий, утомительный и бесперспективный труд, сдобренный хорошей дозой религиозно-нравственных поучений и гнилой бурдой вместо пищи, те же дикие, бесчеловечные дисциплинарные истязания, с помощью которых доделывается разрушительная работа капиталистической тюрьмы над телом и духом юных пролетариев.

Кроме юношеских отделений при общих тюрьмах имеются в Германии еще и специальные юношеские тюрьмы, назначение которых такое же, как и отделений при общих тюрьмах: всей силой тюремной репрессии принудить молодых пролетариев безропотно умирать с голоду. И наконец, нельзя не упомянуть так называемых учреждений для принудительного воспитания. Это — тоже своеобразные детские тюрьмы, в которых по данным «Rote Fahne» на 1 января 1932 г. томилось около 100.000 молодых пролетариев. Большинство из этих учреждений с благословения и с попустительства социалдемократии находится в ведении религиозных общин. По одной только Пруссии в 1932 г. 20.464 подростка находились в учреждениях, подведомственных религиозным общинам, и только 5.103 — в ведении государственных учреждений

Ужасы, которым подвергаются дети, отданные на откуп и полный произвол церкви по соображениям, якобы, режима экономии, не в силах было скрывать даже буржуазное общественное мнение, которое под давлением коммунистической прессы вынуждено было заниматься той волной бунтов, которые по образному выражению Марты Арэндзее, как «крик замученного юношества», прокатились по всей Германии [1].

Вот, например, выдержка из статьи, относящейся к 1930 г., даже не коммуниста, а социалдемократа, бывшего директора Айзенахской юношеской тюрьмы профессора Курта Бонди, который вынужден был признать, что «беспорядки в Шеуэне (Scheuen)» [2] являются лишь одним из многих примеров. Все чаще и чаще в газетах — не только ком-

[1] „Berlin am Morgen“ № 92 от 20 апреля 1932 г.

[2] В этом исправительном учреждении произошел бунт ребят на почве плохого питания и тяжелой изнурительной работы. С пением революционных песен «Мы не боимся Цергибеля и его своры», «О. «Потемкин», ты гордость советского флота» и т. п., ребята в организованном порядке направились выручать девушек, находившихся в таких же условиях в соседнем с ними исправительном учреждении. Когда те, испугавшись, не присоединились к пришедшим ребятам, «повстанцы» повернули обратно к себе, но, не доходя до дома, были встречены своей администрацией, вооруженной резиновыми дубинками, и сворой собак. В результате усмирения беззащитных ребят — несколько человек оказались тяжело избитыми, а один умер от раны, нанесенной ударом по голове.

мунистических — появляются сведения о бунтах, об эксцессах и избиениях воспитанников педагогами.

...Мы имеем при этом в виду ставшие широко известными события в Берлинхене. Мы слышим также, что в учреждении Неандера в Гросс-Каммине воспитанники разбили окна и всю утварь, что в Неннингсмюле убежала из учреждения большая часть воспитанников, чтобы принести жалобу в министерство благотворительности, что в Линденгофе произошел крупный бунт, что в Вальдфридене близ Лихтенраде значительная часть воспитанниц напала на своих учительниц, что в Дрездене-Леубек подростки восстали и подожгли воспитательное учреждение, что в Шенбуле произошел бунт воспитанников вследствие дурного с ними обращения и что в учреждении им. Фреге в Лейпциге все здание было разрушено и подожжено воспитанниками из-за господствовавших там избиений. В учреждении им. Амалии в Юлиусбурге 18-летнего воспитанника в виде наказания заставили спуститься в люк уборной, чтобы достать оттуда папироску, которую он туда бросил... Руководитель дома им. Пия в Эберсбурге должен был сам признать, что он тяжело избивал розгами своих воспитанников» [1].

Таких фактов можно было бы привести еще и еще, но даже и перечисленных вполне достаточно для того, чтобы видеть, как буржуазия «воспитывает» и опекает пролетарское юношество, среди «преступлений» которого бывают довольно часто и такие как дела малолетнего Гейнца Моха из местечка Штаакен возле Шпандау и несовершеннолетнего Гюнтера Лауде из Берлина.

11-летний Гейнц Мох, сын рабочего, был заключен в 1932 г. в исправительное заведение только за то, что он неосторожно выбрал тему для своего школьного сочинения.

Вот как описывает этот случай в июльском номере «Правды» за 1932 г. (№ 187) Д. Заславский: «В классе ученикам предложили написать сочинение о какой-либо стране, по выбору учеников. Хорошие мальчики, пай-мальчики, дети послушных родителей выбрали хорошие страны: Германию, Англию, Францию, САСШ. А 12-летний Гейнц Мох дерзко выбрал Советский союз и написал о Советском союзе такое, что у ректора глаза едва не выскочили из орбит. Мальчик написал, что в Советском союзе нет безработицы и нет капиталистов.

— Гейнц Мох! — возгласил в негодовании ректор.— Откуда ты почерпнул такие сведения?

— Мне сказал об этом отец, — ответил Гейнц Мох.

— А твой отец откуда знает об этом?

— Мой отец ездил в Советский союз в составе первомайской делегации».

За это «тяжкое преступление» способного и прилежного 12-летнего ребенка прямо из школы отправили в приют для малолетних преступников и дефективных детей, тем более, что его мать, ревностная католичка, не возражала, а разошедшийся с нею отец маленького Гейнца, как свободомыслящий, лишен в данном случае отцовских прав.

---

[1] Журнал „Zentralblatt für Jugendrecht und Jugendwohlfahrt", 1930 г. № 5, „К критике социального воспитания", стр. 146—47.

Несмотря на скандальный характер этой истории, несмотря на то, что во главе Шпандау стоял в то время социалдемократ, маленький Гейнц из исправительного заведения выпущен не был.

14-летнего рабочего подростка Гюнтера Лауде 22 декабря 1932 г. упекли в Моабитскую следственную тюрьму, одну из самых страшных по суровости режима, только за то, что мальчик, который до 2 декабря был безработным и только 20 декабря получил с биржи направление на работу в типографию, пробегал мимо толпы голодных безработных, выбивших в тот день окна в одном из ресторанов, где им обещали выдать пищу, но не дали.

В полном одиночестве держали тюремщики и полиция маленького пленника Гюнтера Лауде, пытаясь с помощью страха ребенка перед жутким одиночеством камеры и даже с помощью специально рассчитанных на детскую психику провокационных приемов дознания пристегнуть его к делу о голодном бунте берлинских безработных.

Только энергичным вмешательством местной организации МОПР ребенок был вырван из этих жутких условий [1].

В фашистской Германии десятки тысяч молодых пролетариев томятся в концентрационных лагерях и вместе со своими старшими братьями и отцами по классу переживают кошмарные пытки и садистские забавы гитлеровских молодцов. Не одна сотня тысяч трудящейся молодежи брошена сейчас в Германии в особый вид военных тюрем, в эти «знаменитые» фашистские лагеря «добровольно-принудительной трудовой повинности». Можно себе представить, как «воспитывают» эту молодежь садисты и тайные убийцы из-за угла, носящие блестящие офицерские мундиры, если, придя к власти, они немедленно вынуждены были выступить с проектами законов, по которым бегство из лагерей и распространение тех или иных сведений, опорочивающих эти лагеря, карается тюрьмой. Молодость не избавляет пролетарское юношество и от топора фашистских палачей, и 18—19-летние пролетарии кладут свою голову на плаху возродившей средневековье фашистской юстиции.

Пролетарских детей, воспитывающихся во французских пенитенциарных школах, в исправительных колониях и просто в детских тюрьмах, известный парижский буржуазный журналист Луи Рубо не случайно назвал «детьми Каина».

«Быть может я не увижу детской каторги, — писал в своих первых фельетонах Луи Рубо, приступая к обследованию детских исправительных заведений Франции,— быть может не встречу палачей, но передо мною раскрывается бездна детского страдания» [2].

И дальше: «Я признаю, что Аннан (одна из французских исправительных колоний.— *А. Ш.*) является своего рода ремесленной школой, но школой жестокой, которая ничего не дает ни уму, ни сердцу.

Ремеслу можно научиться, работая в течение пяти лет по тринадцать, четырнадцать часов ежедневно, но так учатся и ненависти к тру-

---

[1] См. „Die Welt am Abend“ № 303 от 30 декабря 1932 г.

[2] Луи Рубо, Дети Каина, перевод с французского, издание «Мысль», Ленинград, 1926 г., стр. 16.

ду... Эйс и Клермон (детские тюрьмы для мальчиков и девочек.— *А. Ш.*) — очень оригинальные тюрьмы, куда сажают и невинных и преступных и откуда выходят апаши и публичные женщины»[1].

Этим журналистом верно схвачен не только сам факт жестокой эксплоатации детей в исправительных учреждениях, но и та для большинства из них единственная жизненная перспектива, которую им открывает по выходе на свободу капиталистическое общество. В этом смысле убийственный приговор, заключенный в приведенных выше словах Рубо, должен быть отнесен не только по адресу французской исправительной системы, которая является лишь частным случаем универсальной детской каторги, созданной капитализмом.

Труд детей и подростков при капитализме связан прежде всего с самой хищнической, самой жестокой и самой необузданной эксплоатацией. Он выматывает у подрастающего поколения пролетариата в кратчайший срок все его жизненные ресурсы, высасывает всю его молодость и делает детей преждевременными стариками. Да и не может быть иным детский труд при капитализме, так как в противном случае он немедленно потерял бы весь свой смысл. Поэтому и нет ничего удивительного в том, что во Франции при 8-часовом рабочем дне для взрослых дети в тюрьмах работают 13—14 часов.

Интересно отметить, как сами подростки оценивают свой труд в стенах исправительных учреждений. Луи Рубо приводит в своей книге стихотворение одного подростка, заключенного в детской тюрьме в Эйсе. С какой безнадежной тоской описывает этот юный поэт томительные часы, проводимые в мастерских:

И вот опять колокол: по мастерским пора.
Там плетем мы сетки: сегодня как вчера...
Противней работы не выдумать нарочно.
Чуть вспомнишь о сетках, делается тошно.
Глупый труд дурманит, подобно угару[2].

Этот угар, как проклятие, преследует детей тяжелым кошмаром даже во сне:

Запрут в дортуары нас, как птичек в клетки.
Заснем... и приснятся нам проклятые сетки.

Но ненависти к труду приучают не только в долгие часы плетения «проклятых сеток». Трудом наказывают детей, превращая его в средство истязания. Вот, например, как поведал Луи Рубо один из воспитанников исправительной колонии об этом дисциплинарном наказании, именуемом переноской песку: «Вы идете по военной дороге и спускаетесь на берег. Надо пройти сквозь тоннель, пробитый в скале; там есть лестница в 50 ступенек. Внизу вы наполняете ваш мешок песком или галькой, в среднем около 30 килограмм, вы кладете его на плечо и поднимаете... Какими длинными кажутся 50 ступенек, ваши плечи становятся багровыми»[3].

---

[1] Луи Рубо, Дети Каина, стр. 112.
[2] Там же, стр. 20—21 (курсив мой. — *А. Ш.*).
[3] Там же, стр. 63.

Причиняемые подростку этим «занятием» страдания не ограничиваются только физической болью. Он страдает не меньше, чем от багровых кровоподтеков, также и от дикой бессмысленности своего труда. Ведь поднимаемый им с такой мукой песок или галька никому не нужны!

Детские суды введены во Франции в 1912 г. Они введены, как и повсюду в капиталистических странах, якобы для того, чтобы сгладить «социальную несправедливость», которая обрушивается на детей рабочих, из среды которых в основном выходят малолетние преступники и бродяги.

Какими же методами осуществляются во Франции столь «высокие» и «гуманные» цели,— это мы видим из тех варварских дисциплинарных наказаний, которые всего лишь несколько лет тому назад были вскрыты Луи Рубо.

«Заведующий называет это «баней». В официальных отчетах, тщательно отредактированных, это именуется «дисциплинарный взвод». Но мы скажем, как все, «бал»... Цементный и паркетный пол. Овальная дорожка, по которой приходится бежать, не широка. Она не годится для состязаний, нельзя перегонять лидера и удаляться от веревки, иначе рискуешь упасть, так как бегущий упражняется на высоте 30 см от пола. Если он оступится, он разобьет себе нос о нижний пол, где стоят синие сторожа... А у синих сторожей крепкие подошвы на сапогах... Чтобы организовать «бал», необходимо по крайней мере 6 танцоров. Можно дойти и до 20. Круг начинается в 9 часов утра и кончается в 5 часов вечера, с часовым перерывом для завтрака. Нормальный ход 7—8 километров в час. Он нормируется надзирателем с часами и палкой в руках. Танцуют босиком, как в древности. Заведующий прав. При таком темпе «бал» быстро превращается в паровую баню. Кружатся, кружатся без конца. Вожак подгоняется палкой, а другим остается только приклеиться лбом к спине товарища и не отставать от него ни на один сантиметр. Во время паузы опускаются на центральный паркет и ложатся... Случается, что один из «танцоров» не слышит сигнала и продолжает неподвижно лежать на животе. Удар сапогом не пробуждает его. Его переворачивают на спину, и перед вами смертельно-бледное лицо и широко раскрытые, невидящие глаза» [1].

У девочек в Клермонской тюрьме вместо «бала» применяется смирительная рубашка. Иногда ее надевают за такой проступок, как танец казачка у своей постели.

«У нее два глухих рукава, стянутые тесемкой, куда запихивают концы пальцев, стягивая их, как можно сильнее.

Затем вам загибают руки назад в форме андреевского креста так, что левая рука приходится на правом плече, а правая на левом. Рукава перекидываются вперед, как скрещенные подтяжки, и обматываются вокруг талии. Достаточно стянуть талию и стягиваешь все тело.

Сторож тащит с одной стороны, надзирательница — с другой; если сильно стягивать, грудь сдавливается и фигура делается сгорбленной,

---

[1] Луи Рубо, Дети Каина, стр. 56—57.

как у старухи. Сперва задыхаешься, как от холодного душа, затем кровь бросается в лицо» [1].

Бывает, что эта экзекуция кончается смертью «усмиряемой», и тогда в скорбном листке помечается: «умерла от удара».

Невольно возникает вопрос, что достигается всей этой так садистски утонченно задуманной системой издевательств над подростками?

На это более чем исчерпывающий ответ дал директор одной колонии, которой Луи Рубо не посещал и фамилию которого он не захотел назвать.

«Все, что переживают наши дети, не имело бы значения, если бы их действительно спасали. Но я утверждаю и могу доказать, что все или почти все кончают Гвианой» [2].

И дальше:

«Если бы какой-нибудь гений зла стал искать состав бульона для культуры микроба порочности и преступления, он не мог бы найти лучшего, чем «исправительная колония» [3].

Борстальские учреждения в Англии, как и все подобные им учреждения в других капиталистических странах, — продукт «либеральной» тактики английской буржуазии.

Это — один из видов английских детских тюрем, в которые направляется молодежь в возрасте от 16 до 21 года по приговору судов без обозначения срока, но на время не менее года и не более трех лет. Само собой разумеется, что в этих заведениях, как и вообще во всех английских заведениях, занятых образованием, воспитанием и исправлением молодежи, излюбленным средством «воспитания» и «исправления» являются розги и плеть.

В классической стране развитого капитализма, в Англии, которая «была долгое время «фабричной мастерской» всего мира» [4], — в этой стране воспитанники государственных исправительных заведений, работая в мастерских с 6 часов утра и до отхода ко сну (перерыв вечером на час для игр), как правило не получают производственной квалификации и таким образом по выходе на свободу у большинства из них открывается такая же безрадостная жизненная перспектива, как и у воспитанников французских пенитенциарных школ, американских реформаториев и т. п.

Особенность этой исправительной системы, которая являла собой не только идеал английского буржуа, но и отвечала всему мещанскому и цеховому духу английской рабочей аристократии, метко подметил посетивший Англию немецкий работник социального воспитания В. Херст: «При характеристике борстальской системы я должен отметить следующие ее стороны, часто упускаемые из виду при ее изложении: 1. Учреждения и здания этих учреждений представляют собой *типические тюремные постройки*. 2. Содержание воспитанников *суровое* и паек их почти одинаков с пайком взрослых заключенных.

---

[1] Луи Рубо, Дети Каина, стр. 106.
[2] Остров, на котором отбывается пожизненная каторга.
[3] Луи Рубо, Дети Каина, стр. 113.
[4] Ленин, т. XVI, стр. 167.

3. Длительность физического труда — 8 часов, причем они *ничего не получают в качестве вознаграждения за свой труд.* 4. Дисциплина очень строга и основана в общем на субординации... 5. Постоянное пребывание с педагогом и система индивидуальных привилегий не позволяют создаться духу солидарности и товарищества среди воспитанников, система эта не устраняет существования «любимчиков» и «козлищ». 6. Опека со стороны ассоциации по отношению к юношам 20—21 года при выпуске их на свободу в значительной степени стесняет их жизненную самостоятельность. *Религиозно-церковной стороне придано весьма большое значение*» [1].

Как видим из этой характеристики, борстальские учреждения Англии, которые кстати сказать охватывают не всю осужденную молодежь (буржуазия не может не экономить и на этом деле), должны готовить типичных штрейкбрехеров, назначение которых не только предавать классовые интересы всей рабочей молодежи, но и являть собой «классический» английский образчик того самого «исправления» рабочих, о котором Маркс писал в памфлете на Брюссельский тюремный конгресс еще в 1847 г. Но Маркс писал в эпоху промышленного капитализма, а консервативная английская буржуазия пытается и в эпоху империализма, в эпоху всеобщего кризиса капитализма, когда всего лишь за три последних года (1930—1933 гг.) безработица в капиталистических странах возросла с 20 миллионов до 45 миллионов, «исправлять» пролетарскую молодежь, на которую в первую очередь обрушиваются удары безработицы и нищеты, все теми же старыми, имеющими столетнюю давность средствами: молитвой, постом, плеткой, изнурительной эксплоатацией и ханжески-лицемерной опекой бедняков, о которой почти сто тому назад писал в «Положении рабочего класса в Англии» Энгельс и лучшим идеалом которой с точки зрения английского буржуа являются исправительные заведения, в практике которых бывали и такие случаи, когда «в лучших» из них в «лучшие» для английской буржуазии времена подростков истязали до смерти: «хотя заведующий виноват в жестокости, но заведение в общем лучшее в королевстве» [2].

Из приведенной характеристики «исправительных систем» четырех самых «передовых», самых «цивилизованных» капиталистических стран мы видим, что и к «либеральной» идее «исправительных» заведений для молодежи также должны быть полностью и целиком отнесены слова Ленина о том, что в школах, созданных буржуазией, «...молодое поколение рабочих и крестьян не столько воспитывали, сколько натаскивали в интересах той же буржуазии. Воспитывали их так, чтобы создать для нее пригодных слуг, которые были бы способны давать ей прибыль и вместе с тем не тревожили бы ее покоя и безделья [3].

---

[1] „Социальное воспитание уголовной молодежи в возрасте от 16 лет в Англии“ в журнале „Zentralblatt für Jugendrecht und Jugendwohlfahrt“ 1929 г. № 5—8.

[2] Из выступления члена парламента и лидера рабочей партии Кэйр-Гарди в английском парламенте по поводу смерти от истязания мальчика, содержавшегося в тюрьме Хесвэль. Цитирую по Ленину, т. XVI, стр. 170.

[3] Ленин, т. XXV, стр. 386.

В капиталистическом обществе разница между нормальной школой и так называемым «исправительным» заведением для детей бедных классов незначительна и заключается она лишь в больших дозах мучительств, издевательств, эксплоатации и нужды, которые обрушиваются на юных узников капитала.

Что касается царского абсолютизма и его отношения к воспитанию «малолетних преступников», вышедших из простого народа, то его классическим выражением может служить «рекомендация» г. министра внутренних дел при утверждении устава Нижегородской колонии для малолетних преступников.

«Затем, оставляя в силе § 21 проекта устава, которым телесные наказания и арест свыше 7 дней были исключены из мер взыскания в колонии, г. министр внутренних дел рекомендует с своей стороны подвергать воспитанников колонии за более тяжкие проступки содержанию на хлебе и воде и наказанию розгами до 20 ударов с разрешения Комитета в каждом частном случае» [1].

Нужно ли говорить, что именно эта, а не какая другая «рекомендация» г. министра внутренних дел, генерал-адъютанта Тимашева неукоснительно проводилась на практике до самой Октябрьской революции, которая положила конец издевательствам над ребенком и не только в официальных воспитательных учреждениях, но даже и в семье.

В СССР — в стране строящегося социализма — проблема воспитания юных правонарушителей по совершенно понятным причинам так же неотделима от общего вопроса, характеризующего положение трудящейся молодежи при диктатуре пролетариата.

Как мы уже видели из высказываний Маркса, проблема воспитания юного поколения трудящихся не является самостоятельным вопросом ни при капитализме, ни тем более при социализме.

Эта проблема при капитализме теснейшим образом увязана с общим вопросом борьбы труда и капитала.

В условиях же диктатуры пролетариата, которая одна лишь способна обеспечить строительство нового общественного строя, проблема воспитания юного поколения трудящихся, в том числе, конечно, и той его незначительной части, которая воспитывается в исправительно-трудовых учреждениях, подчинена основной задаче борьбы пролетариата за построение бесклассового социалистического общества.

Что же принципиально нового в сравнении с капиталистическими странами имеет в своем жизненном балансе трудящаяся молодежь СССР и в какой степени это принципиально новое определило и принципиально новый тип исправительно-трудового учреждения для молодежи, создание которого в капиталистическом обществе по самой его эксплоататорской природе абсолютно исключено?

---

[1] См. годовой отчет Общества Нижегородской исправительной колонии для малолетних преступников, 1878 г., тип. А. В. Гилева в Нижнем-Новгороде.

РСФСР. Новочеркасская школа ФЗУ НКЮ. Лучший ударник-воспитанник за работой на станке

РСФСР. 1-я Московская школа ФЗУ. В красном уголке в обеденный перерыв

РСФСР. 1-я Московская школа ФЗУ НКЮ. Урок математики

Перед нами свидетельства буржуазных деятелей и специалистов, по различным поводам и с различных точек зрения наблюдавших молодежь в СССР.

Это, во-первых, статья некоего Гарри Уорда «СССР — страна молодежи», помещенная в 1932 г. в американском журнале радикальной интеллигенции «Нейшен».

«Все американцы, которые обучают этих молодых строителей социализма,— пишет Уорд,— согласны в определении главной и основной разницы между ними и самыми серьезными из американских студентов. *Эта разница в том, что советская молодежь имеет великую цель.* Как выразился один из советских педагогов, *они знают куда, как и зачем они идут.* Не подлежит сомнению, что им открыл дорогу и показал ясное направление пятилетний план строительства социализма — не туманный и расплывчатый идеал, но вполне определенное дело. Советская молодежь знает не только переходный характер теперешнего периода, она знает к чему он ведет. Она смотрит на теперешнее завоевание материальной базы жизни, как на необходимое вступление к эпохе новой свободы для непрерывного развития всех человеческих способностей. Если вы спросите их, как они думают побудить студентов, привыкших к столичной жизни, жить и работать в нескладной деревне, — они сначала скажут о долге по отношению к тому строю, который дал им поддержку, и может быть о партийной дисциплине, а потом добавят: мы идем к тому, чтобы уничтожить различие между городом и деревней... *Чувствуется, что в этой молодежи жизненная сила достигла своего полного напряжения. С этим фактором должны считаться те, кто мечтает разрушить то, что строит эта молодежь»* [1].

Второе свидетельство некоего Гейнца Якоби в его статье «Необходима ли постановка новых целей в области социального воспитания?», помещенной в 1932 г. в немецком журнале «Zentralblatt für Jugendrecht und Jugendwohfahrt»:

«В России я наблюдал учреждения для беспризорных и безнадзорных. Пусть бытовые и другие условия оставляли желать лучшего. Пусть был недостаток в квалифицированных педагогических кадрах. И все же налицо была педагогически насыщенная атмосфера. Это и понятно. *Нет классовой озлобленности, как у нас. Наоборот, полное включение в жизнь вне учреждения, связь с шефствующей фабрикой, с союзом молодежи, радость труда, ощущение, что ты являешься полноправным гражданином, обсуждение самых насущных и неотложных социальных проблем* и пр., т. е. все то, что имеет большее значение, чем воспитательные рамки или даже воспитательные методы» [2].

Третье свидетельство лейбористского парламентского кандидата от Сендерландского округа г. Притта, поместившего в январе 1933 г. в «Форуорде» статью, противопоставляющую исправительно-трудовую коммуну для молодежи в Болшеве английским тюрьмам.

«Колония является сценой,— пишет Притт,— где производится смелый и очень успешный эксперимент фактического предоставления пре-

---

[1] Курсив мой. — *А. Ш.*

[2] Курсив мой. — *А. Ш.*

ступникам свободы с целью дать им самим возможность добиться своего социального возрождения и восстановить полные права гражданства.

Колонию нельзя отличить от всякого другого современного русского населенного пункта. Там нет стен, замков, решоток, границ, сторожей: имеются фабричные здания и всякие другие. Прибыв в Болшево, *член коммуны ведет жизнь, приближающуюся насколько это возможно к обычной жизни русского рабочего.* В соответствии с практикой, являющейся почти всеобщей в СССР, фактическое управление колонией находится в руках ее жителей, образующих коллектив... Проблема последующего наблюдения за людьми почти вовсе не возникает.

Каждый может в СССР получить работу, и это является подлинной побудительной причиной для стремления к восстановлению своих гражданских прав. Люди, восстановленные в этих правах, могут успешно бороться с искушением вновь впасть в порок, так как *отсутствуют трудности, связанные с безработицей или общественным клеймом»* .

И наконец свидетельство бывшего французского премьера Эррио: «Мы посетили колонию для беспризорных в Харькове. Я — старый мэр французского города, я — не коммунист, но как человек, верный истине, я заявляю, что эта детская колония — образцовое учреждение, как и весь город Харьков — образец городской культуры. Кто хочет, может в этом убедиться на месте».

В этих высказываниях в сущности верно схвачена основная разница в положении трудящейся молодежи в СССР и в странах капитала.

В СССР нет ни обездоленной, ни эксплоатируемой молодежи, нет и «униженных» и «забитых» людей даже и в исправительно-трудовых учреждениях.

Энгельс в своей книге «Положение рабочего класса в Англии» писал о фабричном труде при капитализме, что это «не труд, а одна скука — самое убийственное, самое утомительное, что только можно придумать. Фабричный рабочий осужден губить в этой скуке все свои физические и духовные силы; его призвание с восьмилетнего возраста томиться от скуки целый день. Эта проклятая необходимость заживо похоронить себя на фабрике, все время внимательно следить за неутомимой машиной, является тягчайшей пыткой для рабочих» [1].

При капитализме ощущение *радости труда* исключено для пролетариата в целом и тем более для его наиболее эксплоатируемой и придавленной части — для детей и подростков.

Совсем по-иному смотрят на труд в СССР, где пролетариат вместе со всеми трудящимися, как бы молоды и юны они ни были, строит бесклассовое социалистическое общество.

Пролетариат СССР под руководством своей партии осуществляет одно из основных завоеваний великой пролетарской революции: *превращение труда подневольного в труд свободный.*

И если в 1920 г. на III съезде комсомола В. И. Ленин говорил, что «мы должны всякий труд, как бы он ни был грязен и труден, построить

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. III, стр. 462.

так, чтобы каждый рабочий и крестьянин смотрел на себя так: я — часть великой армии свободного труда и сумею сам построить свою жизнь без помещиков и капиталистов, сумею установить коммунистический порядок»[1], то уже в 1930 г. на XVI съезде ВКП(б) величайший продолжатель дела Ленина, т. Сталин, засвидетельствовал перед всем миром, что в СССР труд из зазорного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, превращается в дело чести, в дело славы в дело *доблести и геройства*[2].

На основе этих общих положений, характеризующих принципиальное различие в подходе к труду и воспитанию молодежи при капитализме, с одной стороны, и в эпоху диктатуры пролетариата, с другой, а также на осознании того, что «именно молодежи предстоит задача создания коммунистического общества»[3], построена в СССР и вся система мер воспитания подростков, совершивших те или иные общественно-опасные действия.

На всех этапах строительства советского государства все наше законодательство, в том числе конечно и исправительно-трудовое, проникнуто величайшей заботой о детях, органически вытекающей из самого характера пролетарской революции.

Начиная от первых декретов Октябрьской революции, которыми упразднялись «суды и тюремное заключение для малолетних и несовершеннолетних»[4] и кончая организацией для них в годы первой пятилетки особого типа школ фабрично-заводского ученичества, трехлетнюю практику которых подытожила и закрепила ст. 39 Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1933 г.[5], идет все тот же непрерывно развивающийся единый процесс искания лучших, более совершенных форм и методов воспитания подрастающего поколения.

Этому единству творческого процесса ни в какой мере не противоречит факт нахождения дела борьбы с беспризорностью и преступностью юных граждан в руках нескольких наркоматов (НКПрос, НКТруд, ОГПУ, НКЮ). Наоборот, этот факт лишний раз подтверждает единство воспитательных целей во всех звеньях советского государственного аппарата, хотя и достигаемых различными методами, но на основе незыблемого принципа советской власти, что «в республике не должно быть обездоленных и беспризорных детей. Пусть будут юные, молодые и счастливые граждане» (Ленин).

И даже больше, как раз на основе результатов применения различными советскими органами многочисленных опытов наиболее целесообразного подхода к перевоспитанию социально запущенных детей, мы видим подлинное стремление советского государства в интересах детей разрешить и эту проблему в наивозможно кратчайший срок.

---

[1] Ленин, т. XXV, стр. 397.
[2] И. Сталин, «Вопросы ленинизма», изд. 9, стр. 534.
[3] Ленин, т. XXV, стр. 384.
[4] С. У. 1917—1918. № 16, ст. 227.
[5] С. У. 1933 г., № 48, ст. 208.

Лучшим доказательством именно такой, а не иной постановки этого вопроса бесспорно является сохранившаяся стенограмма беседы (1921 г.) пламенного стража революции и нежного друга детей — Феликса Эдмундовича Дзержинского с Анатолием Васильевичем Луначарским, первым наркомом просвещения и крупнейшим деятелем на фронте социалистической культуры.

«Я хочу бросить некоторую часть моих личных сил, а главное — сил ВЧК, на борьбу с детской беспризорностью... Я пришел к этому выводу, исходя из двух соображений. Во-первых, это ужасное бедствие. Ведь когда смотришь на детей, так не можешь не думать — все для них. Плоды революции — не нам, а им. А между тем сколько их искалечено борьбой и нуждой! Тут надо прямо-таки броситься на помощь, как если бы мы видели утопающих детей. Одному Наркомпросу справиться не под-силу. Нужна широкая помощь всей советской общественности. Нужно создать при ВЦИК широкую комиссию: куда бы вошли все ведомства и все организации, могущие быть полезными в этом деле. Я уже говорил кое с кем: я хотел бы стать сам во главе этой комиссии; я хочу реально включить в работу аппарат ВЧК.

К этому меня побуждает второе соображение: я думаю, что наш аппарат — один из наиболее четко работающих. Его разветвления есть повсюду. С ним считаются. Его побаиваются. А между тем даже в таком деле, как спасение и снабжение детей, встречается и халатность и даже хищничество. Мы все больше переходим к мирному строительству; я и думаю: отчего не использовать наш боевой аппарат для борьбы с такой бедой, как беспризорность?» [1].

В чем же существо тех принципов, которые лежат в основе работы исправительно-трудовых органов с той частью подростков и молодежи, которая в силу ряда условий нашей переходной эпохи еще совершает общественно-опасные действия?

Какие цели ставит пролетарское государство, сделав заботу о воспитании этих детей государственной обязанностью?

Наиболее краткий и полный ответ на эти вопросы мы находим в ст. 39 Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1933 г.:

«Для несовершеннолетних правонарушителей организуются школы фабрично-заводского ученичества особого типа, задачей которых является подготовлять из несовершеннолетних правонарушителей квалифицированных рабочих для промышленности и сельского хозяйства и давать им на основе коммунистического воспитания знания, необходимые для активного участия в социалистическом строительстве».

Что означает расшифровка этой статьи закона в конкретной жизни воспитанника школы по ее окончании.

Это значит, что перед ним открывается перспектива работы на лучших заводах и в совхозах Советской страны, учебы в вузах, втузах и академиях и активного участия в одной шеренге с передовыми борцами за социалистическое строительство, т. е. с теми, кто носит великое звание члена коммунистического союза молодежи, члена коммунистической партии.

---

[1] См. „Известия ЦИК" № 307 от 20 декабря 1933 г

Это последнее обстоятельство особо учтено в ст. 41 нового Исправительно-трудового кодекса, которая гласит: «С оканчивающих школы педагогический совет, образуемый в каждой школе, может снимать судимость».

Эти принципы Исправительно-трудового кодекса 1933 г. подытоживают ту огромную и реальную работу, которая уже в этом направлении проделана, получив особенно широкое развитие в годы первой пятилетки.

Но первая пятилетка в области уголовной и исправительно-трудовой политики характерна не только созданием новых социалистических форм воспитания трудящихся к новой дисциплине, не только организацией новых по характеру исправительно-трудовых учреждений и не только для одной молодежи.

Первая пятилетка в значительной степени изменила самое лицо преступности молодежи, наметив пусть еще медленную, но неуклонную тенденцию снижения правонарушений, совершаемых подростками и молодыми людьми

По данным официальной статистики НКЮ РСФСР мы видим, например, что в РСФСР удельный вес возрастной группы от 16 до 24 лет к общему числу осужденных всех возрастов и по всем преступлениям для 1928 г. составлял 36%. Для 1931 г. этот процент понижается до 28,2.

Та же тенденция видна и по данным НКЮ УССР и БССР. Если в 1927 г. в УССР удельный вес возрастной группы до 24 лет к общему числу осужденных всех возрастов и по всем преступлениям составлял 38,4%, то в 1928 г. эта цифра снижается до 37,2%, в 1929 г.—до 35,4% и в 1930 г. — до 31,6%.

По БССР аналогичная цифра для 1928 г. — 35% и для 1929 г. — 31%.

С 1931 г. по БССР учитывается возрастная группа только до 23 лет, причем процент осужденных в этом возрасте в сравнении со всеми возрастами для 1931 г. составлял 17, т. е. в данном случае имеется определенное снижение, учитывая, конечно, что сюда не вошла группа в возрасте от 23 до 24 лет.

Но тенденцию снижения преступности молодежи можно наблюдать не только по данным об осужденных.

В нашем распоряжении имеется таблица о заключенных в РСФСР, составленная по материалам Госинститута по изучению преступности к IX съезду комсомола, происходившему в январе 1931 г.

В этой таблице, как мы это видим ниже, впервые делается попытка проследить по годам удельный вес заключенных в возрасте до 24 лет.

Годы	Всего заключенных в %	Из них в возрасте до 24 лет в %
1926	100	42,8
1927	100	48,1
1928	1 0	48
1929	100	43,1
1930	100	34,7

Однако, когда мы говорим о тенденции снижения у нас преступности молодых возрастов, мы не подходим к этому вопросу механически.

В СССР правонарушения подростков и молодежи — показатель неизбежных и к тому же на общем фоне социалистического строительства крайне ничтожных издержек того переходного периода от капитализма к социализму, когда преступность молодежи существует частично как проявление сопротивления классового врага и его агентуры, но главным образом как проявление пережитков капитализма не только в экономике, но и в сознании людей.

С каждой новой победой социализма в нашей стране вытесняются причины, толкающие человеческий молодняк на совершение правонарушений, подрезываются до основания корни преступности. Это значит, что преступность молодежи, органически не присущая социалистической системе, временна, хотя и неизбежна, так как новое общество, как говорил неоднократно Ленин, рождается из старого человеческого материала, влияние привычек которого не сразу и не так просто уничтожается.

Но каждая новая победа, связанная с успехами социалистического строительства, с ликвидацией последних остатков капитализма, сопровождается ожесточенным сопротивлением уничтожаемых осколков эксплоататорских классов, т. е. обострением классовой борьбы.

Следовательно, не исключена возможность, что на отдельных участках классовой борьбы преступность молодых возрастов по отдельным видам правонарушений может в отдельные моменты повышаться, но это повышение все же не в состоянии будет закрыть перед нами наметившейся в годы первой пятилетки общей картины: снижения преступности молодежи у нас в СССР при одновременном катастрофическом росте преступности вообще и в особенности преступности детей и молодежи в странах капитала.

Само собой разумеется, что успехи социалистического строительства, улучшая благосостояние всего трудящегося населения в СССР, естественно улучшают и расширяют материальное и культурное обслуживание в первую очередь детского населения. Поэтому нет ничего удивительного и неожиданного в том, что развернуть по-настоящему широко и на социалистической основе дело перевоспитания юных правонарушителей, создать для них новые типы учреждений с новыми методами работы удалось лишь в период первой пятилетки.

В числе учреждений по борьбе и предупреждению беспризорности и преступности подростков трудкоммуны ОГПУ и школы ФЗУ особого типа в системе НКЮ заслуживают исключительного внимания не столько по количеству своих контингентов, сколько новыми формами и методами работы.

Мы рассмотрим лишь эти два типа исправительно-трудовых учреждений, оставляя здесь в стороне систему учреждений НКПроса и ныне ликвидированного НКТруда.

Трудкоммуны ОГПУ положили начало смелому и решительному

опыту перевоспитания наиболее трудно поддающихся воздействию молодых рецидивистов, крепко вросших в традиции преступной среды. Этот опыт в своем проведении не был связан никакими юридическими рамками постановлений и приговоров.

Молодые рецидивисты в возрасте от 16 до 23 лет набирались в коммуны прямо из мест лишения свободы независимо от сроков их осуждения.

Первая группа таких ребят была отобрана непосредственно в московских местах лишения свободы в 1924 г. лично организаторами первой Болшевской коммуны ОГПУ. Последующие наборы в коммуну производились и производятся самими ребятами, которые в основу этой своеобразной «вербовки» новых членов коммуны положили принципы полной добровольности и свободы выбора ими дальнейшей жизненной карьеры.

В те годы всеобщего увлечения в детдомах НКПроса и трудовых домах НКВД мало привлекавшими подростков ремеслами (портных, коробочников, сапожников и т. п.) с перспективой дальнейшей самостоятельной жизни в качестве кустаря-одиночки трудкоммуны ОГПУ сразу же поставили дело производственного обучения на правильные рельсы, создав для этого настоящую обстановку фабрично-заводского коллектива и не только на производстве, но и в быту.

В этих коммунах, построенных на принципах, во-первых, высокого чувства ответственности членов коммуны за свои поступки перед всем коллективом, во-вторых, широкого самоуправления, в-третьих, наивозможно полного самообслуживания, в пределах, конечно, знаний и жизненного опыта подростков и, в-четвертых, отсутствия собесовщины, — перед бывшими «урками» открылся новый увлекавший их мир. Для многих из них, наиболее способных и талантливых, прошедших школу трудкоммун ОГПУ, открывались в дальнейшем двери рабфаков, техникумов, вузов. Многие нашли в трудкоммуне свое действительное призвание в качестве талантливых изобретателей, организаторов производства, администраторов, хозяйственников, воспитателей, журналистов и поэтов.

Трудкоммуны ОГПУ были уже в те годы восстановительного периода высшей формой связи и включения бывших правонарушителей в социалистическое строительство в качестве полноправных граждан, ибо трудкоммуны ОГПУ первые встали на путь снятия судимости со своих питомцев, на путь передачи лучших из них в профсоюз, в комсомол и даже в партию.

Не менее потрясающим фактом и не только для набираемых в члены коммуны стажированных рецидивистов, но и для всей советской общественности, был в то время отказ трудкоммуны ОГПУ от таких атрибутов «воспитания» и «исправления», как решотки, замки, заборы и т. п. фетиши тюрьмы.

Конечно, при организации трудкоммун не обошлось без отдельных срывов, без отдельных неудач, но в общем это был прекраснейший и нагляднейший пример, положивший конец «ученому сюсюканию» о неисправимых детях.

Трудкоммуны ОГПУ создали таким образом целое направление в области перевоспитания наиболее тяжелых антиобщественных элементов из молодежи, перевернув с головы на ноги всю систему политического воспитания этой части молодежи.

Под непосредственным влиянием этого опыта создался и второй тип не менее замечательного исправительно-трудового учреждения, а именно школы ФЗУ НКЮ.

В общей системе исправительно-трудовых учреждений идея создания специальных учреждений для юных правонарушителей возникла сейчас же после Октябрьской революции. Уже в 1918 г. для несовершеннолетних правонарушителей в возрасте от 17 до 21 года организуется «Первый российский реформаторий». Функционировало это учреждение недолго.

Но уже в 1921 г. принимается «Положение о трудовых домах для несовершеннолетних правонарушителей» и эти учреждения открываются в ряде городов республики.

Однако с 1921 г. и по 1930 г. трудовые дома не сумели ни в РСФСР, ни в УССР, ни в БССР, ни в других союзных республиках закрепиться на позициях действительно трудового и подлинно воспитательного учреждения.

По идее советского законодательства трудовые дома предназначались как для изоляции несовершеннолетних от влияния взрослых правонарушителей и особенно рецидивистов, так и для проведения среди них необходимых воспитательных мероприятий, которые способствовали бы их перевоспитанию и возвращению в среду трудящихся.

По целому ряду причин хозяйственного порядка и в первую очередь вследствие безработицы, имевшей место в то время в стране, труддома не могли обеспечить реальности поставленных перед ними воспитательных задач.

Организованные в бывших зданиях царских «колоний для малолетних преступников», в монастырских постройках и в незначительно переоборудованных для этого бывших тюремных постройках, трудовые дома естественно попадали в плен не только этих старых каменных мешков, но и той рутины в методах и подходе к воспитанию несовершеннолетних правонарушителей, которую приносили с собой в эти учреждения педагоги старой дореволюционной школы «воспитания», а иногда и просто проходимцы и классово чуждые люди.

В свою очередь мелкое кустарного типа производство труддомов могло дать воспитанникам лишь элементарные трудовые навыки, подготовляя из них владеющих несложными инструментами кустарей.

Школьное обучение, органически не связанное с трудовыми процессами, как правило, являлись мало привлекательным для подростков занятием.

Режим хотя и строился уже и в то время на принципах самодеятельности воспитанников, но не достигал цели, так как решотки, надзор, а кое-где и запоры ограничивали не только физическую свободу подростков, но и деморализовали их психически, превращая участие в органах самодеятельности в несерьезное и пустое дело.

РСФСР. Саратовская школа ФЗУ НКЮ. Утренняя зарядка в лагере на ст. Татищево

РСФСР. Саратовская школа ФЗУ НКЮ. Воспитанники в ленинские дни 1932 г. готовятся к лыжному агропоходу

РСФСР. Саратовская школа ФЗУ НКЮ. На уроке гребли на Волге

РСФСР. Новочеркасская школа ФЗУ НКЮ. В комнате отдыха

БССР. Витебская школа ФЗУ НКЮ. Лучшие ударники строительства

РСФСР. Лефортовская профтехшкола для молодых рецидивистов

РСФСР. Лефортовская профтехшкола. Секретарь культсовета лишенных свободы отчитывается перед активом

РСФСР. Новочеркасская школа ФЗУ НКЮ. Товарищеский суд

РСФСР. Новочеркасская школа ФЗУ НКЮ. На скамье подсудимых

Не имели труддома и определенной социальной целеустремленности в своей работе. Они учили ребят точать сапоги, делать табуретки, переплетать книги, наконец писать, читать и кое-как разбираться в происходящем. Но они не могли справиться с основной своей задачей: выпустить отданных им на воспитание ребят не вообще «на волю», а в определенную социальную среду, на завод, на фабрику и не просто грамотными, кое-чему обученными для борьбы за личное благополучие, а достаточно подготовленными для закрепления в пролетарском коллективе молодыми гражданами, владеющими необходимыми производственными знаниями и общественно-культурными навыками.

Но говоря о неудачах трудовых домов как законченной системы перевоспитания антисоциальных элементов, мы ни в коем случае не смазываем тех отдельных положительных фактов и удачных достижений, которые за это время были в жизни отдельных домов.

И все же эти факты и эти достижения были столь бледны и убоги на фоне огромных успехов советской власти в деле коммунистического воспитания всего подрастающего поколения, что принудили НКВД, в ведении которого эти учреждения тогда находились, уже в 1930 г. взять решительный курс на коренную перестройку этих учреждений в духе грандиозных перспектив и воспитательных возможностей, открывавшихся перед ними первой пятилеткой.

23 февраля 1930 г. президиум Северокавказского краевого исполнительного комитета, по докладу автора этой статьи и т. Моргунова, члена президиума Деткомиссии ВЦИК, принимает историческое в своем роде постановление о реорганизации Северокавказского краевого труддома в г. Новочеркасске в особую школу фабрично-заводского ученичества, прикрепленную к первенцу пятилетки — к Ростовскому сельмашу. Для подростков, проявивших склонность работать в области сельского хозяйства, это постановление предусматривало создание при школе специального сельскохозяйственного отделения, в котором они могли бы получить образование и приобрести специальность для работы в совхозной системе. В качестве шефа над этим сельскохозяйственным отделением был выделен первый в крае совхоз «Гигант», в котором бывшие правонарушители должны были проходить в течение двух месяцев в году производственную практику уже в период обучения в Новочеркасской школе.

С этого момента и этим историческим для исправительно-трудовой системы постановлением собственно и начинается история борьбы за школу ФЗУ как основной тип особого воспитательного учреждения для молодых правонарушителей.

Как в свое время идея трудкоммуны ОГПУ была выпестована московским комсомолом[1], который окружил эту идею заботами, вниманием и всей силой авторитета передовой пролетарской молодежи, так и идея школ ФЗУ в исправительно-трудовой системе нашла горячий отклик и поддержку комсомола.

---

[1] См. статью «Об одном опыте» Д. Матвеева, журнал «Молодой большевик» 1925 г. № 15 (18).

22 От тюрем к воспит. учрежд. 700.

Первыми комсомольскими организациями, стоявшими у колыбели этого великолепного дела, были: Северокавказский краевой комитет ВЛКСМ и райком ВЛКСМ Ижорского завода, к которому был в том же 1930 г. вторым по счету прикреплен на правах школы ФЗУ Ленинградский труддом (Детское село).

Насколько велико было значение этого интереснейшего начинания для работы всей исправительно-трудовой системы, можно судить хотя бы по следующему постановлению Президиума ВЦИК от 21 августа 1930 г.:

«2. Образовать комиссию под председательством т. Шотмана в составе тт. Нюриной, Ширвиндта, Шохина, Семашко, Шестаковой и представителей Наркомтруда, ОГПУ и газеты «Комсомольская правда», с привлечением заинтересованных ведомств и общественных организаций, поручив комиссии в двухмесячный срок:

а) Произвести обследование состояния дела борьбы с преступностью малолетних и несовершеннолетних и состояния фабрик-коммун и исправительно-трудовых учреждений, использовав для этого имеющиеся в наркоматах материалы по данному вопросу.

б) Выработать и представить в Президиум ВЦИК проект соответствующих законодательных и практических мероприятий, предусмотрев в них необходимость более полного обеспечения приобретения несовершеннолетними правонарушителями трудовых и общественных навыков и обратив внимание на опыт шефства Ижорского завода и завода Сельмаша над трудколониями для несовершеннолетних» [1].

В соответствии с этим решением была разработана целая система мероприятий, которые дали возможность вывести дело перевоспитания антиобщественно настроенных подростков и в исправительно-трудовых органах на правильные рельсы.

Перевод этой работы на новые рельсы мыслился уже в недрах НКЮ, куда к январю 1931 г. перешли все исправительно-трудовые учреждения. Это мы видим из следующего программного документа, который в форме приветствия был послан народным комиссаром юстиции, прокурором республики и начальником Главного управления исправительно-трудовых учреждений РСФСР IX съезду ленинского комсомола:

«Приветствуя в вашем лице передовой отряд коммунистической молодежи, мы считаем своим большевистским долгом поставить перед вами один из боевых вопросов дня.

Вы работаете в исключительный политический момент, в момент решительного социалистического наступления по всему фронту, когда на каждом участке работы повседневно возникают новые формы, новые методы, новые социалистические возможности преобразования «России нэповской — в Россию социалистическую».

На фоне этой исторической задачи IX съезд ленинского комсомола не может и не должен обойти молчанием вопроса о ликвидации

---

[1] Цитирую по республиканской газете лишенных свободы «К трудовому общежитию» № 13 от 20 сентября 1930 г.

беспризорности и преступности среди молодежи как одного из важнейших условий победы социализма.

Тысячи сверстников комсомола по многим социально-экономическим причинам переходного времени оказались за бортом нашей героической жизни, не попали в ногу с коллективом. Это — беспризорные и молодые правонарушители.

Для этих подростков и молодежи покойный Феликс Дзержинский и как председатель ОГПУ и как председатель ВСНХ выдвинул в свое время идею такого производственного воспитания, при котором специальные для них школы прикреплялись бы к крупным производственным базам — заводам-гигантам.

Эта идея Феликса получила сейчас свое практическое осуществление на примерах шефства над домами для правонарушителей Сельмаша, Кузбасса, Ижорского, Сормовского и других заводов.

Возникшая вначале как форма политического шефства, эта идея превратилась сейчас в реальную проблему создания специальных школ фабзавуча по подготовке кадров высококвалифицированных молодых рабочих для новых гигантов социалистической индустрии даже и на таком «необычном» участке, как исправительно-трудовое дело.

В этом разрезе заключаемые промышленностью договоры с исправительно-трудовой системой на организацию школ фабзавуча для бывших правонарушителей заслуживают пристального внимания и помощи комсомола.

По этим договорам и в частности по договору с Инструментальстроем через два—три года тысячи молодых высококвалифицированных инструментальщиков из бывших правонарушителей включатся в общий социалистический ток новых заводов Москвы, Харькова, Свердловска, Ленинграда и т. д.

Так, в третьем, решающем году пятилетки, в год завершения построения фундамента социалистической экономики, вся общественность СССР и в первую очередь IX съезд комсомола должны поставить проблему ликвидации в нашей стране беспризорности и преступности среди молодежи.

Преступность детей и подростков неразрешима в условиях капитализма. В условиях же первой в мире страны строящегося социализма эта проблема уже сейчас может быть разрешима и будет окончательно разрешена в ближайшие годы, если станет одним из звеньев повседневной деловой работы ленинского комсомола. Мы обращаемся к съезду с полной уверенностью, что, занявшись этой проблемой, по примеру упорной борьбы за школу фабзавуча, ленинский комсомол, со свойственной ему молодой энергией, решительностью и непримиримостью перед трудностями, обеспечит и этому делу полный успех и тем самым создаст лучший памятник Феликсу Дзержинскому. *Янсон, Крыленко, Апетер*»[1].

На Украине опыт перестройки учреждений для несовершеннолетних правонарушителей в особого типа школы фабзавуча был проведен

[1] Цитирую по республиканской газете лишенных свободы «К трудовому общежитию» № 2 от 25 января 1931 г.

в 1931 г. И там эта работа также проводится рука об руку с украинским комсомолом.

В БССР работа с несовершеннолетними в полной мере развернулась лишь в 1933 г. Это опоздание объясняется тем, что после ряда неудачных попыток Управление исправительно-трудовых учреждений БССР отказалось от использований под школы ФЗУ НКЮ бывших тюремных и им подобных помещений и первым в СССР приступило в 1931 г. к перестройке по специальному проекту образцовой школы ФЗУ НКЮ в г. Витебске. Эта школа является не только лучшей в г. Витебске, но и во всем СССР.

В других союзных республиках ввиду незначительности контингентов подростков-правонарушителей специальных учреждений для них не имеется.

В настоящее время в СССР имеется следующее количество школ ФЗУ НКЮ: в РСФСР — 19, в УССР — 5, в БССР — 2.

Кроме того в РСФСР имеются 8 специальных коллекторов для несовершеннолетних правонарушителей, построенных по типу дозауча, в которых с подростками ведется предварительная работа по их освоению и подготовке для направления в школы ФЗУ, согласно данным об их образовательном уровне, физическом состоянии и склонности к тому или иному виду производства как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

Вслед за Управлением исправительно-трудовых учреждений БССР в 1933 г. приступило к строительству новых школ ФЗУ НКЮ и Главное управление исправительно-трудовых учреждений РСФСР.

В настоящее время развернуто строительство в следующих пунктах: Свердловск, Брянск, Алма-Ата, Мытищи (Московская область).

О характере этого нового строительства можно судить по проектам этих школ, помещенным в иллюстрациях к этой статье.

Что же общего и в чем различие трудкоммун ОГПУ и школ ФЗУ НКЮ?

При ответе на этот вопрос нужно прежде всего помнить, что различие этих учреждений заключается лишь в различии методов, но не принципов работы. И трудкоммуны ОГПУ и школы ФЗУ НКЮ — это есть осуществление все той же идеи Феликса Дзержинского о производственном воспитании молодых правонарушителей.

Отличаются эти учреждения друг от друга только тем, что в первом случае, т. е. в трудкоммунах ОГПУ, перед нами организация производственного предприятия по типу обыкновенного крупного завода, фабрики или совхоза, на котором бывшие рецидивисты обоего пола работают совместно. Во втором случае, т. е. в школах ФЗУ НКЮ мы имеем прежде всего учебное заведение индустриальное или сельскохозяйственное, смотря по направлению подготовки, принятой в школе.

Соответственно этому основному различию по-иному строится, конечно, и быт этих учреждений.

В трудкоммунах ОГПУ перед нами обычный рабочий городок, в котором пребывание его жителей не ограничено во времени. Каждый может жить столько, сколько захочет, насильно в трудкоммунах ни

кого не держат. Живут члены трудкоммуны либо небольшими группами в специальных общежитиях для одиноких, либо, в случае обзаведения семьей, в отдельных зданиях для семейных.

В школах ФЗУ НКЮ быт учащихся подчинен режиму учебного заведения, пребывание в котором ограничено программой со сроком обучения не более трех лет. Поскольку пребывание воспитанников в этих школах, в отличие от трудкоммуны ОГПУ, временное, постольку школы по техническим соображениям организованы отдельно для подростков мужского пола и отделено для женского.

Это ни в коем случае, конечно, не означает запрета в общении юношей и девушек в течение срока пребывания в школах ФЗУ НКЮ. Наоборот, вся система режима построена таким образом, чтобы, находясь в школе, воспитанники не отрывались от общего потока жизни, которой живет вся трудящаяся молодежь в СССР. Из этого принципа берет свое начало связь школ с близлежащими фабриками и заводами, шефство над ними комсомольских организаций, участие заводской и учащейся молодежи обоего пола во всех более или менее выдающихся событиях в жизни воспитанников школ ФЗУ НКЮ, совместные посещения театров, цирков, кино, экскурсии в музеи, совместные вечера самодеятельности, совместные прогулки и т. д.

Есть и еще различие трудкоммун ОГПУ и школ ФЗУ НКЮ. Оно заключается в том, что кадры воспитанников у этих учреждений несколько иные.

Трудкоммуны ОГПУ рассчитаны на таких молодых рецидивистов, которым, в силу целого ряда причин, особенно трудно оторваться от преступной среды и в которых особенно сильны солидарность и традиции этой среды. Контингенты воспитанников трудкоммун ОГПУ это — в своем роде «цвет» преступного дна, его самые тяжелые, самые неустойчивые представители, наиболее склонные к повторению пройденного преступного пути, и в силу этого нуждающиеся в особенно искусных и гибких методах подхода и работы с ними.

Для окончательного возвращения в среду трудящихся этим элементам нужны годы убеждения опытом и примерами из живой, близкой им действительности, активными участниками и творцами которой они сами должны являться. В этом смысле трукоммуны ОГПУ открывают перед своими питомцами самые широкие возможности.

На кого же рассчитаны школы ФЗУ НКЮ? Туда «направляются несовершеннолетние в возрасте от 15 до 18 лет на основании: а) приговоров суда; б) постановлений комиссии по делам о несовершеннолетних и других уполномоченных на то органов» [1].

«Если срок приговора несовершеннолетнего оканчивается ранее окончания обучения в школе и если нет возможности обеспечить его дальнейшее обучение (вне школ ФЗУ системы НКЮ — *А. Ш.*), педагогический совет может установить обязательный срок обучения независимо от срока приговора с тем, однако, чтобы все время обучения не превышало трех лет» [2].

[1] Ст. 40 ИТК РСФСР 1933 г.
[2] Ст. 42 ИТК РСФСР 1933 г.

Было бы большой ошибкой предположить, что перестройка трудовых домов в школы ФЗУ НКЮ проходила гладко, не встречая на своем пути препятствий.

Начало этой перестройки было положено еще приказом Народного комиссариата внутренних дел РСФСР № 237 от 13 августа 1930 г.

Фактически же этот приказ отдельными работниками и местного и центрального аппарата исправительно-трудовых учреждений хотя и «тихо», но довольно упорно в жизнь не проводился.

Исходя из неверных немарксистских позиций, эти работники не верили в возможность перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей. Причем одни при этом говорили, что этого перевоспитания невозможно достигнуть, не прибегая к системе замков, решоток и надзирателей. Другие, наоборот, прикрывали свое неверие самыми «левыми» фразами, требуя передачи несовершеннолетних правонарушителей куда угодно, но только из системы исправительно-трудовых учреждений, в которой, дескать, по принципиальным соображениям невозможно создать воспитательной среды Эти «левые» фразеры забывали, что программа ВКП(б) предусматривает организацию воспитательных учреждений даже для взрослых правонарушителей, не говоря уже о несовершеннолетних.

Раздавались и такие делямеские голоса, что школы ФЗУ НКЮ это вообще слишком «дорогая затея», которая только будет пожирать деньги и не будет давать самоокупаемости.

Причем само понятие «самоокупаемости» в работе исправительно-трудовых учреждений понималось этими «дельцами» весьма упрощенно и аполитично, не выходя за пределы подсчета прибылей, что фактически означало выхолащивание основного содержания в работе с лишенными свободы, при которой использование их труда на принципах самоокупаемости является отнюдь не самоцелью, а лишь средством возвращения их в среду трудящихся.

По всем этим нездоровым тенденциям, которые вели к срыву большого политического дела, нужно было сильно ударить, что и было сделано 18 марта 1931 г. в приказе по Народному комиссариату юстиции РСФСР, куда к тому времени перешли из Народного комиссариата внутренних дел исправительно-трудовые учреждения РСФСР.

Этим приказом по существу была закончена развернувшаяся борьба вокруг вопросов практической перестройки учреждений для несовершеннолетних правонарушителей, и с этого времени школа ФЗУ как наиболее совершенная форма производственного воспитания подростков-правонарушителей окончательно получила свое утверждение и признание не только в теории, но и на практике.

В апреле 1931 г. состоялось решение коллегии Наркомпроса РСФСР, которым школы ФЗУ НКЮ и юридически были оформлены как учебные заведения специального назначения со всеми вытекающими правовыми последствиями (нормы снабжения, дипломы при окончании и т. п.).

В остальных союзных республиках этот процесс перестройки учре-

ждений для несовершеннолетних правонарушителей и переход их на новые рельсы работы проходил более гладко.

Приглашенные в Москву в феврале 1931 г. на всероссийское совещание по вопросам массово-производственной и культурно-просветительной работы в исправительно-трудовых учреждениях представители союзных республик безоговорочно высказались за систему школ ФЗУ и в своей практической работе приняли за основу следующие разделы резолюции этого совещания: «В основу учебной работы в местах заключения положить профтехническое образование, в первую очередь для подростков и переростков как первичной, так и повторной судимости (имущественный рецидив). Для указанной категории считать основным типом учебного заведения и в период лишения свободы школу ФЗУ и ШУМП (школа ученичества массовых профессий)» [1].

В настоящее время, когда идея школы ФЗУ для несовершеннолетних правонарушителей не только не подвергается сомнению, но когда эти школы на втором всесоюзном соревновании фабзавучей, совхозучей и тракторучей, организованном «Комсомольской правдой» и ЦК ВЛКСМ, взяли 4 премии в том числе: Саратовская школа ФЗУ НКЮ — 1-ю премию в 12.000 рублей, Серпуховская школа ФЗУ НКЮ — 2-ю премию в 6.000 рублей, 1-я Московская школа ФЗУ НКЮ — 3-ю премию в 4.500 рублей и 1-я Ленинградская школа ФЗУ НКЮ всесоюзную грамоту, как лучшие школы СССР [2], крайне интересно хотя бы в беглых чертах остановиться на ведущих принципах работы этих учреждений, равных которым пока нет в мире.

В чем сила этих школ, организующих распущенную, своевольную массу правонарушителей в более или менее дружный, дисциплинированный трудовой коллектив?

Прежде всего необходимо ответить на такой вопрос: является ли для правонарушителя-подростка помещение в школу ФЗУ НКЮ лишением свободы или нет? Мы говорим, что только в известном смысле. Почему? Потому, что элементы принуждения со стороны пролетарского государства в отношении такого подростка заключают в себе условия полнейшей свободы для него приобрести социально-полезные навыки, расширить свой политический и общекультурный кругозор и всесторонне развивать в себе активную творческую личность.

Помещение в школу ФЗУ подростка-правонарушителя ни в коем случае не преследует целей наказания или изоляции от общества. Наоборот, это помещение в школу для беспризорного и безнадзорного подростка, совершающего антиобщественные действия, становится ближайшим путем возвращения его в общество строящегося социализма, введением его в общественные интересы и общественную жизнь путем приобщения к народнохозяйственному строительству, к активной и сознательной борьбе за лучшее будущее человечества, за бесклассовое социалистическое общество трудящихся.

---

[1] По докладу А. Шестаковой о массово-производственной работе и культурном обслуживании лишенных свободы. Цитирую по газете «К трудовому общежитию», за 1931 г., № 3.

[2] См. «Комсомольская правда», № 241, от 16 октября 1933 г.

Следовательно, основной задачей школы отнюдь не является организация бессмысленного гнетущего режима ради простой изоляции, ради бесцельного принципа ограничения.

Школа ФЗУ НКЮ должна наоборот создать для своих воспитанников максимально благоприятные условия общественного воспитания, способствующие пробуждению в них общественно-полезных стремлений и жажды активного участия в борьбе за новое общество.

Это основное назначение школ ФЗУ НКЮ, «секрет» их успехов прекрасно схвачены юным поэтом Григорием Селиным в его стихотворении:

ВКЛЮЧИМСЯ В СТРОЙКУ

Это нас —
детей глухих окраин —
старый мир
тюремщины и лжи
делал
жуликами и ворами
и уродовал,
калечил нашу жизнь.

И не мы ли —
дети беспризорья —
более,
чем каждый из людей,
за наследство
варварского строя
поплатились юностью своей

И сейчас,
когда в машинном гуде
наш Союз
ударного труда
строит мир,
в котором уже не будет
ни воров,
ни тюрем никогда, —

мы должны, —
вдвойне,
чем все другие,
этот мир
и строить и любить,
чтобы нашу
прежнюю погибель
на коммуну радости
сменить [1].

---

[1] Цитирую по газете «К трудовому общежитию» за 1932 г

РСФСР. Здание бывшей саратовской каторжной тюрьмы, перестроенное и переоборудованное в школу ФЗУ НКЮ

РСФСР. Проект строящейся в г. Свердловске школы ФЗУ НКЮ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВТОРОЕ ВСЕСОЮЗНОЕ СОЦСОРЕВНОВАНИЕ ШКОЛ ФЗУ СОВХОЗУЧЕЙ И ТРАКТОРОУЧЕЙ

ЛЕНИНСКИЙ СТИЛЬ РАБОТЫ — ВСЕМ ШКОЛАМ ФЗУ

„Решение проблемы технических кадров есть важнейший элемент осуществления задач культурной революции и успешного строительства социализма".

(Из резолюции 17-й партконференции)

ПУТЕВКА № 13

Треугольнику школы ФЗУ ГУИТУ [illegible]

Комитет всесоюзного соревнования школ ФЗУ при редакции „Комсомольская Правда" извещает, что ваша школа с 1[illegible] января включена в соревнование.

В дальнейшем раз в месяц подробно сообщайте в редакцию о ходе выполнения показателей, указывая факты достижений за прошедший срок по всем разделам, а также формы массовой работы в проведении соревнования.

Вам следует выделить бригаду учета и проверки исполнения из числа активных учащихся, педагогов и инструкторов, проводя ежемесячную проверку выполнения обязательств, взятых школой.

Бригада отвечает за постановку всего учета соревнования в школе и на основе показателей групп раз в месяц составляет итоговую сводку, которую присылает в Центральный комитет. Копии посылаются в областной комитет, в ЦК профсоюза и в райком комсомола. Месячные сводки заверяются обязательно треугольником школы.

В случае неприсылки сведений о ходе соревнования в течение двух месяцев, школа выключается из списка соревнующихся.

Все информационные материалы, сводки, запросы направляйте в редакцию „Комсомольской Правды" (Мал. Черкасский пер., д. 3/4, комн. 12).

КОМИТЕТ ВСЕСОЮЗНОГО СОРЕВНОВАНИЯ ФАБЗАВУЧЕЙ.

Москва 14 января 193[illegible] г.

РСФСР. Путевка для участия во 2-м Всесоюзном соревновании школ ФЗУ и колхозучей

1. Школа ФЗУ [illegible] (г. Ростов-на-Дону) — 1-я премия НКЛП РСФСР — 18 тыс. руб.

3. Школа ФЗУ фабрики [illegible] № 1 — 2-я премия НКЛП РСФСР — 12 тыс. руб.

ПО [illegible] ПРОМЫШЛЕННОСТИ:

1. Школа ФЗУ [illegible] фабрики им. Халтурина — 3-я премия НКЛП РСФСР — 10 тыс. руб.

2. Школа ФЗУ [illegible] завода им. Калинина — 4-я премия — НКЛП РСФСР — 7 тыс. руб.

ПО РАЗНЫМ [illegible]:

1. Киевская школа ФЗУ [illegible] промышленности — 4-я премия — 8 тыс. руб.

2. Школа ФЗУ [illegible] — всесоюзная грамота.

IV. НАРКОМЛЕС

ПО [illegible] И [illegible]УЧАМ:

1. [illegible] школа лесоохотучета — 1-я премия — 15 тыс. руб.

2. Казанская школа лесосплава — 2-я премия — 10 тыс. руб.

X. [illegible]КОМХОЗ

1. Ленинградская школа ФЗУ треста [illegible] — 1-я премия — 12 тыс. руб.

2. [illegible] школа ФЗУ коммунальников — 2-я премия — 6 тыс. рублей.

3. Одесская школа ФЗУ коммунальников — всесоюзная грамота.

XI. ЦУДОРТРАНС

1. Московская школа ФЗУ «Союзтранса» — 1-я премия — 20 тыс. рублей.

2. Владимирская школа дорстройучета — 2-я премия — 15 тыс. руб.

XII. ЦЕНТРОСОЮЗ

1. Ленинградская школа ФЗУ кооперативного ученичества — 1-я премия — 8.500 руб.

2. Ленинградская школа ФЗУ хлебопечения — 2-я премия — 5 тыс. руб.

3. [illegible] школа ФЗУ кооперативного ученичества — всесоюзная грамота.

XIII. ВСЕКОПИТ

1. Киевская школа общественного питания (УССР) — 1-я премия — 8.500 руб.

2. Витебская школа ФЗУ общественного питания — 2-я премия — 6 тыс. рублей.

XIV. НАРКОМЮСТ

1. Саратовская школа ФЗУ НКЮ — 1-я премия — 12 тыс. руб.

2. Серпуховская школа ФЗУ НКЮ — 2-я премия — 6 тыс. руб.

3. 1-я московская школа ФЗУ НКЮ — 3-я премия — 4.500 руб.

4. 1-я ленинградская школа ФЗУ НКЮ — всесоюзная грамота.

XV. МЕТРОСТРОЙ

1. Московская школа «Стройуч» Метростроя — 1-я премия — 9 тыс. руб.

За оперативное руководство, активное участие и помощь в проведении 2-го всесоюзного социалистического соревнова-

РСФСР. Вырезка из газеты «Комсомольская правда» о присужденных школам ФЗУ НКЮ премиях

Соответственно этим целям, которые ставит пролетарское государство перед учреждениями, работающими с несовершеннолетними правонарушителями, строится и весь педагогический процесс в школах ФЗУ НКЮ.

Рабочий день подростка в школе ФЗУ НКЮ колеблется от 4 до 6 часов в зависимости от возраста и физического состояния. Труд их оплачивается согласно установленной тарифной сетке и охраняется по Кодексу законов о труде.

Основными видами производств школ ФЗУ НКЮ являются: обработка металла и станкостроение, обработка дерева. В школах по подготовке квалифицированных рабочих для сельского хозяйства обучаются трактористы, инструкторы различных отраслей сельского хозяйства — животноводы, огородники, садовники, полеводы и т. д.

Весь внутренний распорядок школ ФЗУ покоится на дисциплине, организованной на основе широкого привлечения творческой активности и самодеятельности воспитанников.

В РСФСР в быт воспитанников внесены некоторые элементы военизации, которая отнюдь не является игрой в солдатики, а тем более военной муштрой. В чем существо этой военизации? Школа является своеобразным батальоном, состоящим из соответствующих подразделений. Во главе батальона, а также и на других командирских должностях состоят сами же воспитанники, которые образуют совет батальона. Этот совет является высшим органом самоуправления школы. Он делится на соответствующие секции: производственную, культурно-бытовую, санитарную и т. д. При совете же издается центральная стенная газета школы (кроме газет цеховых, ротных, взводных и т. д.) и товарищеский суд.

Командир соответствующего подразделения (рота, взвод, отделение) несет ответственность за состояние вверенного ему подразделения вплоть до своевременного возвращения воспитанников из отпусков, прогулок и т. д.

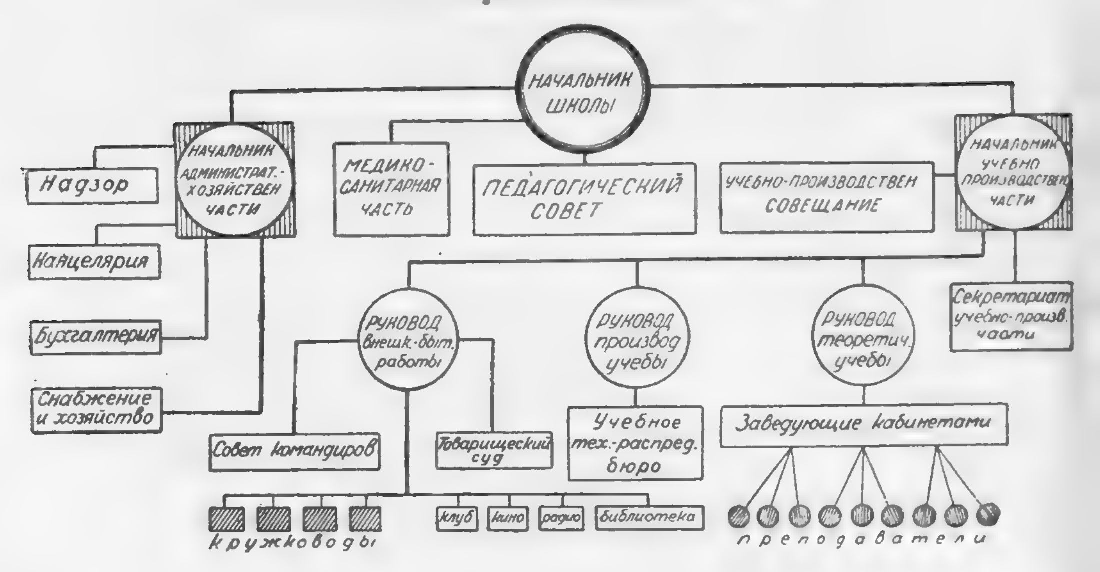
В школе, а также на демонстрациях, на коллективных прогулках воспитанники могут носить костюм защитного цвета по типу комсомольского «юнгштурма».

За время пребывания в школах подростки проходят через различные оздоровительные мероприятия, включая полутора—двухмесячные выезды в лагеря летом. Работа в лагерях школ ФЗУ НКЮ построена по принципу общих лагерей, куда вывозятся дети и подростки учебных заведений обычного типа.

В качестве образца такого лагеря можно привести опыт 1-й Московской школы ФЗУ, выезжавшей в 1933 г. в село Семеновское, Михневского района, Московской области. В лагерном сборе приняло участие 270 человек, из которых бежало только 4 человека. Обслуживающий персонал состоял из начальника лагерного сбора, начальника политчасти, трех политруков, педолога школы, начальника хозяйственной части, кладовщика, инструктора физкультуры и изобразительных искусств, фельдшера, педагога и четырех работников кухни.

При организации этого лагеря для ребят преследовались следующие

ТИПОВАЯ СХЕМА ОРГАНИЗАЦИИ ШКОЛЫ ФЗУ[1]

задачи: укрепление здоровья и физическая закалка воспитанников, перестройка работы самоуправления и ознакомление воспитанников с жизнью окрестных колхозов и совхозов.

Уезжая обратно в школу, участники лагеря увозили с собой шесть красных знамен, несколько грамот от местных властей и колхозников за ту большую работу, которую проделал лагерь за время своего летнего отдыха. В чем же заключалась эта работа? Несколько примеров: лагерь прибыл в село Семеновское 2 июля. С 4 по 12 июля шли дожди, которые способствовали разливу реки в селе Семеновском, затопившей целый ряд улиц. Это бедствие естественно привело в движение воспитанников школы, которые проявили настолько высокую сознательность, что, не считаясь с условиями наводнения, круглые сутки оказывали помощь не только гражданам при перевозке людей и имущества, но и торговым организациям, почтовой конторе, взяв на себя (и это бывшие воры-рецедивисты!) обязанность охраны государственного и общественного имущества. За эту ударную, героическую работу воспитанники были награждены первым красным знаменем районного исполкома и райкома ВКП(б), а также грамотами местного колхоза и сельсовета.

13 июля в районных организациях обсуждался вопрос о хлебосдаче. Сроки хлебосдачи находились под угрозой срыва, так как два километра дороги, идущей через лес на ст. Михнево, совершенно непригодны для проезда. Объездных путей нет. Ведущиеся ремонтные работы на дороге не обеспечивают окончания ее в срок. Воспитанники школы в порядке добровольной инициативы внесли в райисполком предложение проложить в порядке общественной помощи один километр дороги до 1 августа. Предложение воспитанников было принято, и весь лагерь в

[1] Эта схема составлена студентом-дипломником Московского института советского права т. Балашевым.

ударном порядке принялся за боевое задание. Работали в две смены по 4 часа. Находились охотники работать и в три смены, главным образом, по подготовке стройматериалов, так как колхозники не управлялись подвозить материалы. В процессе этой ударной работы воспитанники выдвинули встречный план, и прокладка одного километра дороги была закончена на 10 дней досрочно, т. е. в 6 дней. Вместо 1 августа, 19 июля уполномоченный районного исполкома совместно с дорожным уполномоченным и техником приняли от воспитанников законченный километр дороги. Сдав свою работу, подростки обратились ко всем колхозникам с обращением бороться с бездорожьем и за своевременную уборку урожая. За ударную работу по прокладке дороги воспитанники были награждены 2 красными знаменами райисполкома и райкома ВКП(б) и кроме того 3.000 рублей на их социально-бытовые нужды.

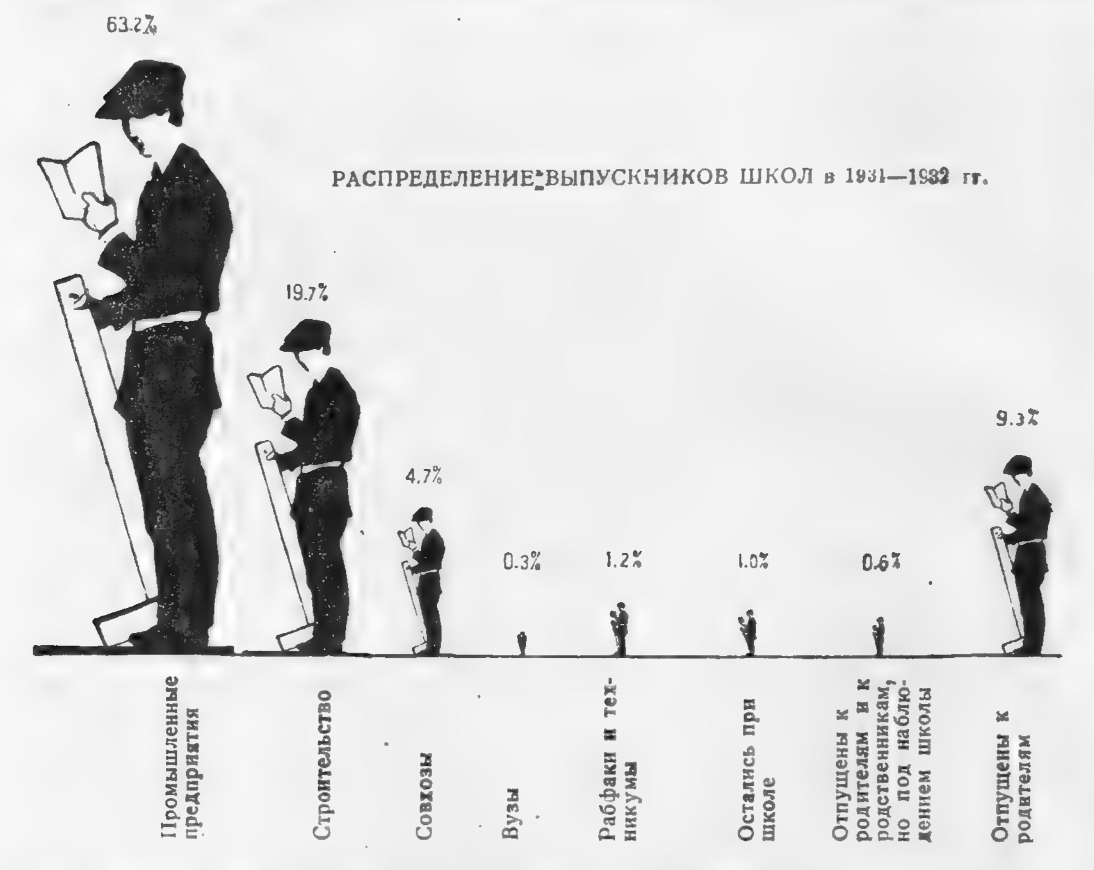
Свое обращение по ликвидации бездорожья воспитанники подкрепили участием в прокладке грунтовых подъездных путей к государственным семенным пунктам, за что получили 3-е красное знамя и благодарность президиума райисполкома. Работая по просьбе местного колхоза совместно с колхозниками по ликвидации прорыва на плотине, снесенной во время наводнения, подростки в максимально короткий срок, в 2½ дня, уложили 300 возов хворосту и 700 кубометров земли. За эту работу колхозники преподнесли лагерю красное знамя, 6 пудов яблок и 6 пудов огурцов в качестве угощений. Таких знамен почета и гордости воспитанники школы ФЗУ НКЮ привезли в Москву шесть, не считая почетных грамот и постановлений общественных организаций, отмечающих ударную работу как лагеря в целом, так и его отдельных героев.

Все внутренние вопросы лагеря — наряды на работу, конфликты, хозяйственные вопросы, культурно-просветительное обслуживание ребят — непосредственно разрешались и проводились их самоуправлением. Тут же в лагере проводились занятия с отстающими воспитанниками и подготовка их к началу учебного года. Вся жизнь этого своеобразного коллектива «неисправимых» развертывалась на основе индивидуальных договоров соцсоревнования и ударничества, которые при проверке перед выездом в Москву выявили 100 премированных ударников. Широко развернутая работа по физическому оздоровлению подростков дала возможность лагерю совместно с пионербазой завода им. Лепсе провести одну спартакиаду и 35 костров с массовыми играми и плясками.

18 августа отправлявшихся в Москву воспитанников 1-й школы ФЗУ НКЮ провожала масса колхозников. На митинге, устроенном по этому поводу, председатель колхоза «Отрада» благодарил школу за социалистическую помощь, оказанную подростками колхозникам и совхозу в деле уборки блестящего урожая 1933 г., а также по строительству дороги. Заканчивая митинг, он вручил школе приглашение на проведение лагерного сбора у них в селе Семеновском и в 1934 г. На станции Михнево воспитанников в свою очередь встретили секретарь Михневского райкома ВКП(б), председатель райисполкома, председатель районной контрольной комиссии ВКП(б), секретарь райкома ВЛКСМ и

другие представители общественных организаций. Здесь также был организован митинг-летучка, на котором секретарь райкома, отметив большую работу, проделанную подростками во время лагерного сбора, вручил школе приглашение на лагерный сбор в 1934 г. и от имени районных организаций.

Нужно ли говорить, что этот лагерный сбор и то внимание, которым была окружена вся работа воспитанников со стороны советской

общественности, удесятерили не только физические силы подростков, но и подняли их моральное состояние на такую высоту, которая дала право одному из воспитанников выразить свои переживания в таком четверостишье:

Мы рождены,
чтоб сказку сделать былью
и из тюрьмы
построить школу ФЗУ.

Но о перестройке тюрьмы в воспитательное учреждение свидетельствует не только бывший юный правонарушитель. Об этом также свидетельствует и руководитель ЦК ВЛКСМ т. Косарев в своем письме к воспитанникам Серпуховской школы ФЗУ НКЮ:

«Товарищи, воспитанники Серпуховской школы ФЗУ НКЮ! Рапорт ваш получил. Успехами вашей и других школ НКЮ гордится ленинский

комсомол. Там, за рубежом советской страны, миллионы трудящихся подростков не могут найти себе места в жизни. На тех, кто в отчаянии от голода нарушил право буржуазной частной собственности, капитализм накладывает вечную печать позора. У нас нет лишних людей,— каждый молодой человек из трудящихся нашей страны находит свое место в жизни. На своем личном опыте вы убедились, что пролетарское государство не ставит себе целью выбросить из жизни подростка, вышедшего из семьи рабочего и крестьянина и попавшего под влияние привычек и нравов тяжелого прошлого. Мы открываем перед вами дорогу к светлой и замечательной жизни.

У меня есть сведения о том, что выпущенные из других школ ФЗУ НКЮ работают у станков наших заводов, на полях совхозов и колхозов в качестве лучших ударников.

Я думаю, что если коллектив учащихся вашей школы и каждый из вас в отдельности действительно глубоко осознает творческую силу свободного труда,— результаты вашего соревнования будут еще лучше. Вы должны понять, что звание *рабочего* советской страны — высокая честь и ее нужно заслужить действительно честной, страстной и самоотверженной работой.

Ваш рапорт говорит за то, что вы можете этого достигнуть, успехи ваши очевидны. Надеюсь, что многие из вас заслужат скоро того, что будут примерно работать на предприятиях советской страны вместе со всей рабочей молодежью» [1].

---

[1] Цитирую сокращенно по газете «К трудовому общежитию» № 19 (121) от 13 сентября 1933 г.

А. Шестакова и Б. Утевский

ЖЕНЩИНА В ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

В царской России, справедливо заслужившей название «страны господ, страны рабов», рабским духом в особенности были проникнуты проводившиеся с беспощадной последовательностью «неслыханно подлые, отвратительно грязные, зверски грубые законы о неравенстве женщин» [1].

Если женщины помещичьего и буржуазного классов, мирясь со своим неравноправием, довольствовались ролью «наиболее испытанного орудия наслаждения», как их аттестовал даже представитель этих классов, Л. Толстой, или, в лучшем случае, ролью «супруги», «хозяйки», «матери» и «жены» и наравне с мужской частью класса эксплоататоров пользовались плодами этой эксплоатации, то трудящиеся женщины были объектом беспощадной эксплоатации не только на фабрике, на заводе, в помещичьей усадьбе или в барской семье, но и у себя дома, в личном быту.

Царское правительство, сознательно поддерживавшее народную темноту и невежество, издевалось в своих законах над женщиной, культивируя при помощи духовенства рабскую зависимость женщины и средневековые нравы, равнявшиеся по хорошо отражавшей господствующую мораль пословице: «курица не птица, баба не человек».

На почве беспросветной эксплоатации женщины-труженицы вырастали уродливыми цветками снохачество, проституция, как результат зависимости от фабриканта, барина, мастера, приказчика и т. д., детоубийства, мужеубийства, женский алкоголизм.

Но эксплоатация, угнетение, издевательства и зверские нравы царской России рождали в женщине и волю к протесту, проявлявшуюся не только в виде безнадежных попыток индивидуальной мести, но и в форме все более растущего участия в революционном движении.

Так двумя различными дорогами шла трудящаяся женщина в царскую тюрьму, на каторгу, в ссылку.

Вдвойне тяжелее было положение женщины в царских колониях, в национальных районах.

В колониях царской России, этой «тюрьмы народов», вся жизнь

[1] Ленин, т. XXIV, стр. 518.

женщины-нацменки оказывалась в самом подлинном смысле, пожизненной тюрьмой. Царское правительство, грабившее и фактически уничтожавшее нацменов, поддерживало и узаконяло в мусульманском населении своих «окраин» одно из сильнейших орудий эксплоатации и угнетения — религиозные законы, адаты и шариат, вводившие для восточной женщины столь абсолютное затворничество, что оно немногим отличалось от пожизненного заключения.

В силу этих законов женщина не смела разговаривать с посторонними мужчинами, не могла выходить из дому без мужа или отца, или кого-либо из родственников, не пользовалась правом иметь заработок вне дома, бывать в общественных местах, пойти на рынок или в магазин и т. д. Без чадры или паранджи, этой «передвижной тюрьмы», которую пожизненно набрасывали на 9—10-летнего ребенка, невольная затворница могла оставаться только в женской части дома, наглухо отгороженной от улицы и прочно отделенной от остальной части дома.

К каким незначительным пределам фактически сводилась грань, отделявшая такое принудительное затворничество женщины-нацменки от тюремного заключения, видно хотя бы из тех прав, какие по законам религии и обычая предоставлялись мужу: «муж есть повелитель и судья своей жены, а жена первая работница в доме. Она не только исполняет всякую домашнюю работу — стряпает, ткет сукно, шьет на мужа, но должна седлать и убирать лошадь мужа. *Муж имеет право наказывать свою жену за провинности и словами и побоями, даже до увечья, никто в таком случае не имеет права вступиться за его жену, даже отец или брат ее*»[1] (курсив наш. — *Ш.* и *У.*).

Как глубоко такое «право» въелось в быт восточных окраин в национальных районах доказывают неоднократные случаи обнаружения на Кавказе и в Средней Азии уже при советской власти темных подвалов и амбаров, в которых десятилетиями находились на цепи «наказанные» таким образом женщины-нацменки. А сколько их погибло в сыпучих песках, в глухих горных аулах от дозволенных шариатом, адатами и кораном «увечий», которые сплошь и рядом были просто зверскими убийствами!?

Трудящиеся женщины в царской России независимо от национальности и вероисповедания были, следовательно, самой забитой, самой униженной и обездоленной частью населения.

И можно себе представить, с какой силой обрушивались царские уголовные законы и тюремные правила на женщин, вступивших в конфликт с «обществом», не выдержавших того «законного» правопорядка, которым это общество обрекало их на жизнь не человека, а говорящего орудия наслаждения, объекта угнетения и эксплоатации.

Заключенную женщину ждал в тюрьме уродливый, неудобный и до боли натирающий тело арестантский наряд: зимой жесткая суконная кацавейка или кофта, суконный капор и из грубой холстины панталоны; летом — уродливая юбка и полосатый капот.

---

[1] Леонтович, Адаты кавказских горцев.

Хотя ст. 408 Устава о содержащихся под стражей не допускала наложения кандалов на женщин, но на практике эта статья часто не исполнялась и кандалов не избегали и женщины, в особенности осужденные за политические преступления [1].

Женский труд в царской тюрьме сводился к тяжелым, унизительным работам, не дающим никакой квалификации и не ограниченным никакими нормами.

Незадолго лишь до крушения царского режима отмененная инструкция смотрителю тюремного замка, последовательно проводившая классовую политику в тюрьме, с откровенной циничностью указывала в разделе «о занятиях по состоянию, полу и возрасту»:

«Занятия, приличествующие собственно женщинам простого сословия сверх вышеизъясненных, суть: 1) стирка белья; 2) мытье полов; 3) мытье посуды; 4) щипанье перьев».

И уже с поистине нечеловеческой беспощадностью обрушивались царские уголовные законы на женщин, осужденных к поселению или к каторжным работам. Наравне с мужчинами пешком проделывали они свой скорбный путь, в жару, в мороз, по бесконечным этапам, отданные на полный произвол и утеху любому конвоиру или матерому арестанту «Ивану» — этому неофициальному хозяину этапа.

Если ссыльной было не больше 40 лет, она направлялась на Сахалин. О нравах на Сахалине даже в царское время были написаны потрясающие страницы, от которых веет жутким средневековьем [2].

Но какой гнусностью и подлостью полна была вся «исправительная система» царского правительства в отношении ссыльно-каторжных женщин, мы видим хотя бы из следующей выдержки из работы врача Н. С. Лобаса: «Прибывшие на Сахалин партии ссыльно-каторжных женщин сортируются таким образом: пожилые женщины и некрасивые обыкновенно оставляются при тюрьме для несения вышеперечисленных работ (т. е. для шитья арестантского белья и одежды, мойки полов в казенных зданиях, обработки казенных огородов и обязанностей прислуги у чиновников. — *Ш.* и *У.*), остальные частью разбираются холостыми чиновниками, частью надзирателями; большая же часть их раздается ссыльно-поселенцами в сожительство».

Пункты 32—33 приказа по острову Сахалину за № 263 1896 г. являются позорнейшим из позорнейших документов царизма. Они гласят буквально следующее:

«Заявления ссыльно-поселенцев о желании получить ссыльную женщину для совместного ведения домообзаводства, подаются ежегодно к первому сентября смотрителю поселений.

По прибытии ссыльных женщин и по распределении их по округам, смотритель поселений, приняв женщин, препровождает их во вверенный ему участок, где распределяет по селениям в том числе, которое назначено приказом по острову.

---

[1] Ида Зильберблат, Вилюйская каторга, 1910—1914 гг., в журнале «Каторга и ссылка», 1930 г., № 4.

[2] Чехов, Дорошевич, Лобас.

Так как число прибывающих женщин крайне ограничено, то назначение их к ссыльно-поселенцам производится со строгим разбором и по ближайшем удостоверении смотрителя поселений, что поселенец упорным трудом и бережливостью настолько упрочил свой быт... и т. д. Поселенцам, нерадивым к домозаводству, замеченным в дурном поведении... женщин не назначать... Наблюдать, чтобы назначение женщин не производилось только на бумаге, так как в действительности женщины очень часто перехватываются надзирателями».

Как в действительности применялся этот приказ иллюстрируют следующие факты:

«По прибытии моем на о. Сахалин, я была определена на Пореченское поселье, где и вступила в сожительство с поселенцем Павлом Фоминым, с которым прожила два слишком месяца и от которого забеременела и хотела с ним обвенчаться... но приехал смотритель поселья... и ему почему то не понравилось наше житье. Он отобрал меня от Павла Фомина и хотел отдать другому поселенцу...» [1].

Или вот, например, как уже немолодую ссыльно-каторжную женшину Александрову, имеющую двух детей (10 и 6 лет) отдавали в сожительство на глазах свидетеля доктора Лобаса.

Мать (ссыльно-каторжанка Александра. — *Ш.* и *У*) с плачем валяется в ногах у начальства, умоляя не посылать ее к «мужику», дети цепляются за нее, кричат, дрожат... Мольбы и слезы не помогли и женщина была отдана в сожительство поселенцу Васильеву...», который, будучи лентяем, пьяницей и картежником, проиграл все имущество Александровой, ставшей в результате этого сожительства вскоре совершенно больным человеком.

Так же поступили и с ссыльно-каторжной Пирожковой. Ее отдали ссыльно-поселенцу Сисину, неисправимому моту, картежнику, человеку во всех отношениях оголтелому.

«Сисин пришел к заключению, что сожительница не по нем — барыня, а тут понадобились деньги на карту поставить, так он, не долго думая, продал Пирожкову надзирателю за три рубля. У надзирателя начальство Пирожкову отобрало и передало ее другому поселенцу. Несколько раз Пирожкова убегала в порт Александровский, чтобы избавиться от сожителя и повидаться с сыном, который находился в приюте. За побеги она несколько раз сиживала в карцерах и наконец была сослана на сожительство к поселенцу в селение Нояси за 160 верст от порта Александровского, откуда вследствие отсутствия дорог (сообщение только пароходом) убежать не могла и покорилась своей участи».

Бывало на Сахалине и так: «Одна каторжная женщина, принужденная вступить в сожительство с чиновником и прижившая от него двух детей, была сослана в селенье Пильво, население которого состояло из 30 холостых ссыльно-поселенцев. Женщина с детьми попала в ужасное положение. Ни днем, ни ночью она не имела покоя, изба ее настойчиво осаждалась тридцатью ухаживателями, способными на все. Волей-

---

[1] Из прошения ссыльно-каторжной Александровской тюрьмы Натальи Линевой. Цитируется по книге Н. С. Лобаса, изд. 1903 г. В. С. Лобаса.

неволей женщине пришлось выбрать себе сожителя-покровителя и защитника, но и это мало помогло делу, так как в его отсутствие ухаживания возобновлялись с новой силой. Сожитель этой женщины в конце концов был убит на дороге из с. Пильво в пост Александровский, и она перешла жить к надзирателю, так все-таки было покойней».

Но в своем глумлении над человеческим достоинством царские чиновники не знали удержа. До каких пределов доходили издевательства, говорят хотя бы такие факты, когда прибывающих на Сахалин мужей и жен рассылали по разным округам, причем «муж находится в тюрьме, а жена отдается в сожительство поселенцу. В один прекрасный день у начальства является мысль соединить супругов. Женщину призывают и объявляют ей, что ее отправят к мужу, но теперь она сама отказывается от свидания с ним, она беременна и ей стыдно показаться на глаза мужу в таком виде...».

Кошмарно жуткое впечатление производит прошение ссыльно-каторжной Александровской тюрьмы Ирины Федоровой, которая соглашалась нести любые каторжные работы, только бы не жить с поселенцем Сидоровым, потому что она страдает выпаданием матки, а начальник тюрьмы заставляет ее силой жить с ним.

И не мудрено, что, «исправляя» таким образом преступниц, царское правительство превращало их в живой товар, которым торговали и надзиратели и ссыльно-поселенцы, видевшие в получаемых ими «для домообзаводства» женщинах доходную статью.

Это же правительство доводило этих женщин до того, что они, опустившись, торговали впоследствии сами своими дочерьми, которым едва исполнилось 12—13 лет.

Почти до самого конца XIX века в царских тюрьмах практиковалось наказание женщин розгами. Позорный закон, допускавший это, был отменен в результате протеста массовым самоубийством подвергнутой телесному наказанию политзаключенной Сигиды и 20 других политзаключенных женщин и того всеобщего возмущения, которое в связи с этим грозным предостережением прокатилось не только по тюрьмам царской России.

Однако в период гражданской войны и интервенции разнузданная военщина с благословения «культурных» союзников восстановила этот излюбленный царизмом метод «внушения» преступницам должного образа мышления, и женщин нещадно пороли розгами, вплоть до засечения на том, дескать, основании, что женщина, принимающая участие на стороне красных, не достойна столь «благородного» способа расправы, как расстрел[1].

Мало чем отличается от положения женщины в царской России положение трудящейся женщины, заключенной в современной буржуазной тюрьме «цивилизованных стран», ибо, как на это неоднократно указывал Владимир Ильич Ленин:

«Просвещение, культура, цивилизация, свобода — все эти пышные слова соединяются во всех капиталистических, буржуазных республи-

---

[1] См. более подробно в ст. А. Шестаковой, Белый террор в эпоху интервенции, во втором томе этого сборника.

ках мира с неслыханно подлыми, отвратительно-грязными, зверски грубыми законами о неравенстве женщины, по законам о брачном праве и о разводе, о неравенстве внебрачного ребенка с «законнорожденным», о привилегиях для мужчин, об унижении и оскорблении для женщины» [1].

До фашистского переворота в Европе было принято считать одной из наиболее «передовых» стран в смысле тюремных реформ Германию. В изданном там в 1928 г. сборнике «Выполнение приговоров в Пруссии» во вступительной статье весьма красноречиво указывается, что выполнение приговоров к лишению свободы — «не просто юридический или административно-технический процесс, но что эта работа над поскользнувшимся и ушибленным человеком является *культурным и общественным делом. Воспитание к свободе* — это конечная цель исполнения приговора к лишению свободы, воспитание социального человека, возвращение несоциального человека в организм народного коллектива» [2].

Как же это «культурное и общественное» дело осуществляется в отношении заключенных женщин? Об этом рассказывает в том же сборнике бывший член рейхстага Агнесса Нейгауз.

Достаточно только прочитать несколько строк из ее статьи, чтобы увидеть, с каким невероятным ханженством и лицемерием делается попытка оправдать применение к женщинам системы одиночного заключения.

Агнесса Нейгауз пишет: «Еще несколько слов по важному вопросу: одиночное или общее заключение? По единодушному мнению многих тюремных работниц, а также работниц попечительств, в отношении женщин заключенных речь может итти, по крайней мере, как правило, только об одиночном заключении. Все воспитательные мероприятия, все религиозные и попечительские влияния самым решительным образом подкрепляются одиночеством камеры. Посеянное доброе семя может здесь при спокойном размышлении развиваться и пустить корни, в то время как при общем заключении просыпающаяся добрая воля одной заключенной снова уничтожается под влиянием насмешек и издевательств других» [3].

Если к этой апологии одиночного заключения прибавить указание Агнессы Нейгауз, что одним из главных средств для «возрождения» женщин-заключенных является религиозное воздействие, а также учесть отупляющий, унизительный труд и суровые правила режима, со всей силой обрушивающиеся на заключенных пролетариев, то положение женщины-труженицы в германской тюрьме вырисовывается в достаточно ярком и классово обнаженном свете.

О том, что творится во французских женских тюрьмах, почти ничего не пишется. Но достаточно и тех немногих фактов, которые нам известны, чтобы получить полное представление о том режиме, который господствует в этих тюрьмах.

---

[1] Ленин, т. XXIV, стр. 518.
[2] „Strafvollzug in Preussen".
[3] Там же.

На II всероссийском съезде работников пенитенциарного дела в Москве т. А. Марти рассказывал: «Во Франции есть две тюрьмы для женщин: центральный дом в Рене и центральный дом в Монпелье. Вообще тюрьмы разделяются на две части: повсюду они состоят из женского отделения и из мужского. Я приведу вам только тюрьму святого Лазаря, которая известна своей грязью и бесчестием. С женщинами там обращаются так же, как и с мужчинами. Когда они попадают туда, им *также бреют голову,* одевают в арестантскую одежду и подвергают такому же режиму, как и мужчин» [1].

А вот что вынуждены сказать в своей брошюре либеральные парижские адвокаты А. Debled и R.Pelletier о двух специальных женских тюрьмах Франции: «Когда входишь в одну из этих двух тюрем, например, в Рене, тебя охватывает дрожь, чувствуешь какую-то особую тяжесть...». Женщины там работают весь день, за исключением двух коротеньких перерывов в течение дня. Лишь шум машин и топот деревянных туфель нарушает молчание этого места. Ни одного звука голоса, ни одного шопота в этой настоящей могиле. где женщины только знаками отвечают на вопросы администрации. Письма — единственный способ их общения с внешним миром. Им разрешено получать письма один раз в месяц или два раза, а если их поведение образцово, максимум три раза. Первые дни заключенная иногда возмущается: это бурный кризис, но потом характер слабеет, умеряется, обуздывается, душевная деятельность кончает подчинением, воля разрушается, личность уничтожается, остается нечто вроде автомата, что-то неопределенное, какая-то несчастная заключенная. Это — страдание сообща, страдание в молчании для тех, кто остаются здесь недолго, и для тех, кто остаются здесь без срока, для тех, кто сгорбившись и состарившись избавляются, наконец, от работы, дождавшись дня, когда их забирают нищенские похоронные дроги» [2].

Такое же положение женщин, заключенных в тюрьмах других капиталистических стран — Англии, Америки, Бельгии. Уголовные или «политические преступницы» — они отличаются друг от друга только количеством страдания, унижения, издевательств, только большей или меньшей степенью физического уничтожения.

Еще хуже,— ибо нет предела мучительствам фашистских тюремщиков, — положение заключенных женщин в Румынии, Венгрии и в других фашистских и полуфашистских странах, а также в современной фашистской Германии. Самоубийства заключенных женщин как единственный способ вырваться из тисков невыносимых страданий перестали там быть редкостью.

●

«Большевистская, советская революция,— писал в 1921 г. Ленин,— подрезывает корни угнетения и неравенства женщин так глубоко, как не дерзала подрезать ни одна партия и ни одна революция в мире.

---

[1] А. Марти в «Стенографическом отчете Второго всероссийского съезда работников пенитенциарного дела 1925 г.», стр. 11. Сейчас тюрьма в Сан-Лазар закрыта (1932 г.).

[2] R. Pelletier et A. Debled, Les prisons de femmes 1923, p. 30, 33.

РСФСР. Владикавказская фабрично-трудовая колония. Лишенная свободы за уроком в камере

УССР. Одесская промколония. В камере за разучиванием пьесы

БССР. Витебская заводская колония (кирпичный завод). Разучивание песни по нотам под аккомпанемент гитары в женском бараке

От неравенства женщины с мужчиной по закону у нас, в Советской России, не осталось и следа»[1], так как «Советская республика России сразу смела *все без изъятия* законодательные следы неравенства женщины, сразу обеспечила ей полное равенство по закону»[2].

Но советская власть не остановилась на одном лишь уравнении прав женщины с мужчиной. Внешне и формально «уравнительный» подход противоречил бы проводимым в стране диктатуры пролетариата принципам действительного, а не формального освобождения трудящихся, так как «равенство по закону не есть еще равенство в жизни»[3].

И не кто иной, как Ленин, неустанно подчеркивал эту именно особенность пролетарской диктатуры, так как «советский строй есть последний решительный бой за *уничтожение классов*, за экономическое и социальное равенство. Демократии, даже демократии для угнетенных капитализмом, в том числе для угнетенного пола — *нам мало*»[4].

В Стране советов женщина не только уравнена в правах с мужчиной, но и получила действительную охрану своих прав как мать в трудовом законодательстве, в брачном и семейном праве, в уголовном законодательстве, в исправительно-трудовых кодексах всех союзных республик.

Обязательный для всех союзных республик законодательный памятник — «Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» — устанавливает для совершивших преступления женщин ряд облегчений. Так, беременная женщина не может подлежать высшей мере социальной защиты — расстрелу.

Далее, беременность женщины при совершении ею преступления признается смягчающим обстоятельством при определении судом меры репрессии.

Однако, анализ судебной практики показывает, что независимо от того, совершила ли женщина преступление в состоянии беременности или нет, суды в СССР систематически смягчают репрессию в отношении осужденных ими женщин. Это было установлено, например, еще при изучении данных переписи в местах лишения свободы, произведенной в 1926 г. одновременно со всесоюзной переписью населения[5].

На основе обильного статистического материала, полученного в результате переписи, было установлено, что по всем преступлениям процент приговоренных к лишению свободы на срок до одного года среди женщин был выше, чем среди мужчин, а процент приговоренных на сроки свыше одного года наоборот выше у мужчин, чем у женщин. Анализ сроков лишения свободы в отношении рецидивистов показывает также, что при применении репрессии суд всегда относится к женщине мягче, чем к мужчине.

Это подтверждают и более поздние данные, например, на 1 января 1929 г., как видно из следующей таблицы:

[1] Ленин, т. XXVI стр. 193.
[2] Ленин, т. XXV, стр. 63.
[3] Там же, стр. 40.
[4] Там же, стр. 61.
[5] См. сборник «Современная преступность», вып. I.

Пол	На срок до 3 мес.	Свыше 3 до 6 мес.	Свыше 6 м. до 1 года	Свыше 1 г. до 2 лет	Свыше 2 лет до 3 лет	Свыше 3 лет до 5 лет	Свыше 5 лет до 10 лет	Всего
Мужчин	8,7	11,6	16,8	21,1	13,6	14,6	12,6	100%
Женщин	18,3	20,1	21,0	17,1	11,1	7,9	4,5	100%

По данным этой таблицы, относящейся к РСФСР, чем ниже срок лишения свободы, тем больше процент присужденных к нему женщин, по сравнению с мужчиной, наоборот, чем выше срок, тем меньше падающий на него процент осужденных женщин.

Общий процент осужденных женщин (ко всем мерам социальной защиты) рисуется по СССР из следующей таблицы:

	Мужчин						Женщин					
	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.
РСФСР	86,7	87,3	86,5	84,1	86,3	88,1	13,3	12,7	13,5	15,9	13,7	11,9
БССР	—	—	85,4	84,6	85,2	86,1	—	—	14,6	15.4	14,8	13,9
УССР	87,9	88,9	90.0	88,4	84,5	84,3	12,1	11,1	10,0	11,6	15,5	15,7
ЗСФСР	96,8	95,8	95,1	—	—	—	3,2	4,2	4,9	—	—	—
УзбССР	87,2	94,1	93,6	93,4	94,8	92,5	12,8	5,9	6,4	6,6	5,2	7,5
ТуркССР	87,8	93,4	94,9	95,0	94,8	94,6	12,2	6,6	5,1	5,0	2,2	5,4

Доля, приходящаяся на женщин, осужденных к лишению свободы, значительно меньше. Так, из каждых 100 лишенных свободы было женщин [1].

В какой союзной республике	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
РСФСР	—	—	5,5%	6,0%
УССР	4,9%	4,8%	5,7%	5,7%

Надо отметить все еще сравнительно высокий процент рецидивистов среди лишенных свободы женщин. Как известно, во всех странах процент рецидивистов выше среди женщин, чем среди мужчин, так как женщине, совершившей преступление, в особенности же имущественное преступление, очень трудно удержаться от деклассации, а деклассировавшись, невозможно уже в условиях капиталистического общества подняться из глубины «преступного дна».

[1] Что касается союзных республик Средней Азии и Закавказья, то там число женщин, осужденных к лишению свободы, крайне ничтожно и насчитывается в пределах, не превышающих сотни человек. — *Ш.* и *У.*

В Англии, например, процент женщин-рецидивисток превышает 80% общего числа женщин заключенных[1]. В СССР он никогда не поднимался до таких грандиозных размеров, хотя процент рецидивисток-женщин и у нас все еще в силу неизжитых предрассудков и традиций прошлого выше процента рецидивистов-мужчин.

Исправительно-трудовые кодексы союзных республик совершенно понятно отражают ту общую линию упорной борьбы, которая проводится советской властью во всех отраслях хозяйственной, культурной и политической жизни СССР за действительное, а не формальное только раскрепощение женщины. А отсюда также естественно, что исправительно-трудовые кодексы в этом отношении дополняются специальными статьями других законодательных актов, охраняющих права женщин.

Хотя принцип отдельного содержания лишенных свободы мужчин и женщин не вызывает никакого сомнения, но тем не менее все исправительно-трудовые кодексы считают необходимым особо оговорить это положение (ст. 114 ИТК РСФСР, 1933 г., ст. 56 ИТК УССР, ст. 54 ИТК БССР, ст. 121 ИТК УзбССР).

Однако, в СССР это отдельное содержание мужчин и женщин лишенных свободы ничего общего не имеет с раздельным содержанием мужчин и женщин в тюрьмах капиталистических стран. Там этот принцип разделения проводится с исключительно ханжеской и лицемерной последовательностью, не знающей никаких отступлений и поблажек. Заключенные мужчина и женщина не должны в течение всего срока лишения свободы приходить в какое-либо общение.

До какой тупой ограниченности доходят при этом, лучше всего свидетельствует состоявшийся в 1914 г. II всероссийский съезд тюремных деятелей, на котором был поставлен и со всей «серьезностью» обсуждался вопрос: «Могут ли быть допускаемы к исполнению служебных обязанностей в мужских отделениях тюрем вместо фельдшеров фельдщерицы». Резолюция съезда ответила на этот вопрос отрицательно[2]. «Целомудренное» начальство свято соблюдало «принципы нравственности».

В советских местах лишения свободы, в которых половая проблема благодаря кратким срокам лишения свободы, отпускам и ничем не ограниченным свиданиям в открытых колониях вообще не имеет особой остроты, подобное лицемерие и ханжеское отношение к вопросам «нравственности» выжжены огнем.

В чем же в таком случае суть отдельного содержания женщин и мужчин в местах лишения свободы в СССР? А в том, что женщины и мужчины лишенные свободы хотя и живут в разных зданиях и корпусах, но работают в одних предприятиях, посещают совместно кино, театр, библиотеки, читальни, вместе и полноправно работают в общественных организациях лишенных свободы.

---

[1] Reports of the kommissioners of prisons and the directors of convict prisons for the jears 1921—1924 г.

[2] II Всероссийский съезд тюремных деятелей в С.-Петербурге в 1914 г. Извлечение из бюллетеней 1914 г., стр. 69.

РСФСР. Новинский домзак. Лучшая ударница электромонтер

Практически же это сводится к тому, что на людей затрачиваются средства и время для подготовки, например, из них прачек или портних, зная, порой отчетливо, что по выходе на свободу они не воспользуются приобретенной специальностью, к слову сказать, не всегда достаточно высокого качества с точки зрения подготовки.

Уместен вопрос, почему же не перейти на другие виды профтехобразования?

Вот здесь-то мы и упираемся в производственную базу женского места лишения свободы, на основе которой обычно развертывается профтехобразование правонарушительниц. Изменение этой базы в пределах именно специфически женского учреждения чрезвычайно затруднено, а порой и просто даже невозможно.

Между тем охват лишенных свободы женщин, составляющих все же довольно ничтожный процент в общей массе населения исправительно-трудовых учреждений СССР, самыми разнообразными видами профессионально-технической учебы не представляет никаких особых затруднений, если женщины наравне с мужчинами втянуты в общие производственные и сельскохозяйственные предприятия исправ.-труд. системы.

Практически это так в СССР и делается, и не только на Украине, где нет ни одного женского места лишения свободы, но и в РСФСР, в БССР и даже в восточных союзных республиках, где еще так недавно среди общего населения, не говоря уже о «тюрьме», борьба за снятие паранджи, борьба за право женщины на общественно-производительный труд протекала в ожесточенных и нередко кровавых формах.

Охрана матери и ее ребенка, забота о них не оставляют женщину Советского союза даже и тогда, когда она перешагнула порог места лишения свободы.

Беременные женщины и в период лишения свободы, начиная с пятого месяца беременности, не могут посылаться на работы вне места лишения свободы без их на то согласия (ст. 74 ИТК РСФСР 1933 г., ст. 57 ИТК УССР, ст. 139 ИТК БССР, ст. 67 ИТК УзбССР). Для женщин, отбывающих исправительно-трудовые работы без лишения свободы, установлено аналогичное правило, по которому они, начиная с пятого месяца беременности, также не могут посылаться без их на то согласия на работы вне места своего постоянного жительства (ст. 18 ИТК РСФСР 1933 г.). В УССР в отношении таких женщин оговаривается, что работы им «должны предоставлять наиболее легкие и подходящие по состоянию здоровья и по возможности вблизи от их места жительства» (ст. 196 ИТК УССР).

К работающим беременным женщинам и в период лишения свободы применяются все правила, установленные Кодексом законов о труде. Они освобождаются от работы при физическом труде в течение восьми недель, а при умственном труде в течение шести недель до и на такой же срок после родов с сохранением им на этот срок полного заработка, выдаваемого в это время без каких бы то ни было ограничений. Кормящим матерям кроме общих перерывов предоставляются еще дополнительные перерывы для кормления ребенка с отнесением их в счет рабочего времени.

Ставится уже вопрос о создании фонда в местах лишения свободы на выдачу кормящей матери определенного пособия на молоко в течение срока кормления, как это практикуется в отношении работающих матерей на воле. Выдачу натурального пособия кормящим матерям правильно было бы организовать через медчасти мест лишения свободы.

Украинский исправительно-трудовой кодекс содержит правило, по которому лишенные свободы беременные женщины, начиная с пятого месяца, а кормящие грудью на все время нормального срока кормления помещаются в особые наилучше оборудованные помещения и зачисляются на больничный паек вместе с детьми. Беременные женщины, начиная с седьмого месяца беременности, и в послеродовой период в течение шести недель содержатся в отдельных больничных палатах и на больничном пайке (ст. 57 ИТК УССР).

Это положение украинского исправительно-трудового кодекса необходимо с точки зрения практического применения внести в исправительно-трудовые кодексы других союзных республик, предусмотрев также порядок обслуживания матери и ребенка и в тех случаях, когда больница фактически не может зачислить такую женщину на больничную койку, но может организовать ее питание и обслуживание в камере или бараке.

Исправительно-трудовые кодексы союзных республик разрешают принимать в места лишения свободы вместе с женщинами и их грудных детей (ст. 46 ИТК РСФСР 1933 г., ст. 30 ИТК УССР, ст. 26 ИТК БССР, ст. 116 ИТК УзбССР). При этом в РСФСР в 1930 г. установлен был порядок, по которому запрещалось содержание в местах лишения свободы вместе с матерями детей в возрасте старше одного года, с тем, конечно, что обеспечивается либо передача таких детей на попечение родным или близким, либо помещение их в дома ребенка и детские дома.

В УССР, наоборот, разрешается принятие в исправительно-трудовые учреждения вместе с матерями детей в возрасте до четырех лет (ст. 30 ИТК УССР). Новый исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1933 г. становится на украинскую точку зрения и также разрешает лишенным свободы женщинам иметь при себе своих детей до четырех лет. Для этих детей в обязательном порядке организуются ясли (ст. 46 ИТК 1933 г.).

Надо думать, что и это положение украинского ИТК станет общесоюзным.

Наконец, ко всем женщинам, лишенным свободы, применяются правила охраны женского труда, установленные трудовым законодательством (запрещение особо тяжелых и вредных работ и т. д.).

Однако наличие специального законодательства, охраняющего труд и здоровье женщины и матери даже и в период лишения свободы, не означает того, что в советских местах лишения свободы к женщинам в отличие от мужчин применяются какие-то особые методы исправительно-трудового воздействия.

В буржуазной пенитенциарной литературе, совершенно последовательно для буржуазного мировоззрения систематически проводится мысль о какой-то особой «специфической» работе с заключенными

женщинами. Однако на деле вся эта «специфичность» сводится к угнетению женщины и унижению ее человеческого достоинства, к одурманиванию ее религиозным чадом и призраком лучшей загробной жизни, чтобы не так уж горька была и не будила протеста земная жизнь.

Когда читаешь длинные рассуждения либерально-демократических деятелей и особенно деятельниц о «специфичности» работы с женщинами заключенными, не знаешь, чего в этих рассуждениях больше: архиобывательских ли мещанских взглядов на женщину, или примитивных ломброзианских теорий, удивительно живучих потому, что над их живучестью работает такой сложный аппарат буржуазно-помещичьего угнетения, как государство и церковь.

Рассуждения теоретиков и практиков буржуазного «тюрьмоведения» о таких, например, проблемах, как «женщина в тюрьме», в конечном счете сводятся к попыткам оправдания применения к женщинам одиночного заключения, правила молчания, усиленного религиозного воздействия и прочей, как говорил еще Маркс, «смеси юридического наказания и теологического мучительства».

Советская исправительно-трудовая политика не признает этой «особой» специфичности содержания и методов «воспитательного» воздействия на женщин лишенных свободы, как вытекающих из неравноправия, из угнетения женщин вообще. Все без исключения методы исправительно-трудового воздействия, которые принципиально отличают советскую исправительно-трудовую политику от тюремной политики капиталистических стран, применяются в одинаковой степени к обоим полам, с учетом, конечно, охраны здоровья женщины как матери, а также и ее прошлой отсталости и забитости.

Следовательно, в СССР лишенная свободы женщина имеет возможность работать в мастерских или на фабрике, на поле или огороде, как и лишенный свободы мужчина.

За свой труд, равный по квалификации труду мужчины, она получает равный с ним заработок. Она имеет возможность учиться в такой же общеобразовательной школе, как и мужчина, посещать школы и курсы профтехнического образования, быть, наконец, избранной и работать в тех же общественных организациях, в каких работает и лишенный свободы мужчина.

Как видим, на советское место лишения свободы возложена, таким образом, очень серьезная и ответственная задача — создать трудящейся женщине и в период лишения свободы все условия и возможности подготовиться к вступлению по выходе на свободу в ряды активных участников социалистического строительства.

Нельзя, конечно, закрывать глаза на то, что всеми этими правами и возможностями пользуются еще не все женщины, отбывающие лишение свободы. Не обходится в практике исправительно-трудовых учреждений и без того, чтобы отдельные самодуры и просто примазавшиеся прохвосты из административно-строевого состава не пытались своими действиями и распоряжениями дискредитировать основные установки партии и правительства по работе среди женщин, которые в основном имеют силу и должны осуществляться и в исправительно-

трудовой системе применительно к своеобразным условиям лишения свободы.

Мы имеем в виду немногочисленные, но тем не менее показательные случаи использования служебного положения в целях склонения лишенной свободы женщины к половой связи, отдачи нелепых приказов с соответствующими административными последствиями вроде того, что женщинам в период лишения свободы неприлично носить платья с большими вырезами или проявлять друг к другу нежные отношения. Причем под эти «нежные» отношения подгонялись и такие случаи, когда женщины, сидя в недостаточно натопленном помещении клуба, кутались в один платок или набрасывали на себя одно пальто.

Не везде еще понята также необходимость более глубокой работы с правонарушительницами-рецидивистками в целях дачи им более серьезных знаний и производственной квалификации.

Есть и такие начальники исправительно-трудовых учреждений, которые вместо того, чтобы поставить женщин в первую очередь на производство (мы имеем в виду также и сельскохозяйственные колонии) и одновременно зачислить их в профтехшколу, прикрепляют их наоборот на весь срок лишения свободы к черным работам в качестве судомоек, поломоек, прачек и т. д.

С этими извращениями ведется борьба, но с нашей точки зрения она далеко все же недостаточна. Причем проведение этой борьбы почти нигде и никогда не было связано с одновременной массовой разъяснительной работой среди женщин, чтобы каждая из них знала и умела бороться за свои права и требовать их осуществления и в исправительно-трудовом учреждении.

В целях охраны матери и ее ребенка и в период лишения свободы во всех местах лишения свободы, где содержатся женщины, организовываются в обязательном порядке под руководством врачей ясли для грудных и малолетних детей. Техническое обслуживание яслей лежит на самих лишенных свободы женщинах. Ясли организовываются типа суточных. Матери допускаются в ясли только для кормления детей грудью и для несения общественного контроля. В выходные дни матери могут оставаться с детьми в течение всего дня. С матерями проводятся беседы на санитарно-гигиенические темы, связанные с кормлением и уходом за детьми, о профилактике детских болезней и об уходе за больным ребенком.

В тех республиках, где в места лишения свободы допускаются лишь грудные дети, они по выходе из грудного возраста передаются в соответствующие детские учреждения. Матерям обеспечивается при этом возможность регулярных свиданий с детьми. Для этого им предоставляются краткосрочные отпуска, как правило, без надзора. Лишь в случаях склонности к побегу или особой социальной опасности отпускаемой на свидание к ребенку, ее сопровождает работник места лишения свободы.

Не отрицает советская исправительно-трудовая политика и особых трудностей работы с некоторыми категориями лишенных свободы женщин, а именно с бывшими проститутками, алкоголичками, истеричка-

РСФСР. Новинский женский домзак. Лишенная свободы ясельная няня

УССР. Одесская промколония. Ясли для детей лишенных свободы матерей

БССР. Минская фабрично-трудовая колония. Швейная фабрика. Женщины, лишенные свободы, работают в общем помещении с мужчинами

БССР. Гомельская сельхозколония «Воля». Парниковое хозяйство. Лишенные свободы обоего пола за работой в парниках

ми. Повышенная нервная возбудимость, еще более обостряемая отсутствием привычных возбудителей и обстановкой лишения свободы, часто ведет к всевозможным конфликтам с окружающими, к необходимости при помощи острой и бурной вспышки дать выход своему возбуждению, к бессмысленным действиям, к хулиганским поступкам, к беспричинным ссорам и дракам, к учащенным дисциплинарным проступкам.

Более сложна у некоторой части женщин лишенных свободы и половая жизнь. Конечно, в советских местах лишения свободы все делается, чтобы коллизия в этой области не достигала той сложности и напряженности, которую она имеет и не может не иметь в тюрьмах капиталистических стран. В условиях меньших сроков лишения свободы, получения отпусков, отсутствия вынужденного безделия в обстановке все более и более приближающейся к нормальному общежитию вне места лишения свободы, эта проблема почти снимается, а значит и лишается той остроты, которую она неизбежно приобретает в капиталистических тюрьмах с их огромными, нередко пожизненными сроками лишения свободы, с полнейшей изоляцией на все время срока от внешней жизни, с бесперспективным, одуряющим трудом и убийственной лицемерной проповедью о воздержании и умерщвлении плоти.

Особенно большое значение уделяет советская власть, при развертывании политико-воспитательной работы среди женщин вообще и в том числе среди лишенных свободы, борьбе с суевериями, со всевозможными пережитками и предрассудками прошлого и в особенности с религиозными. В то время, как в капиталистических тюрьмах центр тяжести воздействия на женщин заключенных видят в укреплении у них религиозных предрассудков, в советских местах лишения свободы эти предрассудки среди женщин особенно энергично изживаются. В цитированной уже нами статье Агнессы Нейгауз доказывается, что у женщин «во многих случаях собственной причиной падения является религиозный индиферентизм и полное отсутствие религиозного проявления там, вовне» и что основным средством воспитательного воздействия на заключенных женщин, таким образом, должно явиться религиозное воздействие.

Диаметрально-противоположные методы используются в советских местах лишения свободы. Проводимое в советских местах лишения свободы коммунистическое воспитание одной из своих частей имеет также и антирелигиозную пропаганду, освобождение женщины от густой паутины опутывающих ее еще в ряде случаев религиозных предрассудков.

Агнесса Нейгауз, между прочим, рассказывает о боязни многих женщин, заключенных в германских тюрьмах, перед ожидающей их свободой. Да как же могло быть иначе? Ведь это же страх тех, кто не получил в тюрьме ничего кроме огромных доз молитв, проповедей и богослужений, по выходе на свободу, увы, не спасающих от проституции и повторных преступлений.

Иное испытывает лишенная свободы при освобождении в СССР: она смело и уверенно выходит за тюремные ворота, ибо знает, что найдет

работу, найдет место в общем процессе великого социалистического строительства.

Вот почему стали уже типичными и уже не вызывают ни у кого никакого удивления письма, полученные редакциями газет лишенных свободы: «Невольно в этот день (8 марта) вспоминаешь свою прошлую жизнь. Я раньше была забитой, бесправной рабой. О вопросах государственного строительства я не имела представления, о значении дня 8 марта я не знала... Теперь же, даже будучи в заключении, я ликвидировала свою неграмотность, культурно просветлела, многому хорошему научилась. По выходе на свободу я буду посещать собрания, принимать самое активное участие в работе женщин по строительству здоровой трудовой жизни («К новой жизни»).

Однако, хотя эти письма и не удивляют нас, тем не менее мы ни в какой степени не должны успокаиваться на достигнутых результатах. Эти результаты, конечно, неизмеримо велики в сравнении с положением женщины в самых даже «передовых» капиталистических странах, но с точки зрения построения социалистического общества — это всего лишь начало великой всемирно-исторической борьбы за построение нового человеческого общества, в котором не будет не только классов и классового угнетения, но и угнетения одного пола другим.

Н. Спасокукоцкий и З. Быховский

МЕДИКО-САНИТАРНОЕ ДЕЛО В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Самая сущность капиталистической тюрьмы и классовое содержание ее задач исключают сколько-нибудь серьезную постановку медико-санитарной помощи и делают тюремных врачей невольными или сознательными соучастниками физического и душевного калечения заключенных, а в отношении заключенных революционеров—физического их уничтожения. Чтобы в этом убедиться, достаточно вспомнить хотя бы следующие характерные особенности современных буржуазных, в особенности фашистских, тюремных систем: кару и возмездие; стремление сломить волю заключенного пролетария, сделать его тупым, покорным, безвольным объектом эксплоатации; все более цинично проводимую, по мере роста революционного движения пролетариата, фашизацию тюремной репрессии, легализированную систему пыток, избиений, сырых, темных камер и полуголодного пайка.

Можно ли серьезно говорить о медико-санитарной помощи в тюрьмах, в которых отказ от медицинской помощи является одним из методов осуществления тюремной репрессии? А ведь сообщения политзаключенных о капиталистических тюрьмах, повседневная хроника МОПР или воспоминания политических заключенных царских тюрем дают сотни примеров сознательного, планомерного, вошедшего в систему отказа врачей в медицинской помощи заключенным. В тюрьмах, весь режим и все условия содержания в которых сознательно допускают или даже преследуют психо-физическую деградацию заключенных и их преждевременную инвалидность, о действительной медицинской помощи не может быть и речи.

В советских республиках самые задачи, которые ставятся местам лишения свободы, и методы, при помощи которых эти задачи осуществляются, предполагают максимальное развитие медико-санитарного дела.

Если лишению свободы не ставятся задачи мести, если целью лишения свободы является перевоспитание, переделка социально-неустойчивого человека, превращение его в полноценного активного участника социалистической стройки, то очень существенное значение приобретает физическое оздоровление лишенного свободы, диктуемое нам уже тем, что общие установки советской медицины распространяются и на места лишения свободы. Неудивительно поэтому, что исправитель-

но-трудовые кодексы всех союзных республик содержат правила об организации медико-санитарного дела в местах лишения свободы, а некоторые кодексы (например, УССР, БССР) подробно регламентируют организацию медико-санитарного дела в местах лишения свободы.

Только в советских исправительно-трудовых кодексах можно найти в частности требование проведения в каждом месте лишения свободы мер, направленных «к устранению вредного влияния недостаточно подвижного образа жизни заключенных» (ст. 99 ИТК РСФСР 1924 г., ст. 174 ИТК БССР, ст. 106 ИТК УзбССР и др.).

Различная постановка медико-санитарного дела среди лишенных свободы в капиталистических тюрьмах и в местах лишения свободы СССР объясняется также и принципиальным различием между буржуазной и советской медициной.

В буржуазных странах медицина — это главным образом источник наживы для частнопрактикующих врачей. Медицина не выходит в этих странах за пределы индивидуальной лечебной помощи. Сколько-нибудь значительные массовые медицинские или профилактические мероприятия с широкими социальными задачами в капиталистических странах, как правило, не имеют места, тем более в условиях современного мирового кризиса, когда идут на смарку и те ограниченные по объему и особенно по эфекту мероприятия подобного рода, которые так или иначе проводились до того.

Отдельные попытки таких мероприятий это — или результат вынужденных уступок давлению рабочих масс или проявление социальной демагогии буржуазных партий, пытающихся обмануть сознание рабочих масс и завербовать таким путем их голоса на выборах. Нечего и говорить, что никакие массовые социально-гигиенические мероприятия, имеющие специальной задачей общее оздоровление заключенных, в буржуазных тюрьмах не могут иметь и не имеют места.

Советская медицина, проводя в неслыханных для капиталистических стран масштабах массовые лечебно-профилактические мероприятия, делая медицинскую помощь доступной для всего населения, достигая невиданного в царской России понижения смертности, осуществляет вместе с тем в немыслимых для капиталистических стран размерах массовые социально-гигиенические мероприятия.

Аналогичные социально-гигиенические мероприятия советской медицины проводятся и в местах лишения свободы. Задача советской медицины в местах лишения свободы — не только в том, чтобы лечить лишенных свободы, когда они заболеют. Специальные мероприятия направлены и на предупреждение их заболеваемости.

В каждом месте лишения свободы имеется медицинская часть, амбулатория или даже больница; штат врачей достигает неизвестных для капиталистических тюрем размеров. В то время как в капиталистических странах число тюремных врачей неизменно понижается, в советских местах лишения свободы оно растет, бюджеты на медико-санитарное дело в местах лишения свободы растут из года в год и при значительно меньшем числе мест лишения свободы во много раз превышают бюджет царских тюрем.

РСФСР. 1-я больница московских мест заключения. На перевязке

РСФСР. 1-я больница московских мест заключения. Операционная комната в хирургическом отделении

РСФСР. 1-я больница московских мест заключения. Палата в хирургическом корпусе

Так, в одной только РСФСР было отпущено на медико-санитарное дело в местах лишения свободы: в 1930 г. около 4.000.000 руб. в год, в 1932 г. не менее 6.000.000 руб., а в 1933 г. ассигновано 12.600.000 руб. на содержание лечсети для лишенных свободы и не менее 4.000.000 руб. на капиталовложения по строительству новых медико-санитарных учреждений для лишенных свободы.

Самые разнообразные типы лечебных заведений обслуживают лишенных свободы: а) амбулатории простейшего типа со всеми видами скорой и общелечебной помощи; б) фельдшерские пункты первой помощи; в) амбулатории специализированного характера (по всем специальностям или по группе специальностей); г) приемные покои амбулаторно-стационарного типа с числом кроватей не свыше 10; д) лечучреждения специального назначения (зубкабинеты, лаборатории, рентгеноустановки, физиатрические установки и пр.); е) больницы при местах лишения свободы, имеющие свыше 10 кроватей; ж) самостоятельные больницы для лишенных свободы с числом кроватей свыше 25; з) больницы специального назначения (хирургические, акушерские, гинекологические, венерологические, глазные).

Число кроватей в больницах при местах лишения свободы обеспечивает возможность госпитализации всех больных из числа лишенных свободы, нуждающихся в этом; в среднем обеспеченность лечебными кроватями мест лишения свободы РСФСР выражается соотношением: для мест лишения свободы краевых (областных) центров — одна кровать на 10 штатных мест для лишенных свободы, а для мест лишения свободы прочих местностей — одна кровать на 25 лишенных свободы. В УССР одна штатная койка приходится в среднем на 45 лишенных свободы. В БССР — одна штатная койка в среднем на 35 лишенных свободы. В ССР Грузии — одна койка на 24,5 лишенных свободы.

Одновременно с организацией собственной сети лечебных учреждений для обслуживания лишенных свободы лечебная помощь может оказываться и оказывается в местных гражданских больницах здравотделов, если эта помощь не может быть оказана в лечебных учреждениях мест лишения свободы.

Большое внимание уделяется оказанию лишенным свободы амбулаторной помощи. Число амбулаторных посещений колеблется в пределах от 5 до 10% среднесуточного состава лишенных свободы. В последнее время, с широким развитием производства и развертыванием соцсоревнования и ударничества среди лишенных свободы, вопросы симуляции и аггравации потеряли свою остроту.

Одновременно с работой амбулаторий общего и поликлинического типа большое внимание уделяется обеспечению лишенных свободы зубоврачебной помощью. Большинство мест лишения свободы в краевых (областных) центрах обеспечено зубоврачебными кабинетами. Так, в УССР одно зубоврачебное кресло приходится на 1 900 лишенных свободы: в БССР — одно кресло на 800—1 000, в РСФСР — на 500—600, в ССР Грузии — одно зубоврачебное кресло на 2 000 лишенных свободы. Все лишенные свободы имеют возможность пользоваться зубоврачебной помощью.

Не безынтересно будет параллельно с этим указать на то, что, например, в тюрьмах Германии для оказания зубной помощи заключенному необходимо заключение тюремного врача о необходимости или о желательности зуболечения. Если даже такое заключение дано, то зуболечебная помощь может быть оказана лишь за счет заключенного (за счет заработанных им или его собственных денег).

Число врачей, обслуживающих лишенных свободы, с каждым годом увеличивается. В среднем надо считать, что в РСФСР в краевых (областных) центрах и бывших окружных центрах имеется штатный врач на 200—250 лишенных свободы, а в прочих местностях — один на 400; в УССР — один врач на 460, в ССР Грузии — один на 288, в БССР — один на 350—400. Не менее обеспечены все места лишения свободы средним и младшим медицинским персоналом. В каждом месте лишения свободы проводится круглосуточное дежурство медперсонала.

Помимо массовых лечебных мероприятий проводится целый ряд мер профилактического и общеоздоровительного характера.

Так, все принятые в место лишения свободы немедленно осматриваются врачом. Оказавшиеся больными изолируются, а остальные проходят санитарную обработку (баня, смена белья, дезинфекция верхней одежды) и помещаются в особые камеры-карантины. Срок пребывания в карантине — 2 недели, а в случае появления в карантине инфекционных заболеваний срок карантина исчисляется с момента удаления из карантина заразного больного. По истечении срока карантина лишенные свободы обязательно моются в бане, а их верхняя одежда подвергается дезинфекции. Во время карантина лишенные свободы подвергаются, в случае необходимости, соответствующим предохранительным прививкам и оспенной ревакцинации. Перед переводом лишенных свободы в другие места лишения свободы они проходят медосмотр и санитарную обработку.

Периодически все лишенные свободы, а не только находящиеся в карантине, подвергаются санобработке, причем их постельные принадлежности подвергаются дезинфекции и дезинсекции.

В каждом месте лишения свободы имеется прачечная с предварительным кипячением белья и его дезинфекцией, устраивается соответствующей мощности дезинфекционная установка (серная камера, пароформалиновая и т. д.) и производится влажная гидропультовая дезинфекция камер. Особое внимание обращается на поддержание всех помещений места лишения свободы в должной опрятности и чистоте.

Под особым тщательным медицинским надзором находятся все помещения для приготовления пищи, кладовые, ледники и т. д. Проводится постоянное наблюдение за состоянием воздуха в помещениях, в особенности в помещениях, где живут лишенные свободы. Ежедневно утром и вечером как летом, так и зимой, все помещения проветриваются.

Специальной областью социально-гигиенической работы в местах лишения свободы является трудовая гигиена как в смысле санитарно-гигиеническом, так и в смысле охраны труда. Медперсонал играет важную роль в определении всего порядка направления лишенных свободы на работы; заключение врача о допустимости, по состоянию здоровья

лишенного свободы, назначение его на данную работу является обязательным для администрации места лишения свободы.

Санитарно-гигиенические нормы в местах лишения свободы (нормы кубатуры воздуха, нормы освещения, нормы питания, пищевого снабжения и т. д.) устанавливаются по согласованию с Наркомздравом.

Врачом регулируются вопросы питания лишенных свободы. Так, продовольственная табель обязательно согласовывается с врачом; при приеме продуктов питания в комиссию обязательно входит врач; врач привлекается к составлению пищевых раскладок, и на нем же лежит обязанность освидетельствования приготовленной пищи как в смысле ее доброкачественности, так и количества выдаваемых порций.

Борьба с острозаразными и социальными болезнями (туберкулез и венерические) в местах лишения свободы является предметом особого внимания медработников. Общеоздоровительные и санитарные мероприятия в местах лишения свободы и улучшение условий быта и труда лишенных свободы предупреждают возможность возникновения и распространения эпидемических и социальных заболеваний. С этой же целью проводятся и специальные предупредительные мероприятия: в каждом месте лишения свободы организовывается система безусловной изоляции всех острозаразных больных, для чего в каждой больнице при месте лишения свободы обязательно имеется необходимое число заразных коек; там, где не имеется больницы, в случае необходимости вывести из общих помещений заразного или подозрительного лишенного свободы до его отправления в общегражданскую больницу, — для этого отводятся особые «изоляционные помещения».

В целях борьбы с туберкулезом, проводится система максимальной изоляции заболевших лишенных свободы. Больные туберкулезом в начальной стадии помещаются или в отдельных помещениях в общих местах лишения свободы, или в особо для этого отведенных колониях; больные туберкулезом во второй стадии должны помещаться в специально для них предназначенные «туберкулезные колонии» (загородные), со специальным общим и трудовым режимом, больные туберкулезом первой и второй стадии, требующие по состоянию здоровья больничного содержания, помещаются в больницы. По отношению к лишенным свободы больным туберкулезом в третьей стадии в обязанность врача входит возбуждение ходатайства о досрочном освобождении (на основании ст. 457, 458 УПК), а до разрешения этого вопроса больные обязательно помещаются в больницу. В результате всех этих мер заболеваемость лишенных свободы туберкулезом и смертность от него в местах лишения свободы за последние годы резко пали. В дореволюционное время смертность среди лишенных свободы, заболевших туберкулезом, была равна 26%, в настоящее время она колеблется от 4,9 до 6,3%.

В отношении лишенных свободы, больных венерическими болезнями действует правило, по которому больные в заразной стадии направляются обязательно в соответствующие лечебные заведения, а в случае необходимости временно их задержать в месте лишения свободы, они обособляются от других лишенных свободы. Все больные люэсом в ла-

латентной форме находятся на учете в медчасти; они периодически проходят специфическое лечение или в больнице для лишенных свободы или в особо отведенных помещениях (как, например, в УССР).

Число лишенных свободы люэтиков с каждым годом уменьшается. Это является результатом как проводимых среди всего населения профилактических мероприятий, так и специальных мероприятий в местах лишения свободы. Так же настойчиво проводится в местах лишения свободы борьба с заболеванием гонореей. Больные острой формой этой болезни, поступающие в места лишения свободы, немедленно направляются в больницы или же изолируются для лечения.

Все эти мероприятия дали благоприятный результат: за последние годы медико-санитарные организации мест лишения свободы не могли отметить ни одного случая заражения сифилисом или гонореей в самом месте лишения свободы.

Необходимо, наконец, отметить новую форму социально-гигиенических мероприятий в местах лишения свободы, неизвестную и немыслимую в капиталистических тюрьмах, а именно: организацию различных форм отдыха для работающих лишенных свободы и постановку физкультурного дела для всех лишенных свободы. В местах лишения свободы организуются так называемые «палаты отдыха» при больницах или отдельные помещения для отдыха в пределах мест лишения свободы, оборудованные и организованные по типу общегражданских домов отдыха и предназначенные для работающих на производстве ударников лишенных свободы.

Более того, — в УССР произведен опыт организации вне места лишения свободы специального дома отдыха для работающих лишенных свободы. Режим, порядок дня, питание и все другие стороны жизни этого дома организованы так же, как и во всех домах отдыха в СССР.

Развитию физкультуры среди лишенных свободы советские исправительно-трудовые учреждения всегда придавали большое внимание. Полусвободный режим в советских местах лишения свободы, забота о физическом здоровье лишенных свободы, коренная перестройка старого быта создали исключительно благоприятные условия для развития физкультуры в местах лишения свободы. Спортивные площадки и спортивные кружки имеются в каждом месте лишения свободы. Организация физкультуры составляет обязанность политико-воспитательных частей. Но врачи мест лишения свободы не остаются в стороне от этого дела. Врачебная работа в советских местах лишения свободы не замыкается в рамки медико-санитарного обслуживания лишенных свободы. Проводится правило, по которому никто не должен заниматься физкультурой без соответствующего врачебного осмотра и рекомендации врачом того или другого вида физкультурных занятий. Врачи принимают самое активное участие в ликвидации общей физкультурной неграмотности, во внедрении физкультуры в быт лишенных свободы, консультациях по выбору спортспециальности и т. д.

Охрана невро-психического здоровья лишенных свободы также широко организована в советских исправительно-трудовых учреждениях.

Невро-психиатрический надзор в местах лишения свободы осущест-

вляется или врачом-психиатром или врачом места лишения свободы; в целях выявления невропсихических заболеваний в местах лишения свободы производятся периодические осмотры лишенных свободы и, в случае обнаружения признаков болезни, принимаются все необходимые меры к немедленному помещению больного лишенного свободы на испытание или в специально предназначенные для этого институты невропсихоэкспертизы или в общегражданские психобольницы.

В случае подтверждения заболевания лишенного свободы принимаются необходимые меры к срочному рассмотрению вопроса об изменении меры социальной защиты или вовсе к прекращению дела о лишенном свободы. В обязанность невро-психонадзора в местах лишения свободы входит также выявление лишенных свободы, требующих по своему психическому состоянию особого режима с психиатрическим уклоном в условиях мест лишения свободы.

Специально следует отметить, что и среди несовершеннолетних правонарушителей, находящихся в школах ФЗУ НКЮ, проводится большая медицинская работа. Входя в педагогический совет школы для несовершеннолетних, врач школы ФЗУ принимает активное участие во всей жизни школы и несет специальные обязанности по проведению медицинских мероприятий в процессе трудового воспитания несовершеннолетних. В каждом учреждении для несовершеннолетних правонарушителей кроме врача-терапевта имеется обязательно и еще врач-психиатр. В широкой сети ФЗУ системы Наркомюста проводится большая работа по медотбору (профотбору) и психотехническим исследованиям несовершеннолетних правонарушителей.

Проведение всех перечисленных лечебных и социально-гигиенических мероприятий требовало соответствующего организационного оформления медико-санитарных частей при местах лишения свободы, требовало соответствующего правового оформления деятельности врачей при местах лишения свободы и придания им необходимого авторитета, без которого они не могли бы осуществлять разностороннего влияния на жизнь мест лишения свободы.

На протяжении ряда лет с начала революции, применительно к нуждам исправительно-трудовой системы и на основе все более расширявшихся общих мероприятий по оздоровлению населения, в отдельных союзных республиках все более росла и укреплялась медико-санитарная организация и все более очерчивалась и оформлялась роль медицинских работников во всей деятельности мест лишения свободы.

Нахождение медико-санитарных учреждений при местах лишения свободы в течение продолжительного ряда лет в ведении Наркомздрава сыграло большую положительную роль в деле укрепления значения медико-санитарных частей, оборудования их необходимой аппаратурой и инструментами, увязки их деятельности со всей системой лечебных и социально-гигиенических мероприятий, проводимых в стране, правильного методологического руководства их деятельностью и придания им необходимого авторитета.

Переход мест лишения свободы на самоокупаемость, постановка всей их работы на строго плановые рельсы, возможность и необходи-

мость тесной увязки роста производственных предприятий при местах лишения свободы с развитием санитарно-гигиенических мероприятий в области труда, необходимость новых широких мероприятий в области промышленной санитарии, техники безопасности и санитарно-просветительной работы среди лишенных свободы — все это создавало определенный разрыв между новыми возросшими требованиями и теми возможностями, которые неизбежно ограничивались из-за нахождения самих мест лишения свободы и медико-санитарных частей при них в разных ведомствах.

Сперва в УССР, а в начале 1932 г. и в РСФСР лечебные заведения при местах лишения свободы были переданы поэтому из ведения Наркомздрава в ведение ГУИТУ.

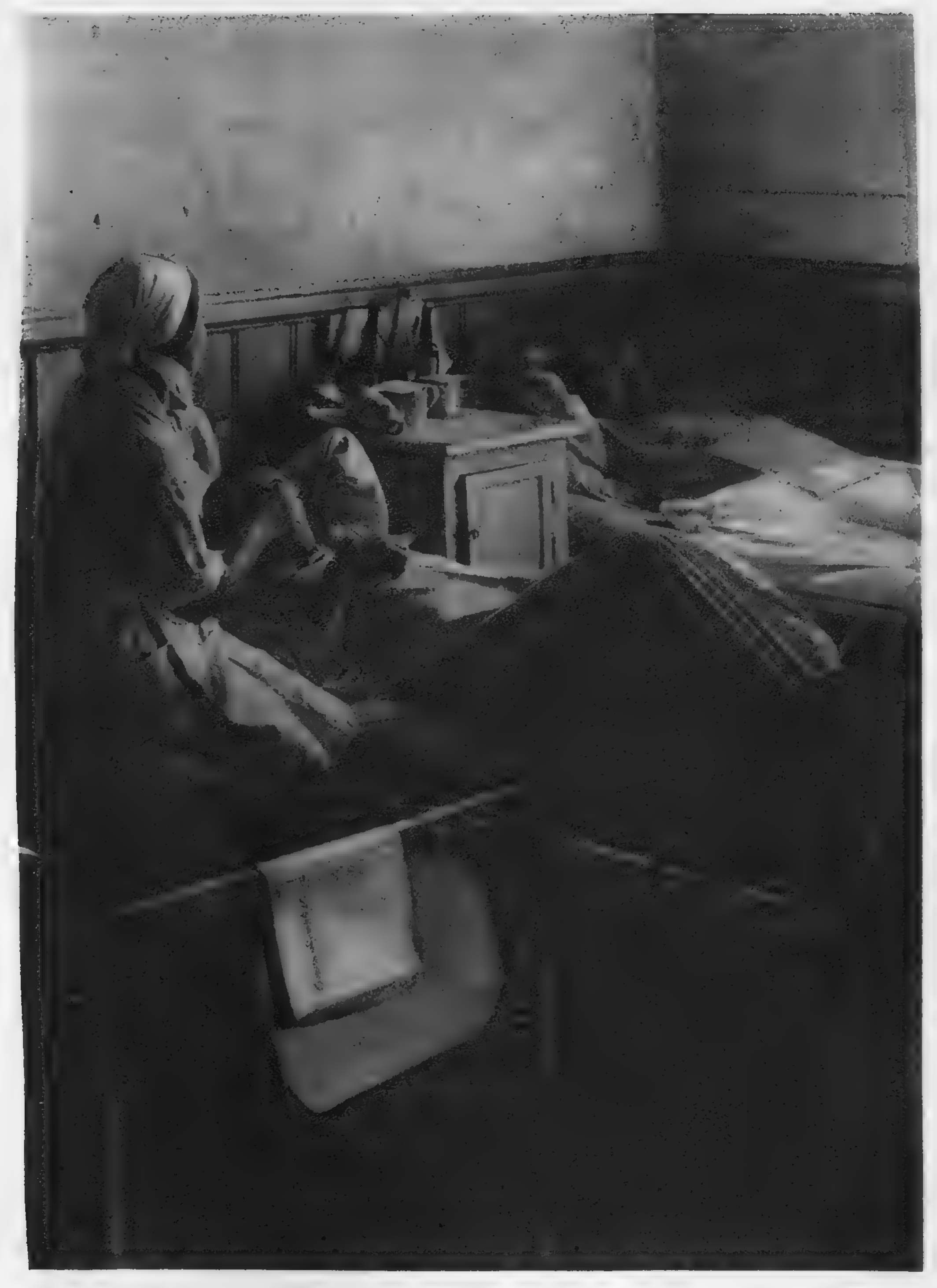
Однако если с этого момента ответственность за медико-санитарное дело в местах лишения свободы перешла от Наркомздрава к ГУИТУ, то это отнюдь не означало отказа от необходимости построения всех медико-санитарных мероприятий среди лишенных свободы на принципах советской медицины.

Все медицинские мероприятия Наркомздрава в отношении всего трудящегося населения целиком применяются и теперь по всей системе мест лишения свободы, и это находится в полном соответствии со всей концепцией советской власти, не противопоставляющей так называемого «преступника»-трудящегося всем прочим трудящимся.

Вместе с тем, перейдя в оперативно-административное управление исправительно-трудовых органов, медико-санитарное дело среди лишенных свободы осталось под постоянным наблюдением органов здравоохранения как органов санитарного надзора в Республике, что обеспечивает еще большие возможности в проведении среди лишенных свободы всех необходимых медико-санитарных мероприятий.

Вставшие перед исправительно-трудовыми учреждениями новые большие задачи в области медико-санитарного обслуживания лишенных свободы вызвали необходимость создания в самой системе исправительно-трудовых учреждений соответствующего аппарата для проведения в местах лишения свободы всех необходимых санитарных мероприятий.

Для обеспечения надлежащего руководства, планирования и управления медико-санитарными учреждениями в местах лишения свободы в РСФСР в составе ГУИТУ и в составе краевых (областных) управлений и управлений исправительно-трудовыми учреждениями автономных республик организованы медико-санитарные сектора, а в местах лишения свободы — самостоятельные медико-санитарные части во главе с врачами — начальниками санчастей, являющимися помощниками начальников мест лишения свободы. На медико-санитарные сектора ГУИТУ, краевых (областных) управлений и управлений автономных республик возложены следующие функции: а) разработка всех вопросов по общей санитарии, санитарно-бытовому строительству в местах лишения свободы, борьбы с эпидемиями, борьбы с соцзаболеваниями, борьбы с профзаболеваниями и профтравматизмом, промышленной санитарии, санитарно-просветительной деятельности среди лишенных свободы и т. п., б) разработка всех вопросов по организации первой

БССР. Минская фабрично-трудовая колония. Оказание лишенным свободы стационарной лечебной помощи

РСФСР. 1-я больница московских мест заключения. Оказание больным лишенным свободы физиотерапевтической помощи

РСФСР. 1-я больница московских мест заключения. Женская палата туберкулезного отделения

помощи (здравпункты) в местах лишения свободы, амбулаторной, поликлинической помощи, стационарной помощи, специальных видов помощи, зубоврачебной помощи, физиатрии и лабораторного дела, психиатрии, вопросов врачебной экспертизы и контроля и т. п., в) обеспечение медико-санитарных частей лекарственной помощью, дезинфекционными средствами, спецмедоборудованием, инструментарием и аппаратурой и контроля за состоянием аптечного дела в местах лишения свободы, г) проведение отчетности по медико-санитарным мероприятиям в местах лишения свободы применительно к их нуждам и к интересам органов здравоохранения.

Фактическими проводниками всех медико-санитарных мероприятий среди лишенных свободы являются врачи мест лишения свободы. Деятельность их далеко не ограничивается лечебной и социально-гигиенической работой. Врачам дана возможность разностороннего влияния на жизнь места лишения свободы. Они могут участвовать с правом совещательного голоса в наблюдательных комиссиях; они дают заключения о направлении лишенных свободы на работы; они изучают условия работы лишенных свободы, они ведут работу по охране материнства и младенчества в отношении женщин-лишенных свободы и их детей; они руководят постановкой физкультуры в местах лишения свободы и ведут санитарно-просветительную работу и т. п.

Только в советских местах лишения свободы врачу даются такие широкие полномочия, пользуясь которыми он может стать одним из наиболее активных участников процесса перевоспитания, осуществляемого в местах лишения свободы СССР.

Особое значение приобрела эта роль врачей в местах лишения свободы в национальных и, главным образом, в окраинных республиках и областях. Искусственно питавшиеся царским правительством неграмотность, некультурье, власть суеверия и диких нравов накладывали свой неизбежный отпечаток и на тюрьмы. Ужасающие ямы, зинданы и т. п. средневековые учреждения, заменявшие тюрьмы в окраинных местностях, были советской властью ликвидированы, но и те из доставшихся советской власти в «наследство» тюрем, которые более приближались к европейскому типу, требовали вообще, а тем более на территории бывших царских колоний, огромной работы и исключительных усилий для приведения их в медико-санитарное состояние, соответствующее требованиям пролетарского государства. Следуя принципам ленинской национальной политики, органы здравоохранения уделяют особое внимание национальным местностям. В особенности много усилий требует работа по санпросвещению лишенных свободы, так как медико-санитарное обслуживание лишенных свободы часто наталкивалось в отсталых национальных местностях на недоверие к врачам или даже боязнь врачей, выработанные вековыми суевериями, питаемыми духовенством, знахарями, шаманами и т. п.

В настоящее время работе по медико-санитарному обслуживанию мест лишения свободы в национальных областях уделяется еще больше внимание, и на эту работу отпускаются большие средства.

Н. Дурманов

РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ И НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЕ КОМИССИИ В СИСТЕМЕ СОВЕТСКИХ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

I

Организация в советской исправительно-трудовой системе наблюдательных (как и предшествовавших им распределительных) комиссий вытекает из основных принципов ленинского учения о диктатуре пролетариата.

Поэтому принципиально неправильной явилась бы попытка проводить аналогию между советскими наблюдательными комиссиями и учреждениями в царской, европейской или американской тюрьме с внешне сходными наименованиями (например Parol Boards в САСШ), учреждениями, абсолютно ничего общего с наблюдательными комиссиями в советской исправительно-трудовой системе не имеющими.

Буржуазная тюрьма, являясь одним из «вещественных придатков» эксплоататорского государства, имеет своим назначением продолжение работы судов по подавлению сопротивления и наступления эксплоатируемых; тюрьма должна донять заключенных системой мучительного режима и, доняв, «исправить» таким образом, чтобы навсегда парализовать их волю и способность вновь нарушить законы буржуазного общества.

Следовательно, буржуазия, по определению Маркса, «под исправлением преступников понимает *исправление процентов,* приносить которые составляет призвание преступника» [1].

Такая «работа» по «донимающему исправлению», сводящемуся к систематическому физическому и психическому истязанию заключенных, требует полной изолированности заключенных в капиталистической тюрьме от внешнего мира.

Если буржуазия по так называемым общеуголовным преступлениям допускает существование гласного суда и предварительного следствия, то в тюрьме, где как раз реально осуществляется репрессия, ни о какой гласности не может быть и речи. Заключенные должны быть поставлены в положение отверженных, выброшенных за борт жизни людей — это требует максимальной изоляции в тюрьме. С другой стороны, кошмарный режим буржуазных застенков, в которых осуществляется «доминирующее исправление», должен быть возможно тща-

[1] Маркс и Энгельс, Сочинения, т. I, стр. 245.

тельнее замаскирован, скрыт от возможных разоблачений трудящимися массами.

Поэтому доступ в тюрьму посторонних, общение лишенных свободы с внешним миром, возможность получения действительной информации о жизни тюрьмы — все это или запрещено полностью или обставлено целым рядом сложных ограничений.

Циркуляры и инструкции тюремного ведомства составляют обычно ведомственную тайну. В литературе отмечались случаи, когда даже парламентская комиссия не сразу могла получить комплект циркуляров по тюремному ведомству. Эта боязнь гласности характерно выражается в факте отобрания подписок о запрещении писать что-либо о тюрьме под страхом возвращения в нее у досрочно освобожденных, которых можно рассматривать как возможных разоблачителей.

Е. Б. Пашуканис подчеркивает замкнутый характер буржуазной тюрьмы, недостаточно, однако вскрывая классовый характер этого явления. Он писал: «Интерес, который проявляется к тем или иным длительным способам воздействия на преступника, совершенно ничтожен по сравнению с тем интересом, который вызывает эфектный момент произнесения приговора и определения меры наказания. Вопросы тюремной реформы живо волнуют только небольшой круг специалистов. Если по общему мнению эквивалент определен судом удачно, то на этом все как будто завершается, и дальнейшая судьба преступника мало кого интересует [1].

Из сказанного не следует, однако, делать вывода, что буржуазия и помещики безраздельно представляют дело «доминирующего исправления» своему тюремно ведомству, не оказывая ему никакого содействия.

Они кровно заинтересованы в этом деле и, надевая на себя маску «филантропов или друзей человечества», посильно участвуют в заключительной стадии репрессии, обрушивающейся на нарушителей законов, покоящихся на принципе «священной и неприкосновенной» частной собственности, создавая всякого рода тюремные общества, комитеты и комиссии, участвуя в наблюдательных комитетах и комиссиях при тюрьмах, имея якобы целью облагодетельствовать человечество.

Маркс в немногих, полных гневного сарказма, словах гениально вскрывает классовую природу этих филантропических учреждений и действительное содержание их «работы».

Кто такие, по Марксу, деятели филантропических учреждений?

«Филантропы или друзья человечества, — говорит Маркс, — это господа, которые или занимают доходные места, щедро оплачиваемые из народного кармана, или обладают приобретенным посредством наследования или спекуляции состоянием, которое приносит им 5 — 10 — 20 и больше тысяч талеров ежегодного дохода. Все эти господа без исключения принадлежат к тому классу, который не только *честно* кормится за счет чужого труда, но и живет в прекрасной обстановке, держит превосходную кухню, понимает толк в хороших винах, изы-

---

[1] Пашуканис, Общая теория права и марксизма, М., 1928 г., стр. 123.

сканно и роскошно одевается, ездит на курорты, устраивает охотничьи празднества, содержит в тихом деревенском уединении или в своем родном городе одну или несколько любовниц, помогает стряпать законы, изливает потоки елейных слов о нравственности, дисциплине и порядке и превышение всего любит мир и покой»[1].

Чем же объясняется пылкая любовь к тюремному делу этих филантропов, как правило, помещиков и буржуа средней руки и представителей буржуазной интеллигенции (у крупной буржуазии есть дела поважнее)? Маркс говорит, что блаженство филантропов отравляется фактом наличия преступлений — у одного крестьяне-бедняки убивают дичь в имении, у другого — голодающие иногда посетят картофельное и свекловичное поле или сад, у третьего — вырубят хворост, чтобы сварить щи, к четвертому заберутся в дом.

Вот эта забота о своем кошельке, полях, садах и лесах толкает буржуа и помещика к усиленной деятельности в тюрьмах, чтобы помочь администрации в ее трудах по части «издевательства и исправления».

Образцом такой филантропической организации, являвшейся винтиком царской государственной машины, было «состоявшее под высочайшем покровительством» общество попечительства о тюрьмах, которое имело своей задачей, как говорит ст. 16 Устава о содержащихся под стражей», «попечение о местах заключения и об улучшении как нравственного, так и физического состояния в оных арестантов».

Помимо наблюдения за содержанием и размещением заключенных главную задачу попечительства и занятий общества составляли (ст. 67): «7) исправление их нравственности, 8) сооружение церквей в тех тюрьмах, где оных не имеется, и содержание всех тюремных церквей в должном благолепии... 11) выкуп заключенных за долги».

При неустанных заботах о церкви и попах ни слова не говорится о развитии грамотности, организации библиотек и т. п. Характерна также функция комитета — выкуп попавших за долги, т. е. спасение купцов, имевших неосторожность обанкротиться.

В дальнейшем «Устав» развивал задачи «донимающего исправления», осуществляемого, в частности, путем непрерывного накачивания заключенного поповскими проповедями, приторно-сладкими «нравственными» поучениями. Так читаем, что «для нравственного исправления, а не ожесточения заключенного» необходимо: 2) чтобы назидание заключенного в правилах христианского благочестия и доброй нравственности было исполняемо непопустительно; 3) чтобы в установленные дни богослужение совершаемо было в тюремных церквах, где же оных нет — молитвословия в особом помещении или в арестантских камерах; 4) чтобы во время постов арестанты говели; 5) чтобы места заключения были снабжены книгами священного писания и духовно-нравственного содержания и чтобы воскресные и праздничные дни проводились в благочестивых чтениях, беседах и молитвах; 6) чтобы обви-

[1] К. Маркс, Тюремный конгресс в Брюсселе, Маркс и Энгельс, Сочинения, т. V, стр. 177.

ненные судом по объявлении им приговора немедленно были устраняемы от сообщества с прочими арестантами, дабы духовный отец наедине приготовил их назиданием к достойному принятию святых тайн и к перенесению заслуженного наказания с христианской покорностью и раскаянием».

Перечень обязанностей в комментариях не нуждается. Поистине, с трогательной заботливостью предусмотрены все средства духовного подавления, порабощения заключенного — и это почти единственная задача комитета. Состав комитета гарантировал добросовестное выполнение этих обязанностей: «Комитеты и отделения составляются из членов общества обоего пола, — благородного, духовного и купеческого званий» (ст. 73). «Вице-президентами являются начальник губернии, епархиальный архиерей, губернатор» (ст. 76).

Октябрьская революция начисто смела вместе с прочими орудиями буржуазно-помещичьего господства и эти филантропические учреждения, которые Временным правительством были внешне лишь модернизированы, но полностью сохранили свое классовое содержание.

II

История распределительных и наблюдательных комиссий в советской исправительно-трудовой системе показывает в общем неуклонный рост их значения, все больший охват их деятельностью разнообразных отраслей исправительно-трудового дела и увеличение роли общественности в работе этих комиссий.

В первые годы советской власти в системе исправительно-трудовых учреждений функционируют только распределительные комиссии. Впервые указание на их организацию встречается во «Временной инструкции о лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такового» от 23 июля 1918 г. (СУ 1918 г. № 53, ст. 598). Круг деятельности распределительных комиссий в РСФСР до издания ИТК 1924 г. определился в основном инструкцией НКЮ по организации распределительных комиссий 1918 г.[1] По этой инструкции распределительные комиссии образуются по одной на губернию при губернских карательных отделах в составе девяти членов, из которых четверо подбираются из числа сведущих и интересующихся пенитенциарным делом лиц.

Основное назначение распределительных комиссий по инструкции — распределение лишенных свободы по различным местам лишения свободы (7 видов) и определение им рода работы.

Почти аналогичный порядок деятельности распределительных комиссий устанавливает инструкция НКЮ УССР[2], которая суживает их задачи, выдвигая на первый план подразделение осужденных по категориям в зависимости от их психического и физического состояния и по местам лишения свободы.

---

[1] Сборник действующих циркуляров ЦКО НКЮ за 1917—1920 гг., М. 1926 г., стр 33.

[2] Сборник декретов, положений, инструкций и циркуляров по НКЮ за 1920 г., Харьков 1921 г., стр. 13—16.

Значительно сужен в УССР и состав распределительных комиссий, куда совсем не вошли представители общественности, и, таким образом, эти комиссии получили узко ведомственный характер.

Развитие распределительных комиссий пошло по линии значительного расширения их функций, предоставления им широкой инициативы и самостоятельности в разрешении вопросов.

«Нерв карательного дела без сомнения заложен в деятельности распределительных комиссий. Дефекты в постановке пенитенциарной части, на которые указывалось выше, отчасти объясняются плохой работой комиссий, — говорится в докладе Административно-распределительного отдела Центрального карательного отдела НКЮ Всероссийскому съезду заведующих карательными отделами[1].

По инициативе мест возникает такая важная функция, как поощрение добросовестной работы лишенных свободы зачетом рабочих дней, санкционированная Коллегией НКЮ 4 декабря 1919 г. Распределительные комиссии получают право перевода лишенных свободы на исправительно-трудовые работы. В области применения условно-досрочного освобождения распределительные комиссии получают право входить в суд с представлением о его применении независимо от срока отбытого лишения свободы. По циркуляру НКЮ 1921 г. заключения распределительных комиссий по вопросу об отказе и досрочном освобождении становятся за немногим исключением обязательными для судов.

Расширение объема работы распределительных комиссий и изменение характера их деятельности можно видеть из сопоставления рассмотренных ими в 1919—1921 гг. вопросов:

Содержание рассмотренных распредкомиссиями вопросов	Число рассмотренных вопросов: в абсолютных числах			в процентах		
	1919 г.	1920 г.	1921 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.
1. Перевод заключенных в сельскохозяйственные колонии	1 187	1 037	888	77,6	13,9	5,7
2. Перевод в другие места заключения	—	992	3 744	—	13,3	24,1
3. Перевод на принудительные работы без лишения свободы	29	637	1 229	1,9	8,6	7,9
4. Изменение срока наказания и замена его условным	33	237	175	2,1	3,2	1,1
5. Отпуска	64	598	1 767	4,2	8,0	11,3
6. Досрочное освобождение	—	2 346	2 707	—	31,3	17,3
7. Отпуска на работы с содержанием под стражей	—	371	2 312	—	5,0	14,7
8. Изменение меры пресечения и ускорение рассмотрения дела	154	461	1 980	10,0	6,2	12,7
9. Прочие вопросы	64	785	805	4,2	10,5	5,2
Итого	1 531	7 464	15 607	100	100	100

[1] Материалы НКЮ, выпуск XIII, стр. 40.

Из приведенных цифр видно, что за три года дают значительный рост такие вопросы, как перевод на принудительные работы, предоставление отпусков, досрочное освобождение, предоставление отпусков на работы с содержанием под стражей и резко сокращается удельный вес вопросов, касающихся распределения заключенных.

Уже в период военного коммунизма распределительные комиссии, как это отметил докладчик по вопросам карательной политики на IV съезде работников юстиции т. Саврасов, получили общественное признание и вызвали к себе большой интерес, несмотря на крупные дефекты в их работе, в особенности недостаточное вовлечение общественности.

С вхождением мест лишения свободы в систему НКВД в 1922 г. была проведена безусловно неудачная реформа распределительных комиссий, временно ослабившая роль в них общественности и вызвавшая поэтому общее ухудшение их работы. По Временному положению о Главном управлении местами заключения от 3 ноября 1922 г. распределительные комиссии являются узко ведомственными организациями в составе начальника управления, члена президиума губернского суда и начальника мест лишения свободы. Реформированные таким образом распределительные комиссии вызвали и на съезде и в литературе отрицательную оценку, причем особенно подчеркивался бюрократический характер их деятельности, оторванность от лишенных свободы. Такую же оценку дала распределительным комиссиям ЦКК ВКП(б), обследовавшая в 1923 г. места лишения свободы [1].

Все чаще стали высказываться мысли о создании при каждом месте лишения свободы наблюдательной комиссии, которая была бы непосредственно связана с лишенными свободы, знала их опыт и работу.

В эмбриональной форме наблюдательные комиссии намечены еще Положением об общих местах заключения 1920 г. (СУ 1921 г. № 23—24, ст. 141, приложение 2), о них упоминает Уголовный кодекс 1922 г. (ст. 51), но организованы они лишь с изданием ИТК 1924 г.

Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г. создал систему сосуществования как распределительных комиссий при губернских инспекциях мест лишения свободы, так и наблюдательных комиссий при местах лишения свободы.

Такая система была очевидно установлена с целью поднять качество работы в местах заключения, разгрузить распредкомиссии от работы по переводам в разряды классификации заключенных, а также приблизить деятельность распределительных комиссий хотя бы и через одну инстанцию непосредственно к лишенным свободы.

Наблюдательные комиссии по ИТК 1924 г. не были подчинены распределительным комиссиям. Каждая из комиссий имела самостоятельный круг функций. Но по большинству вопросов взаимоотношения этих комиссий являлись взаимоотношениями инстанционными. По этим вопросам наблюдательные комиссии только подготовляли вопросы для распределительных комиссий, так что точка зрения наблюда-

---

[1] А. Сольц. Наша карательная политика (Обследование московских тюрем), «Правда», 1923 г., № 187.

тельной комиссии не связывала ни в какой мере распределительной комиссии. И та и другая комиссии работали с участием прокурорского надзора.

Решающую роль играли, понятно, распределительные комиссии, действовавшие в составе: губернского (областного) инспектора мест заключения, члена губернского (областного) суда, представителя губернской РКИ, члена губпрофсовета, члена комитета помощи заключенным.

Следовательно, согласно тексту ИТК 1924 г., в состав распределительных комиссий входили два представителя общественности и представитель Рабоче-крестьянской инспекции, являвшийся председателем комиссии.

Наблюдательные комиссии при местах лишения свободы были организованы, согласно ИТК 1924 г., в составе начальника места лишения свободы, народного судьи, в районе которого находится исправительно-трудовое учреждение, и представителя бюро профсоюзов. Состав наблюдательных комиссий был, как правило, нежизненным со дня их организации, так как представитель бюро профсоюзов обычно участия в их работе не принимал, судья также был оторван от работы в наблюдательном комитете.

Поэтому в литературе не раз указывалось, что такой состав наблюдкомиссий способствует обезличке и снижает ответственность начальника ИТУ [1].

ИТК 1924 г. значительно расширил права распределительных комиссий, предоставив им право самостоятельно применять условно-досрочное освобождение, зачет рабочих дней в срок лишения свободы, отпуска на срок до 14 дней. Законом 21 апреля 1925 г. [2] на распределительные комиссии была возложена ответственная задача по предоставлению длительных — до трех месяцев — отпусков на сельскохозяйственные работы лишенным свободы трудящимся-крестьянам, с зачетом времени отпуска в срок отбывания меры репрессии.

Эта невиданная в буржуазном государстве система отпусков в том же 1925 г. была узаконена и проведена в жизнь в остальных союзных республиках. В первый же год по РСФСР из отпущенных на полевые работы лишенных свободы не вернулось только 0,7%.

Примерно так же, как и в РСФСР, с введением ИТК 1924 г. были с небольшими сравнительно отличиями построены наблюдательные и распределительные комиссии в исправительно-трудовых учреждениях и других союзных республик.

Право досрочного освобождения было предоставлено распределительным комиссиям в УССР лишь постановлением ВУЦИК и СНК УССР от 5 марта 1927 г.

С отозванием в 1927 г. из распределительных комиссий представителей профсоюзов они заменяются в УССР представителями поселко-

---

[1] См. например С. Моршнев, Наблюдательные комиссии при местах лишения свободы — ЕСЮ 1927 г., № 48. Там же А. Ф. Романовский. Там же, А. Шестакова. О некоторых поправках к ИТК. «Админ. вестник», 1928 г., № 10.

[2] СУ РСФСР, 1925 г., № 25, ст. 131.

вого или городского совета, ими же с 1927 г. заменяются представители ОКР профбюро и в наблюдательных комиссиях. Таким образом после 1927 г. общественный элемент в распределительных комиссиях УССР представлен в большей мере, чем в РСФСР, но все же недостаточно.

В Азербайджанской АССР распределительные комиссии были организованы при народных судах по важнейшим делам под председательством народного судьи, а наблюдательные комиссии по чисто ведомственному принципу — при отдельных местах лишения свободы.

Наблюдательные комиссии, первоначально созданные в местах лишения свободы, в дальнейшем организуются и при отделениях исправительно-трудовых работ, при учреждениях для отбывания ссылки с исправительно-трудовыми работами и таким образом охватывают всю исправительно-трудовую систему.

Распределительные и наблюдательные комиссии провели в восстановительный период большую работу и имели целый ряд достижений, но в их деятельности должны быть отмечены серьезнейшие дефекты.

Так постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 г. о реформе карательной политики [1] отметило в частности слабость руководства наблюдательными комиссиями, недостаточное участие в деятельности последних общественного элемента, недостаточно обоснованное в ряде случаев предоставление льгот классово чуждым и социально-опасным элементам по формальным основаниям.

Тезисы т. Трасковича к VI всероссийскому съезду работников юстиции, одобренные съездом [2], отмечая отсутствие согласованности, наличие разрыва между судебной и исправительно-трудовой политикой и практикой, в частности указывали на недостаточную реальность приговоров в результате широкого применения распределительными комиссиями досрочного освобождения. Эти тезисы отмечали искажения в практике зачета рабочих дней, неправильное предоставление отпусков, отсутствие достаточной возможности для суда влиять и нести ответственность за проведение уголовной политики в наиболее существенной стадии — в стадии выполнения приговора и пр.

Тезисы констатировали, что распределительные комиссии, которые должны были бы ослабить разрыв между деятельностью суда и деятельностью исправительно-трудовых учреждений, фактически ни в какой мере его не устранили. Их работа была оторвана от суда и от мест лишения свободы.

О широком размахе в применении условно-досрочного освобождения можно судить по степени удовлетворения ходатайств лишенных свободы. Так за второй квартал 1924 г. освобождено 78,3% подавших заявления, в первом квартале 1925 г. — 71,9% и т. д., причем среди досрочно освобожденных недопустимо высок был процент классово чуждых элементов. Так в 1927 г. удовлетворяется распределительными комиссиями 52,3% всех ходатайств лишенных свободы из нетрудового элемента, в 1928 г. (уже после решения правительства от 26 марта

[1] ЕСЮ, 1928 г., № 14.
[2] ЕСЮ, 1928 г., № 46—47, ЕСЮ, 1929 г., № 6—7.

1928 г.) — 44,2%. Предоставление льгот классово чуждым элементам отмечается и в последующие годы вплоть до вхождения исправительно-трудовых учреждений в систему НКЮ, несмотря на запреты со стороны последнего.

Серьезные искривления в области исправительно-трудовой практики были связаны с неправильными либеральными установками со стороны руководства НКВД.

Резолюция Всероссийского совещания руководящих работников юстиции в июле 1931 г. говорит по этому вопросу:

«Несогласованность и разнобой как в практической деятельности исправительно-трудовых и судебных органов, так и в их теоретических установках резко выявились в широкой и ничем неоправдываемой практике применения условно-досрочного освобождения, зачета рабочих дней, что и приводило зачастую к нереальности судебного приговора и подрыву действия уголовной репрессии, во-первых, и к прямому искривлению классовой линии в работе исправительно-трудовых учреждений, во-вторых. Предоставление льгот классово чуждым элементам, сокращение различными путями их срока, неправильное использование рабочей силы и т. д., неся в себе все элементы право-оппортунистической практики, являлось характерной чертой прежней политики».

Эти явления вырастали из оппортунистической теоретической установки, что в тюрьме все равны, что классовая борьба как бы прекращается с момента вынесения приговора, после чего классовый враг начинает «исправляться», что индивидуальное исправление, в традиционном его понимании, является целью советской исправительно-трудовой политики.

VI съездом работников юстиции было выдвинуто предложение о ликвидации распределительных комиссий и коренной реорганизации наблюдательных комиссий в сторону: а) максимального вовлечения в них общественности, б) расширения их прав, в) приближения их к лишенным свободы и отбывающим исправительно-трудовые работы.

Эта реформа отвечала задачам осуществления уголовной политики в реконструктивный период, когда усилилось значение исправительно-трудовой системы и дело борьбы с классовым врагом и перевоспитания совершивших преступления трудящихся.

На основе решений VI съезда работников юстиции постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 30 октября 1929 г.[1] проведено упразднение распределительных и коренная реорганизация наблюдательных комиссий.

Аналогичная реформа еще ранее проведена в УССР постановлением ВУЦИК и СНК УССР от 17 октября 1926 г., причем однако наблюдательные комиссии созданы по округам и лишь с ликвидацией округов в 1930 г. — при местах лишения свободы.

Реформа наблюдательных комиссий в РСФСР пошла дальше, чем в УССР. Наблюдательные комиссии были перестроены на основе пре-

---

[1] СУ, 1929 г., № 81, ст. 795.

обладания в них представителей общественности и созданы (в принципе) по расчету — одна комиссия на 200 лишенных свободы. Одновременно усилена была роль суда — судья стал, как правило, председателем наблюдательной комиссии, суд стал последней инстанцией по досрочному освобождению. Наблюдательные комиссии сделались единственной инстанцией по целому ряду важнейших вопросов без права обжалования и опротестования их решений, кроме того от них отошли к начальникам мест лишения свободы и краевым (областным) управлениям исправительно-трудовыми учреждениями многие функции административного порядка, в частности распределение лишенных свободы по местам лишения свободы.

Реформа 1929 г. открыла перед наблюдательными комиссиями новые горизонты и окончательно утвердила их значение как «жизненного нерва» исправительно-трудовой системы.

В других союзных республиках аналогичная реформа была проведена в течение 1930—1932 гг. Так, в БССР реформа последовала лишь 5 июля 1931 г., в Азербайджанской ССР — 16 сентября 1931 г.[1], в Узбекской ССР реформа наблюдкомиссий, значительно усилившая роль суда (судья — председатель комиссии, состав комиссии утверждается по представлению народного судьи), завершена постановлением ЦИК и СНК Узбекской ССР от 17 декабря 1931 г.[2].

В ССР Грузии и ССР Армении все еще действуют параллельно распределительные и наблюдательные комиссии.

Реформа наблюдательных комиссий к моменту издания ИТК 1933 г. была еще далеко не осуществлена на практике.

Это отмечено и постановлением Президиума ВЦИК от 20 ноября 1931 г. по докладу ГУИТУ о работе наблюдательных комиссий, которое является важным этапом в деятельности последних, и затем постановлением Коллегии НКЮ РСФСР от 10 февраля 1933 г. об итогах работы наблюдательных комиссий.

Отмечая необходимость еще большего участия широких масс в борьбе с преступностью, в особенности в области непосредственного перевоспитания осужденных из среды трудящихся, Президиум ВЦИК ставит перед наблюдательными комиссиями ответственнейшую задачу по максимальному вовлечению исправительно-трудовых учреждений и лишенных свободы в общий процесс социалистического строительства, путем выполнения и перевыполнения предприятиями исправительно-трудовых учреждений своих промфинпланов, внедрения в исправительно-трудовые учреждения новых социалистических форм труда и перевоспитания лишенных свободы.

Президиум ВЦИК подчеркнул, что осуществление этой задачи требует проведения правильной классовой линии в исправительно-трудовом деле и борьбы с извращениями, в особенности с попытками к отрыву судебной политики от исправительно-трудовой.

Отметив достижения в работе наблюдкомиссий, выразившиеся в вы-

---

[1] СУ АзССР 1931 г. № 355, ст. 582.
[2] СУ УзССР 1931 г. № 41, стр. 340.

правлении классовой линии[1], Президиум ВЦИК вместе с тем указал на целый ряд недочетов, в частности на оторванность наблюдательных комиссий от жизни и работы исправительно-трудовых учреждений, при которых они состоят, слабое участие в их производственной и политико-воспитательной работе, отсутствие изучения работы и быта осужденных, недостаточность инициативы, неудовлетворительное вовлечение общественности, значительную текучесть состава наблюдательных комиссий, недостаточность руководства и надзора за их деятельностью и пр.

Аналогичные недочеты наряду с серьезными достижениями отмечены в работе наблюдательных комиссий по УССР и БССР.

Несомненны, однако, серьезные сдвиги, серьезные достижения в работе наблюдательных комиссий. Одной из предпосылок этих достижений явилось устранение организационного разрыва между судебной и исправительно-трудовой политикой.

Значительно выросла и окрепла сеть наблюдательных комиссий, выправилась классовая линия в их работе, улучшился социальный состав — 51% рабочих; увеличилась партийно-комсомольская прослойка — 69%, отмечается рост участия общественности — до 46% всего состава членов наблюдательных комиссий.

III

Выше упоминалось, что по природе своей наблюдательные комиссии являются органами государственной власти. Участие и даже преобладающая роль общественности в наблюдательной комиссии также не может превратить наблюдательную комиссию в общественную организацию негосударственного характера, как и количественно преобладающая роль народных заседателей в составе народного суда не изменяет значения суда как органа пролетарской диктатуры.

Являются ли наблюдательные комиссии разновидностью суда? В прошлом на основании некоторых внешних признаков имели место попытки рассматривать распределительные и наблюдательные комиссии как судебные органы. Так, тезисы доклада т. Якубсона, принятые в 1924 г. II всероссийским съездом работников пенитенциарного дела[2], противопоставляя задачи судебной и исправительно-трудовой политики, выдвигая на первый план опасность лица и игнорируя классовую опасность совершенного преступления, настойчиво подчеркивали, что распределительная и наблюдательная комиссии..., «корректируя и видоизменяя первоначальный приговор, как бы выносят новые приговоры» (тезис 3-й). «Они... — суд, но не по вынесению первоначального обвинительного приговора, а по осуществлению уголовной репрессии» (тезис 5-й). Этот взгляд неверен. Наблюдательные комиссии не выносят новых приговоров. Они применяют досрочное освобождение потому, что отпала или изменилась классовая опасность осужденного и совер-

[1] См. статью А., Исправительно-трудовые органы на новом этапе, «СЮ», 1932 г. № 3, стр. 15—16.

[2] См. стеногр. отчет II всероссийского съезда пенитенциарных деятелей.

шенного им преступления (ст. 8 УК), они производят зачет рабочих дней, отмечая эфективность применения к осужденным исправительно-трудовых мероприятий, а отсюда — целесообразность сокращения срока. Но эту работу они проводят на базе уже вынесенного судом приговора; помимо указанных функций наблюдкомиссии выполняют целый ряд других, которые ни в какой мере нельзя причислить к функциям суда.

Таким образом наблюдательная комиссия в системе органов диктатуры пролетариата является органом советской юстиции по реализации при участии рабочей и колхозной общественности мер репрессии, соединенных с исправительно-трудовым воздействием.

Довольно сложна система руководства наблюдательными комиссиями и надзора за их деятельностью.

На местах в большинстве союзных республик руководство комиссиями осуществляется как судами, так и по линии управлений исправительно-трудовыми учреждениями. Двойственность руководства (а до ликвидации НКВД руководство осуществляли даже два наркомата — НКВД и НКЮ) не может не приводить к параллелизму и обезличке.

Поэтому ИТК РСФСР 1933 г. сосредоточил общее руководство наблюдательными комиссиями в НКЮ по ГУИТУ (в автономных республиках — в НКЮ этих республик по управлениям исправительно-трудовыми учреждениями).

Краевые (областные) управления исправительно-трудовыми учреждениями могут давать лишь общие указания наблюдательным комиссиям по работе последних, но они лишены возможности прямо воздействовать на их оперативную работу — отменять или изменять постановления комиссий.

Порядок опротестования постановлений наблюдательных комиссий подвергался значительным изменениям. По закону от 30 октября 1929 г. все их постановления кроме постановлений об условно-досрочном освобождении окончательны и не могут быть обжалованы. Постановления же об условно-досрочном освобождении могут быть по этому закону (ст. 19 ИТК 1924 г.) опротестованы в народный суд и притом только прокурором.

Впоследствии пленум Верховного суда РСФСР разъяснением от 30 июня 1931 г.[1] допустил возможность опротестования также решений о зачете рабочих дней, предоставив право протеста помимо прокуратуры также исправительно-трудовым органам, не указав однако, с другой стороны, на возможность обжалования решений наблюдательных комиссий осужденными.

Еще дальше пошел в этом направлении ИТК 1933 г. Он прежде всего отказался от какого бы то ни было ограничения круга вопросов, подлежащих опротестованию. Согласно ст. 118 все постановления наблюдательных комиссий могут быть опротестованы. Расширен далее круг лиц, имеющих право опротестования этих постановлений. По ИТК 1933 г. это право принадлежит председателю наблюдательной комиссии, прокурору и начальнику исправительно-трудового учреждения.

[1] Сборник разъяснений Верхсуда РСФСР, 1932 г., стр. 342.

По ИТК 1933 г. протесты на постановления наблюдательных комиссий приносят уже не в народный суд, как это было раньше, а в краевой, областной или главный суд АССР по месту исполнения приговора.

Наконец, ИТК 1933 г. сокращает до трех дней срок на принесение протеста. Если за этот срок постановление не обжаловано, то оно проводится в жизнь.

Надзор прокуратуры за работой наблюдательных комиссий должен выражаться в участии прокурора в заседании комиссии, в опротестовании неправильных постановлений.

В 1932 г., по данным РСФСР, прокуроры присутствовали на заседаниях наблюдательных комиссий довольно часто — на 78% заседаний, но случаи протеста с их стороны крайне редки, более редки чем протесты краевых (областных) управлений исправительно-трудовыми учреждениями и начальников учреждений. Постановление Коллегии НКЮ от 10 февраля 1933 г. обязывает представителей прокуратуры участвовать в заседаниях наблюдательной комиссии и усилить надзор за их работой.

Каково место наблюдательной комиссии в том исправительно-трудовом учреждении, при котором она состоит? Постановление Президиума ВЦИК от 20 ноября 1931 г. подчеркивает, что на наблюдательную комиссию возлагается не только непосредственное проведение исправительно-трудовой политики, но и наблюдение за работой того исправительно-трудового учреждения, при котором она состоит. О том же говорит инструкция НКЮ БССР. На наблюдательную комиссию возложена, как увидим ниже, обязанность пресекать всякого рода искривления, безобразия в работе учреждения или сигнализировать о них.

Однако это ни в какой мере не означает, что наблюдательная комиссия стоит *над* начальником исправительно-трудового учреждения, или что последний в какой-либо мере подчинен наблюдательной комиссии.

Роль начальника исправительно-трудового учреждения в работе наблюдательной комиссии огромна, и от него в значительной мере зависит качество этой работы; поэтому постановлением Коллегии НКЮ РСФСР от 10 февраля 1933 г. на него возложена персональная ответственность за работу наблюдательной комиссии при данном исправительно-трудовом учреждении, хотя он не является председателем комиссии и не руководит ее работой.

IV

В настоящее время работой наблюдательных комиссий охватываются в общем все учреждения исправительно-трудовой системы. Согласно ст. 110 ИТК 1933 г. наблюдательные комиссии создаются при местах лишения свободы, отделениях исправительно-трудовых работ и учреждениях, на учете у которых состоят отбывающие ссылку с исправительно-трудовыми работами.

По РСФСР к концу 1932 г. наблюдательные комиссии были не организованы лишь в 12% отделений исправительно-трудовых работ.

Наблюдательные комиссии как неотъемлемая часть исправительно-трудовой системы создаются в каждом исправительно-трудовом учреждении независимо от числа содержащихся в нем лишенных свободы или отбывающих исправительно-трудовые работы.

В РСФСР закон 30 октября 1929 г. требовал при этом организации одной наблюдательной комиссии на 200 лишенных свободы, что вытекало из самого существа реформы 1929 г., которая делает упор на повседневную работу в исправительно-трудовом учреждении членов наблюдательной комиссии, на участие их в производственной деятельности и политико-воспитательной работе учреждения с тем, чтобы заседание наблюдательной комиссии было заключительным актом, подводящим итоги работы комиссии за данный отрезок времени.

Необходимой предпосылкой для осуществления таких форм деятельности наблюдательных комиссий должно было явиться их разукрупнение.

Параллельные составы наблюдательных комиссий организуются отнюдь не по камерному принципу, т. е. не по признаку размещения лишенных свободы, а по производственному, т. е. создаются по цехам, производствам и отраслям или участкам работ данного исправительно-трудового учреждения.

Однако требования закона 30 октября 1929 г. были проведены в жизнь по РСФСР в недостаточной мере (что отмечено постановлениями Президиума ВЦИК от 20 ноября 1931 г. и Коллегией НКЮ от 10 февраля 1933 г.), хотя известные достижения бесспорно имеются.

Так, в целом ряде крупных исправительно-трудовых учреждений к концу 1932 г. были организованы параллельные составы наблюдательных комиссий, например, в Ленинградской фабрично-заводской колонии функционируют одновременно три состава наблюдательной комиссии, в Горьковской фабрично-заводской колонии — четыре, в Вятской — пять.

Препятствием для такого разукрупнения явилась трудность укомплектования нескольких составов наблюдательной комиссии прежде всего народными судьями, представителями РКИ; крайне трудно обеспечить участие прокурора.

ИТК 1933 г. ничего не говорит о числе наблюдательных комиссий. Это не снижает, конечно, вопроса о дальнейшем разукрупнении, без которого неизбежна крайняя перегрузка повестки дня наблюдательной комиссии, а отсюда и беглое рассмотрение вопросов, слабая связь членов комиссии с лишенными свободы, преобладание «заседательской» работы и ознакомление только с бумажным материалом.

В среднем, в течение одного заседания рассмотрено в 1932 г. в РСФСР 79 вопросов, в БССР в 1931 г. — 123 вопроса, в 1932 г. — 80 вопросов. Такое положение нельзя считать нормальным.

В целях приближения наблюдательных комиссий к лишенным свободы и отбывающим исправительно-трудовые работы ИТК 1933 г. требует организации в крупных исправительно-трудовых учреждениях, в каждом цехе, отрасли производства или участке работ цеховых наблюдательных комиссий в составе начальника исправительно-трудового

учреждения или его помощника и двух представителей от общественных организаций (ст. 114).

Таким образом в этих исправительно-трудовых учреждениях должны функционировать наблюдательные комиссии двух типов: основная или центральная, как мы условно назовем ее, и цеховая — по цехам, производствам или участкам работ. Цеховая наблюдательная комиссия согласно ст. 120 ИТК 1933 г. окончательно разрешает лишь вопрос о зачете рабочих дней. Однако постановления цеховых наблюдательных комиссий могут быть в трехдневный срок опротестованы прокурором или начальником исправительно-трудового учреждения в «основную» наблюдательную комиссию (ст. 120).

Организация цеховых наблюдательных комиссий позволит вплотную приобщить общественность к работе цеха, создаст гибкий орган, позволяющий немедленно же стимулировать производственные достижения лишенных свободы и отбывающих исправительно-трудовые работы, и, наконец, позволит основной наблюдательной комиссии, разгрузившись от зачета рабочих дней, сосредоточить свое внимание на важнейших вопросах деятельности исправительно-трудового учреждения.

V

Наблюдательные комиссии состоят из представителей учреждений и представителей общественности, причем после реформы наблюдательных комиссий преобладающее значение особенно в РСФСР и БССР принадлежит последним.

Участие общественности в работе распределительных и наблюдательных комиссий можно проследить, начиная с 1918 г. Однако только в реконструктивном периоде общественность выдвигается в наблюдательных комиссиях на первое место.

Огромные успехи социалистического строительства, в условиях обострения классовой борьбы, вызывают необходимость «еще большего участия широких рабочих масс в борьбе с преступностью в особенности в области непосредственного воздействия трудового и политического перевоспитания осужденных из среды трудящихся» [1].

Самое широкое участие общественности в работе исправительно-трудовых учреждений как в наблюдательных комиссиях, так и путем рабочего шефства — одно из мощных орудий борьбы с бюрократизмом. Вместе с тем работа в наблюдательных комиссиях является для членов ее от общественности практической школой работы в исправительно-трудовой системе; путем работы в наблюдательных комиссиях должны создаваться и кадры соцсовместителей по системе исправительно-трудовых учреждений.

Согласно ИТК 1924 г. в состав наблюдательных комиссий РСФСР входили с решающим голосом от учреждений трое: народный судья, представитель РКИ, начальник исправительно-трудового учреждения или выделенный им помощник. От общественности входят не менее трех членов, следовательно, за последним, как правило, обеспечи-

---

[1] Постановление Президиума ВЦИК от 20 ноября 1931 г.

вается преобладание. ИТК 1924 г. не устанавливал предельного числа членов наблюдательных комиссий, поэтому оно в некоторых случаях достигало 17 человек (Таганский домзак), что надо признать ненормальным: работающий орган превращается в заседающий; гораздо целесообразнее в таком случае разбить членов комиссии на два состава.

ИТК в 1933 г. внес и в вопрос о составе наблюдательной комиссии ряд изменений. Прежде всего ИТК 1933 г. установил численность состава комиссии от 6 до 10 человек. Далее в состав комиссии введены, кроме начальника исправительно-трудового учреждения, народного судьи (по месту нахождения исправительно-трудового учреждения), представителя местной рабоче-крестьянской инспекции и представителей общественных организаций, — также еще и представители хозяйственных учреждений, с которыми данное место лишения свободы по роду и характеру его производства наиболее тесно связано (ст. 111).

Наконец, ИТК 1933 г. делает крупный шаг вперед по пути вовлечения общественности лишенных свободы в деятельность исправительно-трудовых учреждений. Ст. 112 ИТК 1933 г. в числе лиц, привлекаемых к работе в наблюдательных комиссиях, предусматривает и представителей общественных организаций лишенных свободы данного места лишения свободы.

ИТК союзных республик и инструкции, изданные в их развитие, не дают исчерпывающего перечня общественных организаций, которые должны выделить членов в наблюдательные комиссии. Упоминаются профорганизации, организации ВЛКСМ, женские делегатские собрания, народные заседатели, секции революционной законности и т. п.

Постановления Президиума ВЦИК от 20 ноября 1931 г. и Коллегии НКЮ от 10 февраля 1933 г. делают упор на привлечение представителей общественных организаций, непосредственно связанных с работой органов юстиции, — секции революционной законности местных советов и исполкомов, группы содействия прокуратуре на предприятиях и в колхозах, народные заседатели, шефствующие над органами юстиции предприятия.

В настоящее время необходимо широко привлекать также представителей политотделов МТС и совхозов, хозорганов, использующих рабочую силу лишенных свободы и отбывающих исправительно-трудовые работы, а также правления колхозов — по делам колхозников, отбывающих исправительно-трудовые работы.

До последнего времени включение в состав наблюдательной комиссии представителя данной общественной организации нередко происходило от случая к случаю, — по просьбе начальника исправительно-трудового учреждения. Коллегией НКЮ РСФСР 10 февраля 1933 г. внесена ясность в этот вопрос.

Для каждой наблюдательной комиссии в зависимости от характера и наличия в районе ее работы общественных организаций устанавливается перечень организаций, которые должны участвовать в наблюдательной комиссии, причем не нужно стремиться к охвату большого их числа. Таким путем удастся преодолеть уравнительный подход к по-

строению сети наблюдательных комиссий, обеспечить диференцированное построение сети наблюдательных комиссий, конструируя по-разному наблюдательные комиссии при различных типах исправительно-трудовых учреждений.

Состав наблюдательных комиссий утверждается согласно ИТК 1933 г. районными исполнительными комитетами, а в городах, выделенных в самостоятельные административные территориальные единицы, — горсоветами. Эти же органы заслушивают доклады наблюдательных комиссий об их деятельности.

В построении наблюдательных комиссий на практике имели место многочисленные искривления. Из практики наблюдательных комиссий РСФСР можно отметить следующие:

а) Полное отсутствие общественности и превращение таким образом наблюдательной комиссии в чисто ведомственный орган (например, Илецкие исправительно-трудовые учреждения).

б) Преобладающая роль представителей исправительно-трудового учреждения, когда вместо одного начальника или выделенного им помощника в наблюдательную комиссию входят с решающим голосом от четырех до семи работников учреждения (например, Рязанская фабрично-заводская колония).

в) Подмена вовлечения рабочей и колхозной общественности в работу наблюдательных комиссий участием в них в качестве представителей общественных организаций работников исправительно-трудовых учреждений, например, в качестве представителей организации ВЛКСМ, сельсовета, женских делегатских собраний и пр. (например, Крюковская, Болшевская, 1-го мая и другие колонии).

При местах лишения свободы средний состав наблюдательной комиссии 8,3 человека, при отделениях исправительно-трудовых — 7 человек.

Удельный вес представителей общественности одинаков по местам лишения свободы и отделениям исправительно-трудовых работ — 46—46,4%.

Процент представителей общественности все еще недостаточно высок в сравнении с требованиями ИТК.

Из органов общественности в местах лишения свободы наиболее представлены секции революционной законности: представители секции входят в 68% всех наблюдательных комиссий и составляют 15,8% всего состава их членов.

В отделениях исправительно-трудовых работ высок процент представителей прочих совучреждений, т. е. районных исполкомов, органов милиции и пр.

В отличие от народных заседателей, которые согласно установке программы ВКП(б) должны являться временными судьями и поэтому сменяются через шесть дней, члены наблюдательных комиссий должны быть прикреплены к работе в этих комиссиях на возможно более продолжительный срок.

В то время, как народный заседатель (при условии предварительной работы с ним) за шесть дней вполне войдет в курс работы суда,

а главное примет участие в рассмотрении дел от начальной стадии до заключительной, т. е. до вынесения приговора, член наблюдательной комиссии за месяц успеет только бегло ознакомиться со всем многообразием деятельности исправительно-трудового учреждения и во всяком случае не сможет изучить быт и работу лишенных свободы.

Частая смена членов наблюдательных комиссий приводит к обезличке, отсутствию преемственности в работе, нарушению процесса исправительно-трудового воздействия и потому крайне нежелательна.

Члены комиссий в РСФСР закрепляются на этой работе не менее чем на один год, в БССР — не менее чем на шесть месяцев.

В действительности текучесть состава наблюдательных комиссий от общественности еще далеко не устранена. Так по данным выборочного изучения на 1 октября 1932 г. члены наблюдательных комиссий имели стаж работы в них:

	Члены наблюдкомов при местах лишения свободы	В том числе представители общественности	Члены наблюдкомов при отделениях исправительно-трудовых работ
	в процентах		
с 1929—30 г.	7,5	2,7	8
с 1931 г.	32	34	16
с января—мая 1932 г.	31,4	30,6	30
с мая—сентября 1932 г.	9.1	8,9	7
Итого...	100	100	100

Таким образом по местам лишения свободы 51,4% членов комиссий (не считая неизвестных), а по отделениям исправительно-трудовых работ 69%, начали работать в течение последних 9 месяцев.

В некоторых местах текучесть достигла безобразных размеров, например, в Бийске состав комиссии обновился в 1931 г. семь раз, а за девять месяцев 1932 г. — три раза. В Краснодаре представители основных организаций сменились в 1932 г. три раза. В отдельных исправительно-трудовых учреждениях Башкирской АССР отмечается в 1932 г. явка на заседание каждый раз новых лиц.

С другой стороны, в Томске состав наблюдательной комиссии работает бессменно и добросовестно два года, в Рубцове 11 членов работают свыше двух лет, в Смоленске за два года выбыло лишь два члена и т. д.

Закрепление членов наблюдательных комиссий на длительный срок вполне возможно. Для этого прежде всего надо добиться, чтобы работа в них считалась основной общественной нагрузкой, а не второстепенной, как это нередко бывает, затем необходима постоянная работа с членами наблюдательных комиссий, широкое внедрение социалистического соревнования и ударничества в их работе.

Подбор членов наблюдательных комиссий имеет во всяком случае не меньшее значение, чем подбор народных заседателей. Если перед народным заседателем обвиняемый проходит самое большее в тече-

ние нескольких дней, то члену комиссии приходится иметь дело с одним и тем же осужденным и в обстановке производства и вне его в течение нескольких месяцев, и иногда и лет, ему приходится иметь дело с членами семьи осужденного, иногда бывать у них на дому и пр.

Таким образом ответственность члена комиссии, учитывая обширные права, предоставленные последней, огромна. И это требует особо внимательного подбора ее состава из числа наиболее классово стойких и политически выдержанных товарищей. Данные о составе комиссий за 1932 г. по РСФСР показывают, что их социальный состав в общем за последние годы значительно улучшился.

Так, по данным выборочного изучения, в числе членов наблюдательных комиссий было:

Социальный состав членов наблюдкомиссий	В наблюдкомах при местах лишения свободы	В наблюдкомах при отделениях исправительно-трудовых работ
	в процентах	
Рабочих	50,3	39,5
Служащих	31,1	40
Крестьян-колхозников	5,8	12
Прочих	5,2	2
Неизвестно	2,6	6,5

Следовательно, процент рабочих в наблюдательных комиссиях при местах лишения свободы достаточно высок; обращает на себя внимание значительный процент служащих по отделениям исправительно-трудовых работ. Среди членов наблюдательных комиссий от общественности процент рабочих еще выше — 54%.

Также довольно значительна партийно-комсомольская прослойка.

Партийный состав членов наблюдкомиссий	В наблюдкомах при местах лишения свободы	В наблюдкомах при отделениях исправтрудработ
	в процентах	
Членов и кандидатов ВКП(б)	62,2	55
Членов ВЛКСМ	6,4	10
Беспартийных	27,4	30
Неизвестно	3,6	4,5

В общем по местам лишения свободы партийно-комсомольская прослойка (даже без «неизвестных») 69%, по отделениям исправительно-трудовых работ — 65%. Среди членов комиссий от общественности процент членов партии и комсомольцев несколько ниже — 59%.

Помимо указанных постоянных членов наблюдательной комиссии в нее входят в качестве временных членов с решающим голосом по вопросам их компетенции: представители военных трибуналов — по делам бывших военнослужащих, комонес — по делам несовершеннолетних.

Членами с совещательным голосом являются работники исправительно-трудовых учреждений, и присутствие их весьма важно для дачи характеристики лишенных свободы или отбывающих исправительно-трудовые работы, дела которых рассматриваются.

ИТК 1933 г. впервые вводит участие в работах наблюдательной комиссии с совещательным голосом представителя общественности лишенных свободы. Это имеет важное принципиальное значение и заслуживает особого внимания, как резко выявляющее советский подход к лишенным свободы и к их общественности.

Непосредственное руководство работой комиссии проводится ее председателем; по общему правилу им в союзных республиках является народный судья; в УССР и РСФСР в наблюдательной комиссии имеется также заместитель председателя — представитель РКИ.

Работа нарсудьи в качестве обязательного председателя наблюдательной комиссии во многих случаях не дает нужного эфекта. Нарсудья слишком занят основной работой, соединенной с постоянными выездами, чтобы иметь возможность постоянно работать в комиссии. В результате судья, как правило, является не председателем наблюдательной комиссии, а председательствующим на заседании. Но такое положение неправильно. Комиссия должна иметь постоянного председателя, направляющего ее работу. Им не может быть начальник исправительно-трудового учреждения, так как это означало бы ослабление работы комиссии по наблюдению за осуществлением в исправительно-трудовом учреждении исправительно-трудовой политики. Поэтому надо учесть опыт БССР, в которой председатель наблюдательной комиссии может быть выделен из числа всех членов комиссии, включая и представителей общественности, причем председатель и его заместитель утверждаются НКЮ. Такую систему вводит новый ИТК РСФСР. Такой же порядок следует ввести и другим союзным республикам.

Утверждение председателя наблюдательной комиссии целесообразно было бы предоставить райисполкому или горсовету — это повысило бы значение наблюдательной комиссии и роль в ней председателя.

VI

Для осуществления поставленных перед ними задач наблюдательные комиссии обладают огромными правами и широким кругом обязанностей.

Наблюдательная комиссия по любому вопросу вправе непосредственно сноситься со всеми учреждениями, в компетенцию которых входит данное дело, в соответствующих случаях вплоть до Президиума ВЦИК (ст. 122 ИТК 1933 г.). По существу в возбуждении вопросов наблюдательная комиссия не связана формальными рамками.

Круг вопросов, рассматриваемых наблюдательными комиссиями, крайне широк и разнообразен. Разнообразны и права наблюдательных комиссий. По ИТК 1933 г. наблюдательным комиссиям предоставлено право самостоятельного разрешения в одних случаях, дачу заключений

и постановки вопросов по собственной инициативе — в других и сообщения в соответствующие органы — в третьих (ст. 115—117).

Комиссии самостоятельно разрешают следующие вопросы:

а) об условно-досрочном освобождении лишенных свободы, отбывающих ссылку с исправительно-трудовыми работами и исправительно-трудовые работы без лишения свободы;

в) об отпусках лишенных свободы, отпусках отбывающих ссылку с исправительно-трудовыми работами и отпусках для исполнения важнейших сезонных работ присужденных к исправительно-трудовым работам членов колхозов и занимающихся сельским хозяйством единоличников, в хозяйстве которых нет другого работника (ст. 115).

Наблюдательные комиссии дают заключения и ставят по собственной инициативе перед президиумами ВЦИК и ЦИК СССР вопросы об отмене или замене другой более мягкой мерой социальной защиты, в порядке частной амнистии, лишения свободы, ссылки с исправительно-трудовыми работами и исправтрудработ без лишения свободы.

Этот перечень функций комиссий показывает, что они не являются органом, механически проводящим в жизнь судебный приговор.

В практике преобладающее значение в работе НК получили следующие вопросы: дача заключений по делам частной амнистии, досрочное освобождение, зачет рабочих дней, отпуска.

Выше приводились данные о характере вопросов, рассматривавшихся в распределительных комиссиях в период военного коммунизма. В дальнейшем на первый план выдвигается условно-досрочное освобождение, а с изданием ИТК 1924 г. — зачет рабочих дней.

За 1928 г. рассмотрено дел:

	%
Досрочное освобождение лишенных свободы	22,8
Досрочное освобождение отбывающих исправительно-трудовые работы	0,5
Перевод на исправительно-трудовые работы	10,2
Применение амнистии	7,3
Отмена содержания под стражей	1,0
Зачет рабочих дней	28,4
Снятие строгой изоляции	3,8
Переводы в разряды	2,2
Назначение вида мест заключения	10,8
Прочие	13
Всего. .	100

Таким образом досрочное освобождение во всех его видах (включая перевод на исправительно-трудовые работы в порядке проведения реформы карательной политики от 26 марта 1928 г.) составило 33,5%, сюда же надо добавить 7,3% освобожденных в порядке применения амнистии к X годовщине Октября.

В последние годы условно-досрочное освобождение занимает сравнительно скромное место, увеличивается удельный вес зачета рабочих дней. Так, в 1931—1932 гг. наблюдательными комиссиями при местах лишения свободы РСФСР рассмотрены вопросы:

Кварталы	Условно-досрочное освобождение	Зачет рабочих дней	Отпуска	Прочие	Всего
		в процентах			
I кв. 1931 г.	21,9	53,3	7,8	16,8	100
II кв. 1931 г.	19,7	46 9	17.4	16.0	100
III кв. 1931 г.	20,1	48,0	16,8	13,2	100
IV кв. 1931 г.	26,5	50,4	10,3	12,8	100
I кв. 1932 г.	24,2	52,9	10,1	12,8	100
II кв. 1932 г.	26,1	57,4	9,8	6,6	100

Среди «прочих» вопросов не менее половины падает на заключения по вопросам применения частной амнистии (4—4,5% всех вопросов по данным выборочного изучения 1932 г.).

Систематическое снижение удельного веса так называемых «прочих» вопросов произошло частью за счет перехода к администрации исправительно-трудовых учреждений некоторых мелких технических вопросов, рассматривавшихся ранее наблюдательными комиссиями, как например выдача из неприкосновенного фонда денег, принадлежащих лишенным свободы, частью же по причине недостаточной инициативности наблюдательных комиссий.

Так например, возбуждение ходатайств об изменении мер репрессии составляют в 1932 г. всего лишь 0.5% всех вопросов, прошедших через наблюдательные комиссии, причем эти вопросы ставились лишь в 25% наблюдательных комиссий. Вопросы об изменении меры пресечения также ставились лишь в 6% наблюдательных комиссий и составляют в общей массе рассмотренных вопросов лишь 0,3%.

Особенно важно подчеркнуть совершенно недостаточное число рассмотренных наблюдательными комиссиями РСФСР общих вопросов, не относящихся непосредственно к исполнению приговора в отношении данного лишенного свободы,— доклады о деятельности исправительно-трудового учреждения и его отдельных частей, общие вопросы исправительно-трудовой политики, отчеты отдельных членов наблюдательной комиссии и т. п.— эти вопросы составляют едва заметную часть процента.

В местах лишения свободы БССР картина примерно такова же, если не считать ничтожного размера предоставления отпусков.

Наблюдательные комиссии БССР в 1931 г. и первом квартале 1932 г. рассмотрели следующие вопросы:

	1931 г.	I кв. 1932 г.
Условно-досрочное освобождение	29.4%	26.6%
Зачет рабочих дней	58.1%	60,7%
Отпуска	0.8%	0,7%
Прочие вопросы	11.7%	12 %

Наблюдательными комиссиями при отделениях исправительно-трудовых работ в РСФСР в последнем квартале 1932 г. рассмотрены следующие вопросы:

Условно-досрочное освобождение	26,7%
Зачет рабочих дней	34 %
Отпуска	14,6%
Прочие вопросы	24,7%

Здесь надо отметить недостаточное развертывание работ этих наблюдательных комиссий, так как целый ряд специфических вопросов работы отделений исправительно-трудовых работ деятельностью наблюдательных комиссий совсем не охвачены.

Наблюдательные комиссии должны всей своей деятельностью содействовать работе исправительно-трудового учреждения, в частности стимулировать выполнение промфинплана, активно участвовать в ликвидации прорывов и т. д. Поэтому на ударных работах наблюдательные комиссии заседают не реже одного раза в пять дней с тем, чтобы немедленно отмечать особо отличившихся лишенных свободы и отбывающих исправительно-трудовые работы.

На огромное значение мер, применяемых наблюдательными комиссиями в деле осуществления задач исправительно-трудового воздействия, указывал т. Постышев в своем выступлении на VI совещании работников юстиции: «Мы должны всемерно стимулировать добросовестное отношение к делу, дисциплинированность путем досрочных освобождений, предоставления отпусков и т. п.» [1].

Поэтому как достижение наблюдательных комиссий надо отметить появление в 1931 г. и рост в 1932 г. до 2,6% числа вопросов о премировании и поощрении лишенных свободы. При этом надо подчеркнуть, что сами наблюдательные комиссии денежного и материального премирования производить не вправе, так как это подрывало бы роль единоначалия; они лишь входят с представлением о премировании того или другого лишенного свободы или отбывающего исправительно-трудовые работы.

VII

Непременное требование, которое предъявляется к распределительным и наблюдательным комиссиям на протяжении всей истории их деятельности, — проведение четкой классовой линии во всей работе. Это требование вытекает из самой природы наблюдательных комиссий как органов диктатуры пролетариата. В особенности должны быть повышены требования классовой четкости, революционной бдительности на современном этапе социалистического строительства, осуществляемого в обстановке ожесточенной классовой борьбы.

Выше отмечались правооппортунистические искривления в работе распределительных и наблюдательных комиссий.

---

[1] П. П. Постышев, Основные задачи советской юстиции на современном этапе, М., 1932 г., стр. 30.

Так, в 1927—1928 гг. степень удовлетворения ходатайств лишенных свободы различных социальных групп представлялась (в процентах):

	1927 г.	1928 г.
Рабочие	72	68,9
Служащие	71,4	63,1
Крестьяне	74,3	71,0
Нетрудовой элемент	52,3	44,2
Безработные	62,1	59,6
Без определ. занятий	61,3	50,4
Прочие	68,1	61,9

Таким образом процент удовлетворения ходатайств классово чуждых элементов был лишь немногим ниже, чем для остальных категорий. Кроме того, значительная часть классово чуждых проходила под маркой «крестьяне» (кулаки), «безработные», «без определенных занятий», «прочие», у которых процент удовлетворения ходатайств весьма высок.

Эта линия работы распределительных комиссий вызвала суровую оценку в постановлении правительства от 26 марта 1928 г., которое констатировало: «Отсутствие планомерной и достаточно выдержанной с классовой точки зрения политики в регулировании осужденных в местах заключения, в частности недостаточно обоснованные допущения льгот в ряде случаев для классово чуждых и социально-опасных элементов исключительно по формальным основаниям».

Выше приводилась резолюция V совещания работников юстиции, вскрывающая причины этой правооппортунистической практики распределительных комиссий.

В то же время надо иметь в виду, что, воспользовавшись отдельными ошибками и нечеткими формулировками ИТК, комментаторы ИТК построили на них теорию «заключенного вообще», теорию «исправления всех и вся».

Так, например, тт. Ширвиндт и Утевский выдвигали правооппортунистическое положение, что «классовый подход в исправительно-трудовом деле, сильно сказываясь вначале, все более притупляется по мере приближения к концу срока лишения свободы». «По этой причине, — писали они, — в переходные исправительно-трудовые дома могут попасть все группы заключенных, независимо от их классовой принадлежности, лишь бы они за проведенное в других местах заключения время обнаружили свою приспособленность к труду» [1].

Эта точка зрения неверна была потому, что задача исправления классового врага в стенах места лишения свободы не могла сколько-нибудь серьезно ставиться тогда, когда вопрос «кто кого» не был еще решен ни в городе, ни в деревне, когда классовый враг за стенами ис-

[1] Е. Ширвиндт и Б. Утевский, Советское пенитенциарное право, М., 1927 г.

правительно-трудового учреждения сохранял свое кулацкое хозяйство или частное предприятие и после «исправления» возвращался к прежней деятельности.

Н. В. Крыленко в 1924 г. в отношении осужденных из классово враждебных элементов как «единственное средство воздействия» указывал на «удаление из общества, окружение условиями, исключающими для преступника возможность проявлять свою классовую ненависть, свою классовую психологию и свои классовые навыки. Здесь исправление бессильно и бесцельно»[1]. Здесь упрощенство заключается в том, что из поля зрения автора вовсе выпало ленинское указание об «исправлении исправимых» (даже из классово чуждых элементов), сформулированное еще в 1918 г. Тем не менее т. Крыленко в своих практических выводах и предложениях занял в основном правильную для того времени позицию, ибо в условиях восстановительного периода еще нельзя было со сколько-нибудь прочным результатом реализовать в отношении подобных элементов задачу «исправления исправимых».

По-другому ставится вопрос об исправительно-трудовом воздействии на осужденных из классово враждебных элементов в реконструктивном периоде, периоде вступления в социализм.

Тов. Постышев говорит по этому вопросу: «Мы боролись самым решительным образом против правооппортунистической теории врастания кулака в социализм, поскольку правые оппортунисты придерживались установки на врастание в социализм кулачества как класса. Но после ликвидации кулачества, как класса, по мере того, как мы приближаемся к построению социалистического общества, проблема переделки деклассированных элементов становится одной из актуальных проблем. Отсюда ясно, что в отношении этого слоя перед советской юстицией встает на данном этапе ряд серьезнейших задач».

В полном соответствии с ленинской установкой о возможности «исправления исправимых»[2] т. Постышев указывает:

«Вместе с тем исходя из перспективы построения социалистического общества во второй пятилетке, мы должны уже сейчас начать работу по переварке, перевоспитанию этих деклассированных элементов с тем, чтобы, проведя их через горнило раскулачивания, изоляции, трудового воздействия и воспитания, выпустить их современем в общество тружениками социалистического хозяйства».

Однако постановка этой проблемы ни в какой мере не означает ослабления репрессии, снижения задач подавления в отношении классового врага. Проблемы подавления и воспитания здесь не могут быть противопоставлены.

Тов. Постышев говорит далее: «Сохраняя во всей суровости и жесткости нашу карательную политику, наши репрессии, наши меры подавления в отношении классового врага и деклассированных выходцев из среды кулачества и капиталистических элементов города, мы должны одновременно с этим поставить уже сейчас вопрос об уси-

[1] Стенографический отчет V всероссийского съезда работников юстиции.
[2] Ленин, т. XXII, стр. 167.

БССР. Витебская фабрично-трудовая колония. Лишенные свободы возвращаются на работу после обеденного перерыва

БССР. Витебская фабрично-трудовая колония. Наружный вид общежития для лишенных свободы

РСФСР. Грозненская фабрично-трудовая колония. Лучшие ударники на виноградниках колонии

лении исправительно-трудового воздействия, усилении элементов воспитания и в мероприятиях, применяемых органами нашей юстиции в отношении осужденных из этих слоев».

В соответствии с постановкой по-новому проблемы исправительно-трудового воздействия на прошедших горнило раскулачивания и изоляции классовых врагов постановление ЦИК СССР от 3 июля 1931 г. (С. З. 1931 г. № 41, ст. 298) допускает возможность восстановления в гражданских правах высланных кулаков через пять лет, если они занимались общественно-полезным трудом и проявили лойяльность по отношению к советской власти. Постановлением Президиума ВЦИК от 20 ноября 1931 г. допущено предоставление зачета рабочих дней осуждебным из классово чуждых элементов, имеющим большие производственные достижения. Не исключает такого зачета и ИТК 1933 г.

Однако постановка задачи перевоспитания в отношении осужденных из классово чуждых элементов ни в какой мере не должна означать ослабления классового подхода в работе ИТУ, в частности наблюдательных комиссий, ослабления революционной бдительности. Классовая борьба в СССР продолжается. «Уничтожение классов достигается не путем потухания классовой борьбы, а путем ее усиления» (Сталин).

«Именно потому, что они умирают и доживают последние дни, они будут переходить от одних форм наскоков к другим, более резким формам наскоков, апелируя к отсталым слоям населения и мобилизуя их против советской власти» (Сталин).

Довольно большой процент искривлений в работе наблюдательных комиссий имеется по линии одностороннего подхода к рассмотрению вопросов, причем учитывается только или тяжесть преступления, или одно социальное положение осужденного, или одна лишь производственная деятельность осужденного в месте лишения свободы, недоучитываются результаты осуществления репрессии [1].

Примером таких искривлений может служить отказ в зачете рабочих дней рецидивистам, наоборот — применение зачета рабочих дней в механическом соотношении с нормой выработки (Горьковский край), когда, например, выполнение нормы на 100% влечет зачет 100% рабочих дней, выполнение нормы на 150%—150% зачета и т. д., т. е. принимается во внимание только одна сторона деятельности осужденного.

Сюда же можно отнести предложение т. Утевского [2] «предоставлять льготы, зачитывать рабочие дни, досрочно освобождать и т. д. не отдельных заключенных, а целые их коллективы (бригады и т. д.), как это кое-где уже делается».

Искривления указанного выше порядка вытекают из оппортунистического понимания задач исправительно-трудовой системы или как учреждений исключительно хозяйственного характера, или как учреждений уже на данном этапе чисто воспитательного характера, или из

[1] См. например, «Практика работы наблюдательных комиссий», «С. Ю.», 1933 г., № 13.

[2] «С. Ю.», 1931 г., № 25, стр. 26.

«левацкого» отрицания задач исправительно-трудовых учреждений по перевоспитанию осужденных.

При правильном рассмотрении вопросов наблюдательная комиссия применяет диференцированный подход в каждом отдельном случае, исходя из диалектического единства классовой опасности лица и совершенного им преступления. Она учитывает классовое положение осужденного, классовую опасность его и совершенного им преступления в момент совершения и в момент рассмотрения дела и результаты применения к данному лицу исправительно-трудового воздействия.

Так именно подходит к вопросу и ИТК 1933 г., указывающий, что наблюдательные комиссии учитывают при рассмотрении дел осужденных классовую опасность совершенного преступления, социальное положение осужденного, мотивы совершенного им действия, успешность применения к нему исправительно-трудового воздействия и общие задачи, которые ставятся судебными и исправительно-трудовыми органами (ст. 110).

VIII

Обеспечить правильный диференцированный подход к лишенным свободы, отбывающим исправительно-трудовые работы и ссылку с исправительно-трудовыми работами, наблюдательные комиссии могут лишь в том случае, если их работа не ограничивается рассматриванием отдельных вопросов на заседаниях, которые должны являться заключительным моментом определенного отрезка деятельности наблюдательных комиссий.

Еще инструкция 1918 г. требовала от распределительных комиссий тщательного и всестороннего обследования личности и предшествующей жизни поступившего лишенного свободы (§ 11), ознакомления с его судебным делом, составления на него подробной характеристики. Циркуляр НКЮ РСФСР № 52 от 25 июня 1919 г. устанавливает периодическую, через три месяца, присылку в распределительную комиссию сведений о трудоспособности, поведении, дисциплинированности каждого лишенного свободы, его участии в культурно-просветительной работе и пр., «чтобы во все время пребывания в заключении данное лицо было под наблюдением распределительной комиссии».

Эта прекрасная мысль полностью не была осуществлена ввиду оторванности распределительных комиссий от мест лишения свободы. С реформой наблюдательных комиссий создались организационные предпосылки для подлинного, повседневного участия наблюдательной комиссии во всех отраслях исправительно-трудового дела, не ограничиваемого узким кругом вопросов изучения личности отдельных лишенных свободы.

Для осуществления органической связи наблюдательных комиссий с исправительно-трудовыми учреждениями постановление Президиума ВЦИК требует прежде всего активного участия членов наблюдательной комиссии (главным образом от общественности) в производственной жизни и политико-воспитательной работе исправительно-трудовых учреждений; прикрепления членов наблюдательных комиссий к цехам и

бригадам лишенных свободы, организации периодических совещаний наблюдательных комиссий по обмену опытом.

Прикрепленный член наблюдательной комиссии должен знать всех лишенных свободы и отбывающих исправительно-трудовые работы своего цеха, систематически изучать их быт и работу, быть докладчиком по их делам и на заседании комиссии, давая свое заключение по существу вопроса.

Инструкция НКЮ БССР от 29 июля 1931 г. еще шире ставит вопрос о формах работы наблюдательной комиссии. Комиссия периодически заслушивает доклады администрации исправительно-трудового учреждения о производственной деятельности и распределении отдельных категорий осужденных, об осуществлении профтехнического образования, о развитии социалистических методов труда и т. д. Комиссия обследует и ставит доклады о состоянии политико-воспитательной работы, доклады культсоветов, стенгазет, школ, кружков, наблюдает за проведением национальной политики и за работой среди нацменьшинств, заслушивает сообщения о санитарно-бытовом состоянии учреждения, сама обследует это состояние и пр.

Нельзя согласиться с таким объемом и формами деятельности наблюдательной комиссии, так как при проведении указанной работы неизбежны подрыв принципа единоначалия и нарушение правильных отношений между комиссией и начальником учреждения.

Наконец несвойственная наблюдательным комиссиям обследовательская и т. п. работа должна отвлекать наблюдательные комиссии от прямых своих обязанностей.

В действительности директивы НКЮ БССР в указанной области слабо проведены в жизнь, и циркуляр НКЮ БССР от 5 апреля 1932 г. № 13—1/2 отмечает, что общественность попрежнему слабо втянута в работу наблюдательных комиссий, а комиссии не вышли из рамки рассмотрения дел лишенных свободы, поэтому наблюдательные комиссии, по словам циркуляра, все еще «являются не постоянно функционирующим органом, а периодически созываемой комиссией».

То же явление отмечает в УССР циркуляр от 18 ноября 1931 г. за № 132.

В РСФСР к концу 1932 г. опыт прикрепления членов наблюдательной комиссии к бригадам и цехам проведен уже в десятках учреждений, в частности в Ленинградской 1-й и 2-й фабрично-заводской колонии, Воронежской, Северокавказской, Чусовской и других колониях, но в общем достижения в этой области незначительны.

Помимо прикрепления членов к цехам и бригадам и постоянного участия их в деятельности последних, практика выдвинула ряд других форм деятельности наблюдательных комиссий в исправительно-трудовых учреждениях.

Так, по многим исправительно-трудовым учреждениям, например Северокавказской, Уральской, Чебоксарской, Елецкой, Ленинградской колониям, широко применяется периодический обход членами наблюдательных комиссий помещений лишенных свободы, производств, красных уголков, обслуживающих помещений. Эти обходы дают комиссиям

ценнейший материал и позволяют на месте пресекать обнаруженные ненормальные явления.

В Медынском отделении исправительно-трудовых работ наблюдательная комисси по просьбе начальника обследовала питание и жилищное положение отбывающих работы. Члены комиссии провели с последними разъяснительную работу, являлись на производство, принимали участие в политико-воспитательной работе. В результате резко увеличился процент реализации приговоров, созданы ударные бригады в числе 70 человек.

В Ленинградской и Северокавказской колониях практикуются выезды членов наблюдательных комиссий на производства вне учреждения.

В Северокавказской фабрично-заводской колонии наблюдательная комиссия перед заседанием в полном составе обходит все помещения учреждения и немедленно же рассматривает вопрос об устранении замеченных дефектов.

Для того чтобы судить об эфективности этого мероприятия, приведем данные протокола одного только заседания от 25 марта 1933 г. В результате обхода помещений сделано следующее: перед краевым судом поднят вопрос о немедленном рассмотрении дел 12 лишенных свободы, обращено внимание краевого прокурора на задержку дел нескольких следственных; установлен факт плохой организации выдачи продуктов (один раз в день, вызывающий справедливые жалобы лишенных свободы) и предложено администрации изменить этот порядок, с чем начальник колонии и согласился.

Развертывание работы наблюдательной комиссии, органически связанной со всей жизнью исправительно-трудового учреждения, требует постоянной связи с целым рядом общественных организаций, а также с общественностью лишенных свободы и отбывающих исправительно-трудовые работы.

Прежде всего члены наблюдательных комиссий должны держать теснейшую связь с выделившими их общественными организациями, заинтересовать их в проводимой исправительно-трудовым учреждением работе по осуществлению уголовной политики, привлекать новые силы и регулярно отчитываться в работе как перед этими организациями, так и на рабочих и на колхозных собраниях. Опыт показал, что рабочие массы с огромным интересом относятся к работе исправительно-трудовых учреждений.

Затем необходима связь с администрацией и общественностью тех предприятий, куда должны поступать освобожденные из данного учреждения, а также с общественностью и администрацией тех учреждений, предприятий и колхозов, которые используют рабочую силу лишенных свободы или отбывающих исправительно-трудовые работы. ИТК 1933 г. устанавливает эту связь путем включения в состав наблюдательных комиссий представителей хозорганов, с которыми исправительно-трудовые учреждения связаны по работе. Установление такой связи необходимо и в отношении отбывающих исправительно-трудовые работы по месту службы или в своих колхозах, так как возбуждение

перед наблюдательной комиссией вопросов об условно-досрочном освобождении, зачете рабочих дней, отпусках возможно лишь по инициативе администрации и общественных организаций учреждения, предприятия или колхоза, в которых работает осужденный к исправительно-трудовым работам.

Тесная связь с общественностью лишенных свободы или отбывающих исправительно-трудовые работы помимо участия представителей общественных организаций лишенных свободы в наблюдательной комиссии выражается также и в активной подготовке вопросов для комиссии и активности участия на заседаниях.

Самая тесная увязка должна быть в работе наблюдательной комиссии и товарищеского суда. Наблюдательная комиссия обязана чутко прислушиваться к решениям товарищеского суда и учитывать их при вынесении решения в отношении того или другого осужденного, вызывать на заседания членов товарищеского суда, что опять-таки стало возможным с изданием ИТК 1933 г., заслушивать их мнение, ставить на обсуждение дела по предложению товарищеского суда и наоборот в соответственных случаях передавать вопросы на его разрешение.

Воспитательное значение работы наблюдательных комиссий может проявляться в особенности при организации открытых заседаний, на расширение практики которых обратило внимание и постановление Президиума ВЦИК от 20 ноября 1931 г.

За последние годы число открытых заседаний выросло, но все еще недостаточно.

Проведение открытых заседаний требует хорошо продуманной организации их и правильного подбора вопросов, подлежащих рассмотрению, иначе открытое заседание дает результаты, противоположные ожидаемым.

Помимо открытых заседаний значительную роль в деле внедрения в исправительно-трудовые учреждения социалистических форм труда должны играть специальные заседания, посвященные отдельным производственным вопросам, в частности премированию и поощрению лучших ударников. Опыт таких заседаний все расширяется. В последнее время практикуются в ряде мест выездные заседания наблюдательных комиссий на отдаленных участках работ или на ударных объектах работы. Выездные заседания играют ту же роль, что и специальные заседания.

Кроме открытых, специальных и выездных заседаний необходима постоянная информация о работе наблюдательных комиссий через печать лишенных свободы, в особенности через стенные газеты, путем организации специальных докладов для лишенных свободы и отбывающих исправительно-трудовые работы и даже, как показал опыт комиссии при Северокавказской колонии,— путем сообщений при соответствующих обстоятельствах (большая территория исправительно-трудового учреждения, многочисленность и отдаленность участков и пр.) о работе наблюдательной комиссии по радио.

Постоянное участие наблюдательной комиссии во всей жизни исправительно-трудового учреждения должно означать проявление членами комиссии максимума инициативы в деле возбуждения вопросов. Однако

рост такой инициативы наблюдается лишь со стороны общественности лишенных свободы и отбывающих исправительно-трудовые работы, хотя большинство вопросов все еще возникает в порядке самотека, путем заявлений заинтересованных лиц.

Так в наблюдательных комиссиях г. Москвы, по данным выборочного обследования 1931 и 1932 гг., были возбуждены вопросы:

	Последний квартал 1930 г. %	Первая половина 1931 г. %	Январь — сентябрь 1932 г. %
По заявлениям лишенных свободы	94,5	93,8	74,5
По предложению администрации	4	5,4	17,5
По предложению советских и общественных организаций	1,4	0,3	0,3
По инициативе органов общественности лишенных свободы	—	1,2	7,4
По инициативе наблюдательных комиссий и их членов	0,1	0,3	0,3
Всего подвергнуто выборочному обследованию вопросов	100	100	100

Проведение работы в указанных формах требует четкого планирования работы и дисциплинированности членов наблюдательных комиссий, постояного их участия в работе исправительно-трудовых учреждений; имеющиеся здесь сдвиги совершенно недостаточны. По данным выборочного изучения только в 63% наблюдательных комиссий их члены ведут другую работу, кроме заседаний, причем эта работа, как правило, развернута не полностью. Это показывает на недостаточную активность членов комиссий; на то, что работа в наблюдательных комиссиях не стала для них основной общественной нагрузкой.

Но члены недостаточно участвуют и в заседаниях наблюдательных комиссий.

Так, по данным выборочного изучения в РСФСР посетили заседания в первые 9 месяцев 1932 г.:

Название организаций, от которых выделены члены наблюдательных комиссий	Сколько заседаний они посетили (в процентах)
1. Исправительно-трудовые учреждения	68
2. Суд	82
3. РКИ	74,5
4. Прочие советские учреждения	54
5. Женские делегатские собрания	73
6. Предприятия	58

Название организаций, от которых выделены члены наблюдательных комиссий	Сколько заседаний они посетили (в процентах)
7. Организации ВЛКСМ	47
8. Секции революционной законности	63
9. Профсоюзы	66
10. Народные заседатели	95
11. Колхозы	60

Таким образом из общественности наиболее неаккуратными являются представители организаций ВЛКСМ, разных советских учреждений и предприятий. Таблица в целом показывает как на необходимость создания благоприятных условий для участия членов в работе наблюдательных комиссий, так в особенности на необходимость систематической борьбы за укрепление среди них общественной дисциплины.

IX

Помимо выводов, сделанных выше, в заключение следует остановиться еще на вопросах: 1) о комплектовании состава наблюдательных комиссий, 2) о распространении деятельности наблюдательных комиссий за пределы исправительно-трудового учреждения.

Выше указывалось на необходимость диференцированного подхода при организации наблюдательных комиссий. Желательно, чтобы в каждой наблюдательной комиссии участвовали представители двух, самое большее — трех общественных организаций.

Это придало бы больше четкости, оперативности их работе, значительно повысив притом персональную ответственность каждого члена комиссии за его работу. Одновременно можно было бы привлекать в неограниченном количестве членов с совещательным голосом.

Решительные изменения надо внести в систему комплектования наблюдательных комиссий. Сейчас здесь нередко преобладают случайные моменты: выделение членов комиссий происходит без проверки их качеств. Учитывая огромное значение наблюдательных комиссий, объем прав, предоставленных им в области проведения уголовной политики, необходимо комплектование наблюдательных комиссий проводить как большую массовую кампанию, объединив ее во времени и организационно с кампанией по перевыбору народных заседателей, обязательно ставя при этом на широких рабочих собраниях доклады о деятельности данного исправительно-трудового учреждения и в частности наблюдательной комиссии. Только такой порядок дает возможность составить наблюдательную комиссию из классово стойких, политически выдержанных и вполне работоспособных членов. Одновременно с членами комиссии надо выбирать и кандидатов к ним с тем, чтобы изменение состава комиссии происходило с утверждения районного исполкома или горсовета по представлению председателя наблюдательной комиссии.

Распространение деятельности наблюдательной комиссии за пределы исправительно-трудового учреждения мыслится в двух формах:

а) на комиссию возлагаются обязанности по трудовому устройству отбывших меры репрессии (это введено уже ИТК 1933 г.);

б) наблюдательной комиссии передается работа по реализации условно-досрочного освобождения.

В первом случае наблюдательные комиссии, связавшись с шефствующими над органами юстиции предприятиями, а также предприятиями, в которые поступают на работу освобожденные из данного места лишения свободы, должны обеспечивать возможность устройства на работу освобождаемых, намечая и согласовывая, в зависимости от индивидуальных особенностей каждого освобожденного, характер работы, которую он должен получить.

Это крайне ответственная работа, так как она требует от наблюдательной комиссии самого тщательного изучения данного лишенного свободы, но эта работа явится заключительным звеном цепи исправительно-трудового воздействия, которому подвергался осужденный в учреждении, при активном участии наблюдательной комиссии.

Работу надо поставить так, чтобы, еще находясь в месте лишения свободы, осужденный постепенно знакомился со своей будущей деятельностью и таким образом переход от работы на производстве в исправительно-трудовом учреждении к работе на предприятии вне учреждения прошел бы безболезненно.

На это обратило внимание V совещание работников юстиции РСФСР: «Необходимо постепенное втягивание лишенных свободы трудящихся в работу фабрично-заводских предприятий, к которым прикреплены места лишения свободы, уже во время отбывания приговоров (путем экскурсии, участия в производственных совещаниях, проведения отдельных периодов работы на этих предприятиях и т. п.).

Необходима, иными словами, такая постановка взаимоотношений между местом лишения свободы и фабрично-заводским предприятием, чтобы, после освобождения из места лишения свободы, естественно происходил заранее подготовленный переход освобожденного на фабрично-заводское предприятие, совхоз или колхоз» [1].

Само собой разумеется, наблюдательные комиссии должны проводить такую работу лишь в отношении вполне проверенных, доказавших свое приспособление к трудовому общежитию, лишенных свободы или ссыльных с исправительно-трудовыми работами.

С другой стороны, надо на наблюдательные комиссии возложить контроль за условно-досрочно-освобожденными, так как обычно никто за ними не наблюдает. Да и самый принцип, положенный в основу ст. 55 УК, — пассивное ожидание совершения нового преступления — не отвечает установкам советской уголовной политики, исходящей из активной роли осуществляющих контроль органов.

Общий контроль целесообразно сосредоточить в наблюдательной комиссии, произведшей условно-досрочное освобождение, с тем, чтобы контроль на месте осуществлялся как членом наблюдательной комиссии, так и группой содействия прокуратуре по месту жительства условно-освобожденного.

[1] См. «Органы юстиции на новом этапе». М., 1931 г.

А. Блауберг

ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ

За 16 лет органы управления исправительно-трудовыми учреждениями не раз перестраивались в связи с необходимостью перестройки работы на разных этапах социалистического строительства.

Февральская революция не внесла никаких принципиальных изменений в тюремную политику царского режима, сохранив полностью не только органы управления и их структуру такими, какими они были при царском строе, но и весь состав работников тюремного ведомства.

Таким аппарат тюремного управления перешел по наследству к взявшему в свои руки власть пролетариату. Никакой реорганизации аппарата не было проведено и за первые 7—8 месяцев после Октября за исключением назначения комиссаров тюрем. Причина заключалась в том, что руководство Народным комиссариатом юстиции (Штейнберг) и Главным управлением местами (Шрейдер), а также местными органами юстиции находилось в руках левых эсеров, препятствовавших проведению в жизнь мероприятий советской власти.

Профессиональный союз тюремных служащих, проводивший в жизнь синдикалистские тенденции, захватил управление тюрьмами в свои руки, введя выборное начало и не допуская никакого вмешательства с чьей бы то ни было стороны. Этому потворствовала выборная администрация, боявшаяся потерять свои должности.

Такое положение отразилось и на внутреннем управлении отдельными местами заключения. Роль администрации свелась исключительно к внешнему надзору, а все внутреннее управление захватили в свои руки заключенные. Своеобразное самоуправление фактически отдавало тюрьму во власть наиболее опытных и опасных преступников, подчинявших своему влиянию всю остальную массу заключенных.

Только в мае 1918 г., после изгнания из НКЮ левых эсеров и перехода руководства к большевикам, в составе НКЮ вместо прежнего Главного управления местами заключения был организован Карательный отдел, а продолжавшие еще существование тюремные инспекции были ликвидированы и заменены карательными отделами губернских комиссариатов юстиции.

Непосредственное управление местами заключения осуществлялось заведующими этими местами. В крупных же местах заключения практиковалось коллегиальное управление, состоявшее из начальника и заведующих отдельными частями места заключения.

Задачей Карательного отдела НКЮ являлась перестройка всей прежней тюремной системы и порядка ее управления в соответствии с классовыми задачами советской власти. Это ясно подчеркивал циркуляр НКЮ по Карательному отделу от 24 мая 1918 г. № 3770, указывавший, что реорганизация Главного управления местами заключения в Карательный отдел преследовала не изменение названия. «Наша цель— перелом не только во всей системе управления местами заключения, — говорится в этом циркуляре, — но и в самой постановке отбывания наказания. Мы, прежде всего, должны создать вместо старого, безжизненного аппарата на местах новый, жизненный. И в этом отношении мы предлагаем как нормальную местную организацию пока губернскую и в этих целях предлагаем включить в губернский комиссариат юстиции особого заведующего карательным отделом на месте».

Требования организации «нового жизнеспособного аппарата» по управлению местами заключения были вполне понятны и необходимы, ибо Карательный отдел, объединив все места заключения Республики советов, коренным образом изменял значение тюремного дела и методы осуществления лишения свободы в соответствии с задачами пролетарской революции, а старых тюремщиков заменял новыми людьми, могущими твердо и верно проводить новые установки.

Деятельность Карательного отдела НКЮ была посвящена борьбе за коренное изменение уголовной политики, за переход от тюремной политики капиталистических стран и царской России к советской исправительно-трудовой политике. Карательный отдел уже тогда дал ряд основных установок настолько правильных, что в настоящее время на семнадцатом году пролетарской революции они почти полностью сохранили свое принципиальное практическое значение.

В 1921 г., с окончанием гражданской войны, Центральный карательный отдел НКЮ, а на местах карательные отделы губюстов переименовываются в Центральный исправительно-трудовой отдел, а на местах — в исправительно-трудовые подотделы.

Изменение наименования отражало принципиальный отказ советской уголовной политики от задачи возмездия и кары и выдвижение на первый план при осуществлении приговоров к лишению свободы исправительно-трудовых задач. Осуществление на практике этих новых задач представляло собою естественный шаг вперед по пути перехода от системы тюрем к системе исправительно-трудовых учреждений.

Однако проведение единой исправительно-трудовой политики и введение, в частности, единообразного режима во всех местах лишения свободы требовало централизованного управления всеми исправительно-трудовыми учреждениями.

Но если самая необходимость централизации управления исправительно-трудовыми учреждениями не вызывала ни в ком сомнения, то спорным был лишь вопрос о выборе того ведомства, которому должно

было быть вверено управление всеми исправительно-трудовыми учреждениями. Практически выбор необходимо было сделать между Наркомвнуделом и Наркомюстом.

Практика капиталистических стран не могла при этом дать каких либо бесспорных указаний. В царской России тюрьмы не раз меняли ведомство, которое ими управляло. В современных капиталистических странах тюремное дело находится в ведении или министерства внутренних дел (Англия), или министерства юстиции (Германия, Франция).

Вопрос был разрешен постановлением Совнаркома от 25 июля 1922 г. таким образом, что было предложено объединить Центральный исправительно-трудовой отдел НКЮ и Главное управление принудительных работ (объединявшее исправительно-трудовые лагеря и бюро принудительных работ) в одно управление, передав его в ведение Народного комиссариата внутренних дел.

С объединением ЦИТО НКЮ с Главным управлением принудительных работ НКВД, в составе НКВД было с 12 октября 1922 г. образовано Главное управление местами заключения, а на местах — губернские и областные управления местами заключения (входившие в качестве подотделов в отделы управления губисполкомов) с состоявшими при них распределительными комиссиями и бюро принудительных работ.

На Главное управление местами заключения возложены были следующие функции:

1) управление и руководство всеми местами заключения, в которых содержатся отбывающие приговоры судебных учреждений и уполномоченных на то органов, а также подследственные заключенные, числящиеся за судебными учреждениями, следственными и другими на то уполномоченными органами;

2) проведение в жизнь исправительно-трудового законодательства;

3) инспектирование и ревизование отдельных мест заключения;

4) руководство по исполнению приговоров к лишению свободы и осуществление этого руководства через местные органы, а также непосредственное участие в исполнении приговоров;

5) общее руководство учреждениями, ведающими исправительно-трудовыми работами без лишения свободы;

6) распоряжение так называемым фондом самоокупаемости;

7) общее руководство (совместно с НКЮ) деятельностью наблюдательных комиссий.

Деятельность Главного управления местами заключения РСФСР была ограничена только пределами РСФСР. В каждой союзной республике были организованы самостоятельные главные управления местами заключения (исправительно-трудовой отдел на Украине), входившие также в состав народных комиссариатов внутренних дел со структурой, почти аналогичной структуре Главного управления местами заключения РСФСР.

С организацией Союза ССР от Главного управления местами заключения отпал один участок его работы — управление конвойной стражей, которая преобразовалась в самостоятельное Центральное управление конвойными войсками СССР, вошедшее в состав Красной армии.

Но связь с этим Управлением у Главного управления местами заключения РСФСР осталась самая тесная, так как до настоящего времени начальник Главного управления исправительно-трудовыми учреждениями РСФСР одновременно является начальником конвойных войск СССР.

Но централизованное руководство могло гарантировать единообразное осуществление исправительно-трудовой политики только при удачном построении местных исправительно-трудовых органов. Эта задача была политически чрезвычайно ответственна, так как проведение единой революционной законности требовало такого же строгого проведения единой исправительно-трудовой политики. Особенное значение получил этот вопрос с изданием исправительно-трудового кодекса.

После различных изменений в этом вопросе местные (в то время губернские) органы управления исправительно-трудовыми учреждениями — губернские инспекции мест заключения — были организованы на началах двойного подчинения. Входя в состав административных отделов губисполкомов, они, с одной стороны, действовали под общим руководством и контролем начальников административных отделов, а с другой — вели работу согласно распоряжениям и указаниям Главного управления местами заключения.

Однако и эта структура не явилась окончательной, так как не обеспечивала полностью вхождения инспекции в административные отделы в качестве их органической части. Губернские инспекции при административных отделах не являлись равноправной частью этих отделов. Поэтому была установлена новая структура, по которой административные управления (отделы) состояли из трех отделов, одним из которых был (наравне с отделами милиции и уголовного розыска) отдел мест заключения.

Такая структура просуществовала до ликвидации наркомвнуделов, т. е. до конца 1930 г.

Конец 1930 г. принес с собой коренные изменения по всей системе управления исправительно-трудовыми учреждениями.

Спор, который велся в 1922 г. по вопросу о том, где быть исправительно-трудовым учреждениям, не мог не возникнуть вновь после того, как задачи, побудившие передать исправительно-трудовые учреждения в ведение НКВД, были выполнены, и места лишения свободы хозяйственно и технически окрепли.

Опыт работы исправительно-трудовых учреждений в ведении НКВД выявил, что теоретические сомнения в правильности такого положения подтвердились годами практики.

Опасение того, что организационный разрыв между деятельностью судебных и исправительно-трудовых органов поведет за собой разрыв между судебной и исправительно-трудовой политикой, полностью подтвердилось.

Этот разрыв мог быть ликвидирован, и единство судебной и исправительно-трудовой политики могло быть обеспечено только при условии объединения управления той и другой в одном ведомстве.

Ликвидация НКВД, последовавшая в декабре 1930 г., позволила осу-

ществить это единство, и постановление ЦИК и СНК СССР от 15 декабря 1930 г. предписало: «Места заключения, находящиеся в ведении ликвидируемых народных комиссариатов внутренних дел союзных республик, организацию ссылки с принудительными работами и самих принудительных работ без содержания под стражей передать в ведение народных комиссариатов юстиции союзных республик».

Необходимо отметить, что в ЗСФСР в связи с отсутствием федеративного наркомата юстиции управления исправительно-трудовых учреждений отдельных республик находятся при других ведомствах: в Грузинской ССР Главное управление исправительно-трудовыми учреждениями состоит при ГПУ, в Азербайджанской ССР — при Верховном суде республики, а местные органы — при народных судах, в Армянской ССР управление исправительно-трудовыми учреждениями осуществляется Исправительно-трудовым отделом СНК. В связи с этим структура аппаратов исправительно-трудовых учреждений закавказских республик также самая разнообразная, в зависимости от количества мест заключения и структуры того ведомства, при котором находится управление исправительно-трудовыми учреждениями.

Переход исправительно-трудовых учреждений в ведение НКЮ и ликвидация на местах административных управлений повлекли за собою и изменения в организационном построении краевых (областных) органов управления исправительно-трудовыми учреждениями.

Вместо входивших в состав административного управления отделов мест заключения в каждом крае (области) было организовано краевое (областное) управление исправительно-трудовыми учреждениями, подчиненное непосредственно Главному управлению исправительно-трудовыми учреждениями РСФСР.

Краевым (областным) управлениям исправительно-трудовыми учреждениями непосредственно подчинены все места лишения свободы и отделения исправительно-трудовых работ края (области).

Исправительно-трудовые учреждения, находившиеся в автономных республиках, входящих в состав РСФСР, были подчинены непосредственно управлениям исправительно-трудовыми учреждениями этих республик. Однако исправительно-трудовое законодательство РСФСР распространяется на них полностью. Аналогичное положение существует в Молдавской АССР, входящей в состав УССР.

Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1933 г. сделал значительный шаг вперед по пути объединения управления всей системы исправительно-трудовых учреждений, включая и автономные республики. Новый кодекс оформил существовавшие уже в известной степени фактические отношения между ГУИТУ РСФСР и управлениями исправительно-трудовыми учреждениями автономных республик, и, последовательно углубив эти отношения, установил, что руководство и управление исправительно-трудовыми учреждениями автономных республик осуществляются наркомюстами этих республик в соответствии с директивами Наркомюста РСФСР по Главному управлению исправительно-трудовыми учреждениями (ст. 130).

Автономные области в РСФСР имеют свои собственные управления

исправительно-трудовыми учреждениями. Они непосредственно подчинены управлениям исправительно-трудовыми учреждениями тех краев, в состав которых они входят.

В настоящее время только в РСФСР имеются исправительно-трудовые управления краевые (областные) и автономных республик и областей, через которые Главное управление осуществляет свое руководство местами. В остальных союзных республиках такого промежуточного звена нет, и Главное управление исправительно-трудовыми учреждениями непосредственно руководит остальными точками.

Организационная структура республиканских управлений исправительно-трудовыми учреждениями не тождественна, но построена по одному и тому же принципу, — принципу разделения управления на отраслевые секторы или отделы. Секторы (или отделы) организуются по отраслям работы, как-то: производство, политико-воспитательная работа, планирование, административное дело, финансовая часть и др. В различных республиках отдельные из этих управлений организационно объединяются в один сектор (отдел).

Схема построений краевых и областных органов, а также управлений исправительно-трудовыми учреждениями автономных республик и областей, входящих в РСФСР, аналогична схеме построения аппарата ГУИТУ, схема которого предложена для них как типовая с изменениями и упрощениями в зависимости от объема работы и, в частности, числа точек.

Низовые точки исправительно-трудовых учреждений — места лишения свободы и районные отделения исправительно-трудовых работ — управляются единолично начальниками. В каждом месте лишения свободы имеются: административная, производственная, политико-воспитательная и медико-санитарная части, бухгалтерия, часть хозяйства и снабжения, плановая часть и статистика. Основными частями заведуют помощники начальника места лишения свободы. В основном структура мест лишения свободы строится в упрощенном виде по принципу построения Главного и краевого (областного) управлений исправительно-трудовыми учреждениями. Структура отделений исправительно-трудовых работ зависит от объема работы отделений, от количества исправтрудработников, обслуживающих отделение, объектов выполняемой работы и компактности осужденных.

Перестраиваясь несколько раз в течение 16 лет, органы управления исправительно-трудовыми учреждениями все ближе приспособлялись к конкретному, четкому и живому руководству своей периферией, к более полному охвату всех основных участков работы на том или ином этапе, к все более углубленному проведению в жизнь основных начал советской исправительно-трудовой политики.

Ю. Бехтерев и Е. Любимова

БОРЬБА ЗА КАДРЫ В ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОМ ДЕЛЕ

Борьба за кадры является той задачей, над разрешением которой упорно борются советские исправительно-трудовые учреждения чуть ли не с первого дня их организации. Борьба за кадры до сих пор составляет одну из первейших, одну из основных задач, стоящих перед исправительно-трудовыми учреждениями.

В этой области кадры приобретают еще большую роль в силу особого политического значения исправительно-трудового дела. Выполнение приговоров к лишению свободы — это не только процесс осуществления задачи подавления классового врага и его агентуры и процесс воспитания к дисциплине, это и один из участков борьбы, на котором за «тюремной оградой» невидимо для постороннего глаза, незаметно для широких кругов советской общественности, разбитый, но не добитый классовый враг борется за свои позиции.

Нужно достаточное политическое развитие, необходима неослабевающая классовая бдительность, нужна четкая пролетарская выдержка для того, чтобы и на этом участке классовой борьбы остаться победителем.

Если учесть все эти моменты, можно смело сказать, что борьба за кадры работников исправительно-трудовых учреждений — это борьба за качество работы этих учреждений, борьба за эфективность судебной репрессии, борьба за переделку человека и одновременно — борьба за классовую бдительность на этом важном участке классовой борьбы.

Царское правительство хорошо понимало значение тюремной политики, прекрасно сознавало, какую огромную роль играют тюрьмы в борьбе с революционным движением и на эту работу не жалело посылать свои наиболее классово выдержанные кадры.

Из 39 ответственных чиновников царского главного тюремного управления 23 были дворяне, 3 — сыновья обер-офицеров, 3 — из духовного звания, 3 — сыновья крупных чиновников, 1 — из купцов, 3 — из мещан.

Из этих же 39 человек 22 имели высшее образование (7 из них окончили привилегированные высшие учебные заведения, 7 — военные учебные заведения, два — были архитекторами) и только 7 человек имели низшее образование.

Такую же картину и по классовому составу и по образованию представлял собою аппарат губернских тюремных инспекторов (из 81 человека: 40 — дворян, 8 — из духовного звания, 10 — сыновей чиновником) [1].

Классово выдержанным был и состав попечительных о тюрьмах комитетов и отделений. Так, из 259 лиц, утвержденных в звании директоров комитетов и отделений, было: дворян —9, военных —12, чиновников — 114, священников — 5, пасторов — 1, лиц свободных профессий — 13, почетных граждан — 20, купцов— 36, мещан — 16, инородцев-колонистов —9, иностранных подданных —3 [2].

Царское правительство знало, кому можно доверить тюремное дело.

О классовой выдержанности тюремных работников заботятся и современные капиталистические страны. В особенности заметно это в тех странах, где для назначения на должность по тюремному ведомству требуется также принадлежность к стоящей у власти партии, где остальные качества не играют никакой роли и где руководящий персонал тюрем должен был бы по качеству равняться больничному персоналу, а в действительности он больше напоминает персонал в кабаках. Если человек оказал какую-нибудь политическую услугу местной правящей головке и если он по своему развитию не может быть устроен на должность по церковной линии, то его устраивают в тюрьму надзирателем, надсмотрщиком или даже начальником [3].

Капиталистические страны меньше заботятся о квалификации тюремных работников, чем об их классовой выдержанности. В Германии директоры тюрем и их заместители рекрутируются из судей и прокуроров, а также из бывших тюремных священников и врачей. Никакой специальной пенитенциарной подготовки от них не требуется. Введенный в 1925 г. институт особых социальных воспитателей или попечителей с высшим образованием и со специальной дополнительной пенитенциарной подготовкой не получил почти никакого развития. Пруссия и Бавария, т. е. три четверти Германии, не ввели этого института. При происходящем процессе фашизации германских тюрем даже остатки этого института обречены на вымирание. В концентрационных лагерях националсоциалистического правительства службу несут, главным образом, штурмовые отряды, рекрутируемые из самых надежных членов фашистских организаций.

Не лучше по качеству, но столь же классово выдержан персонал тюрем Франции, Англии и других капиталистических стран.

Многочисленные декларации и резолюции всевозможных конгрессов о необходимости специальной подготовки тюремных работников — одно из проявлений социальной демагогии в тюремной политике. Каких-либо значительных размеров эта подготовка ни в одной из буржуазных

---

[1] См. «Список чинов тюремного ведомства» 1914 г., прилож. к № 8—9 «Тюремного вестника» за 1914 г.

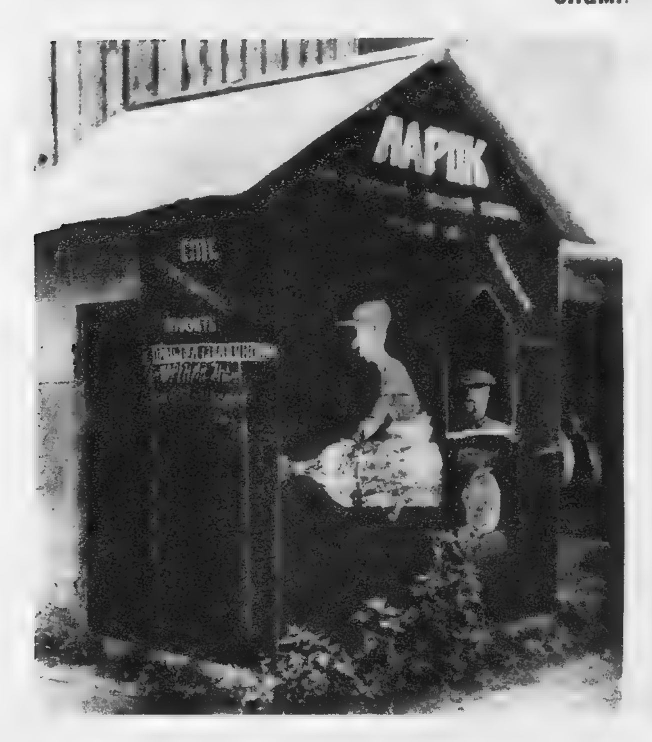
[2] Отчет по Главному тюремн. управл. за 1913 г., ч. I. Объяснения. Петербург, 1913 г.

[3] Цит. по статье Б. Утевского, Обзор иностранной пенитенциарной литературы. «Проблемы преступности», вып. IV, стр. 321.

РСФСР. Грозненская фабрично-трудовая колония. Лишенный свободы — лучший сторож крольчатника

РСФСР. Таганский домзак. Ремонтно-механический цех, получивший переходящее красное знамя

РСФСР. Таганский домзак. Худшие в социалистическом соревновании (цех ширпотреба), получившие позорное рогожное знамя

БССР. Витебская фабрично-трудовая колония. Ларек позора, в котором по решению культсовета лишенные свободы прогульщики, лодыри и пьяницы получают зарплату и продукты

стран не достигла. Страны открытой фашистской диктатуры, впрочем, отказываются и от этих жалких клочков социальной демагогии. Не случайно новый итальянский фашистский тюремный устав 1931 г. ни одним словом не упоминает о необходимости какой-либо подготовки тюремной администрации.

Не лучше обстояло дело с тюремными кадрами и в царской России и после Февральской революции 1917 г. От Временного правительства советская власть получила в наследие тюремный аппарат, который в изданном в 1919 г. сборнике был охарактеризован, как «в конец дезорганизованный, разваливающийся и заживо гниющий аппарат государства». Правительство Керенского оставило в совершенно неизменившемся виде царские тюрьмы, которые в смысле административного персонала и в отношении внутреннего распорядка не претерпели никаких изменений. В первое время после Октябрьской революции до мая 1918 г., т. е. до момента переезда советского правительства из Петрограда в Москву, ведомство юстиции, как известно, было в руках представителей левых эсеров, и положение в общем и целом оставалось прежним, если не считать назначения на местах тюремных комиссаров. Этот период знаменуется страшной разрухой тюремного дела. Главное управление местами заключения, не подвергшееся персональным переменам, саботировало работу, с местами связи не поддерживало и даже не снабжало их кредитами. Старая администрация удалялась в большинстве случаев без разбора, тюремные же надзиратели оставались. Надзиратели организовали союз тюремных служащих, ввели выборное начало, и на этой почве разыгрывались настоящие панамы. Выборное начальство, боящееся надзирателей, мирволило им во всех проделках, покрывало их бездеятельность и смотрело сквозь пальцы на расхищение народного имущества»[1].

Само собой разумеется, что советская исправительно-трудовая политика не могла проводиться такими служащими. Воспитанные в ненависти ко всему революционному, бывшие непосредственными проводниками жесточайшего каторжного режима по отношению к политическим заключенным, живые участники избиений, мучительства, издевательств, царские тюремные чиновники, вплоть до надзирателей, были причислены советской властью к классово враждебным элементам и лишены избирательных прав. Надо было как можно скорее заменить их новыми советскими, политически надежными, классово выдержанными кадрами.

Эта задача была не легка.

Вот почему оказались неудачными и первые попытки Центрального карательного отдела Наркомюста, реорганизованного из прежнего Главного управления местами заключения. В поисках новых кадров Карательный отдел не сразу правильно поставил задачу создания необходимых кадров и не сразу встал на правильный, политически выдержанный путь.

---

[1] «Советская юстиция», сборник статей к VII съезду советов, М. 1919 г., стр. 19.

Явно недооценивая невозможность проведения советской исправительно-трудовой политики при помощи царских тюремщиков, Центральный карательный отдел шел на компромиссы и производил на местах «отбор тех лиц из тюремной администрации, которые еще не совсем заскорузли и отупели в нравах царской тюрьмы и которых еще представлялось возможным использовать для работы по новым заданиям» [1].

При наличии таких компромиссных мероприятий нельзя было еще говорить о подлинной борьбе за кадры в исправительно-трудовом деле.

Эта борьба только намечалась с изданием «Временной инструкции о лишении свободы, как о мере наказания» от 23 июля 1918 г., которая выдвинула задачу «создания кадров учителей для мест заключения и организации курсов для работников тюремного дела».

Можно было бы проследить и по отчетам, и по ведомственным директивам, как на съездах того периода систематически ставился вопрос о борьбе за качество кадров. Но в этом периоде представления о требованиях, которые следует предъявлять к работникам, не всегда отличаются выдержанностью и часто носят следы влияния либерально-буржуазных пенитенциарных теорий.

Однако ошибки не означали, что борьба за качество кадров вовсе не велась или что значение этой борьбы недостаточно оценивалось.

Отчет Наркомюста по Центральному карательному отделу 1920 г. говорил, что «широкая и серьезная задача, стоящая перед Центральным карательным отделом, неразрешима без кадра сведущих и подготовленных работников, поэтому одной из насущнейших задач является создание научно-учебного заведения при Центральном карательном отделе, которое, с одной стороны, разрабатывало бы пенитенциарные вопросы, а с другой стороны, подготовляло кадр практических работников в этой сфере. Проект «Пенитенциарного института» уже разработан и передан в Наркомпрос на заключение» [2].

Проект «Пенитенциарного института» на много лет опередил ход событий; но он характерен как доказательство понимания еще в том периоде значения научно-исследовательской работы в исправительно-трудовом деле и необходимости повышения специальных знаний работников исправительно-трудовых учреждений. В скромных, правда, пределах возможного Центральный карательный отдел еще в 1918 г. организовывал если и не «Пенитенциарный институт», то во всяком случае различные курсы по повышению квалификации.

Всероссийский съезд работников исправительно-трудового дела, состоявшийся в 1923 г., снова указал на необходимость «устройства курсов для подготовки достаточно знающего кадра пенитенциарных работников».

Восстановительный период еще более повышал требования, предъявляемые к работникам исправительно-трудовых учреждений. Издание исправительно-трудовых кодексов усложняло работу этих учреждений,

---

[1] Сборник «Советская юстиция», М. 1919 г., стр. 20.
[2] Отчет ЦКО VIII всероссийскому съезду советов. Материалы НКЮ, М., 1920 г., стр. 114.

подымало ее на более высокую ступень, вводило ее более прочно в русло революционной законности, ставило новые требования производственного, политико-воспитательного и хозяйственого характера. Сумма знаний и опыта, требующихся от работника места лишения свободы, стала гораздо больше и по размерам и сложнее по содержанию.

Вместе с тем работники мест лишения свободы должны были обладать достаточным политическим развитием и неослабной классовой бдительностью, не допускать искривлений классовой линии в повседневной работе, связанной с проведением в жизнь исправительно-трудовой политики пролетарского государства.

Если борьба за численность кадров была в этом периоде в общем разрешена, то борьба за их качество не только не прекращалась ни на один момент, но со все большей остротой показывала свое значение. Многочисленные нарушения классовой линии в деятельности мест лишения свободы и распределительных комиссий были в значительной мере результатом недостаточной политической выдержанности и отсутствия должной классовой бдительности местных работников.

Еще более усложнились требования, предъявляемые к кадрам в реконструктивном периоде. Деятельность мест лишения свободы крайне диференцировалась и требовала гораздо большей специализации, чем в предшествующем периоде. Огромный рост производственной деятельности мест лишения свободы не позволял уже довольствоваться общими поверхностными знаниями во всех областях работы мест лишения свободы. То же имело место и в области политико-воспитательной работы. Только основательно подготовленные работники в каждой из этих областей могли поставить работу на должную высоту.

Повысились и требования по линии политического развития и классовой выдержанности. Огромный рост среди лишенных свободы классово чуждых элементов, в связи с обострением классовой борьбы, необходимость проведения классово диференцированных целевых трудовых установок при организации труда лишенных свободы требовали повышенного политического развития и классовой стойкости. Орабочение и окоммунизирование состава работников исправительно-трудовых учреждений, характерное для реконструктивного периода (об этом ниже), шло навстречу этим повышенным требованиям. Однако все еще требовалась напряженная работа по повышению политического развития кадров.

Требования к этим кадрам повышались еще и по другой линии. Опыт показал, что многие работники забывали, что промфинплан места лишения свободы — это прежде всего база для развертывания исправительно-трудовых процессов. Слишком узко понимая к тому же задачи советского хозяйствования, они недооценивали значения политико-воспитательной работы в развитии общественности и в деле выполнения промфинплана. Для ликвидации таких настроений был один путь — усиливать повышение квалификации работников, их общее и политическое развитие.

Так с каждым новым этапом социалистического строительства вырастали требования, предъявляемые к работникам исправительно-

трудовых учреждений. Вместе с тем все упорнее, все труднее становилась борьба за кадры, за их качество, за их систематическое совершенствование и улучшение.

Можно проследить, как на протяжении 16 лет советской исправительно-трудовой политики в процессе этой борьбы одна за другой вырастали и развивались такие формы подготовки кадров, как организация курсов для переподготовки наличных кадров, организация учебных заведений для подготовки новых, организация научно-исследовательских учреждений для подготовки «кадров для кадров», организация политработы среди работников исправительно-трудовых учреждений.

Каждая из этих форм борьбы за кадры заслуживает хотя бы беглого рассмотрения.

Курсы для работников исправительно-трудовых учреждений без отрыва от работы начинают организовываться еще в 1918 г.,— сперва в Москве при Центральном карательном отделе, а вскоре в провинции при Тверском, Вятском и других карательных отделах.

Наряду с общими курсами для работников мест лишения свободы от времени до времени организовывались курсы для отдельных категорий, например просвещенцев мест лишения свободы. Эти курсы не всегда отличались марксо-ленинской теоретической выдержанностью. Так, в программе Московских пенитенциарно-педагогических курсов можно встретить «пенитенциарную антропологию» и «методику социально-психологического обследования личности»...

Такие же курсы по переподготовке без отрыва от работы мы встречаем и в УССР и в Грузии. В Белоруссии, Армении, Узбекистане, Туркменистане и Таджикистане до 1930—1931 г. никакой работы по повышению квалификации работников исправительно-трудовых учреждений не велось.

В настоящее время в РСФСР без отрыва от производства проходят курсы только работники младшего административно-строевого состава (работники мест лишения свободы). Вся основная работа по переподготовке работников исправительно-трудовых учреждений происходит на специальных курсах и в школах.

Этой цели служит прежде всего исправительно-трудовое отделение Высших юридических курсов в Москве по переподготовке руководящих работников юстиции с полуторагодичным сроком обучения. Курсы переподготавливают руководящих работников краевого (областного) масштаба.

Далее следует сеть исправительно-трудовых отделений краевых (областных) юридических курсов по подготовке с одногодичным сроком обучения и по переподготовке работников юстиции районного масштаба с шестимесячным сроком обучения. Такие курсы организованы во всех 14 краях (областях) и некоторых АССР. Межрайонные национальные школы по подготовке и переподготовке районных работников юстиции для автономных республик и областей с исправительно-трудовыми отделениями имеются в Казани, Алма-Ата и Иркутске. Наконец, во всех краях (областях) организуются в плановом порядке курсы по переподготовке начальников отделений исправительно-трудовых работ

с двухмесячным сроком обучения. Для подготовки работников исправительно-трудовых учреждений РСФСР имеется сеть учебных заведений высшего, среднего и низшего звеньев.

В 1931 г. была проведена реорганизация управления вузами, в связи с чем факультеты права были переданы из ведения НКПроса в ведение НКЮ и превращены в институты права.

Эта реорганизация содействовала теснейшей увязке теории с конкретными запросами практики, способствовала созданию единого плана непрерывной производственной практики и обеспечивала через единый учебный методический совет твердое методическое руководство со стороны Наркомюста. Реорганизация привела к созданию ряда новых учебных заведений, дала возможность увеличения контингента приема учащихся, усилила подготовку научных и преподавательских кадров (аспирантура) и подготовку работников для национальных областей и республик.

К высшему звену учебных заведений для подготовки работников исправительно-трудовых учреждений относятся исправительно-трудовые отделения институтов советского права в Москве, Ленинграде, Саратове, Иркутске и Казани с трехгодичным сроком обучения и исправительно-трудовые отделения таких же заочных правовых вузов при всех институтах.

Среднее звено учебных заведений по подготовке работников юстиции и исправительно-трудового дела состоит из дневных рабочих факультетов при всех институтах советского права с трехлетним сроком обучения и вечерних рабфаков с четырехлетним сроком обучения, через которые рабоче-колхозная молодежь вливается в правовые вузы и из краткосрочных курсов по подготовке националов в правовые вузы с пятимесячным сроком обучения во всех центрах национальных республик (в 1933 г. по плану намечен прием в 60 чел.).

К низшему звену относятся вечерние юридические курсы по подготовке рабочего и колхозного актива, группирующегося вокруг низовых органов советской юстиции, с шестимесячным сроком обучения.

При организации системы исправительно-трудового образования особое внимание обращено также на осуществление ленинской национальной политики в деле подготовки кадров. Специально для националов выделен Казанский институт советского права с рабфаками для националов в Казани и Свияжске. Кроме упомянутых трех межрайонных школ для работников автономных областей и республик организованы краткосрочные курсы по подготовке националов в правовые вузы. В национальных учебных заведениях норма приема националов установлена Наркомюстом по согласованию с Отделом национальностей при ВЦИК не менее чем в 90%, а во всех остальных учебных заведениях — не менее 30%.

В национальных группах, по возможности, должны быть обеспечены преподавание и учебные пособия на родном языке обучающихся националов.

Насколько коренизация преподавания в институтах советского права является реальной, видно из опыта Казанского института, где про-

делана следующая работа: 1) организованы специальные коренизированные группы и бригады для студентов-татар и других националов, владеющих татарским языком, как-то: башкир, узбеков, казаков, киргизов, калмыков; 2) к преподавательской работе в этих группах привлечены научные и практические работники националы; 3) разработана на татарском языке научная терминология по основным правовым дисциплинам; 4) переведена на татарский язык при участии преподавателей и студентов института и изданы Татиздатом некоторые основные работы по праву; 5) для студентов татар, марийцев, удмуртов, чувашей и мордвин введено изучение родного языка как обязательного предмета наряду с русским языком.

В основу комплектования высших учебных заведений Наркомюстом РСФСР взята следующая установка: институты советского права и высшие курсы готовят не односторонне узких хотя бы и теоретически образованных специалистов права, а всесторонне политически развитых и преданных делу социалистического строительства работников юстиции, умеющих правильно проводить в теории и на практике ленинскую политику. Исправительно-трудовые отделения институтов советского права выпускают при этом не исправительно-трудовых работников вообще, а специалистов по определенным отраслям исправительно-трудовой работы: политико-воспитательной, административной, производственной.

При комплектовании этих учебных заведений в 1931—1932 гг. Наркомюстом была дана установка обеспечить набор учащихся прежде всего в социально-классовом отношении: не менее 70% рабочих, 20% из трудового крестьянства и не более 10% служащих. Кроме того в вузы должно быть принято не менее 35% националов, 70% членов ВКП(б) и 20% членов ВЛКСМ, 25% женщин и 10% практических работников суда, прокуратуры и исправительно-трудовых учреждений.

Организация сети учебных заведений по подготовке и переподготовке работников исправительно-трудовых учреждений требовала не малых усилий. Материальная база создавалась не сразу и достигла необходимых размеров лишь в 1931—1932 гг. Но борьба за школу не ограничивалась организационно-материальными достижениями. Не меньших усилий требовала и большое значение имела борьба за марксо-ленинское содержание преподавания, за выдержанные учебные планы и программы, за марксистскую литературу и учебники, за кадры преподавателей.

Устаревшие и политически невыдержанные учебники были исключены из числа учебных пособий. Состав преподавателей был пересмотрен и обновлен. Преподавание ставит своей задачей учить студентов и курсантов «стоять на страже интересов пролетарского государства, крепить непрерывно революционную законность, ни в коем случае не притуплять острие карательной политики, повернуться лицом к повседневной практике социалистического строительства, усилить элементы воспитания во всей работе, шире развернуть общественное и исправительно-трудовое воздействие» (П. Постышев).

Таким образом и в области преподавания на исправительно-трудо-

вых отделениях учебных заведений НКЮ происходит решительная перестройка форм и методов работы в соответствии с условиями и требованиями данного этапа развития пролетарской диктатуры. Но, конечно, далеко не все, что надо и можно было в этом отношении сделать, фактически сделано. Борьба за марксистско-ленинское преподавание, за выдержанные учебные планы, программы, учебники еще не закончилась. Отставание в этой области все еще имеется, но оно должно быть ликвидировано.

В остальных союзных республиках дело исправительно-трудового образования развивалось без таких крупных реорганизаций, как в РСФСР. Однако в связи с ликвидацией наркомвнуделов упразднение исправительно-трудовых отделений в школах милиции и передача дела правового образования наркомюстам и в этих республиках решающе сказались на организации исправительно-трудового образования.

В УССР вместо ликвидированного пенитенциарного отделения милицейской школы в г. Киеве организованы шестимесячные курсы по переподготовке среднего начальствующего состава исправительно-трудовых учреждений. Предполагается в ближайшем будущем организовать на базе этих курсов Всеукраинскую школу по переподготовке среднего и старшего начальствующего состава с более длительным сроком обучения. Исправительно-трудовая политика включена как обязательный предмет в учебный план Всеукраинского института советского строительства и права, судебный факультет которого готовит руководящих работников не только для суда, но и для исправительно-трудовых учреждений. Наконец, с начала 1932 г. во всех украинских исправительно-трудовых учреждениях организованы курсы для переподготовки без отрыва от производства всего оперативного состава.

В БССР в 1932 г. при Управлении исправительно-трудовыми учреждениями организованы курсы по подготовке и переподготовке работников младшего начальствующего состава, рассчитанные на 40 человек. На правовом отделении Белорусского института советского строительства и права читается курс исправительно-трудовой политики.

В ССР Грузии с 1931 г. организованы курсы для переподготовки работников административно-хозяйственного и оперативного состава. В Туркменской ССР на юридических курсах в Ашхабаде выделена в 1931 г. группа для углубленного изучения исправительно-трудового дела, в Узбекской ССР в 1932 г. организованы регулярные занятия с надзором. В ССР Армении, в Туркменистане и Таджикистане специальных учебных заведений для подготовки и переподготовки работников исправительно-трудовых учреждений нет. Поэтому на рабфаках и на исправительно-трудовых отделениях Московского института советского права при каждом приеме бронируется определенное число мест за этими республиками.

Хотя и много сделано за последние годы в деле организации сети учебных заведений для подготовки и переподготовки работников исправительно-трудового дела, однако, то, что сделано, далеко еще не соответствует потребностям ведомства в кадрах работников, политически

развитых, классово бдительных, обладающих специальными знаниями и умеющих проводить марксо-ленинские установки в любой обстановке.

Надо еще усиленно развивать имеющуюся сеть учебных заведений и в течение многих лет пропускать через нее наличные кадры работников, прежде чем исправительно-трудовые учреждения будут иметь в достаточном количестве те кадры, которые им нужны для того, чтобы эти учреждения удовлетворяли требованиям современного этапа социалистического строительства.

В деле подготовки кадров, в особенности «кадров для подготовки кадров», немалое значение могут иметь научно-исследовательские учреждения в области исправительно-трудового дела. В РСФСР такое учреждение было организовано еще в 1925 г. в лице Государственного института по изучению преступности и преступника, переименованного в 1933 г. в Государственный институт по изучению уголовной и исправительно-трудовой политики.

С первого же дня организации института в его составе имелась пенитенциарная секция, переименованная позже в секцию по изучению исправительно-трудовой политики.

Работа этой секции на первых порах страдала рядом чрезвычайно серьезных недостатков. Тем не менее секция все же проделала определенную положительную работу по изучению советской исправительно-трудовой политики и состояния тюремной политики империалистических стран. В особенности значительную работу секция проделала по разработке и изучению материалов переписи в местах лишения свободы, проведенной во время всероссийской переписи населения.

К числу крупнейших ошибок секции надо отнести создание экспериментального пенитенциарного отделения Государственного института по изучению преступности, так называемого «Экспогипп», давшего в своей работе резкий буржуазный уклон в сторону доведения до апогея изучения личности отдельных лишенных свободы, к тому же не представлявших интереса с точки зрения типовых массовых явлений преступности.

Экспогипп был ликвидирован в 1929 г. В конце 1930 г. Государственный институт поставил перед собою задачу подготовки «кадров для кадров» и приступил к организации аспирантуры.

Всеукраинский институт по изучению преступности, имеющий в своем составе секцию исправительно-трудовой политики, только в 1932 г. организовал подготовку аспирантуры.

Борьба за кадры не ограничивалась только подготовкой и переподготовкой работников исправительно-трудового дела. Как ни важна задача подготовки квалифицированных кадров, обладающих всей суммой необходимых общих и специальных знаний,— не меньшее значение имел подбор классово выдержанных, пролетарских и коммунистических кадров.

В течение 15 лет советской исправительно-трудовой политики в этом отношении шла систематическая упорная борьба по трем линиям: борьба за полное удаление работников царских тюрем, борьба за ора-

бочение и борьба за окоммунизирование кадров исправительно-трудовых работников.

Состояние кадров с точки зрения количества наличия бывших работников дореволюционного периода, по данным отчета НКВД за 1925 г., на 1 апреля 1925 г. рисовалось в следующем виде (в % к общему числу работников):

Среди администрации	Среди надзора	Среди канцелярск. персонала	Среди хозяйств. персонала	Среди культ. просвет. работн	Среди инструкт. раб. части	Среди прочих работников	Всего
5,7%	6,5%	4,2%	3,2%	1,0%	3,7%	1,8%	5,7%

В 1932 г. этот процент выразился в 0,5%.

Менее успешно шла борьба за орабочение состава работников исправительно-трудовых учреждений:

На какой день	Рабочих %	Крестьян %	Служащих %	Прочих %
1 июня 1925 г. . .	25,7	52.6	16,5	5,2
1 января 1927 г. .	23,5	57,0	15,7	3,8
1 января 1928 г. .	23,0	45,0	29.4	2,0
1 января 1929 г. .	25.0	42,0	31,3	1,0
1 апреля 1932 г. .	24,6	38,6	36,8	—

Как видно из таблицы, рабочая прослойка недостаточна. Уменьшилась прослойка происходящих из трудового крестьянства[1], увеличилось число служащих и дошли до нуля остальные, в число которых входили, повидимому, главным образом, классово чуждые элементы.

Значительно лучше обстоит дело с коммунизацией аппарата исправительно-трудовых учреждений. Если до 1929 г. процесс коммунизации шел медленно, то в 1930—1932 гг. он сделал большой скачек вперед.

Как обстоит дело с орабочением и коммунизацией аппарата в других союзных республиках, видно из следующей таблицы:

	Члены и кандидаты ВКП(б)	Члены ВЛКСМ	Беспартийные
	в процентах		
1 июня 1925 г.	14,2	3.9	81,9
1 января 1927 г.	15,1	4,2	80,7
1 „ 1928 „	16,6	3 6	80,0
1 „ 1929 „	16,4	4.0	79,6
1 апреля 1932 „	50,2	2,7	47,1

[1] К дефектам статистики кадров нужно отнести недиференцированность группы «крестьян».

	Социальный состав				Партийный состав		
	Рабочих	Крестьян	Служащих	Прочих	Членов и кандидат. ВКП(б)	Членов ВЛКСМ	Беспартийных
УССР	26,7	36,5	34,9	1,9	9,8	2,2	88
ССР Грузия	17,9	37,7	44,1	—	54,3		45,7
ССР Армения	13,0	72,7	13,2	—	59,2		40,8

В борьбе за рабочие и коммунистические кадры всем союзным республикам еще много предстоит сделать.

Но борьба за кадры работников исправительно-трудовых учреждений не ограничивается только мероприятиями по подбору, подготовке новых и переподготовке наличных кадров. Эта борьба требует также изучения и проверки личного состава работников этих учреждений и с точки зрения их идеологической выдержанности и преданности делу социалистического строительства. Эта борьба, кроме того, опирается на целую систему организованных и планомерных мероприятий по политическому и культурно-бытовому воспитанию работников исправительно-трудовых учреждений в процессе их повседневной работы.

Работа по политическому воспитанию работников советских исправительно-трудовых учреждений строится не на внедрении слепой, бездушной дисциплины, а на пробуждении здоровой и сознательной инициативы в деле социалистического строительства, т. е. на основе социалистического соревнования и ударничества, на основе общих принципов политической работы среди работников советских учреждений и общественных организаций.

Тщательное изучение личного состава исправительно-трудовых учреждений с точки зрения соответствия общего и политического уровня его знаний, способностей, личных и служебных качеств условиям выполняемой ими работы являются и здесь основной предпосылкой для проводимой с ними политической и массовой культурно-просветительной работы.

Всюду, во всех местах лишения свободы для работников исправительно-трудового дела открыты особые клубы, красные уголки, библиотеки, консультационные пункты, организованы кружки для повышения их общей и политической грамотности, выписываются газеты и журналы, производится запись на разного рода курсы по заочному обучению, издаются стенные газеты.

Наиболее ярко характеризует содержание и методы работы по политическому воспитанию работников советских исправительно-трудовых учреждений печать личного состава этих учреждений.

Если в официальных ведомственных органах: «Административном вестнике НКВД РСФСР» до 1931 г. и в журнале НКЮ РСФСР «Советская юстиция» даются основные установки по вопросам советской уголовной и исправительно-трудовой политики, то стенные газеты работников исправительно-трудовых учреждений живо свидетельствуют уже о том, как эти основные политические установки преломляются в

практике работы этих учреждений, одновременно характеризуя и проводимую с личным составом работу по его политическому воспитанию.

Печать личного состава состоит в основном из широко развернутой сети стенгазет, к которой начинают прибавляться и газеты-многотиражки. Почти во всех союзных республиках низовая печать личного состава отделена от печати лишенных свободы. Исключение составляет УССР, где центральный орган системы исправительно-трудовых учреждений «До праци» в течение уже многих лет объединяет и лишенных свободы и личный состав. В национальных республиках и областях печать личного состава, как и печать лишенных свободы, издается на местных языках. Национальная печать личного состава обнаруживает при этом за последнее время быстрый и значительный рост.

Печать личного состава непосредственно руководится политико-воспитательными частями исправительно-трудовых учреждений. То обстоятельство, что печать личного состава является органом партийной ячейки и профессиональной организации, обеспечивает ей в основной массе правильное политическое руководство. Поэтому печать личного состава проводит директивы партии, мобилизует личный состав на борьбу за генеральную линию партии, на борьбу со всякого рода оппортунизмом и в первую очередь с правым уклоном как главной опасностью на данном этапе социалистического строительства.

Организуя личный состав вокруг перестройки всей работы исправительно-трудовых учерждений, на основе 6 условий т. Сталина, вокруг развертывания ударничества и социалистического соревнования, печать личного состава проводит развернутую самокритику наряду с показом лучших образцов проведения на практике основных принципов советской исправительно-трудовой политики.

Проведенный в 1932 г. смотр печати личного состава дал богатый материал для характеристики ее состояния.

Преобладающее место в этой печати занимают, естественно, вопросы правильного осуществления исправительно-трудовой политики. Вопросам международного и внутреннего положения уделяется большое внимание (13,3%). Одно из первых мест занимает борьба за промфинплан предприятий, организованных исправительно-трудовыми учреждениями, за укрепление хозрасчета, за рационализацию производства, за рост изобретательства и мобилизацию внутренних ресурсов.

Наряду с этим печать личного состава борется за проведение и среди лишенных свободы массовой производственной и культурной работы, за их политическое воспитание и перевоспитание.

Не малое место занимает и борьба за трудовую дисциплину работников исправительно-трудовых учреждений, борьба с летунами, рвачами, прогульщиками и лжеударниками, с отсталыми настроениями и пережитками старого быта.

Все более увеличивается место, уделяемое оборонной и антирелигиозной работе, поднятию политического и культурного уровня личного состава, информации о партии и профсоюзах в их работе.

Благодаря печати личного состава, благодаря широко развернутой самокритике удается вскрывать отдельные случаи гнойников, искривле-

ний исправительно-трудовой политики, бюрократизма и расхлябанности.

Наряду с этим печать личного состава организует контроль над исполнением, втягивая в эту работу общественность исправительно-трудовых учреждений.

Оперативная работа по каждой газете личного состава ведется редколлегией. Редколлегии обеспечивают плановость в работе, в выборе стержневых тем, в организации связи интересов газеты с общими интересами страны. Редколлегии же организуют вокруг газеты рабкоров, проводят с ними систематическую работу по поднятию их политического и культурного уровня, по развертыванию ударничества в печати, по перестройке всей работы газет на тех же началах, на которых строится все рабселькоровское движение в стране.

Низовая печать личного состава с успехом проводит в жизнь новые формы массовой работы: рейды, общественный буксир, рационализаторские счета, смотры, тревоги, соцсоревнование, слеты, переклички, выезды в цеха, общежития и клубы, конкурсы на лучшие произведения или на проведение различных кампаний.

Таким путем печать личного состава становится одним из наиболее действенных методов работы по политическому воспитанию работников исправительно-трудовых учреждений.

Печать личного состава содействует выковыванию тех кадров, без которых невозможно проведение советской исправительно-трудовой политики в соответствии с общими задачами социалистического строительства, т. е. кадров, классово бдительных, политически выдержанных, дисциплинированных и умеющих при всяком положении проводить в жизнь марксо-ленинскую политику.

И. Апетер

ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВАЯ ПОЛИТИКА ЭПОХИ ВСТУПЛЕНИЯ В СОЦИАЛИЗМ

В переходном периоде, на пути к социалистическому обществу, когда буржуазное государство уничтожено до основания, когда старая государственная машина разбита и на ее развалинах утвердилась диктатура пролетариата, пролетариат в процессе ожесточенной классовой борьбы за построение бесклассового общества осуществляет свою государственную власть, свою диктатуру в целях подготовки условий для отмирания государственной власти. О характере этого государства переходного периода Ленин говорил: «Особый аппарат, особая машина для подавления, «государство» еще необходимо, но это уже переходное государство, это не государство в собственном смысле».

Судьбу буржуазного государства разделяет один из его «вещественных придатков» — тюрьма.

Когда российский пролетариат разбил царскую государственную машину дворянско-буржуазного общества и взял в свои руки государственную власть, он вместе с тем и тем самым уничтожил и старую тюрьму. Оставались еще на первых порах, — и пролетариату для выполнения приговоров к лишению свободы приходилось еще ими пользоваться, — старые тюремные здания, тюремные стены и даже замки и решетки, но внутреннее содержание тюрьмы, ее политические задачи, ее специфическая сущность, все то, что делало ее орудием господства буржуазии и инструментом подавления сопротивления эксплоатируемых, — все это было уничтожено Октябрьской революцией до основания.

Те учреждения, в которых пролетарское государство осуществляет лишение свободы как меру репрессии, можно называть тюрьмами или иным словом, — дело не в терминологии. Но эти учреждения уже не тюрьмы в старом смысле, это переходные учреждения на пути к воспитательным учреждениям бесклассового общества.

С каждым новым этапом социалистического строительства, с каждым новым шагом по пути к бесклассовому обществу прибавляется новый штрих к вырисовывающимся впереди контурам воспитательных учреждений для отдельных недисциплинированных членов бесклассового общества.

Но советские исправительно-трудовые учреждения — еще не воспитательные учреждения в полном смысле этого слова. Утверждать обратное — значило бы перескакивать через данный этап. Подобное утверждение было бы так же неправильно, как и утверждение о сохранении в СССР системы тюремных учреждений.

Тем и характерны исправительно-трудовые учреждения эпохи вступления в социализм, что они представляют собой переходную форму к воспитательным учреждениям, что, будучи орудием подавления и принуждения в руках пролетариата, они в то же время ставят себе воспитательные задачи и что, наконец, удельный вес этих воспитательных задач все возрастает по мере продвижения к бесклассовому обществу.

Но со всей четкостью надо подчеркнуть, что, являясь органами диктатуры пролетариата, занимающими определенное место в классовой борьбе и осуществляя задачи классовой борьбы и применяемого пролетарской диктатурой в этой классовой борьбе подавления и принуждения, советские места лишения свободы на пороге второй пятилетки ни в какой мере не только не теряют, но даже усиливают свое значение. Это подчеркивал и т. Сталин, говоря, что «сильная и мощная диктатура пролетариата, вот что нам нужно теперь для того, чтобы развеять впрах последние остатки умирающих классов и разбить их воровские махинации».

Сказанное нами о наших исправительно-трудовых учреждениях не находится ни в каком противоречии с тем, что старая царская тюремная машина разрушена пролетариатом, что в унаследованных от царской тюремной системы старых тюремных зданиях развертываются учреждения принципиально иного типа, имеющие иное классовое содержание, ставящие себе иные политические задачи и применяющие новые воспитательные методы, находящиеся в непримиримом противоречии со специфическими атрибутами буржуазной тюрьмы.

В этих учреждениях лишение свободы еще остается, но оно качественно отлично от тюремного заключения в царских тюрьмах или в тюрьмах современных капиталистических стран; сохраняется задача принуждения, но эта задача совмещается и увязывается с задачами воспитания; сохраняются еще старые тюремные здания, но они наполняются иным, новым содержанием.

Такое совмещение советскими исправительно-трудовыми учреждениями различных задач находится в полном соответствии с многогранностью задач диктатуры пролетариата, ибо «диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества» [1].

●

Когда восставший пролетариат сжигал царское тюремное управление, — этот символ и орудие господства буржуазии, угнетения эксплоатируемых, насилия и мучительства пленников царизма; когда он штур-

[1] Ленин, изд. 2-е, т. XXV, стр. 191, «Детская болезнь левизны».

мовал тюрьмы, разбивал кандалы и наручники и освобождал заключенных, — это не было только лишь стихийным порывом долго сдерживаемого возмущения и ненависти или разрядкой накопившейся революционной энергии. Пролетариат ясно выражал свою классовую волю, намечал определенную политическую линию в «тюремном» вопросе...

Царское правительство, превратившее в одну огромную тюрьму всю страну, с каким-то утонченным садизмом развивало свою тюремную систему. Тюрьмы ведомства юстиции с их огромным количеством (719) составляли лишь небольшую часть тюремной сети. Их дополняли 495 этапов и полуэтапов, 704 арестных дома, 20 военных тюрем и дисциплинарных частей, 23 крепости и столько же гауптвахт, 7 тюрем морского ведомства, 20 монастырских тюрем, 61 исправительное учреждение для несовершеннолетних, 1 000 арестных помещений при полицейских участках и 93 арестных помещения при сыскных отделениях. Эта грандиозная тюремная сеть умножалась еще 16 371 арестными помещениями при волостных судах. Не в каждой волости была, быть может, школа, но без тюрьмы царское правительство не мыслило ни одной волости.

Но и этого было мало.

Последнее десятилетие царского режима проходило под знаком нового тюремного строительства. Подавленная в крови карательных экспедиций революция 1905 г. оставила в пролетариате десятки тысяч ростков. Царское правительство продолжало наступать на пролетариат. Тот, кто не стал жертвой Минов, Ренненкампфов и Меллер-Закомельских,— тот должен был заживо гнить в тюрьме или быть замученным в застенках каторжной России. Реакция свирепствовала. Охранка не знала отдыха. Жандармы, полиция, провокаторы, сыщики и шпионы — все было поставлено на ноги. Число заключенных росло с каждым днем.

В одном 1906 г. через царские тюрьмы прошло более миллиона человек. Имевшиеся тюрьмы не могли уже вместить с каждым днем прибавлявшихся политических заключенных. Царское правительство лихорадочно строило новые тюрьмы. У него не было денег на постройку школ, больниц, культурных учреждений для народа, но всегда находились средства на постройку для народа новых и на расширение старых тюрем. Золото шло не на покупку машин, не на книги, не на улучшение культурного и бытового уровня широких масс, а на тюрьмы. В истории тюремного строительства царской России период с 1905 г. был периодом расцвета. Отчеты Главного тюремного управления этих лет пестрят сведениями о расширении емкости старых и о постройке новых тюрем. В 1905 г. спешно расширяются 12 исправительных арестантских отделений и число штатных мест увеличивается на 10 120. В 1907 г. заканчивается постройкой новая тюрьма в Москве, переоборудованы для содержания 400 арестантов мастерские Московской губернской тюрьмы, переустроено под каторжную тюрьму здание б. Штурманского училища в г. Николаеве, сооружены арестантские бараки на 400 мест при Кутомарской тюрьме, приспособлено под каторжную тюрьму на 350 мест здание б. Шлиссельбургской крепости и т. д.

В 1910 г. тюремное управление составило план тюремного строительства общей стоимостью на 51 625 674 р. Этот план предусматривал сооружение 23 новых тюрем в губернских и областных городах и 141 в уездных. План не был академическим проектом. Если с 1896 по 1908 г., т. е. за 12 лет, царское правительство соорудило 23 тюрьмы, то в период с 1908 по 1912 г., т. е. за 4 года, было возведено 27 новых тюрем [1]. За этот же период был переоборудован и расширен целый ряд старых тюрем и начата постройка многих новых.

Сетью тюрем царское правительство покрывало всю страну. Во всех промышленных центрах, всюду, где были очаги революционного движения, где происходили аграрные беспорядки, была или должна была быть построена тюрьма.

Лихорадочно строят тюрьмы и современные капиталистические страны. Росту революционного движения, охватывающему все буржуазные страны, сопутствует рост белого террора и разгул буржуазной классовой юстиции. Статистика МОПР, далеко не полная и не точная, рисует картину роста из года в год числа политических заключенных. С 59 573 в 1925 г. оно выросло до 360 491 в 1931 г. Первая половина 1932 года дала 273 426 политарестованных (без Китая, где в 1931 году арестовано 114 887 чел.).

Имеющиеся в капиталистических странах тюрьмы отказываются вмещать арестованных. Для того чтобы дать место жертвам классовой юстиции, буржуазии необходимы новые тюрьмы. Буржуазные политические партии могут спорить по самым различным вопросам, но в одном вопросе они проявляют удивительное согласие. Какая бы буржуазная партия ни стояла у власти,— лейбористы или твердолобые, либералы или демократы, социалфашисты или националфашисты, — на полицию и тюрьмы никто из них не жалеет средств. Германские социалфашисты построили в 1931 г. огромную тюрьму в Бранденбурге, стоившую 8 млн. марок. Гитлеровское правительство успело до мая 1933 г. организовать 45 концентрационных лагерей. В мае 1933 г. должны были быть открыты еще 10 лагерей. Во Франции за последние годы открылось 68 новых тюрем. Сетью новых тюрем покрываются колонии империалистических стран. Буржуазия выбрасывает рабочих с фабрик и заводов, рабочих лишают пособий по безработице, но им приготовляют места в тюрьме. Под гнетом мирового экономического кризиса во всех капиталистических странах сокращаются бюджеты на «народное просвещение», закрываются школы, приюты, больницы, библиотеки, но открываются все новые и новые тюрьмы. Фашизм несет пролетариату безработицу, голод, пули и тюрьму.

Тюремному строительству капиталистических стран пролетариат СССР противопоставляет свое *культурное строительство.* Старые царские тюремные здания только частично использованы в СССР под исправительно-трудовые учреждения. Большинство бывших тюрем перестроено и оборудовано под разные учреждения, под клубы, школы, в

[1] «Тюремный вестник» 1914 г., февраль, стр. 347—348.

коммунальные предприятия, гостиницы, фабрики, заводы и МТС и под жилища для рабочих.

Ни одна страна в мире не может предъявить такой «истории тюрем», какая уже может быть написана СССР. Разве может судьба тюрем какой-либо страны сравниться с той судьбой, которая выпала в СССР на долю царских тюрем и о которй красноречивей всяких слов говорят следующие цифры.

Из 550 царских тюрем, находившихся на территории РСФСР, только небольшая часть используется под исправительно-трудовые учреждения. Из числа остальных:

Переоборудовано под школы и др. культ. учреждения	36
" " больницы	10
" " гостиницы	3
" " жилые помещения	32
" " советские учреждения	28
" " склады	16
" " МТС, фабрики и заводы	31
Сгорело	5
Разрушено	28
Разобрано на стройматериалы	4
Неизвестно	21

Ту же самую картину представляют и бывшие царские тюрьмы, находящиеся на территории УССР. Из 104 таких тюрем используются под исправительно-трудовые учреждения только 33. Из остальных:

Переоборудовано под гостиницы	1
" " жилые помещения	6
" " советские учреждения	11
" " МТС, фабрики и заводы	7
" " склады	2
Разрушено	17
Сгорело	2
Разобрано на стройматериалы	3

Если более чем триста бывших царских тюрем ничем уже не напоминают своего мрачного прошлого, если в них раздаются голоса учащихся, шум машин, говор свободных людей, то и в тех тюремных зданиях, в которых находятся советские исправительно-трудовые учреждения, произошли глубокие внутренние и внешние изменения.

●

Пролетариат не мог и не может еще отказаться от применения в числе других мер уголовной репрессии и от лишения свободы как от одного из средств классовой борьбы. Пока СССР является единственной страной, строящей социализм во враждебном капиталистическом окружении, в атмосфере напряженной подготовки интервенции, в условиях экономической блокады и бешеного сопротивления со стороны

классовых врагов, поддерживаемых и финансируемых международным капиталом, до тех пор наивно было бы отказаться в определенных случаях от изоляции классовых врагов и правонарушителей из трудовой среды, своими дезорганизаторскими действиями подрывающих социалистическое строительство. Интересы диктатуры пролетариата требуют сохранения лишения свободы как меры репрессии, а также и учреждений, где оно отбывается.

Но коммунистическая партия наметила в своей программе замену лишения свободы исправительно-трудовыми работами без лишения свободы и замену тюрем воспитательными учреждениями.

По разным линиям, всеми доступными мероприятиями пролетариат все шире и углубленнее проводит своеобразный «режим экономии» в применении лишения свободы.

В уголовном законодательстве и в судебной политике пролетариат держит курс на сокращение применения лишения свободы, на замену лишения свободы иными мерами репрессии.

По линии исправительно-трудовой политики пролетариат упрощает систему мест лишения свободы, упрощает сеть исправительно-трудовых учреждений, сокращает число этих учреждений.

Борьба с тюремным фетишизмом — это для пролетариата не голый лозунг, а реальная программа, руководство к действию, повседневная практическая задача.

В царском Уложении о наказаниях из общего числа карательных постановлений лишение свободы назначалось в 1 711 случаях. По последнему уголовно-правовому памятнику царской России Уголовному уложению 1903 г. лишение свободы предусматривалось в 652 случаях. Воинский устав о наказаниях предусматривал 280, а Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, — 181 случай лишения свободы. По германскому уголовному уложению в 270 статьях предусматриваются 432 случая применения лишения свободы.

В первом советском уголовном кодексе, а именно в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г., лишение свободы как мера социальной защиты предусматривалась в особенной части всего в 191 случае.

В Уголовном кодексе 1926 г. это число еще более понизилось и дошло до 155. Соответственно повысилось число случаев применения других более мягких мер репрессии (см. следующую таблицу):

	Меры социальной защиты		
	Лишение свободы	Исправ.-труд.-работы	Штраф
Уголовный кодекс 1922 г.	191	54	40
„ „ 1926 „	156	89	89

Правда, замена в Уголовном кодексе 1926 г. во многих случаях лишения свободы иными более мягкими мерами репрессии не означала еще обязательного применения судами во всех этих случаях вместо лишения свободы более мягких мер. Альтернативный характер многих статей УК давал судам возможность в ряде случаев отказываться от

других мер и назначать лишение свободы. И действительно, издание Уголовного кодекса 1926 г. не привело тотчас же к сокращению случаев применения лишения свободы. Суды упорно продолжали игнорировать другие меры и продолжали пользоваться лишением свободы. Но это объяснялось не столько консерватизмом судей, сколько их недоверием к исправительно-трудовым работам без лишения свободы, отсутствием уверенности в реальности этой меры. Но стоило исправительно-трудовым учреждениям добиться повышения реальности приговоров к исправительно-трудовым работам, как тотчас же стало возрастать число приговоров к исправительно-трудовым работам без лишения свободы, как это видно из таблицы:

Из общего числа осужденных было приговорено	1926	1927	1929	1930
К лишению свободы на срок и условно	$\frac{39,6}{53,7}$	$\frac{34,5}{43,4}$	$\frac{14,4}{19,8}$	$\frac{11,5}{15,5}$
К исправительно-трудовым работам	14,3	21,2	48,1	56,0

Уменьшению удельного веса лишения свободы в системе мер репрессии уголовного законодательства и в практике судов соответствовали упрощение сети мест лишения свободы и продолжающееся сокращение числа мест лишения свободы.

Огромное значение, которое в буржуазных странах имеет тюрьма в арсенале орудий классового подавления сопротивления со стороны пролетариата, приводит в этих странах к фетишизации этой меры наказания.

Эта фетишизация проявляется, в частности, в столь изощренном разнообразии различных видов тюремных учреждений, что различие между отдельными типами тюрем не сразу становится ясным даже для специалистов тюрьмоведов. Сложная тюремная система капиталистических стран должна подавить заключенного пролетария не только тяжестью режима, но и всем многообразием тюремных правил, трудностью, а подчас и невозможностью разобраться в этом лабиринте. Немалая роль принадлежит при этом и многообразию тюремных учреждений. Только квалифицированный юрист может разобраться во всех тонкостях различных видов лишения свободы и различных типов тюремных учреждений.

Наиболее показательным является в этом отношении итальянский фашистский тюремный устав 1931 г., в котором устанавливаются следующие типы тюрем: каторга, простые тюрьмы, окружные судебные тюрьмы, уездные судебные тюрьмы, тюрьмы для умалишенных, дома попечения и надзора (для уменьшенно вменяемых и алкоголиков), рабочие дома, колонии, тюрьмы для привычных и профессиональных преступников, дома для внешних работ, учреждения социального приспособления, дисциплинарные дома, дома особо сурового режима, судебные реформаториумы и др.

Царский Устав о содержащихся под стражей, не знавший такой сложной системы тюрем, какая установлена фашистским тюремным

уставом, предусматривал все же 11 различных видов тюремных учреждений: арестные помещения, арестантские помещения при полиции, тюрьмы (областные, губернские, уездные и тюремные замки), исправительно-арестантские отделения, тюрьмы для содержания осужденных к каторжным работам, пересыльные тюрьмы, дома предварительного заключения, крепости, гауптвахты и монастыри.

Сложной сети царских тюрем соответствовала не менее сложная система различных видов лишения свободы, установленная Уложением о наказаниях. Каторжные работы без срока и срочные, отдача на время в исправительно-арестантское отделение, срочное заключение в тюрьме с лишением всех особенных прав и преимуществ, срочное заключение в крепости с лишением некоторых особенных прав и преимуществ, заключение в крепости без лишения особенных прав и преимуществ, срочное заключение в тюрьме с лишением некоторых прав и преимуществ, срочное заключение в тюрьме, кратковременный арест всех видов: арест на военной гауптвахте, арест домашний, арест при тюрьме, арест в домах ведомств.

Сеть советских исправительно-трудовых учреждений хотя и была несравненно проще, представляла вначале все же достаточно пеструю картину. Однако число типов мест лишения свободы систематически сокращалось, сеть упрощалась и дошла до максимального предела простоты и несложности, а именно до одного типа мест лишения свободы для срочных и следственных лишенных свободы взрослых и одного же типа для правонарушителей из молодежи.

Следующая таблица, относящаяся к РСФСР, показывает как шел процесс упрощения сети мест лишения свободы (для осужденных):

1922 г.	1923 г.	1924—1929 гг. по НКЮ РСФСР	1930 г.	1931—1932 гг.
1. Исправтруддома	Исправдома	Изоляторы особого назначения	Исправдома	Трудовые колонии
2. Изоляционные тюрьмы	Тюрьмы-изоляторы	Исправдома	Трудовые колонии	Школы ФЗУ для несовершеннолетних правонарушителей
3. С. х. колонии	С.-х. колонии	Труддома	Труддома для несовершеннолетних	Больницы для лишенных свободы
4. Трудовые колонии	Труддома для несовершеннолетних	Труддома для несовершеннолетних	Больницы для лишенных свободы	—
5. Концентрационные лагеря	—	—	—	—
6. Трудовые дома для несовершеннолетних	—	—	—	—

Упрощению сети мест лишения свободы сопутствовало и количественное их сокращение. Вместо 550 царских тюрем, находившихся на территории РСФСР, в 1923 г. в РСФСР было 380 мест лишения свободы. На 1 января 1929 г. число это понизилось до 354, на 1 января 1930 г. — до 310.

В настоящее время на территории РСФСР число мест лишения свободы еще более сократилось.

Насколько незначительна эта сеть, можно судить по сравнению с числом тюрем в капиталистических странах. Достаточно указать, что в Германии с ее вдвое меньшим населением, чем в СССР, по последним данным имеется 1 732 тюрьмы. В одной лишь Пруссии 1 062 тюрьмы (21 каторжная тюрьма, 103 больших тюрьмы, 839 обыкновенных тюрьмы, 4 арестных дома).

В Америке — этой «стране тюремных реформ», как ее любят называть буржуазные тюрьмоведы, имеется 300 тюрем для долгосрочного заключения, около 3 000 тюрем для следственных заключенных и для краткосрочного заключения и 10 860 арестных домов.

Не менее характерные данные для установления различия между значением тюрем в общей системе «вещественных придатков» капиталистических государств и СССР дает сравнение бюджетов на народное образование и на тюремные учреждения у них и у нас.

В СССР с каждым годом улучшаются условия содержания лишенных свободы, увеличиваются ассигнования на их питание, на вещевое довольствие, на политико-воспитательную работу, на профтехническое обучение, расходы на содержание исправительно-трудовых учреждений. Так, средняя годичная заработная плата одного лишенного свободы (считая и учеников) выросла с 1925 г. на 80%, а по промпредприятиям — на 110%. Ассигнования на продовольствие выросли с 1925/26 г. на 90%. Расходы на политико-воспитательную работу выросли с 1926/27 г. на 700%. Расходы на профтехническое образование одного лишенного свободы выросли с 1930 по 1932 г. на 120%.

Тем не менее общий расход на содержание исправительно-трудовых учреждений в СССР и абсолютно и по сравнению с капиталистическими странами крайне невелик.

Сравнение бюджета на просвещение (гос. и местных бюджетов) с бюджетами на содержание исправительно-трудовых учреждений в РСФРС и в СССР особенно разительно иллюстрирует уменьшающийся в СССР удельный вес лишения свободы по сравнению с параллельно растущим значением культурных мероприятий.

	РСФСР		СССР	
	Расходы на просвещение	Расходы на исправ.-трудов. учреждения	Расходы на просвещение	Расходы на исправ.-трудов учреждения
1928/29	1 147 917 000	20 833 689	2 512 063 000	27 8[illegible]7 [illegible]26
1929/30	2 192 063 000	16 186 291	3 999 389 000	23 996 397

Противоположный процесс происходит в капиталистических странах. В царской России бюджет на тюрьмы был выше или в отдельные годы равнялся бюджету на народное просвещение.

Во всем буржуазном мире из года в год растут бюджеты на содержание тюрем и катастрофически падают расходы на просвещение.

Годы	Расход на тюрьмы	Расход на народное образование
1905	16 127 000 руб.	8 000 000 руб
1907	20 472 000 „	9 681 000 „
1910	36 316 000 „	29 364 000 „
1912	47 635 000 „	47 803 000 „

Это объясняется тем, что в связи с ростом революционного движения в капиталистических странах увеличивается число заключенных, строятся все новые и новые тюрьмы, тратятся огромные суммы на окарауливание тюрем, на колоссальные штаты надзирателей, на их вооружение и т. д.

В СССР грандиозный рост расходов на народное образование — в капиталистических странах повышение ассигнований на тюрьмы при колоссальном снижении расходов на просвещение.

Рост тюрем у них и рост культурных и социальных учреждений у нас, — разве может быть дана лучшая иллюстрация для характеристики значения лишения свободы у них и у нас.

●

При всей важности понижения количественных показателей, рисующих удельный вес лишения свободы и исправительно-трудовых учреждений в СССР, гораздо большее принципиальное и политическое значение имеет изменение качественного содержания процесса исполнения приговоров к лишению свободы.

Не количественные, а качественные показатели обусловливают выставленное нами в начале статьи положение, в силу которого в условиях диктатуры пролетариата хотя и сохраняются еще учреждения тюремного типа, но это уже не тюрьмы в собственном смысле этого слова.

Целый комплекс новых методов, новых исправительно-трудовых мероприятий не только переделывает внешний облик бывших тюрем, но превращает их из «мертвых домов», из «кладбищ живых» в дома, в которых жизнь не убивается, а дает новые ростки, немыслимые в капиталистических странах, резко изменяет их внутреннее содержание и все ближе подводит исправительно-трудовые учреждения к осуществлению задачи превращения их в воспитательные учреждения.

Уничтожение одиночного заключения и правила молчания, запрещение мучительства и унижения человеческого достоинства, уничтожение кандалов, наручников, запрещение физического воздействия, изгнание из мест лишения свободы попов и религиозного воздействия, организация перевоспитания на основе общественно-полезного производитель-

ного труда, развитие среди лишенных свободы социалистических методов труда, прогрессирующее вытеснение колоний закрытого типа открытыми полусвободными колониями, развитие среди лишенных свободы общественности и общественных организаций, устранение отрыва лишенных свободы от политической и культурной жизни страны, все растущее вытеснение элементов внешнего принуждения элементами самодисциплины и самодеятельности, свободная переписка, система отпусков, появление и укрепление новых форм отношений между администрацией и лишенными свободы, — все это характеризует новый тип учреждений для выполнения приговоров к лишению свободы, который создан диктатурой пролетариата на место разрушенной царской тюремной машины.

В каждом из отдельных звеньев исправительно-трудовой системы — в режиме и в быту лишенных свободы, в организации труда, в политико-воспитательной работе, в развитии среди лишенных свободы общественности, самодеятельности и инициативы происходит процесс усиления воспитательного начала. Тысячами ростков вырастают в СССР новые формы воспитания. Каждый новый этап социалистического строительства, каждый новый подъем трудового энтузиазма масс, каждая новая форма организации труда на фабриках, заводах, совхозах и колхозах вызывают живой и действенный отклик у лишенных свободы из среды трудящихся, видоизменяют формы работы с ними, подымают эту работу на новую высшую ступень и ведут к усилению значения воспитательного начала в деятельности мест лишения свободы.

Развитие общественной самодеятельности, рост ударничества и соцсоревнования, встречные промфинпланы, борьба за осуществление 6 условий т. Сталина во всех звеньях исправительно-трудовой работы создают возможность применения новых высших форм общественно-трудового воспитания.

При содействии самих лишенных свободы проводятся мероприятия по рациональному использованию рабочей силы, проводится борьба с уравниловкой в зарплате, улучшаются материально-бытовые условия лишенных свободы, лицом к производству перестраивается политико-воспитательная работа, изживается обезличка в процессе исправительно-трудового воздействия и т. д.

Добровольные сборы на самолеты, займовые кампании, библиотечные субботники или кампании за использование внутренних ресурсов становятся повседневным орудием общественного воспитания. Стоит хотя бы бегло просмотреть заголовки статей в прессе лишенных свободы, в их печатных газетах, в многотиражках и стенных газетах, чтобы увидеть какое огромное воспитательное значение приобретает в местах лишения свободы отклик на каждое достижение социалистического строительства, на каждое проявление в новой форме общественной самодеятельности и участия трудящихся масс в достижении задач социалистического строительства.

Лишенные свободы в советских местах лишения свободы не отрываются от общественной жизни страны.

Решения XVII партконференции, поставившие перед страной задачу

«преодоления пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращения всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества», неимоверно повысили значение дальнейшего развития воспитательного начала в деятельности мест лишения свободы.

Эти решения требуют создания условий для укрепления новых форм воспитательного воздействия при необходимом условии сохранения связи между местами лишения свободы и общественной жизнью страны.

В «Критике Готской программы», разбирая программное требование германских социалдемократов, ограничившееся словами «регулирование арестантского труда», Маркс писал:

«Мелочное требование в общей рабочей программе. Во всяком случае, следовало ясно заявить, что нет желания, продиктованного завистью к конкурентам, чтобы с уголовными преступниками обращались как со скотом, и в особенности нет стремления лишить их *единственного средства исправления — производительного труда*» (курсив мой.— *И. А.)*.

В деле перевоспитания приобретает громадное значение проблема труда лишенных свободы как одного из основных методов перевоспитания.

Это требование, сформулированное Марксом еще в 1875 г., не было в первое время революции достаточно усвоено и проведено в жизнь НКЮ и исправительно-трудовыми учреждениями, не сумевшими подняться выше расплывчатых представлений о «труде вообще» и о «работах заключенных».

Только в постановлении V совещания руководящих работников юстиции РСФСР (июнь 1931 г.) по докладу «Основные принципы исправительно-трудовой политики» мы находим положения, оформившие то, что для организации труда лишенных свободы принесла эпоха вступления в социализм, и то, что фактически, несмотря на нечеткие установки действующего исправительно-трудового законодательства, уже проводилось на практике работы мест лишения свободы. В этом постановлении говорится уже о воспитании в лишенных свободы «навыков к общественно-полезному труду, притом не навыков вообще, а навыков определенных квалификаций, необходимых в обществе, строящем социализм, где труд фабрично-заводского пролетария является основной ведущей формой труда», — говорится далее о том, «чтобы дать лишенному свободы из среды трудящихся необходимую квалификацию как индустриальному рабочему» [1].

В то время, как в капиталистических странах безработные инженеры счастливы получить место у станка, в качестве простого рабочего, а квалифицированный рабочий, выброшенный кризисом из-за станка, мечтает хотя бы о труде чернорабочего, — в СССР в эпоху вступления в социализм ставится задача даже лишенным свободы обеспечить приобретение квалификации, и притом высокой квалификации

[1] «Органы юстиции на новом этапе», стр. 99 и 102.

РСФСР. Ростовский-на-Дону сельмаш. Бригадир Абрагимов, бывший лишенный свободы

Таджикская ССР. Заседание Верховного суда. Слушаются дела лишенных свободы о досрочном освобождении

Туркменская ССР. Стройколония. Ленинская кибитка. Заседание культсовета с бригадирами ударных бригад

рабочего как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, который по выходе на свободу должен стать участником социалистического строительства.

Эпоха вступления в социализм дала возможность организовать труд лишенных свободы на основе методов столь высокого воспитательного значения как ударничество, соцсоревнование, встречные промфинпланы и т. д.

На этих методах построенный труд лишенных свободы удваивает и утраивает свое воспитательное значение. Он не только приучает к производительному труду, не только дает квалифицированные навыки, но и воспитывает новое социалистическое отношение к труду.

Газеты лишенных свободы всех союзных республик пестрят такими заявлениями:

«Окончив постройку домны № 7, Каменская строительная колония № 2 начала следующие строительные работы:

домну № 8;

агломеративную фабрику при заводе им. Дзержинского;

три фундамента под мартен.

Ударники строительной колонии, штурмовой ударной работой достигшие величайших успехов и показавшие действительно пролетарский энтузиазм в борьбе за домну № 7, с неменьшей энергией будут работать и на этих социалистических стройках. В настоящее время заключаются договора на соцсоревнование и разрабатываются встречные планы.

Домну № 8, агломеративную фабрику и три мартена выстроили до срока.

Бригада ударников».

(„До праці", № 2/132/22, 1932 г.)

«Активная группа по соцсоревнованию и ударничеству на постройке при Ашхабадском домзаке доводит до сведения всех рабочих бригад, что бригада Лакумова № 1 включилась всем составом бригады в соцсоревнование и вызывает остальные бригады вступить в соцсоревнование на следующих условиях:

1) полное и рациональное использование рабочего дня,

2) полная ликвидация симуляции и лодырничества,

3) увеличение норм выработки, как-то: количественно и качественно против прошедшего месяца и доведение до максимума по всем видам работ соревнующихся бригад,

4) закрепление достигнутых результатов в процессе соцсоревнования путем объявления встречных заданий по всем отраслям работы строительства,

5) 100% вовлечение в соцсоревнование членов бригады и ни одного рабочего вне соцсоревнования и т. д.».

Лишенные свободы бьются за первое место по выполнению промфинплана, за переходящее красное знамя, за высшие показатели в работе, лишенные свободы создают новые формы борьбы за выполнение промфинплана, разбивающие фактами все попытки говорить о принудительности труда заключенных в СССР. Так, например, в Бело-

руссии лишенные свободы проводят в 1932 г. с целью повышения выполнения промфинплана самопроверку работы мастерских, названную ими «производственные маневры» и вызвавшую исключительный подъем в работе, энтузиазм и рост ударничества и соцсоревнования. Одна только сводка выполнения лишенными свободы промфинплана Минской фабрично-заводской колонии в дни «производственных маневров» могла бы разбить целые томы клеветнических утверждений белогвардейской и фашистской печати о рабском труде заключенных в СССР.

	21 мая	22 мая	23 мая	25 мая	26 мая	27 мая	28 мая	29 мая
Слесарная мастерская	112,5	115,4	116,2	114,5	115,1	114,3	119,5	143,9
Портняжная „	103,4	113,9	110,7	111,7	118,4	120,8	129,4	137,4
Столярная „	98	81,5	96,2	92,7	93,7	94,3	99.8	103,8
Ткацкая „	84	91,2	89,2	88,1	100,9	88,5	83	91,1

Лишенные свободы, бьющиеся за промфинплан с таким же энтузиазмом, как и рабочие на любой советской фабрике, на любом заводе (в каком разительном противоречии это находится с трудом заключенных в капиталистических тюрьмах, трудом каторжным, трудом бессмысленным, трудом подневольным, трудом, являющимся одним из наиболее ненавистных элементов наказания!) — лучшая иллюстрация отмирания в СССР специфических тюремных атрибутов.

●

Участие общественности в работе тюремных учреждений в виде редчайшего исключения наблюдается и в буржуазных тюрьмах. Так, наблюдательные комиссии при американских тюрьмах, имеющие довольно широкие права, в том числе и право досрочного освобождения, составляются из представителей общественности. Не нужно, однако, забывать о том, какой общественный класс представляют члены этих наблюдательных комиссий. Чиновники, мелкие и средние торговцы, священники, домовладельцы, рантье решают в этих комиссиях судьбу заключенных пролетариев и решают в соответствии со своими классовыми интересами и расовыми предрассудками.

Царский устав о содержащихся под стражей также допускал известное участие буржуазно-помещичьей «общественности» в жизни тюрем. Для этого предназначались общества попечительства о тюрьмах, с его комитетами и отделениями, благотворительные тюремные комитеты и общества тюремного патроната.

Все эти «общественные» учреждения были типичными узко-классовыми институтами, под флагом благотворительности проводившими в ограниченной сфере участия в деятельности тюрем задачи классового господства буржуазии и подавления сопротивления пролетариата. Нисколько не скрывая классового характера комитетов, Устав о содержащихся под стражей откровенно устанавливал, что «комитеты и

отделения составляются из членов общества обоего пола *благородного, духовного и купеческого званий»...* (ст. 73).

Таков же был и состав общества тюремного патроната.

Многочисленные сохранившиеся от царского режима уставы этих обществ приводили списки учредителей обществ. Можно ли дать более яркий образчик классового характера этих учреждений, чем такой, например, список учредителей Двинского общества тюремного патроната:

«Ксения Михайловна Мицелевская, жена товарища прокурора. Дворянка Анна Дионисиевна Невская. Мария Николаевна Рейке, жена товарища прокурора. Жена действительного статского советника Мария Ивановна Суриган. Губернский секретарь Николай Германович Гильнер. Законоучитель дворянских учебных заведений ксендз Викентий Викторович Балюл. Коллежский советник Александр Петрович Мец. Коллежский асессор Сергей Владимирович Мицеловский. Действительный статский советник Дионисий Иванович Суриган. Дворянин Стефан Ефимович Якубович. Дворянка Людмила Болеславовна Якубович».

Фактическое участие всех этих «общественных» организаций в тюремной жизни было, конечно, ничтожно. В официальном «Кратком очерке деятельности Главного тюремного управления за первые XXXV лет его существования» (1879—1914) говорилось:

«Бывшим министром внутренних дел графом Толстым было между прочим высказано, что большая часть тюремных комитетов и отделений обратилась лишь в формальных посредников между центральной властью и тюремной, в отношении получения и расходования сумм, ассигнуемых на содержание арестантов, и отстранилась от действительного участия в тюремном хозяйстве» [1].

Но и эта ничтожная роль «общественных» организаций казалась царскому правительству опасной:

«По мнению названного министра надлежало поставить на место многоначалия или отсутствия власти одну твердую самостоятельную и ответственную за свои действия власть, устранив от непосредственного заведывания тюрьмами все те элементы, деятельность которых определяется не служебными обязанностями, а добровольным и посильным трудом, вытекающим из чувства благотворения».

Царское правительство разделило точку зрения своего министра внутренних дел: «Неуклонным руководящим принципом в течение всего этого времени являлось, с одной стороны, расширение прав тюремной администрации, с другой, — ограничение функций общества попечительства о тюрьмах. Соответственно сему из ведения общества постепенно были изъяты отдельные отрасли тюремного дела и целые категории мест заключения, а в обеих столицах органы общества были преобразованы в учреждения чисто филантропические» [2].

Совершенно иной принципиально процесс происходит в советских исправительно-трудовых учреждениях. Его можно было бы назвать борьбой за подлинное, широкое участие советской общественности в

[1] «Тюремный вестник» 1914 г., № 2, стр. 359.
[2] Там же, стр. 360—361.

работе исправительно-трудовых учреждений. Поставленная программой партии задача «добиваться дальнейшего сближения органов власти с массами трудящихся на почве все более строгого и все более полного осуществления этими массами демократизма на практике» особенно важна для исправительно-трудовых учреждений. Учреждения, которые непосредственно осуществляют лишение свободы, должны были быть поставлены под особо зоркий и внимательный контроль общественности. Эта область государственного управления, по своей природе таящая опасность самых тяжелых и в то же время наиболее неуловимых злоупотреблений, особо гарантируется от всяких нарушений революционной законности. Лучшей гарантией против таких нарушений и извращений является общественный контроль.

Подобно тому как передовые общественные элементы, рабочий и колхозный актив участвуют в лице народных заседателей или общественных обвинителей в отправлении судебных функций, в вынесении приговора, точно так же они распространяют свое влияние и на процесс выполнения выносимых при их участии приговоров. «Суд есть орган привлечения именно бедноты поголовно к государственному управлению (ибо судебная деятельность есть одна из функций государственного управления)» [1], — писал В. И. Ленин. Но эти слова могут быть одинаково применимы и к исправительно-трудовым учреждениям, так как с равным же основанием пролетариат привлекается и к отправлению такой функции государственного управления, как выполнение приговоров, присуждающих к исправительно-трудовым мерам. Участие представителей пролетарской общественности в работе сначала распределительных комиссий, а затем наблюдательных комиссий,—вот одна из наиболее типичных форм этого участия. В решении наиболее важных вопросов исправительно-трудового воздействия — в разрешении вопросов об отпусках, зачете рабочих дней, досрочном освобождении принимают участие представители советской общественности. А так как они представлены в наблюдательных комиссиях в преобладающем по сравнению с представителями ведомств числе, то они имеют в разрешении этих вопросов решающее значение.

Эпоха вступления в социализм, обусловливая в области исправительно-трудового дела дальнейшее движение вперед по пути к принудительно-воспитательным учреждениям нового типа, должна была привести вместе с тем и к дальнейшему расширению участия общественности в работе исправительно-трудовых учреждений.

Можно сейчас уже наметить некоторые из новых форм такого участия.

Прежде всего должно широко быть использовано соцсовместительство в исправительно-трудовых учреждениях. Ряд должностей в этих учреждениях может и должен замещаться в порядке соцсовместительства. Было бы в частности огромным достижением, если бы в каждом месте лишения свободы в течение круглых суток находились соцсовместители на должности заместителя начальника места лишения свободы.

---

[1] Ленин, собр. соч., изд. 3, т. XXII, стр. 460.

Другой формой участия общественности в работе мест лишения свободы должна быть непосредственная живая связь между заводами и фабриками, совхозами и колхозами, с одной стороны, и исправительно-трудовыми учреждениями, с другой.

Каждая колония должна быть прикреплена к какому-либо заводу, колхозу или совхозу. Рабочие (или колхозники) должны устанавливать живую связь с колониями, осуществлять повседневную инструкторскую помощь производственным предприятиям колоний, организовывать практику лишенных свободы на фабриках и заводах, перебрасывать «мостик» между работой лишенного свободы в исправительно-трудовом учреждении и его будущей работой на фабрике или в совхозе.

Необходимо в самое ближайшее время создать новые формы связи между освобождаемыми из мест лишения свободы и рабочей общественностью. Изжитие безработицы, как один из результатов грандиозных успехов социалистического строительства, побудило ликвидировать прежние комитеты помощи освобождаемым из мест лишения свободы, которые состояли только из представителей советских учреждений и превратились в бюрократические учреждения, слабо связанные с рабочей общественностью. Однако если освобождаемые лишенные свободы не нуждаются в большинстве случаев в материальной помощи, то им часто нужен совет и общественная помощь в первое время после освобождения. Общественное внимание к бывшему лишенному свободы особенно рецидивисту, направление его первых шагов, помощь ему на работе и вне работы, хороший товарищеский совет часто нужны ему больше, чем материальная помощь. Благодарной задачей общественности должна являться также борьба с остатками обывательских взглядов на бывшего заключенного как на «зачумленного» человека, который навсегда потерял всякое доверие и от которого надо держаться подальше. Общественность должна помочь бывшему заключенному вновь завоевать потерянное доверие, помочь ему вернуться в ряды трудящихся.

Перечисленные формы участия общественности в работе исправительно-трудовых учреждений не носят исчерпывающего характера. Это только наиболее назревшие. Жизнь создаст и подскажет еще новые формы.

В противоположность буржуазной тюрьме советские исправительно-трудовые учреждения действительно «переделывают» человека, исправляют и перевоспитывают его, и это достигается в советских исправительно-трудовых учреждениях, конечно, не наказаниями плетью, не проповедями и нравоучениями попов, не суровым, свойственным капиталистическим тюрьмам режимом «донимающего исправления», а системой мер общественно-воспитательного воздействия.

Вопрос о проведении в исправительно-трудовом деле национальной политики, вопрос, в котором также ярко и выпуклю сказывается принципиальное различие между буржуазной тюрьмой и советской исправительно-трудовой системами, разрешается в СССР на основе общих принципов ленинской национальной политики.

В области тюремного управления царское правительство проводило систему натравливания и угнетения, которая была основным принципом

всей ее национальной политики. Всячески провоцируя национальную вражду между различными национальными группами заключенных, царское тюремное управление последовательно осуществляло и проводило систему еще более жестокого угнетения и бесправия заключенных «инородцев», изобретало для них дополнительные и притом самые изощренные методы мучительства и издевательства.

Все делалось для того, чтобы всячески подчеркнуть неравноправие между заключенными, принадлежащими к господствующей национальности, и заключенными из национальных меньшинств или так называемыми «инородцами».

В отношении нацменов, находившихся в общих тюрьмах так называемой Европейской России, издевательства, бесправие и угнетение доходили до крайних пределов. Однако все это бледнело перед кошмарным режимом средневековья, царившим в среднеазиатских колониях царского самодержавия. Для содержания, или вернее уничтожения, пролетариев таджиков, не уплативших налогов, потребовавших у баев заработанных денег или не оказавших им должного почтения, не говоря уже о совершивших какое-либо «преступление», были предназначены так называемые «зинданы», представлявшие собою вырытые в земле ямы глубиной в 15—20 метров, в которых на голом полу без каких-либо постельных принадлежностей, закованные в кандалы, полуголые или голые, валялись в полутьме брошенные вповалку кучи заключенных. Ночь приносила заключенным новые страданья. Их привязывали к одной общей цепи, конец которой запирался на замок. Из зинданов живым не уходил почти никто.

Не многим отличаются от царских колоний и тюрем для пролетариев и тюрьмы в колониях современного империализма. Та же политика натравливания друг на друга заключенных разных национальностей и рас и то же создание невыносимых условий для заключенных, принадлежащих к угнетенным национальностям, характеризуют эти тюрьмы.

Так, например, далеко не редким являются следующего рода происшествия в американских тюрьмах, сообщаемые даже буржуазной печатью: «В городской тюрьме Уэльфф Айсланд, находящейся на острове посреди реки, отделяющей Манхатон (часть Нью-Йорка) от Бруклина, дело дошло до ожесточенной борьбы между более чем 400 белыми и неграми, во время которой семь заключенных было тяжело ранено и 20 легко. Тысячи прохожих наблюдали с близлежащих мостов за длившимся много часов побоищем, которое разыгрывалось в тюрьме и при котором дело шло не о восстании или попытке побега, а о проявлении расовой вражды» [1].

Французский журналист Пьер Эрбар, получивший возможность посетить тюрьму в Индо-Китае, рассказывает: «Во дворе тюрьмы сооружены соломенные бараки. В них абсолютная темнота, невероятный смрад, совершенно ошеломляющий вновь приходящего человека. В каждом бараке находится 100—200 заключенных, прикованных к одному длинному железному пруту. По мере того как глаз привыкает к тем-

[1] „Deutsche Allgemeine Zeitung“, 7 августа 1930 г.

ноте, выделяются истощенные, разгоряченные лихорадкой лица и покрытые язвами тела. Некоторые из них протягивают руки и что-то говорят. Переводчик объясняет, что им неизвестны причины их ареста. Они только просили об уменьшении налога. Один из заключенных приподнимает свои лохмотья и показывает раны, нанесенные сторожами тюрьмы».

«Ежедневно несколько человек умирает, оставаясь прикованными к своим товарищам. Один из заключенных ребенок. Ему одиннадцать лет. Его родители были казнены за то, что они коммунисты. После этого он был осужден на шесть месяцев тюрьмы» [1].

Вот как расправляется буржуазия в колониях со своими рабами, осмеливающимися поднять голос протеста против бесчеловечной эксплоатации и угнетения в капиталистическом мире.

В СССР Октябрьская революция принесла подлинное национальное равенство трудящихся масс. Основные принципы ленинской национальной политики полностью и во всем объеме осуществляются и в советских местах лишения свободы.

Программа ВКП(б) исходит в национальном вопросе из принципа братского сближения пролетариев и полупролетариев разных национальностей для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии, из необходимости уничтожения всех и всяких привилегий какой бы то ни было национальной группы, из полного равноправия наций, из необходимости беспощадной борьбы с великодержавным шовинизмом и местным национализмом.

Программа Коминтерна о национальной политике выдвинула к тому же требование обеспечения и поддержки всеми силами и средствами национальных культур освободившихся от капитализма наций, при осуществлении последовательной пролетарской линии в деле развития содержания этих культур, всемерного содействия хозяйственному, политическому и культурному росту прежде угнетенных областей и окраин, бывших ранее царскими колониями, в направлении социалистического их преобразования.

Для характеристики отношения основных руководящих республик к лишенным свободы нацменам достаточно привести следующие пункты из постановления состоявшегося в феврале 1931 г. Всероссийского совещания по массово-производственной и культурной работе в местах заключения:

а) Нацменов из трудящихся, содержащихся в общих местах заключения, не выделенных в административные единицы национальных районов, сконцентрировать в определенных культурных и промышленных пунктах, в наиболее с производственной стороны благоустроенных местах заключения, где они могли быть обслужены всеми видами культурно-бытовой работы на родном языке и получить производственную квалификацию по тем разделам промышленности, которая сейчас развивается в окраинных национальных республиках и областях.

б) Усилить фонды ассигнований на массово-производственную и

[1] «Правда» от 22/XII 1932 г., № 352.

культработу в местах заключения национальных автономных республик и областей за счет перераспределения соответствующих ассигнований по бюджету мест заключения РСФСР без национальных объединений.

в) Периодически созывать совещания руководителей союзных и автономных управлений по проработке национальных вопросов исправительно-трудовой практики. Одновременно установить статистическую и письменную связь по этим вопросам.

В местах лишения свободы РСФСР, в которых имеются хотя бы небольшие группы лишенных свободы нацменов, вся политико-воспитательная работа с ними проводится на национальных языках. На национальных языках происходит ликвидация неграмотности, работают кружки, выходят стенгазеты, организуются библиотеки. Специальные средства выделяются на организацию курсов и школ профтехнического образования для нацменов.

В исправительно-трудовых учреждениях, находящихся в национальных республиках и областях, исправительно-трудовая политика проводится на точно таких же принципах, что и во всем СССР, с тем, что лишенные свободы нацмены так же не ощущают какого-либо национального неравенства в местах лишения свободы, как не ощущают они его и вне тюремных стен. В Таджикистане, вместо прежних зинданов, имеются уже исправительно-трудовые учреждения, организованные на общих принципах советской исправительно-трудовой политики. Два учреждения расположены в европейского типа зданиях, остальные — в зданиях местного типа. В каждом исправительно-трудовом учреждении проводится политико-воспитательная работа, имеются школы, кружки, библиотеки, кино и радио.

В 1932 г. в исправительно-трудовых учреждениях Таджикистана более тысячи лишенных свободы ликвидировали свою неграмотность; состоялись выпуски шоферов и трактористов. В сельскохозяйственных колониях лишенные свободы получают соответствующую специальность в области сельского хозяйства и промышленности.

Аналогичную картину мы видим и в других национальных республиках. Нет ни одной национальной советской республики или области, в которой — и в частности, в исправительно-трудовых учреждениях которой — не были бы решительно ликвидированы остатки национального угнетения и бесправия, бывшие для царского правительства основным законом национальной политики и в тюрьмах и за тюремными стенами. Нет ни одной национальной советской республики или области, где при осуществлении исправительно-трудовой политики не велась бы беспощадная борьба с попытками классового врага раздувать и использовать пережитки национальной розни, со всякими проявлениями великодержавного шовинизма как главной опасностью и местного национализма. На основе правильного проведения ленинской национальной политики нацмены выдвигаются на руководящую работу в исправительно-трудовых учреждениях, расположенных в национальных республиках и областях.

Но если то, что уже сделано в исправительно-трудовой политике в национальном вопросе, являет разительный контраст с кошмарной тю-

ремной действительностью царской России и представляет собою яркий образчик освобождения пролетарской революцией от гнета великодержавных эксплоататоров наций, находившихся до того в угнетении, то достигнутые результаты не могут быть еще признаны удовлетворительными с точки зрения задач эпохи вступления в социализм.

Вторая пятилетка должна привести с собой дальнейшее расширение и углубление работы с нацменами в местах лишения свободы. Усиление классового сопротивления эксплоататоров делу социализма требует на окраинах особой классовой бдительности и от исправительно-трудовых органов. Задача политического, культурного и трудового воспитания трудящихся нацменов еще более вырастает после исторических решений XVII партконференции. Необходимо с еще большей энергией мобилизовать рабочую и колхозную общественность вокруг проведения ленинской национальной политики в местах лишения свободы. Необходимо, чтобы и работа с нацменами в исправительно-трудовых учреждениях дошла до такой степени, которая находилась бы в соответствии с успехами ленинской национальной политики в национальных республиках и областях, констатированными XVII партконференцией. Конференция отметила, что «быстрый рост социалистического хозяйства в период второй пятилетки в национальных республиках и областях обусловливает изживание экономической и культурной отсталости национальностей, унаследованной от царского колониального режима.

Вторая пятилетка — это пятилетка искоренения в СССР последних остатков капитализма в экономике и сознании людей, пятилетка великих задач построения бесклассового общества. Но это не означает ослабления классовой борьбы. В отдельных районах и на отдельных участках социалистического строительства неизбежно в течение второй пятилетки обострение классовой борьбы. Именно в силу этого в гигантском процессе социалистического строительства и в новых условиях второй пятилетки роль исправительно-трудовых учреждений как органов пролетарской диктатуры не только не ослабевает, но, наоборот, вырастает. Органы репрессии пролетарского государства и вместе с тем органы воспитательные, орудия принуждения и в то же время проводники убеждения, ставящие своей задачей и принуждение и воспитание,— они должны эти противоречивые и в то же время внутренне неразрывно между собой связанные задачи так проводить в жизнь, чтобы «ни в коем случае не притуплять острие карательной политики» и в то же время еще решительнее «повернуться лицом к повседневной практике социалистического строительства, усилить элементы воспитания во всей работе, шире развернуть общественное и исправительно-трудовое воздействие» (П о с т ы ш е в).

Это значит, что в эпоху вступления в социализм роль исправительно-трудовых учреждений, как орудия пролетарской диктатуры, как органа репрессии, как средства принуждения и воспитания должна еще более возрасти и усилиться. Но это значит также, что возрастает удельный вес воспитательного начала в деятельности исправительно-трудовых учреждений, что расширяются пределы его применения, что убеждение

как метод исправительно-трудового воздействия приобретает еще большее значение, еще более расширяет сферу своего влияния.

Эпоха вступления в социализм будет и для исправительно-трудовых учреждений напряженной борьбой за дальнейшие успехи социалистического строительства, за окончательное искоренение остатков капитализма в экономике и сознании людей, за превращение их в сознательных строителей бесклассового социалистического общества, за переход к бесклассовому обществу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие — **А. Вышинский** 5

А. Эстрин и **В. Трахтерев**
Развитие советской исправительно-трудовой политики как части советской уголовной политики 17

М. Кесслер и **В. Олейник**
Труд в исправительно-трудовых учреждениях СССР 72

К. Липтин
Сельскохозяйственные колонии для лишенных свободы 135

В. Музыкант
Ликвидация неграмотности и малограмотности среди лишенных свободы 143

В. Музыкант и **А. Халецкий**
Проф.-техническое образование лишенных свободы 150

Д. Стельмах
Библиотечная работа в исправительно-трудовых учреждениях СССР 162

М. Гриневский
Театр, музыка, пение, кино и радио в местах лишения свободы 173

Д. Стельмах
Органы самодеятельности в местах лишения свободы 184

Е. Френкель и **Д. Стельмах** — Товарищеские суды 192

Б. Утевский — Режим 204

А. Шестакова — Печать в местах лишения свободы 248

А. Шестакова
Принципы организации исправительно-трудовых учреждений для молодежи 309

А. Шестакова и **Б. Утевский**
Женщина в исправительно-трудовых учреждениях 350

Н. Спасокукоцкий и **З. Быховский**
Медико-санитарное дело в местах лишения свободы 367

Н. Дурманов — Наблюдательные комиссии 376

А. Блауберг — Органы управления 409

Ю. Бехтерев и **Е. Любимова**
Борьба за кадры в исправительно-трудовом деле 415

И. Апетер
Исправительно-трудовая политика эпохи вступления в социализм 429

Общая редакция сборника
А. Я. Вышинского

Подготовил к печати редактор
Л. Г. Фогелевич

Художник **С. Н. Мельников**

Переплет работы **К. Д. Масляного**

Технические редакторы
Я. Я. Бычков, Л. Т. Васильев

Бригада корректоров
П. М. Гершевич, Н. А. Куликова, А. М. Маркова, А. Г. Полонская, В. Н. Холмогорова

I квартал 1934 г. № 148. С—3. Сдано в производство с 11/VIII-1933 г. по 1/XII-1933 г., подписано к печати 5/I-1934 г. Печ. листов $32^1/_2$. Формат 62×88 $^1/_{16}$. В 1 печатном листе 50400 знаков.

Набор и печать текста выполнены типо-литографией им. Воровского (ул. Дзержинского, 18). Меццо-тинто работы 7 типографии Мособлполиграфа „Искра революции" (Филипповский пер., 13).

Переплетные работы выполнены 1 типографией ОНТИ (Денисовский пер., 30)

Уполном. Главлита № В 75263. Наряд 700. Тираж 8500.

Важнейшие замеченные опечатки

Страница	Строка	Напечатано:	Должно быть:
19	2 снизу	XII	XXII
22	19 „	пероида	периода
22	14 „	перестройки,	перестройки
33	3 сверху	основную	как основную
34	11 „	1925	1926
58	7 снизу	бесплановости	бесплатности
65	15 „	необходимость	из виду необходимость
74	16 сверху	возможным	возможность
81	1 снизу	aw	law
87	26 „	дополняют	дополняет
94	3 и 9 снизу	стр.	ст.
97	4 снизу	330	329
101	4 „	основной	новой
101	1 „	ст. 41	ст. 4
102	12 сверху	Задача	Задачи
103	3 снизу	осуществила	осуществляла
103	1 „	29 мая	24 мая
104	5 „	29 мая	24 мая
107	1 сверху	из	только из
111	13 снизу	«работ	«рабочих
122	1 „	1931	1932
123	4 „	№ 7 от 1 августа 1931 г.	№ 12 от 30 апреля 1932 г.
123	3 „	июля	июня
124	17 сверху	ее	за
124	2 снизу	20	22
126	1 „	1932	1931
131	19 сверху	Арматурник	Арматурщик
132	3 снизу	1931	1932
145	22 „	революции	резолюции
171	21 „	Ураинской	Украинской
175	4 сверху	средном	среднем
179	21 „	приурочивается	приурочиваются
179	4 „	побегах	бегах
182	1 снизу	преступлений	преступности
183	21 сверху	эта	эти
183	24 „	эстетиза	эстетизма
206	13 „	теорией	теории
236	14 снизу	действительности	действительностью
237	15 сверху	два	«два
237	16 снизу	сознания	сознания»
252	5 „	ЗЗаубера	Заубера
265	13 „	дискиссия	дискуссия
265	3 „	нашей	вашей
268	14 сверху	Пролетарской	Пролетаркой
310	2 снизу	стр. 494	т. V, стр. 494
315	15 сверху	стических партий	стической партии
318	5 снизу	Jurwey	Surwey
320	22 „	сады	суды
336	7 „	являлись	являлось
340	8 сверху	перестройке	постройке
352	3 снизу	Вилюйская	Виленская
376	2 „	доминирующее	донимающее
377	23 „	доминирующего	донимающего
382	3 „	Там же	Также
417	14 сверху	первое	«первое
420	22 „	антропологию	антропогогику

